

ЕМЕЛЪЯН ПУГАЧЕВ НА СЛЕДСТВИИ

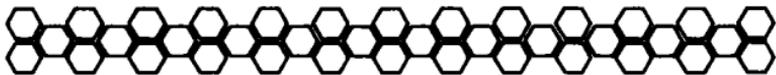
ЕМЕЛЪЯН
ПУГАЧЕВ
НА СЛЕДСТВИИ

STUDIA HISTORICA

**Е. И. Пугачев в тюремной камере
в дни следствия над ним осенью 1774 года
Гравюра впервые воспроизведена А. С. Пушкиным
в книге «История Пугачевского бунта» (СПб., 1834).**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ НА СЛЕДСТВИИ

Сборник документов
и материалов

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1997

ББК 63.3(2)46
Е 60

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 97-01-16235

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН
В. И. Буганов

Ответственный исполнитель,
автор введения и примечаний
доктор исторических наук
Р. В. Овчинников

Составители:
Р. В. Овчинников, А. С. Светенко

Е 60 Емельян Пугачев на следствии: Сборник документов и материалов / Отв. исполнитель Р. В. Овчинников. — М: «Языки русской культуры», 1997. — 464 с., 2 илл.

ISBN 5-7859-0022-X

В сборнике впервые в полном комплексе публикуются протоколы следственных показаний предводителя Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России Е. И. Пугачева. Они освещают события с позиции предводителя крупнейшего антифеодального выступления, отображают ход следствия, а также содержат уникальные данные биографии Пугачева. Сборник снабжен комментариями, указателем имен.

Книга предназначена для ученых-юристов, историков, а также тех, кто интересуется русской историей и историей российского государства и права.

ББК 63.3(2)46

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книго-торговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0022-X

© Р. В. Овчинников, 1997

ВВЕДЕНИЕ

В сборнике впервые в полном объеме публикуются протоколы следственных показаний Емельяна Ивановича Пугачева, предводителя Крестьянской войны 1773—1775 годов — крупнейшего в феодальной России стихийного вооруженного выступления народа против крепостнического угнетения. Прежде чем охарактеризовать публикуемые в сборнике документы и подробно осветить ход следствия и судебного процесса над Пугачевым, следует привести сведения о социально-политической обстановке в России накануне Крестьянской войны и о крупнейших событиях этого грандиозного народного выступления.

Ареной Пугачевского движения стала обширная территория юго-востока страны. Им были охвачены районы Урала, Западной Сибири и Поволжья. В рядах восставших сражались десятки тысяч людей: крестьяне, казаки, мастера-вые и работные люди, представители податных слоев горожан. Кроме русских здесь были башкиры, татары, калмыки, удмурты, марийцы, чувашаи, мордва и казахи.

Канун Крестьянской войны отмечен углублением классовых антагонизмов. Крепостническое угнетение и произвол затронули все категории сельского населения: помещичьих, экономических, приписных, дворцовых, ясачных, и др. крестьян. Внутренняя политика правительства Екатерины II, направленная на укрепление диктатуры дворянства и дальнейшее упрочение феодальных порядков, сопровождалась усилением социального и национального угнетения нерусских народностей Поволжья и Урала. Жесткий курс стал проводиться правительством и в отношении казачества. В Донском, Волжском, Терском и Яицком казачьих войсках вводилось «регулярство» с постоянной и обременительной для казаков службой, постепенной ликвидацией старинных казачьих прав.

Свидетельством накала классовых противоречий в стране явилась волна народных выступлений 1760-х — начала 1770-х годов, в которых приняли участие несколько сотен тысяч помещичьих, монастырских и приписных крестьян, мастеровых и работных людей заводов и фабрик. Волнения

затронули калмыков, башкир и другие народности Заволжья, Прикамья и Урала. В сентябре 1771 г. вспыхнуло восстание городских низов в Москве («Чумной бунт»). В 1772 г. произошли волнения казаков волжских и донских станиц.

Крупнейшим среди выступлений того времени было казачье восстание, вспыхнувшее в январе 1772 г. на берегах Яика (ныне р. Урал). Восстание казаков было направлено против старшинской верхушки Яицкого казачьего войска и оренбургской губернской администрации. В течение пяти месяцев восставшие удерживали в своих руках Яицкий городок (ныне г. Уральск). Правительство Екатерины II послало армейскую карательную экспедицию, которая разгромила повстанческое войско в боях 3—4 июня 1772 г.

Яицкие казаки не смирились с поражением восстания и искали возможность начать новое вооруженное выступление. «Все предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался»¹. Им стал беглый донской казак Емельян Иванович Пугачев (1742—1775). Ему многое пришлось повидать и испытать в жизни. Уроженец Зимовейской станицы, он рано начал казачью службу, участвовал в Семилетней войне (в кампаниях 1761—1762 гг.), а в 1768—1770 гг. — в Русско-турецкой войне, был произведен в чин хорунжего. За время службы Пугачев побывал во многих местах Европейской России, на Украине, в Польше, Восточной Пруссии и в Бессарабии. Будучи человеком свобододобивым и предприимчивым, он с годами стал тяготиться доставшейся ему судьбой и, наконец, решившись, оставил службу, родную станицу и семью и отправился на поиски лучшей доли и вольной жизни. В конце 1771 г. Пугачев бежал с Дона на Северный Кавказ, на берега Терека. Месяц спустя казаки трех терских станиц выбрали его своим атаманом и он, как человек бывалый, вызвался выполнить их поручение — отправиться в Петербург и выхлопотать в Военной коллегии выплаты жалованья. В начале февраля 1772 г. Пугачев отправился в путь, но был схвачен под Моздоком и заключен на гауптвахту, откуда вскоре бежал на Дон. В Зимовейской станице он был арестован как беглец, уклонявшийся от службы, и отправлен для дознания в Донскую войсковую канцелярию в Черкасск. В дороге он

¹ Пушкин А. С. История Пугачева // Полн. собр. соч. Л., 1938. Т. 9. Кн. 1. С. 12.

бежал от сопровождавшего его конвойного казака. Весну и лето 1772 г. Пугачев провел в старообрядческих селениях под Гомелем и Брянском. Затем он явился в комендантскую канцелярию Добрянского пограничного форпоста, назвав себя выходцем из Польши и раскольников. 12 августа Пугачев получил соответствующий паспорт, предоставивший ему право на проживание в заволжских старообрядческих селениях у реки Большой Иргиз, куда вскоре и отправился. Пугачев легко сходился с людьми, которые встречались ему в странствиях, привлекая своей энергией, находчивостью и смелостью, красочными рассказами о себе самом — частью достоверными, а частью вымышленными, — зажигал страстной жадной лучшей жизни. Некоторые из этих людей стали его сотоварищами по беспокойной жизни. Осенью 1772 г. Пугачев появился на Волге и Иргизе, а в ноябре побывал в Яицком городке, где разузнал о многих подробностях недавнего восстания на Яике, о репрессиях, обрушившихся на казаков. Беседуя с надежными казаками, он и стал подговаривать их к побегу со всем Яицким войском на вольные земли за Кубань. Одному из этих казаков, Д. С. Пьянову, Пугачев поведал, будто он не кто иной, как сам «император Петр III», чудом избежавший смерти при дворцовом перевороте 1762 г. и с того времени скрытно — под видом купца — странствующий по зарубежью и России, чтобы, выведав нужды простого народа, прийти к нему на помощь. (Честолюбивое намерение — присвоить титул и имя покойного императора и использовать его в своих дерзких политических расчетах — не столь уж оригинальное «изобретение» Пугачева: самозванство — характерное явление для народных движений в России XVII—XVIII столетий; известно, в частности, что в 60-х — начале 70-х годов XVIII в. появилось до десяти самозванцев, выдававших себя за «Петра III», но их выступления были эфемерными и скоротечными и не обрели таких масштабов и массовой народной поддержки, каких смогли достичь Пугачев и его сподвижники.) В начале декабря 1772 г. Пугачев уехал из Яицкого городка, но слухи о побывавшем здесь неведомом человеке, то ли богатом купце, то ли «Петре III», стали распространяться среди казаков, сея надежды о скором его возвращении. Между тем Пугачев 18 декабря был арестован в Малыковке (ныне г. Вольск) по доносу его спутника по поездке в Яицкий городок раскольника С. Филиппова. Из Малыковки Пугачева отправили

под конвоем в Казань, куда он был доставлен 4 января 1773 г., и заключен в тюрьму. Следствие над ним производилось в Казанской губернской канцелярии. Дело по обвинению Пугачева в действиях, направленных на то, чтобы склонить яицких казаков оставить службу и увести с собою за рубеж страны, в Закубанье, было послано на решение в Петербург, в Тайную экспедицию Сената. По ее определению Пугачева должны были наказать плетьюми и сослать на каторжные работы в зауральский город Пелым. Однако приговор запоздал. Он был получен в Казани 1 июня 1773 г. — три дня спустя после бегства Пугачева. Поиски сбежавшего арестанта не увенчались успехом. Власти и специально посланные розыскные команды взяли под контроль все те места, где мог бы укрыться беглец, но не догадались включить в зону поиска область Яицкого казачьего войска, а именно туда и направился Пугачев после побега из Казани. В конце июля 1773 г. он явился на находившийся в 60 верстах от Яицкого городка степной Таловый умет (постоялый двор) и при содействии уметчика С. М. Оболяева стал искать контактов с лидерами мятежного казачества, которые могли бы взять на себя подготовку вооруженного восстания на Яике. Такие контакты вскоре были установлены, и Пугачев обрел среди первых явившихся на его зов казаков верных и решительных единомышленников². В августе — первой половине сентября 1773 г. Пугачев с первыми своими сторонниками (И. Н. Зарубиным, М. Г. Шигаевым, Д. К. Караваевым, Т. Г. Мясниковым и др.) обсуждал планы предстоящего вооруженного выступления. На этих встречах было обращено особое внимание на политические вопросы движения. Казаки-заговорщики после некоторых колебаний согласились признать Пугачева «императором Петром III», поскольку усматривали в его самозванстве выгоды для дела восстания. Для большинства казаков оно открывало возможности борьбы за восстановление старинных казачьих привилегий (выборы на казачьих кругах атаманов и старшин, справедливый порядок распределения войсковых доходов и др.), систематически ущемляемых центральной властью при поддержке войсковой старшины. Пугачев, несомненно, рассчитывал на то, что и крестьяне примут желанную волю и землю с большим доверием от «законного» «императора и самодержца Всероссийского»,

² См.: Буганов В. И. Пугачев. М., 1984. С. 5—71.

нежели от беглого донского казака. В условиях XVIII в., при господстве в психологии народа патриархальных, наивно-монархических представлений и иллюзий, самозванство Пугачева — новоявленного «Петра III» — явилось средством, облегчавшим вовлечение социальных низов в восстание, как в законную борьбу против узурпаторши верховной власти — Екатерины II и ее пособников дворян — душителей народной вольности. Поддержка казачьего выступления крестьянством могла, по замыслу Пугачева, обеспечить успех восстания. И сам Пугачев, и ближайшие его сторонники, высказываясь за ориентацию на крестьянство, как на союзника казачества в предстоящем выступлении, учитывали, конечно, уроки казачьего восстания 1772 г. на Яике, поражение которого было обусловлено просчетами его предводителей, придерживавшихся оборонительной тактики и не успевших установить связи с другими антикрепостническими социальными силами, прежде всего с крестьянством.

Наличие при подготовке казачьего выступления 1773 г. сплоченной и решительной группы заговорщиков, своеобразного повстанческого центра, который наметил, правда, в весьма общих чертах, решение ряда вопросов политического и военного характера, — свидетельство заметной зрелости Пугачевского движения в сравнении с предшествовавшими ему стихийными народными выступлениями XVII—XVIII вв., учитывая не только крестьянские и городские восстания, но и крестьянские войны того времени.

В середине сентября 1773 г. Пугачев завершил приготовление к восстанию. Собранный им отряд повстанцев насчитывал до 80 яицких казаков. 17 сентября Пугачев объявил первый свой указ, которым пожаловал казаков старинными казачьими вольностями и привилегиями. 18 и 19 сентября повстанцы дважды подступали к Яицкому городку, обороняемому крупным гарнизоном, но, не имея артиллерии, не отважились на его штурм. Отсюда Пугачев повернул на восток и, следуя правым берегом Яика, направился к Оренбургу. В течение двух недель он овладел Илецким городком, крепостями Рассыпной, Нижне-Озерной, Татищевой и, обойдя Оренбург с севера, вступил к востоку от него в Каргалинскую слободу, Сакмарский городок и Бердскую слободу. В этих укрепленных селениях Пугачев пополнил свое войско казаками, татарами и калмыками, захватил пушки, ручное оружие, боеприпасы и провиант.

5 октября повстанцы подошли к Оренбургу, блокировали его, имея в своих рядах до 2500 бойцов при 20 пушках, и держали этот губернский центр в осаде около полугода, до конца марта 1774 г.

Слухи о появлении под Оренбургом новоявленного «Петра III», о боевых успехах его войска вызвали волнения в селениях помещичьих и заводских крестьян, среди нерусского населения Оренбургской губернии. Пугачев и его ближайшие сподвижники решили использовать благоприятно складывавшуюся обстановку в интересах дальнейшего развертывания восстания. В октябре и ноябре 1773 г. из повстанческого центра, образовавшегося под Оренбургом, направлены были посланцы с указами Пугачева, адресованными русским помещичьим и заводским крестьянам, мастерам, горожанам, башкирам, татарам, калмыкам и казакам. Этими указами предводитель восстания призывал народ перейти на сторону «Петра III» и поставить в его войско годных к военной службе людей, обещал пожаловать верноподданных вечной волей, землей и иными благами; одновременно он объявлял об освобождении народа от присяги и подданства Екатерине II, о ликвидации ее администрации и крепостнических порядков. Пугачевским эмиссарам и всем, получившим указы «Петра III», поручалось фактическое их исполнение в соответствии с конкретными нуждами и требованиями населения того или иного района. И население широко пользовалось этими правами; люди выходили из подчинения властям и помещикам, отказывались от выплаты подушной подати, оброчных платежей и ясачных сборов, от поставки рекрутов и от несения различного рода повинностей³. Восставшие создавали свои выборные административные органы — станичные и земские избы. Выступление Пугачева, начавшееся как казачий мятеж, постепенно утрачивая узкословную окраску, вылилось в Крестьянскую войну, поскольку крестьянство становилось массовой социальной силой движения, а помыслы, интересы и требования крестьян стали доминировать в манифестах и указах Пугачева и в воззваниях его атаманов.

В первые два месяца Крестьянской войны под власть повстанческого центра перешла значительная часть Оренбургской губернии с сотнями селений. В октябре — ноябре

³ См.: Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева (Историко-ведческое исследование). М., 1980. С. 23—62.

1773 г. к восстанию примкнули приписные крестьяне и работные люди 20 металлургических заводов Южного Урала⁴. В лагерь Пугачева под Оренбург шли тысячи добровольцев. Крестьяне везли сюда продовольствие и фураж, с уральских заводов доставлялись пушки и боеприпасы. В конце октября 1773 г. повстанческое войско возросло до 10 тыс. чел — конных и пехоты, имело на вооружении около 60 пушек.

Получив первые донесения о крупных успехах Пугачева и видя неспособность местной администрации своими силами подавить восстание, правительство Екатерины II в середине октября 1773 г. сформировало карательную экспедицию во главе с генералом В. А. Каром, вверив ему и армейские соединения, и гарнизонные команды Казанской губернии. В начале ноября Кар выступил со своим корпусом к Оренбургу, но в ста верстах от него, у деревни Юзеевой, 9 ноября потерпел поражение в боях с отрядами пугачевских атаманов А. А. Овчинникова и И. Н. Зарубина и поспешно отступил к Бугульме. В том же месяце повстанцы разгромили вблизи Оренбурга карательные военные соединения, следовавшие из Симбирска (корпус полковника П. М. Чернышева) и из Тобольска (команда майора Е. Заева).

В ноябре — декабре 1773 г. восстание охватило Южный Урал (в границах Оренбургской губернии), юго-восточную часть Казанской губернии, северо-запад Казахстана, приблизилось к районам Среднего Урала, Прикамья, Зауралья и Западной Сибири⁵. В начале ноября на сторону Пугачева перешло до тысячи башкир из отряда, направленного на помощь осажденному Оренбургу. Среди этих башкир был старшинский сын Салават Юлаев, возглавивший впоследствии повстанческое движение в Башкирии. В ноябре к восстанию присоединились башкирские селения, заводы и казачьи крепости Уфимской и Исетской провинций. 26 ноября повстанческие отряды блокировали Уфу. В начале декабря туда прибыл атаман И. И. Зарубин, который, обосновавшись в селе Чесноковке, взял на себя командование отрядами, осаждавшими Уфу, и предводительство повстанческим движением в Башкирии, Прикамье, на Среднем Урале, в

⁴ См.: Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С. 234—274, 328—330.

⁵ См.: Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1966. Т. 2. С. 133—391.

Зауралье и Западной Сибири. Благодаря решительным действиям Зарубина и его помощников И. Н. Грязнова, Г. Туманова и других атаманов в декабре 1773 г. поднялись на восстание крестьяне и работные люди 18 заводов Южного Урала и Прикамья⁶.

В конце ноября Пугачев направил атамана И. Ф. Арапова на Самарскую дистанцию укреплений для организации повстанческого движения и захвата провианта в помещичьих имениях. В ходе выполнения этого задания Арапов овладел крепостями Бузулуцкой, Борской и Красносамарской, Алексеевским городком, а 25 декабря вступил в Самару. В начале декабря в поход к низовьям Яика отправился казачий отряд пугачевского атамана М. П. Толкачева. Выйдя к Яику, Толкачев направился на север, овладел крепостями Кулагиной, Калмыковой, Сахарной и 30 декабря вступил в Яицкий городок, блокировав расположенную в центре его городовую крепость, где укрылся гарнизон. Повстанцы держали эту крепость в осаде до середины апреля 1774 г.

Основной вооруженной силой восставших было Главное войско Пугачева под Оренбургом, состоявшее из нескольких десятков конных и пехотных полков, в которых к началу декабря 1773 г. насчитывалось до 25 тыс. чел. и 86 пушек. Полки (до 400 чел. в каждом) строились по сословному, национальному и территориальному происхождению повстанцев (полки яицких, оренбургских, исетских и др. казаков, полки помещичьих, государственных, заводских крестьян и мастеровых, башкирские, калмыцкие и татарские полки, а также полки из пленных и отставных солдат). Повстанческая артиллерия состояла в основном из трофейных орудий, помимо того восставшие наладили на Воскресенском, Саткинском и Авзяно-Петровском заводах производство пушек, мортир, гаубиц и припасов к ним (ядер, гранат и картечи). Для управления своим войском Пугачев в середине ноября 1773 г. учредил Военную коллегия, назначив в нее «судьями» А. И. Витошнова, М. Г. Шигаева, Д. Г. Скобычкина и И. А. Творогова, «думным» дьяком И. Я. Почиталина, секретарем М. Д. Горшкова. Военная коллегия занималась вопросами обеспечения пугачевского войска артиллерией, оружием, боеприпасами, провиантом и фуражом, поддерживала оперативную связь с другими очагами повстанческой борьбы, большое внимание уделяла

⁶ См.: Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 234—293, 330—332.

организации производства артиллерийских орудий и снарядов к ним на уральских заводах. На секретарский аппарат Военной коллегии были возложены составление и рассылка указов Пугачева. Важную роль в руководстве движением играла Секретная дума при Пугачеве, куда входили А. А. Овчинников, А. П. Перфильев, Кинзя Арсланов и другие ближайшие к предводителю восстания люди.

Огромное воздействие на подъем повстанческого движения оказывали манифесты и указы Пугачева, которые все более эволюционировали в сторону учета радикальных требований народа, прежде всего крестьянства. Правительственная противопугачевская пропаганда, направленная на политическую, моральную и церковную дискредитацию Пугачева и его сторонников, не приносила ожидаемых результатов, а потому администрация Екатерины II сосредоточила главное внимание на подготовке и проведении крупномасштабной военной экспедиции против восставших⁷.

Руководство карательной акцией было поручено новому командующему— генералу А. И. Бибикову, назначенному на этот пост 29 ноября 1773 г. В его войско вошли 8 полков кавалерии и пехоты, 4 легких полевых команды, 3 полка украинских и донских казаков, гарнизонные и полевые команды Казанской и Тобольской губерний и находившийся в Бутульме корпус генерала Ф. Ю. Фреймана. На продвижение войска Бибикова к Казани, Симбирску и Самаре ушло более месяца, и они встретились с авангардными отрядами восставших лишь в самом конце декабря 1773 г. и в начале января 1774 г.

Между тем в начале 1774 г. в районах, отдаленных на десятки и сотни верст от места сосредоточения войска Бибикова, отряды повстанцев добились крупных успехов. В январе 1774 г. они овладели рядом селений, крепостей и заводов в Пермской провинции, осадили Кунгур, в предместьях которого развернулись ожесточенные бои с гарнизоном города. В начале января из-под Кунгура повел наступление на восток отряд атамана И. Н. Белобородова. Следуя по Сибирскому тракту, он овладел рядом крепостей и заводов и, выйдя к Екатеринбург, держал его в блокаде до середины февраля 1774 г. Успешно действовали в горнозаводском районе Южного Урала отряды И. Н. Грязнова и дру-

⁷ См.: Овчинников Р. В. Указ. соч. С. 93—100.

гих атаманов. 8 февраля Грязнов вступил в Челябинск и в течение двух месяцев удерживал его в своих руках. Активные действия Белобородова, Грязнова, Туманова и других атаманов, проводимая ими антикрепостническая пропаганда вовлекли в январе 1774 г. в восстание приписных крестьян и мастеровых 26 заводов Среднего и Южного Урала⁸.

В январе-феврале 1774 г. развернулось повстанческое движение в Зауралье и Западной Сибири. Отряды М. Ражева, А. Ерусланова, С. Новгородова и других атаманов держали в осаде Шадринск, Ирбит и Далматов монастырь, в конце февраля заняли Курган.

Некоторых успехов удалось достичь пугачевским отрядам в январе 1774 г. в Закамье и Заволжье, где они на время овладели Заинском и Ставрополем. Казачий отряд атамана А. А. Овчинникова 25 января штурмом взял Гурьев — городок в низовьях Яика. В зоне действий Главного войска восставших, под Оренбургом, атаманы Пугачева одержали победу в полевом сражении, развернувшемся 13 января у Бердской слободы. 16 февраля отряд атамана А. Т. Соколова-Хлопуши штурмовал крепость Илецкая Защита и овладел ею.

Однако с января 1774 г. в связи с начавшимся наступлением войска генерала Бибикова общая военная обстановка стала складываться не в пользу Пугачева. Все отчетливее сказывались слабые стороны народного движения — его стихийность и разобщенность. Несмотря на предпринимаемые усилия, их не смогли преодолеть вожаки восстания во главе с Пугачевым и его Военной коллегией. Отсутствие целенаправленного стратегического плана, слабая связь с отдаленными очагами повстанческой борьбы привели к тому, что Военная коллегия не смогла наладить надежного руководства действиями отрядов на всей территории Крестьянской войны. Занятый затяжной осадой Оренбурга и Яицкого городка, Пугачев отказался от похода с Главным своим войском в Поволжье, что, несомненно, сузило массовую социальную базу восстания, лишив его десятков тысяч сторонников из числа крепостных крестьян, готовых к выступлению. Отказ Пугачева от похода к Волге дал возможность правительству выиграть время для переброски карательных войсковых соединений к западной границе восстания.

Первой повела наступление южная группа войска Бибикова. Передовые части корпуса генерала П. Д. Мансурова,

⁸ См.: Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 234—293, 332—337.

подойдя к Самаре, 29 декабря 1773 г. разбили отряды атамана И. Ф. Арапова, вынудили его оставить город, а затем нанесли ему поражение в боях у Алексеевска и Бузулука.

В первой половине января 1774 г. выступила в поход северная группа войска Бибикова. Авангардные соединения генералов П. М. Голицына и Ф. Ю. Фреймана, развернув карательные операции в Прикамье и Заволжье, нанесли поражения повстанческим отрядам в боях под Заинском, Мензелинском и Нагайбацкой крепостью, а затем направились на юго-восток, к Самарской дистанции с тем, чтобы, соединившись там с корпусом Мансурова, идти далее к Оренбургу. Часть сил Голицын отправил к Кунгуру и к Уфе. Команда майора Д. О. Гагринананесла поражение отрядам Салавата Юлаева в боях под Кунгуром и Красноуфимском, после чего повстанцы отошли на юг, за реку Уфу. В конце февраля — начале марта Гагрин разбил отряды атамана И. Н. Белобородова в боях под Уткинским и Каменским заводами, а 12 марта у Каслинского завода.

В марте 1774 г. активизировались действия карателей в Западной Сибири и Зауралье. Команды генерала И. А. Деколонга нанесли поражения повстанческим отрядам в боях под Пуховой и Иковой слободами, а потом и в ряде других пунктов. Немногие уцелевшие в ходе боев повстанческие отряды и группы ушли на запад, в центральные районы Исетской провинции.

Между тем главные военные силы карателей, корпуса генералов Голицына, Мансурова и Фреймана соединились, вступив 10 марта в Сорочинскую крепость, готовились к маршу на Оренбург и решительному сражению с Пугачевым.

Вел свои приготовления и Пугачев. Он избрал местом для предстоящего сражения Татищеву крепость, куда привел из-под Оренбурга наиболее боеспособные части Главного своего войска, а также отряды из Яицкого и Илецкого городков. В рядах пугачевского войска, изготовившегося к сражению, находилось до 10 тысяч конников и пехотинцев и 36 пушек.

Утром 22 марта карательное войско, находившееся под общим командованием генерала Голицына (до 6500 чел. конницы и пехоты с 25 пушками), подошло к Татищевой крепости. Битва началась артиллерийской дуэлью, после чего штурмующие колонны пошли на приступ, с большим трудом овладели валами крепости и ворвались на ее улицы.

Сражение продолжалось около шести часов, повстанцы дрались с невиданным мужеством и упорством, отбивая одну атаку за другой, и уступили неприятелю, исчерпав все свои силы. Когда исход битвы был предрешен, Пугачев, следуя совету атамана А. А. Овчинникова, бежал с близкими людьми (И. Я. Почиталиным, В. С. Коноваловым, Е. П. Кузнецовым и Г. С. Бородиным) в Бердскую слободу. В битве у Татищевой крепости Пугачев потерял до 2500 чел. убитыми и около 4000 пленными.

23 марта Пугачев оставил Бердскую слободу, взяв с собой отборную часть своего войска, до 2 тысяч конников, намереваясь пройти неприметными степными шляхами к Яицкому городку, но, натолкнувшись вблизи Переволоцкой крепости на неприятельские разъезды, повернул на восток и вышел к Сакмарскому казачьему городку. Там до него дошла весть о том, что в битве под Уфой 24 марта корпус подполковника И. И. Михельсона нанес поражение «Второй армии» восставших — отрядам атамана И. Н. Зарубина. (Четыре дня спустя, 28 марта, карателям удалось схватить под Табынском Зарубина и его соратников — И. И. Ульянова, С. П. Толкачева и др.)

Достигнув Оренбурга, генерал Голицын утром 1 апреля выступил в поход, имея под своим командованием до 6000 чел. пехоты и конницы и до 20 пушек. На дороге к Сакмарскому городку каратели натолкнулись на Пугачева, который вступил в бой, имея в своем войске до 4000 конников и пехотинцев с 9 пушками. В развернувшемся сражении повстанцы оказали упорное сопротивление, не раз переходили в контратаки. Но перевес неприятеля в силах, особенно в кавалерии, двойное его превосходство в артиллерии, предрешил исход сражения. На поле боя пали 400 повстанцев. Каратели захватили в плен около 3000 человек, в их числе были Т. И. Подуров, А. И. Витошнов, И. Я. Почиталин, М. Д. Горшков и другие видные соратники Пугачева; неделю спустя в Илецком городке были схвачены М. Г. Шигаев и Т. Г. Мясников. Преследуемый неприятельской конницей, Пугачев с пятью сотнями казаков, башкир и заводских крестьян бежал на северо-восток к селу Ташла. Так закончился первый этап Крестьянской войны и начался второй ее этап, который охватывал события, происходившие на территории Урала и Прикамья в апреле — первой половине июля 1774 г.

В первые дни апреля 1774 г. Пугачев вывел остатки сво-

его войска за излучину реки Белой, в горнозаводский район Южного Урала. В том же месяце каратели нанесли удары по ряду крупных очагов повстанческого движения. Команда майора Д. О. Гагринна, подавив сопротивление отрядов Белобородова, Туманова и других атаманов, овладела заводами севернее Челябинска и 10 апреля вступила в этот город. Крепости и слободы в восточной части Исетской провинции заняли войска генералов И. А. Деколонга и С. К. Станиславского. Корпус подполковника И. И. Михельсона разбил и разогнал разрозненные отряды и группы повстанцев вокруг Уфы; другие команды карателей «усмиряли» западные районы Оренбургской губернии. Корпус генерала Мансурова, наступая вдоль правого берега Яика, 15 апреля нанес удар отряду атамана А. А. Овчинникова в бою у реки Быковки, а два дня спустя вступил в Яицкий городок. В апреле из Оренбурга выступили команды И. Л. Тимашева и С. Л. Наумова для подавления восставших башкир в Уфимской и Исетской провинциях. Корпус генерала Фреймана тогда же был послан для преследования и разгрома Пугачева.

Однако намерение военачальников Екатерины II подавить повстанческое движение еще весной 1774 г. оказалось несбыточным. К тому же начавшееся с середины апреля таяние снегов, сопровождавшееся необычайно широким разливом рек и распутицей, затрудняло, а порой и совершенно останавливало движение карательных войск. Этим счастливым обстоятельством умело воспользовался Пугачев. Он развернул энергичную деятельность по созданию нового войска, пополняя его заводскими крестьянами, башкирами и казаками, стягивая к себе уцелевшие повстанческие отряды. Весной и в начале лета 1774 г., как и в прежние месяцы восстания, существенную помощь получал Пугачев с заводов Урала и Прикамья. В общем же за все время пребывания Пугачева в этих краях (октябрь 1773 — июнь 1774 г.) его войско получило с 64 заводов около 6200 бойцов (в пересчете на численность повстанческого полка — 12 полков), около 120 пушек, свыше 340 ружей, на 90 тыс. рублей продовольствия и фуража и почти 170 тыс. рублей⁹.

Следует заметить, что мастеровые и работные люди 43 заводов Урала и Прикамья остались в стороне от восстания. Заводовладельцы и заводские конторы путем подкупа, за-

⁹ См.: Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 337.

дабривания и различных обещаний, играя на верноподданнической психологии темной массы рабочих людей, мастеровых и приписных, угрожая им репрессиями, удерживали их от общения с пугачевцами¹⁰.

В апреле 1774 г. пополнение войска Пугачева шло по пути его следования на северо-восток, через Вознесенский, Авзяно-Петровский и Белорецкий заводы. Имея у себя до двух тысяч конницы и пехоты с несколькими пушками, Пугачев 6 мая штурмом взял Магнитную крепость. На другой день его войско пополнилось отрядами атаманов А. А. Овчинникова, И. Н. Белобородова, А. Д. Ерусланова. От Магнитной крепости Пугачев повел свое войско на северо-восток, к Сибири, и в течение двух недель занял крепости Карагайскую, Петропавловскую и Степную, а 20 мая приступом взял Троицкую крепость. Утром 21 мая в развернувшейся под стенами этой крепости битве Пугачев потерпел поражение от корпуса генерала И. А. Деколонга, а на следующий день понес новые потери в бою с корпусом И. И. Михельсона под Кундравинской слободой. Положение Пугачева усугублялось тем, что к числу его преследователей присоединился майор Ф. Т. Жолобов. И все же, умело маневрируя в полуокружении преследующих войск, Пугачев пробивался на запад, постоянно пополняя свои отряды. И хотя Михельсону удалось настичь пугачевское войско у реки Ай и дважды, 3 и 5 июня, вступить с ним в бои, Пугачев, не понеся крупного урона, смог оторваться от преследования и неделю спустя — совершенно неожиданно для властей — вышел в Прикамье, где у неприятеля не было надежных военных сил.

Выход в многонаселенное Прикамье дал возможность Пугачеву, опираясь на действовавшие там отряды и группы повстанцев, беспрепятственно пополнять свое войско («Главную», или «Большую», армию) заводскими, государственными и помещичьими крестьянами, а также нерусским ясным населением (удмурты, марийцы, татары). Развертыванию повстанческого движения в районах Урала и Прикамья способствовала радикализация социальной политики ставки Пугачева, выражавшаяся во все более полном учете интересов и требований крестьянства. Дух восстания, посеянный воззваниями Пугачева и агитацией его

¹⁰ См.: Андрущенко А. И. Указ. соч. С.274—293, 338—340.

эмиссаров, охватил различные слои трудового населения Южного Урала и Прикамья.

10 июня 1774 г. войско Пугачева вступило в Красноуфимск, а на другой день направилось к Кунгуру, но вблизи Ачитской крепости встретило команду кунгурского гарнизона во главе с подполковником А. В. Папавым. Завязался бой, в ходе которого повстанцы, отбив атаки неприятеля, охватили его с флангов, сбили с занятой позиции и, усилив натиск, вынудили к отступлению. Но Пугачев отказался от дальнейшего движения к Кунгуру, а пошел на запад и 18 июня вышел к прикамскому пригородку Оса, обороняемому командой майора Ф. В. Скрипицына. В трехдневных боях гарнизон Осы сдавал одну позицию за другой и, исчерпав все возможности сопротивления, капитулировал.

После взятия Осы войско Пугачева перебралось на правый берег Камы и направилось на запад, к Казани. 22 июня Пугачев вступил в Рождественский завод, 24 июня занял Воткинский завод, а 27 июня — Ижевский завод.

11 июля 20-тысячное войско подошло к Казани и стало лагерем у села Царицына. Утром 12 июля Пугачев повел свои полки на штурм Казани, сбил неприятельские заставы в предместьях и вскоре овладел городом, не сумев, правда, взять старинного Кремля, за стенами которого укрылись войска гарнизона, губернские власти и состоятельные горожане. Начавшийся пожар, охвативший почти всю Казань, вынудил Пугачева прекратить штурм Кремля и вывести свое войско из города на Арское поле. Вечером того же дня на этом поле повстанцы вступили в бой с корпусом подполковника И. И. Михельсона, подоспевшим к Казани после многодневного марша из Уфы. В развернувшемся сражении повстанцы вынуждены были отойти с занимаемой позиции и отступить за реку Казанку. Но Пугачев не оставил намерения снова овладеть Казанью. 15 июля он повел новое наступление на Казань, вступил в битву с неприятельскими войсками на Арском поле, где потерпел сокрушительное поражение, потерял до 2000 человек убитыми, всю артиллерию и обозы; каратели взяли в плен до пяти тысяч повстанцев. Пугачев с остатками своего войска (до 400 конников) бежал глухими лесными дорогами на север, к городу Кокшайску, где повстанцы в течение двух дней, 16 и 17 июля, переправились на правый берег Волги.

С выходом Пугачева на правобережье Волги начался третий этап Крестьянской войны. Обнародование пугачев-

ских манифестов, прокламирующих освобождение крестьянства, вызвали мощный подъем повстанческого движения в правобережных уездах Казанской, Нижегородской и Астраханской губерний и в смежных с ними восточных уездах Московской и Воронежской губерний¹¹. Опираясь на многочисленные очаги крестьянских волнений, Пугачев смог быстро преодолеть тяжелые последствия поражения под Казанью, пополнить свое войско, снабдить его артиллерией и на некоторое время стать хозяином положения в Среднем Поволжье. В течение второй половины июля 1774 г. Пугачев овладел городами Цивильск, Курмыш, Алатырь и Саранск, а в августе, продвигаясь далее на юг, занял Пензу и Петровск. 6 августа Пугачев приступом взял Саратов, несколько дней спустя овладел Камышином (Дмитриевском) и Дубовкой, вышел к Царицыну, 21 августа атаковал его, но был отбит и отступил в безлюдные степи Нижней Волги.

Первые донесения о взятии Казани Пугачевым дошли в Петербург 21 июля и поначалу вызвали полную растерянность у Екатерины II и ее администрации. Но уже в ближайшие дни были предприняты энергичные шаги по организации и отправлению новой карательной экспедиции, войскам которой поручалось прикрыть Москву и центр страны от вторжения отрядов Пугачева, а затем нанести ему решительное поражение, подавляя в ходе наступления местные очаги повстанческой борьбы. 29 июля Екатерина II назначила главнокомандующим карательными силами генерал-аншефа графа П. И. Панина, вручив ему всю полноту политического, военного и гражданского управления в трех губерниях — Казанской, Оренбургской и Нижегородской, охваченных восстанием. Под командование Панина перешли как войска, действовавшие уже против Пугачева (13 пехотных и конных полков, 15 легких полевых команд и 15 гарнизонных батальонов), так и полки, спешно отправляемые с северо-западных границ империи и из действующей на Турецком фронте армии (15 пехотных и конных полков). В совокупности, как справедливо отмечала Екатерина II в письме к Панину, против Пугачева было «столько наряжено войска, что едва не страшна ли таковая армия и соседям была»¹² (имеются в виду соседние государства).

¹¹ Повстанческая борьба продолжалась и в оставленных Пугачевым районах, в Заволжье, Прикамье и на Южном Урале.

¹² Сборник Русского исторического общества. СПб., 1871. Т. 6. С.86.

Большая часть этих сил участвовала в подавлении повстанческого движения в Среднем Поволжье, завершив основные карательные операции к середине сентября 1774 г.

А за три недели до того авангардный корпус полковника И. И. Михельсона достиг 10-тысячное войско Пугачева в приволжской степи, на полпути от Царицына к Черному Яру, а атаковал его у Солениковой ватаги. Из-за предательства группы заговорщиков, старшин Ф. Ф. Чумакова, И. П. Федулева, И. А. Творогова и др., повстанцы в самом начале боя лишились артиллерии, а беспорядочное их сопротивление было вскоре сломлено атаками неприятеля с фронта и с флангов. Не принесли успеха попытки Пугачева остановить начавшееся отступление, а потом и бегство своих полков. На поле сражения Пугачев потерял до 2000 убитыми, каратели захватили в плен свыше 6000 повстанцев, взяли в числе трофеев 24 пушки и огромный обоз. В 17 верстах выше Черного Яра Пугачев с двумя сотнями казаков переправился на левый берег Волги и углубился в заволжскую степь. За Волгу, в погоню за Пугачевым, переправились во главе с генерал-поручиком А. В. Суворовым команды И. И. Михельсона и К. Г. Меллина, казачьи отряды А. И. Иловайского и М. М. Бородина, калмыцкий полк А. И. Дундукова, но дело решилось без них. После двухнедельных блужданий по степи Пугачев достиг реки Большой Узень, где 8 сентября был схвачен заговорщиками, неделю спустя доставлен ими в Яицкий городок и выдан властям.

Разгром Главного войска восставших, расправа с Пугачевым и его соратниками не означали еще того, что властям удалось полностью подавить все очаги повстанческой борьбы. До глубокой осени 1774 г. в Башкирии действовали отряды Салавата Юлаева (он был захвачен в плен в конце ноября). В конце 1774 г. и в 1775 г. вспышки крестьянских волнений имели место в Среднем Поволжье, в Прикамье, на Среднем и Южном Урале.

Об отношении народа к Пугачеву и проводимой им антикрепостнической политике свидетельствует факт, имевший место в начале января 1775 г. в селе Головинщине Пензенского уезда. Крестьянин В. Тимофеев, выйдя на торговую площадь, кричал «всенародно о здравии и благополучии» бывшего Третьего императора, и что «Пугачев с его сообщниками нам, черни, был не злодей, а приятель и наш заступник; и хотя его теперь нет и не будет», но еще есть Пометайла, который «таковым же образом вознамери-

вается нас защищать и вскоре будет нам с своим войском со стороны Саратова»¹³. Воззвания Пугачева поколебали представления о незыблемости и законности крепостнических порядков на Руси. И не случайно генерал-прокурор Сената князь А. А. Вяземский спрашивал у Екатерины II разрешения включить в текст приговора (сентенции) о казни Пугачева специальный тезис, подтверждающий нерушимость права дворян на личность и труд крепостных: «В сентенции, — писал Вяземский, — для большей ясности разсудили прибавить, — в объяснение дворянского успокоения и утешения малодушных, — речи, на каких надлежало б дворянству и крестьянству вновь доказать, что ее императорское величество твердо намерена дворян при их благоприобретенных правах и преимуществах сохранять нерушимо, а крестьян — в их повиновении и должности содержать»¹⁴. Но никакие призывы и предписания верховной власти о предании «вечному забвению и глубокому молчанию» всех дел о «внутреннем возмущении, происшедшем от донского казака Емельки Пугачева»¹⁵, не могли угасить в памяти народа воспоминаний о грандиозном выступлении, о его славном предводителе, о тех свободах и льготах, которые были провозглашены его воззваниями.

Несмотря на громадные успехи восстания, народ не смог взять верх в борьбе против абсолютистского государства Екатерины II. Пугачев и его ближайшие сподвижники не могли преодолеть органических пороков, свойственных крестьянским выступлениям эпохи феодализма, внести решающие элементы организованности в стихийный ход борьбы, ликвидировать разобщенность действий восставших во множестве локальных очагов движения, создать дисциплинированную и боеспособную армию. Провозглашаемый манифестами Пугачева призыв к ликвидации крепостнических порядков в стране характеризовал наиболее сильную сторону идейной платформы Крестьянской войны, но сторону разрушительную, наиболее близкую и понятную народу. В то же время другая сторона идейной платформы движения, касающаяся перспектив борьбы за создание нового общественного и политического строя, не

¹³ Пугачевщина. М.—Л., 1931. Т. 3. С. 83.

¹⁴ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 47.

¹⁵ Манифест Екатерины II от 17 марта 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 20. С. 85.

получила в манифестах Пугачева ясного и последовательного освещения. Руководители движения имели весьма смутное представление об устройстве страны в случае победы восстания и воцарения на престоле народного заступника — «Петра III». Судя по некоторым высказываниям Пугачева и по содержанию последних его манифестов, на месте феодальной России предполагалось создать казачье государство (поскольку большинство населения переводилось в казачье сословие) во главе со справедливым и милостивым к народу монархом. Народ не знал тогда иных форм государственной власти, кроме монархии, не видел иных, идеальных в его понимании, форм лучшего общественного строя, чем казачество с его традициями. То и другое народ брал за образец из современной жизни России, наполнив, правда, эти формы новым, антикрепостническим содержанием. Отражая наивный монархизм, веру народа в справедливого царя, идеализируя казачью общину (вступившую в ту пору в стадию социального разложения), манифесты Пугачева создавали беспочвенный идеал «мужицкого царства».

Из идейной платформы Крестьянской войны реально получил осуществление на территории, захваченной Пугачевым, призыв к истреблению помещиков, а, следовательно, к уничтожению личной зависимости крестьян. Все же прочие компоненты этой платформы не были да и не могли быть воплощены в жизнь. Но именно программа ликвидации дворянства и понимание необходимости этой меры составляют главную историческую заслугу восставших. Пугачевское движение наложило отпечаток на всю последующую историю России. Крестьянство продолжало свою антипомещичью борьбу под лозунгами, выработанными повстанцами 1773—1775 гг. Наряду с другими факторами Крестьянская война повлияла на складывание идеологии освободительного движения в России, она расколола дворянство, из которого вышли один из зачинателей этой идеологии — А. Н. Радищев — и декабристы. Перед господствующим классом неотступно маячил призрак «Пугачевщины», поэтому и на пороге эволюции царизма в сторону буржуазной монархии в XIX веке также можно увидеть влияние этого фактора на социальную политику правительства, в частности, при подготовке и проведении крестьянской реформы 1861 г., отменившей крепостное право.

Рассматривая и оценивая события Крестьянской войны,

нельзя не обратиться к характеристике ее предводителя. Выдвинутый волею обстоятельств в лидеры движения, взяв на себя исключительно сложную роль новоявленного «Петра Третьего» и мастерски исполняя ее, Пугачев вырос в выдающегося вожака восставшего народа. Ему присущи были редкостная энергия, неукротимая воля и смелость, великодушные, верность избранному пути, сострадание к угнетенному народу. Но порою в поступках его проявлялось и плутовство, и коварство, и мстительность, и даже жестокость. А. С. Пушкин характеризовал Пугачева как «славного мятежника», человека, наделенного незаурядным умом, «дерзостью необыкновенной», целеустремленностью, обладавшего большим жизненным опытом и познаниями в военном деле. И эти его качества позволили ему стать признанным предводителем Крестьянской войны.

Приступая к изложению истории следствия над Пугачевым, необходимо прежде всего сказать о руководящей роли в нем Екатерины II. Следователи руководствовались прямыми указаниями и наставлениями императрицы, которая направляла дознание к выяснению причин восстания, выявлению его «подстрекателей» (предполагая в числе таких и раскольников-старообрядцев, и иностранную агентуру, и даже оппозиционно настроенных деятелей из верхов российского дворянства) и, наконец, к установлению обстоятельств происхождения самозванства Пугачева, принявшего на себя титул и имя «императора Петра Третьего». Первое такое указание было дано в ноябре 1773 г., за много месяцев до ареста Пугачева. И уже тогда в наставление секретной комиссии, отправленной в Казань, было включено предписание Екатерины II о том, чтобы комиссия, производя дознание над пугачевцами, всегда доведывалась «о начале и источнике... предприятия Емельки Пугачева и его сообщников: не находятся ли какия стороны, сему... способствовавшия и чрез кого»¹⁶. В апреле 1774 г., когда в руках властей оказались захваченные в плен под Оренбургом и в Яицком городке видные сподвижники Пугачева — М. Г. Шигаев, И. Я. Почиталин, Д. С. Пьянов и другие, Екатерина II в указе секретной комиссии, отправленной в Оренбург, писала, что по допросам «главных сообщников и

¹⁶ ЦГАДА. (Здесь и везде далее читать: РГАДА.) Ф. 6. Д. 507. Ч. 1. Л. 1—1 об.

друзей» Пугачева «могут открыться не только все злодейские предприятия, замыслы, намерения, может быть, — и сношения с людьми, в преступлении еще не известными, но и самые начальные причины, споспешествующие Пугачеву к побегу из Казани, так и то, каким образом он по побегу начал разглашать о принятом им имени, и что главным удостоверением служило ему в народе, словом сказать, откроется многое не только к сведению, но и к соображению нужное посредством порядочно выведенной истории злодея Пугачева... Старайтесь узнать... нет ли между ними чужестранных и, несмотря ни на каких лиц, уведомите меня о истинной»¹⁷. Позднее, при получении первых известий об аресте Пугачева, Екатерина II рескриптом от 27 сентября 1774 г., назначая генерал-аншефа князя М. Н. Волконского председателем следственной комиссии, предписала ему привести дело Пугачева к полной ясности и «досконально узнать все кроющиеся плутни: от кого родилось и кем производимы и вымышлены были, дабы тем наипаче узнать нужное к утверждению впредь народной тишины и безопасности»¹⁸. А в конце ноября 1774 г., когда следствие в Москве близилось к завершению, Екатерина II еще раз указала Волконскому: «Буде никак от злодея самого или сообщников его узнать неможно, кто выдумал самозванство Пугачева, то хотя бы и сие из него точно выведать можно было: когда в него мысль сия поселилась, и от которого времени он имя сие на себя принял, и с кем, во-первых, о сем у него речь была»¹⁹. Эти указания Екатерины II определили направление действий следственных комиссий в дознании над Пугачевым и прямым образом сказались на содержании протоколов его показаний, где преобладает материал, отображающий предысторию Крестьянской войны.

Как сообщалось выше, арестованный Пугачев был доставлен в Яицкий городок вечером 14 сентября 1774 г. и сразу же был передан чиновнику Яицкой отделенной секретной комиссии гвардии капитан-поручику С. И. Маврину, с дознания которого и начался первый этап следствия над предводителем Крестьянской войны. Маврин был опытным следователем, он давно уже производил дознания

¹⁷ ЦГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 1. Л. 310.

¹⁸ Осмнадцатый век. М., 1869. Т. 1. С. 148.

¹⁹ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 102.

над пленными повстанцами в Казанской секретной комиссии, а позднее и в Оренбургской секретной комиссии, где вел допросы видных сподвижников Пугачева — М. Г. Шигаева, И. Я. Почиталина, А. Т. Соколова-Хлопуши, Т. Г. Мясникова, Г. М. Закладнова, Д. С. Пьянова и других, захваченных в плен весной 1774 г.; он же в августе-сентябре 1774 г. вел следствие над участниками восстания казаков Яицкого войска 1772 г., которое предшествовало движению Пугачева и было связано с ним общностью первоначальных целей и движущих сил. Нельзя не отметить того, что Маврин был весьма необычной фигурой среди других чиновников следственных комиссий. Еще в мае 1774 г., подводя итоги следствия над ближайшими сподвижниками Пугачева, он на свой страх и риск, вразрез с мнением секретной комиссии, осмелился послать Екатерине II донесение, в котором смело осуждал произвол администрации, помещиков и заводчиков, хищническую эксплуатацию народа, а особенно приписных и заводских крестьян, что, по его мнению, побудило их принять активное участие в восстании Пугачева²⁰. До личной встречи с Пугачевым Маврин относился к нему свысока и отзывался с иронией, что видно, например, из письма от 12 августа 1774 г., посланного в Оренбург, в котором Маврин хвалился, что «намерен испытать свои силы и в военном ремесле, когда царь с бородою сюда пожалует; право хочется ухватить Емельку за бороду»²¹. Мнение Маврина изменилось после встречи и первой беседы с Пугачевым. Передавая свои впечатления о том, Маврин в рапорте начальнику секретных комиссий генерал-майору П. С. Потемкину сообщал: «Описать того невозможно», сколь Пугачев «бодрого духа», и когда речь зашла о несостоявшемся его намерении идти с войском на Москву «и далее», Пугачев смело и откровенно заявил, что «тут других видов не имел, как — то, естли пройдет в Петербург, — там умереть славно, имея всегда в мыслях, что царем быть не мог, а когда не удастся того зделать, то умереть на сражении: «Вить все-де я смерть

²⁰ Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. (Здесь и везде далее читать: Российская национальная библиотека.) Отдел рукописей. F-668. Л. 125—137.

²¹ Гос. библиотека им. В. И. Ленина. (Здесь и везде далее читать: Российская государственная библиотека.) Отдел рукописей. Ф-222. Д. 9. Л. 25.

заслужил, так похвальной быть со славою убиту!»²². В тот день Маврин допросил Пугачева «на словах» (без составления протокола). На другой день, 16 сентября, Маврин произвел второй допрос, оформив пространные показания Пугачева протоколом²³. Допрос построен в хронологическом плане, с последовательным изложением фактов биографии Пугачева и событий восстания. Проводя допрос, Маврин проникся невольным уважением к Пугачеву, и это было вызвано тем, что тот держался с большим достоинством и мужеством. Это в известной степени отразилось на содержании яицкого протокола допроса, в котором не встречаются, как правило, откровенно злобные и уничижающие характеристики Пугачева и его сподвижников, и в целом он во многом ближе к истине в освещении событий, нежели последующие материалы следствия (в Симбирске и в Москве).

18 сентября конвойный отряд генерала А. В. Суворова вывез Пугачева из Яицкого городка, направившись в Симбирск, куда и прибыл 1 октября.

В Симбирске Пугачева допрашивали в течение пяти дней (2—6 октября) командующий карательными войсками генерал-аншеф граф П. И. Панин и начальник секретных комиссий генерал-майор П. С. Потемкин. Ведущая роль в производстве дознания принадлежала Потемкину. Он сформулировал, опираясь на протокол яицкого допроса Пугачева, 6 основных и 12 дополнительных пунктов, по которым следовало допросить Пугачева, дабы он открыл «совершенную истину, кроющуюся в хищном его сердце». Пункты эти касались в основном вопросов, связанных с происхождением самозванства Пугачева и установлением инициаторов восстания. На первом же заседании следственной комиссии Пугачева предупредили, что он, если уклонится от дачи правдивых показаний, будет подвергнут самым мучительным пыткам, «какая только жестокость человеческая выдумать может». В ходе дознания Потемкин распорядился сделать приготовления к пытке, и палачи начали истязание, но вскоре Пугачев, сломленный психологически пристрастными допросами, начал давать вымышленные показания, оговорив до двух десятков знакомых ему раскольни-

²² Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 131, 132.

²³ См. док. № 1 в данном сборнике.

ков, способствовавших будто бы ему в подготовке восстания и в принятии имени и титула «Петра III»²⁴. Эта вымученная ложь наряду с истинными свидетельствами о фактах биографии Пугачева легла в основание симбирского протокола допроса²⁵. Хотя Потемкину и удалось сломить Пугачева, но сам он сомневался в том, что смог получить во всем правдивые признания, о чем и писал Екатерине II, что, хотя Пугачев и «весьма переменился... против прежней нечувствительности, но полагаться, чтобы показания его были откровенны, невозможно»²⁶.

Потемкин не лишен был литературных способностей, прослыл в дни молодости неплохим переводчиком сочинений Вольтера, но позже предпочел служебную карьеру литературным делам. Опираясь на родственную поддержку всемогущего фаворита Г. А. Потемкина, он решил сделать скорую карьеру и по военной части, и по придворному ведомству. Видная должность начальника секретных комиссий, участие в расследовании громкого дела Пугачева обещали, казалось бы, скорое воплощение честолюбивых замыслов Потемкина, но поприще это не принесло ему лавров. Здесь уместно будет привести высказывание писателя-демократа В. Г. Короленко о методах следствия Потемкина над Пугачевым в Симбирске и о историко-психологических особенностях материалов этого дознания: «К несчастью для последующей истории первоначальное следствие о Пугачеве попало в руки ничтожного и совершенно бездарного человека — Павла Потемкина, который, по-видимому, прилагал все старания к тому, чтобы первоначальный облик «изверга», воспитанного «адским млеком», как-нибудь не искажился реальными чертами. А так как в его распоряжении находились милостиво предоставленные ему «великой» Екатериной застенки и пытки, то, понятно, что весь мате-

²⁴ Вместе с тем Пугачев категорически отрицал причастность иностранцев и оппозиционных деятелей из столичного дворянства к подготовке восстания. Присутствовавший на допросе в Симбирске премьер-майор П. С. Рунич писал, что на обращенный к Пугачеву вопрос следователей: «Не подкуплен ли он был какими иностранцами, или, особенно, кем из одной или другой столицы, Москвы и Петербурга, на беззаконное объявление себя императором Петром III?» тот «с твердым голосом и духом отвечал, что никто его как из иностранцев, так из Петербурга и Москвы, никогда не подкупал и на бунт не поощрял» (*Рунич П. С. Записки о Пугачевском бунте* // *Русская старина*. 1870. № 10. С. 351—352).

²⁵ См. док. № 2 в данном сборнике.

²⁶ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // *Вопросы истории*. 1966. № 5. С. 118.

риал следствия сложился в этом предвзятом направлении: лубочный, одноцветный образ закреплялся вынужденными показаниями, а действительный образ живого человека утопал под суздальской мазней застеночных протоколов»²⁷. Хотя В. Г. Короленко во многом и прав, но его общая негативная оценка симбирского допроса Пугачева представляется чрезмерной. При необходимой осмотрительности, опираясь на критический анализ каждого из показаний этого документа, можно выявить в нем ряд свидетельств, соответствующих реальности.

26 октября 1774 г. конвойная команда гвардии капитана А. П. Галахова вывезла Пугачева из Симбирска в Москву, конвой сопровождался ротой пехоты с несколькими пушками. Утром 4 ноября конвойная команда доставила Пугачева в Москву, где он сразу же был заключен в тюремную камеру в здании Монетного двора у Воскресенских ворот Китай-города (здание сохранилось, оно стоит во дворе дома № 1 по Историческому проезду). Вскоре в Москву стали прибывать конвои из Казани, Яицкого городка и Оренбурга, сопровождавшие пленных вожаков восстания (И. Н. Зарубина, М. Г. Шигаева, И. Я. Почиталина, М. Д. Горшкова, Т. Г. Мясникова, В. И. Торнова и др.); сюда же были доставлены члены семьи Пугачева, а также свидетели обвинения и лица, оговоренные Пугачевым при допросах в Яицком городке и в Симбирске.

Дознание по делу Пугачева и его сподвижников проводилось особой следственной комиссией Московского отделения Тайной экспедиции Сената с начала ноября по середину декабря 1774 г. В состав следственной комиссии входили: генерал-аншеф князь М. Н. Волконский, обер-секретарь Тайной экспедиции С. И. Шешковский и генерал-майор П. С. Потемкин. 4 ноября, сразу же по привозе в Москву, Пугачев словесно был допрошен Волконским «исторически, с начала, каким он образом, где и когда сие содеянное им злодейство в скверное свое сердце поселил, и кто ему первья были в сем зле пособники, даже и во все время кто его и чем подкреплял»; Пугачев отвечал то же самое, что и на допросе в Симбирске²⁸. После того Волконский и

²⁷ Короленко В. Г. Пугачевская легенда на Урале // Голос минувшего. 1922. № 2. С. 20—21.

²⁸ Донесение М. Н. Волконского Екатерине II от 4 ноября 1774 г. / Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 97.

Шешковский в течение одиннадцати дней, с 4 по 14 ноября, вели подробнейший «исторический» допрос, построенный в историко-биографическом плане, с рождения Пугачева и «со всеми обстоятельствами до того часа как он связан» (арестован), но с преимущественным вниманием к событиям 1772—1773 гг., предшествовавшим восстанию. Помимо этого основного, так называемого «большого», допроса²⁹ Пугачев давал показания еще на 14 допросах и очных ставках с другими подследственными и со свидетелями³⁰. На допросах в Москве Пугачев дал подробные показания о родных, о своей юности, об участии в составе донских казачьих полков в Семилетней и Турецкой войнах, о своих скитаниях по России и в Польше, о ходе Крестьянской войны. Феноменальная память Пугачева сохранила множество событий и сотни имен. Даже наличие в протоколах тенденциозных характеристик Пугачева, его сподвижников и их действий, а также ряда вымышленных показаний (особенно в протоколе «большого» допроса) не умаляют значения этих документов как первостепенных источников для изучения биографии Пугачева и событий Крестьянской войны.

Следует остановиться на характеристиках следователей, производивших московское дознание по делу Пугачева. Князь Волконский, занимавший с 1771 г. должность главнокомандующего (генерал-губернатора) в Москве, был одновременно и первоприсутствующим в Московском отделении Тайной экспедиции Сената. Был он старый служака, человек мрачный, а при производстве розысков — и жестокий. Под стать ему был и прибывший из Петербурга обер-секретарь Тайной экспедиции С. И. Шешковский, известный «тайных дел выведчик» и «кнутобойца», который, однако же, по лестной аттестации Екатерины II, имел «особливый дар» обращаться «с простыми людьми, и всегда весьма удачно разбирал и до точности доводил труднейшия разбирательства»³¹. Подошел к ним по служебному рвению и жестокости и охарактеризованный выше «полуинтеллигентный» генерал П. С. Потемкин, склонный к шумовым эффектам и дешевой позе, а к тому же, как ока-

²⁹ См. док. № 3 в данном сборнике.

³⁰ См. док. № 4—17 в данном сборнике.

³¹ Рескрипт Екатерины II П. С. Потемкину от 27 сентября 1774 г./Следствие и суд над Е. И. Пугачевым// Вопросы истории. 1966. № 7. С. 93.

залось, и к скандальным провалам при расследовании дела Пугачева.

Изнурительные условия тюремного содержания и методы следствия, основанные на насилии и запугивании, подрывали физические силы Пугачева, но не сломили его духа. По словам одного из тюремщиков — Н. З. Повало-Швейковского, — Пугачев «в продолжении заключения своего не показывал робости, сохранял равнодушие»³². Но здоровье его заметно ухудшалось: «Он уже не тот стал, которым был, и, при всем злодействе своем, смягчает состоянием своим всех досаду», — писал Потемкин графу П. И. Панину³³. Узнав о состоянии Пугачева и испугавшись того, что он может погибнуть в заключении, избежав тем самым казни, Екатерина II поручила генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому передать свое личное повеление Волконскому: «Весьма неприятно бы было ее величеству, естли бы кто из важных преступников, а паче злодей Пугачев от какого изнурения умер и избегнул тем заслуженного по злым своим делам наказания, тем более, что П. С. Потемкин по приезде в Москву гораздо слабее его нашел против того, каков он из Симбирска был отправлен»³⁴. В ответном письме, отправленном 18 декабря в Петербург, Волконский, успокаивая Вяземского и Екатерину II, писал, что их опасения по поводу состояния здоровья Пугачева и его сотоварищей напрасны: «По комиссии о злодее не только все живы, но и здоровы, как и сам злодей. Но что он стал хуже, то натурально: первое, что он был все в движении, а теперь на одном месте. Однакож, при всем том он не всегда уныл, а случалось, что он и смеется»³⁵.

Выше говорилось, что основное внимание следователей было направлено на выяснение причин восстания, на установление его инициаторов, на выявление обстоятельств происхождения самозванства Пугачева. Следствие с самого начала не принимало всерьез (и совершенно справедливо) версий о том, что выступление Пугачева могло быть инспирировано зарубежной агентурой или некими оппозиционными группами российского дворянства (что касается Екатерины II, она вплоть до последних дней дознания счи-

³² Пушкин А. С. Поли. собр. соч. Л., 1940. Т.9. Кн. 2. С. 500.

³³ Гос. библиотека им. В. И. Ленина. Ф.222. Д. 7. Л.238.

³⁴ Письмо А. А. Вяземского от 12 декабря 1774 г./Следствие и суд над Е. И. Пугачевым//Вопросы истории. 1966. № 7. С. 108.

³⁵ Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. 3. С. 337.

тала эти версии не лишены вероятия). Более реальным представлялось большинству следователей предположение о причастности раскольников-старообрядцев к организации выступления Пугачева. Изучая протокол показаний Пугачева на допросе в Яицком городке, Потемкин обратил внимание на то, что Пугачев весной и летом 1772 г. много общался с раскольниками, «шатаясь» по старинным гнездам старообрядчества, в селениях под Стародубом, в Ветке, в Кабаньей слободе и других местах. У Потемкина возникли предположения: не там ли и не тогда ли вызрел заговор к восстанию, не раскольники ли тех мест внушили Пугачеву мысль принять на себя титул и имя «императора Петра III», не по их наущению отправился Пугачев в Заволжье, на Иргиз и к Яику, чтобы поднять на вооруженное выступление яицких казаков, не смирившихся и после разгрома их восстания 1772 года? Такого рода вопросы и были поставлены перед Пугачевым, когда его доставили на розыск в Симбирск, а чтобы добиться от него таких именно признаний, Потемкин прибегнул к посредничеству палачей. Желая избежать дальнейших истязаний, Пугачев решил подтвердить версию Потемкина, пойдя на вымышленные «признания» и на оговор знакомых раскольников. Наделенный даром импровизации, Пугачев живо и красочно повествовал о том, как летом 1772 г. раскольники будто бы подговорили его отправиться к яицким казакам, чтобы поднять их на новое восстание, как те же раскольники предложили ему принять на себя имя «Петра III». Узнав от Пугачева имена раскольников, выступивших якобы подстрекателями к восстанию, генерал П. И. Панин отрядил офицеров своего штаба для розыска оговоренных Пугачевым людей и для доставления их в Москву, где назначено было главное следствие. На «большом» допросе в Москве Пугачев подтвердил прежние свои симбирские «признания» относительно инициативы раскольников в организации восстания и в выдвижении его, Пугачева, на роль «Петра III». Вскоре в Москву стали прибывать конвой с раскольниками, арестованными по оговору Пугачева. Все они на допросах у Шешковского категорически отвергли измышления Пугачева, что также подтвердили и на очных ставках с ним. В конце концов Пугачев должен был сказать истину. На заседании 18 ноября 1774 г. он заявил следователям: «На помянутых людей ложно показывал, будучи в страхе, а в Симбирске — боясь наказания, ибо, как стали ево стегать, то и не

знал кого б ему оговаривать. А как показанных людей именами он знал, то на них и показывал. А потом и здесь он, в Москве, то свое показание, зная, что оно ложное, не отменил, боясь уже показать разноречие»³⁶. Этим заявлением Пугачев дезавуировал соответствующие разделы своих показаний симбирского и «большого» московского допросов относительно роли раскольников в организации восстания и в самозванстве. Необходимо заметить, что следователи, в том числе и Потемкин, вынуждены были в конце концов отказаться от прежних своих версий относительно причастности раскольников к подготовке выступления Пугачева и к выдвиганию его на роль «Петра III». Подводя итоги московского розыска по делу Пугачева, Волконский и Потемкин доносили Екатерине II 5 декабря 1774 г., что, изыскивая причины Пугачевского восстания, они нашли их в одном лишь своевольстве яицких казаков, «живущих в расстройке бунтующих душ»³⁷. Но, верно назвав первоначальных инициаторов выступления Пугачева, следователи не приняли в расчет главные социальные причины Крестьянской войны — рост недовольства народа, прежде всего крестьянства, условиями жизни, крепостнической эксплуатацией, произволом помещиков, заводчиков и администрации.

Завершив следствие, власти приступили к организации судебного процесса. Манифестом Екатерины II от 19 декабря 1774 года был определен состав суда по делу Е. И. Пугачева³⁸. Судьями были назначены 14 сенаторов, 11 «персон первых трех классов», 4 члена Синода и 6 президентов коллегий. В состав судей были включены и члены следственной комиссии Волконский и Потемкин, которые наряду с генерал-прокурором Сената Вяземским были главными распорядителями на процессе, проводя его в полном соответствии с волей Екатерины II. Ее позицию в отношении предстоящего суда тонко подметил английский посол Р. Гунниг: «Ее императорское величество уполномочила Сенат решать судьбу Пугачева в том смысле, как он признает нужным, и, таким образом, она отнимает всякую надежду на милосердие, которое, — как она сама высказывала мне, разговаривая об этом предмете, — в настоящую мину-

³⁶ См. док. № 9 в данном сборнике.

³⁷ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 105—106.

³⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 19. С. 1064—1065.

ту было бы неуместно»³⁹. Проницательный дипломат не знал лишь самого главного, того, что верховное руководство судебным процессом втайне осуществлялось самой императрицей через ее верных сотрудников. Вопрос о судьбе Пугачева был уже давно решен и ясен для Екатерины II. Еще в декабре 1773 г. — в первые месяцы восстания — она писала новгородскому губернатору Я. Е. Сиверсу: «Все дело кончится вешанием, но каково мое положение, так как я не люблю вешания? Европа подумает, что мы еще живем во временах Иоанна Васильевича; такова честь, которой мы удостоимся, вследствие этой выходки преступного мальчишки»⁴⁰. Смертную казнь Пугачеву она предрекала и в письмах к барону Гримму и к Вольтеру. Первому из них она писала, что Пугачеву «дорога прямая на виселицу», что «в Москве его ожидает виселица»⁴¹. В марте 1774 года она извещала Вольтера, что Пугачев «прядет себе каждый день пеньковую веревку»⁴². Накануне суда над Пугачевым Екатерина II отправила к Гримму знаменательное письмо, где совершенно недвусмысленно высказывалась о предстоящем процессе как о некоей формальности, об инсценировке суда, которому придана видимость законности: «Через несколько дней комедия с маркизом Пугачевым кончится; приговор уже почти готов, но для всего этого нужно было соблюсти кое-какие формальности. Розыск продолжался три месяца, и судьи работали с утра до ночи. Когда это письмо дойдет к вам, вы можете быть уверенным, что уже никогда больше не услышите об этом господине»⁴³. Связанная необходимостью поддерживать в европейском обществе авторитет просвещенной и милостивой правительницы, Екатерина II лицемерно жаловалась своим корреспондентам, что ей, автору гуманного Наказа Уложенной комиссии и добросовестной выгученице французских просветителей, приходится идти на жестокие карательные меры. В письме к Вольтеру она заявляла, что лично она могла бы простить Пугачева, но законы Российской империи не по-

³⁹ Из письма Р. Гуниига к статс-секретарю Суффолку от 28 ноября 1774 г. // Сборник РИО. СПб., 1876. Т. 19. С. 438—439.

⁴⁰ Брикнер А. Г. История Екатерины II. СПб., 1885. Т. 2. С. 230.

⁴¹ Из писем Екатерины II к Гримму от 30 сентября и 24 октября 1774 г. // Русский архив. 1878. № 9. С. 10—11.

⁴² Сборник РИО. СПб., 1874. Т. 13. С. 394.

⁴³ Из письма от 21 декабря 1774 г. // Сборник РИО. СПб., 1880. Т. 27. С. 12.

звонят ей сделать этого великодушного шага⁴⁴. Лицемерными заявлениями подобного рода она прикрывала свою истинную роль в решении судьбы Пугачева.

Накануне суда в Петербург с материалами следствия и с обвинительным заключением был вызван член следственной комиссии Потемкин для доклада Екатерине II о результатах розыска и для получения инструкций об обряде предстоящего процесса. Еще задолго до этого в письме к Волконскому от 6 декабря 1774 г. Екатерина II выразила намерение послать в Москву на процесс генерал-прокурора Вяземского «с моими повелениями о образе суда, как в подобных случаях с государственными преступниками в обычае есть»⁴⁵.

Правосудие на процессе Пугачева призван был осуществлять Вяземский, человек раболепно преданный Екатерине II, заверявший ее, что «закон мой всегдашний есть — высочайшее вашего величества соизволение»⁴⁶. И хотя императрица относилась к числу своих нравственных добродетелей нелюбовь к льстецам, к низкопоклонству («Никогда не позволяйте льстецам осаждать вас: давайте почувствовать им, что вы не любите ни похвал, ни низостей»)⁴⁷, но такой «блюститель» законов и «страж правосудия», как Вяземский, был очень удобен для нее, и именно поэтому при решении вопроса о руководителе процесса выбор пал на него. В деле Пугачева князь Вяземский был верным исполнителем указаний Екатерины II, он играл роль первой скрипки в оркестре, которым умело дирижировала императрица.

На совещаниях в Петербурге Екатерина II, Вяземский и Потемкин договорились обо всех деталях предстоящего суда. Перед отъездом в Москву Вяземский подал Екатерине II докладные записки, в которых испрашивал ее указаний по ряду вопросов в связи с процессом. В резолюциях Екатерины II по этим запискам было разрешено прерывать процесс для доследования при розыске и доставлении в Москву ряда важных свидетелей обвинения, а также и в других чрез-

⁴⁴ Из письма от 22 октября 1774 г. // Сборник РИО. СПб., 1880. Т. 27. С. 3.

⁴⁵ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 106—107.

⁴⁶ Из донесения А. А. Вяземского Екатерине II от 2 января 1775 г. / Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 146.

⁴⁷ Записки императрицы Екатерины II. СПб., 1907. С. 665.

вычайных случаях, которые вызовут надобность «новых изысканий истины». Екатерина II предписала начинать процесс, даже если в Москву не соберутся все назначенные судьями генералы и сенаторы, а в число судей от духовенства включить находящихся в Москве «двух архиереев и одного архимандрита, чтоб духовных не менее трех персон было». Было предусмотрено снятие анафемы (церковного проклятия) с Пугачева и его соратников, если на это последует разрешение Синода. Для составления сентенции (приговора) из числа судей было предложено избрать особый комитет во главе с Потемкиным, а саму сентенцию прислать в Петербург для апробации (утверждения) ее императрицей. Привлеченных к суду видных пугачевцев, депутатов Уложенной Комиссии Т. И. Подурова и В. В. Горского было решено лишить депутатских званий⁴⁸, если они не подавали каких-либо проектов за своей подписью в Уложенную Комиссию. Были сделаны распоряжения и о порядке опубликования сентенции по делу Пугачева. При проведении суда было рекомендовано руководствоваться «прежними обрядами и обыкновениями» — судебной практикой, сложившейся в крупнейших политических процессах прошлого, и, прежде всего, процедурами судопроизводства по делу поручика В. Я. Мировича⁴⁹, пытавшегося в 1764 г. освободить из Шлиссельбургской крепости императора-узника Иоанна Антоновича.

26 декабря Вяземский и Потемкин прибыли в Москву и вместе с Волконским приступили к организации суда. Узнав о их приезде в Москву, Екатерина II писала Волконскому: «Пожалуй, помогайте всем внушить умеренность как в числе, так и в казни преступников. Противное человеколюбию моему прискорбно будет. Недолжно быть лихим для того, что с варварами дело имеем»⁵⁰. Этот призыв к умерен-

⁴⁸ По обряду Уложенной Комиссии 1767 г. ее депутаты освобождались от телесных наказаний и смертной казни. Указывая на это, А. С. Пушкин отмечал, что депутат Подуров «не мог ни в коем случае казнен смертию» и что его казнь «противузаконна» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1938. Т. 9. Кн. 1. С. 375*).

⁴⁹ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 139—141. Обе докладные записки были составлены не позднее 21 декабря 1774 г., после чего А. А. Вяземский выехал в Москву (см. письмо Екатерины II к М. Н. Волконскому от 20 декабря 1774 г. // Там же. С. 139).

⁵⁰ Там же. С. 145. Письмо это было отправлено Екатериной II в Москву 1 января 1775 г., когда суд уже подготовил приговор Пугачеву и его сподвижникам.

ности в наказаниях отражал двойственную политику Екатерины II. С одной стороны, она стремилась сохранить в глазах Европы престиж мудрой и гуманной государыни, а с другой — вынуждена была считаться с мнением дворянства, требовавшего массовых казней и жестоких наказаний для всех подсудимых по московскому процессу. Желанием в какой-то мере обуздать эти настроения дворянства и избежать неблагоприятных отзывов в Европе и были, очевидно, продиктованы приведенные строки из письма императрицы. Об этом она писала и на одной из докладных записок Вяземского: «При экзекуциях чтоб никакого мучительства отнюдь не было, и чтоб не более трех или четырех человек»⁵¹.

О том, что московское дворянство, а, следовательно, и их представители, назначенные судьями на процесс, были настроены весьма агрессивно по отношению к пугачевцам, Вяземский подробно информировал Екатерину II сразу же по своем приезде в Москву: «Чрез бытность мою в Москве слышу я от верных людей, что при рассуждениях об окончании пугачевского дела желается многими и из людей нарочитых не только большой жестокости, но чтоб и число немало было, сие наивяще подкрепил по приезде своем граф Петр Иванович Панин своими рассуждениями». Далее Вяземский уведомлял, что ему удалось оповестить о мнении императрицы (относительно наказания подсудимых) Волконского, Потемкина и сенатора Д. В. Волкова, которые взялись поддержать линию на некоторое смягчение приговора, и добавлял: «Думаю, что и еще из сенаторов со мною согласные будут». Вяземский заявлял в этом письме, что в том случае, если ему не удастся отстоять эту позицию на суде, он пойдет, как генерал-прокурор Сената, на опротестование приговора и отмену его исполнения до получения прямых указаний из Петербурга⁵².

В понедельник 29 декабря в 10 часов утра в здании Сената собрались сенаторы, чтобы обсудить вопрос о порядке суда над Пугачевым и его соратниками. Заседание открыл Вяземский чтением манифеста Екатерины II от 19 декабря о назначении судей. Выслушав манифест, сенаторы вынес-

⁵¹ Речь идет о трех или четырех подсудимых, которых предполагалось приговорить к смертной казни. Фактически же было казнено шесть человек (см. ниже).

⁵² Письмо от 28 декабря 1774 г./Следствие и суд над Е. И. Пугачевым// Вопросы истории. 1966. № 9. С. 141.

ли определение об опубликовании его в Москве, «а в губернии, провинции и города отправить для рассылки к господам губернаторам с нарочными курьерами». После просмотра списка судей сенаторы предложили дать указание московскому обер-полицмейстеру Н. П. Архарову оповестить всех их о явке на суд к 9 часам утра 30 декабря в Кремлевский дворец⁵³.

Во вторник 30 декабря в Тронном зале Кремлевского дворца за большим судейским столом собрались судьи по делу Пугачева. Вряд ли можно было подобрать более пристрастных судей для Пугачева и его соратников. Судьбу обвиняемых решали титулованные представители того сословия, против которого и было поднято восстание. Судьям на этом процессе были чужды понятия справедливости и гуманности, они руководствовались классовыми интересами дворянского сословия и жаждали самой жестокой расправы над подсудимыми. И даже генерал-прокурор Вяземский, призывавший судей к умеренности, действовал не по велению сердца и не по долгу совести, а по тайному наказу Екатерины II.

На заседании 30 декабря было оглашено обвинительное заключение. Во втором часу дня суд закончил рассмотрение материалов следствия, и слово вновь взял Вяземский. Он предложил доставить на следующее заседание суда Пугачева «и спросить: тот ли он самый и содержание допросов — точные ли его слова заключают, также не имеет ли сверх написанного чего объявить», и избрать из состава суда две комиссии: одну для опроса подсудимых на месте — в тюремных камерах — о справедливости их показаний на следствии, а другую комиссию — для составления приговора (сентенции). Суд избрал в первую комиссию М. Я. Маслова, М. Г. Мартынова и архимандрита Иоанна, а составление сентенции возложил на комиссию в составе И. И. Козлова, Д. В. Волкова и П. С. Потемкина (позднее в помощь к ним были определены вице-президент Юстиц-коллегии А. М. Колошин и обер-секретарь Сената А. Т. Князев)⁵⁴. Вечером того же дня комиссия Маслова обошла тюремные камеры Монетного двора и путем беглого опроса подсудимых установила, что они во всем подтверждают свои прежние показания⁵⁵.

⁵³ Там же. С. 142. (журнал заседания Сената 29 декабря 1774 г.).

⁵⁴ Там же. С. 142—143 (журнал заседания суда 30 декабря 1774 г.).

⁵⁵ ЦГАДА. Ф. 6. Д. 515. Л. 414.

Рано утром 31 декабря, еще засветло, чтобы не привлекать внимания народа, Пугачева под усиленным конвоем перевезли в покои Кремлевского дворца, где он в особо приготовленной комнате ожидал начала судебного заседания. Судьи начали собираться с половины восьмого, но заседание было открыто лишь в 10 часов утра. Судьи приняли к сведению рапорт комиссии Маслова, подписали журнал предыдущего заседания и утвердили вопросы, на которые должен был ответить суду Пугачев. После этого его ввели в зал заседаний и заставили стать на колени. Этим глумливым обрядом судьи хотели унижить человеческое достоинство пленного Пугачева.

Услужливый Вяземский, угадывая мысли своей повелительницы и желая доставить ей приятное, отправил Екатерине II донесение, в котором изображал Пугачева как человека малодушного, трусливого до последней крайности, нуждавшегося в особом ободрении перед вводом в зал заседания суда: «Как Пугачев примечен весьма робкого характера, почему при вводе его пред собрание сделано оному было возможное ободрение, дабы по робкости души его не сделалось ему самой смерти»⁵⁶. Екатерина II широко использовала этот отзыв Вяземского о Пугачеве, приводя его в письмах к своим зарубежным корреспондентам.

Пугачеву были заданы вопросы: «Ты ли Зимовейской станицы беглый донской казак Емелька Иванов сын Пугачев?», «Ты ли, по побеге с Дону, шатаясь по разным местам, был на Яике и сначала подговаривал яицких казаков к побегу на Кубань, потом назвал себя покойным государем Петром Федоровичем?», «Ты ли содержался в Казани в остроге, ты ли ушел из Казани, принял публично имя покойного императора Петра Третьего, собрал шайку подобных злодеев и с оною осаждал Оренбург, выжег Казань и делал разные государству разорения, сражался с верными ея императорскому величеству войсками, и наконец, артелью твоею связан и отдан правосудию ея величества, так как в допросе твоем обо всем обстоятельно от тебя показано?» Трижды Пугачев ответил на эти вопросы: «Да, это я». Наконец Вяземский обратился к Пугачеву с двумя последними вопросами: «Не имеешь ли сверх показанного тобою еще чего объявить?» «Имеешь ли чистосердечное раскаяние во

⁵⁶ Следствие и суд над И. Е. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 145 (донесение от 31 декабря 1774 г.).

всех содеянных тобою преступлений?» Пугачев, предварительно подготовленный к этим вопросам, отвечал, что «сверх показанного в допросах ничего объявить не имеет», а в заключение добавил: «Каюсь богу, всемилостивейшей государыне и всему роду христианскому»⁵⁷. Скорее всего, эта видимость раскаяния нужна была не столько Пугачеву, сколько правительству Екатерины II.

По выводе Пугачева из зала заседания, судьям была оглашена составленная Потемкиным записка о распределении подсудимых — по степени их вины — на несколько групп («сортов») для вынесения каждой из них соответствующего вида наказания. По этой записке, озаглавленной «Различие важности преступления способников злодейских, примеченное каждого раскаяние по свойству их», к I «сорту» был отнесен А. П. Перфильев, ко II «сорту» — М. Г. Шигаев, И. Н. Зарубин, Т. И. Подуров, Канзафар Усаев, В. И. Торнов (Персианинов), к III «сорту» — Д. К. Караваев, В. Я. Плотников, Г. М. Закладнов и др. Пугачев, как главный обвиняемый по процессу, был поставлен вне «сортов»⁵⁸. При обсуждении вопроса о мере наказания обвиняемых между судьями разгорелись споры. Большинство судей стояли за вынесение самых тяжелых наказаний для большой группы подсудимых, а для Пугачева требовали изощренно изуверского обряда казни времен средневековья. Описывая эти споры, Вяземский 31 декабря 1774 г. доносил Екатерине II: «При положении казни Пугачеву согласились бышо сначала одного только четвертовать, но как после, рассуждая о вине Перфильева и, найдя оную важною, положили то же и настояли в том, упорно говоря со мною некоторые, что и о Белобородове в народе отзывались, что оный казнен весьма легкою казнию, то потому хотели Пугачева живого колесовать, дабы тем отличить его от прочих. Но я принужден с ними объясниться и, наконец, согласил остаться на прежнем положении, только, для отличения от прочих, части (тела) положить на колеса, которые до прибытия вашего величества сожжены быть могут. После сих предложены были к рассуждению, как прежде от меня донесено, второй класс, Пугачева самых ближних сообщников, назначенные по винам Павлом Сергееви-

⁵⁷ Там же. С. 143—145 (журнал заседания суда 31 декабря 1774 г.).

⁵⁸ Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта // Записки имп. Академии наук. СПб., 1875. Т. 25. Прил. 4. С. 120—132.

чем, — Чика, Канзафар, Шигаев, Персианинов и Подуров. Потом предложен был третий класс — первые разглашатели — Караваев, Плотников и Закладнов, которых хотели казнить отсечением голов, но по немалом объяснении, наконец, согласились наказать на теле»⁵⁹.

С большим трудом Вяземский и его сторонники, осведомленные о решении Екатерины II, склонили судей к вынесению приговора в приемлемом для Петербурга духе. Суд вынес решение: «Емельку Пугачева четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех местах сжечь». Из числа других подсудимых А. П. Перфильев был приговорен к четвертованию, И. Н. Зарубин — к отсечению головы в Уфе, М. Г. Шигаев, Т. И. Подуров и В. И. Торнов — к повешению, 8 человек — к наказанию кнутом и каторжной работе, 10 человек — к наказанию кнутом и ссылке на поселение, 3 человека — к наказанию кнутом, один — к наказанию плетьюми и т. д.⁶⁰.

Лицемерную позицию на этом заседании заняли судьи из духовенства. Как лица духовного сана, они из «христианского милосердия» отказались подписать приговор, в котором шестерым обвиняемым объявлялась смертная казнь, но в то же время фактически соглашались с этим приговором. В заявлении, поданном ими суду, они писали: «Слушав в собрании следствие злодейских дел Емельки Пугачева и его сообщников и видя собственное их во всем признание, согласуемся, что Пугачев с своими злодейскими сообщниками достойны жесточайшей казни, а следовательно, какая заключена будет сентенция, от оной не отрицаемся, но, поелику мы духовного чина, то к подписанию сентенции приступить не можем»⁶¹.

В соответствии с вынесенным на заседании 31 декабря решением комиссия под председательством Потемкина приступила к составлению сентенции (приговора) и завершила свою работу 2 января 1775 г. При назначении подсудимым меры наказания авторы сентенции опирались на действующие гражданские и военные законы Российской империи и на священное писание. В частности, смертная

⁵⁹ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 145.

⁶⁰ Там же. С. 143—145.

⁶¹ ЦГАДА. Ф. 6. Д. 515. Л. 420.

казнь Пугачеву и пятерым его соратникам была обоснована ссылкой на соответствующие тексты книг отцов христианской церкви Соломона, Матфея, Марка, Моисея, на статьи Соборного Уложения 1649 г., Военского устава 1716 г. и Морского устава 1720 г. В сентенции было отмечено, что «нет ни мук, ни казней, как бы их ни увеличить, чтобы могли соразмерны быть толиком злодеяниям» и вместе с тем, судьи, вынося свой приговор, лицемерно заявляли, что при решении судьбы обвиняемых они руководствовались «милосердием императрицы», ее «сострадательным и человеколюбивым сердцем», «законом и долгом», которые требуют «правосудия, а не мщения»⁶².

Вечером 2 января 1775 г. Вяземский отправил сентенцию (еще не подписанную членами суда) в Петербург на апробацию Екатерине II. Этот факт опровергает ошибочное мнение о том, что императрица была якобы совершенно непричастна к приговору и он не был послан ей на утверждение. Надо полагать, что версия о непричастности Екатерины II к решению участи подсудимых по московскому процессу утвердилась в связи с отсутствием уличающих ее документов: из архивов исчезли оригиналы переписки императрицы с генерал-прокурором о суде над Пугачевым. Однако в бумагах Вяземского случайно сохранились черновики его донесений Екатерине II из Москвы, которые открывают завесу над закулисной стороной процесса и показывают первенствующую роль Екатерины II в вынесении смертного приговора Пугачеву и пятерым его товарищам. Известно, что отъезжая из Москвы, Вяземский подал Екатерине II докладную записку, в которой писал, в частности: «Сентенция должна опубликована быть в самое время исполнения. Я же нужным почитаю оную прежде подписания, так как и все издаваемые в публику указы, поднести на апробацию вашего величества, хотя чрез то дней шесть или семь лишнего времени и пройдет». Согласившись с этим мнением, Екатерина II распорядилась прислать ей сентенцию на утверждение еще до подписания ее членами суда⁶³.

5 января Екатерина II ознакомилась с сентенцией и в тот же день отправила ее в Москву к Вяземскому, известив его, что она полностью одобряет приговор. Она не пожелала

⁶² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 20. С. 1—12.

⁶³ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 140.

воспользоваться высшим правом, принадлежавшим ей как правительнице государства, — правом помилования подданных или смягчения приговора, оставив его без каких-либо изменений. 9 января в 9 часов утра судьи собрались для формального подписания сентенции. Они были осведомлены о том, что Екатерина II «соизволила» одобрить приговор и ждет скорейшего завершения «пугачевского дела». Сентенцию подписали все судьи, за исключением представителей от Синода. Суд принял решение совершить казнь в 11 часов в субботу 10 января 1775 г. на Болотной площади в Москве⁶⁴.

На декабрьском совещании в Петербурге, когда Екатерина II договорилась с Вяземским и Потемкиным о казни над Пугачевым, было решено, что Вяземский через московского обер-полицмейстера Архарова на словах передаст палачу секретнейшее приказание (не упоминая при этом, что оно исходит лично от императрицы) об изменении традиционного обряда казни четвертованием: палач должен сначала отрубить голову Пугачеву и лишь после этого — руки и ноги. Отправляя 2 января 1775 г. Екатерине II на утверждение сентенцию, Вяземский извещал ее о том, что необходимые распоряжения о казни Пугачева вскоре будут переданы им Архарову: «Как в сентенции сказано, глухо, чтоб четвертовать, следовательно, и намерен я секретно сказать Архарову, чтоб он прежде приказал отсечь голову, а потом уже остальное, сказав после, ежели бы кто ево о сем стал спрашивать, что как в сентенции о том ничего не сказано, примеров же такому наказанию еще не было, следовательно, ежели и есть ошибка, она извинительна быть может. А как Архаров, сколько я наслышался, да и сам приметить мог, человек весьма усердный, расторопный и в городе любим, то все сие тем удобнее сделано быть может, иначе, по незнанию и непроворству тех людей, коим бы производить следовало, или очень явно или же, чего я более опасюсь, dokonчено не будет и тогда только человечество постраждет»⁶⁵. Сама Екатерина II, отвечая 6 марта 1775 г. на вопрос своей приятельницы Бьелке, предположившей, что «промах» палача при казни Пугачева был вызван соответствующими указаниями императрицы, писала: «Сказать вам

⁶⁴ Там же. С. 147 (из донесения А. А. Вяземского Екатерине II от 9 января 1775 г.).

⁶⁵ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 146.

правду, вы верно отгадали относительно промаха палача при казни Пугачева. Я думаю, что генерал-прокурор и обер-полицмейстер помогли случиться этому промаху, потому что когда первый из них уезжал из Петербурга для производства суда, я сказала ему шутя: «Никогда больше не попадитесь мне на глаза, если вы допустите малейшее мнение, что заставили кого бы то ни было претерпеть мучения», и я вижу, что он принял это к сведению»⁶⁶. Но даже и эта единственная милость к Пугачеву — мгновенная смерть взамен мучительнейшей агонии — была дарована Екатериной II отнюдь не из гуманных побуждений, а из холодного политического расчета. После стольких кровавых расправ, которые вершились с ее ведома над пленными повстанцами, императрица очень опасалась неблагоприятного мнения по поводу обстоятельств казни Пугачева. Она знала, что к эшафоту Пугачева будет приковано внимание зарубежных дипломатов, газет, ее искренних и мнимых друзей и недругов, великих просветителей, гуманными идеями которых она лицемерно увлекалась и мнениями которых она еще дорожила. И в то же время, зная умонастроение дворянства, жаждавшего самой жестокой и мучительной расправы над Пугачевым, Екатерина II вынуждена была отдать распоряжение о перемене обряда казни секретным образом, через своих верных сотрудников, избегая тем самым каких-либо нареканий и искусно маскируясь на позиции полного невмешательства⁶⁷.

В полдень 9 января, сразу же после подписания сентенции членами суда, на Монетный двор прибыли Вяземский, Волконский и Шешковский. Объявив Пугачеву о назначенной на завтра казни, они оставили его наедине с протоиереем кремлевского Архангельского собора Петром Алексеевым для последней исповеди. Пугачев, давно ожидавший смерти, не потерял присутствия духа и в эту минуту. С видимым равнодушием принял он весть о скором конце. Протоиерей Петр Алексеев, передавая результаты беседы с Пугачевым, в рапорте к крутицкому епископу Самуилу от 10 января 1775 г. писал, что он увещевал Пугачева, приводил его «в истинное признание и раскаяние», и что он «с сокрушением сердечным покаялся в своих согрешениях пе-

⁶⁶ Сборник РИО. СПб., 1880. Т. 27. С. 32.

⁶⁷ Чулошников А. Казнь Пугачева и его сообщников // Русское прошлое. 1923. № 3. С. 144—149.

ред Богом». Исполняя поручение Синода, протоиерей освободил Пугачева от анафемы как «раскаявшегося грешника». Тот же обряд он совершил и над другими узниками Монетного двора: М. Г. Шигаевым, И. Н. Зарубиным, Т. И. Подуровым и В. И. Торновым, осужденными на смерть. Лишь один из смертников — А. П. Перфильев, фанатичный раскольник, отказался исповедоваться у священника-никонианина: «... по раскольнической своей закоснелости он не восхотел исповедоваться и принять божественного причастия» и по своему упорству был оставлен навек преданным анафеме⁶⁸.

Днем 9 января Вяземский вызвал к себе обер-полицмейстера Архарова и вручил ему сенатский указ о назначении казни и экзекуции приговоренным по делу Пугачева, приказав срочно приготовить к завтрашнему утру эшафот и виселицы на Болотной площади и оповестить москвичей через полицию и печатные объявления о предстоящей казни. Тогда же Вяземский передал Архарову тайное распоряжение Екатерины II о ритуале казни Пугачева. С вечера на Болотной площади разожгли огромные костры. Они горели всю ночь, освещая место, где плотники под присмотром обер-полицмейстера сколачивали эшафот, устанавливали виселицы. Чтобы зрители видели все подробности казни Пугачева, эшафот был построен высотой в четыре аршина с обширным помостом, окруженным балюстрадой. Посреди помоста был воздвигнут высокий столб с надетым на него колесом, увенчанный стальной спицей; рядом со столбом установили дубовую плаху. Поодаль от эшафота — в двадцати сажнях — были поставлены три виселицы. К рассвету все приготовления были закончены.

Утром 10 января в камеру Пугачева явился протопоп Казанского собора Феодор и наскоро сподобил смертника «святых Христовых тайн». Конвойные солдаты вывели Пугачева во двор, не снимая кандалов. Запряженные четверкой коней сани с высоким помостом ждали его у крыльца. На заднюю скамью саней рядом с Пугачевым сел начальник конвоя Галахов, напротив, лицом к ним, поместились два священника, которые на всем пути к месту казни должны были увещевать Пугачева к раскаянию. Сани тронулись, выбрались на улицу, оцепленную конной полицией.

⁶⁸ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 147.

Уже на рассвете на Болотной площади стали собираться москвичи, подъезжали из окрестных деревень крестьяне с товарами (день был субботний, торговый). К тому времени Архаров вывел к эшафоту полицейские части, усиленные гарнизонными пехотными полками, и оцепил ими место предстоящей казни. Люди заполнили всю площадь, прилегающие к ней улицы, переулки и Большой Каменный мост; многие забрались на крыши домов, лавок, на кровли церквей. Войска с трудом сдерживали напор толпы, пропуская через оцепление лишь дворян, офицеров и чиновников. Очевидец этого события А. Т. Болотов писал, что эшафот «окружен был сомкнутым тесно фрунтом войск, поставленных тут с заряженными ружьями, и внутрь сего обширного круга не пропускаемо никого из подлого народа... а дворян и господ пропускали всех без остановки; и как их набралось тут превеликое множество, то, судя по тому, что Пугачев наиболее против их восставал, то и можно было происшествие и зрелище тогдашнее почесть и назвать истинным торжеством дворян над сим общим их врагом и злодеем»⁶⁹. Сани с Пугачевым медленно продвигались к месту казни, сопровождаемые конным конвоем; вслед за ними следовали сани с другими осужденными. Когда процессия проехала Воскресенский мост через Неглинную, Пугачев, вставши во весь рост, кланялся, прощаясь с народом, пришедшим проводить его в последний путь. Очевидец казни поэт И. И. Дмитриев так описал это шествие к Болотной площади: «Вдруг все восколебалось, и с шумом заговорило: «Везут, везут!» Вскоре появился отряд кирасир, за ними необыкновенной величины сани, и в них сидел Пугачев. За санями следовал еще отряд конницы. Пугачев, с непокрытой головою, кланялся на обе стороны, пока везли его. Я не заметил в лице его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет, роста среднего, лицом смугл и бледен, глаза его сверкали; нос имел кругловатый, волосы, помнится, черные, и небольшую бородку клином»⁷⁰. Когда сани подъехали к эшафоту, конвойные вместе с Пугачевым и Перфильевым поднялись по крутой лесенке на помост. Туда же проследовали духовники Пугачева, судейские чиновники, палачи, приставы. Других осужденных к смерти поставили у плаха и виселиц, а приговоренных к экзекуции — у деревян-

⁶⁹ Болотов А. Т. Записки. СПб., 1873. Т. 3. С. 488.

⁷⁰ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 28.

ных перекладин. Судейский чиновник развернул тетрадь с сентенцией. Площадь стихла, вслушиваясь в чтение, которое «продлилось очень долго». Пугачев при чтении приговора «стоял... почти в онемении и сам вне себя и только что крестился и молился»⁷¹.

По прочтении сентенции священник сказал несколько ободряющих слов Пугачеву, благословил его и пошел с эшафота вместе с судейскими чиновниками. «Тогда Пугачев сделал с крестным знаменем несколько земных поклонов, обратясь к соборам, потом с уторопленным видом стал прощаться с народом; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: «Прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрубил перед тобою; прости, народ православный!»⁷² По сигналу обер-полицмейстера Архарова, который находился с ординарцами близ эшафота, палачи сняли с Пугачева оковы и «бросились раздевать его: сорвали белый тулуп; стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтана. Тогда он всплеснул рукавами, опрокинулся навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе; палач взмахнул ее за волосы»⁷³.

По словам А. Т. Болотова, среди простого народа «были многие, которые думали, что не воспоследует ли милостивого указа и ему (Пугачеву) прощение, и бездельники того желали, а все добрые того опасались»⁷⁴. Но милостивого указа не последовало. Пугачев и четверо его товарищей — Перфильев, Шигаев, Подуров и Торнов — были казнены⁷⁵, а остальные осужденные подвергнуты экзекуции.

После казни, когда палач показывал народу голову Пугачева, разыгрался последний фарс, заранее задуманный на совещании Екатерины II с Вяземским и Потемкиным в Петербурге. Обер-полицмейстер Архаров с видимым негодованием набросился на палача и стал выговаривать ему за «самовольное» изменение обряда казни. «Со всем тем произошло при казни его нечто странное и неожиданное, — писал А. Т. Болотов, — и вместо того, чтоб в силу сентенции, наперед его четвертовать и отрубить ему руки и ноги, палач вдруг отрубил ему голову, и богу уже известно, каким образом это сделалось, ни то палач был к тому от злодея под-

⁷¹ Болотов А. Т. Указ. соч. С. 490.

⁷² Дмитриев И. И. Указ. соч. С. 29.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Болотов А. Т. Указ. соч. С. 490.

⁷⁵ И. Н. Зарубин был отправлен в Уфу, где и казнен 24 января 1775 г.

куплен, чтоб он не дал ему долго мучиться, ни то произошло от действительной ошибки и смятения палача, никогда еще в жизнь свою смертной казни не производившего, но как бы то ни было, мы услышали только, что стоявший там подле самого его какой-то чиновник вдруг на палача с сердцем закричал: «Ах, сукин сын! Что ты это сделал!» И потом: «Ну, скорее — руки и ноги». В самый тот момент пошла стукотня и на прочих плахах, и вмиг после того очутилась голова Пугачева, воткнутая на железную спицу, на верху столба, а отрубленные его члены и кровавый труп, лежащие на колесе».

На следующий день, 11 января, Вяземский уведомил фаворита императрицы генерал-адъютанта Г. А. Потемкина о совершившейся накануне казни, заведомо зная, что сообщаемые им сведения будут доведены до Екатерины II: «Вчерашнего числа в одиннадцать часов утра [сентенция] действительно исполнена. Пугачев был в великом раскаянии, а Перфильев и Шигаев толиким суеверием и злобою заражены, что и после увещевания от священника не согласились приобщиться. Перфильев же и во время экзекуции глубоким молчанием доказывал злость свою. Однако, увидев казнь Пугачева, смутился и оторопел. Таким образом совершилась казнь злодеям и завтрашнего дня как тела, так и сани, на коих везен был Пугачев, и эшафот — все будет сожжено». А в постскриптуме к письму, явно подыгрывая ожиданиям императрицы, он добавил, что народ, собравшийся на казнь, был «весьма тих и сожалельщиков никого не примечено», что ожидали большего числа осужденных к смерти, и будто бы «даже сама чернь» при казни Пугачева восклицала: «Вот тебе корона, вот престол»⁷⁶. Если и были злорадные высказывания такого рода, они звучали в толпе торжествующих дворян, окружавших эшафот.

11 января обер-полицмейстер Архаров рапортовал Сенату о сожжении останков Пугачева вместе с эшафотом и санями, на которых его доставили к месту казни⁷⁷. В тот же день Вяземский «припадая к высочайшим стопам», всеподданнейше доносил Екатерине II об окончании «Пугачевско-го» дела в Москве⁷⁸.

⁷⁶ ЦГИА СССР. (Здесь и везде далее читать: РГИА.) Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 744-744 об.

⁷⁷ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 147-148.

⁷⁸ Там же. С. 148.

В последующие дни Тайная экспедиция Сената занималась отправлением из Москвы конвоев с осужденными в места, назначенные к отбыванию каторги и ссылки. На каторжные работы в Балтийский порт (ныне г. Палдиски в Эстонии) были отправлены И. Я. Почиталин, М. Д. Горшков, И. И. Ульянов, Канзафар Усаев, А. Т. Долгополов, Д. К. Караваев, В. Я. Плотников и Г. М. Закладнов⁷⁹. На поселение в Кольский острог сослали Т. Г. Мясникова, М. А. Кожевникова, П. Т. Кочурова, П. П. Толкачева, И. С. Харчева, Т. И. Скачкова, С. М. Оболяева, И. П. Горшенина, П. Л. Ягунова и А. С. Чучкова⁸⁰. В Кексгольм для содержания в крепости выслали семью Пугачева (первую жену Софью Дмитриевну и детей Трофима, Аграфену и Христину, а также вторую жену Устинью Петровну)⁸¹. Казачьих старшин, выдавших Пугачева властям (И. А. Творогова, Ф. Ф. Чумакова, И. С. Бурнова, И. П. Федулева), а также П. А. Пустобаева, В. С. Коновалова, И. Я. Почиталина и К. Т. Кочурова отправили на поселение в Прибалтику, а подпоручика М. А. Шванвича — в Сибирь⁸². Около 20 человек были отпущены из Тайной экспедиции в связи с тем, что в ходе следствия не подтвердились ранее выдвинутые против них обвинения в сообщничестве с Пугачевым⁸³. При освобождении они обязывались, «о чем в Тайной экспедиции спрашиваны и что показали, о том никогда, ни с кем, ни под каким видом разговоров и разглашения не чинить, а содержать то секретно до кончины»; виновные же в нарушении этого запрета подлежали смертной казни⁸⁴.

Так завершилось громкое «пугачевское» дело — следствие и судебный процесс над Пугачевым и ближайшими его сподвижниками, что, однако же, не означало окончательного поражения Крестьянской войны: отдельные ее вспышки имели место до середины 1775 г., в связи с чем и чрезвычайные полномочия генерал-аншефа графа П. И. Панина на посту главнокомандующего карательными войсками в «бунтующих» губерниях были отменены Екатериной II только лишь в августе 1775 г.

⁷⁹ ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 3. Л. 103.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. Л. 104.

⁸³ Там же. Л. 173—184.

⁸⁴ Там же. Л. 145.

* * *

Публикуемые в данном сборнике документы имеют интересную историю.

В 1775 г. вскоре после завершения следствия и суда над Пугачевым и его ближайшими сподвижниками трехтомное следственное дело было перевезено из Москвы в Петербург, запечатано печатью генерал-прокурора Вяземского и сдано на секретное хранение в архив Тайной экспедиции Сената. В 1810 г. несколько лет спустя после упразднения Тайной экспедиции (1801 г.), ее архив в полном составе поступил в Санктпетербургский государственный архив старых дел. В 1835 г. следственное дело Пугачева из этого хранилища было изъято и передано в Государственный Санктпетербургский архив Министерства иностранных дел, где сосредоточивались документы, освещающие политическую историю страны и прежде всего историю народных движений и развитие передовой общественной мысли.

В течение почти целого столетия материалы следственного дела Пугачева не были доступны исследователям. А. С. Пушкин, первый историограф Пугачевского движения, объяснял несовершенство и неполноту своей «Истории Пугачевского бунта» (СПб., 1834) тем, что ему не довелось ознакомиться с запретными в то время протоколами допросов Пугачева⁸⁵.

Завеса секретности над материалами следствия по делу Пугачева несколько приоткрылась в период революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX века. В 1858 г. на страницах журнала «Чтения в Обществе истории и древностей российских» были напечатаны копии протоколов показаний Пугачева на допросах в Яицком городке (17.IX.1774) и Симбирске (2—6.X.1774)⁸⁶, извлеченные из частного архива С. И. Маврина, который, как сказано выше, участвовал в дознании по делу Пугачева. Документы были изданы в «Чтениях» по неисправным текстам, с большим числом искажений, ошибок, пропусков и иных дефектов текста; сама же эта публикация не была снабжена научно-справочным аппаратом, не имела ни вводной статьи, ни комментариев.

Первым из исследователей, получившим в начале

⁸⁵ Пушкин А. С. Поли. собр. соч. Л., 1938. Т. 9. Кн. 1. С. 1, 374.

⁸⁶ Допросы Пугачеву // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1858. Кн. 2. Отд. 2. С. 1—52.

1860-х годов доступ в Государственный архив МИД к документам по истории Пугачевского движения, в том числе и к следственному делу Пугачева, был академик Я. К. Грот, собиравший материалы о Г. Р. Державине для публикации в собрании его сочинений. Исходя из тематики своих архивных разысканий, Грот не обращался специально к изучению следственного дела Пугачева и не готовил его к изданию, но считал необходимым упомянуть о нем в обзоре просмотренных им документальных источников⁸⁷. В начале 80-х годов XIX в. в Государственном архиве МИД занимался историк генерал Н. Ф. Дубровин, который использовал протоколы показаний Пугачева и его сподвижников в качестве важнейшей группы документальных источников в фундаментальном исследовании истории Пугачевского движения⁸⁸.

После Октябрьской революции произошли перемены в судьбе следственного дела Пугачева: сменился архивный его адрес и — главное — расширились возможности научного использования. Бывший Государственный архив МИД, в одном из фондов которого хранилось следственное дело Пугачева, был перевезен в 1918 г. из Петрограда в Москву, в 1925 г. вошел в Древлехранилище Центрархива РСФСР (предшественник нынешнего ЦГАДА). С расширением фронта научных исследований в области истории Крестьянской войны 1773—1775 гг., развернувшихся в советской историографии с середины 1920-х годов, возрастала потребность в публикациях следственных показаний вожаков повстанческого движения и, прежде всего, самого Пугачева. В 1929 и 1931 годах Центрархив СССР издал два тома сборника «Пугачевщина»⁸⁹, где опубликованы протоколы допросов (к сожалению, в большинстве случаев не полный их текст, а отрывки) видных пугачевцев: И. Н. Зарубина, И. Н. Белобородова, Т. И. Подурова, И. Я. Почиталина, М. Г. Шигаева, А. И. Дубровского и других. В 1935 г. в журнале «Красный архив» был издан протокол показаний Пугачева на допросе в Тайной экспедиции Сената

⁸⁷ Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова // Записки имп. Академии наук. СПб., 1862. Т. 1. Прил. № 4. С. 7.

⁸⁸ Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. 1—3.

⁸⁹ Пугачевщина. Из следственных материалов и официальной переписки. М.—Л., 1929. Т. 2; Пугачевщина. Из архива Пугачева. М.—Л., 1931. Т. 3.

(4—14.XI.1774), подготовленный к печати А. А. Сергеевым и М. В. Жижкой⁹⁰. В 1966 г. Р. В. Овчинников опубликовал в пяти номерах журнала «Вопросы истории» материалы следствия и судебного процесса по делу Пугачева⁹¹ и среди них впервые воспроизведенные по подлинникам протоколы показаний Пугачева на допросах в Яицком городке (16.IX.1774), Симбирске (2—6.X.1774) и Москве (4.XI, 8.XI, 15.XI, 16.XI, 17.XI, 18.XI, 28.XI, 1.XII, 2.XII, 3.XII, 5.XII, 11.XII), причем, упомянутые тут протоколы московских допросов ранее не появлялись в печати.

Протоколы следственных показаний Пугачева, опубликованные в названных выше изданиях, широко использовались в коллективном исследовании истории Крестьянской войны, вышедшем в свет под редакцией В. В. Мавродина⁹², в ряде других монографий, а также историко-биографических книг о Пугачеве⁹³.

Из приведенного выше археографического обзора видно, что протоколы следственных показаний Пугачева разрозненно публиковались в дореволюционных и советских исторических журналах. Рамки журнальных публикаций ограничивали возможности научного комментирования показаний Пугачева. Сами журналы, в которых были опубликованы эти документы, давно уже стали библиографической редкостью. В связи с этим и возникла необходимость в новом издании всего комплекса протоколов следственных показаний Пугачева 1774 г. в специальном сборнике⁹⁴, который удовлетворял бы потребности как исследователей, историков и юристов, так и широкого круга читателей, интересующихся историческим прошлым нашего Отечества.

Составители сборника «Емельян Пугачев на следствии»

⁹⁰ См.: Допрос Е. И. Пугачева в Тайной экспедиции в Москве в 1774—1775 гг. // Красный архив. 1935. № 69—70.

⁹¹ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 124—138; № 4. С. 111—126; № 5. С. 107—121; № 7. С. 92—109; № 9. С. 137—149.

⁹² См.: Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1960, 1966, 1970. Т. 1—3.

⁹³ Из числа таких жизнеописаний назовем вышедшую в серии «Жизнь замечательных людей» книгу В. И. Буганова «Пугачев» (М., 1984).

⁹⁴ В приложениях напечатаны также протоколы показаний Пугачева накануне Крестьянской войны, на допросах в Моздокской комендантской канцелярии (9 февраля 1772 г.), управительской канцелярии Малыковской дворцовой волости (18 декабря 1772 г.), Казанской губернской канцелярии (7 января 1773 г.).

руководствовались задачей подготовить издание научного типа, соответствующее современному уровню археографии и источниковедения, воспроизведя тщательно выверенный по архивным оригиналам текст документов и сообщив в примечаниях к каждому из показаний Пугачева данные об упоминаемых им лицах, событиях и географических пунктах, о степени достоверности его слов, об отклонениях от истины, измышлениях, умолчаниях, ошибках памяти и т. п.

Следует остановиться на некоторых особенностях содержания протоколов допросов Пугачева. В этих документах многократно приводятся негативные оценки Пугачевского движения, которое именуется как «злодейское предприятие», «государственное преступление», отряды восставших называются «злодейскими» или «воровскими толпами», «злодейской сволочью», Пугачев именуется «вором», «варваром», «разбойником», «злодеем» и т. п. Вряд ли сам Пугачев по собственному почину мог бы опуститься до подобных оценок и характеристик. Конечно же, они были привнесены в ткань показаний Пугачева следователями, заинтересованными в том, чтобы в самом неприглядном виде представить предводителя восстания и его сторонников, дискредитировать их (особенно тенденциозны в этом отношении протоколы симбирского и московского дознаний). Тенденциозный подход к оценке действий восставших сказывался также и в чрезмерном внимании следствия к фактам расправ повстанцев со своими врагами, причем факты такого рода преподносились в протоколах дознания в извращенном виде. Одна из задач источниковедческого изучения и комментирования показаний Пугачева заключается в выявлении и отсоединении чужеродных им положений, оценок и характеристик, отражающих позицию следователей.

В протоколах показаний Пугачева встречаются различного рода пробелы в освещении его биографии и в изложении событий Крестьянской войны. Для составителей сборника важно было установить происхождение этих пробелов: вызваны ли они были сознательными умолчаниями Пугачева, его забывчивостью, малозначительностью опускаемых им эпизодов или же иными причинами.

Большинство событий, упоминаемых в показаниях Пугачева, не датированы. Для установления дат составителя-

ми сборника привлечены повстанческая и правительственная документация, а также такие хроникальные источники с точно указанными датами событий, как журнал Оренбургской губернской канцелярии, «Летопись» П. И. Рычкова, журнал Яицкой комендантской канцелярии, мемуарные записки И. С. Полянского, И. И. Осипова, П. И. Рычкова, походный журнал И. И. Михельсона и др.

Выше уже говорилось, что важнейший принцип, положенный в основу комментирования публикуемых протоколов, — изучение, объяснение и критическая оценка каждого показания Пугачева. Работа над примечаниями потребовала привлечения широкого круга источников, как опубликованных, так, по преимуществу, и неизданных, извлеченных из архивных фондов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Трудоемких архивных изысканий потребовала работа по установлению биографических данных о людях, упоминаемых в показаниях Пугачева (упоминаемых порой глухо, без имени, подчас с ошибками в имени, в чинах, в социальном положении и т. п.).

В числе источников, устанавливающих биографические сведения о пугачевцах, были использованы их следственные дела, текущая повстанческая и правительственная переписка, а также впервые привлекаемые для данной цели книги ревизских сказок по III ревизии 1762—1764 гг., именные переписи казачьих войск, церковные исповедальные книги (ежегодные приходские регистры 1772—1774 гг.). Для установления биографии деятелей правительственного лагеря (генералов, офицеров, чиновников и др.) использованы переписка екатерининских властей и учреждений, служебные аттестаты, а также впервые разысканные формулярные и послужные списки.

Сборник подготовлен к печати в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969). Текст документов передан в современной транскрипции, но с сохранением всех прочих особенностей написания архивных подлинников. Пунктуация в основном проставлена в соответствии с современными правилами, допущены лишь некоторые отступления от них, учитывающие особые формы построения фраз, свойственные языку и письму второй половины XVIII века. В подстрочных (т. е.

текстуальных) примечаниях к тексту публикуемых документов приведены разночтения, варианты, зачеркнутые фразы, имеющиеся в копийных экземплярах и в черновиках; даны по юлианскому календарю даты событий, указанные в подлинниках по церковным переходящим и непереходящим праздникам; объяснены архаичные термины и понятия, а также отмечены иные особенности документов. Примечания, сообщающие подробные данные о лицах, событиях и документах, упоминаемых в показаниях Пугачева, и содержащие оценки степени достоверности и полноты этих показаний, помещены за основным корпусом документов и приложениями. Сборник снабжен указателем имен.

Работа по подготовке сборника к изданию проведена Институтом российской истории Российской Академии наук и Российским государственным архивом древних актов Федеральной архивной службы России. Составители сборника — ведущий научный сотрудник Института российской истории доктор исторических наук Р. В. Овчинников и старший археограф РГАДА А. А. Светенко. Выявление документов для сборника, их археографическая обработка, сверка с архивными подлинниками выполнены Р. В. Овчинниковым и А. С. Светенко. Введение и примечания написаны Р. В. Овчинниковым. Указатель имен составлен А. А. Светенко.

№ 1

Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Яицкой секретной комиссии¹

16 сентября 1774 г.

(л. 100) 1774-го года сентября 16 дня в отделенной секретной комиссии², что в Яицком городке, государственной злодей, похитивший имя в бозе почивающаго императора Петра Третьяго³, Емелька Пугачев допрашиван и показал.

Родиною я — донской казак Зимовойской станицы Емельян Иванов сын Пугачов, грамоте не умею, от роду мне тридцать два года. Отец мой — донской же казак, Иван Михайлов⁴ сын (оной умре)*. Брат мой, Дементей Пугачов⁵, находился в Турецком походе⁶, а ныне где обретается, — того не знаю. Имею еще две сестры, большая — Ульяна, в замужестве Донскаго войска за казаком Федором Брыкалиным; а другая — Федосья, в замужестве ж за вывезенным еще в малолетстве пруской нации за полонеником Симаном Никитиным сыном, по прозванию Павловым⁷, которой потом и написан Донскаго же войска в казаки, и переведен быш с протчими для житья в Таганрог, которой, уповательно, и теперь там находится.

До семнадцатилетняго возраста жил я все при отце своем так, как и другия казачьи малолетки в праздности; однакож не раскольник, как протчия донския и яицкия казаки, а православнаго греческаго исповедания кафолической веры⁸, и молюсь богу тем крестом, (л. 100 об.) как и все православныя християне, и слагаю крестное знамение первыми тремя перстами (а не последними). На осмнатцатом году своего возраста⁹ написан я в казаки в объявленную же

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «отец назад тому 12 лет умер, а мать 3 года» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 1).

Зимовейскую станицу на место отца своего, ибо оной пошел тогда в отставку. А на другом году казачьей службы женился Донского же войска Ясауловской станицы на казачьей Дмитрия Недюжева дочери Софье¹⁰, и жил с нею одну неделю: наряжон был в Прусской поход¹¹. Сие было в котором году, — не помню, также — и которая была кампания. Командиром в то время был при том наряженном Донском войске полковник Илья Федоров сын Денисов¹², которой и взял меня за отличную проворность к себе в ординарцы так, как и от других станиц у него состояло для разных посылок немалое число.

По выступлении с Дону пришли мы в местечко Познани¹³, где и зимовали. Оной корпус, сколько ни было войск в Познани, состоял в дивизии графа Захара Григорьевича Чернышева¹⁴. Потом из Познани выступили в местечко Кравин¹⁵, где ночью порою напали на передовую казачью партию прусаки и, хотя урону большого не было, однакож, учинили великую тревогу. А как тут были в ведомстве у меня полковника Денисова лошади, то в торопости от прусаков, не знаю как, упустил (л. 101) одну лошадь, за которую мою неосторожность объявленной Денисов наказал меня нещадно плетью. Из Кравина выступили в Кобылин¹⁶. Тут или в другом месте, — не упомяну, пришло известие из Петербурга, что ея величество государыня императрица Елисавета Петровна¹⁷ скончалась¹⁸, а всероссийский престол принял государь император Петр Третий¹⁹. А вскоре того и учинено с пруским королем²⁰ замирение²¹, и той дивизии, в коей я состоял, велено итти в помощь прускому королю против ево неприятелей²². А не доходя реки Одера, идущую тут дивизию, над коей, как выше сказано, шеф-генерал граф Чернышев, встретили пруския войски, и чрез Одер вместе перешли. А на другой день по переходе сам его величество ту дивизию смотрел. Были у прускаго короля — сколько время, — не упомяну, и отпущены были в Россию²³.

При возвращении ж в Россию, перешед реку Одер, пришло известие из Петербурга, что ея величество государыня Екатерина Алексеевна²⁴ приняла всероссийский престол²⁵, и тут была в верности присяга, у которой и я был. В то время было мне лет дватцать, а о названии себя государем и в голову еще не приходило.

(л. 101 об.) Возвратясь из того похода в дом свой, жил я

в своем доме четыре года, в которое время* прижил с женою своего сына Трофима²⁶, коему от роду ныне 10 лет, и дочь Аграфену²⁷, оной** ныне шестой год.

Потом командирован я был в числе ста человек в Польшу при есауле Елисее Яковлеве. А пришед туда, та команда принята была в свое ведомство господином генералом Кречетниковым²⁸. Служба наша в то время состояла: выгонять из Польши российских беглецов, кои жили тамо в разных раскольничьих слободах. А как таковых множество собрано было, то генерал Кречетников отправил нас, донских казаков, при афицерах в город Чернигов, где беглецы и отданы были в ведомство тамошнему коменданту²⁹.

А я с протчими казаками приехал в дом свой, и жил полтора года, и прижил меньшую свою дочь Христину³⁰, коей ныне четвертой или пятой год.

Потом по насланной из Государственной Военной коллегии грамоте командировано было из Донскаго войска в ныне прошедшую Турецкую войну³¹ четыре полка. Командиром при оных был атаман Тимофей Федоров сын Греков³². (л. 102) В которой поход и я в полку Кутейникова³³ во второй сотне хорунжим был послан. И пришед в Бахмут, стояли целую зиму. А весною пошли на польскую границу, где, совокупясь с военными командами, командир в то время был его сиятельство, господин генерал-аншеф граф Петр Иванович Панин³⁴, и пошли под Бендеры. А как оныя взяли³⁵, то выступили на зимния квартиры в город Елисавет. И из села Каменки отпущен я был в дом свой так, как и другия сто человек казаков, в отпуск. Однакож я за болезнь свою — на месяц, — а по прошествии сроку велено было явиться опять к команде, где обретаться будет армия***.

Приехав в свой дом, хотя болезнь моя не умалилась, а умножилась, однакож, как вышел срок моему отпуску, собрал свою команду и прямым трактом пошел на реку До-

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «родилось у него два сына и две дочери, имена их — сыновей: первой — Трофим, а другой Степан; Трофиму 10 лет, а Степан нескольких недель умре» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 2 об.).

** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «Аграфене пятой год» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 2 об.).

*** Далее в черновике протокола следует текст: «когда я, чтоб, будучи в армии, назывался государя Петра Перваго крестным сыном, — о том мне никогда и в разум не приходило, и сие на него выдуманно» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 3 об.).

нец. А перешед оной, увидел, что по причине своей болезни ехать никак не мог. Но, чтоб служба за мною не стала, нанял за себя казака Михайлу Бирюкова, которой в армию за меня с теми ста человеками казаков и поехал. А я, весьма будучи болен, приехал в дом свой и лежал с месяц.

Как же увидели тут (л. 102 об.) станичныя командиры, что я к выздоровлению безнадежен, ибо на ногах и на груди были величайшия раны, сказали мне, чтоб взял я станичной атестат и билет для свободного проезда и ехал в город Черкасск для отставки. Которой я, получа в руки, также о свободном проезде и билет, в город Черкасск поехал.

А по приезде явился к войсковому атаману Степану Данилову сыну Ефремову³⁶. Оной сказал мне, чтоб шол для излечения ран в лазарет, — «а как-де не излечисся, то и тогда отставка тебе дастся, ибо-де я увижу, что ты, может быть, со временем и вылечисся». Однакож я не пошел в лазарет, боясь того, чтоб больше болезнь моя не умножилась, а рассудил пользоваться на своем коште, о чем и Ефремову доносил, сказывая притом, что между тем поеду я в Таганрог к сестре своей³⁷ для свидания. На то Ефремов сказал: «Очень хорошо, пожалуй-де, поезжай, вить ты и билет имеешь для проезду куда хочешь». Почему я и приехал в Таганрог, зять своего³⁸ дома не получил, а сестра незапному моему приезду весьма обрадовалась.

А чрез несколько дней и зять мой в дом приехал. Между многих разговоров зять сказывал: «Нас-де хотят обучать ныне (л. 103) по-гусарски, и всяким регулярным военным подвигам». А на то я отвечал: «Как-де ето? Кажется, не годится, чтоб переменять устав казачьей службы, и надобно-де о сем просить, чтоб оставить казаков на таком основании, как деды и отцы войска Донскаго служили». На то зять мой Симон Павлов говорил: «У нас-де много уже и переменено: старшин-де у нас уже нет, а названы вместо оных ротмистры. А когда-де нас начнут обучать не по обыкновению казацкому, то мы, сколько нас ни есть, намерены бежать туда, куда наши глаза глядеть будут». На сие я ничего не сказал; а жил тут три недели, стал собираться домой, то сестра моя стала проситься для свидания с матерью своею³⁹, которую я с позволения зятя своего с собою и взял.

Приехав на речку Тузлов, разстоянием от города Черкаска верст сорок, стал кормить лошадей, в которое время и зять мой меня нагнал в числе трех человек казаков и сказывал, что они бежали для того, что не хотят служить под но-

вым обрядом службы. На то я говорил: «Что вы это вздумали, беду и с мною делаете, ниравно будет погоня, так — по поимке — и меня свяжут, в тех мыслях, якобы вас подговорил, а я в том безвинно отвечать принужден буду». На то они говорили: «Что-де ты (л. 103 об) ни говори, мы назад не поедем, а поедем туда, куда бог наразумит». А на то я им сказал: «Когда вы уже сие предприняли, так бегите на реку Терик, там-де много живут людей, рек и лесов довольно, и так прожить будет способно. А тамошня-де жители странноприимчивы и вас для житья примут». Почему они ехать туда и согласились. А как лошадей выкормили, то и поехали вместе. Не доехав же Зимовейской станицы, зять мой, простясь со мною и с женою, а моею сестрою, в числе трех человек поехал в сторону, а я приехал в дом свой. Сестра, побыв у меня в доме, пошла к свекру своему, Зимовейской же станицы казаку Никите Павлову.

На другой день показанной зять мой Никитин, он же и Павлов, оставя бежавших с ним казаков в лесу, сам к отцу своему в дом приехал. А как отец его спрашивал, зачем приехал из Таганрога? То он отвечал: «За женою, ибо-де бригадир⁴⁰», в Таганроге бывшей, взыскивал на мне, что жена моя без спросу уехала, хотя и с братом, но на мне-де взыскивают строго, говоря притом: «Сюда-де жон на житье силою привозят, а ты отпускаешь». И тем от отца отговорился, не сказывая отнюдь ему своего к побегу намерения.

Жил зять мой (л. 104) у отца своего только одни сутки и, сказав ему, что едет обратно в Таганрог, и не быв у меня, из Зимовейской станицы выехал. А в полночь приехал к моему двору и спрашивал; «Покажи-де нам дорогу на Терик». На то я отвечал: «Ты-де за солью на Маньч хаживал, так поди сею дорогою, а она и доведет тебя до Терика». Потом просил меня, чтоб я перевез его чрез Дон. И хотя я от сего отговаривался, однакож, по сильной прозбе их, перевез и с сестрою своею. По перевозе же говорил я зятю: «Что естли вас поймают, так будут взыскивать на мне, для того что сестра у меня в доме была и после с тобою бежала». А зять мне говорил: «Сие будет неправосудно. Вить в станице знать будут, что я взял уже сестру твою на свои руки, так в чем тебе ответствовать должно?» Потом, простясь я со своим зятем и сестрою, назад в дом свой возвратился, а они на Терик в путь свой отправились. По разстании зять мой ездил по степи недели три и, не найдя того тракта, куда на Терик ехать, возвратились в станицу Зимовейскую, где,

по распросе атаманом, принуждены они были признаться, что бежали. А как спрошены были, кто чрез Дон — как туда поехали — их перевозил, то и принуждены (л. 104 об.) они были сказать на меня.

А как я услышал, что зять мой меня оговорил, и будет мне беда, то, не сказав жене своей и матери, коя еще жива была, бежал и жил недели две в степи около речек, а потом в дом свой приехал⁴¹. Когда ж узнали обо мне в станице, то взяли под караул и отослали в Чирскую станицу в розыскную команду. А в розыскной во всем я признался, и послан был в город Черкасск в колодке по станицам, чтоб за безопасным канвоем туда был доставлен. А как привезен был в Цымлянскую станицу, где казак Лукьян Худяков⁴² упротчил протчих, чтоб отдали ему на поруки для доставления в Черкасск. Когда ж тутошной атаман тому казаку по прозьбе ево отдал, то Худяков снял с меня колодку и послал в Черкасск с своим сыном малолетком, оному от роду было тогда около дватцати лет. Которой малолеток и повез было, но отец сказал сыну своему на ухо, чтоб с дороги меня отпустил, для того что я с Худяковым водил хлеб и соль, так и учинил сие по приязни. И так сын Худякова вывез меня в степь, дал свободу⁴³.

И пошел я, не быв в своем доме, в Малороссию, Изюмского полку в слободу, называемую Кабанью⁴⁴, (л. 105) к мужику Осипу, прозывающемуся Коровка⁴⁵, коему и сказался, что я — беглой донской казак и не знаю-де, куда деться. На то Коровкин отвечал: «Да поди-де в Польшу. Пройти туда можно между фарпостов. Поживи там несколько времени, и выди в Россию, и скажи на фарпосте, что польский выходец. А как-де есть указы, что польских выходцов селить велено по желанию⁴⁶, то и выберешь для житья любое место. А я-де тебе дам своего сына⁴⁷ для провозждения и осведомления в Польше о житии раскольников мест», — ибо и он, Коровкин, — раскольник. А как я, хотя и не раскольник, да вижу по скаске Коровкина, что способ для свободного прожития целой век хорош. Жив у него три дни, с сыном ево приехал в Стародубской монастырь⁴⁸, где живут все раскольники, и беглым тут великой притон. Тут сказал я о себе, что беглой же донской казак, и жил у раскольного старца⁴⁹ пятнатцать недель, и выспрашивал, где бы лутче прожить. На то старец отвечал: «Лутче-де невозможно, как итти в Польшу, а оттуда вытти на фарпосты, объявиться выходцом, взять указ, — где хочешь поселиться, — и

туда проехать, а со временем-де можешь и жену свою, хотя воровски, к себе достать, и жить целой век спокойно». Почему я с тем же сыном (л. 105 об.) Коровкина между фарпостов в Польшу проехали и, по скаске объявленного старца, в слободу Ветку⁵⁰ приехали. В оной слободе живут все раскольники, всякого сорту люди. Побыв в той слободе три дни, оставя товарища своего Коровкина в оной, сам пошел пешком в Россию с тем, чтоб сказаться так, как научон.

И пришед, на фарпост Добрянской⁵¹, явился, а по спросе объявил себя выходцом. Где жил в карантине шесть недель и объявил свое желание поселиться в Казанской губернии, на реке Иргизе⁵². Онаго места хотя я еще и не знал, однакож везде сказывали, что сие место к поселению для такого сорта людей, какого я, способно.

И с данным мне с того фарпоста пашпортом⁵³ за подписанием майора Мельникова, в числе таковых же выходцов, из коих знаю только одного беглого солдата Алексея⁵⁴, а прозвания не знаю, а сей также сказался, что из Польши выходец, с которым и ехал я до Малыковки, где явились у управителя⁵⁵, но кто он таков, — не упомяну. Управитель приказал нам несколько дней пообождать, а между тем намерен был отправить в Синбирскую провинциальную канцелярию для записки в назначенное место. Сие происходило прошлаго 772-го года. А как в то время был (л. 106) рекрутской набор, то объявленной товарищ мой нанялся за малыковского крестьянина в рекруты, которой был, как слышно, и принят, и после ево уже не видал.

А я с позволения малыковского управителя, не быв в Синбирске, поехал на Иргиз, в Филаретовской монастырь, к настоятелю Филарету⁵⁶, у котораго, яко выходец, жил три дни. И вместе с оным поехали в Малыковку попросить управителя, чтоб позволил, не быв в Синбирске, прожить недели три, ибо лошадь быша у меня худа, так не на чем скоро отправиться. Однакож, управитель понуждал всячески, чтоб поскорее явиться, но, наконец, позволил без объявления прожить недели три. Почему я обратно с тем Филаретом к нему в монастырь приехал.

А на другой день поехал я в Мечетную слободу для житья, ибо в монастыре, хотя я и раскольником уже назывался, жить было неблагопристойно. В Мечетной слободе жил я у крестьянина раскольника Степана Косова⁵⁷ с неделю. Сие происходило 772-го года ноября в первых числах.

А 15-го числа того ж месяца той же Мечетной слободы с

крестьянином Семеном Филиповым⁵⁸, выпросив у Филарета лошадь и денег, поехали в Яицкий городок для покупки себе и Филарету рыбы. Приехав туда, пристали к казаку яицкому Денису Пьянову⁵⁹ и жили у него неделю*. А как (л. 106 об.) в ту бытность с казаком Пьяновым познакомились и обедали за одним столом**, то в одно время не стало за обедом хлеба. И хозяин, Денис Пьянов, сожалея о сем, говорил: «Вот-де до чего мы дошли, что уже и хлеба на обед не достало». А как я спросил сему причины, то Пьянов говорил: «У нас-де было в Яицком городке убийство. Войсковой руки казаки⁶⁰, в том числе и я, хотя не дрался, однакож при той свалке был, убили генерала фон-Траубенберга⁶¹ и многих ево команды, также и старшинской руки казаков и чиновных людей немало⁶². А как-де дошло сие убийство до сведения ея величества, то прислан был для усмирения генерал Фрейман⁶³. И когда де он шол, то войсковыя казаки выехали было против ево на сражение и не хотели впустить в Яицкой городок, однакож Фрейман осилил⁶⁴. И войско, кое против ево выезжало, возвратясь в городок, увидя свою беду неминучу, согласились все бежать за море, в Золотую Мечеть***⁶⁵. И многия-де разбежались, в том числе и я шатался по степи и на Узенях⁶⁶ был в укрывательстве». Напротив чего я говорил: «Так вы-де хотели, видно, то же самое сделать, как наш Некрасов⁶⁷, зделав измену, подговоря многих, и бежали за Кубань, на реку Лобу, а перед выходом-де обещал каждому казаку по двенатцати (л. 107) рублей на человека. А как вывел в поле, то ни по полушке и не дал». На что Денис Пьянов говорил: «Да как-де быть-та? Великое гонение! Вот-де я и теперь в бегах, того и смотрю, как придут и возьмут под караул». А я отвечал: «Да как же быть? Хотя по поимке тебя и поколотят, да, может, и простят. А когда пойдете за границу, так почтут вас изменниками, и получите величайшей от государыни гнев». Более сих раз-

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «в которое время покупали рыбу» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 10).

** Далее в черновике протокола следует текст: «Денис Пьянов спросил ево, Пугачева, — кто он за человек, — и как он отвечал, что иностранной торговой человек». А как в ту бытность с казаком Пьяновым он, Пугачев, познакомился, а притом слышал в Мечетной слободе от жителей, что учинило войско Яицкое убийство генерала и протчих, то хотелось разговором с Пьяновым [узнать], отчего и каким образом все произойти могло» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 10 об.).

*** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «Однакож Фрейман прислал от себя в городок передовых» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 10 об.).

говоров я с казаком Пьяновым никаких не имел⁶⁸; и, купя в Яицком городке рыбы, с тем же Мечетной слободы мужиком Семеном Филиповым (с коим приехал) и возвратились в дом, в Мечетную слободу. Потом я, согласясь с хозяином своим, Косовым, купил еще в Мечетной слободе у приезжих мужиков в долг четыре воза рыбы, и поехал я для продажи оной рыбы в Малыковку.

Бывшей же со мною в Яицком городке крестьянин Семен Филипов, по уезде моем в Малыковку, рассказал Мечетной слободы жителям, что по бытности на Яике подговаривал я всех яицких казаков на Лобу-реку и давал на выход войску на каждую семью людей по двенадцати рублей. Почему те жители и репортовали о сем малыковскому управителю⁶⁹.

А как я в то время был в Малыковке для продажи рыбы, то управитель велел меня взять под караул и потом спрашивал (л. 107) по показанию мечетных жителей, якобы я точно вызывал Яицкое войско на Лобу-реку, и задаться вечно турецкому султану, и на выход войску давал по двенадцати рублей на человека, а на границе-де оставлено у меня до двух сот тысяч рублей, да на семдесят тысяч рублей товару, из которой суммы якобы я то бежавшее войско и коштовать хотел; и ежели понадобится войску денег на проход далее, то паша даст еще до пяти миллионов рублей. Всходствие того на меня доносу показанной управитель меня и спрашивал⁷⁰. А как я таковых речей по бытности в Яицком городке у казака Пьянова не говорил и сказывал точно те, как выше сказано, то есть, про Некрасова, то управитель щол, что я учинил заперительство*. И хотя я ему и сказался точным своим названием из-под побоев, однакож он, щитая меня подозрительным человеком, мучил. И под пристрастным распросом, дабы признался в том, в чем Мечетной слободы крестьянин Филипов доказывал, и выспрашивал: не солдат ли, не казак ли, не барской ли я беглой человек, а между тем все-таки сек** немилосердно батогами. Но я утвердился на прежнем своем показании. А с чего неговоренныя мною слова, якобы подговаривал казаков (л. 108) на Лобу-реку, давал деньги, и протчая неправда показана на меня, — не знал.

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «стал спрашивать, что прямо за человек: «Какой-де ты? Не польской ли выходец и шпион, не солдат ли беглой или казак, или барской человек?» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 12 об.).

** В подлиннике ошибочно: «секут».

Потом управитель начал меня отправлять в Синбирскую канцелярию. При отправлении ж читали мне допрос, в котором написано было, якобы я во всем показуемом на меня признался, то я управителю говорил: «На что-де то взводить на меня напрасно, чего я не говорил, и в чем я не признаюсь? А дайте мне с показателем Семеном Филиповым очную ставку, так я ево изобличу во лживом на меня показании». Однакож тот Филипов представлен из слободы не был, а допрос управитель не переписал. Кто ж вместо меня, по неумению грамоте, приложил к допросу руку, — не знаю, да и я никого не просил. И так в Синбирск в путь отправлен⁷¹. Деньги ж, кои у меня были, равным образом и рыбу, в Малыковке растащили, но кто имянно, — не знаю.

В Синбирской канцелярии допрашиван я не был⁷², а послан в Казань, где и содержали меня сперва в губернской скованаго в ручных и ножных кандалах. И тот день⁷³ спрашиван бых: «Что за человек?» А как сказал, что Донского войска казак, то и велено было посадить в губернскую же.

Не помню же, в какое точно время, только долго спустя, призвали меня к секретарю⁷⁴, как ево зовут, — не знаю, которой и велел читать малыковской допрос. Как же в том допросе (л. 108 об.) написано было то самое показание, в чем Мечетной слободы жители на меня доносили, и чего я точно не знаю, и отнюдь в том в Малыковке не признавался, то я и тут говорил, что в оном управителю не признавался, а для чего на меня тот в самом деле неправильной допрос управитель отважился в Казань прислать, — не знаю, и настоял крепко в произнесенных мною точных словах. Секретарь же, не чиня мне никакого письменного допроса⁷⁵, а только плюнул и приказал с рук збить железа⁷⁶. А потом он же, призвав к себе лекаря, велел осмотреть: не был ли я чем прежде наказан. Когда же лекарь раздел донага и увидел, что был сечен, а не узнал, — чем, и спрашивал: «Конечно-де ты, Пугачов, кнутом был наказан, что спина в знаках?» На то я говорил: «Нет-де, не кнутом, а сечен только во время Прускаго похода по приказу полковника Денисова езжалюю плетью, а потом через малыковского управителя терпел пристрастной распрос под батогами». И так послали меня опять в свое место, где содержался. Как уже сказано, что допроса мне тут письменного зделано не было, то я никакой

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «Потом читан был ему учиненной в Малыковке допрос. Допрашиван в губернской секретарем, коего свои зовут «губернским», а как прозывается, — не знает, только не Абрамовым» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 13).

нужды и не имел кого просить, кто бы вместо меня руку к допросу прикладывал.

Посидя я в губернской, переведен потом был в острог скованой же в ножных (л. 109) кандалах. И употреблялся с прочими колодниками во всякия казенныя работы, а большою частию на Арском поле около дворца⁷⁷.

Во время того моего содержания под караулом короткую приязнь я имел с одним колодником, Парфеном Дружининым⁷⁸, которой содержался за прочот казенных денег, и приговаривал мне, что: «Быть-де мне за прочот мой сечену кнутом, от чего я и бежал бы-де куда ни есть, только не знаю, где скрыться будет». На то я говорил: «Естли бы-де можно было отсель уйти, так бы я тебя вывел на Дон, и там бы, верно, нашли место, где прожить». И так оной разговор согласиєм к побегу окончался.

А как в остроге из караульных приметили мы в одном солдате, малороссиянине⁷⁹, склонность и неудовольствие в его жизни, то при случае сказали ему о нашем намерении, а солдат и согласился. И все трое вообще начали изыскивать удобной случай, дабы из острога бежать. Между тем пропало у меня, не помню, — сколько, — денег. А как многия о сем узнали и хотели отыскивать, однакож я об них не тужил, а сказал прочим: «Я-де щитаю сие за милостыню, кто взял, — бог с ним». Вина же я тогда не пил и временем молился богу, почему прочия колодники, также и солдаты почитали меня добрым человеком⁸⁰. Однакож в то время отнюдь еще не помышлял, (л. 109 об.) чтоб назваться государем, и сия жизнь не была тому причиною, чтоб вкрасться людям и после, как назовусь государем, чтоб можно было и на сию благочестивую жизнь ссылаться.

В оное же содержание под караулом по порядочной моей жизни от подаяния собрал я, сверх пропадших у меня денег, около или и больше тридцати рублей. Что много у меня сих денег было, то ни от чего другова, как по хорошей моей тогда жизни многия на имя подавали; некоторые — вдруг по рублю и больше* и спрашивали при подаче имянно: «Кто здесь Емельян Пугачов? Вот-де ему рубль»**.

В одно время купец Дружинин говорил мне: «Что ж,

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «Говорит он, Пугачев: «В том не сомневайтесь, клянусь богом, что никто мне суммою не дарил, а случалось так, что подавали и по рублю ему, и однажды получил он и от одной персоны по рублю» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 15).

** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «Но сие ни от чего другового, как потому что был тогда бодрым человеком» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 15).

Емельян, мы можем бежать». А как я сказал, что «хорошо», да и солдат то одобрил, тогда Дружинин дал своему сыну⁸¹ денег, коему, по-видимому, было лет пятнадцать, как зовут, — не знаю, и велел купить лошадь и телегу. Когда же она была готова, и сын Дружинина, пришел, о сем объявил, то он, Дружинин, сыну своему говорил: «Когда-де мы отпросимся у караульных к попу⁸² (как его зовут, — я не знаю, ибо он знаком Дружинину) и ты-де тут с кибиткою поблизку подъезжай, но с тем, чтоб никто тебя не видал, где мы будем».

Сие происходило прошлаго 1773-го года в мае месяце*, и в последних числах⁸³. Согласясь с тем Дружининым (л. 110) и с показанным малороссийской нации солдатом, умыслясь, поутру стали проситься у караульного офицера⁸⁴ с тем, чтоб отпустил для испрошения милостыни к попу. А офицер нас и отпустил. А солдат, согласник к побегу⁸⁵, и другой⁸⁶, которой того заговору не знал, к попу канвойными за нами пошли. Пришед к попу, не застали его дома. И Дружинин говорил, что «надобно-де возвратиться назад в острог, ибо-де, по небытности попа дома, не с кем напиться и напоить допьяна другова солдата», — которой не был к побегу согласен, — «а с попадьею-де пить нехорошо, да она же и пить не согласится, а без хозяина чинить сие дурно». И так в острог возвратились.

А того же дни чрез два часа, сие было в обед, а [по] спросу же караульного офицера с теми же солдатами к тому попу пошли. А между тем телега от сына Дружинина приготовлена. Пришед к попу, Дружинин договорился с попом, чтоб сходил тот поп в питейной дом и на данныя Дружининым деньги купил вина и меду. Поп на то согласился, вина и меду купил. А как сие, кроме ево, Пугачова, выпили и показалось мало, то Дружинин послал попа еще за вином, дав также из своего кошелька деньги, а поп и еще хмельнова принес. И так напились допьяна. А более (л. 110 об.) старались подпоить несогласнаго к побегу другова солдата. Поп же со всем своим домом о умысле нашем к побегу отнюдь не знал. И так, простясь с ним и сказав, что идут в острог, из дома попа вышли. А поп, проводя за двор свой, возвратился назад и хлопнул калиткою⁸⁷.

Как же скоро вышли, то сын Дружинина на одной лоша-

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «мая 29 дня» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 15 об.).

ди, запряженной в кибитку, едет навстречу. Которому Дружинин, хотя и знал, что сын его едет, но чтоб отвести в смотрителях подозрение, закричал: «Ямщик! Что возьмешь довести до острога?» А сын ему сказал: «Много ли вас?» А как ему сказано, что четверо, то запросил пять копеек. За которую плату все четверо, а сын Дружинина — пятой, и сели. А сей мнимой для других извозчик накрыл их привязанною на кибитке рогожкой. И так поехали, говоря несогласному солдату к побегу, что едут в острог. Как же закрытая все рогожкой ехали уже долго, то солдат спрашивал: «Что-де мы так долго едем?» А я на то ему отвечал: «Видно-де не в ту дорогу поехали». Когда же выехали на Арское поле, то рогожку открыли и солдат удивился, — что за чудо, — и спрашивал: «Зачем выехали из Казани?» — «Оставайся-де с благополучием!» А сами в путь поскакали. Онаго солдата отнюдь мы не били, и естли-де он (л. 111) прежде так показывал, то солгал⁸⁸.

Скакали мы мимо Царицынского села⁸⁹ и далее, не кормя лошадь целья сутки, и приехали в одну деревню, где живут татары, как называется, — я не знаю⁹⁰. Тут Дружинин взял свою жену⁹¹, которая жила в укрывательстве от поисков губернской канцелярии. И у того же татарина, у коего жила Дружинина жена, купил он, Дружинин, лошадь за четыре рубли; подпрегли к первой, сели все и поехали в тот городок⁹², где Дружинина жительство. А проехав, не приставая в оном с версту, остановились. И послал Дружинин сына своего за другими его детьми⁹³. Сын Дружинина пошел было по приказанию отца своего, но признан был теми жителями или посланными от губернской для поиска их, кои хотели было сказать, однакож он ушел, а прибежав, о сем сказал. И так мы в путь поскакали⁹⁴.

На другой день приехали на реку Вятку на перелаз⁹⁵. Тут спросили нас, куда мы едем? На то мы им ответствовали, что едем на Кураковской завод⁹⁶. И так нас перевезли. А как порядочно дороги не знали, каким образом чрез Яик на Иргиз для жительства проехать, когда же на Иргизе не покажется, то пробраться на Дон, и о сем дорогою у встречающихся спрашивали. На дороге чрез несколько в пути дней попался нам навстречу человек, коего спросили: как переехать Каму и где. На что тот неизвестной человек отвечал: «Можно-де переехать (л. 111) повыше Котловки⁹⁷, тут-де есть перевоз». Где мы и переехали. А переехав, спросили: «Где на Яик дорога?» На то ответствовано нам

было, чтоб мы ехали на село Сарсасы⁹⁸, куда мы и приехали.

В оном селе был мне знакомый человек, Алексей Кандалинцов⁹⁹. Оной знаком потому, что приезжал в Казань отдавать в зачот рекрута на поселение людей, и бывал в губернской в то время, как я там содержался, и подавал мне милостыню. Я же тогда из любопытства спрашивал его так, как милостиваго человека, что за человек и откуда? А он мне рассказал свое жительство. По тому-та знакомству я, приехав в то село, и допытался, где Кандалинцова дом. Дружинин же поехал насквозь того села и стал на поле. Я же зашел к тому мужику не для того, чтоб жить, а чтоб нанять лошадей, ибо те, на которых мы ехали, пристали.

Нашед я Кандалинцова, ему поклонился, а он спрашивал: «Ба! Здорово, Емельян Иванович! Куда ты едешь?» А я отвечал, что бежал и еду на Иргиз, и стал просить, чтоб бога ради нанялся несколько верст меня и с товарищами отвести. На то Кандалинцов говорил: «Да я-де и сам на Иргиз еду». Я же ему говорил: «Да как же-де быть-та? Вить у меня есть товарищи, так ниравно ты наскоро соберешься, а мне ждать (л. 112) невозможно». На то Кандалинцов говорил: «Так согласись-де на это, чтоб уйти от товарищей, да вместе и поедем. А чтобы отвести подозрение, дабы не узнали, что вы, яко беглые, у меня были, и после невозможно бы было отвечать мне, то я вас провожу до первой деревни. А там-де ты можешь от товарища своего уйти и возвратись ко мне в дом, да поживешь несколько времени, и так на Иргиз поедем». На что я и согласился. И зделав то, приехали к первой татарской деревне, остановились в лугу для ночлегу. А в оную ночь я, как было и условленось, бежал к Кандалинцову в дом. А поутру и хозяин приехал, сказывая, что Дружинин меня искал и много сожалел обо мне, однакож далее к Иргизу поехал¹⁰⁰.

Жил я у Кандалинцова несколько недель. А потом собрались с Кандалинцовым, на его лошадях на Иргиз поехали. Кандалинцов на Иргиз поехал для спасения в скит, и для того, не сказав о своем отъезде ни жене, ни детям своим, ибо, по раскольничьему обыкновению, видно, так водится. Я же, чтоб снискать в раскольниках знакомство, сказывался и сам таковым же, а потому во всяком месте странноприимством их и пользовался, ибо у раскольников принимать бедных и давать покровительство им почитается за величайшую добродетель.

А как у Кандалинцова (л. 112 об.) об отъезде билет был, а у меня не было, то по приезде к Яицкому городку (ибо другой дороги, чтоб не чрез город на Иргиз ехать, нет), чего ради в город въехать и поопаслись, чтобы не спросили, а остановились под городом под Луку Переволошную¹⁰¹ (некоторое урочище яицких казаков), где наехали двух яицких казачьих жон, как зовут, — не знаю, и спросили у них: «Можно ли-де проехать в городок и оттуда на Иргиз?» Женщины же отвечали: «Буде пашпорт есть, то проедите, а когда нет, так в воротах задержат. Да куда-де вам надобно?» Когда же сказано: «На Иргиз», — то женщины указали: «Вон-де у етаго Строгановскаго саду¹⁰² (сад казака прозванием Строганова) чрез Чаган переедите». Почему они и поехали. А переехав чрез Чаган, поехали большим шляхом на Иргиз. И приехали уже поздно близ Таловскаго умету¹⁰³ (сей умет содержит один человек, называющейся Степаном Максимовым сыном, прозванием Еремкина Курица¹⁰⁴) и тут Мечетной слободы с крестьянами начевали (оныя ездили в Яицкой городок для продажи хлеба).

Тут я рассудил на Иргиз уже не ехать, для того что там меня знают и прежде поймали. А как и тогда был без всякаго письменнаго вида, так для той же причины ехать поопасся. Откликав я товарища (л. 113) своего Кандалинцова в сторону, и сию причину, что на Иргиз ехать невозможно, рассказал. Кандалинцов же говорил: «Я-де туда поеду». А я стал ево просить, чтоб он своих лошадей мне за настоящую цену продал, и я-де куда ни есть поеду в другое место. Кандалинцов пару лошадей и с телегою за дватцать пять рублей мне уступил. И, заплатя ему деньги, Кандалинцов поехал на Иргиз, а я — на умет к показанному Еремкиной Курице.

По приезде к нему, Еремкина Курица узнал меня, ибо когда с выше сего сказанным Семеном Филиповым¹⁰⁵ ездил я с Иргизу в Яицкой городок для покупки рыбы, так у него, Еремкиной Курицы, приставали. Еремина Курица спросил: «Что ты, Емельян, отпущон из под караула?» — ибо он знал, что я быш пойман. Но я отвечал: «Нет-де, а я бежал». И просил ево, чтоб позволил у себя до время пожить. А уметчик на сие говорил: «Живи-де, я много добрых людеи скрывал». И так жил я у него недели две или больше¹⁰⁶, упражняяся в стрелянии и ловле на степи зверей.

А как сей умет на таком месте, что великое число чрез ево проезжает людеи, а яицких казаков множество ж ездят туда для стреляния зверей, в одно время обедали несколько

человек яицких казаков за одним со мною и с Еремкиною Курицею столом. И разговаривали (л. 113) те яицкия казаки (коих я не знаю), что они скрываются из городка для того, что по убитии-де генерала¹⁰⁷ с командою разложено на войско сумма денег за пограбленное у генерала и протчих имение¹⁰⁸, и велено собрать с кого сорок, с кого тритцать, а с некоторых и по пятидесяти рублей: «А как такой суммы заплатить нечем, военная ж команда строго взыскивает, и так-де многия от етого разъехались, а с жон-де наших взять нечего, что хотят, то и делают с ними. И заступить-де за нас некому. Сотников же наших, кои было вступились за войско, били кнутом и послали в сылку¹⁰⁹. И так-де мы вконец разорились и разоряемся. Теперь-де мы укрываемся, а как пойманы будем, то и нам, как сотникам, видно, также пострадать будет. И чрез ето-де мы погибнем, да и намерены по причине той обиды разбежаться все. Да мы-де и прежде уже хотели бежать в Золотую Мечеть, однакож-де отдумали до время». После сего разговора те казаки, встав из-за обеда, разъехались*.

В сие-то время я рассудил наименовать себя бывшим государем Петром Третиим в чаянии том, что яицкия казаки по обольщению моему скоряй чем в другом месте меня признают и помогут мне в моем намерении действительно¹¹⁰.

А на другой день просил я Еремину Курицу, чтоб велел истопить баню. Когда же (л. 114) она была готова, то пошли с ним вместе. А по выходе из бани Еремина Курица спросил меня: «Что-де ето у тебя на груди за знаки?» На то я говорил: «Ето-де знаки государевы»¹¹¹. А как Еремина Курица, усумняся, говорил: «Что ты говоришь, какия государевы?» На то я ему подтвердил: «Я-де сам государь Петр Федорович». Еремина Курица замолчал, и пошли из бани к нему в землянку, где я ему и стал еще говорить с уверением, что я — подлинно государь. А он, сему поверя, делал мне, яко царю, приличное учтивство¹¹². Потом я говорил ему же, Ереминой Курице: «Естли бы яицкия казаки войсковой руки, умныя люди, ко мне приехали, то бы я с ними погутарил». На то Еремина Курица отвечал: «Ко мне-де будет скоро яицкой казак Григорей Закладной¹¹³ для прозьбы о лошади».

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «После сего бывшего с казаками разговору приехал из Яицкого города казак Григорей Закладнов к Ереминой Курице для покупки лошади» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 22).

Когда же Закладнов приехал, то Еремина Курица мне об нем объявил. А как Закладнов стал просить хозяина об лошади, то я, увидев сие, сказал Курице, чтоб он лошадь отдал ему безденежно вовсе. Тут Курица говорил мне: «Ты-де сам не называйся при Закладном государем. А я-де ему объявлю, что ты царь, и попрошу ево, чтоб он прислал сюда из городка умного человека, а имянно, — Караваяева¹¹⁴ с товарищем, кого он знает». Когда же Курица Закладному объявил обо мне, то Закладнов вначале поблагодарил (л. 114 об.) бога, что открывается благополучие, а потом поехал, сказав притом, что Караваяева пришлет¹¹⁵.

А чрез сутки и Караваяев к нам с товарищем¹¹⁶ (как оной прозывается, — не знаю) приехали. Как же Курица мне о приезде их сказал, то я приказал ввести их в сарай, куда все и вошли. А Караваяев спросил у меня: «Ты ли надежда-государь наш Петр Федорович?» На то сказано мною было: «Я». И говорил Караваяеву: «Чрез кого вы известны обо мне стали?» Когда же мне сказано было, что чрез Закладного уведомлены и присланы, то я говорил: «Ну, яицкия казаки, коли вам угодно, так вы меня примите, я — государь ваш, Петр Федорович; а не угодно, так откажите, я поеду на Узень вашу и там жить буду до времени». На то Караваяев: «Я-де поеду в войско и там с другими подумаю». На сие я сказал: «Хорошо-де, поезжай, да скажи о сем хорошим людям». Говорил же притом и то, каким образом я спасся от смерти и где был. Чему он, кажется, верил. А между тем сказывал им, что я приметы царския имею¹¹⁷.

А как мне была в то время надобность быть на Иргизе у Степана Косова за рубашками¹¹⁸, ибо когда я взят был в Малыковке под караул, так в то время остались. У Ереминой же Курицы в то время жили еще два беглыя крестьянина¹¹⁹, как звали, — не знаю, то я сим (л. 115) мужикам приказывал, что естли яицкия казаки прежде возвращения моего с Иргизу приедут в умет, то сказать им, чтоб они меня подождали.

Караваяев, дав мне слово, что приедет ко мне в третьей день с умными и престарелыми людьми, и так с товарищем своим поехали¹²⁰. А я с уметчиком Курицею на Иргиз отправился. И заехавши в верхния монастырския хутора¹²¹, спрашивали: «Нет ли тут умеющаго хорошо писать человека?» — ибо мне на первой случай, — по неумению моему грамоте, — был потребен. А как в тех хуторах никаких людей не отыскалось, то, взяв тут монастырских лошадей, ос-

тавя телегу, на которой приехали, сели с Курицею верхами и поехали в Мечетную слободу, прямо на двор Степана Косова. Приехав к нему, спрашивал у его сына, дома ли его отец? Сын же отвечал, что хлеб с пашни возит на гумно. И так мы поехали на то гумно, где чаял я найти Косова. А как его тут не было, то поехали на пашню, откуда хлеб возит.

Не доезжая туда, Косов с нами встретился и, поклонясь друг с другом, Косов спрашивал: «Как-де бог тебя выручил из Казани?» На то я сказал: «Вашими-де молитвами». Косов говорил: «Что-де ты, кум, сюда приехал?» (кум, — потому что крестил я у Косова младенца). Я отвечал: «Приехал-де к тебе за рубашками». Косов спросил: «Да где телега твоя?» На то сказано (л. 115 об.) ему, что за Иргизом, на лугу. Потом приехали к нему в дом, где Косов стал спрашивать с меня пашпорта. А как я объявил, что пашпорт мой в возу, то Косов говорил: «Пойдем же-де к выборному объявиться». Я же, убоявшись, чтоб не взяли под караул, говорил: «Постой-де, я съезжу прежде в монастырь к старцу Пахомию»¹²². И так Косов сему поверил и ехать позволил¹²³.

Как же скоро к Пахомию в монастырь въехали, то и услышали за собою погоню. И тут бывшие старцы закричали: «Конечно-де за вами погоня, так убирайтесь поскорее с двора долой, дабы вас не поймали». Почему я, боясь беды, тотчас покинув лошадь, с двора побежал. А Курица тут, не знаю для чего, остался¹²⁴. Прибежав я к речке близ того жила, Иргизу, сел в лотку и переехал на ту сторону. И так пошел пешком в те же монастырския хутора, где оставалась наша телега. Сие было уже вечером, и для того удобно было мне в лесу, около того жила стоящего, пройти, чтоб не видали. В хуторе же хотя уже и были обыватели, но я никому не показался, а взяв одну свою лошадь, коя ходила в лугах, поехал обратно на Таловской умет (оной от Мечетной слободы отстоит полторы сутки езды).

По приезде в умет сказывал мне мужик¹²⁵, коему стечерь приказано (л. 116) яицких казаков, что они тут, коему я и велел прислать их к себе. Через несколько минут Караваяев верхом ко мне и приехал в такое время, когда я, стоя у речки, мыл руки. А поздоровавшись, Караваяев звал меня к себе в стан, от умета с версту, куда я на лошади Караваяева туда и приехал, а он шол пешком. Тут был в то время один только Шигаев¹²⁶. И так сели обедать. И лишь только начали резать хлеб, то увидели, что едут к нам еще два человека, Чика¹²⁷ и Мясников¹²⁸. Как же сих увидели, то Шигаев при-

шел в сумнение и говорил: «Надобно-де от них укрыться, это люди ненадежные, а особливо — Чика». И так я с Шигаевым бросились в траву. А Караваев остался тут, к которому, Чика, подъехав, спрашивал: «Что-де ты, Караваев, зачем тут?» А Караваев отвечивал, что приехал бить зверя. Чика говорил: «Нет, видно, людей обманывать. Вы-де приехали к государю, да и я вить того же ищу».

Как же Караваев услышал, что Чика уже обо мне знает, то из травы их и кликнул. Почему я с Шигаевым и вышли. А поздоровавшись дружелюбно, сели обедать. Когда же пообедали (за которым о намерении еще не говорили) и помолились богу, то Караваев мне говорил: «Покажи-тка-де, государь, нам царския знаки, чтоб (л. 116 об.) было вам чему верить, и не прогневайся, что я вас о сем спросил»¹²⁹. Почему я взял ножик и, разрезав до пупа ворот у рубашки, показывал им свои раны. А как они спросили: «От чего-де эти знаки?» На то я говорил: «Когда-де в Петербурге против меня возмутились¹³⁰, так это гвардионцы кололи штыками». Шигаев же, увидя у меня на левом виске пятно (от золотухи), спросил: «А это-де что у вас?» На то я говорил: «Это-де шрам у меня, потому что болело». А гербом и орлом российским отнюдь я тогда не называл, что сказано на меня, естли кто говорил, — напрасно¹³¹.

Потом на спрос их сказывал я им каким образом при возшествии ея величества на престол из Петербурга ушел, якобы выпустил меня офицер¹³², и вместо меня похоронен другой. А казаки говорили: «И нам слышно-де было, что государь скончался, однакож-де более проговаривали, что он жив, да взять-де не знали где. А теперь и видим, что ваше величество здесь. Да где же вы так долгое время были?» На то я отвечал: «Был-де я в Киеве, в Польше, в Египте, в Иерусалиме и на реке Терке, а оттоль вышел на Дон, а с Дону-де приехал к вам. И слышу, что вы обижены, да и вся чернь обижена, так хочу за вас вступиться и удовольствоваться. И хотя-де (л. 117) не время было мне явиться, однакоже, видно, так бог привел. А когда вы меня не примете, так пойду на Узень для жительствова до времени».

Потом Шигаев да и все сказали: «Примем, батюшка, только вступишь за нас, и в наших от старшин обидах помоги. Мы-де вконец раззорились от больших денежных поборов». После спрашивали: «Да где-де, уметчик?» На то я отвечал: «В Мечетной взяли под караул». А как спрошен: за что, — то я говорил: «Бог знает. Вить мало ли есть злых лю-

дей! И меня было хотели заарестовать, однакож, я ушел. И где-то я не был! Был в Царицыне под караулом¹³³ и в Казане, и изо всех мест меня бог вынес». Когда же спросили: «Да каким образом вы спаслись?» А я на то сказал: «Вить везде не без добрых людей, помогли, — как не уйдешь. Да вот-де и теперь надобно думать, что из Мечетной будет погоня за мною, так надобно отсель скрыться, куда ни есть. Вам уже известно, что я был в Мечетной слободе, где нас ловили. Я, слава богу, ушел, а товарища моего, Курицу, схватили. И когда он скажет, что я здесь, так верно здесь меня искать будут». А на то Шигаев говорил: «Теперь-де поедем ко мне в хутор, и там поживете. А мы между тем станем соглашать к принятию вас войско». Караваев же и Чика говорили: «У тебя-де, Шигаев, в хуторе быть невозможно для того, что многия ездят». И потом Чика сказал: «Я-де лутче возьму на свои руки, (л. 117 об.) а где будем с ним жить, я вам после объявлю, а теперь никому не скажу. А вы-де поезжайте в городок и купите материи на знамена и все, что должно исправлять надобно проворно»¹³⁴.

Потом Шигаев с Караваевым и с живущими на Таловском умете с показанными выше сего двумя крестьянами поехали в телегах. А я с Чикою и Мясниковым верхами поехали ж на казачьи уметы. А как дорогою ехать вместе всем было невозможно, то разъехались врознь. А съехавшись все вместе, в тридцати верстах от Яицкаго городка на казачьем умете ночевали¹³⁵.

На другой же день Шигаев с Караваевым, подтвердя о сем предприятии, поехали в городок, русские мужики — на Узени, а я с Чикою и Мясниковым — вниз по Яику, к казакам Кожевниковым на хутор¹³⁶. Не доезжая онаго хутора, остановились в степи. А Чика поехал к Кожевникову договориться, можно ли к нему со мною взехать. А как Чика Кожевниковых уговорил, то, возвратясь, сказывал, чтоб ехал я без опасения.

По приезде ж в дом к казаку Михайле Кожевникову¹³⁷, у коего жил какой-та старик¹³⁸, к коему в особливую вошли избу. Михайла Кожевников меня уже не выпрашивал, также и братья ево, Андрей¹³⁹ и Степан¹⁴⁰, ибо Чика им (л. 118) все пересказал. Может быть, и я делал о себе уверение, но точно какими словами, — упомнить не могу, а естли и были, то приличныя к моему тогда наимянованию¹⁴¹.

Жил я тут в доме неделю¹⁴², в которое время сообщники мои разъезжали во все места и подговаривали к себе людей

в шайку. Тут же Михайла Кожевников шил знамена, а материю на оныя покупали в городе, но кто, — не знаю, но думаю, что по приказу Чики, кому от него сие дело вверено было¹⁴³.

В оное ж время Андрей Кожевников поехал в Яицкой городок и услышал там, что наряжается во все места команда¹⁴⁴ сыскывать того человека, которой называется государем, и «скоро-де та команда будет сюда. А как-де у нас отыщут, так будет нам великая беда». Чего мы испужавшись, согласясь, ночью порою поехали, тут же и Мясников, на речку Усиху¹⁴⁵, разстоянием от Кожевникова хутора верст тридцать, сказав Михайле Кожевникову и тут же в хуторе живущему с отцом Василью Коновалову¹⁴⁶, чтоб они туда полатку (она, хотя и ветхая, была у Кожевниковых) также и съестного привезли. Однакож они на другой день, как сказано было, — к обеду, на Усиху не приехали. А я, дождавшись вечера, с товарищами поехал обратно к Кожевникову, и въехали уже не к нему в дом, (л. 118 об.) а к Василью Коновалову, и велели изтопить баню. А вышед из оной, пообедав и собравшись, поехали опять на Усиху, сказав Кожевникову и Коновалову, чтоб все то, что надобно нам, как выше сказано, туда приезжали и привезли. Куда они почти вслед за нами и приехали.

Жили на Усихе четыре дни, в которыхы ни один человек сперва к нам не приезжал, хотя многим и заказано было, чтоб тут для совета съезжаться, в чем было усумнились, в чаянии, что от намерения отстали.

Потом начали съезжаться и соглашались так: когда войско Яицкое выедет на плавню¹⁴⁷, то и им, сколько может собраться, ехать туда же и перевязать всех старшин так, как их партии и казаков, с прочими, то есть с войсковыми, когда сие удастся, — выехать в Яицкий городок и Симонова¹⁴⁸, полковника, с командою¹⁴⁹ оттуда выгнать или заарестовать всю ево команду; а буде сего нам зделать не удасться, тогда, подумав, и пойдем, куда разсудим¹⁵⁰.

Вскоре потом на речку Усиху приехали казаки Дмитрий Лысов¹⁵¹ и Козьма Иванов¹⁵², кои наше намерение и совет одобрили, и поехали обратно уговаривать в городок других. Тут же было и то намерение: естли нынешнею осень плавня не будет, то, собрав несколько сот (л. 119) человек, итти прямо в городок. В оное же время имел я разговор и такой: «Естли бог поможет мне воцариться, то Яицкому городку быть вместо Москвы или Петербурга, а яицким казакам

над всеми иметь первенство». И сему подобныя делал им уверения, и приказывал им, чтоб прислали какова ни есть письменного человека, ибо, хотя они и уверены, что я грамоте умею, для того сказывал прежде, что на многих языках говорю, но для переписывания набело писарь потребен. Лысов сказал: «Хорошо, и я-де пришлю вашему величеству и кавтан с шапкою полутче», — для того что я в то время был в самом простом казачьем платье.

А на другой день¹⁵³ приехали ко мне на Усиху Никита Каргин¹⁵⁴ (тот, что быш потом в Яицком городке выбран от меня в атаманы) и привез с собою в писари казака Ивана Почиталина¹⁵⁵, а сей привез с собою зеленой кавтан, бешмет и шапку, а Чика или кто другия, — верно теперь не упомяну, — знамена; Мясников — сапоги и протчия кожанья приборы. В тот же день с Каргиным сам-третьей приехал татарин Идорка¹⁵⁶, кто ево товарищи, — не упомяну. Были же в то время Алексей Кочуров¹⁵⁷ и Василей Коновалов. И некоторыя возвратились в дома, а оставшиися со мною¹⁵⁸ рассуждали (л. 119 об.) всячески к лутчему моему на плавню или в город въезду, и какия меры изобрать способнее, договаривались.

В самый тот разговор приехали на Усиху с товарищами, не упомяну, — с кем, Степан Кожевников и говорил: «Наряжается-де в Яицком городке партия к вам для поимки¹⁵⁹, и скоро-де сюда будет, так надобно себя спасти». Как же сие слышали, то пришли в великую робость и, оставя тут полатку и весь какой тут ни был для стола припас, сели на лошадей и поехали. А как я спросил Чику, куда он ведет, то он отвечал: «Поедем-де в Толкачова хутор¹⁶⁰. И когда-де можем собрать столько людей, чтоб появиться к городку, так думать нечего, поедем туда со славою, когда же увидим, что не с чем, то скроемся в Узени. Я-де думаю, когда подъедем к Яицкому городку, то многия к нам пристанут, вить не захотят быть замучены, когда донесено будет, что с нами были согласны».

Не доезжая же Толкачева хуторов, татарин Идорка спрашивал меня: «Не прикажете ли-де мне ехать в свои кибитки? И я-де тамо соберу людей и буду вас с ними на дороге, когда вы из Толкачева хуторов поедите к городку, дожидаться. А когда вам ехать будет не с чем, то и мы врознь разъедемся». Почему Идоркину ехать я (л. 120) приказал, а сами в полночь в хутор Толкачева и прямо в дом к большому брату их Петру¹⁶¹ приехали.

В оном хуторе по повестке Чики и от протчих собралось тут живущих человек дватцать, в том числе явился ко мне и Еким Давилин¹⁶², которой был потом у меня дежурным и в милости при мне. Оной Давилин послал казака, — не помню, как зовут, — на Кожахаров фарпост¹⁶³ с указом, которой велел я написать Почиталину в такой силе, что государь Петр Третий император принял царство и жалует реками, морями, лесами, крестом и бороною, ибо сие для яицких казаков было надобно. Когда ж сей указ¹⁶⁴ был готов, и Почиталин давал мне подписывать, то я приказал, чтоб подписал он, а мне-де подписывать неможно до самой Москвы, для того что ненадобно казать мне свою руку, и есть-де в оном великая причина. Включено ж в том указе, чтоб стоящия на фарпостах казаки шли ко мне яко к своему государю.

Когда же на Кажахаровском фарпосте указ получили, то тотчас ко мне в хутора Толкачева приехали. Не знаю верно, а думаю, что прежде тем фарпостным о сем сказано было. И как с теми пришедшими стало в хуторах сорок человек, да калмык — дватцать, тотчас развернули знамена, кои привез Алексей Кочуров от Михайлы Кожевникова, ибо тот их шил у себя в доме, (л. 120) а всех знамен было тогда восемь. На полотных ничего другога нашито не было, как одни кресты раскольничьи. Кои привязали к копейным дротикам, сели на коней и, выехав повыше Кожахарова фарпоста, поехали прямо к Яицкому городку. А как доехали до Идоркиных кибиток (оныя — яицкия ж казаки), то Идорка встретил нас с дватцатью человеками, из татар яицкими казаками, и к нам присоединился. А мимоездом взяли с Бударинского фарпоста дватцать казаков и, пройдя тот фарпост, начевали¹⁶⁵. Где Идорка представлял мне, чтоб послать к Нурали-хану¹⁶⁶ указ и требовать у него на вспоможение людей, чтоб взойти на престол. Я сие одобрил и велел на татарском языке написать тот указ Идоркину сыну Балтаю¹⁶⁷, которой и написал на татарском языке, но в каких терминах, — того пересказать прямо не могу, а только сие помню, что требовал на вспоможение людей. И тот указ¹⁶⁸ послали с яицким же казаком, татарин¹⁶⁹, а как зовут, — не знаю. Но оной татарин туда не доехал, а был пойман яицкими казаками и привезен в городок¹⁷⁰.

На другой день¹⁷¹ поехали к городку и, не доехав онаго, еще с двух фарпостов по дватцати человек в толпу свою, сколько неволею, а больше охотою присоединил. Не доез-

жая же последнего к Яицкому городку хутора, чей, — не знаю, поймали толпы моей (л. 121) казаки в стороне яицкого казака Скворкина¹⁷². А как он был старшинской руки, то яицкия казаки и просили меня, чтоб онаго для страху повесить, что я тотчас и исполнить велел. Кто тут палачевскую должность исправлял¹⁷³, — того не помню. А не доезжая несколько верст Яицкого городка, приехал ко мне киргиской мулла¹⁷⁴, которой требовал по-татарски к Нуралихану письма и говорил: «Я-де верно уповаю, что Нуралихан даст помощь». Оной мулла, как видно, на то подговорен был Идоркою. А как письмо¹⁷⁵ в такой силе, яко от государя, написано было Идоркиным же сыном и отдано мулле, то он и поехал. Однакож сего муллу я никогда не видывал, и помощи от хана никакой не имел.

Потом приказал я своей толпе, коей было тогда сто человек казаков, дватцать татар и дватцать человек калмык, а всего сто сорок человек¹⁷⁶, построиться в одну шеренгу и распустить знамена. Сие для того зделал, чтоб показать Яицкому городку, что у меня силы много. А таким образом и подъехал к Яицкому городку версты на три разстоянием. А между тем разговаривал с казаками: «Я-де пошлю туда к войску указ, и когда нас примут, так прямо въедем, а когда будут противиться, то поедем мимо, за Строганов сад, и там начуем». (л. 121 об.) Потом написанной на последнем фарпосте указ¹⁷⁷, якобы от точнаго государя, хотел лишь посылать. Но в Яицком городке усмотрели, что я близко подъезжаю, то все яицкия казаки и военная команда¹⁷⁸ выбралась чрез Чаганской мост. Пехота и с пушками осталась у мосту, а ко мне ехали навстречу все яицкия казаки, по слухам мне известно было, — тысяч до трех, и думал в то время, что разберут нас по рукам. Однако же я сего великаго числа не весьма же и устрасился; более думал и то, что есть в том числе и мои согласники, а пошел прямо, а противныя мне, — не знаю, для чего, — остановились.

В оное время, как выше сказано, запечатанной и подписанной на имя старшины Акутина¹⁷⁹ указ послал к ним с казаком Быковым¹⁸⁰, ибо сей охотою для отвозу того указа ехать согласился, и велено тот указ отдать Акутину и в кругу вычесть; а Акутина вызвать ко мне для опознания, ибо сказано бышо мне от казаков, что Акутин бывал в Петербурге и государя Петра Третияго видал, так он-де и меня узнает. Хотя, впротчем, я и сам никогда там не бывал, однакож делал сей обман в пользу свою и в уверение своей толпы. Когда ж Быков указ Акутину отдал, а сей ево казакам не

читал; Быков же, не знаю, каким образом, (л. 122) поворотился назад.

В то же время Авчинников¹⁸¹, Лысов перебежали ко мне, да и протчих человек пятьдесят, смотря на тех же, толпу мою умножили. А как у меня с теми предателями стало команды сот до двух, а Акутин старшина увидел, что от него казаки ко мне передаются, поворотился назад со всеми казаками к мосту, где стояла городская военная регулярная команда. А я пошел вверх по Чагану с тем, чтоб перейти оной и начевать, ибо сие происходило уже к вечеру. А за мною командировано было для недопущения чрез Чаган команда¹⁸², состоящая в каком точно числе, — не знаю, без пушки, да и у меня в то время ни одной еще не было. Когда ж те, посланные для недопущения меня, близко ко мне подъехали, то приказал я своей команде сделать на них удар, для того: увидел, что их мало. И так толпа моя, объехав их вкруг, многих захватили и, по знаемости, казаков подозрительных, то есть, старшинской руки, всех перевязали; протчия охотою пристали, а некоторые в город ускакали. Сие хотя и в виду города было, однакож сикурсу* связанным было не дано.

И так я, отошед в верх Чагана небольшое расстояние, вброд Чаган-реку перешол и тут остановился для ночлегу¹⁸³. А старшинской руки связанные казаки отданы были под крепкую стражу. В то (л. 122 об.) время сказано было мне, что в числе полоненных был старшина Витошнов¹⁸⁴, коего я спросил, знает ли он меня? А как он говорил, что видал еще малинькова, то я, указав на него, говорил тем, кои еще во мне сумневались: «Вот, детушки, он меня знает».

Поутру, когда встали, то казаки пришли ко мне и спрашивали: «Что-де, ваше величество, прикажете делать над взятыми в плен казаками?» На то я отвечал: «Надобно их уверить, да привести к присяге». Тут казаки мне говорили: «Мы-де им не верим». А Авчинников, Лысов, да и другия с ним, говорили: «Мы-де, ваше величество, знаем, кого можно простить и кого повесить, тут-де есть великия злодеи». А как я видел, что они хотят, дабы были повешены, то и приказал рели сделать. Когда же оныя были готовы, то подозрительных, по скаске яицких же казаков, одиннатцать человек повесил¹⁸⁵, а протчих простил**, в том числе и Ви-

* Сикурс — военная помощь.

** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «а как в то время был там же связан и старшина Андрей Витошнов» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 32 об.).

тошнова, ибо об нем просило войско, чтоб ево оставить*. Когда же вешали тех людей, то я просил яицких казаков: «Не погрешите-де, безвинных людей не погубите!» А на то казаки: «Мы-де, ваше величество, знаем». Должность палачевскую в то время исправляли казаки Федор Карташов¹⁸⁶ и другой — Яков** Бурнов, кои пошли в сию должность охотую.

Учиня я (л. 123) сию казнь, велел взятому в плен еще ниже Яицкаго городка сержанту Дмитрию Николаеву¹⁸⁷ написать еще в войско Яицкое указ, чтоб они одумались и встретили меня, яко великаго государя. По написании ж онаго указа¹⁸⁸ велел я Почиталину приложить вместо себя руку***, и когда оной быш готов, то послал в городок с казакком¹⁸⁹, которой назад уже не возвратился.

А в город меня не впустили, ибо начали стрелять из пушек¹⁹⁰. И так**** я говорил: «Что, други мои, вас терять напрасно? Пойдем туда, где нас примут». А казаки говорили: «Пойдем-де, ваше величество, по линии до Илецкой станицы».

И так к оной станице и пошли. А пришед на Гниловской фарпост¹⁹¹, взяли людей и одну пушку, коя стояла на телеге. Из Яицкаго ж городка в то время за мною погони не было****, хотя я сего и много опасался, для того что людей было весьма мало. Не доходя ж другога фарпоста¹⁹², остановился и зделал круг, где позволил я казакам, по прежнему своему обыкновению, выбрать атамана. Почему и выбрали они Авчинникова, полковником — Лысова, есаулом — Андрея Витошнова, также и протчих чиновных¹⁹³, но, кого имянно и в какия чины, — я теперь не упомяну. По-

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «А как я прежде слышал, что Витошнов бывал в Петербурге, следственно и государя видел, то я, подшед к нему, говорил: «Знаешь ли-де ты меня?» На то Витошнов: «Нет-де, не знаю, я давно был, и видел-де вас малинькова» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 32 об.).

** Ошибка в имени; правильно: Иван. Об И. С. Бурнове см. прим. 173.

*** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «ибо он еще к прежнему, написанному, вместо ево подписывался, а я сказал ему, что мне до- время самому подписывать не должно» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 33).

**** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «я спрашивал казаков: «Куда же мы пойдем?»» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 33).

***** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «и так далея в путь отправились, а пришед на другой форпост и там расположились обедать» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 33 об.).

том приказал я зделать своей толпе* смету, и по щоту на- шлось тогда четыреста пятьдесят человек, ибо сие число ум- ножил Давилин**, (л. 123 об.) которой от реки Чагана по- слан был вперед к Илецкому городку, чтоб с фарпостов за- брать людей и вывести ко мне навстречу. Потом пошел я к Илецкому городку и, не доходя онаго, с фарпостов всех лю- дей с собою забирал, кого силою, а кого ахотою. И в семи верстах от Илека остановился для ночлега¹⁹⁴.

Тут велел я написать указ¹⁹⁵ Дмитрию Николаеву в та- кой же силе, как и в Яицкой городок, к атаману Портно- ву¹⁹⁶, и велел ехать туда Авчинникову¹⁹⁷. А сей взял с собою десять человек казаков и, не доезжая, послал в Илек тот указ с казаком, как зовут, — я не знаю. Портнов, получа указ, не хотел было читать войску, хотя казаки и просили, чтобы вычел, но напоследок принудили ево себе прочесть, и стали за ним присматривать, чтоб не ушел. Ночью же тот атаман велел было мост спущенными сверху Яика плотами разо- рвать, однакож оной устоял¹⁹⁸.

А поутру Авчинников¹⁹⁹ по предательству илецких каза- ков в Илек вошел и атамана Портнова заарестовал, а мне дал знать чрез казака. Почему я в Илек и вошел. Встречен был со крестами, с хлебом и солью. И я прошел прямо в церковь, велел петь молебен и упоминать на ектениях госу- даря (л. 124) Петра Федоровича, а государыню изключить, выговоря при том: «Когда-де бог меня донесет в Петербург, то зашлю ее в монастырь, и пушай за грехи свои богу мо- лит. А у бояр-де села и деревни отберу, а буду жаловать их деньгами. А которыми я лишон престола, тех без всякой пощады перевешаю. Сын-де мой*** — человек еще моло- дой, так он меня и не знает». А между тем плакал пред бо- гом, говоря при том: «Дай бог, чтоб я мог дойти до Петер- бурга и сына своего увидел здорова». А вышед из церкви, стал на квартиру²⁰⁰, и тут говорил также много приличнаго к своему возвышению. На квартиру принесли мне вина и пива, а я на толпу свою велел растворить питейной дом.

* В черновике протокола слова «своей толпе» написаны над зачерк- нутыми «своему войску» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 33).

** В черновике протокола вместо Давилина назван Лысов, а далее следует зачеркнутый текст: «Лысов, который был послан собирать и воз- мущать людей вверх Яика по форпостам, когда ночевали у Чагана реки, а оттуда навстречу мне он и Давилин с теми, ково мог возмутить, и выехал» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 33 об.).

*** Речь идет о цесаревиче Павле Петровиче, которого Пугачев — как «Петр III» — выдавал за «своего» сына.

В оное время один казак Дубовской²⁰¹ пришел ко мне и говорил: «Я-де ваше величество узнал, ибо я в то время был в Петербурге, как вы обручались». На то я отвечал: «Ну, старичок, хорошо, когда ты меня знаешь». И говорил еще сему подобное, однакож всего упомнить не могу.

Потом пришли ко мне илецкия казаки и жаловались на своего атамана Портнова, что он их обижает: «Да и ваше-де величество хотел обидеть, поломать (л. 124 об.) плотами мосты»²⁰². А я приказал сделать рели и велел ево повесить, дом его ограбить, а сына ево²⁰³, еще малолетка, взял к себе. Денег в то время у Портнова взято триста рублей.

Потом, забрав в городе все потребное, — не помню, сколько, — пушек и пороху, только число немалое, людей триста человек, выступил далее²⁰⁴. А прошед Илецкие хутора, верст дватцать от городка, сделал из илецких казаков круг, и велел им выбрать полковника. А они в тот чин удостоили Ивана Творогова²⁰⁵, которой потом был судьей и секретарем. Тут же выбраны были есаулы, сотники и харунжия.

А начевав тут, пошел в Розсыпную, куда я посылал наперед указ²⁰⁶, чтоб здались без супротивления. А как они не здались, то я взял на слом²⁰⁷ и коменданта²⁰⁸ да и еще, не помню кого, повесил. И забрав людей, пушки и порох, пошел к Озерной, которую почти без супротивления взял²⁰⁹, и не помню, сколько, человек повесить велел, в том числе и коменданта²¹⁰, — как ево зовут, — не знаю, а команду поверстал в казаки.

Оттуда пошел к Татищевой, в оной находился комендант²¹¹ Билон²¹² с командою, но как велика была, — того точно не знаю. Сей брегадир (л. 125) шол было ко мне навстречу²¹³, но как услышал, что я к нему приближаюсь, то сел в крепости. А я подошел близко к оной, послал к нему указ²¹⁴, но он за государя меня не признал. Когда ж я близко к той крепости подошел и стал делать приступ²¹⁵, то бывшей в оной крепости при оренбургских казаках сотник Тимофей Подуров²¹⁶ со всеми казаками ко мне перебежал и сделал помощь ту крепость взять. И тут я разделил свою толпу на две части. Одной половине велел приступать снизу, при которой половине был командиром Андрей Витошнов, а при другой, сверху Яика, был я сам. А как был жестокой из крепости отпор, то усмотрел я близко крепости лежащее в стогах сено, велел зажечь. Как же оное зажгли, и дым на крепость повалил, то и крепость вскоре загорелась.

Народ же, бывшей тамо, оробел, а мои ободрились и тотчас в крепость ворвались. А войдя в оную, множество людей покололи, в том числе брегадир и комендант Биллов. А сего*, как он убит, — я не видал, ибо я вошел в крепость тогда уже, как вся драка утихла, и приказал город, которой еще горел, тушить, что и исполнили. А как, по причине пожару, в крепости быть (л. 125 об.) войску бывшему невозможно, то и вышло оно все на поле. А я забрать велел в городе пушки, в том числе два единорога, и вышел в лагерь, в разстоянии нескольких сажен. Тут велел всех солдат привести в верности в службе к присяге и остричь всех по-казачьи, и отпустил всех солдат в Татищеву для печения хлебов.

На другой день** потребовал я к себе писаря Дмитрия Николаева, однакож ево не нашли, а по справке вышло, что яицкия казаки утопили ево в воде, для того что он был дворянин, а сих людей они не терпят, и говорили мне: «Как это, ваше величество, нас-де отбиваете прочь, а дворян стали принимать?»²¹⁷.

В Татищевой же крепости попались мне между пленными Разсыпной крепости комендантская жена с родным братом²¹⁸. А как яицкия казаки сие узнали и хотели их заколоть, (л. 126) то я в сем им воспретил и велел ей сесть в каляску з братом.

И так выступил я со всей своей толпою к Чернореченской крепости²¹⁹. А как тут большой команды не было, то безо всякой опасности во оную вашол. Тут был один офицер²²⁰, — не знаю кто, — хотел было от меня ускакать в Оренбург. Однакож велел ево, поймав, повесить, приговаривая, что от великаго государя бегать незачем.

Начевав в Чернореченской, пошел в Каргалу²²¹. Оной слободы жители встретили меня со всякою честью, яко царя, почему тут ни одного человека и не повесил. А забрав всех тут жителей, пошел в Сакмарской городок, в котором жители так, как и каргалинския, встретили²²². В Сакмарск выслан был ко мне от оренбургскаго губернатора²²³ каторжной Хлопуша²²⁴ и сказал, что дано было ему повеление, чтоб перечесть, сколько у меня людей и артиллерии, и велено ему ж было уговаривать бывших у меня в толпе людей, чтоб отстали, о чем и письменныя указы имел²²⁵. Оной

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «с ним несчастливаго случая» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 36).

** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «выступив в поход» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 36).

Хлопуша просил меня, чтоб я ево оставил у себя, что я и учинил, а указы бросил в печку. Потом он, Хлопуша, был у меня над завоцкими крестьянами полковником. И тот же день перешол я чрез реку Сакмару, и тут переначевали.

А на другой день пошли к Оренбургу, а не дошед Оренбурга, начевали против самой Берды²²⁶, в семи верстах от города, куда берденския казаки сами ко мне приехали. А я и причислил их к своей толпе.

Потом дал приказ своей толпе*, что иду прямо в Оренбург. Однакож велел написать сперва указ²²⁷ илецкому казачу Максиму Горшкову**²²⁸, а подписал вместо меня Почиталин, в такой силе, чтоб губернатор не противился и мне город здал.

В то время было (л. 126 об.) у меня всего войска тысячи две да тритцать пушек. Как же, в разсуждении так великаго города, людей сего числа мало, то я велел всю свою толпу растянуть в одну шеренгу, дабы издали можно было видеть, что сила у меня непобедимая; значков²²⁹ же в разныя времена и больших знамен наделано было около сорока.

И так устроясь, пошел к городу²³⁰ и, остановясь на горе²³¹, в разстояни от города верстах в пяти или в шести, в тех мыслях, чтоб гороцким меня, а мне их видно было. Потом заготовленной мною указ с казаком*** Иваном Солодовниковым²³² послал. А сей, взяв оной и подъехав на ближайшее разстояние к Оренбургу****, указ ущемил в колышок, сам ка мне возвратился. Потом видно было, что оной указ в Оренбург взяли, и ничего тогда не ответствовали. А как и через два часа ничего же не было, то я повел свою толпу к городу и велел было зделать удар для взятья города конницею. Но как стена оренбургская довольно крепка, то воротить велел назад. А в городе зажгли фарштат²³³ и стали палить ис пушек. Потом, отойдя от города разстоянием версты на две, расположился станом.

А на другой день выслана из города выласка*****²³⁴, со-

* В черновике протокола слова «своей толпе» написаны над зачеркнутыми «своим казакам» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 37).

** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «ибо оной лутче Почиталина умеет писать» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 37 об.).

*** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «как ево зовут, — не знает» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 37 об.).

**** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «и колышек, расколов вдоль, конверт» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 37 об.).

***** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «и была ис пушек» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 37 об.).

стоящая в яицких казаках, однакож, не учиня ничего важного, разъехались.

В то время²³⁵ пришло мне известие, якобы бригадир Корф²³⁶ идет с командою к Оренбургу на сикурс. А я, услыша сие, приказал взять ис толпы своей казаку две пушки и человек сто людей, послал в степь в ту сторону, откуда ожидал Корфа, и дал приказ тому посланному, чтоб на утренней зоре палить ис пушек, естли и Корфа на себя не найдут. Сие для того зделать приказано было, чтоб оренбургских обмануть, бутго идущей к ним на сикурс бригадир моими людьми атакован и, неравно выслан будет (л. 127) корпус туда на сикурс, так оных перехватить. А сотнику артиллерийскому Чумакову²³⁷ дал приказ, чтоб он взял два единорога и девять пушек с командою в то место, где, чаяли, пойдет сикурсная команда из города, и чтоб ему залечь, когда ж на него найдут, то ис пушек учинить поражение.

Поутру же, хотя тревога фальшивая в назначенном месте и была, однакож посланной от меня далече в степь отошел, а потому и не слышно выстрелов было. Но оренбургския на выласку вышли²³⁸, против которых и я^{оо} вооружился. Когда ж натянул на то место, где лежал в закрыти Чумаков с пушками, и так их жестоко поразил, что принуждены с немалым уроном в город возвратиться. Потом оренбургския — на выласку против меня уже долго не выходили.

Из сего лагиря взятую в Татищевой женщину²³⁹ и з братом послал я з берденским казаком²⁴⁰ к нему на квартиру. А как сие увидели яицкие казаки, то выехали под дорогу и убили ее и з братом до смерти за то действительно, что я ее любил. Как о чем мне было сказано после, и я об ней сожалел.

Во оное время велел я написать Идоркину сыну²⁴¹ к башкирскому старшине Яман-Сараю²⁴² указ²⁴³, якобы принял государь Петр Федорович царство, и шли бы ка мне в

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «и как выступили в немалом числе людей» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 38 об.).

** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «выступил, а Чумаков так з засадною силою лежал, а наконец зделалось у нас сражение. И оренбургские, не зная моей засадной силы, к Чумакову так близко нашли, что он мог изо всех пушек вдрут учинить стрельбу и збил их. А оренбургские не могли того удару вытерпеть, возвратились в город. А я на них на самой из города пушечный выстрел прогнал» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 39).

службу, также и к другому старшине ж Кинжаю²⁴⁴, в Красногорскую крепость²⁴⁵, на Воскресенской²⁴⁶ и на протчия заводы крестьянам со обещанием им вольности и всяких крестьянских выгод, с требованием, чтоб шли все в службу, да и во все места, откуда чаял себе получить помощь²⁴⁷. Выходствие чего в короткое время прислали ко мне** башкирцев при их старшинах тысяч десять***, завоцких крестьян и всякого сорту — семнадцать тысяч, в том числе несколько и отставных салдат. А через две недели еще пришло башкирцов четыре тысячи человек, ставропольских калмык — триста, а к декабрю прошлаго 773 года было у меня всей толпы сто дватцать тысяч (л. 127 об.) человек²⁴⁸, пушек**** с лишком сто, четыре гоубицы, пороху и других снарядов множество. На продовольствования всего того людства и для лошадей фуража изо всех мест потребное свозили, но большею частию з заводов.

Потом перешол я в другой лагерь²⁴⁹ близ Берды и приказал делать под городом три батареи²⁵⁰ (сие было ночью). И поставлено было на те батареи семдесят пушак со всеми припасами. И отдал приказ, что поутру будет к городу генеральной приступ²⁵¹, и когда де из вестовой пушки будет выстрел, то и со всех батарей по городу производить пальбу, что было и исполнено. Покудова ж и продолжалась стрельба, я между тем взял пешую толпу и пошол к тому месту, где был фарштат, х каменной церкви²⁵², что от реки Яику, и приказал лесть***** через вал. А между тем ввезены были и в церковь пушки, как в удобное место, откуда б можно было выстрелами подкреплять свою толпу*****. Когда ж толпа моя стала чрез вал в город усиливатца, то начали из города жестоко картечами бить. И так принужден был я дать приказ, чтоб отступили прочь²⁵³. Но ис пушак с утра и да вече-

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «к заводам же и чтоб везли оттуда пушки и порох же» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 39).

** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «ис первых мест, сколько, — не упомяну» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 39 об.).

*** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «поддалось мне семь тысяч» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 39 об.).

**** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «было 120» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 39 об.).

***** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «пехоте на стену» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 40).

***** В черновике протокола слова «свою толпу» написаны вместо зачеркнутого «пехоту» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 40).

ра как от меня з батарей, так из города перестреливались по самую ночь*. Потом пушки з батарей возвращены в лагерь.

После ж сего хотя з городовыми стычки и были, однакож больше выезжали на пере[го]ворку. На переговорке ничего другаго не было, как то, что городския зовут из толпы моей людей в город, а мои — оренбургских, чтоб поскорее здались. А между тем оренбургския твердили часто, что я — Пугачов и беглой казак. Однакож мои не верили и говорили противное. Тут же говорено было, да и письменно знать дано, что будто я бит кнутом и рваны нозри²⁵⁴. А как онаго никогда не было, то сие не только в толпе моей разврату (л. 128) не причинило, но еще и уверение вселило**, ибо у меня нозри целы, а потому еще больше верили, что я — государь.

Побыв в лагире*** по ноябрь месяц, вступил я со всею толпою**** в квартиры в слободу Берду²⁵⁵.

Потом услышал я, что идет для разбития меня из Казани генерал Кар²⁵⁶, против котораго и нарядил я атамана Овчинникова с тремя стами казаками и четырью пушками. Овчинников***** собрав еще в свою толпу несколько человек, в том числе присоединил и Хлопушу з завоцкими мужиками, Кара принудил возвратитца х Казане и привел ко мне в Берду, около двух сот гранодер²⁵⁷. Когда ж ане приведены были, то приказал я поставить кресла, сел на оныя и велел подходить к руке, у которой ане и были. А ис числа оных два человека отозвались мне, что они были в Петербурге и меня якобы знают*****. А сие самое и делало уверение многим, для того что мужики верят более салдатам, нежели казакам*****. Случилось и то, что при некоторых

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «ночью пальба и умолк-ла» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 40).

** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «что я — подлинно государь» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 40).

*** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «ноября месяца по 2-е число» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 40).

**** В черновике протокола слова «всею толпою» написаны над зачеркнутыми: «всеми людьми» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 40).

***** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «пошел против Кара» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 40 об.).

***** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «К сему говорил и я нечто приличное и уверял о себе разными способами, дабы народы поколебать». (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 41).

***** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «а я, сидя в креслах, говорил солдатам: «Служите богу и мне, великому государю, верою и правдою». И при сих же разговорах я же, смотря на салдат, заплакал, да и салдаты, смотря на меня, также плакали и говорили» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 41).

разговорах я и плакал, вспоминая в малолетстве якобы своего сына, государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича, дабы чрез то более удостоверитъ простой народ в моей пользе.

Вышесказанных солдат велел я определить в пехоту к атаману из афицеров Ивану Иванову²⁵⁸, а прозвания не знаю. А как в числе сих гранодеров были двою афицеров, ис коих один назывался Шванович²⁵⁹, то я спрашивал у гранодеров: «Каковы они люди?» Гранодеры сказали, что люди хорошия, и они ими довольны. А потому и сих афицеров оставил над ними командирами, одного произвел тут же атаманом²⁶⁰, а Швановича есаулом. Из сих же афицеров Шванович объявил тут мне, что он знает по-немецки. А я, сказав ему, что мне такая люди (л. 128 об.) надобны, определил его сверх есаульской должности к Военной коллегии²⁶¹ для письма случающихся немецких каких писем. А чрез некоторое небольшое время, призвав к себе Швановича, приказал ему написать на немецком языке указ к оренбургскому губернатору в такой силе, чтоб он здался мне без супротивления и не морил бы людей в городе гладом²⁶². А Шванович, написав такой указ, принес ко мне, которой я, приняв от него, не смотря, отдал Почиталину, и велел запечатать и послать к губернатору*.

Потом вскоре прибежал ко мне ис Чернореченской крепости казак²⁶³ (кто он таков, — не знаю), сказывал, что в Черноречье вступил полковник Чернышев²⁶⁴ с командою и намерен-де в нынешнюю ночь оттуда поднятца в Оренбург. А я, получа о сем известие, тот же час приготовился к походу. На другой же день рано поутру выступил из Берды, встретил ево, не допуская до Оренбурга, верст с пять на Общем Сырту²⁶⁵ у Маяшной горы. Сошедшись же друг с другом, сперва от Чернышева начали палить ис пушак, а потом и я приказал от себя. И выпалили от меня только ис четырех пушак по одному разу, то Чернышева команда оробела и тотчас салдаты бросили ружья, все ко мне приклонились без драки. Только одни афицеры, собравшись в одну кучку, противились и стреляли из ружей²⁶⁶. Однакож никак не-

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «В ноябре месяце, не припомню, — которого числа (сколько припомнить могу, что это было в Филипов пост, незадолго до Николина дни)» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 42). Филипов рождественский пост продолжался с 15 ноября по 25 декабря; Николин день зимний — 6 декабря. Событие, о котором говорил Пугачев, — разгром корпуса полковника П. М. Чернышева под Оренбургом, — происходило 13 ноября 1773 г. — в канун Филиппова дня.

можно было им уже устоять, всех перехватили, в том же числе и полковника Чернышева, которой тогда сидел на козлах у коляски. Всех салдат пригнали в Берду. Полковника и афицеров я повесить велел²⁶⁷, а салдат, по приводе к присяге, распределил по разным полкам в пехоту.

Сиим афицерам казнь, как и в других (л. 129) местах, потому больше чинена была, что оне соблазняли чернь, да и казаки уговаривали меня, что их щадить не для чего. А потом мною сия лютость отменена была, разве что без ведома моего где чинено было сие. В таком случае я часто говаривал, чтоб безвинно людей не губили.

Тот же день известно мне было, что бригадир Корф должен с корпусом пройти в Оренбург на сикурс²⁶⁸. Однакож, по взяти корпуса Чернышова, было у меня дело в растройке, да и обольстяться толь важною победою, я пооплошал, ибо дал приказ всем людям толпы моей абедать. Но со всем тем послан был казак Яков Пономарев²⁶⁹ в числе четырех человек Корфа стеречь*. Когда ж он увидел, что Корф приближитца, то весть хотя и дал, но поздно, ибо посланной от меня атаман Овчинников, хотя против ево с корпусом, чтоб от города отрезать, и выступил, но как Корф уже был под стенами оренбургскими, то захватить ево не успели²⁷⁰. Однакож Овчинников к Оренбургу подъехал и вслед по нем ис пушак палил, но безвредно, а потом возвратился в Берду.

На другой день бригадир Корф учинил выласку²⁷¹, подошел блиско Берды и начал палить ис пушак. А как я против ево вышел и розделил свою толпу на две части, таким образом зделал на Корфа удар, побил несколько у него людей и принудил ево убираться в крепость**. В следующие дни важнаго ничего не было, кроме переговоров. А хотя между тем выходили с обеих сторон и на сражение, однакож свалки бальной не было.

В разныя времена посылал я из Берды, а иногда и сам ходил, для взятья вокруг Оренбурга крепостей, ис коих некоторые без меня, (л. 129 об.) а Ильинская крепость при мне взяты²⁷², и люди, взятыя тамо, все приверстаны в казаки.

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «А против ево выступили яицкия казаки, и делали между собою сражение, на котором убили команды моей казака Якова Пономарева, и Овчинников поворотился в Берду» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 43 и об.).

** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «побив у него великое число людей» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 43 об.).

Потом просили меня яицкие казаки²⁷³, чтоб послать в Яицкой городок казаков Михайлу Толкачова²⁷⁴ и татарина Тангаева²⁷⁵ осведомитца, что в городке Яицком делаитца. Почему я велел написать указы в такой силе, чтоб шли оне Бухарскою стороною²⁷⁶ на Калмыковской фарпост²⁷⁷, а оттуда, поворотя, шли бы в Яицкой городок, забирая с собою всех с фарпостов казаков, оставляя человека по четыре. А как указ был написан, то татарин Идорка говорил мне: «Пошлите-де, ваше величество, Тангаева к Нурали-хану, он-де детина проворной и, канешно, по указу вашему исполнит». Почему я Тангаеву к Нурали-хану указ²⁷⁸ дать и велел с тем, что, когда исполнит свое дело, то, возвратясь бы оттуда, и во обще с Михайлой Толкачовым, собрав с Нижней Яицкой дистанцы людей, вошли в Яицкой городок и, что учинят, прислали бы ко мне рапорт. Почему Толкачов с Тангаевым туда и поехали. Тангаев же, хотя у Нурали-хана и был, однакож помощи ко мне никакой не испросил²⁷⁹, а забрав во обще с Толкачовым с Нижней Яицкой дистанции людей, пришли в Яицкой городок²⁸⁰ и осадили полковника Симанова в ретранжаменте²⁸¹, и прислали ко мне рапорт²⁸².

Когда ж я хотел туда ехать сам, то писарь Горшков да и другия приступили ко мне и просили, чтоб учинить Военную коллегию, ибо «без присудствия-де вашего величества надобно, чтоб она была, и должно-де посадить для правления так великим числом людей хороших судей». Почему я коллегию и учредил²⁸³: в думныя дьяки* — Ивана Почиталина, в секретари — Максима Горшкова, Ивана Творогова**, в судии в старшия — Максима Шигаева и Андрея Витошнова. И приказав всю свою в Берде команду Максиму Шигаеву с полною властью, сам в Яицкой городок поехал, взял с собою только десять человек казаков.

А по приезде в Яицкой городок²⁸⁴ встречен был с хлебом и солью; квартиру занял казака Михаила Толкачова²⁸⁵. А на другой день ездил я поблиску Кремля смотреть, как бы можно было ево взять. Но как с колокольни²⁸⁶ тогда стреляли, то блиско ко оному подойти было невозможно, то приказал я поставить три притина²⁸⁷, дабы предостеречь строение от пожару, ибо Симанова многое строение тогда зжог²⁸⁸. Потом написал к Симанову указ, чтоб он вышел ис Кремля и

* В черновике протокола слова «в думные дьяки» написаны над зачеркнутыми: «в старшие секретари» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 44).

** В черновике протокола перед словами «Ивана Творогова» зачеркнуто: «секретарем» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 44).

покорился мне²⁸⁹. А как он ис Кремля не выходит, то я рассудил сделать подкоп²⁹⁰. При оной работе был русской человек Матвей Ситников²⁹¹, но главное над тою работою надзиране я имел сам смотрение. Сия работа известна мне потому, когда был я в Прусском походе, так при подкопах употребляем был в работу* и некоторое примечание тогда сделал. Оной подкоп, хотя и подрывт был, но на одну верхнюю батарею, и не угадали, ибо, хотя и взорвало²⁹², но вреда в Кремле не учинили**. И на приступе потерял тогда я немалое число толпы своей людей²⁹³.

Потом*** пришли ка мне яицкия казаки²⁹⁴, все люди пристарелые, в том числе Никита Каргин²⁹⁵, Ерафеев²⁹⁶, три брата Толкачовы²⁹⁷ и протчих множество, но всех не упомяну, и говорили: «Не можно ли-де, ваше величество, у нас жинитца?» На то я им говорил: «Естли я здесь женюсь, то Россия мне не поверит, что я царь». Но казаки говорили: «Когда-де мы поверили, так, конешно, и вся Россия поверит, (л. 130 об.) а за то больше, что мы — славныя яицкия казаки»****. Как же я по тому рассудил им сделать удовольствие, то и приказал искать невесты. А между тем и сам, быв в одно время на дивишнике, увидел одну девицу и велел ее записать имя. Однакож, призвав Михайла Толкачова, и велел ему невесту присматривать²⁹⁸, которой много раз ездил и, наконец, объявил, что лутче той не нашол, которую я и сам видел, а именно, — дочь казака Петра Кузнецова²⁹⁹ — Устинья³⁰⁰. Почему я и послал Толкачова х Кузнецову с тем, спросить ево, естли отдаст он волею дочь свою, так я женюсь, а когда не согласитца, так силою не возьму. Толкачов по приезде сказывал мне, что невесту видел, а отца ее не застал дома, только-де***** очень хороша девка³⁰¹. А

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «и насмотрелся порядку» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 45).

** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «И хотя приступ в то время — по взрыве — и был, но ничего пользы не было, как только убито выласкою у меня много людей» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 45).

*** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «собрались ко мне старья яицкия казаки и советывали рыть подкоп под колокольню, что я делать и позволил, и тот же Ситн[ик]ов к работе был определен» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 45).

**** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «На то я говорил: «Давы мне здесь невесты не сыщете». На то Каргин: «Невеста для вашего величества готова». А я спросил: «Кто такая?» На сие ответил, что прекрасная есть дочь у казака Петра Михайлова сына Кузнецова» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 45).

***** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «девица прекрасная» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 45 об.).

на другой день поехал сам еще смотреть и посвататца. Отца ее дома не застали ж, однакож он тот час приехал. Устинья ж мне показалась, и стал я отцу ея говорить такими словами: «Войско-де Яицкое налегло на меня, чтоб я женился, а я приехал к тебе посвататца. А кроме-де твоей дочери, лутче я нигде не нашол. Отдашь ли за меня, или откажешь?» Почему Кузнецов отдать дочь свою за меня согласился³⁰². А на другой день была свадьба³⁰³. Венчался в церкви Петра и Павла³⁰⁴, и в песнях церковных во время венчания велел я жену мою именовать государынею императрицею Всероссийскою. По окончании венчальной церемони Устинью посадили в сани, а я сел верхом, и со всеми моими ближними приехал в дом к Толкачову, был обеденной стол, и несколько повеселились³⁰⁵.

Жил я в Яицком городке после свадьбы неделю, в кое время приказал я под ретранжамент рыть другой подкоп³⁰⁶, под колокольню, ибо я другова способа не находил взять ево, как (л. 131) подкопами.

Между тем из Берды от Максима Шигаева получил я репорт, коим он меня уведомлял, что против меня идет генерал-майор князь Голицын³⁰⁷ с армиею. А я, получа известие, тотчас и отправился под Оренбург. Приехав в Берду³⁰⁸, нашол, что тут благополучно, и услышал, что князь Голицын еще от меня не блиско, а выступил лишь только ис Казани³⁰⁹. Почему я послал ко всем своим командирам, к Арапову³¹⁰ и к прочим, чтоб они, имев крайнее наблюдение за князем Голицыным, и старались ему в проходе к Оренбургу препятствовать, и что будет у них происходить, — присылали б в Военную коллегию почасту репорты. А как я полагал, что князь Голицын еще не скоро будет, то чрез неделю поехал апать в Яицкой городок³¹¹, препоруча главную команду в Берде над всеми Максиму Шигаеву.

Приехав туда, я послал Андрея Овчинникова в Гурьев городок для взятья там пороху³¹². А в ожидании ево старались в окончание при[ве]сть начатой под колокольню подкоп и приумножить батареи.

Между тем получил я от Шигаева репорт, в коем он меня уведомлял, что у них было сражение с оренбургскою выласкою³¹³, и что он оренбургских с поля збил и, прогнав их в город, отбил тринадцать пушак, три ящика пороху. Какovým известием я был очень доволен и писал к Шигаеву благодарность.

Потом приехал из Гурьева городка Овчинников и привес с собою сорок пуд пороху³¹⁴. А в сие время и подкоп был

окончан³¹⁵. И как положено было подкоп произвести в действо на другой день в обед, то ночью, пришед ко мне, казак Григорей Антипов³¹⁶ репортовал, что из городка в ту ночь ис казаков переметчик³¹⁷ ушел и сказал в ретранжаменте (л. 131 об.) о принятом нами намерении. А я того ж часа, уже не отлагая времени, дабы не успели ис под колокольни выбрать порох (ибо чрез переметчиков из Кремля было мне известно, что под колокольнею лежала пороховая казна)³¹⁸, приказал в подкоп положить пороху тритцать пуд³¹⁹ и зажечь в самую полночь. Что и было в действо произведено: подкоп взорвало, колокольню повалило³²⁰. Но на приступ тогда я не ходил, кроме как из поставленных батарей производил пальбу³²¹.

В сие время пришел ко мне репорт от Арапова, писал он ко мне, что князь Голицын идет на Сорочинскую крепость³²². Я, получа сие известие, на другой же день собравшись, из городка взял с собою пять сот человек яицких казаков, пошел в Берду³²³. Приехав туда, начевал одну ночь. А на другой день, взяв тысячу человек, в том числе яицких пять сот казаков, и десеть пушак, пошел к князю Голицыну навстречу, в Сорочинскую крепость³²⁴. Приехав, известился, что князь Голицын находится от меня уже блиско, и что ево команда передовая остановилась в Пронкиной деревне³²⁵. Я, забрав из своей команды добронконных и четыре пушки, пошел ночью под ту деревню. Подъехавши ко оной, зделали на бывшую тут команду удар. Сперва оную збили было с места и отбили у них две пушки. Однакож, напоследок, справились они и принудили нас бежать назад, и те взятые у них пушки обратно отняли³²⁶.

И так я, возвратясь с такою неудачею в Сорочинскую крепость³²⁷, забрав остальную свою команду и пушки, выступил оттуда к Ылецкому городку. Не доходя до онаго, я з дороги поворотил на Яик, а Авчинникова с командою послал далее. Приехав в Яицкой (л. 132) городок³²⁸, увидел, что яицкаго кремля взять еще не могли да и овладеть им не было надежды, кроме как ожидали здачи от претерпеваемаго во оном голода³²⁹.

Вскоре получил я репорт от Авчинникова из Илецкаго городка, что князь Голицын вступил уже в Сорочинскую крепость³³⁰. А я в тот же день и отправился в Берду. Отъехавши из Ылецкаго городка, приказал Овчинникову следо-

вать со всею командою в Татищеву крепость, а сам продолжал путь в Берду.

Приехавши в Берду, взял тысечу пять сот человек команды, пушак пятнадцать и приехал со оными в Татищеву крепость³³¹, где уже и Овчинников был³³². Распорядивши в крепости, зделали з двух сторон снежной вал, а по валу разставили пушки. Приготовившись совсем к отпору, стали ожидать князя Голицына. Всех пушак было тут у меня дватцать³³³, а людей* сколько, — точно сказать не могу, — только число немалое³³⁴. Наконец, дождались мы князя Голицына³³⁵. Приблизившись он к крепости, прислал сперва трех человек чугуевских казаков³³⁶ проведать, есть ли кто во оной, ибо мы не показывались ему, а нажидали ево к себе ближе, дабы лутче можно было действовать артиллерии. Я выслал к тем казакам ис крепости бабу сказать им, что будто в крепости никого нет, а хотя и были, да уехали. Казаки, поверя бабе, приехали в ворота, где мы хотели перехватать, а они, увидя нас, побежали назад. Одного из них мы догнали, сбили с лошади и взяли в крепость, другия же ускакали. Сего же стал я спрашивать, много ли с князем Голицын[ым] армии и пушек. Казак сказал, что армии пять тысяч, пушек семдесят³³⁷.

Между тем князь Голицын приблизился еще к крепости и начал производить стрельбу ис пушак**. А как уже по видимому и мне (л. 132 об.) надлежало свои батареи открыть, что и исполнили. И в такое князя Голицына привел замешательство, что если б выласка моя приготовленная, как прежде приказано было, и в таком случае ударить, то, уповаю, что б князь Голицын приведен был в великой беспорядок³³⁸. Но толпа моей конницы оробела, и из ворот выбить оную никак не мог. То хотя и долгое время продолжалась пальба с обеих сторон***, но князь Голицын стал нас побивать³³⁹. А я, видя неудачу, и что надежды нет отбитца, приказал Овчинникову как можно стоять³⁴⁰, сам поскакал**** в Берду. Вместе со мною уехали тогда Иван Почита-

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «всех с две тысячи пятьсот человек или меньше» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 48 и об.).

** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «а потом и я велел открыть свои батареи» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 49).

*** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «но сколько крепко не стояли» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 49).

**** В черновике протокола слово «поскакал» написано над зачеркнутым: «уехал» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 49).

лин, Василий Коновалов, Григорей Бородин³⁴¹ и шуриин Егор Кузнецов³⁴².

Прибежав в Берду³⁴³, призвал я тотчас Максима Шигаева, Андрея Витошнова, Ивана Творогова, Максима Горшкова и многих ближних своих старшин³⁴⁴, объявил им свое несчастье, случившееся в Татищевой крепости, и требовал от них совета, куда нам теперь, — против ли князя Голицына з достальнойю силою вооружитца, или в другое место следовать? Тогда все мне присоветывали, чтоб обойти князя Голицына мимо, итти чрез Сорочинскую крепость в Яицкой городок³⁴⁵. А я, на их предложение согласившись, тотчас приказал собиратца в поход.

На другой день, пришед ко мне, старшины доносили на Григорья Бородина, что он их подговаривал меня отдать руками в Оренбург: «А чрез то-де мы себе легче зделаем. А мы-де на сие ево умышление не согласились и пришли к тебе донести». Я тотчас послал было Бородина взять и привести к себе, но Бородин уехал уже от нас в Оренбург, и догнать (л. 133) ево не могли³⁴⁶.

И так в тот же день, собравшись совсем, выступили из Берды³⁴⁷, оставя тут все свои припасы, провиант, деньги и пушки³⁴⁸, взяв с собою только десеть пушек. И пошли мы чрез степь на Сарочинскую крепость³⁴⁹. Не дошед до оной* верст за сорок, усмотрели впереди у себя князя Голицына команды лыжников и, опасаясь, чтоб не попасть на него, возвратились назад и пошли на Каргалу³⁵⁰. А пришед во оную³⁵¹, освободили содержащихся в погребах татар, которые служили у меня и взяты были тутошными татарами под караул³⁵², думая, что я от них уже совсем ушел, так хотели их представить в Оренбург. Сии освобожденные, мстя за свою обиду, татар и старшин семь человек з дозволения моего перекололи и два дома их сожгли³⁵³.

Ис Каргалы выступил я в Сакмару, оставя на заставе в Каргале с сотником Тимофеем Мясниковым человек с пять сот казаков. Пришед в Сакмару, стали по квартирам³⁵⁴. Сакмарской атаман Донсков³⁵⁵ с командою ушел в Оренбург, и догнать ево не могли, только захватили на дороге отца ево³⁵⁶, котораго велел я повесить за то, что он прежде служил мне, а тут бегаёт и изменил.

В Сакмаре ночевали две ночи и, — не помню откуда, — писал я х князю Голицыну указ³⁵⁷, чтоб он очнулся:

* Переволоцкой крепости.

против ково воюет, напоминая ему отца³⁵⁸ и деда³⁵⁹ предкам якобы моим службу. Оттуда ездил я с командою в Берду³⁶⁰ для проведования, не идет ли князь Голицын? Но о князе известия тут не получил³⁶¹, а захватил команду, которая выслана была из Оренбурга для забрания правянта и фуража, оставшаго после меня, также денег и протчаго³⁶². (л. 133 об.) А как ане увидели, тотчас побежали было, однакож несколько захватили. Из Берды пошел я опять в Сакмару, где было у меня толпы, например, около двух тысяч³⁶³.

А на другой день известился я от сотника Мясникова, которой был в Каргале на пекете, что приближаетца к нему князь Голицын³⁶⁴. И так я, взяв с собою людей и шесть пушек, против ево пашол и сшолся с ним у самой Каргалы. И было сражение³⁶⁵. Однакож я не вытерпел, принужден был отступить. А конница Голицына все-таки на меня наступала, и я дашол до мельницы, остановился было. Однакож Голицына корпус тут зделал удар, и толпа моя, не вытерпя, побежала. А как я, видя то, что устоять было невозможно, поскакал наперед. Как же толпа увидела, что я не стою, то и оне за мною последовали. И так всех вдогонку разбили³⁶⁶.

А я бежал со ста человеками яицких казаков да башкирцов ста три в Башкирию³⁶⁷, на Иргизлинской завод³⁶⁸. И тут стоял я адне сутки, взял несколько человек³⁶⁹, пашол на Авзяно-Петровской завод. Тут был сутки же³⁷⁰. Забрав человек двести, пашол на Белорецкой завод. Тут жил я три недели³⁷¹. И, взяв людей, не помню, — сколько, пашол под Магнитную крепость³⁷², в которую написал указ³⁷³, чтоб комендант³⁷⁴ здался, однакож он не послушал. И так, хотя у меня и ни одной пушки не было, однакож зделал приступ³⁷⁵. А как конницею взять было невозможно, ибо тамо были пушки, тут ранили меня в правую руку пушечною картечею³⁷⁶, и так я велел отступить. А отойдя от оной, расположился в стан и отдыхал адне сутки. Потом распределел толпу свою на пять частей и, со всех сторон Магнитную (л. 134) атаковав, взял³⁷⁷. А войдя во оную, получил тут четыре пушки, пороху и протчих разных припасов.

Во оное время пришел ко мне атаман Андрей Овчинников с яицкими казаками, коих было у него около трех сот человек, да завоцких крестьян человек двести³⁷⁸. Овчинников бежал ко мне от Яицкаго городка, когда разбил ево³⁷⁹

генерал Мансуров³⁸⁰. На другой день камендант той крепости, которой бежал от меня, и опять сам явился. Онаго я велел повесить: для чего не здался?

На другой день пошел я вверх по Яицкой линии³⁸¹. А как в первой крепости³⁸² от Магнитной был генерал Деколлонг³⁸³, то ее обошел кругом степью по здешней стороне, и вышед в крепость³⁸⁴, коя сидит на длинном озере³⁸⁵. Во оной никто хотя и не супротивлялся, однакож велел выжечь: в случае Деколлонгова поспешения, чтоб была ему чрез то остановка. Из оной крепости какой-та прапорщик³⁸⁶ пашол ко мне в службу ахотою**.

Потом пришли еще в крепость³⁸⁷, кою также приступом взял, а людей присоединил к себе, и строение выжег, также следующую по ней выжег же³⁸⁸.

Потом пашол к Троицкой. Оную хотя и с великим супротивлением, однакож взял³⁸⁹. Выгнав из оной всех людей с собою, разграбя притом все пожитки, вышел в стан. А на другой день генерал Деколлонг настиг меня. И бышо сражение, на котором я разбит³⁹⁰. (л. 134 об.) Спас несколько человек людей и адну пушку, бежал х Кунгуру, где живут исецкие казаки³⁹¹.

А на третий день³⁹² нашол на меня полковник Михельсон³⁹³, против котораго я велел своей толпе спешитца. И было сражение³⁹⁴, на котором я у Михельсона сперва пушки все отбил и ево корпус тем привел в замешательство. Однако он справился и всю свою артиллерию воротил и меня разбил начисто, так что не осталось у меня ни одной пушки, а людей спаслось самое малое число.

И так бежал я в Уралы³⁹⁵. Жил тут неделю. И, набрав башкирцов тысяч десеть³⁹⁶ и несколько завоцких крестьян, и пашол на Красноуфимскую крепость. Во оной никакого супротивления не бышо³⁹⁷. А прошед ее, встретился с кунгурскою командою. И было тут сражение³⁹⁸. Однакож, не сделав ничего, как та команда, так и я, важнаго, разошлись³⁹⁹. Оная команда пошла в Кунгур, а я пашол на при-

* Эта фраза в черновике протокола написана взамен зачеркнутой: «В тот день атаман Овчинников с яицкими казаками, 300 человеками, и з завоцкими крестьянами, всего человек с 500, ко мне явился. Оной бежал от Яицкаго города, где разбит был Мансуровым» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 51 об.).

** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «и Овчинникову ту крепость велел выжечь» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 52).

город Осу, сам стал в закрыти, а башкир послал наперед — тревожить город⁴⁰⁰.

Из Осы выслана была команда при пушках, и было сражение⁴⁰¹. И хотя я тогда не имел пушак, однакож у тех высланных три отбил. А отойдя в стан, (л. 135) велел написать указ, чтоб здались без батали⁴⁰². Но как ане ис пригорода не выходили, а выступили из города и стали с пушками подле стены города, то я шол было на них напролом. Тут ане не устояли и возвратились в город, оставя трехфунтовую пушку, которую я взял⁴⁰³. И пашли опять в стан. И приказал навить сена пятьдесят возов (сено для того, чтоб защищать людей от пушечных выстрелов), и тот же день пашол на приступ⁴⁰⁴. А как блиско подошли, то ис крепости закричали, что воевать не хотят, а здадутся: «Только дайте-де до утра время»⁴⁰⁵. Что я и позволил. А на другой день выслали отставнаго салдата меня посмотреть, подлинно ли я государь. Которой вышел меня и смотрел и, не сказав как я, так и он ничего, в город возвратился⁴⁰⁶. А на другой день комендант⁴⁰⁷ со всею командою и со всеми обывателями ис крепости вышли и здали⁴⁰⁸. А я, вошед в Осу, все что надобно было, — побрал и пашол опять в стан, а Осу выжег.

А на другой день пашли в поход х Казане, ибо казаки усиленно меня просили, чтоб итти в Москву, что я во удовольствие их и обещал*. Перешед Каму⁴⁰⁹, дошло до меня⁴¹⁰, что взятой в Осе комендант писал в Кунгур какое-то письмо. А как я велел обыскать, и нашлось оное еще у него, в катором писано, что он (л. 135 об.) кунгурскому командиру давал знать, дабы, как можно, поспешали за мною: «А я-де заклепаю у Пугачова пушки, и так сего злодея истребим»⁴¹¹. За что как того каменданта, так и еще двух человек, ему способствовавших, повесить велел⁴¹². И так пашол в путь х Казане, забирая людей ко умножению со всех мест⁴¹³.

А не дошед Казани, встретилаь мне команда, которую разбил, и людей всех взял к себе⁴¹⁴. А на другой день — еще в малом числе, кою также без затруднения разбил, а людей, пушки и все припасы забрал к себе⁴¹⁵.

А подойдя х Казане, еще команда, как видно, была на за-

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «и говорил, что туда пойдем, а в самом деле намерения не имел, надеясь на то, что, будучи на дороге, повременю» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 53 об.).

ставе при одной пушке. Оную также разбил и пушку медную взял, а людей: которых присовокупил, а прочие разбежались⁴¹⁶.

Подошед к Казане, стал я в лагере⁴¹⁷ и написал к казанскому губернатору указ, чтоб без батали здался⁴¹⁸. А как ничего ответствовано не было, то навить велел сорок возов сена, и сделал приступ, и, хотя по многим супротивлению, со многих сторон команды моей партиями Казань взял⁴¹⁹. А вошед во оную, что надлежало, — все побрал, и людей тут было побито немало*. В остроге содержащихся колодников выпустил⁴²⁰, где нашел и жену свою — Софью⁴²¹, которую увидя, говорил: «Ба! Друга моего, Пугачова⁴²², жена, у которого в бедности я жил, и он за меня пострадал», — говоря притом: «Я-де тебя, бедная, не покину»⁴²³. И так велел ее и з детьми взять с собою⁴²⁴, и возил их в коляске по самое последнее разбитие, кое было под Черным Яром⁴²⁵. Было у меня и еще женщин около десятка, однакож — не жены, а только адевали, и готовили для меня есть, и делали всякия прислуги. Тут несколько человек засечено чиновных плетми. А розыск сей чинили Авчинников и Давилин: Перфильев⁴²⁶ в то время был при пушках.

Патом башкирцы Казань зажгли, я вышел ис Казани в лагерь. А как тут не было фуража, то перешол я на другое место⁴²⁷, где услышил, что идет Михельсон⁴²⁸. И так против ево вооружился. А как люди мои быши не в порятке, то, потеряв я шесть пушек и несколько разбежавших людей, принужден был (л. 136) отворотить в свой стан⁴²⁹. И стоял тут двои сутки⁴³⁰.

Потом, собрав толпы своей людей в порядок, пошол на Михельсона, под самую Казань, на Арское поле. И было с ним сражение⁴³¹. Однакож Михельсон разбил и отбил всю у меня артиллерию и весь ограбленной в Казане и в других местах багаж. И так** я бежал с того сражения до самой ночи⁴³². А ночью башкирцы, сколько ни было, все от меня ушли в Урал, остался только один старшина Кинджа⁴³³.

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «кто полковника засек плетми, — не видал» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 54 об.). Пугачеву был, видимо, задан вопрос об обстоятельствах гибели полковника Ивана Родионова, который упомянут в списке погибших жителей Казани (см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9. Кн. 1. М.—Л., 1938. С. 118).

** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «с малым числом» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 55).

А на другой день прибежал к Волге*, которую переправились вплавь⁴³⁴. В то время было у меня людей сот пять⁴³⁵. Перешед Волгу, выжег одно село за то, что не дали никакой подмоги, а разбежались⁴³⁶, и пашол вниз по Волге на реку Суру. А не дошед оной, есть какой-та городок⁴³⁷, куда послан был от меня казак Чумаков для взятья лошадей, в котором городке, не найдя лошадей, взял тут каких-та четырех человек офицеров и, без ведома моего, повесил⁴³⁸. О которых того города обыватели, пришед ко мне, сказывали: «Они-де не противились, так за что повесили наших господ?»**. На то я сказал: «Хотя-де ему приказу и не дано было, но теперь не поворотишь, так и быть». Пришед (л. 136 об.) к Суре, остановился⁴³⁹. На другой день пошли вверх по сей реке и шли до самого Саратова. А по тракту в городах и слободах везде встречали меня с честью, а некоторых — по подозрению — казнили смертью⁴⁴⁰.

Пришед к Саратову, прибежали ко мне сами шестдесят человек донских⁴⁴¹, да шестдесят волских казаков⁴⁴²; при донских командир был харунжей усть-медведицкой⁴⁴³, у дубовских харунжей — дубовской⁴⁴⁴. Подойдя под Саратов, указу туда не посылал⁴⁴⁵, для того что стреляли из пушек. А нарядил я атамана Авчинникова с командою и Саратов по супротивлению приступом взял⁴⁴⁶. Войдя во оной, забрав пушки и гоубицу, вышел в стан и, простояв сутки⁴⁴⁷, пошел к Камышенке⁴⁴⁸. А не дойдя оной, прибежали ко мне несколько царицынских казаков⁴⁴⁹.

В Камышенке большого супротивления не было⁴⁵⁰. Командант⁴⁵¹ засел было в кремль, однакож Авчинниковым был взят, и как он, так и протчия побиты⁴⁵². Оттуда пошел в Антиповскую станицу⁴⁵³, и той станицы казаки охотою со мною пошли, также и каравайския⁴⁵⁴, да еще, из каких⁴⁵⁵, — не упомяну. (л. 137) А не дошед Дубовки, встретилась со мною легкая команда с донскими казаками и калмыками⁴⁵⁶. Оную я разбил⁴⁵⁷. Легкой команды офицеры, о коих Авчинников репортовал, что были догнаты и поколоты⁴⁵⁸. И тут взято десять пушек, а людей, сколько ни было, взял же к себе, и вошел в Дубовку, где начевал⁴⁵⁹.

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «не доходя Волги повесили старца за то, якобы собирал с крестьян» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 55).

** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «И наши-де господа не воевали и встретили ево чесно» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 55 об.).

Оттуда пошел к Царицыну. Не дошед до онаго, пришли ко мне в подданство три тысячи человек калмык⁴⁶⁰. Потом встретились со мною донския казаки и зделали сражение⁴⁶¹, на котором поколот был один донской полковник⁴⁶².

Когда же пришел я к самому Царицыну⁴⁶³, то те же донския казаки, хотя у самого города были⁴⁶⁴, но сражение со мною дать, видно, не смели. Потом началась из Царицына стрельба⁴⁶⁵, да и от меня также ответственано было⁴⁶⁶. Но я, поворотя на правую сторону Царицыша, на то самое место, где стояли донския казаки, всех оных к себе заворотил⁴⁶⁷. Полковники же тех казаков все ушли в город⁴⁶⁸. Донцов было тогда шесть полков⁴⁶⁹. И так я Царицын прошел мимо. А на первом ночлеге⁴⁷⁰ донцы все человек по человеку ушли⁴⁷¹, которых я порядочно присматривать и не велел.

Отойдя от Царицына верст шестдесят⁴⁷², напал на меня сзади, не знаю, какой-та начальник⁴⁷³ с великим (л. 137 об.) корпусом⁴⁷⁴. И на утренней заре было сражение⁴⁷⁵, на котором я был разбит, потерял почти всех людей, пушки, двух малолетних дочерей и весь ограбленной мною во многих местах багаж.

Бежал я с янцкими казаками и с несколькими крестьянами, с женою и с большим сыном к Волге. И в торопости многия вплавь, а я с женою в лотке переехали на остров⁴⁷⁶. А как с онаго еще надобно плыть, то Перфильев, не знаю, — для чего, остался и с ним несколько толпы моей людей⁴⁷⁷. Переехав с острова Волгу на луговую сторону и, отъехав несколько верст, начевали⁴⁷⁸.

Отсюда послал я толпы своей полковника Пустобаева⁴⁷⁹ с одним казаком поискать потерянной им одежды, которой между тем хотел найти и Перфильева, но он, поехавши, ко мне обратно уже не бывал.

Я же с казаками, коих тут было сто шестдесят четыре человека⁴⁸⁰, поехали в степь*. Потом разсуждали: куда ехать? И по многим разговорам согласились ехать на Узени⁴⁸¹, а там, собрав людей побольше, вытти на Нижнюю Яицкую дистанцию, собрать там казаков, взять Гурьев, пуститься на судах в море и плыть в какия ни есть орды, согласить (л. 138) оныя и вытти паки в Россию⁴⁸².

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «ехали два дни без воды, наехали» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 57 об.).

Когда ж на Узени приехали⁴⁸³, то толпы моей чиновных люди*, соглася к тому других, меня арестовали**⁴⁸⁴. А как сие было со мною зделано за речкою Узенями, и учинено то немногими людьми⁴⁸⁵, ибо большая часть толпы моей казаки оставались на другой стороне речки, то я хотел было к ним на лошади ускакать и их уговорить, чтобы они за меня вступились, и тех, кои меня заарестовали, самих перевязали. Однакож, когда я поскакал, то Иван Творогов с другими, нагнав меня, поймали⁴⁸⁶ и везли на худой лошади сутки.

А как в одно время стали обедать⁴⁸⁷, то я схватил было саблю и хотел тех первых начинщиков, кои меня арестовали, то есть Федулева⁴⁸⁸ и Чумакова рубить. Однакож я силен, и зделан был за мною присмотр еще больше. И так везли к Яицкому городку.

Потом наехал на нашу толпу высланной из городка сотник⁴⁸⁹, которой, поговоря с прежними моими сообщниками, сказал наконец: «Для чего, естли задумали весть меня*** в городок, не связали?» А как те сообщники мои еще и в то время думали, что я государь⁴⁹⁰, то вязать меня не хотели. Потом объявленной сотник посадил меня в колодку⁴⁹¹. И так привезен в Яицкой городок, в секретную (л. 138 об.) коммисию, где во всем вышеписанном и спрашиван.

В заключении ж сего объявляю.

Когда я еще шел к Казане, то просили меня яицкия казаки, чтоб итти в Москву и далее, на что я был и согласен. Когда же был под Казанью разбит и перебрался в малом числе толпы чрез Волгу, то хотя великую толпу и собрал, но к Москве уже итти не разсудил, а пробирался на Низ, куда бы разсудилось. Не дошед до Саратова, уговаривали меня казаки, чтоб со всею толпою, коя была в великом числе, итти в Яицкой городок, там перезимовать и опять вытти в Русь для dokonчания моего намерения. Дворян и офицеров, коих убивал большою частию по представлению яицких казаков, а сам я столько жесток отнюдь не был, а не попуцал тем,

* Далее в черновике протокола зачеркнуто: «умыслили меня» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 57 об.).

** Далее в черновике протокола зачеркнуто: «и хотели вести в Яицкой городок, и повезли. Дорогою хотел было я от них на лошади [бежать]» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 57 об.).

*** Ошибка в оригинале; правильно: «его».

кои отягощали своих крестьян, или командиры — подчиненных; также и тех без справок казнил, естли кто из крестьян на помещиков в налогах доносил. Солдат для того в толпе своей не имел, что они для меня в службе не годятся. А когда в пехоте была надобность, то я приказывал спешиваться казакам, кои все то делали, что и солдаты.

Дальнаго намерения, чтобы завладеть всем Российским (л. 139) царством, не имел, ибо, разсуждая о себе, не думал к правлению быть, по неумению грамоте, способен. А шол на то: естли удастся чем поживиться или убиту быть на войне — вить все я заслужил смерть, — так лутче умереть на войне.

Допрашивал в Яицком городке в отделенной секретной комиссии Савва Маврин⁴⁹².

На лл. 100—139 внизу страниц, под текстом скрепа: Канцелярист Степан Пенчуков.

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Л. 100—139. — Подлинник. Оpubл.: Вопросы истории. 1966. № 3. С. 132—138; № 4. С. 111—123

№ 2

Протокол допроса Е. И. Пугачева в следственной комиссии в Симбирске, — записи вопросных пунктов следователей и ответов подследственного¹

2—6 октября 1774 г.

(л. 46) Допрос злодея, самозванца, беглаго с Дону казака Емельяна Иванова сына Пугачева, произведенной в Симбирске октября 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го чисел 1774-го года.

(л. 46 об.) 1774 года октября 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го чисел государственной злодей, самозванец Емельян Пугачев в присутствии генерала графа Панина² и генерал-майора Потемкина³ разпрашиван по нижепрописанным вопросам, противу которых злодей и показал, как явствует ниже сего.

Вступление к распросу

По твоему, государственной злодей, изменник и самозванец, уже собственному признанию не только пред нами⁴, но и пред всем народом⁵, что ты настоящей с Дону казак Емельян Иванов сын Пугачев, изменив законной своей государыне и отечеству, лживо назвав себя именем покойного императора Петра Третьяго⁶, производил с злодейскими твоими сообщниками в государстве (л. 47) возмущение, бунт, убийства и грабительства верным подданным ея величества и сынам отечества твоего.

Теперь, зная, какие предстоят тебе по всем государственным законам казни и наимучительнейшия истязания ко извлечению из тебя всей по твоим злым намерениям и произведениям истины, показывай, не утаевая ничего в душе твоей, к облегчению себя от оных и к чистому покаянию пред создателем вселенной, ведущим все тайны сердец человеческих, и пред своею самодержавною законною государынею, в высочайшем лице которой ты теперь спрашиваешься с полною властью ко всем над тобою мучениям, какия только жестокость человеческая выдумать может.

(л. 47) Вступление к ответам

Объявляет он, Пугачев, что первому помышлению его о побеге за Кубань был поводом донской казак Лазунской станицы Андрей Кузнецов⁷. Считая себя утесненным, как и прочие раскольники, советовал сей Кузнецов подговаривать яицких казаков к побегу, говоря притом ему, что войско Яицкое было неоднократно в смятении, что угнетаемо оно от старшин и начальников, и что они, яицкие казаки, яко раскольники, на предложение сие о побеге (л. 47 об.) согласятся⁸.

Намерение самого злодея Пугачова было: бежать, по подговору зятя Павлова⁹ [1) О сем значит в первом допросе¹⁰ на странице 7]*. Но как он, Пугачев, перевез зятя своего за реку Дон и отстал, то усомнился еще тогда, чтоб за перевоз показанного зятя своего не было взыскания, ибо по установлению положена казнь таковым, кто дерзнет переправлять кого за Дон¹¹. Для того он, Пугачов, и убежал, но был после пойман в станице, и приказано было его, Пугачова, везти донскому казаку Худякову¹² [2) О сем видно из первого допроса¹³ на странице 10]. А сей, препоручив везти злодея в Черкасск своему сыну¹⁴, велел его, для прежнего между ими знакомства, с дороги отпустить¹⁵. Взыскания ж за то, что упустил колодника, не опасался, потому что сын его был малолетен.

Ушедши злодей с дороги, пробрался (имея намерение итти в Польшу) в Слободскую Украинскую губернию, в Изюмской полк. Будучи ж там в одной слободе¹⁶ у крестьянина, (л. 48) по прозванию Коровки¹⁷, чрез несколько времени узнал, что он раскольник. А как злодей, будучи уверен, что раскольники беглым дают пристанище и им помогают, то в надежде сей спрашивал злодей хозяина: «Каким образом можно пройти в Польшу?» Коровкин объявил, чтоб он шел в раскольникчей монастырь на Ветку¹⁸, и с ним вместе отпустил туда ж своего сына Антона¹⁹, потому что он знал писать фальшивые паспорта²⁰. Пугачев напро-

* Так в оригинале; в действительности это была Глазуновская станица (на реке Медведице — левом притоке Дона), где и жил казак А. Ф. Кузнецов.

** Здесь и далее в квадратных скобках помещены пояснения следователей (пронумерованные ими с № 1 по № 18, причем № 15 и 16 ошибочно повторены; при публикации сохранена нумерация пояснений по подлиннику). На оригинале документа пояснения расположены на полях против соответствующих мест текста.

тив того говорил, чтоб итти на поселение в Бендеры²¹, и, наконец, склонив на свое мнение показанного Антона, пошли вместе. Спутник злодея написал паспорта как себе, так и Пугачову, с которыми бы можно было им пробраться до Бендер. На дороге, проведая они, что туда без печатных паспортов никого не пропускают, возвратились на Ветку²². По словам Коровки*, был он там несколько времени [3] Сказано в прежнем допросе²³ на стран[ице] 11], наimalsя на сенокосы, готовясь выработанными деньгами итти к Добрянску²⁴, куда, оставя на Ветке Коровкина сына Антона, и отправился. В Добрянске на форпосте сказался он польским выходцем, как и в прежнем допросе²⁵ объявил, утаевая прямое свое название (л. 48 об.) для того, что естли бы сказался он служивым, то бы его задержали. Желание ж его было поселиться на Иргисе²⁶, потому что, будучи он в карантине²⁷, слышал, что для поселян великия выгоды²⁸.

Вышед же из Добрянского карантина, зашел вторично к помянутому слободскому крестьянину Коровке²⁹ и, взяв у него свою лошадь, поехал на Иргис, имея себе спутником беглаго салдата³⁰, называющагося выходцем же [4] Пространнее о сем салдате видно в прежнем допросе³¹ на странице 12].

Отправясь вместе от показанного Коровки, заехали они на устье Медведицы в казачьи хуторы и, спрося, кому оные принадлежат, пошли к хозяину, которой называется Андрей Кузнецов, тот самой, которой подговорил Пугачова возмущать яицких казаков. Спрашивал** он у пришельцов: куда они предприяли путь? На что Пугачов ответствовал, что идут они на Иргис селиться. А Кузнецов сказал: что «ныне-де на Иргисе происходит великое староверам гонение, так не лучше ль пробираться в другое какое место». Пугачов, имея намерение и прежде с зятем своим бежать на Кубань, открылся в том Кузнецову. Но сей отвечал, что намерение его (л. 49) не сбудется, говоря притом, что «как можно бежать в такой дальней путь в малом числе людей? Слышно-де здесь, что Яицкое войско давно бунтует³², так лучше его подговорить и бежать вместе». Сими изречениями воспользуясь, злодей спрашивал: каким бы путем прой-

* Ошибка; правильно: по словам Пугачева.

** В копии протокола, сделанной гвардии капитан-поручиком С. И. Мавриным (в последующих сносках — «мавринская» копия протокола), слову «спрашивал» предшествует текст: «Когда ж он» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 60 об.).

тить на Яик? На что хозяин отвечивал, что должно итти в Мечетную слободу³³ и явиться у игумена раскольничья монастыря Филарета³⁴, уверяя притом злодея, что ему игумен по расколу крайне знаком³⁵. При отъезде своем Пугачов получил от Кузнецова денег 74 рубли с тем намерением, чтоб отвезти оныя живущему на Иргисе Кузнецова брату³⁶.

Приехав же злодей в Мечетную слободу³⁷, явился игумену Филарету и открыл ему свое намерение, которое он, игумен, и похвалил, сказав притом, что по обстоятельствам яицких казаков возмутить не только не трудно, да и весьма возможно³⁸. С сим подкреплением своих намерений отправился злодей на Яик будто бы для покупки рыбы³⁹.

Едучи дорогою с крестьянином Малыковской волости Семеном Филиповым⁴⁰ [5) Сей, поймав злодея, привел в Малыковку к управительским делам], объявил ему свое намерение⁴¹. А прибыв в Яицкой (л. 49 об.) городок⁴², стал в доме казака Дениса Пьянова⁴³. По многих разговорах спрашивал злодей у хозяина о состоянии яицких казаков. Узнав же о их неудовольствии, начал подговаривать к побегу за Кубань некрасовским путем, обнадеживая их награждением⁴⁴, как на него из Малыковки показано⁴⁵.

Соображая обстоятельства и похождения злодея по всем сведениям, каковыя секретная комиссия собрать могла, показанием его усмотрено, что злодей скрывал яд злости на сердце. Для того учинено было ему малое наказание⁴⁶. И по доводам тем, что до поимки его, Пугачова, открылось уже, какие имел он замыслы и советы, будучи на Яике в доме казака Дениса Пьянова, убежден был злодей и открылся противу вопросительных пунктов:

[Вопрос]

1. Объявил ты в первых по поимке тебя допросах⁴⁷, всеконечно укрывательством, будто б принял ты на себя лживое название (л. 50) имени Петра Третьяго и намерение к производству в государстве возмущения после уже утечки твоей из Казани⁴⁸. Но обличает тебя в том производимое дело в здешней Синбирской канцелярии при первой тебя ж поимке в селе Малыковке, что ты тогда уже возмущал народ к бунту против владеющей законной государыни⁴⁹. То и открывай теперь по самой истине: из какой причины, собою ли одним, или с кем имянно по совещаниям, когда и где подлинно взял ты намерение и вступил в злодейское

возмущение народа к бунту и к похищению российского престола под лживым названием себя именем покойного императора Петра Третьяго?

(л. 49 об.) [Ответ]

Возмечтал он, злодей Пугачов, принять на себя высокое звание покойного государя Петра Третьяго в Добрянске, (л. 50) по научению тамошняго купца Кожевникова*. Когда он, злодей, был в карантине, то для прокормления себя наimalsя в разныя работы: между прочими работал у показанного Кожевникова⁵⁰ и показался схожим на покойного государя одному беглому салдату⁵¹, сказавшемуся выходцем из Польши. Сей салдат объявил хозяину, что он, смотря на Пугачова, находит в нем подобие покойного государя Петра Третьяго⁵². О чем услышав, Кожевников спрашивал Пугачова, какой он человек и, лаская его разными способами, выведал, наконец, о точном его звании и природе. А сие злодей открывши, не умолчал и о том, что он из дому своего бежал. Кожевников, выслушав сие, говорил злодею: «Слушай, мой друг, естли ты хотел бежать за Кубань, то бежать тебе одному неможно. Хочешь ли ты пользоваться и принять лучшее намерение? Есть люди здесь, которые находят в тебе сходство с государем Петром (л. 50 об.) Третьим. Прими ты на себя сие звание и поди на Яик. Я-де точно знаю, что яицкие казаки притеснены. Объявись там под сим высоким названием государя и подговаривай их бежать с собою. Сей салдат скажется гвардейцем и будет всех уверять, что ты — подлинно государь, как знает тебя и простой народ. Обещай яицким казакам награждения по 12 рублей на человека. Деньги ж, естли нужны будут, то я своих дам, да и прочие-де помогут, с тем только, чтоб вы нас, раскольников, взяли с собою, потому что здесь нам, староведам, жить трудно и претерпеваем непрестанное гонение»⁵³.

Злодей, обрадуясь сему случаю, утвердился принять на себя высокое название. И советовали: каким лучше способом объявиться ему под именем государя. В совете с ними был еще добрянский же купец Крылов⁵⁴. И положили, чтоб ему ехать на Иргису в Мечетную слободу к игумену Филарету. Кожевников и Крылов** приказывали ему явиться у

* В тексте фамилия Кожевникова подчеркнута карандашом, на полях карандашный знак NB сделан рукой Екатерины II.

** В протоколе, написанном рукой генерал-майора П. С. Потемкина (в последующих сносках — «потемкинский» экземпляр протокола) далее зачеркнуто: «написали письма к игумену, чтобы он злодею подал [помощь]» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 454 об.).

Филарета для того, что он ему поможет, (л. 51) как человек довольно сведущий обо всех обстоятельствах яицких казаков, примолвя притом, что и все раскольники, естли удастся ему, злодею, с ним поедут.

Таким образом, уповая на сие, отправился злодей на Иргис с показанным салдатом, имея точное намерение назваться в народе именем государя Петра Третьяго*. А салдат обнадеживал его, что будет уверять о сходстве злодея с покойным государем.

И так, отправясь из Добрянска, заезжали они к показанному слободскому крестьянину Коровке⁵⁵, а оттуда — в донския станицы к Кузнецову⁵⁶ [б) 2-й пункт означит советы и намерения каждого].

По прибытии на Иргис, товарищ его, беглой салдат, от него отстал** и нанялся в рекруты, а для какой причины, — он не ведает⁵⁷. Сам же злодей Пугачов, пришед к игумену Филарету, сказал ему свое звание и открыл советы Кожевникова, Филарет принял его намерение с радостью, обнадеживая, что Яицкое войско его примет, и что сам отец игумен обещался вспомоществовать⁵⁸.

Условясь, злодей поехал в Яицкой городок будто бы для покупки рыбы (л. 51 об.). Филарет дал ему наставление, каким образом лучше подговаривать яицких казаков, и велел ему ехать прямо к казаку Денису Пьяному с тем объявлением, будто бы Пугачов был подлинно государь Петр Третий⁵⁹, и что он прислан от игумна Филарета. С тою надеждою прибыл злодей на Яик и делал обнадеживания, открывшиеся в секретной коммисии по допросу Дениса Пьянова⁶⁰, которой в начале августа умер⁶¹.

[Вопрос]

2. Здесь предъявляемое письмо, писанное от твоего имени в то же еще время Мечетной слободы к игумену Филарету⁶², обличает тебя, что ты тогда уже, будучи последней казак, имел достаточные деньги, употреблял их к своим бунтовщичьим намерениям, делал подкупы к твоему изпод караула высвобождению, то теперь и объявляй, ничего не утаивая, всю точность (л. 52) и подробность: от кого ты

* В «потемкинском» экземпляре протокола далее зачеркнуто: «Еще дорогою сговаривались они со сказанным салдатом как лучшее народ верить» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 454 об.).

** В «потемкинском» экземпляре протокола далее зачеркнуто: «на- всегда» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 454 об.).

такое деньги, приобрел, и кто были конечно еще тогда твоими сообщниками к государственному возмущению, какое ты сообщество в том имел со означенным игуменом или с кем имянно другими, ково же имянно ты чрез какия дороги и чрез ково имянно ж подкупал ты к своему из-под караула освобождению, кто из них на освобождение тебя за какия взятки преклонялся и оным тебя обнадеживал? //

[*Ответ*]

(л. 51 об.) Понеже он, Пугачов, в сие время сказывался купцом, и когда под сим званием взят был под караул⁶³, то малыковской управитель⁶⁴, ведая о нем прежде по паспорту⁶⁵ добрянскаго директора, что он, Пугачов, был назван выходцем из Польши, стал его сечь и, узнав прямое звание, послал его в Синбирск⁶⁶. Едучи дорогою, прссил он проводников своих, которых было двое, (л. 52) чтоб его освободили⁶⁷. Но они, на то соглашаясь, требовали с него по 100 рублей на каждого. Пугачов отрекся дать сию сумму, сказав, что у него только 74 рубли⁶⁸.

При сих словах убеждаем был злодей вновь как самым письмом, писанным от него к Филарету⁶⁹, так и разными известными доказательствами по показаниям его сообщников.

Показанныя деньги в письме, 470 ру[блей], имел он, злодей, подлинно оставленных им у игумена Филарета⁷⁰. Оные деньги получил он, злодей, во-первых, от показанного крестьянина Коровки — 370 ру[блей]⁷¹, согласившагося с ним бежать и уговаривать других раскольников, да от донскаго казака Лазунской станицы, по прозванию Долотина — 42 ру[бля]⁷², а последние 74 ру[бля], (л. 52 об.) как выше сказано, — от Кузнецова⁷³. Все сии деньги даны были ему, злодею, на вспоможение к произведению адскаго намерения его — назваться имянем государя и возмутить яицких казаков, с тем еще обнадеживанием, что как они, вышесказанные его пособники, так и все раскольники, ему помогать будут всеми способами и не щадя денег. Кузнецов при отъезде Пугачова уверял, что его злодейству будет помогать и донской казак Вершинин⁷⁴, не жалея иждивения, как есть человек почтенный между раскольниками и согласит многих, которые всеконечно его послушают.

Утвердясь на таковых обещаниях, приступил он к злодейству.

А когда пойман был в Малыковке и представлен в Син-

бирск, то по научению повозчика своего Попова просил он, злодей, одного подъячего⁷⁵ о ходатайстве у воеводы⁷⁶, ассессора⁷⁷ и секретаря⁷⁸, чтоб его, Пугачова, они освободили, за что обещал сказанные в его письме 300 ру[блей]. (л. 53) Сей подъячей спрашивал злодея, имеет ли он обещанные деньги при себе? А как Пугачов объявил ему, что денег нет, и они оставлены в Мечетном раскольничьем монастыре у Филарета, то писарь, обещавши приложить старание, ничего не сделал в его пользу⁷⁹, но по усиленной прозьбе написал письмо⁸⁰ и послал с вышеупомянутым Поповым [7) Имя его — Василей Иванов]. А Пугачов вскоре сослан был в Казань.

Знал ли воевода, что Пугачов обещал за освобождение 300 рублей, злодей не показывает, говоря притом, что напрасно сказать не хочется. О старании прочих людей сказано в таком смысле, что Попов и подъячей обещались помогать ему.

Филарету угрожал для того, что сей игумен был злейшему намерению их сообщником и обещал награждение, ожидая не только успеха, но и помощи от Кожевникова, как выше сказано.//

[Вопрос]

(л. 47 об.) 3. Первое твое показание⁸¹ о утечке из-под караула в Казане⁸², будто б никого ты к оному вспомоществующих тебе не имел, кроме одного бежавшего с тобою купца Дружинина⁸³, котораго чрез сына малолетнаго⁸⁴ изготовлена тебе была кибитка с лошадьми на деньги, которья ты при себе имел и милостынею набрал, не имеет никакова в себе правде подобия, а обличает тебя в злодейских еще укрывательствах, которья, конечно, будут из тебя вымучены наижесточайшими здесь же пытками, то, не допуская себя до оных, показывай самую истинну: сколько и от кого имел (л. 54) ты тогда при себе денег, или от кого ж оных когда там получал, кого имянно и каким образом подкупал и преклонял ты на способствование тебе в утечке и на сообщение с тобою в злодейских твоих намерениях?//

[Ответ]

(л. 53 об.) Будучи еще в Мечетной слободе, слышал он от игумена Филарета, что в Казане есть купец Василей Григорьев сын Щолохов⁸⁵, крайний его друг и раскольник [8)

По подозрению на сего Щолохова, дающего пристанище[]]. По той надежде злодей Пугачов, когда содержался в Казане, просил одного мальчика, приносящего в тюрьму пироги на продажу, сведав, что сей мальчик был из дому Щолохова, велел прислать ему своего в тюрьму хозяина для одной поговорки, почему Щолохов в тюрьму и приходил. Тогда злодей объявил ему, что он — друг Филарету, чая тем его привлечь на милость. Но Щолохов спрашивал: за что он содержится? «За крест и бороду», — отвечал злодей⁸⁶. Сие сказано в таком смысле, чтоб подвигнуть Щолохова (л. 54) к жалости, ибо злодей знал, что он — раскольник. Но и в самом деле обещал он Пугачову делать вспоможение и присылал неоднократно милостины, давал ему в разные времена по несколько денег⁸⁷ [9) Пугачев утверждает, что замыслов своих злодейских Щолохову не открывал, а думает, что сие произошло от Филарета]⁸⁸, обещал за него просить губернатора⁸⁸ и секретаря⁸⁹. А чрез несколько времени он к нему в тюрьму приходил еще и сказал, что просил губернатора⁸⁹, которой велел помедлить⁹⁰, а секретарю обещано им 20 ру[блей]⁹¹. Тогда открыл он, злодей, Щолохову, что оставил деньги свои у Филарета и что из оных заплатит ему обещанные 20 рублей секретарю. Притом он Щолохова, чтоб постарался склонить купно к прозьбе о свободе его, Пугачова, (л. 54 об.) и московского купца Ивана Иванова сына Хлебникова⁹², познакомившагося с ним, Пугачовым, чрез тюремщика⁹³ Замшева⁹³, которой послан на поселение. По прозьбе Щолохова приходил к нему в тюрьму и Хлебников, которой обещал об нем стараться и писать к Филарету. Злодей, объявля также Хлебникову, что у Филарета оставлено его денег 470 ру[блей]. Письмо от злодея писал колодник Бичюгов⁹⁴, а содержание письма такое,

* Далее в «мавринской» копии протокола зачеркнуто: «раскольникам, велено от комиссии о присылке Щолохова писать в Петербург к генерал-прокурору Вяземскому. И хотя ответствовано, что сей Щолохов взял откуп в Тверской провинции, будет 12 августа, но он не бывал, и жена его содержитца в комиссии» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 65).

** В «потемкинском» экземпляре протокола это пояснение написано взамен зачеркнутого: «9) Но он, Пугачов, не открывал ему злодейских замыслов, а думает, что Филарет ему о том открыл» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 456 об.).

*** В «потемкинском» экземпляре протокола слово «губернатора» зачеркнуто, а взамен него написано: «по обещанию своему судей» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 457).

**** В «мавринской» копии протокола это слово воспроизведено как «тюремника».

чтоб Филарет старался о освобождении и прислал бы к нему деньги⁹⁵.

Когда он, злодей, призван был пред секретаря, то — по распросе его — просил он о свободе, утверждая подарить обещанныя Щолоховым 20 рублей. (л. 55) Секретарь отвечал ему сими словами: «Будет, мой друг, время». Потом вторично был злодей призван к секретарю⁹⁶. Тогда с него сняты были ручные кандалы. Дал ли Щолохов секретарю обещанные 20 ру[блей] — о том он, злодей, неизвестен⁹⁷. Несколько спустя после сего сняли с злодея тяжелые ножные кандалы и заклепали в легкия⁹⁸.

После сего отослан Пугачов из губернаторской экспедиции в обыкновенный острог⁹⁹. Там будучи несколько недель, познакомился с Дружининым по начоту [10] Значит в прежнем допросе на стран[ице]*¹⁰⁰. В тот день, [когда] условились они бежать, подарили тюремному надзирателю 10 копеек. Офицеров он никогда не даривал, и священник¹⁰¹ о побеге его нимало не знал. В прочем об уходе своем из Казани объявил точно так, как показал в прежнем допросе¹⁰², (л. 55 об.) прибавив, что они, то есть Дружинин и злодей Пугачов, пивши у священника, старались напоить и несогласнаго салдата¹⁰³, а сами весьма береглись, и что, будучи оной салдат почти безчувственно пьян, не мог им в побеге препятствовать [11] Оной салдат в прошлую зиму умер¹⁰⁴.

[Вопрос]

4. Яицкой казак Астафей Трифанов¹⁰⁵ был ли в твоём бунтовщицьем сообществе, когда и где от тебя отстал, что ты ему поручал к царицынскому жителю Василью Кондратьеву сыну Пугову¹⁰⁶, — покажи самую правду.

[Ответ]

По переходе Пугачова на правый берег Волги отставал от толпы бунтовщицьея яицкий казак, но не Астафей Трифанов, а прозвищем Ходин¹⁰⁷. Набрал он до 700 человек, возвратился, соединясь с главною злодейскою толпою при Саратове.

Астафья Трифанова он, злодей, в своей толпе никогда не имел и не знал^{**108}.

* Номер страницы не обозначен.

** В «мавринской» копии протокола далее зачеркнуто: «О сем то же показывает и Чумаков» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 66 об.).

Никого из толпы своей к Царицыну пред собою не отправлял, а отправил в Москву называющегося купцом Ивана Иванова¹⁰⁹. Сей самой приехал в толпу бунтовщицью тогда, (л. 56) как государственной злодей был в Уралах¹¹⁰. И добровольно объявляет, что до того времени он его не знал. А приехав в Уралы, показанной Иван Иванов удостоверял мысли обвороженного народа тем, что разглашал повсюду, будто бы он прислан от государя цесаревича с подарками [12] Точно сие показывал в допросе своем мещеряцкий старшина Канзафар¹¹¹], и священным именем его высочества увещевал простой народ для преклонения к Пугачову, сказывая, что не Пугачов бунтует, а подлинной государь засчищает престол¹¹², что много способствовало злодею усилиться^{**}. Сверх сего, сказывал оной купец повсюду, что привез он от его высочества дары — шапку и сапоги, а от ея величества^{***} — два камня. Все сие в самом деле было привезено, но Пугачов, приняв подарки, не входил в подробности узнать, от кого оные присланы, радуясь только тому, что сей доброхот столь много преклонил к нему народу.

(л. 56 об.) Когда злодей был разбит под Троицкою крепостью¹¹³, то первый мысль подал ему показанной Иван Иванов¹¹⁴, — собрав новую толпу, итти в Казань^{****}, — сказывая ему, что он может там утвердиться и потом следовать для принятия всероссийского престола в Москву. Народу ж разглашал он, Иванов, что государь цесаревич с войсками следует к Казане на помощь, что Казань, ему не противясь, покорится. А вняв его советы, злодей пошел к Казане¹¹⁵ и объявлял уже сие намерение в ложных манифестах.

Когда злодей перешел за Волгу, то он, Иван Иванов, называющейся купцом, пред всею толпою просился в Москву

* В подлиннике ошибочно: «Лазарев». В действительности упоминаемый в этом пояснении следователей человек — Канзафар Усаев, мишарский сотник (а не старшина), доставивший 21 июня 1774 г. ржевского купца А. Т. Долгополова (он же «Астафий Трифионов» и «Иван Иванов») в стан Е. И. Пугачева под пригород Оса. В «потемкинском» экземпляре протокола и «мавринской» его копии имя мишарского сотника названо правильно — «Канзафар» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 458; Д. 663. Л. 67).

** Далее в «потемкинском» экземпляре протокола зачеркнуто: «Когда бывал Иван Иванов наедине с злодеем Пугачевым» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 458).

*** Видимо, описка, речь идет на самом деле о ее высочестве цесаревне Наталье Алексеевне.

**** В «мавринской» копии протокола сказано более точно: «итти к Казани» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 67).

и Петербург, говоря так: «Время теперь, батюшко, мне от тебя, надежа-государь, ехать возвратно, — примолвя дерзновенно, — к твоему Павлу Петровичу, и объявить ему, что уже ваше величество (л. 57) перешел с армиею за Волгу, и чтоб он поспешал с обещанною силою к тебе на помощь скорее». Злодей, слыша оные слова, хотя знал, что посылать к его высочеству не есть дело возможное, но, отправляя его при всем народе, высыпал ему из полы своей 50 рублей и отпустил в Москву¹¹⁶, дабы тем утвердить в мыслях невеж, что он, злодей, не только не самозванец, но и ожидает подкрепления себе¹¹⁷ [13] Отправления сего, называющегося купцом, весьма сходствует с тем, как рассказывал о своем отправлении назвавшийся Астафьем Трифоновым. Сходство примет, по словам злодея, дают подозрение, что он — самой тот, которой назывался купцом Иваном Ивановым¹¹⁸ в толпе у злодея. В самом же деле весьма подозрительно: не был ли сей пособник злодея послан от раскольников?].

В Царицын же он, злодей, как выше сказано, никого не посылал, и приказал сему, называющемуся купцом, что когда он возвратится, то искал бы его под Царицыным и, естли его толпа усилится, дал бы знать о состоянии Москвы и Петербурга, а естли его разобьют и справиться будет невозможно, то б искал его у царицынского жителя Полякова¹¹⁹, где, по некоторому знакомству, чаял он при несчастии (л. 57 об.) искать убежища [14] Называющийся яицкий казак Астафей Трифонов показал точно сии слова, с той только разницей, что царицынского жителя показал он Пугова¹²⁰, а не Полякова].

Поминаемый Иван Иванов при отъезде своем спрашивал при всех, называя злодея высоким именем государя, как он велит приежжать: «Его высочеству одному или вместе с ея высочеством?» Злодей же отвечивал для обольщения народа: «Пускай приежжают вместе, и чтоб скорее из Питербурга выезжали»¹²¹.

[Вопрос]

5. В бунтовщицъей твоей шайке были ли кто имянно в чиновных и доверенных у тебя людях из дворян или из штаб- и обер-офицеров, отставных, ссылочных или из служащих?

[*Ответ*]

Из чиновных людей в бунтовщицъей шайке у него, злодея, были с самага начала, после разбития генерал-майора Кара¹²², из взятых двух рот Второго гранодерскаго полку подпорутчик Шванович¹²³ [15] Обстоятельства значатся в допросе самага Швановича¹²⁴]. Сей офицер служил ему, злодею, охотно, бывал на сражениях под Оренбургом при сообщнике злодея — яицком казаке Шигаеве¹²⁵. Сказывал злодею о себе, что он, (л. 58) Шванович, крестник в бозе опочивающей государыни императрицы Елисавет Петровны, что умеет говорить многими языками и может способным быть к установленной в то время злодейской коллегии¹²⁶. По сей прозьбе приказал злодей Швановичу быть при названной Военной коллегии и перевести на немецкой язык подложный манифест и указ к оренбургскому губернатору¹²⁷. И с тех пор уже под всеми злодейскими указами подписывался он, Шванович, вместо самага злодея по латыни «Петер»¹²⁸. Сверх того, слышал он, злодей, от Горшкова¹²⁹, что оный думный дьяк¹³⁰ злодейской коллегии обще с Швановичем писали указ на немецком и французском языках¹³¹, но куда оный указ послали, — злодей неизвестен [16] С очной ставки Горшкова [с] злодеем и Швановичем изведать можно¹³²].

Но с тех пор, как он, злодей, разбит вторично генерал-майором князем Голицыным (л. 58 об.) под Сакмароу¹³³, когда ушел он к Уралам, никого из дворян при себе не имел.

Следуя ж к Троицкой крепости из-под Магнитной по линии, ни места — где, ни времени, — не помнит, какой-то прапорщик¹³⁴ предался ему, злодею, предлагая свои верныя услуги, — имяни сего прапорщика он не помнит. Вскоре после того разбит был злодей под Троицкою крепостью¹³⁵, и показанной прапорщик между прочими взят войсками в плен. Впрочем, утверждает он, что никогда к сему прапорщику доверенности не имел. От Троицкой крепости до самой Осы никого из чиновных у него не было.

После ж похищения Осы¹³⁶ взяты были майор Скрыпицын¹³⁷, капитан Смирнов¹³⁸ и подпорутчик Минеев¹³⁹. Сей последний донес на майора Скрышицына, что изготовил он в Бугульму рапорт, объявляя число толпы (л. 59) его¹⁴⁰, за что злодеем Скрыпицын и Смирнов были повешены, а Минеев назван полковником и атаманом. Потом сей нечестивец обещал злодею свои услуги: провести в Казань и подать способы, как овладеть Казанью, о чем из допроса Минеева яснее видно¹⁴¹.

[Вопрос]

6. По побеге твоём за Волгу после разбития под Царицыным кого ты или сообщники твои к кому имянно, с какими письмами отправляли для собрания новых бунтовщичьих шаек? По какому сообщению или надёжности к тем людям, к кому отправлены были как тогда от тебя посланные, так и во всякое другое когда время в разныя города и жительства для (л. 59 об.) бунтовщичьих возмущений, по какому об оных тебя от кого обнадеживанию?

Показывай теперь все в самой точности и истинне, понеже многия из таковых от тебя разсылных возмутителей и поверенных в наших уже руках, и тебя во оном обличают, то чистым признанием и покаянием не умножь подлежащаго тебе мучения в пытке и смертной казни, а объявлением во всем самой точности, облегчи себе оные. Истинным покаянием пред господом богом (л. 60) и его помазанницею, нашею законною государынею, облегчи же и приготовленное душе твоей адское мучение.//

[Ответ]

(л. 59) По переходе на правой берег Волги, хотя и брал он несколько офицеров, кои от смерти и мучительства избавлены, но никакого совета он с ними не имел, а были они употреблены в разные должности, и ни к кому из них самозванец доверенности не имел.

Во всех местах, проходя до Царицына, никогда ни с кем переписок не было, (л. 59 об.) кроме, что по предложению одного салдата¹⁴², — имени его не помнит, послал злодей ложный свой указ к порутчику Алексею Матвееву сыну Гриневу¹⁴³ [15] В допросе Неустроева¹⁴⁴ показано об оном]. Сей салдат сказывал, что он Гриневу весьма знаком, одобрял злодею онаго порутчика и обнадеживал, что он будет к самозванцу преклонен. Но на сие послание никакого ответа не было. Прочие ж пункты показания Неустроева по допросу, учиненному ему в Краснокутском комисарстве¹⁴⁵, отвергает доказательством, что после того, как он, злодей, прогнан из-под Царицына¹⁴⁶ до совершеннаго разбития¹⁴⁷ его было только три дни, и он, поспешая схватить Черноярскую крепость, не имел времени посылать указы. Когда ж он (л. 60) переплыл Волгу на Яицкую степь¹⁴⁸, то не только посылать указы, но и воли уже не имел, ибо яицкие казаки¹⁴⁹ не допускали никого с ним соединяться, и сколько ни желали к его толпе прилепиться, то казаки отнимали лоша-

дей, говоря, что допуская умножаться толпе, будет замедление; бумаги и чернил с ним не было.

Во все ж время злодейства своего разсылал разные ложные указы не на лицо к кому-либо, но вообще, или для устраниения, или для обольщения народа¹⁵⁰.

Доказательные пункты*

[Вопрос]

1. Как от управительских в Малыковке дел по доносу Филипова¹⁵¹ показано¹⁵², что ты, Пугачов, будучи (л. 60 об.) у Пьянаго¹⁵³ в доме, подговаривал к побегу в Турецкую область на реку Лабу всех яицких казаков, обещая им на каждого человека по двенадцати рублей, и утверждал, что турецкой паша готов их принять и имеет для награждения их до пяти миллионов денег¹⁵⁴, то теперь объяви имянно: каким образом и чрез кого в самом деле с стороны турецкой подговор тебе был?

[Ответ]

(л. 60) Оной пункт объяснен в первых показаниях.

[Вопрос]

(л. 60 об.) 2. После отъезду из Яика разнесся тотчас слух, что проявился государь, и уже казаки собирались толпами, приготавлиаясь (л. 61) тебя, Емельку, под званием покойнаго государя Петра Третьяго встретить весною, то есть 1773 года¹⁵⁵; и когда открыл ты прямое звание свое, Емельки Пугачева¹⁵⁶, Чике¹⁵⁷ и Караваеву¹⁵⁸, то с какой надеждой чаял, открыв оное, утвердить себя в высоком звании государя Петра Третьяго, и не имел ли от кого в том обнадеживания?*

[Вопрос]

3. Будучи еще на Дону, назывался ты сыном крестным [сыном] покойнаго государя Петра Перваго, — и потому не имел ли еще тогда злодейскаго умыслу, и не были ль кто тебе сообщниками?¹⁵⁹

* Далее в «мавринской» копии протокола зачеркнуто: «по дополнительным пунктам, коими убеждали злодея» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 70 об.).

** Показаний Е. И. Пугачева по пункту 2 в протоколе не имеется.

[*Ответ*]

Будучи в службе ея императорскаго величества под Бендерами¹⁶⁰ в команде генерал-аншефа и разных орденов кавалера графа Петра Ивановича Панина, случилось ему быть пьяному. Тогда выговорил он одному из казаков (имяни не помнит), (л. 61 об.) которой спрашивал его: откуда он взял саблю? — Злодей, ведая, что хорошия сабли даются от государей в награждение за заслуги, и что такие казаки в почтении, ответствовал, что сабля его пожалованна от государя. А как он еще заслуг никаких тогда не зделал, а отличным быть всегда хотелось, то сказал: сабля ему пожалована потому, что он — крестник государя Петра Перваго¹⁶¹. Сие сказано, заклинается злодей, ни от каких иных намерений, кроме, чтобы тем произвесть в себе отличность от других [16] О сем обстоятельно можно исследовать, справясь по допросам Касицына¹⁶² и перваго допроса жены его Софьи¹⁶³ с Войсковою Донскою канцеляриею¹⁶⁴]. Слух сей пронесся между казаков и дошел до полковника Ефима Кутейникова¹⁶⁵, но, однакож, не поставили ему сие слово в преступление, а только смеялись¹⁶⁶.

[*Вопросы*]

(л. 62) 4. По какому происку, когда ты был послан в Черкасск под караулом при казаке Лукьяне Худякове¹⁶⁷, сей казак, сняв колотку, выпустить тебя повелел своему сыну?¹⁶⁸

5. Когда пришел в слободския провинции в Изюмской полк в слободу Кабанью к мужику Осипу Коровке¹⁶⁹, не было ль там с кем какого заговору?

[*Ответ*]

Оные пукты объяснены вышнего сего.

[*Вопрос*]

6. Почему копи[и]ст малыковских дел Петр Алексеев¹⁷⁰ не писал настоящего допроса¹⁷¹, с согласия ли с кем, или за взятки?

* В подлиннике протокола и в «потемкинском» его экземпляре фамилия казака написана неточно — «по допросам Касицы» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 61 об.; Д. 506. Л. 461 об.). В действительности это был Косицын, эта его фамилия точно указана в «мавринской» копии протокола (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 70 об.).

[Ответ]

Копи[и]ст Петр Алексеев взял с него четыре воза рыбы¹⁷² и один рубль. А за то и не внес в допрос тех слов, которые он, злодей, говорил Пьянову и в которых он признался¹⁷³. [17) Управитель малыковский убит¹⁷⁴, а копи[и]ст прошлого года умер¹⁷⁵].

[Вопрос]

(л. 62 об.) 7. Кандалицын¹⁷⁶, пособник твой, всегда ли был в твоей толпе, и где ныне находится, не был ли куда от тебя послан?

[Ответ]

В самое то время, когда ушел он из Казани¹⁷⁷ и был у Кандалицына¹⁷⁸, купил злодей у него пару лошадей за 25 ру[блей], и поехал на Яик, а Кандалицын — на Иргис. Но последний, когда злодей под званием государя Петра Третьяго производил свирепства и бунт, явился к нему (показанный Кандалицын), но был недолго, ибо по разбитии бунтовщичьей толпы под Яиком¹⁷⁹ городком он, Кандалицын, по приказу генерал-майора Мансурова¹⁸⁰ повешен.

[Вопрос]

8. Не бывало ль когда у тебя и у твоих сотоварищей переписок с раскольниками в Москве или в других местах? Ибо сообщник твой, Мамаев¹⁸¹, показывал, что оные были?¹⁸²

[Ответ]

Никогда и ни с кем он, злодей, из раскольников, переписок не имел, а уповает, что начальный плут Кожевников¹⁸³ о том старался, обещал всякаго рода староверов (л. 63) приглашать к злодею на вспоможение¹⁸⁴. Однакож он, злодей, известия о том не имел.

Показания Мамаева отрешает, а самого Мамаева под сим званием не знает¹⁸⁵, говоря, что, может быть, узнает его в лице.

[Вопрос]

9. Купец Огородников¹⁸⁶ с каким был точно преданием в толпе твоей, с самого ли начала, или в другое какое пристал время?

[Ответ]

Огородникова купца не знает [18) Огородников подтверждает показания Аристова¹⁸⁷ но кто и от кого деньги злодею приносили — не знает]. Заклинался, когда сказано было ему место¹⁸⁸, где он Огородникова видел, что припомнит он только то, как незнакомой ему человек стоял вместе с Филаретом¹⁸⁹ в его полатке, но злодей никогда и никаких ему повелений не делывал.

[Вопрос]

10. Щолохов¹⁹⁰, раскольник, друг Филаретов, не имел ли прежде побегу твоего из Казани какого с тобою заговору и не вспомогал ли тебе деньгами?

[Ответ]

Выше сего объяснено.

[Вопрос]

(л. 63 об.) 11. Справедливо ль показание Аристова, якобы тебе под Казанью приносили золотом до трех тысяч рублей в подарок¹⁹¹ и, ежели сие показание правильно, от кого оные деньги были присланы и с кем имянно?

[Ответ]

Заклинается живым богом, что ни от кого под Казанью он денег не только до трех тысяч, но и малаго числа не получил, а привозили ему деньги казаки, грабя по домам.

[Вопрос]

12. Казак Ульянов¹⁹² назывался племянником твоим потому якобы: за двенатцать лет пред сим побратался ты с Ульянова отцом¹⁹³, ибо некогда еще слух на Яике был, что государь проявился, и так, не имел ли ты и тогда еще замыслу?¹⁹⁴

[Ответ]

Показание Чики¹⁹⁵, якобы называл он Ульянова племянником, клятвою отрешает, утверждая, что никогда он, злодей, до сего времени в Яике не бывал, в чем ссылается на станичное и войсковое правительство¹⁹⁶.

Дополнительные показания

1

Об донских казаках, бывших у него чрез одну ночь под Царицыным¹⁹⁷, объявляет, что оные казаки никакого (л. 64) подговору от него не имели, а во время нападения его на Царицын оные казаки были от крепости отрезаны и, видя, что им противиться невозможно, сдались ему, злодею. Но, переночевав, в разные часы разъехались. Оставалось только до дву сот человек, но и те во время сражения¹⁹⁸ перебежали все в соединение с верными войсками.

А посланы были от него разные ложные указы на Дон, когда он был под Саратовым, два волских казака*, имян их не помнит¹⁹⁹.

Когда он шел к Саратову, то под Петровским предались к нему до 60 человек донских казаков²⁰⁰, да под Саратовым до 70 волских казаков²⁰¹; в Саратове все казаки без всякаго супротивления предались²⁰², да и войски некоторые не противились²⁰³. Из числа командиров взят был в Саратове майор Салманов²⁰⁴, коего салдаты одобрили. И потому злодей послал Перфильева²⁰⁵ спросить у показанного майора: будет ли он злодею, называя его государем, служить ему верно? Салманов учинил злодею присягу, и препоручена была ему команда до самага разбития злодейской толпы²⁰⁶. Капитан артиллерии князь Баратаев²⁰⁷ ему также присягал, но куда он девался, не знает, а слышал, что он бежал; прочие ж сказывают, что он заколот²⁰⁸.

(л. 64 об.) Потом, когда подходил к Камышенке, все вольские казаки его встречали²⁰⁹. Но когда он звал с собою, отрекались они итти, сказывая, что неисправны, обещавши после исправиться и с ним соединиться. Но, видать теперь, что они его обманули, ибо после к его толпе не приходили²¹⁰.

Будучи в Дубовке²¹¹, встречал его большой брат²¹² войскового атамана Персидскаго²¹³. Злодей спрашивал его, где другия Персидскаго братья? Персидской на то отвечал, что они ушли. Злодей спрашивал: «Как же ты остался?» Пер-

* Последние три слова в «мавринской» копии протокола даны в иной редакции: «чрез двух волжских казаков» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 72).

сидский говорил, что он хочет умереть за отечество и места своего не оставит. В каком разуме сказано сие слово, для того ли, что Персидской ревновал службе истинной государыне и самодержице, или мыслил тем угодить ему, — неизвестно, ибо злодей не объяснился и оставил его как человека престарелаго. Прочие ж дубовские казаки, все без изъятия, присоединились к бунтовщицъей толпе²¹⁴.

2

Будучи еще в Берде, посылал он, злодей, письма, называя себя государем, во-первых, к калмыкам, кои откочевали в Китай²¹⁵, но посланные от него пропали. Потом посылал он указы к Нурали²¹⁶, хану киргискаго народа, и к Дусалисултану²¹⁷, последнего сын²¹⁸ был (л. 65) прислан в толпу бунтовщицью со обнадеживанием помощи и находился при злодее до разбития его²¹⁹. Пугачев подарил сына султанскаго 50-ю рублями, а 8 человекам его свиты — по 12 рублев каждому, и двум лучшим — по кафтану; но куда делся он после разбития злодея, — неизвестно²²⁰.

В то же время посылал он главнаго пособника своего Овчинникова²²¹ к форпостному атаману²²² в Гурьев указ, приказав, чтоб сей указ был переслан в Астрахань. И Овчинников объявил злодею, что ложные его указы сказанный атаман переслать обещался, но известия никакого уже на то не имел²²³.

— От калмык дербетевских получил он письмо, подходя к Дубовке²²⁴. Старший князь оных калмык²²⁵ прислал к самозванцу одного старшину и при нем четырех калмык с объявлением, что он сам, его князья и 3000 человек его войска покоряются злодею, яко государю²²⁶. Злодей послал в ответ казака Пустобаева²²⁷ с тем, что он его приемлет и будет его дарить²²⁸. Вскоре после того прибыли калмыки и с толпою бунтовщиков соединились²²⁹. Князь старший и прочие, пришедши к злодею, становились на колени пред ним и целовали его мерскую руку, обнадеживали его в верности. И самозванец, лаская их, благодарил и дал 50 ру[блей] старшему князю, двум братьям его — по 30 ру[блей], прочим князьям, (л. 65 об.) коих было около 50 человек, дарил сукна на кафтаны, а всему войску высыпал бочку медных денег²³⁰. Калмыки шли с толпою до самаго

Царицына. А когда из-под Царицына злодей пошел, то просились они зайти за улусы свои. И, получив позволение, пошли, но уже не возвращались²³¹.

Более ж сего ни с какою державою никаких переписок не имел, и помощи ему обещано не было; да и не ведает он, как можно было с ними иметь переписки.

Напоследок показал он, злодей Пугачев. Когда по разбитии его шайки между Царицыным и Черным Яром²³² принужден он был со 164-ми человеками своих ближних сообщников переплыть Волгу²³³, то говорил ему, злодею, и прочим яицким казакам яицкой же казак Трофим Горлов²³⁴, чтоб итти в Сибирь. На что злодей и соглашался, но прочие не восхотели. Потом советовали итти на Каспийское море²³⁵, но и на то не склонились. А как по причине неимения при себе никакой пищи, и что большая часть из них переплыли помянутую реку в одних только азымах, а другие — и в рубашках, когда стали искать своего спасения прямо степью, то при разных вышеобъявленных его, Пугачева, предложениях (л. 66 об.) своей шайки, наконец, угваривал оную сими словами: «Чем нам умирать на степи с голоду, жажды и стужи, то лучше поворотиться к Волге²³⁶. А там хотя бы и попались мы в поимку, то лучше ж нам всем очистить свои беззакония и грехи заслуженною казнию, нежели погибнуть без покаяния на степи как диким зверям»*.

В прочем приносит он, злодей, повинную в дерзновенном принятии своем высокога имяни государя Петра Третьяго, объявляя, что не иначе он на сие поступил, как возмутья под оным яицких казаков, с ними и с раскольниками итти ему некрасовским путем²³⁷, но будучи заведен успехами и обстоятельствами, простирает далее свое злодейство. Признается также, что угрызение сердце его никогда

* В «потемкинском» экземпляре протокола вычеркнут текст, несколько в ином звучании воспроизводящий эту часть показаний Е. И. Пугачева: «Наконец объявляет он, злодей, что после разбития его при Черном Яру, переплыв Волгу, говорил яицким казакам и самому злодею Трофим Горлов, чтоб итти в Сибирь, на что злодей соглашался, но прочие не хотели. Потом советовали итти на Каспийское море, но и на то не согласились. Когда ж пришли на Узени, то сам он, злодей, видя крайность свою (где не было ни хлеба, ни воды), говорил яицким казакам, чтоб итти в Москву и, естли народ его не признает государем, так и так народ его свяжет, «а естли-де вы поедите в Яицкой городок, то и вы и я не избавитесь виселицы» (ЦГАДА. Ф.6. Д. 506. Л. 466).

не покидало, что имел он намерение пасть с чистым раскаянием пред милосердою государынею и самодержицею и звал для того яицких казаков в Москву*, говоря им, что если его не примут на Москве за государя, то уже сам в руки отдастся²³⁸. Винится, что все дерзновенныя оныя слова, о коих разные допросы явствуют, произнесенныя им о ея (л. 66 об.) величестве пред народом, справедливо на него показаны, и что он предает на мучение богу душу свою, а тело на все казни, предписанныя законом по важности его преступления.

Граф Петр Панин
Генерал-майор Потемкин

На лл. 47—66 об. по боковым полям листов скрепа: Граф Петр Панин.

На лл. 47—66 об. по нижним полям листов скрепа: Правящей канцелярией генерала и кавалера графа Панина, ведомства Кабинета ея императорскаго величества коллежский советник Михаил Веревкин²³⁹.

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. — Подлинник.
Опубл.: Вопросы истории. 1966. № 5. С. 109—118

* В «потемкинском» экземпляре протокола далее зачеркнуто: «однакож никогда не открывал им того, что хотел итти с повинною, а говорил только, призывая их на путь в Москву» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 466).

№ 3

Протокол показаний Е. И. Пугачева
на допросе в Московском отделении
Тайной экспедиции Сената¹

4—14 ноября 1774 г.

(л. 228) 1774 года ноября 4 дня присланной из Синбирска² от генерала-аншефа графа Панина³ пойманной государственной злодей и бунтовщик Емелька Пугачов за караулом лейб-гвардии Преображенского полку капитана Галахова⁴ в Москву, в Тайную экспедицию, привезен по полудни в 9-м часу; и того ж числа в присутствии генерала-аншефа, сенатора, лейб-гвардии Конного полку подполковника, ея императорскаго величества генерала-адъютанта, разных орденов кавалера князь Михайлы Никитича Волконского⁵ в Тайной экспедиции обер-секретарем Шешковским⁶ о учиненных оным злодеем Пугачевым злодействах и о чем надлежало ропрашиван (л. 228 об.), а в допросе сказал:

Отец его Иван Михайлов сын Пугачев⁷ был Донскаго войска Зимовейской станицы казак, от коего он слышал, что ево отец, а ему, Емельке, дед Михайла, а чей сын, — не знает и не помнит, — был Донскаго ж войска Зимовейской же станицы казак, и прозвище было ему Пугач. Мать ево, Емелькина, была Донскаго ж войска казака Михайлы дочь, но, чей он был сын, — не знает, и звали ее Анна Михайловна⁸. И оные отец его и мать померли, а имянно: отец помер лет с пятнадцать, — а подлинно не помнит, — а мать его умерла тому ныне третий год, а имянно после побегу его, Емельки, з дому.

Он, Емелька, родился, как слышал он от помянутой матери своей Анны Михайловой, тому было тогда тритцать лет, а ныне щитает он от роду (л. 229) себе тритцать третей год. Родился ж он в помянутой Зимовейской станице в доме показанного деда своего Михайлы, где он и вырос. Брат ему родной одного отца и матери Дементей Иванов⁹, ему большой, — оной же станицы казак, но жил с ним в разделе, в своем доме, и женат на казачьей же дочери Кабылянской станицы казака Никифора Хомутихина, зовут ее Настасья Никифорова. У оного брата ево два сына: один — Никита, а

другаго как зовут, — не знает, и две дочери, а как зовут, — не помнит, — только обе малолетные.

Слышал он, Емелька, от отца своего и матери, что он крещен в показанной Зимовейской станице в церкви Казанския богородицы священником Тимофеем (л. 229 об.) Авдеевым, которой был ему и отец крестной, а мать крестная была казачья ж дочь по отчеству Игнатьева, а прозванием Ермолова, но как ей имя, — не помнит. С самого ево малолетства в церковь божию он, Емелька, ходил, и отца духовного имел он показанной церкви Казанския богородицы священника Федора Тиханова, которой и ныне жив.

Жил он, Емелька, в помянутом доме отца своего безотлучно до семнадцати лет, где кормился он, пахав сам свой казацкой участок земли, а в самом бывши малолетстве боронил за отцом своим землю. Как же ему минуло от роду семнадцать лет, то он еще при отце своем и при матери женился [на дочери] Есауловской станицы (л. 230) казака Дмитрия, а чей сын, — не знает, но по прозванию Недюжев; отчества ж тестя своего не знает он, Емелька, потому что теща ево, а жены его мать, Аксинья Кононова, вышла, когда уже он женился, за другога мужа, казака ж Королева. Жену ево, Емелькину, зовут Софьею Дмитриевою¹⁰. Венчан он со оною своею женою по церковному чиноположению в Есауловской станице, в церкви Михаила архангела, священником, а как зовут, — не помнит; она ж станица, в коей он женился, от Зимовейской станицы в десяти верстах.

По женидбе ж, пожив он с оною своею женою одну неделю, выслан он с прочими казаками в каманде казацкого полковника Ильи Денисова¹¹, есаула Романа Пименова¹² в пятисотной (л. 230 об.) каманде, в Пруссию¹³ чрез Киев; и по приходе сперва в Тарунь, а потом в Познань, — главной же над сею камандою командир был граф Захар Григорьевич Чернышов¹⁴, — где и бывал он, Емелька, под предводительством помянутого полковника Денисова с прочими своею братьею, рядовыми ж как и он, Емелька, казаками, против неприятеля на шермицах*. Но, однако ж, ничем не ранен. По кончине ж покойныя государыни¹⁵, когда мир у России заключен с Пруссиею¹⁶, то она ж пятисотная команда и другия полки под камандою ж графа Чернышева по указу, покойного государя Петра Федоровича¹⁷ отданы оне все были прусскому королю, где оне и были месеца с полтара¹⁸, ибо

* Шермиция — небольшой бой, стычка.

они поход (л. 231) свой продолжали до Пруссии, кажетца, около четырех месяцев. А потом, как перевели их каманду за Одер, то получили указ, что ея императорское величество¹⁹ изволила принять престол российской²⁰, и велено уже короля прускаго почитать по-прежнему неприятелем. И потом вся их пятисотная каманда в походной церкви приведена в верной ея императорскаго величества службе к присяге, где и он, Емелька, с протчими своею братьею казаками полковником Денисовым был привожен, и целовал крест и святое евангелие. И потом, вскоре после сей присяги, та их пятисотная каманда отпущена домой на Дон. По приходе ж домой получен в войско указ, что его императорское (л. 231 об.) величество государь Петр Федорович скончался²¹, о чем и во всех станицах были указы ж. Которой и ему, Емельке, ото всех живущих казаков на Дону сказыван был, ибо он, Емелька, грамоте ни на каком языке ни читать, ни писать не умеет, и никогда не учился, потому что как он, Емелька, так и отец его, как выше он показал, были простые казаки.

По приходе ис Пруссии жил он в доме своем года с полтора, в кое время жена его родила сына Трофима²², которой и крещен в церкви Казанския богородицы священником, помянутым отцом его духовным Тихановым, а восприемником был живущей в их станице в работниках малороссиянец Алексей, а чей сын и прозвания и откуда он в их Зимовейскую станицу пришел, — не знает. Из своей же братьи (л. 232) казаков в кумовья не позвал для того, что в то время была пора рабочая, и все были в поле.

Выжив же в доме своем полтара года, камандирован он в каманде есаула Елисея Яковлева в Польшу²³ для выгнания бывших тамо беглых раскольников, коих оной есаул и привел в Чернигов; но, сколько было числом тех раскольников, — он не знает. А ис Чернигова отпущен оной есаул с камандою так, как и он, в дома на Дон, где и был он года с три или с четыре, а подлинно не упомнит; откуда посыльван бывал в разные партии, но не более бывал в тех партиях, где месяц, где два, и потом возвращался паки в дом свой.

А потом, как объявлена была с турками война²⁴, то камандирован он, Емелька, в каманде полковника Ефима Кутейникова²⁵, атамана Тимофея Грекова²⁶ с другими его братьею казаками в Бахмут, где и зимовали. А по наступлении весны пошла сия каманда под (л. 232 об.) Бендеры, где

были с турками и сшибки; но как Бендер взять было неким, что мало людей, то и отошла сия каманда прочь²⁷. По прошествии того лета оной полковник Кутейников с оною камандою зимовали на реке Донце в двух селах — Веревкине и Протопоповке. А по прошествии зимы, весною пошел полковник Кутейников с своею камандою под Бендеры в каманду графа Панина²⁸, а ис-под Бендер, по взятии оных²⁹, — в Елисаветгород пришла сия казачья каманда на зимовья квартиры³⁰, и стояла оная каманда в селе Голой Каменке, где он, Емелька, был весьма болен, и гнили у него грудь и ноги. Перед Сырною ж неделею* прислан был из армии к полковнику Кутейникову ордер, чтоб из оной каманды для исправления казакам лошадьми отпустить (л. 233) при старшине сто человек, по которому ордеру в числе оных ста человек и он, Емелька, отпущен за показанною болезнию, и был харунжим, а в оной чин выбран он, Емелька, был помянутым полковником Кутейниковым.

По наступлении ж весны, как оные отпущенные казаки стали збираться по-прежнему итти з Дону в поход, то он, за означенною своею болезнию, в тот поход итти не мог, а вместо себя нанел он Лазуновской** станицы казака Бирюкова, коему он за то дал две лошади с седлами, саблю, бурку, зипун синей, харч всякой и денег двенадцать рублей. А сам он, Емелька, остался в доме своем и лежал болен ногами и грудью, кои у него, как и выше он показал, гнили без мала год. А как он остался дома, то старые (л. 233 об.) казаки, приходя его навещать в болезни, советовали ему, Емельке, проситься в отставку и ехать в Черкасск. По коему совету и, что он уже столько времени был болен, выпросил у станишного атамана Трофима Фомина³¹ паспорт, поехал в Черкасск на собственной своей лотке водою, а жену свою и упомянутого сына Трофима, и двух малолетних дочерей Аграфену³² и Крестину³³, коим от роду: Аграфене шестой, а Крестине четвертой год, а сыну десять лет или двенадцатой год, оставил в доме своем.

По приезде в Черкасск, и имянно спустя после Петрова дни*** дней двенадцать или тринадцать, стал он на квартиру х казацкой жене вдове Скоробогатой, а имяни и отчества ее не знает (у которой сын Иван, и оной сын служил с ним

* Сырная неделя в 1771 г. приходилась на 31 января — 6 февраля.

** Речь идет о Глазуновской станице (на реке Медведице).

*** Петров день — 29 июня.

вместе под Бендерами, почему она вдова (л. 234) ему и знакома). И как она Скоробогатая спросила его — зачем он в Черкасск приехал, — то он, Емелька, сказал ей, что приехал проситца за болезнь в отставку. И сказав одной Скоробогатой, тот же самый день пошел он, Емелька, в войсковую канцелярию. И по приходе в канцелярию данной ему из станицы паспорт подал войсковому дьяку Калпакову³⁴, и одной Калпаков спросил его, Емельку: «Зачем ты сюда, Пугачов, приехал?» И он ему сказал: «Я, батюшка, приехал сюда проситься за болезнь своею, что у меня гниют ноги и грудь, в отставку». На что Калпаков сказал: «Тебя прежде отставить нельзя, как надобно тебе лежать здесь в лазарете и лечить; и когда уже тебя вылечить будет нельзя, то тогда отставят». Но что он, Емелька, отвечал: «Нет, я в лазарет (л. 234 об.) не пойду, а лутче стану на своем коште лечитца». И потом, поклонясь оному Калпакову, пошел из войсковой вон. Но в то ж время и есаул войсковой, а кто он таков по имени и прозванию, — не знает, говорил ему, Емельке: «Да на што тебе отставка? Вить кали ты болен, так тебя на службу не пошлют, а кали выздоровеишь, так отставить нельзя».

И потом, простясь он и с оным есаулом, пошел в квартиру показанной Скоробогатой. А как он пришел, то сказал ей: «Вот, меня не отставляют, а говорят, чтоб лечитца в лазарете». На что она Скоробогатая говорила: «Нет, Пугачов, не ходи в лекарство, вить оно очень трудно, покажи-ка мне ноги-та». И он, Емелька, ей те раны на ногах и показал. И она, посмотря на те раны, говорила: «Лечись ты из убитых баранов лехким и прикладывай (л. 235) то лехкое к ранам, то тебе лехче будет». По коим словам он, покупая лехкое, три дни к ногам прикладывал, от чего и стало ему несколько лехче.

Быв он в городе Черкаске только четыре дни, захотелось ему повидатца с сестрою его родною Федосьею Ивановою, коя в замужестве за донским казаком Симоном Никитиным сыном Павловы³⁵. И жил одной его зять в одной с ним Зимовейской станице, но как война Турецкая началась, то оногo зятя перевели на вечное житье в Таганрок. Почему наняв он, Емелька, у одной вдовы Скоробогатой лошадь за два пуда пшена и за два ж пуда муки, кою он привез с собою из дому в лотке, поехал в Таганрок. И по приезде к Таганрогу наведалься о показанном зяте своем чрез стоящих на карауле казаков, что он живет (л. 235 об.) в третьей роте, куда

и поехал. Приехав к нему в дом, увидел и помянутую сестру свою, и у одного зятя своего жил он две недели.

Во время сего житья зять его говорил ему, что-де здесь жить трудно: во-первых, заведены полковники, ротмистры, и совсем уж не так с казаками поступают, как на Дону, второе — лесу нет и ездят за лесом недели по две, и оттого многие уж казаки бегут: «Да и я уже согласился с четырьмя казаками бежать». И он, Емелька, спросил зятя: «Да куда же ты хочешь бежать-та?» И оной ему сказал: «Коли-де в Русь побегу, то з женою, а естли без жены, то хоть в Сечь Запорожскую». И он, Емелька, говорил: «Как тебе туда бежать? В Прусь не попадешь, а на Руси поймают, в Запорожье ж коли один пойдешь, то по жене стоскуешься, а приедешь за ней, (л. 236) так тебя схватают. И так, коли уж бежать, так бежать на Терек, там наши семейные живут; а сверх того тамошнему атаману Павлу Михайлову³⁶ дан указ, чтоб таких тамо принимать». На что оной зять ево сказал: «И ведомо, это лутче, что мы будем все жить вместе».

И после сих слов сестра ево, по совету мужнему и его, выпросилась у ротмистра как бы для свидания с матерью своею в показанную Зимовейскую станицу, которой и дал ей билет. С коим она обще с ним, Емелькою, и поехала, условясь з зятем, чтоб он с показанными товарищами своими, тремя человеки, бежал после их спустя неделю-другую, для того, что естли он скоро за женою побежит, то ротмистр догадаетца, что и жена бежала с ним вместе, то пошлет в погоню, и их (л. 236 об.) тотчас схватают, за что и ему достанетца так, как подговорщику.

И потом он с сестрою своею поехал, взяв с собою и дочь оной сестры малолетнюю Парасковью, на двух зятних лошадях. И как они были в дороге с сестрою только дней с пять и проехали Черкасск, то оной зять ево с помянутыми товарищами, ис коих один Зимовейской же станицы³⁷, а те двое, которых станиц и как зовут, — не знает, его догнали и сказали, что оне все четверо бежали. И он, Емелька, говорил: «Што вы это наделали? Вить тово и смотри, что нас поймают! Вить я говорил, чтоб помешкать недели две. Погубили вы и меня, и себя». Однакож поехали они все вместе. Но, не доезжая до Зимовейской станицы, сестру и троих беглецов оставил в степи, а зятя взял с собою в Зимовейскую станицу, в дом свой, ночью, для того, чтоб не увидели соседи зятя его. И пришед, матере своей, которая тогда еще была жива, (л. 237) и жене говорил: «Вот, матушка, знаешь

ли, вить зять-та хочет и з женою бежать на Терек, да и меня зовут с собою». Мать и жена, услыша эти вести, стали плакать, на что он, Емелька, сказал: «Нет, матушка, не бось, я только их провожу чрез Дон, а сам никуда не поеду».

И поговоря об оном, тою ж ночью он з зятем поехал в степь, где оставлена была сестра его и зятины товарищи. А по приезде, взяв он, Емелька, сестру свою, поехал в дом свой, а зятя оставил в степи, сказав при том, что-де «вам днем ко мне ехать никак нельзя, а разве приезжайте ночью». По приезде в дом сестра, побыв у матери ево часа з два, поехала к свекру своему, а он остался дома. Жена и мать уговаривали ево, Емельку, чтоб он за Дон тех беглецов не перевозил, что за ето будет и ему беда, на что он и согласился было. (л. 237 об.) И как зять ис степи приехал к нему ночью, то ему сказал: «Как ты хочешь, я не поеду, потому што жена твоя у отца, и как я ее возьму, так догадаютца в станице, што вы бежали». Оной его зять тою ж ночью пошел к отцу своему, сказав ему, што будто он приехал за женою. И потом, начевав у отца, детей своих, двух дочерей (ибо одна жила все у отца ево), оставя, взял жену, сказав, что он поехал в Таганрок, но вместо того поехал он в степь, где оставались означенные товарищи его. Как же пришла ночь, то оной зять его опять к нему приехал, и как постучался у ворот, то жена ево, Емелькина, вышла к воротам и, не хотя, чтоб он от нее з зятем ехал, увидев зятя, сказала: «Што вы ездите? Вас уже ищут и знают, што вы бежали».

Зять, испужавшись, пошел от ворот прочь. Но чрез (л. 238) три дни ночью паки оной зять его з двумя уже товарищами приехал к нему (а о третьем сказал, что-де он отстал и пошел на родину) и по приезде просил ево, чтоб он конечно их за Дон с товарищами перевез да и сам бы с ними поехал. И он, Емелька, видя такую неотступную прозьбу и хотя оногo зятя своево тем потешить, несмотря на слезы матери и жены (коих он однакож уверил, что он с зятем не побежит, и статное ли дело, чтоб он оставил отечество и поехал бы на Терек), взяв свою лотку и посадя в оную зятя, сестру и показанных двух товарищей, сел в оную лотку и сам и, спустясь на нис по Дону, от дому своего верст с семь, против Зимовной луки перевез на Нагайскую сторону. А по перевозе, (л. 238 об.) высадя всех их на берег, сам с лоткою от берегу отвалил. Зять, увидя, что он с ними на берегу не остался и их оставил, кинулся, обнажа саблю, в воду и хотел ево, Емельку, срубить, но однакож он уехал. Оной зять

гнался за ним с серцов, потому что он ево обманул, ибо, как оне вознамеривались бежать на Терек, то он, Емелька, обнадеживал зятя, что и он с ними туда поедит. И потом, тою ж ночью приехав домой, сказал жене и матери, что зятя и сестру проводил, и жил в доме своем после сего проводу месяца с полтара.

А после сего времени услышал он, Емелька, что сперва сестра, а потом и зять пришли в их станицу. И казаки, приходя к нему, сказывали, что уже зять его отведен в станишную канцелярию и показывает на него, Емельку, что он ево (л. 239) перевес за Дон и с ним обще также хотел бежать. Чего он, Емелька, испужавшись, зная, что всем казакам под казнию объявлено, чтоб за реку беглецов не перевозить и самим не бегать, почему и боялся он, Емелька, наказания, из дому своего, взяв лошадь, бежал и шатался на Дону по степям две недели.

А как стала ему скушно, да и хлеб, который взял с собою, весь съел, приехал ночью в дом свой к жене. А по приходе в дом жена ево сказала ему, што мать ево, также и зять, взяты в Черкасск. Он, услыша о сем, из дому поехал сам тот же день в Черкасск и торопился ехать для того, чтоб прежде ему приехать туда матери и зятя с таким намерением, что бутто он — человек правой, что сам явился (л. 239 об.) в Черкаске. Пришед, явился дьяку Калпакову и сказал: «Я-де слышу, што про меня говорят, бутто я бежал, а я-де не бежал». И показал тому дьяку пашпорт станишной, самой тот, с которым он приходил того ж лета, как выше он показал, к дьяку Калпакову для отставки. Калпаков, посмотря пашпорт, сказал: «Кой же чорт пишут, что ты бежал, а у тебя пашпорт!» И потом ево, Емельку, отпустил³⁸.

На другой день привезли в Черкасск мать и зятя. И как зять показал, что он ево провожал и с ним бежать хотел, то и велели ево, Емельку, в Черкаске искать. Он, прослыша о сем, ис Черкаска бежал в дом свой. И только переначевал одну ночь, то пришли из станишной избы и ево из дому взяли. О приходе ж ево домой проведали так скоро потому, как он домой приехал, то пришла к нему повидатца (л. 240) сестра ево родная Ульяна (которая замужем той Зимовойской станицы [за] казаком Федором Григорьевым сыном Брыкалиным); а повидавшись с ним, пошед домой, сказала мужу своему, а муж объявил в станишной избе. В станишной избе держался он только две ночи, а в третью ночь, боясь, чтоб не отослали ево в Черкасск, оттуда бежал³⁹ и лежал

в камышах в болоте двои сутки. Но как есть ему было нечево, также и холодно, ибо сие время было в Филипов пост*, на третьей день пошел в дом свой и, пришед, сказал жене, чтоб она никому о нем не сказывала.

И прожил он в доме своем почти весь Филипов пост скрытно. В доме ж ево не сыскивали, потому что не могли старшины думать, чтоб, наделав столько побегов, осмелился жить в доме своем. А за два дни до Христова Рождества**, взяв лошадь и приказав жене, (л. 240 об.) чтоб приготовила харчу, что она и исполнила, он, Емелька, сказав жене своей, что он поедит на Терек, и кали ево тамо примут, то он и за нею приедит, и потом он и поехал чрез Дон по льду верхом с тем намерением, чтоб ехать на Терек⁴⁰.

Ехал он семь дней и, не доехав до Кумы, занемог, а лошадь пала, почему он и лег и лежал. А отдохнув, чрез великую силу пошел к Куме, а дошедши до берега, не мог больше ступать ногами, лег на берегу и лежал трои сутки, не видав ни одного человека. Чрез три дни пришли к нему два человека с ружьями, руские, и спросили ево, что он за человек. Он сказал им о себе, что он — донской беглой казак. Оные два человека были на лошадях. Сжалившись над ним, посадили ево на лошадь, а сами сели на одну двое, и поехали с ним по зделанному идущими в то самое время ис Кизляра (л. 241) донскими казаками мосту чрез реку Куму. И отъехав от реки верст с тритцать, привезли ево оные два человека в зделанной шалаш, где он, Емелька, лежал недели з две. Кормили ж ево оные люди зверями, яблоками и терном. Оные ж люди сказывали ему о себе, что оне беглые из Сибири з заводов и, наделав тамо бед, бежали: «Мы-де были и в Астрахани, да там-де опубликовано о нас, так мы и оттуда ушли».

Как же ему стало полегче, то увидел он, что оные два человека режут ис прутьев жеребейки, то он их спросил: «Што вы, братцы, пульты што ли режете, и ети прутыки свинцовыя што ли?» На что оне сказали ему: «Это не свинец, но золото». И он их спросил: «Да где ж вы берете?» На что оне ему сказали: «Да мы нашли здесь этово сокровища множество, да жаль-де, что (л. 241 об.) всемиловивейшая государыня етово не знает. Мы-де бывали на многих государевых заводах, да только такого сокровища не видали». И он,

* Филипов пост — с 15 ноября по 25 декабря.

** Рождество Иисуса Христа — 25 декабря.

Емелька, спросил их: «Да как же-де вы нашли?» И они сказывали ему: «А вот как. Увидели-де мы-де лисицу и погнались за нею, хотели застрелить, и мы-де к ней, а она от нас. И так она отвела нас от шелаша нашева верст з двенатцать и вдруг-де бросилась в нору почти при наших глазах. Мы-де стали ту нору рыть. А как-де порыли аршина два в глубину, то и нашли тут это золото». И он, Емелька, спросил их: «Что, не можно ли мне это место указать?» И оные люди сказали: «Пожалуй, покажем, пусть во время, кали случитца, то хотя ты детям своим покажешь». После чего они все трое и пошли и, отойдя от шелаша как верст двенатцать, взошли как бы на какой невысокой вал, и ту нору ему показали, и рыли. Где он, Емелька, (л. 242) то золото видел. И потом ту нору зарыли и заравняли, и пошли по-прежнему в шелаш.

После сего, пожив в шелаше дней с пять, стоскнулось ему по жене и детях, а к тому ж и на Терек попасть— за болезнию ево — нельзя, то, простясь с теми людьми, не спрося их не о именах, ни о чинах, пошел к реке Куме. И перешед по тому ж мосту, шол прямо на Дон и в свой дом две недели. Но не дошед своего дома, зашел он в Нижнюю Курмоярскую станицу к казаку Дмитрею Плохову, у коего он, переначевав, дал ему, Емельке, до дому ево доехать лошадь, на которой он в те ж сутки приехал в дом свой⁴¹.

По приходе ж ево жена, сына и двух дочерей ево взяв, отнесла в дом к брату ево родному Дементью Пугачову и оставила у жены ево⁴², ибо брат его тогда был в армии. Детей же (л. 242 об.) жена ево из двора увела для того, чтоб они о приходе ево домой не разболтались. Жене ж своей, видя, что она плачет, то, обманывая ее, говорил: «Я-де был на Тереке, и меня принять семейные хотят⁴³. А как у них теперь нет атамана, а я — человек честной, то оне меня и атаманом выберут»⁴⁴. Но жена сим словам не верила и плакать не переставала. Что видя, он, Емелька, сказал жене: «Ну, ин, кали так, так поди и скажи про меня, што я пришел». Жена, пошед, сказала братниной жене, а она сказала казакам, кои тот час пришли и, взяв, отвели ево к атаману. А атаман на другой день поутру послал ево не скованого в Чирскую станицу, а розыскную каманду, к старшине Михайле Федотову⁴⁵, — прозвания не знает, — куда ево чрез три дни и привезли.

(л. 243) А как привезли, то оной Федотов наодине говорил ему, Емельке: «Ну, Пугачев, дай мне сто рублей, так я напишу тебя в службу, чтоб ты вину свою заслужил, и в

Черкасск тебя не пошлю». За что он благодарил и сказал, что «у меня ста рублей нет, а пятьдесят рублей дам»⁴⁶. И потом отпустили ево за караулом Чирской станицы к старшине Карпу Денисову⁴⁷, к коему пришед, он сказал, что надобно подарить старшину Федотова за то, что он не хочет его послать в Черкасск, а хочет определить для заслужения вины своей в службу. И оной Денисов сказал: «На, возьми и отнеси. Это хорошо, кали он тебя запишет в службу»⁴⁸. Он, Емелька, взяв деньги, понес к Федотову. А как стал Федотову деньги отдавать, то Федотов (л. 243 об.) спросил ево: «Где ты деньги эти занял?» И он, Емелька, сказал: «Я-де эти деньги занял у Карпа Петровича Денисова». И оной Федотов сказал: «Нет, кали ты деньги эти занел у нево, то я у тебя их не возьму. Он-де свой брат — полковник, так как он о этом сведает, что я с тебя взял, то он на меня донесет, и меня за это разжалуют. Поди-де вон». И он, Емелька, вышед от него, тот же час те денги отдал по-прежнему Денисову, сказав оному, что-де Федотов у него их не взял. Денисов взял себе сорок рублей, а десять рублей дал ему, Емельке, сказав: «На, тебе-де в Черкасском згодятца». Он, поблагодаря, пошел опять к Федотову, а Федотов того ж дня — за караулом четырех человек казаков — послал ево в Черкасск. И везли его, Емельку, под таким караулом с неделю, от станицы до станицы.

(л. 244) По приезде ж в Цымлянскую станицу⁴⁹ посадили ево в станишную избу. И как он в той избе посидел не более часа два, то — незнаемо чрез кого — уведал о привозе ево той же Цымлянской станицы казак Лукьян Иванов сын Худяков⁵⁰ и, пришед к нему в станишную избу, говорил: «Я-де, сведав про тебя, што ты привезен сюда, и везут тебя в Черкасск, то-де я ходил к атаману и выпросил тебя у него на свои руки, чтоб тебя отвести в Черкасск»⁵¹. Он, Емелька, за то его поблагодарил. И потом оной Худяков, взяв ево из станишной избы, повел в дом свой. А по приходе в дом оной Худяков говорил: «О, Пугачев, жаль мне отца твоего хлеба-соли, погиб ты, а хочетца мне тебя спасти вот как: я пошлю с тобою своего сына⁵² и велю, отъехавши отсюда несколько, (л. 244 об.) тебя отпустить»⁵³. И он, Емелька, поблагодаря того Худякова, сказал: «Чем мне твою любовь платить?» И переночевав, поутру оной Худяков дал ему свою лошадь, саблю, чтоб не признали ево за беглеца, синей кафтан, с помянутым сыном своим, дав оному другую лошадь, отпустил. И ехал он, Емелька, с тем его сыном верст

со ста. И потом, простясь с ним, Емелькою, поехал в свою станицу⁵⁴.

А он, Емелька, поехал на реку Койсуху, где поселены выгнанные ис Польши беглые раскольники. И по приезде в верхнюю поселенную раскольническую слободу* и спросил у одного мужика, не найдется ли кто из оного селения отвести ево к каманде, коя тогда перед ним шла с Краснощокowym⁵⁵. На что оной мужик сказал: «Есть-де здесь такой человек, которой вашу братью возит». (л. 245) Оных лошадей он нанимал для того, что у него лошадь стала, а о Краснощокове говорил, чтоб не подумали о нем, что он — беглец. И оной незнаемый мужик привел ево ко двору другаго мужика, коего называют Алексеем⁵⁶, с которым договорился он, чтоб его отвести до села Царева⁵⁷ за два рубли. Оной Алексей впрег в телегу дву лошадей ево и повес, а своя лошадь шла за телегой на поводу.

И как пришел вечер, и остановились в поле начевать, и варили кашу, то, зная, он, Емелька, что оной Алексей — раскольник, говорил тому Алексею: «Што, брат, доброй человек, мне хочитца пожить для бога, да не знаю, где б сыскать таких богобоязливых людей?» И оной Алексей сказал: «Я-де знаю такого человека набожнова, которой к себе таких (л. 245 об.) людей принимает». И он, Емелька, просил того Алексея: «Пожалуй-де, бога ради, отвези меня к нему». А притом спросил ево: «Што-де это за богобоязливой человек, и где он живет?» На что оной Алексей сказал: «Оной-де человек — села Кабаньи, и живет-де на своем хуторе, а прозывается он — Коровка»⁵⁸.

И, начевав на том месте, поутру поехал оной Алексей прямо на оной Коровкина хутор⁵⁹, куда и приехали на вечер. А по приезде на хутор послал он, Емелька, того Алексея к тому Коровке с тем, чтоб он спросил ево: пустит ли он к себе такого человека, которой хочет пожить для единого бога. Алексей по сим словам к Коровке ходил и, немного погодя, пришел к своим роспускам**, и с собою привел незнаемого ему мужика старого, которому оной Алексей, (л. 246) указав на него, Емельку, рукою, говорил: «Вот, Осип Иванович, этот человек, которой желает пожить бога ради». И он, Емелька, встав с телеги, спросил: «Пожалуй, Осип Ивано-

* Речь идет о слободе Черниговке на реке Ковсуг (Койсуха) Валуйского уезда Белгородской губернии.

** Роспуски — тележный возок, дроги.

вич, прими меня к себе бога ради». И оной Коровка на сию ево прозьбу сказал: «Милости прошу, поди, брате, за мной». И он, Емелька, дав Алексею полтара рубли, ево отпустил⁶⁰. А он [Пугачев], взяв свою лошадь, пошел в дом Коровки, и по приходе жил у одного Коровки до Благовещения* за два дни даже до светлаго Празника**, да и после Празника еще пробыл у него в доме две недели.

Во время ж ево житья оному Коровке о себе объявлял он, что беглой донской казак, а бежал из усердия к богу, потому што-де в службе никак богу угодить (л. 246 об.) невозможно. Оной Коровка говорил: «Ну, живи, у меня-де много бывало и салдат беглых, и всяких людей; и я их зберегал, но только-де мне от них и хлопот много бывало. И как-де их поймают где, то они, ис полков-та приходя, да меня ограбят; меня-де всего раззорили. Я-де и сам с сыном семь лет страдал за крест, бороду и молитву, и держался в Белегороде⁶¹; да, дай бог здоровье милосливой государыне, она дала свой о кресте-та и бороде указ⁶², так меня освободили. Да я-де и тебя, Емельян, больше-та держать опасуюсь, что приезжают часто сюда каманды, а слышно-де, што Бендеры взяты, и тамо-де велят селитца всякому без разбору, так не лугче ли тебе туда итти и тамо поселитца?»

И он, Емелька, на те слова сказал: «Да я бы рад пошел, да бес пашпорта-та поймают». И оной Коровка сказал: «Это — безделица. (л. 247) Я велю написать пашпорт сыну». Почему сые его Антон⁶³ пашпорт и написал, где назвал его, Емельку, станичным атаманом, а Антон назвал себя сыном ево, Пугачева, и якобы отправлены они из Донского войска х каманде. И по написании старик Коровка возил оной пашпорт в Ызюмскую правинцию, а из оной правинции привез уже оной Коровка такой же пашпорт печатной⁶⁴. И скоро по привозе того пашпорта оной Коровка дал ему пару лошадей, на коих, оставя свою лошадь у Коровки, ево, Емельку, и сына своего отпустил.

Как же оне надлежащим к Бендерам трактом поехали⁶⁵, то разного звания встречающияся с ними люди на вопросы ево сказывали, что-де в Бендерах никакого нового поселения не заводят⁶⁶. (л. 247 об.) И он, слышав эти вести, советовал с Антоном Коровкою, куда ж бы им ехать для спасе-

* Благовещение — 25 марта.

** Светлый Праздник — Пасха, которая в 1772 г. приходилась на 15 апреля.

ния. И оной Коровка говорил: «Поедим-де в стародубовские слободы, вить-де туда и батюшка нам приказывал ехать». Куда они и поехали⁶⁷. И по приезде в стародубовскую Климову слободу⁶⁸ оной Коровка спросил тутошняго незнамаго ему жителя, где живет поп Михайла⁶⁹. И оной житель сказал, что-де поп Михайла живет в Стародубовском монастыре, куда оне и поехали. И сыскал тамо оной Коровка того попа, однакож ево, Емельку, прежде отвел в келью к старцу Василью⁷⁰, у коего оне и жили оба недель с пятнадцать. Оному ж Василью рассказал он и о побеге своем з Дону. И оной Василей сказал: «Здесь много приходит всяких беглых, и отсюдова только нужно провесть чрез заставу, а тамде пойдут на Ветку⁷¹ и, малое время побыв там, прямо придут (л. 248) на Добрянской фарпост⁷² и скажутся выхотцами, так-де им с фарпоста и дают билеты в те места, куда кто пожелает, на поселение».

И он, Емелька, услышав о сем от одного старца, просил ево: «Пожалуй, батюшка, уж и нас ты, бога ради, так же выпроводи». И оной старец сказал: «Поноровите-де немного, покуда с таперишнова места перейдет застава в другое место, так я вас провожу». И после сего оной старец, сведав, што застава в другое место перешла, то, взяв их обоих, за границу и выпроводил пеших, а лошади остались в монастыре, и, выведчи их на небольшую тропинку, где нельзя инаково как ходить пешим, сказал: «Вот это прямая дорога на Ветку».

И потом, простясь со старцем, оной пошел в монастырь, а Емелька с Коровкой пошли на Ветку (л. 248 об.), куда и дошли они в третей день. И Коровка пошел к знакомому попу, имени его не знает, а он остался в слободе и жил в доме у русского человека Семена Крылова⁷³, коего он прежде не знал. И как он, Емелька, ево, какой он человек, не спрашивал, так и оной Крылов ни о чем с ним не говорил, потому што в оной слободе живет всякой зброд, откуда б кто не пришел.

И, быв в Ветке семь дней, простясь с помянутым Коровкой, пошел прямо и на Добрянской фарпост, а Коровка остался в Ветке⁷⁴ для того, што отец ему при нем приказывал принести к себе от тамошних попов причастия. По приходе на фарпост увидел он множество беглых русских, кои выдерживают карантин, и спросил их: «Как, братцы, здесь являютца на фарпост?» И оные (л. 249) ему говорили: «Ты-де, как придешь х командиру⁷⁵, и он тебя спросит — откуда ты

и што за человек, — так ты скажи: «Я родился в Польше, а желаю итти в Россию», так больше тебя и не станут спрашивать, а кали-де ты скажешься чьем из России, то-де делают из этого привяски». По коим словам он, Емелька, прямо на фарпост х камандиру и пришол. А как его спросил: «Откуда ты?» — то он сказал: «Я-де ис Польши». И как же спросил ево, что «какой ты человек и как тебя зовут?» — он на сие сказал: «Я-де польской уроженец, зовут меня Емельян Иванов сын Пугачов». Камандир велел записать ево имя в книгу и потом послал его в карантин, где ево, не раздевая, а только перешод через огонь, лекарь посмотрел ему в глаза: (л. 249 об.) «Ты — здоров, но надобно тебе высидеть в карантине шесть недель». И дав ему салдата, отвели его в карантинной дом, где он был трои сутки безвыходно, где познакомился он с выходцом же Алексеем Семеновым⁷⁶. А чрез трои сутки стали ево, також и оного Семенова из дому выпускать для работы. И как выпустили, то с оным Алексеем Семеновым пошли в дом живущаго в Добрянке купца Кожевникова⁷⁷, имяни и отечества не знает. И по приходе подрядились у него построить сарай за два рубля, на ево хлебе. И ходя, он, Емелька, на оную работу с Семеновым по три дни, ничего от Семенова не слышал. А на четвертой пришол он, Емелька, с Семеновым и еще четыре человека выходцов⁷⁸, — кто оне таковы и как их зовут, — не знает, — для обеда х Кожевникову в ызбу, где и обедали.

Во время ж обеда пришол тут в ызбу (л. 250) и Кожевников и сел на лавку. Означенной Семенов, сперва смотря ему, Емельке, в глаза пристально и потом, не говоря ничего, вдруг сказал: «Кожевников, смотри! — указав на него, Емельку, пальцем, — Этот человек точно как Петр Третьей!»⁷⁹ А на то слово он, Емелька, сказал: «Врешь, дурак!» И в тот час подрало на нем Емельке кожу. И потом отобедали, а отобедав означенные четыре человека пошли из избы к женам своим отдыхать; а оне — Емелька, Семенов и Кожевников — остались в избе. И оной Семенов говорил: «Слушай, Емельян, я тебе не шутя говорю, что ты — точно как Петр Третьей». И он, Емелька, смотря на Кожевникова, говорил: «Слушай, старичок, ты знаешь, что нас за крест и бороду всех гонят, а я тебе сказываю, что я — з Дону донской казак Емельян Пугачов; но на Дону жить нельзя, и я, (л. 250 об.) бога ради, бежал з Дону». И на сии слова Кожевников говорил: «Это правда, што нам, староверам, везде гонение. Ваши-де казаки были многие и в Ветке, и в Стародубе есть.

Да вот-де што: была река Яик, и та-де помутилась, так-де ты возьми на себя это имя, а тебя-де там примут»⁸⁰. А Семенов говорил: «Изволь, я от него не отстану, и кто меня спросит, то я сказывать буду, что он, Емелька, — Петр Третий. Мне-де как не знать, я вить служил гвардии гранодером и государя-та видал, так ты не бойся — прими на себя это имя»⁸¹. И он, Емелька, говорил: «Хорошо, ну я приму, да с чем я туда пойду? У меня денег только дватцать алтын, да и теми надобно пашпорт выкупить. Да пусть меня и на Яике примут, вить там хлеба не пашут, а казакам-та дают по двенатцати рублей жалованья, так что ж я им буду давать?» И на сии слова оной Кожевников сказал: (л. 251) «А ты, как тебя тамо примут, то ты отпиши ко мне, я тебе хотя тритцать тысяч рублей тотчас пришлю, — у меня столько своих денег сыщется. А буде-де этих мало будет, то у прочих приятелей достать можно, сколько потребуешь»⁸².

А по сим помянутого гранодера Семенова уверениям, что он, Емелька, похож на покойного государя⁸³, в душе своей возмечтал, что тот гранодер Семенов говорил ему правду, ибо он, Емелька, никогда покойного государя не видал и в Москве и в Петербурге во всю жизнь свою не бывывал. А по словам Кожевникова думал он, Емелька, что его на Яике, как казаки все находятца в возмущении⁸⁴, конечно примут и семеновым словам веру дадут; а сверх того и Кожевникова деньги много сему его предприятию помогут, (л. 251 об.) точное намерение иттить на Яик и объявить себя Петром Третьим и принял⁸⁵.

Оной же Кожевников говорил, что-де «Еще когда и тебя не было, то у нас был совет, чтоб итти за Кубань»⁸⁶. У одного ж Кожевникова в доме видывал он, Емелька, живущаго в Добрянке ж купца, а имени и прозвания его не знает, только приметамы он — рот у него искривлен на сторону, тако ж и косоглаз⁸⁷, — с коим оной Кожевников, поговоря с ним, Емелькой, о всем сказанном, да и пересказывает, — посему и думает он, Емелька, что и оной криворотой о всех его и Кожевникова злых замыслах знает.

Как же шестинедельной карантин вышел⁸⁸, то он, Емелька, пошел к карантинному командиру обще с Семеновым и объявили желание свое иттить поселитца на Иргис⁸⁹ в дворцовую Малыковскую волость, по которому их желанию и даны им обоим для проходу до Малыковской волости два билета, которые и подписал мазор Мыльни-

ков*. Взявши билеты⁹⁰, пошод он, Емелька, с Семеновым х Кожевникову, и сказали ему: «Ну, старичок, прощай, мы идем». И оной Кожевников сказал: «Бог с вами, час доброй. А я вот напишу х Коровке, которой живет в Кабаней слободе, (л. 252) и вы обо всем ему, што мы здесь говорили, не тая ничево, скажите. И он-де, узная о тебе, так же, как и я, помогать станет и не отречется»⁹¹. И потом, написав письмо ему, Емельке, отдал. При отдаче ж письма, говорил ему, Емельке: «Вот, как ты придешь на Иргис, то сыщи тамо игумна Филарета, он-де нам великой приятель, и ты ему поклонись, и поведай о себе все; он-де тебе не только даст совет, да и поможет, — тамошние-де староверы к нему прибегают, да и я-де, когда езжу на Яик за рыбою, то никогда ево не проезжаю»⁹². И потом дал оной Кожевников ему рубль и на дорогу хлеба, с ним простились.

И как он, так и Семенов пошли из Добрянки чрез малороссийские местечки и деревни и мимо Чернигова, которой оставался (л. 252 об.) в левой стороне⁹³. Напоследок дошли они оба в помянутую слободу Кабанью⁹⁴ х крестьянину Коровке, о котором он уже выше сего показывал. И, пришед х Коровке, посланное от Кожевникова письмо он подал. И Коровка, прочтя письмо, говорил: «Спасибо Кожевникову, што он так стараетца». А потом спросил ево, Емельку: «Вот Кожевников пишет, что ты принял на себя имя Петра Третьяго и намерен итти на Яик. Бог с тобой, поди! И когда ты посоветуешь с яицкими казаками, и они тебя примут за Петра Третьяго, и поведешь всех их на Кубань, то отпиши ко мне. Мы вам помощь зделаем, да мы, староверы, от нынешняго гонения и многия к вам пристанут»⁹⁵. А Семенов при сем разговоре сильно уверял, что он, Емелька, точно как покойный государь Петр Третий: (л. 253) «И я-де везде уверять о сем буду, потому што я служил в гвардии гранодером»⁹⁶.

Жили у оного Коровки неделю. Во время житья их у Коровки приехал к нему Луганской станицы казак Долотин⁹⁷, которому по приезде оной Коровка о всем, что к нему писал Кожевников, сказал. А потом и с ним, Емелькою, и с Семеновым говорил как о приеме им, Емелькою, на себя имени Петра Третьяго, так и о намерении ево иттить на Яик и возмутить казаков, чтоб всем итти на Кубань, також чтоб и

* Так в оригинале; правильно: Мельников.

всех староверов вывести туда ж, причем оной Долотин обещался делать ему, Емельке, помощь. И, переговоря об оном о всем, оной Долотин дав ему, Емельке, денег сорок два рубли и, простясь с ним, от Коровки вечером уехал⁹⁸. А на другой день поутру и Коровкин, (л. 253 об.) дав ему, Емельке, денег триста семьдесят рублей⁹⁹ и, простясь с ним и с Семеновым, их отпустил¹⁰⁰.

На оставленной ево, Емелькиной, как выше он показал, лошади и поехал он с Семеновым степями к Дону. И, доехав до перевозу чрез реку Дон, что называется Медведицкой, переехавши Дон, ехали они мимо Островской станицы прямо на Глазуновскую станицу¹⁰¹. А по приезде на хутор казака Андрея Федорова сына Кузнецова¹⁰², которого он прежде ни по чему не знал, а только как переезжали они Дон, то старик, донской казак, сказал им: «Вы-де поезжайте на Глазуновскую станицу, там живет старовер и самой хлебосол Кузнецов, так-де вы к нему заезжайте. Он-де вам будет рад». Почему они к нему и приехали¹⁰³, и оной Кузнецов спросил их, что оне за люди. И он, Емелька, сказал, что оне — с Ветки, и едут с пашпортом (л. 254) на Иргис.

И как только Кузнецов услышал, что оне с Ветки, то оной им обрадовался и их накормил, и потом разговаривали между собою. Кузнецов зачал говорить: «Вот-де вы едите на Иргис, но ныне-де и там великое гонение на староверов. У меня-де там есть родной брат. Да, полно-де, ево не выгонят ли оттуда?» И он, Емелька, сказал: «Ну, кали на Иргисе худо, так мы пойдем на Кубань». А Семенов говорит: «Да он-де затем и едет, вить он явитца сперва на Яик, и там объявит себя Петром Третьим и, как казаки ево примут, так он и пойдет с ними на Кубань». Кузнецов, выслушав сии слова, весьма порадовался и сказал: «Хорошо, и кали казаки согласятца тебя принять, то и мы к тебе придем». И он, Емелька, говорил: «Вить на этакое дело надобно помощь. А бес помощи што зделаешь? Нам добрые люди, (л. 254 об.) а имянно Коровка и Долотин, помощь, спаси их бог, дали, да этова мало»¹⁰⁴. И оной Кузнецов пошел, принес к нему, Емельке, семьдесят четыре рубли¹⁰⁵ и, отдав ему эти деньги, сказал: «Здесь есть казак Вершинин¹⁰⁶, которой также-де с радостью пойдет со мною на Кубань»¹⁰⁷.

И потом, начевав у оного Кузнецова две ночи, от него поехали (которой дал им свою лошадь и на дорогу харчу) мимо Камышенки и мимо Саратова в Малыковку¹⁰⁸. По приезде в оной явились оба управителю¹⁰⁹, и оной, посмот-

ря их данные с фарпоста Добрянского билеты¹¹⁰, сказал: «Надобно-де вам ехать в Синбирск и тамо записатца»¹¹¹. Они оба стали его просить, чтоб он позволил им прожить в Малыковке хотя до Рождества*, чтоб лошедям дать отдохнуть, что им и позволил. А в Малыковку приехали оне еще до Филипова посту**, и он, Емелька, (л. 255) дав товарищу своему Семенову денег двенадцать рублей, поехал в Мечетную слободу¹¹², а Семенов остался в Малыковке¹¹³.

По приезде в Мечетную заехал сперва в монастырь к вышеупомянутому игумну Филарету¹¹⁴ и, увидя Филарета, отправил от Кожевникова и Коровки поклоны, а притом сказал, что он, Емелька, был в Ветке и в стародубских раскольнических слободах. Сему оной Филарет был очень рад. А потом он, Емелька, тому Филарету говорил: «Вот, батюшка, был я вместе у Кожевникова гвардии з беглым гранодером¹¹⁵, которой мне и Кожевникову, а потом и Коровке уверял крепко, что я точно похож на Петра Третьяго¹¹⁶. И Кожевников и Коровка мне присоветовали, чтоб оное имя (л. 255 об.) мне на себя принять и объявить себя Яицкому войску. А как оно его примет, то, чтоб избавитца всем староверам гонения, то я пойду с ними на Кубань. А коли будет нужда в деньгах, то Кожевников и Коровка обещались помогать»¹¹⁷. Филарет, выслушав сии слова, говорил: «Нет, ты на покойного государя не похож. Я его знал. Однакож это хорошо. Яицкие казаки этому поверят, потому что ныне им худо жить, и все в побегах, и они тебе будут ради. Только разве кто из них не знавал ли покойного государя? Но и это даром: они спорить не станут, только им покажись»¹¹⁸.

А притом спросил оной Филарет: «Да где ж тот гранодер?» Он отвечал: «В Малыковке остался»¹¹⁹. И оной же Филарет говорил: «Съездим-де к малыковскому управителю, чтоб вам отсрочил ехать в Синбирск, а ты-де между тем съезди (л. 256) на Яик». И он, Емелька, поехав с игумном, в селе Терса¹²⁰ купил пуд меду. И, приехавши в Малыковку, с игумном, отвесши мед, просили управителя, чтоб он ему и Семенову отсрочил ездить в Синбирск до Крещенья***. По сей прозьбе управитель, приняв мед, отсрочил до Крещенья.

Оной же игумен Филарет — еще в бытность ево пред

* Рождество Иисуса Христа — 25 декабря.

** Филиппов пост — с 15 ноября по 25 декабря.

*** Крещение (Богоявление) — 6 января.

отъездом в Малыковку — в монастыре говорил: «Ты-де, Пугачов, для записки, когда уже на Яике-та тебя не примут и ничево там не зделаешь, то в Синбирск не езд, там-де хотя и запишут, но нескоро, а поезжайте лутче в Казань». И он, Емелька, сказал: «Да вить у меня и в Казане-та знакомых нету не однова человека». И оной Филарет говорил: «У меня-де есть в Казане приятель — купец Василей Федорович Щолоков¹²¹. Он-де наш старовер и человек доброй и хлебо-сол. Так буде я с тобою (л. 256 об.) сам в Казань не поеду, так-де я тебе тогда скажу, где ево сыскать; а он-де за тебя там-де постарайтся и попросит, так тебя скорее запишут. Он-де тебя станет кормить, да и лошедь твоя спокойна будет».

И потом он, Емелька, и Филарет из Малыковки поехали в Мечетную¹²², и, не доезжая Мечетной, Филарет поехал в свой монастырь, а он поехал в Мечетную и стал в доме той слободы жителя Степана Косова¹²³. А переначевав, на другой день, взяв он данные ему от Коровки, Долотина и Кузнецова деньги четыреста семдесят четыре рубли, боясь, чтоб их у него не украли, отвез к Филарету¹²⁴, и просил ево, чтоб он оные зберег до приезде ево с Яику: «А я-де, заговевшись, на третей день в Яик х казакам поеду и погляжу на них и, кали мне лъзя будет, то я намерение свое им объявлю. А буде нельзя будет, то ничево не скажу». И Филарет сказал: «В доброй (л. 257) час, поезжай! Я бы-де и старцов своих с тобою туда послал, да они уж уехали за рыбой. Да вот я б и сам с тобой поехал, да боюсь: там, видишь, живет розыскная каманда, так зараз поймают, и беда будет».

И, попростясь с ним, поехал он, Емелька, в Мечетную в дом помянутого Косова. А на третей день Филипова заговенья* тесь оного Косова стал збиратца ехать в Яик с хлебом. А как он, Емелька, на другой день у оного Косова окрестил рабенка, и стал ему кум, то оному тesty Косова, коего звали Семеном Филиповым¹²⁵, говорил: «Возьмите, Семен Филипович, и меня с собою на Яик. Я-де хочю ехать туда и купить рыбы». Почему они оба и поехали¹²⁶. По выезде выговорил он, Емелька: «Што, Семен Филипович, я тебе поведаю! Вить я в Яик-та (л. 257 об.) еду не за рыбою, а за делом. Я намерен яицких казаков увести на Кубань. Видишь-де ты сам, какое ныне гонение. И хочю я об этом с ними поговорить: согласятся ли они итти со мною на Кубань». И оной Филипов сказал: «Как-де им не согласитца? У них-де

* Филиппово заговенье, или Филиппов день — 14 ноября.

ныне великое идет раззорение, и все-де с Яику бегут. Так-де, как им о этом скажешь, то они с радостию побегут с тобою, да и мы не отстанем, а пойдем все за вами»¹²⁷.

И потом оной Филипов, привезши его на Яик¹²⁸, взехал прямо на двор яицкого казака Дениса Степанова сына Пьянова¹²⁹. А на другой день их к Пьянову приезда оной Филипов, будучи около своих лошадей, сказав ему, Емельке: «Ну, я Пьянову о том, што ты хочешь казаков вывести на Кубань, сказывал, и Пьяной-де сказал: «Мы-де ради куда б ни на есть от эдакова (л. 258) раззорения все бежать. А сверх того, ты сам с ним обо всем поговори». И того ж дня, как он, Емелька, взошел в ызбу и увидел, што в той избе один казак Пьянов, то он, Емелька, говорил: «Што тебе, Денис Степанович, Семен Филипов говорил?» И на то Пьяной сказал: «Филипов-де говорил мне, што ты хочешь нас, казаков, из нашей нужды вывести и провесть на Кубань». И он, Емелька, спросил: «Што ж, согласны ль вы будите итти со мною?» И Пьянов сказал: «Я-де с радостию пойду, а протчих стариков я соберу и с ними поговорю, так услышишь, што оне скажут»¹³⁰.

И он, Емелька, на сии слова Пьянову говорил: «Вот, слушай, Денис Степанович, хоть поведаеть ты казакам, хоть не поведаеть, как хочешь, только знай, что я — государь Петр Третий»¹³¹. И оной Пьянов (л. 258 об.) изумился, а потом, помолчав немного, спросил: «Ну, коли ты — государь, так Расскажи-шь мне, где ты странствовал?» И он, Емелька, говорил: «Меня пришла гвардия и взяла под караул¹³², а капитан Маслов¹³³ и отпустил. И я-де ходил в Польше, в Цареграде, в Египте¹³⁴, а оттоле пришел к вам на Яик». И оной Пьяной сказал: «Ну, все это хорошо, вот я пойду и соберу стариков хороших, и все им, что я от тебя слышал, проговорю, и што мне оне скажут на это, то я тебе скажу».

И на другой день, пришед оной Пьяной в ызбу свою, и наодине сказывал ему: «Я-де севодня стариков Черепанова¹³⁵, Кановалова¹³⁶, Антипова¹³⁷ собирал и им, што я от тебя слышал и што ты — государь, сказывал¹³⁸. И оне-де мне на те мои речи сказали: «Все это хорошо». И они ради, да (л. 259) только-де у нас есть много бедных людей, так подняться нечим». И он, Емелька, тому Пьянову говорил: «Поди-шь ты и скажи им, что я обещаю им дать каждому казаку по двенатцати рублев». И оной Пьяной сказал: «Да где жде ты деньги-та возьмешь? Вить ты странствовал, так у тебя

денег нет». На что он, Емелька, сказал: «У меня на границе тысяч тридцать и более есть, да сверх того там у меня и товар лежит. А кали и этово мала покажетца, то мы сыщем хоть до ста тысяч». И оной Пьянов говорил: «Ну, это все хорошо, да как же мы пройдем? Орды нас не пропустят». И он, Емелька, сказал: «Эта орда, которая здесь качует, она нам рада будет, и она нас встретит (л. 259 об.) и проведит»¹³⁹. И на сии слова оной Денисов сказал: «Ну, так я пойду и о этом тем старикам, с коими я о тебе говорил, все, што от тебя слышал перескажу».

А на третьей день оной Пьянов так же в ызбе наедине говорил: «Я с теми ж стариками виделся¹⁴⁰ и им обо всем, то есть о деньгах, товарах, и што и орда турецкая нам рада будет, сказывал, и оне на то сказали: «Все хорошо, но таперь нет еще время, што народ весь в разброде. А скажи-де, штоб подождал он, — то есть он, Емелька, — Рожества Христова, тогда-де на багренья* народ зберетца, и мы де поговорим обо всем этом с хорошими людьми. И буде-де народ согласитца, то мы его, — то есть, ево, Емельку, — примем; а буде-де народ не согласитца, так мы к этому делу не приступим»¹⁴¹.

Показанных же (л. 260) казаков, трех человек, сам он, Емелька, не видал и, кроме Пьянова, о вышесказанном ни с кем в то время на Яике не говорил. Оному Пьянову при объявлении себя Петром Третьим сказывал, что ево, Емельку, взяла гвардия под караул, и што капитан Маслов ево выпустил, по научению вышеупомянутого гранодера Семенова¹⁴², которой его научал: «Как-де тебя кто спросит, хто ж тебя с престола-та свергнул? — так ты скажи, — пришла-де гвардия да и взяла меня под караул, но капитан-де Маслов, спаси его бог, ис-под караула меня выпустил, то я и стал странствовать. И скажи-де, что ты был в Цареграде, в Польше и в Египте»¹⁴³. Что он, Емелька, по сим словам, как выше он показал, исполнил, думая в себе, (л. 260 об.) что эти слова достойны веры. О деньгах же он Пьянову говорил по словам Кожевникова¹⁴⁴, что он говорил, што у них денег много, а о таварах, также и о турецкой орде, что она их встретит, лгал, вымысля собою, желая таким вымышленным лганьем больше приклонить к себе казаков. В Царе ж граде и Египте он никогда не бывал, да и быть, как выше се-

* Багренья — зимний лов рыбы; малое багренье производилось с 18 по 25 декабря; большое багренье — с 6 января и до конца этого месяца.

го он показал, никак невозможно, а быш только в Польше, на Ветке.

И пожив на Яике у Пьянова неделю¹⁴⁵, обще с показанным Филиповым поехали в Мечетную слободу¹⁴⁶ х куму своему Косову, а Филипов — за усталостию лошади — от него на дороге отстал¹⁴⁷. По приезде в Мечетную пришел к нему, Емельке, показанной Семенов¹⁴⁸. А как он збирался ехать с Косовым для продажи купленной им четырех (л. 261) возов рыбы в Малыковку, и оной Семенов просил ево, чтоб и ево с собою взял туда же, почему он, Емелька, пожив в Мечетной только три дни, поехал в Малыковку с кумом Косовым и с Семеновым. И по приезде в Малыковку остановился на постоялом дворе, а Семенов пошел на другую квартиру. Но на другой день оной Семенов пришел к нему на квартиру с малыковскими мужиками и говорил: «Прости, Емельян Иваныч, я нанелся у этих мужичков в салдаты, с коими я и еду в Синбирск». И он, Емелька, тут же с ним и простился, и более уже оного Семенова нигде не видал и, где он ныне находитца, — ни от кого не слышал, и не знает¹⁴⁹.

Пробыл он в Малыковке¹⁵⁰ на свободе трои сутки, а на четвертой день пришли на постоялой двор от управительских дел (л. 261 об.) розсыльщики и, взяв ево, отвели в управительскую кантору¹⁵¹, где управитель¹⁵² спрашивал ево, — какой он человек и откуда родиной? На что он сказал, что-де он — донской казак, и з Дону бежал. А потом управитель говорил: «Показывает на тебя мечетной житель Филипов¹⁵³, что ты яицких казаков подговаривал на Яике к побегу за Кубань, и что тебя дожидаетца орда». И о всем вышесказанном, что он с Пьяным говорил (кроме того, что он, Емелька, называл себя Петром Третьим), оной управитель высказал, но он, Емелька, управителю сказал, что он этаких слов Филипову не сказывал и яицких казаков не подговаривал, а только пересказывал о побеге за Кубань Некрасова¹⁵⁴. И потом оной управитель сек его батошьем, но однакож (л. 262) он и ис-под батошья ни в чем не признался, а, как выше показал, заперся¹⁵⁵. Быв в управительской канторе три дни, а на четвертой послан он скованной в ручных и ножных кандалах из оной канторы под караулом розсыльщиков в Синбирск¹⁵⁶.

И едучи дорогою, отъехав несколько верст от Малыковки, на другой день их езды бывшие при нем караульные розсыльщики, два человека, просили с него, Емельки, двух

сот рублей, говоря ему, что, ежели он им даст те деньги, то оне ево отпустят. Оных же денег просили с него два розсыльщика, — один Василей Иванов Попов¹⁵⁷, а другаго не знает¹⁵⁸, — на что он им говорил, что «у меня-де со мною денег нет, а есть мои деньги, 474 рубли, у игумна Филарета¹⁵⁹, и коли-де (л. 262 об.) вы меня отпустите, то мне вить итти некуда, я пойду к нему и вам деньги тотчас отдам». Но розсыльщики, видно, словам ево не поверили, а отвезли ево в Синбирск¹⁶⁰.

И как приехали в Синбирск¹⁶¹, и стали на квартиру, то реченной Попов говорил: «Ты-де обещаи здесь господам судьям, кому сто рублей, кому пятьдесят, то-де тебя и отсюда свободят». И он, Емелька, сказал: «Да мне-де здесь знакомых нет, так кому мне обещать?» И оной Попов, та-кож и другой ево товарищ, сказали: «Добро-де, поговорим». И потом товарищ Попова ходил куда-то с квартиры, а при-шод, сказал: «Я-де о тебе подъячему говорил, и он-де хотел о тебе постаратца, но спрашивал-де денег». И он, Емелька, сказал: «Вить я-де вам сказывал, что деньги мои у игумна Филарета»¹⁶². И потом, того ж дня, отвели ево в Синбирскую (л. 263) канцелярию и посадили в канцелярии. А как скоро он посажен, то подъячей¹⁶³, — имяни его не знает, видно только, самой тот, с которым товарищ Попова о нем говорил, — подошед к нему, Емельке, говорил: «Што ж, где деньги-та, што ты сулил?» И на то он подъячему сказал: «Деньги-де мои у отца Филарета, так вы их роспишите, — сколько воеводе¹⁶⁴, секретарю¹⁶⁵ и тебе, — да и возьмите; а кали-де не возьмут, так перешлите ко мне в Казань». А на другой день поутру позвали ево в судейскую, и только што судья на него погледел, и, не спрашивая ево¹⁶⁶, высла-ли из судейской вон.

А ввечеру того ж дня, то есть на другой день после Крещенья* 773 году, из Синбирска послали его под караулом же в Казанскую губернскую канцелярию¹⁶⁷, куда дня чрез четыре или пять (л. 263 об.) дней ево и привезли¹⁶⁸, и посадили в покоях губернской канцелярии¹⁶⁹. А дня чрез четыре¹⁷⁰ приехал в губернскую губернатор¹⁷¹, х коему ево взвели в судейскую¹⁷². Губернатор только што посмотрел на него, и, не говоря ни одного слова, вывели ево опять в канцелярские покои, где он и сидел. А черес четыре дни¹⁷³ повели ево, Емельку, в деревянные покои, и как привели, то секре-

* Крещение (Богоявление) — 6 января.

тарь¹⁷⁴, — а как его зовут, ныне сказать не помнит, — прочол ему Филипова на него донос¹⁷⁵. И оной же секретарь спросил ево, для чего он прописанные в доносе Филипова слова говорил? На что он сказал, что-де «я Филипову говорил пьяной, а казаков не подговаривал, а я-де это все пересказывал, как ушел за Кубань Некрасов»¹⁷⁶. Секретарь, не говоря больше ничего, сказал: «Поди в прежнее место». Куда он и отведен, то есть в каменные губернской канцелярии покои, где и сидел он с неделю времени.

И как он (л. 264) в один день сидел с другими колодниками под окошком, то из оных колодников, — а кто, — не знает, — говорил: «Вот Василей Федорыч Щолоков¹⁷⁷ идет. Никак-де он приехал уже с Москвы?» И в тот же или на другой день пришел в канцелярию, где он содержался, мальчик с калачами, коего он спросил: «Чей ты, мальчик, и от кого ты ходишь с калачами?» И мальчик ему сказал: «Я-де хожу со двора Василья Федоровича Щолокова». И он, Емелька, вспомня, что оного Щолокова Филарет называл своим приятелем и хвалил его, что он — доброй человек¹⁷⁸, то оному мальчику говорил он: «Пожалуй, мальчик, скажи, бога ради, чтоб Василей Федорович пришел ко мне, и скажи ему про меня, что я — донской казак и имею (л. 264 об.) до него нуждицу. Пожалуйста, попроси, чтоб пожаловал, повидался он со мною».

После ж сей ево, мальчика, прозбы, спустя недели з две оной Щолоков, приход к канцелярию, и спросил: «Хто здесь держитца донской казак?» И он, Емелька, сказал: «Я, мой осударь, — и при том спросил Щолокова, — што, не ваша ли милость — Василей Федорович Щолоков?» Ибо он уже, как выше сего показал, в окошко ево видел. И оной Щолоков сказал: «Я». И он, Емелька, желая пользоваться старанием Щолокова, говорил ему: «Отец Филарет приказал вашей милости кланяцца, а притом приказал просить вас, чтоб обо мне, бедном, бога ради, постарались и попросили господина губернатора и ково надобно». И оной Щолоков спросил: «Да давно ли ты отца Филарета видел?» И он, Емелька, говорил: «Меня-де взяли от отца Филарета с Ыргиса еще в Филиповки»*. И оной же Щолоков спросил ево: «Да по какому (л. 265) делу ты сюда прислан?» И он, Емелька, сказал: «Меня, взяли по поклепному делу да за крест и бороду». А что он взят по происшедшему от него

* Филиповки — Филиппов пост.

разглашению, також и что он назывался Петром Третьим, от того Щолокова утаил и не сказал. И оной Щолоков сказал: «Добро, миленькой, я к губернатору схожу и к секретарю, и их попрошу». И он, Емелька, говорил: «Пожалуй, бога ради, постарайся о свободе моей и посули губернатору хоть рублей сотину и больше, також и секретарю, у кого мое дело». И оной Щолоков сказал: «Добро, попрошу». Он же, Емелька, говорил Щолокову: «Пожалуй, обещаю подарить кого надобно, вить у меня деньги, слава богу, есть, и оне лежат у отца Филарета. И как скоро вы к нему отпишите, то он их к вам пришлет». И потом оной (л. 265 об.) Щолоков, дав денег рубль, от него пошел¹⁷⁹.

И после сего зачали ломать губернскую, и имянно, например, а подлинно не упомнит, как недели через две, помянутой секретарь позвал ево паки в деревянные покои¹⁸⁰. И как ево привели, то секретарь, не говоря с ним ни одного слова, а только сидя за столом, на него взглядывал, — то, видя, он, Емелька, что оной секретарь не о чем его не спрашивает, говорил тому секретарю: «Пожалуй, мой государь, постарайтесь о свободе. А вашей милости Василей Федорович Щолоков, что обещал дватцать рублей, отдаст». Ибо думал он, Емелька, что Щолоков уже его просил и денег дать обещал, но о сем он тогда не знал¹⁸¹. Притом же, показав на руках и на ногах положенныя кандалы, говорил, что-де оне очень тяжелы, и обломило ему руки (л. 266) и ноги. Но оной секретарь на все ево слова ничего не сказал, а только, махнув рукою, выговорил: «Пооди в свое место». А как его вывели от секретаря, то в тот же час кандалы с рук и с ног сержант велел с него, Емельки, снять. А положили на ноги ему только легинькия железы, которыя тут же в канцелярии и заклепали¹⁸².

Как же он, Емелька, содержан был в канцелярии, то никуда его ни на пять не выпускали. Спустя, как с него сняли тяжелые кандалы и наручни, дня с три отвели его в острог, и имянно на Вербной неделе*, где все колодники содержатца¹⁸³. На Страшной же недели** Великого поста стали его отпущать из острога для прошения милостыни по городу — за караулом одного салдата, — где он повсеместно и хаживал.

* Вербная неделя Великого поста приходилась в 1773 г. на 18—24 марта.

** Страшная («страшная») неделя Великого поста приходилась в 1773 г. на 25—30 марта.

Во время ж содержания ево в остроге принашивал в острог к содержащемуся колоднику Замшеву¹⁸⁴ (л. 266 об.) (которой в Казане господам делавал кареты, и его тамо многие знали) называющейся купцом Иваном Ивановым Хлебниковым¹⁸⁵ милостыню, где оной Хлебников, увидя ево, Емельку, и подав милостыню, спросил ево: «А ты-де што за человек, и откуда?» Которому он сказал, што он — донской казак, а прислан сюда из Малыковки. И оной Хлебников спросил же ево, Емельку: «По какому ж делу ты сюда попал?» И он, Емелька, сказал: «Я попал по поклепу, да за крест и бороду, а взяли меня с Ыргиса от отца Филарета»¹⁸⁶.

После же сего, как ходил он, Емелька, в Казане за милостынею, то сошелся оной Хлебников с ним на улице и, поклонясь, он, Емелька, оному Хлебникову, спросил его: «Што, Иван Иванович, нет ли каких вестей от отца Филарета?» И о Филарете спросил он, Емелька, Хлебникова потому што, как (л. 267) он пред сим в остроге сказывал Хлебникову о своем деле и упомянул о Филарете, то оной Хлебников сказал: «Я отца Филарета знаю, и как я у него, так и он у меня бывал». И оной Хлебников сказал: «Слава-де богу, все здорово, и я-де завтра пошлю к Филарету человека для причастия». И он, Емелька, говорил тому Хлебникову: «Пожалуй, Иванович, отошли к отцу Филарету, — я напишу письмо и к твоей милости принесу. У него-де есть мои деньги, так я напишу к нему, чтоб он пожаловал вашему посланному отдал». Хлебников сказал: «Хорошо, принеси, я перешлю». И потом, дав ему, Емельке, рубль, разошлись¹⁸⁷.

И по приходе ево в острог просил он содержащегося тут же колодника Ивана Никитина Бичегова¹⁸⁸, чтоб он написал от имени его к игумну Филарету письмо¹⁸⁹, чтоб он пожаловал прислал к нему оставленные у него ево деньги с человеком Хлебникова, (л. 267 об.) которой ему по той его прозьбе и написал. А на другой день, как отпустили ево за милостынею из острога, то он пошел на ватеру** к оному Хлебникову, которая неподалеку от кремля за мостом, и по приходе, не говоря ни о чем, отдал показанное письмо к Филарету, кое было и не запечатано. И оной Хлебников***

* В действительности это был не Иван Иванович Хлебников, а Иван Иванович Седухин.

** Ватера (фатера) — простонародное выражение понятия «квартира».

*** В действительности это был не Иван Иванович Хлебников, а Иван Иванович Седухин.

сказал: «Добро, я отошлю; а кали отец Филарет пришлет деньги, то я к тебе принесу»¹⁹⁰. И потом, простясь с ним, он, Емелька, пошел для збирания милостыни по городу, оному ж Хлебникову ни о каких своих злых замыслах, такоже и о побеге своем, ничего не сказывал.

После сего времени означенной Щолоков приходил к нему в острог два раза, а имянно: в первой раз приносил он всем колодникам милостыню, и в то время, увидя, он, Емелька, одного Щолокова, спросил ево: «Што, Василей Федорович, просил ли ты обо мне (л. 268) господина губернатора и секретаря?» На что оной Щолоков сказал: «Я-де просил губернатора¹⁹¹ и секретаря, и они мне сказали, што когда-де они о тебе дело разсмотрят, тогда и резолюция будет». И он, Емелька, спросил же: «Да што ж, секретарю-та, батюшка, обещал ли ты?» И на сие Щолоков сказал: «Я-де ему дватцать рублей обещал»¹⁹².

А в другой раз Щолоков приходил к нему в острог спустя после перваго раза недели с полтары и, по приходе, не говоря ничего, подал ему пять рублей, сказав только: «Прими Христа ради». И он, приняв деньги и поблагодаря, спросил ево: «Што, Василей Федорович, не слышно ли чево об моем деле?» На что Щолоков, сказав: «Ничево не слышно», — пошел от острога прочь¹⁹³. О злых своих намерениях, також и о побеге ис тюрьмы, и что он назывался Петром Третьим, Щолокову никогда он, Емелька, не сказывал.

Во время ж содержания ево, Емельки, (л. 268 об.) в остроге познакомился он с содержащимся в том остроге колодником Парфеном Дружининым¹⁹⁴. И как случалось, что в Казане станут кого ис колодников сечь кнутом, то оной Дружинин говорил: «Што, Пугачов, вот, тово и смотри, что как и нас также выведут да пороть станут». И он, Пугачов, говорил: «Ну, да как же быть, чем переменишь? Вить разве отсюдова бежать?» И оной Дружинин говорил: «Да как же бежать-та?» И он, Пугачев, сказал: «А вот как бежать: нас для работы гоняют на Арское поле¹⁹⁵, так как туда пойдём, караул-ат за нами не велик, то, сев на судно (а тогда была еще поляя вода), да и были таковы». И Дружинин спросил ево: «Да куды ж мы побежим?» И он, Пугачов, сказал: «Премехонько выедем на Иргис». По коим его, Пугачова, словам, как сказывал ему, Дружинин купил и лотку, но однакож, как не могли они наитить (л. 269) к побегу удобного случая, а между тем реки упали, то сие намерение их — бежать водою — так и прошло¹⁹⁶.

Но после того стали они з Дружининым советовать, как бы бежать сухим путем. Но он, Пугачев, говорил: «Вить пешим бежать никак нельзя, а надобно б купить лошадь». На что Дружинин сказал: «Конешно, надобно купить». И он, Пугачев, сказал: «Да деньги-та где? На што купишь лошадь ту?» И оной Дружинин сказал: «Да лошадь я куплю, только как уйдем, то куда мы денимся?» И Пугачев говорил: «Мало места, куда бежать! На Яик, на Иргис, а не то-так на Дон! Уш о этом не пекись, найдем дорогу, лишь бы отсюда как выбраться»¹⁹⁷.

После сего разговора помышлял он, Пугачов, что, не подговоря с собою к побегу салдата караульнова, уйтить не только трудно, но и нельзя. Но, между тем, случилось, что приметил он (л. 269 об.) пришедшаго в острог на караул салдата одного из малороссиян¹⁹⁸; и человек показался ему тихой, не так, как русской салдат. Коего он спросил, смеючись: «Што, служивой, служить ли ты хочешь, или на волю бежать хочешь?» И оной салдат сказал: «Я б давно бежал, да не знаю, куда бежать-та, видишь, стало от своей стороны далеко». И он, Пугачев, сказал: «Бежим со мною да вот с этим человеком, — указав на Дружинина, ибо, как он разговаривал с сим салдатом, то Дружинин стоял тут же и весь этот разговор слышал, — на што салдат сказал: «Пожалуй, я готов с вами бежать, куда хотите»¹⁹⁹.

И потом Дружинин сказал ему, Пугачеву, и имянно перет Петровым постом*, что у него лошадь и с телегою уже куплена. На что Пугачов сказал: «Хорошо, таперь только нам надобно сыскать место, где б эта телега приготовленная (л. 270) стояла». И Дружинин сказал: «У меня есть знакомой поп²⁰⁰, так мы поутру выпросимса у афицера для нужды к нему, и тут мы посидим. А сыну своему²⁰¹ прикажу я, чтоб он с телегою дожидался нас у церкви²⁰², которая против двора того попа». И после сего, — а имянно, сколько он припомнить может, на третьей или четвертой день Петрова поста, — Дружинин говорил ему, Емельке: «Ну, Пугачов, я уж сыну своему приказал, чтоб сего дня²⁰³ приезжал к показанной церкви и нас бы смотрел у попова двора. Так попросимса-ка мы теперь у афицера». На что он, Пугачов, согласился, и оба пошли они проситца у караульного в остроге афицера²⁰⁴, — а как зовут того афицера, — не знает, — и просили ево, чтоб он отпустил их для (л. 270 об.) нужды к

* Петров пост в 1773 г. приходился на время с 27 мая по 28 июня.

попу, которой их тот час и отпустил — за караулом салдат, дву человек, в том числе показанной малороссиянин, с коим оне бежать условились, а другой — им незнакомой²⁰⁵, — к попу; и пошли оне з Дружининым оба. Но как пришли к попу, то его не застали дома и так, не мешкав ничего, возвратились в острог. И афицер спросил их: «Што вы так скоро пришли?» На то они сказали, что-де попа не застали дома. Но погода часа с три, и имянно, как в самые полдни, паки они попросились оба с Дружининым к попу у афицера, который их отпустил за тем же караулом²⁰⁶.

Пришли они к попу, застали ево дома. Дружинин, поздоровавшись с попом, как з знакомым человеком²⁰⁷, тот час послал Дружинин попа купить вина, пива и меду. И как поп принес, то пили все, а паче поили незнакомаго салдата. И как покупное вино выпили, то Дружинин, еще дав попу денег, (л. 271) послал еще ево за вином. Поп еще принес штоф вина, и так напоили опасного им салдата. И потом, простясь с попом, пошли все четверо со двора. Поп проводил их к воротам и, спустя со двора, ворота затворил. А они отошли несколько шагов от ворот, увидели кибитку с лошадью, которою правит Дружинина сын. Дружинин закричал: «Емщик, што возьмешь отвести в кремль?» Оной Дружинина сын сказал: «Пять копеек». Дружинин сказал: «Постой, отвези». И тотчас посадили сперва пьянова салдата в телегу, а подле него сел Емелька, Дружинин и другой салдат, их согласник. И, кибитку, закрыв рогожею, поехали из города²⁰⁸.

А как отъехали от города верст с восемь, то пьяной салдат спрашивал ево, Емельку: «Што, брат, долго едим?» И он (л. 271 об.) Емелька, смеючись, сказал тому салдату: «Видишь, кривою дорогою везут». И после сих слов, отъехав еще с полверсты, остановились, и пьянова салдата Дружинин, взяв в ахапку, ис кибитки высадил, где салдат весьма оробел и стал, как изумленной²⁰⁹ (оного ж салдата никто из них не тронули ни волосом)²¹⁰. А они, ударив по лошади, поехали большою дорогою, и ночью приехали они все в одну татарскую деревню²¹¹, — а как зовут, — не знает, — в которой жила Дружинина жена з дочерью²¹².

Дружинин, взяв жену и дочь и купя у татарина лошадь, поехали в городок²¹³, но, как ево зовут, — не знает. И приехав, не ездя в город, в лесу дождались ночи с тем намерением, чтоб увести из городка двух дочерей Дружинина²¹⁴, ибо у него тут был ево двор. Но как ходил от них из лесу в

город сын Дружинина и проведал, что уже в доме (л. 272) Дружинина стоит караул, то они тою ж ночью чрез город проехали так, что никто их не видал. И доехав до Куравского перевоза, переехали чрез реку Вятку²¹⁵, а оттуда — на Керженки, а от Керженки ехали на Котловку, где переехали оне реку Каму, и приехали в село Сарсас²¹⁶.

И по приезде пришло ему в память, что когда держался он в Казанской губернии, то в то время привожены были из одного села на поселение крестьяня, и приводец оных, того ж села крестьянин Алексей Кандалинцов²¹⁷, узная о нем, Емельке, что он — з Дону и, думая, что он раскольник, с ним познакомился, и по тому знакомству сперва спросил ево, откуда он прислан? И как он сказал, что прислан с Ыргиса от отца Филарета (л. 272 об.) за крест и бороду, то оной Кандалинцов сказал, что Филарет и ему знаком, и он к нему ездит. После чего оной Кандалинцов давал ему милостину и очень быш к нему ласков. Почему и захотелось ему с ним повидатца, и для того сыскал ево в том селе.

И, увидясь с ним, Кандалинцовым, спросил его, нет ли у него лошади, чтоб его, хотя ис платы, верст дватцать подвес, потому што у них стали лошеди. И оной Кандалинцов сказал: «Да куда тебе ехать? Ты побудь у меня». И он, Емелька, сказал: «Вить, видишь, нас — садом*; мы же бежали ис тюрьмы, так как тебе нас всех держать? Да и кормить-та убытошно». И потом, запрегши лошадь в телегу, поехали, — Дружинин — на своих лошадях, а он с Кандалинцовым позади.

И едуци (л. 273) дорогою, Кандалинцов спросил ево: «Куда-де ты едишь?» Он сказал, что «еду на Яик, а оттуда на Иргис». И Кандалинцов сказал: «Пожалуйста, отстань ты от товарищей. А я с тобой и сам поеду. Готово**, я один ехать хотел же». И так условились они Дружинина оставить: «Как-де станим кормить лошадей, так-де ты спрячься где ни есть, и они-де поищут тебя, да вить стоять не станут и уедут; а как уедут, так и приди на ту фатеру, на которой остановились». Что он, Емелька, и исполнил.

И Дружинин, жена ево, сын, дочь и салдат-малороссия-

* Точнее — содом; этим понятием обозначил Пугачев многочисленную и шумную группу беглецов, где наряду с ним, Пугачевым, солдатом Г. А. Мищенковым и купцом П. П. Дружининым была и семья последнего (жена Домна Степановна, сыновья Филимон, Максим и дочь Мавра).

** Так в оригинале; слово «готово» употреблено в значении: совсем решено.

нин поискали-поискали ево, да и поехали одне. А он с Кандалинцовым поехал в село Сарсасы по-прежнему и жил у Кандалинцова недель с пять²¹⁸. Кандалинцову ни о каких своих злых (л. 273 об.) замыслах не ведал, и он ему, кроме что о бегании им ис казанской тюрьмы, ни о чем не сказывал. Где ныне показанные Дружинин²¹⁹ и малороссиянин-салдат²²⁰, — он не знает; да и прежде, до поимки ево, Емельки, в злодейской его шайке оные не были. Как он, Емелька, з Дружининым ис Казани бежал, то ехали они до показанного села Сарсасы большою дорогою и весьма тихо, но, однакож никакой погони они за собою не видали, да и по дороге ни от кого не слышали.

Поживши у Кандалинцова, как выше он показал, недель с пять, оной Кандалинцов поехал с ним, Емелькою, на ево лошадях на Яик²²¹. И не доехав до городка версты с четыре, попалась им навстречю баба, которую он спросил: «Што, молодушка, можно ли пробратца на Яик?» И она им сказала: «Кали есть у вас пашпорты, так, пожалуй, поезжай, а кали нет пашпорта, то тут есть (л. 274) салдаты, так вас поймают»²²². И они, испужавшись сих слов, не ездя на Яик, поехали на умет²²³, то есть постоялой двор, к мужику, называемому Еремина Курица²²⁴. Но, не доезжая до одного умета, Кандалинцов, увидев едущих из Яика порожняком Мечетной слободы мужиков, говорил ему, Емельке: «Оставайся ж-де ты здесь, а я поеду в Мечетную». И он, Емелька, сказал: «Мне-де никак в Мечетную ехать нельзя: меня там схватают. Да как же мне остатца и здесь одному пешому на степи? Вить тож поймают. Так продай ты, бога ради, мне своих-та лошадей». На что Кандалинцов согласился и лошадей продал за дватцать рублей. И потом, с ним разставшись, поехал к умету Ереминой Курицы*, но к нему не показался того вечера, а приехал к нему на двор поутру, накануне Успеньева дни**.

(л. 274 об.) И как увидел ево Еремина Курица, то спросил ево: «Как ты, Пугачов, свободился?» И он ему сказал: «Бог помог мне бежать, так я ис Казани ушол». И Еремина Курица сказал: «Ну, слава богу, што бог тебя спас!» И он, Емелька, спросил Еремину Курицу: «Што, брат, не искали ли меня здесь?» И он сказал: «Нет». Емелька ж спросил: «Што слышно на Яике?» И Еремина Курица сказал: «Смир-

* Еремина Курица — прозвище Степана Максимовича Оболяева.

** Успение, Успенев день (Госпожин день) — 15 августа.

но». Емелька спросил же: «Што, Пьянов²²⁵ жив ли?» И Еремина Курица отвечал: «Пьяной-де бегаёт²²⁶, для того что проведали на Яике, што он подговаривал казаков бежать на Кубань».

И, побыв у Ереминой Курицы два дни, оной позвал ево, Емельку, в баню, и он ему сказал: «У меня рубашки нет». И Еремина Курица сказал: «Я-де свою рубашку дам». И потом пошли только двое в баню. А как взошли в баню, и он, Емелька, (л. 275) разделся, то увидел Еремина Курица на груди под титьками после бывших у него, Емельки, от болезни ран знаки, и спросил ево, Емельки: «Што у тебя это такое, Пугачов, на груди-та?» И он, Емелька, догадался, что конечно, ему Пьянов от том, что он (как выше сего показал), Пугачев, бывши на Яике, называл себя Петром Третьим²²⁷, сказал, то он, Емелька, сказал Ереминой [Курице]: «А это знаки государския». И Еремина Курица, услыша оное, сказал: «Хорошо, кали так»²²⁸. И он, Емелька, спросил Еремину Курицу: «Што ж, как ты думаешь, будут ли яицкие казаки согласны и примут ли меня?» И на сии слова Еремина Курица говорил: «А вот ко мне скоро будет казак Закладнов²²⁹, так я ему поговорю, чтоб он (л. 275 об.) прислал ко мне хорошева человека, ково я знаю».

После сих слов Закладнов к Ереминой Курице приехал²³⁰. А как приехал, то Еремина Курица сказал Закладнову про него, Пугачова, что он — Петр Третьей: «И скажи-де ты Караваеву²³¹, чтоб он сюда приехал, мне-де надобно с ним поговорить». Закладнов, посмотря на него, Емельку, и не говоря ничего, тот же день поехал на Яик. А как Закладнов уехал, то Еремина Курица сказал ему, Емельке: «Вить-де я Закладнову о тебе, что ты — Петр Третий, поведал»²³².

Спустя после сего дня с три приехал к ним Караваев²³³ и сперва говорил незнаемо что с Ереминой Курицей, а потом, взошед в ызбу, оной Караваев, и подшед к нему, Емельке, говорил: «Мне-де Еремина Курица сказывал (л. 276) про тебя, что ты — Петр Третьей». И он, Емелька, сказал: «Так, подлинно есть я Петр Третьей. И примут ли меня ваши казаки?» На сие Караваев сказал: «Я теперь тебе ничево сказать один не могу, а поеду домой и скажу хорошим людям, так пускай и они приедут к тебе, так тогда и положим, как делу быть»²³⁴. И он, Емелька, спросил: «Да когда ж вы сюда будите?» И Караваев сказал: «Да мы-де будем в середу». И

* Ближайшая среда приходилась на 28 августа 1773 г.

он, Емелька, сказал: «Хорошо, приезжайте, а я между тем съезжу в Мечетную, и в среду назад буду». И, отобедав, Караваяев поехал на Яик.

По отъезде же ево советовал он с Ереминой Курицей, что, как Караваяев и другие казаки в среду приедут к ним и что-нибудь о нем положут*, так «вить это надобно написать, а у нас грамотея (л. 276 об.) нет, так я хочю съездить в Верхней монастырь²³⁵ и там взять писаря, — так он покуда и станет всякия дела писать, а к тому же мне надобно съездить в Мечетную к куму²³⁶ и забрать у него рубашки и лошадь». И так Еремина Курица согласился, и тот же день, севши в телегу на дву лошадах, поехали²³⁷. И сперва заехали на хутор Верхнева раскольнического монастыря, и спросили, — нет ли тут какого письменного человека, — где им сказали, что нет. И Еремина Курица пошел в монастырь, нет ли тамо такого письменного человека, но, возвратясь, сказал, что и там такого человека нет²³⁸.

И он, Емелька, Ереминой Курице говорил: «Съездим же мы в Мечетную к куму для взятья рубах и лошади, которая осталась после взятья ево в Малыковку под караул»²³⁹. И оседлав он, Емелька, свою, а Еремина Курица выпросил (л. 277) у старцов лошадь, поехали в Мечетную верхами. А как приехал к куму, и его дома не было, а сказал сын ево, что он возит с поля хлеб, но, однакож, скоро приехал. И, как приехал домой, то он, Емелька, спросил того своего кума: «Што, братец, где мои остались у тебя рубашки, рыба и лошадь?» И на то оной кум сказал, што это все у него взяли в Малыковку, да и ему было хлопот. И он, Емелька, сказал: «И кому это взять? Оно все у тебя». И оной же кум спросил ево: «Да как же ты ис Казани-та вышел?» И он на то сказал: «Слава богу, бог свободил!» И кум же ево спросил: «Да есть ли у тебя пашпорт?» Он сказал: «Есть». И кум спросил: «Да где ж он?» И Емелька сказал: «Вон-де у меня пашпорт лежит в телеге для тово, што, видишь, идет дозжик, то, штоб (л. 277 об.) не замочить, и оставил в телеге». Догадался он, Емелька, что кум собирается его изловить²⁴⁰, то тот же час, севши на лошадь, поехал с Ереминой Курицей в монастырь²⁴¹ к старцу Пахомию²⁴². И коль скоро они во оной монастырь взошли, то монахи закричали: «Смотрите! За вами погоня!» И он, Емелька, услыша оное, говорил: «Ере-

* «...что-нибудь о нем положут» — то есть примут решение относительно признания Пугачева «Петром III» и предстоящего выступления.

мина Курица, убирайся за Иргис». Он на то сказал: «Ты поезжай себе. А мне чево бояться и от чево бежать?» И он, Емелька, сев в лотку, чрез Иргис переехал и пошел в лес, а Еремина Курица остался в монастыре. И как уже он переехал чрез реку, то слышен был голос Еремянной Курицы, что ево били, и он кричал²⁴³.

Был он, Емелька, на той стороне Иргиса часа три ночи. А как уже люди утомонились, то он, переехав к хутарам монастырским (л. 278) и, впрегши свою лошадь в телегу, тайно от старцов поехал на умет к Ереминой Курице.

И по приезде на умет только што выпрег лошадь, то пришел к нему Караваев²⁴⁴ и сказал: «Я-де привез Шигаева²⁴⁵, так пойдем-де к нашей телеге, а здесь-де много людей ездит, так еще хто увидит». Почему он, Емелька, и пошел. Тут, нашод Шигаева, поздоровались и, как время было около обеда, то они все трое сели есть. А как сели, то в степи увидел он, Емелька, двух разъезжающих в степи неподалеку от них на лошадях верхами казаков и спросил: «Што это за люди разъезжают?» Шигаев сказал: «Это-де наши казаки — Зарубин²⁴⁶, он же Чика (и после будет называтца Чернышовым), и Мясников»²⁴⁷. И как оные казаки стали подъезжать к ним (л. 278 об.) блиско, то Шигаев сказал ему, Емельке: «Встань, пожалуй, да пойдем поодаль, чтоб они тебя не видали. Зарубин-ат — человек некрепкой, он разболтает, так-де дела-та мы не зделаем, а хлопот наведем». И так он с Шигаевым несколько сажен и удалились.

Зарубин и Мясников, подъехав к Караваеву, спросили: «Што ты делаешь здесь?» Караваев сказал: «А вот стреляем сайгов». И Зарубин сказал: «Што вы таитесь? Мы знаем, чево вы здесь ищите, да вить и мы тово же ищем». И Караваев сказал: «Ну, кали вы уже знаете, то, — Караваев закричал, — Шигаев, подите сюда!» Почему он и Шигаев и пришли и, пришед, поздоровавшись, сели есть. А как сели, то Караваев говорил ему, Емельке: «Ты-де называешь себя государем, (л. 279) а у государей-де бывают на теле царские знаки», то Емелька, встав з земли и разодрав у рубашки ворот, сказал: «На вот, кали вы не верите, што я — государь, так смотрите — вот вам царской знак». И показал сперва под грудями, как выше сего он говорил, от бывших после болезней ран знаки, а потом такое ж пятно и на левом виске. Оные казаки, Шигаев, Караваев, Зарубин, Мясников,

* Сайги, сайгаки — степные антилопы.

посмотря те знаки, сказали: «Ну, мы теперь верим и за государя тебя признаем»²⁴⁸. И потом, поевши арбуза, встали, и Шигаев сказал: «Ну, братцы, я ево до времени отвезу к себе на хутор». А Зарубин сказал: «Нет, у тебя на хуторе много людей ездют, так опознают, а лутче я ево возьму на свои руки». (л. 279 об.) И Шигаев сказал: «Возьми хоть ты, только надобно зберечь»²⁴⁹. И потом все оне пятеро поехали под Яицкой город, но, не доезжая до города, как был час ночи, заехали на умет²⁵⁰, которой на большой дороге. Шигаев и Караваяев, поужинав на умете, поехали в город, сказав притом Шигаев: «Нам надобно в город въехать так, чтоб ништо нас не видал». А он, Емелька, Зарубин и Мясников, начевав на умете, поутру поехали. И, едучи дорогою, Зарубин сказал ему: «Я-де тебя, надежа-государь, повезу х Кожевникову»²⁵¹. И потом ехав они трое целый день вместе, а как стало к вечеру, то Зарубин поехал наперед один, и потом скоро возвратился, и идет уже им навстречю пешком сам-друг. И подошед пришедший с ним, то есть Андрей Кожевников²⁵², поклонясь, сказал ему: «Милости прошу, только (л. 280) опасаясь я, чтоб не проведали». И он, Емелька, сказал: «Пожалуйте, детушки, поберегите меня и не выдайте, а я вас заступать рад». И потом пришли в дом Кожевникова, где и ужинали.

С сего времени стали уже все казаки, которья к нему пристали, называть его, Емельку, надежой-государем:

Отужинав, Мясников поехал в город²⁵³, а Зарубин и он остались у Кожевникова. А на другой день поехали в город и Зарубин²⁵⁴, но на другой день приехал опять и привез с собою казацкое знамя, сказав: «Вот, надежа-государь, это знамя было в походе²⁵⁵, но я его атаману не отдал, а таперь вашему величеству оно изгодилось». За что он, Емелька, Зарубина похвалил и сказал: «Да нет ли-де еще знамен-та?» И Зарубин сказал: «Есть кое у ково у наших, так-де я поищу».

(л. 280 об.) Пожив у Кожевникова в доме неделю²⁵⁶, оной Кожевников ездил в Яик, и по приезде сказал ему: «Ну, надежа-государь, убирайтесь — из города собираетца сыскная команда вас ловить»²⁵⁷. Он, Емелька, испужавшись, сев на лошадь и взяв с собою Зарубина и Мясникова, поехали. И оные Зарубин и Мясников провезли его верст тридцать на реку, называемую Усиху. И по приезде, покормя лошадь, Мясников поехал в город для разведания, што там делаетца, и в которое место команда наряжена. А он, Емелька, з Зарубиным остался один на Усихе. Но как им

стало скушно, а притом хотели сведать, што не была ли команда у Кожевникова, того ж дня, как до вечера часа за два, поехали на хутор х Коновалову²⁵⁸, ибо оной подле Кожевникова в соседстве, а к Кожевникову (л. 281) ехать они побоялись.

Приехав вечером х Коновалову, спросили ево: «Што, Василей Семеныч, не было ли из города присылки?» Оной им сказал: «Нет, все было тихо». Потом пришли х Коновалову Михайла²⁵⁹ и Сидор Кожевниковы²⁶⁰, и из них Сидор говорил (на спрос ево, Емелькин, што в городе делаетца), что-де «в городе стали, было, наряжать для поимки вас сыскные команды²⁶¹, и объехали кругом города. Но, как никого не нашли, то команды приехали в город, и таперь, слава богу, все утихло. Я-де только што приехал из города». И потом тою ж ночью до свету из дому Коновалова он, Емелька, Зарубин, Коновалов, Михайла и Сидор Кожевниковы поехали опять на Усиху.

А как приехали на Усиху, то того ж дня ввечеру (л. 281 об.) приехал к ним из города показанной Мясников. И как он его спросил, што в городе говорят, то оной Мясников сказал: «В городе-де старики²⁶² положили, чтоб вашему величеству здесь жить до того времени, как пойдут казаки все на плавную²⁶³. А как соберутца, так-де те, которые с нами согласны вас принять, те все и отберутся от несогласных, да и приедут сюды».

После сего спустя приехали к нему, Емельке, тут же на Усихину [россошь] казаки Дмитрий Лысов²⁶⁴ да Козьма Иванов²⁶⁵, — прозвания не знает, — из городка, которые, сказав ему, что в городе тихо, и казаки-де положили принять ево, Емельку, как пойдут на плавную, и побыв у него не больше, как час времени, поехали обратно в город; коим он, Емелька, говорил: «Пришлите ко мне писаря да (л. 282) кафтан», — с чем оне и поехали.

После сего вскоре приехали из города два или три казака, — а имян их не помнит, — и привезли к нему семь старых знамен казацких²⁶⁶. А как оне были ветхи, то приказал он Михайлу Кожевникову, чтоб он их починил и совсем, как надобно, приготовил. Почему оной Кожевников те знамена и отвес к себе на хутор. После чего вскоре ж приехали к нему казаки Иван Почиталин²⁶⁷ да Василей Якимов²⁶⁸ и

* Плавная, плавня осенняя — осенний лов рыбы на Яике, производившийся с 1 октября по середину ноября.

привезли с собою канаватной бешмет да кафтан и шолковой кушак. И он, Емелька, спросил: «Кто это ко мне прислал?» И Почиталин сказал: «Это — мое, я вашему величеству кланяюсь». И он, Емелька, сказал: «Благодарствую, я тебя не оставлю, и будь ты при мне секретарем»²⁶⁹.

После сего скоро ж приехал к нему (л. 282 об.) Яицкого ж войска казак ис кибиток Идарка²⁷⁰, татарин некрещеной, да другой с ним — Баранга²⁷¹, коих он спросил, зачем они к нему приехали. И оне сказали, что приехали ево погледеть и проведать, и служить ему. Он им сказал: «Хорошо, послужите, я вас не оставлю, будьте при мне».

В тот самой день приехал из города казак меньшей Кожевников²⁷², — но, как зовут, не помнит, — и сказал ему: «Казак-де²⁷³, — коему сказал и имя, но он таперь не помнит, — при народе в городе пьяной выговорил, что-де царь стоит на Усихиной, коего-де казаки взяли под караул, а сюда-де послана команда²⁷⁴, да брата-де Михайлу также уж, приезжая из города, команда взяла»²⁷⁵ (этот самой тот Михайло, которой чинил знамена, и оные уже опять переслал к нему, Емельке). И как он сии вести услышал, то он, испужавшись, закричал: «Казаки, на кони!» И потом (л. 283) поскакали, а куда, — не знает. Но, как несколько от того места, где их был табор, отскакали, то он, Емелька, спросил Зарубина и Почиталина: «Куда ж это мы едим?» И на то Зарубин и Почиталин сказали: «Ехать больше некуда, как поедим на хутор к Толкачовым»²⁷⁶. Сей хутор от их табора верстах в сороке, а от городка верст со сто. При отъезде их с табора остался у них безлошадной казак, приехавший с Почиталиным, Василей Якимов, о коем опосле он сведал, что его взяла посланная команда под караул²⁷⁷.

Не доезжая Толкачевых хуторов, послал он, Емелька, Почиталина вперед с тем, чтоб он их спросил, примут ли они ево к себе. Почиталин поехал. И чрез несколько часов едит он неподалеку от хутора Толкачевых к ним навстречу, и он, Емелька, спросил Почиталина: (л. 283 об.) «Што, примут ли меня?» На что Почиталин сказал: «Я-де только Андрею Толкачову²⁷⁸ сказал, что едит к вам на хутор государь, то вы ево примете ль?» И оной Толкачев сказал: «Добро пожаловать, мы ево примем с радостию». Почему они и приехали прямо на его, Толкачова, хутор²⁷⁹. Толкачев был ему рад. Как же он поехал на хутор, то упомянутые татара Идарка и Баранка с ним не поехали, а сказали, што «мы-де поедим домой и скажем об вас другим своей братье, тата-

рам. И когда-де вы пойдете в город, так мы вить вас увидим, то тогда за вами и пойдём вместе. Ежели ж вы не пойдёте, так мы и останемся в своих кибитках».

Разставшись с оными татарами, и прежде (л. 284) еще посылки Почиталина к Толкачеву на хутор, говорил он, Емелька, Зарубину и Почиталину: «Што мы едим к Толкачеву собирать народ? Ну, как народ сойдетца, а у нас письменнова ничево нету, што б могли народу объявить». И потом сказал Почиталину: «Ну-ка, Почиталин, напиши хорошенечко», ибо он не знал, чтоб сказать: «Манифест напиши»²⁸⁰. И оной Почиталин и все, остановясь в поле, писал, что хотел, ибо он не одного слова не знал, как бы написать надобно. И по написании ему при Зарубине, Коновалове, Михайле* и Сидоре Кожевниковых оную написанную им бумагу прочол, о которой притом Почиталин сказал, что-де «это — манифест, и надобно-де вашему величеству подписать самому». Емелька сказал: «Подпиши ты, а я до времени подписывать не буду»²⁸¹. А как Почиталин названной манифест прочол, (л. 284 об.) то, как ему, Емельке, так и показанной его сволочи пондравился больно. И оного Почиталина как он, так и все хвалили и говорили, што Почиталин гораст больно писать.

И потом приехали к Толкачеву, которой его принел. По приходе в ызбу Чика говорил Толкачеву: «Поиди шь, Толкачов, скажи своим соседям, што государь приехал, и штоб они к нему пришли», — ибо подле оного Толкачова хуторов много поселено. По сим словам Толкачов, пошол, и весьма скоро нашло к нему, Емельке, народу человек, как помнитца ему, больше сорока²⁸², между коими были по имяном ему знакомы Яким Давилин²⁸³ да Степан Шолохов²⁸⁴, а другим никому имя в той куче он не знал. И как ети люди вобрались в ызбу, то он, Емелька, приказал Почиталину показанную написанную им в поле бумагу читать, но прежде читанья говорил он той собранной (л. 285) куче: «Слушайте, детушки, што будет читать Почиталин, и будьте мне верны и усердны, а я вас буду жаловать». И потом Почиталин стал читать. А как прочол, то он, Емелька, всех спросил: «Што, хорошо ль? И вы слышали ль?» На што все единогласно закричали: «Хорошо, и мы слышали, и служить тебе

* Ошибка: М. А. Кожевников не был в то время в отряде Е. И. Пугачева, он находился под арестом в Яицкой комендантской канцелярии (см. прим. 137 к док. № 1). В данном случае речь могла идти о родном брате Михаила Кожевникова — Степане.

готовы!» А как Почиталин ту сделанную им скверную бумагу читал, то все люди были тогда в великом молчании и слушали, как он приметить мог, весьма прилежно²⁸⁵.

И потом он, Емелька, той собранной злодейской его куче говорил: «Ну, таперь, детушки, поезжайте по домам и разошлите от себя по фарпостам и объявите, што вы давича слышали, как читали, да и што я здесь». И оне единогласно сказали: «Слышим, батюшка, и все исполним, и пошлем как х казакам, [так] и х калмыкам». (л. 285 об.) И он, Емелька, им сказал: «Хорошо, и завтра рано, севши на кони, приезжайте все сюда ко мне». Почему сия толпа вся и разошлась. Сбираться ж он сей толпе приказывал для того, что, как еще оне ехали к Толкачову на хутор, то тогда положил он з Зарубиным, Кожевниковыми, Почиталиным, чтоб, сколько на хутор людей не зберется, мало или много, но, однакож ехать в город и, ежели удася, то завладеть городом, а противников наших всех перевяжем, а буде удачи не будет, и нас мало будет, то уже тогда бежать им, кто где спастись может.

А по сему условию он, Емелька, то свое намерение и исполнил, то есть на другой день поутру²⁸⁶ с фарпостов и из домов съехались русских казаков и калмыков человек с шездесят и, севши (л. 286) на лошадей и взяв с собою вышеупомянутые семь знамен, пошли, распустя оные, к Яику. И как пришли х кибиткам кочующих татар, кои причислены к Яицкому войску, где вышел с татарами помянутой татарин Идорка з другими татарами, но, сколько числом, — не знает. И Идорка, подошед к нему, Емельке, говорил: «Не изволишь ли, государь, написать письмо и послать к Марали-хану²⁸⁷, што вы здесь находитесь, и штобы он прислал к вам на помощь войска. А я думаю, что он пришлет человек сто-другое». И Емелька сказал: «Хорошо б послать да хто ж письмо-та напишет?» И оной Идорка сказал: «У меня напишет сын мой — Болгтай»²⁸⁸. И Емелька сказал: (л. 286 об.) «Ну, хорошо, вели ж сыну-та хорошенька написать». Которой и написал, но, что написано было, — он не знает. И потом оной Идорка с тем письмом²⁸⁹ послал команды своей татарина²⁹⁰, — как зовут, — не знает. Но как пришли они к татарским кибиткам вечером, то уже тут и начевали²⁹¹. Сия их станция была от города не более как в сороке верстах, но только из города никакого поиска не было.

На другой день пошли оне к Яику и, не дошед до города верст пять, остановились²⁹². А как остановились, то толпа

его стала час от часу умножаться, и собралось ее как, например, до двух сот человек. А как оне пришли на оное разстояние, то увидел он, Емелька, стоящую под городом каманду казаков и полевую лехкую каманду ж, которая стояла неподвижно. (л. 287) И он, Емелька, желая, чтоб его в город пустили без драки, то, по совету бывших при нем Почиталина, Зарубина, Кожевниковых и Коновалова, велел он Почиталину послать х казачьему командиру Акутину²⁹³ написанной им злодейской манифест с тем, чтоб он прочол его во всем войске. И с тем манифестом злодейским послал Почиталин казака Быкова²⁹⁴, которой отвес и отдал Акутину, но Акутин, не читав, отдал афицеру Крылову²⁹⁵, а Крылов, также не читав, положил в карман. Быков по подаче Акутину возвратился к нему и об оном ему объявил.

За оным вслед пришел к нему из означенной городской каманды казак Андрей Авчинников²⁹⁶ и привел с собою несколько казаков, а за Овчинниковым (л. 287 об.) пришел ис той же городской каманды казак Дмитрий Лысов с другими казаками. И по приходе сказали ему, что-де «манифеста твоево не читали, хотя казаки сильно того просили, и казаки-де почти все желают тебе служить». Но как уже стала наступать ночь, то он со всею своею злодейскою шайкою пошел к реке Чиган. А как скоро он с прежняго места сшол, то из городской каманды послана за ним в погоню каманда с старшиною Андреем Витошновым²⁹⁷, человеках в двух стах, где был и вышепомянутой Шигаев. Он, Емелька, увидя ту каманду, остановился и стал нажидать на себя, думая, что оне станут с ним драться, ибо и у него было его толпы человек также з двести. Но оной Витошнов дратца с ним не стал, а пристал с командою к нему. А как (л. 288) пристали, то каманды ево, Емельки, казаки Овчинников, Давилин, Лысов, — одним словом, почти все, — привели к нему одиннатцать человек²⁹⁸ связанных и приносили на них разные жалобы, — но, кто оные одиннатцать человек казаки именами, — не знает. И он, Емелька, на те их жалобы сказал: «Держите их до завтре под караулом, а завтре резолюция будет».

А потом того вечера перешли речку Чиган и тут начевали²⁹⁹. А поутру означенные просители все к нему приступили и говорили, чтоб он от оных одиннатцати человек их избавил. И он, Емелька, видя столь сильную их жалобу и хотя их тем удовольствовать, чтоб оне к нему были усерднее, а другим, кои ему не хотят быть верными, подать страх,

(л. 288 об.) приказал казаку Ивану Бурнову³⁰⁰ тех одиннатцать человек повесить, которой, по собственному своему желанию, и повесил. А показанные просители после тех повешенных разделили по себе бывшую на них одежду.

(л. 289) Запоматовал он, Емелька, выше сего показать, коим образом в первой день приходу его с своею сволочью под город Яик, и имянно прежде еще посылки от него в стоящее подле города верное войско с злодейским манифестом казака Быкова, повесить он, Емелька, приказал верных войск казака Шкворкина³⁰¹. Как он с своею сволочью был на походе ис Толкачева хутора, то, не доходя до городка верст двенадцать, привели к нему одного Шкворкина его злодейския казаки³⁰², — имян их не знает, — и сказали ему, Емельке, что-де этова Шкворкина поймали они, кроющагося в хуторах, — «а он-де послан шпионом из городка разведать о вашем величестве». И он, Емелька, спросил сам того Шкворкина: «Зачем ты здесь по хуторам, позади моего войска ездешь? (л. 289 об.) И откуда ты послан?» На что оной Шкворин сказал: «Я-де послан от старшины Мартемьяна Бородина³⁰³ из городка проведать об вас, где вы идете, и сколько у вас силы, а проведав о том, ему сказать. Чево-де ради стороною мимо вашей силы и пробирался опять с тем известием, что где вы идете в городок». И он, Емелька, выслушав сии слова, сказал тому Шкворину, сидевши на лошади и не останавливаясь: «Ты — человек молодой, и должно было тебе мне служить, а ты еще поехал против меня шпионничать, а тебе б, коли мне не хотел служить, так сидеть уже было дома, а проведать-та бы пусть ехал хто постарей и посмышленей тебя». И потом, выговоря эти слова, одного Шкворкина так и оставил едущаго в его шайке. Но, как приехал он с своею злою шайкою на хутор, — а чей, — не знает, — и остановились (л. 290) отдыхать, и он и все слезли с лошадей, то, тот час, подошед к нему, Емельке, двое казаков — Яким Давилин да Дубовов³⁰⁴, — а как зовут, — не знает, — говорили, приветчи одного Шкворкина с собою: «Надежа-государь, прикажи сего злодея повесить. Отец ево нам делал великие обиды, да и он, даром што молот, но так же, как и отец, нас смертельно обижал». А притом и другие злодейской его артели казаки в разные голоса закричали: «Подлинно он, батюшка, плут, прикажи его повесить, — таковской». И он, Емелька, не размышляя ни сколько, сказал: «Ну, кали он такой худой человек, так повесьте его». Которого тот час схватили и тут же при нем и

перед всею сволочью (л. 290 об.) повесили, — но, кто имянно вешал, — не знает.

В самое то время, как повесили Шкворкина, пришел к нему татарской мулла³⁰⁵ и говорил чрез перевоотчика, помянутого выше сего Идорки: «Киргис-кайсацкой Мурали-хан приказал вам кланятца и прислал в подарок вам чекан», — который ему и отдал. И он, Емелька, велел того татарина спросить, што он за человек, и зачем прислан? И оной отвечал: «Я-де мулла и прислан поклонитца, а притом и вас посмотреть, для того что я бывал в Москве и в Петербурхе и государя видал». На что он, Емелька, велел спросить: «Што, узнал ли он меня, что я — государь?» На что оной мулла отвечал чрез одного Идорку: «Как не узнать? Я узнал, что ты — государь». И потом оной мулла говорил: «Марали-де хан (л. 291) приказал ваше величество просить, чтоб вы написали к нему письмо». И он, Емелька, Идоркину сыну Болтаю приказал написать письмо в такой же силе, как и первое к нему бышо послано, то есть, чтоб он прислал к нему на помощь своего войска, хотя б человек двести³⁰⁶.

И в оных обоих к Мурали-хану письмах велел себя он, Емелька, именовать императором Петром Третьим. И по написании того письма оной мулла от него поехал. Что ж в письме Болтай написал, — он не знает. Оного муллу ничем он, Емелька, не дарил, для того что у него и у самого денег ни копейки не было. Оную ж от Мурали-хана силу требовал он не столько для помощи разбойничать, как для славы такой, что ему и уже орды прикланяютца.

(л. 291 об.) Коль скоро муллу он отпустил, то яицкие казаки, — кто имяны, — не знает, — привели к нему сержанта³⁰⁷ и сказали, что-де он из Яицкого городка от каменданта послан по всем [форпостам] до Астрахани курьером. И он, Емелька, спросил, есть ли у него письма, и куда он едит? На что оной сказал ему, что «я-де еду по фарпостам, чтоб стояли караулы осторожно, для того што-де орда пришла к Яику». И он, Емелька, сказал: «Ну, кали ты за этим послан, так поезжай». Которой, было, и поехал, но подводчик, яицкой казак, не повезя оного сержанта в путь, а пришел, сказал казаку Давилину: «Этот-де сержант государя-та обманул, вить-де он везет указы во все места, чтоб государя-та везде ловить, и называют его не государем, а донским казаком Пугачовым». И оной Давилин того сержанта привел к нему, Емельке, и об оном (л. 292) о всем ему рассказал,

причем и взятыя у того сержанта тем Давилиным бакеты* ему ж отдал. И он, Емелька, те бакеты велел Почиталину распечатать и прочесть, которой при всех злодейской его шайки людех и читал. В коих было написано, чтоб везде ловить его, Емельку, и точно сказано о нем, что он — беглой донской казак Емельян Пугачов³⁰⁸. И он, выслушав, те указы велел изодрать и бросить, а сам говорил при всей своей сволочи слова такія: «Што Пугачова ловить? Пугачов сам идет в город! Так пусть, коли я — Пугачов, как оне называют, возьмут и свяжут. А кали я — государь, так с честью примут в город». И потом кричал на того сержанта: для чего он ево обманул и не сказал правды, и тот час закричал: «Приготовьте виселицу», — кою и приготовили при глазах (л. 292 об.) одного сержанта. Сержант, кланяясь ему в ноги и плачючи, говорил: «Виноват пред вашим величеством, помилуй, я вину свою заслужу вам». А злодейской шайки его казаки закричали: «Што на него смотреть? Прикажи повесить!» Но он, слыша, что оной сержант обещался ему служить, да и показался ему человек — молодой и что объявил, что он и писать умеет, а как у него был писарь только один Почиталин, то, сего ради, говорил он, Емелька: «Добро, господа казацкое войско, я его прощаю, пусть ево и мне, и вам служить станет». Почему вешать его и не велел, а остался [он] в команде Почиталина писарем.

После того как повешены [были] вышеозначенные одиннатцать человек за речкою Чеганом, того же утра пошел он со всею своею воровскою артелью, кою уже набралось сот до пяти, и все яицкие казаки, опять к Яицкому городку³⁰⁹. И как (л. 293) подошли на пушечный выстрел, то вышедшая из города команда стала по его сволочи стрелять ис пушек, но однакож из его толпы ни одного не ранили, да и ядры, как ниско опущены были пушки, до них не доходили. Он, Пугачов, простоя на том месте с час и видя, что к городку под пушки подойти невозможно, то, по совету Андрея Овчинникова и Дмитрия Лысова, Шигаева, Витошнова, от города, не слезя с лошадей, поворотил со всею толпою прочь от городка, и пошли вверх по Яику.

И, отошед верст дватцать, остановился для корму лошадей. И потом собрал он круг, и в том кругу пожаловал он, Пугачев, злодейской своей толпы способников своих, во всех злых его делах бывших яицких казаков, а имянно: Ан-

* Пакеты.

дря Овчинникова — атаманом, Дмитрия Лысова — полковником, Андрея Витошнова — есаулом, и других, — а кого имянно, — не упомнит, — в разные казацкие (л. 293 об.) чины, то есть в сотники и хорунжия³¹⁰. И как он тех всех изменников теми чинами объявил, то они кланялись и целовали руку ево, Емелькину.

В то ж самое время показанного сержанта, которого он не повесил, спросил он, Емелька, умеет ли он написать присягу? И оной ему сказал: «Умею». То он, Емелька, сказал: «Подишь, напиши как водитца поварове»*. Оной сержант, доколе еще круг не розошелся, тот час написав, принес к нему. И он, Емелька, взяв присягу³¹¹, отдал Почиталину и велел громко, чтоб вся его сволочь слышала, прочесть, которой и читал. А как прочол, то все единогласно закричали: «Готовы тебе, надежа-государь, служить верою и правдою». В сей злодейской составленной мерской бумаге написано было, сколько помнит он, что называли его Петром Третьим и что тут же написано, (л. 294) что он жалует Яицкое войско, которые ему, Емельке, верно служить будут, рекой Яикой с верху до устья, рыбными ловлями и всеми морями и лугами. Эти последние слова написаны по прошению злодейской его шайки яицких казаков, ибо они его о том просили; где также по прозьбе ж их написано, что жалует он их вольностью, крестом и бородою.

После сего злаго совершения показанных Овчинникова и Лысова, как главных своих в сем зле сообщников, спросил он, Емелька: «Куда ж отсюда мы пойдем?» (о сем он спросил потому, что он нимало о сей дороге не ведал, равно и какие там города есть). И оные ему сказали: «Отсюда де пойдем мы чрез все фарпосты нашего Яицкого войска, кои де с нами согласны, и их всех поберем за собою, а не доходя до Илецкого городка, Овчинников в городок поедит один и наведаетца», примут ли (л. 294 об.) ево, Емельку, илецкие казаки. И Лысов сказал: «Как не принять!»

И потом пошел он со всею своею сволочью по берегу реки Яика, проходя все фарпосты без малейшаго супротивления, на коих фарпостах взяли они или, лутче сказать, фарпостные караульщики отдали, — три чюгунные пушки со всеми снарядами. Сколько тех фарпостов он прошел, и как те фарпосты назывались³¹², и кто имянно на тех фарпостах командиры были, — он, Емелька, не знает, а может о том

* Поварове — в значении: покрепче, поострее.

показать Овчинников*, ибо он, как выше сего показал, в тем местах никогда не бывывал.

Сколько помнитца ему, шли они до Илецкого городка трой сутки. И потом, не доходя Илецкого городка верст за семь, вся толпа остановилась³¹³, и он, Емелька, взяв от Почиталина два написанные злодейские возмутительные манифеста³¹⁴, отдал Овчинникову³¹⁵ с таким приказом, (л. 295) чтоб он, кали ево впустят в город, то б один его злодейской манифест отдал атаману Лазареву**³¹⁶, а другой — илецким казакам с тем, чтоб Лазарев тот манифест при собрании казаков прочол, а буде он читать не станет, то б прочли казаки сами. Оной Овчинников³¹⁷ с сими скверными бумагами поехал, взяв с собою казаков шесть человек. Овчинников поехал от него, Емельки, в Илецк уже вечером.

А поутру на другой день рано прислал Овчинников³¹⁸ к нему, Емельке, яицкого войска с тем, что-де Илецкое войско принять его, Емельку, желают и встретят-де его, Емельку, с хлебом и солью. И он, Емелька, услышав эти слова, тот час, собравшись со всею своею артелью, поехал в Илецк³¹⁹. И как подъехал он к городу, то встретили его за городом два попа³²⁰ в ризах со крестом, а казаки — 3 знаменами, кои, как он равнялся (л. 295 об.) против их, и уклоняли. Он, Емелька, а потом и вся его толпа спешились, и он, подошед ко кресту, приложился. А как приложился, то попы целовали его, Емелькину, руку. По входе в город пошел прямо в церковь и приказал петь за здоровье Петра Федоровича, зная он, Емелька, что он давно скончался, молебн, где попы молили за него бога, а в ектениях ли, или в чом другом, как он — человек безграмотной и устава церковного ничего не знает, — того сказать он не может, — только слышал он, што много рас пели: «Господи, помилуй». По отпении молебна, помянутой сержант отдал написанную Почиталиным изменническую присягу попу. Поп оную читал и после присягнул, а потом приводил илецких казаков к оной, но целовали ли крест и евангелие, — он не знает, потому что он, Емелька, по отпении молебна ис церкви скоро вышел³²¹.

По выходе (л. 296) ис церкви пошел он в дом Творогова

* Далее в скобках: Лысов.

** Так Е. И. Пугачев называет атамана Илецкого городка Л. И. Портнова.

Ивана³²², потому что тут ему Илецкое войско отвело квартиру, а прежде его не знал. По приходе к Творогову спросил он Овчинникова: «Где здешней атаман Лазарев?»* Овчинников ему сказал: «Я его арестовал». И он, Емелька, спросил: «За што?» И Овчинников говорил: «А вот за што арестовал: ваше величество приказали, чтоб посланной от вас манифест он прочол казакам, но он читать его не стал, а положил в карман. Он же-де разламать приказал чрез Яик мост и вырубил два звена, чтоб вам сюда с войском перейти было нельзя; а после хотел уже и бежать». И как скоро Овчинников сии речи окончал, то Творогов, Горшков³²³ и все — сколько ни было в избе у Творогова илецких казаков — все заговорили, что оной Лазарев великия им делал обиды и их раззорял³²⁴. Он, Емелька, выслушав все сии слова, Овчинникову сказал: «Прикажи его, Лазарева, кали он такой обитчик, повесить». (л. 296 об.) И после обеда, как пошел он, Емелька, за город, то в то самое время при нем, Емельке, того Лазарева на зделанной виселице помянутой же Иван Бурново и повесил³²⁵. Но он, Емелька, с Лазаревым ни одного слова не говорил и прежде его нигде никогда не видывал.

После сего в тот же день поехал он около всей крепости и, как объехал, то имевшийся на крепости пушки приказал снять и, выбрав годных три или четыре, велел под них зделать лафеты, ибо под ними оных не было, а валялись на земле. Потом забрал весь порох, — а сколько, — не помнит, — и свинец, и к тем взятым пушкам ядры. К оным и ко взятым на фарпосте пушкам командиром определил он казака Федора Чюмакова³²⁶. Оставшее после Лазарева имение все пограблено его сволочью, и имянно Зарубиным, а о других он скажет, а ему принесено денег триста рублей да ковш, два бешмета, кафтан и коноватная шуба, да кушак.

(л. 297) Побыв в Илецкой крепости две ночи, переправился за реку, и того ж дня пошел он со всею своею сволочью, х которой пристали илецкие казаки, как думает он, человек с триста, к Разсыпной крепости³²⁷. И отошед от Илецкой крепости, остановился и, остановясь, зделал круг. И в том кругу упомянутого илецкого казака Ивана Творогова объявил Илецкого войска полковником, казака

* Так Е. И. Пугачев называет атамана Илецкого городка Л. И. Портнова.

Максима Горшкова — секретарем, а есаулов, харунжих велел выбрать самому Творогову по своему усмотрению.

Как же он, Емелька, пошел из Илецкой крепости, то оную поручил эсаулу станишному³²⁸, — а как зовут, — не знает, только человек оной престарелой. И потом, накормя лошадей и распустя означенной круг, пошли под Рассыпную крепость. И как Овчинников с ево сволочью стал подходить к крепости, то из оной стреляли (л. 297 об.) небольшое дело из ружей. Но сволочь ево усилилась и, отбив в крепости ворота, вошла в оную³²⁹. Камендант той крепости³³⁰, — а какого чина и как ево звали, не знает, запершись в камендантском доме, из окошек отстреливался, и казаки хотели, было, зажечь его дом. Но, как он, Емелька, в крепость въехал, то жечь затем, чтоб не выжечь всей крепости, зажигать не велел, а приказал одного каменданта достать так. Казаки, кинувшись, выломали двери и одного каменданта и двух афицеров³³¹ взяли. И он, Емелька, за то, что он противился и заперся в доме с афицерами и что он и те афицеры ранили из ево сволочи двух казаков, велел оных каменданта и обоих афицеров повесить, которых тот час, выведя за крепость, и повесили при нем, Емельке. И потом, взяв в той крепости три чугунные пушки, пять боченков (л. 298) пороху и несколько ядер, ис крепости вышли. Салдат же, кои в крепости были, также и казаков, потому што оне им не противились, взяли с собою и причислили к своей злой шайке. А крепость поручили тутошной крепости жителю, — а как зовут, — не знает, — коего он назвал атаманом³³². Как оне подходили к крепости, то ис пушек по них не палили.

Потом от оной крепости пошли к Озерной крепости, но, не дошед, на дороге начевали. Куда прислали к нему оставшие в Илецком городке казаки казака³³³, как зовут, — не помнит, в том, что тот казак по уходе ево, Емельки, из Илецка послал с уведомлением о нем, Емельке, что он намерен итти в Оренбурх, сына своего³³⁴ к тамошнему губернатору³³⁵. В чем оной казак при допросе Твороговым (л. 298 об.) винулся, за что он, Емелька, приказал того казака повесить, что Творогов и исполнить и велел³³⁶. Как же пришел он с артелью своею к Озерной крепости, то стали из оной стрелять ис пушек, и продолжалась пальба часа з два. Но, напоследок, его сволочь, отбивши ворота, ворвалась³³⁷, где Давилин той крепости каменданта³³⁸ срубил до смерти³³⁹, да еще видел он, Емелька, одного убитого афицера³⁴⁰ и человек десять рядовых, но кем убиты, — не знает.

И потом, забравши оставших салдат, — а сколько числом, — не знает, — также пушек сколько, — не помнит, да пороху пять бочек и несколько ядер, пошли под Татищеву.

Как оне шли к Татищевой, то встречу шол его толпе бригадир Билов³⁴¹. Но, услышав, что толпа его, Емелькина, идет блиско, то он с пехотою и с казаками, и с пушками и двумя единорогами пошел назад к Татищевой (л. 299) крепости³⁴², а против толпы его оставил лежкую каманду, человек со ста, и одну пушку при дву афидерах. И как его толпа была больше, то афидер один приказал, было, стрелять, но его тотчас застрелили ис пищали, то салдаты, оробев, положили ружья³⁴³, а другаго афидера, коего называли Иваном Иванычем³⁴⁴, казаки схватили. И как афидера, так и салдат приказал он, Емелька, отвести в свой воровской стан.

После сего послал он Татищевской крепости с казаком, которого толпа его поймала бродящаго по полю пешаго, воровской свой манифест, чтоб здалась крепость³⁴⁵. А сам он с толпою к той крепости подходил так, что, хотя ис пушек и стреляли, но ядры уже вредить толпе его не могли, а переносило (л. 299 об.) черес³⁴⁶. Но как он еще приближаться зачал, то бывшие в той крепости оренбурхские казаки, человек с шесот, под камандою полковника Подурова³⁴⁷, верные войски, изменили, и оной Подуров с теми казаками пристал к его воровской артеле. И соединясь с оною, тут же пошли все пешие с ымевшимися у него пушками к крепости и, зажегши стоящее подле самой крепости сено, а потом взлезли казаки на стену, ту крепость при помощи пожара от сена овладели. И салдат ис крепости выгнали, коих было сот до пяти, и оные все, вышед ис крепости, положили ружья, коих он так, как и первых, отослал в свой злодейской стан.

Во время взятъя той крепости Почиталин, наехав на бригадира Билова, уже раненого, его срубил. В сие время побили толпы его казаки и афидеров³⁴⁸, но сколько, — (л. 300) не знает, а из ево толпы побито пять казаков: до смерти — три, да ранено два. И потом крепостью он, Емелька, завладел (упомянутой сержант³⁴⁹, которой писал присягу, найден в воде утоплен, но кем, не знает)*, а завладевши, саженьях в пятидесяти расположил свой злодейской стан. И потом стаскали с крепости, как помнитца ему, пушек с пять да два единорога, также небольшое дело пороху

* Слова, заключенные в скобки, в оригинале написаны на поле.

и ядер, сколько тут было. А крепость поручил живущим в той крепости казакам, приказав и каменданта в оной поставить ис казаков, кого они сами выберут³⁵⁰.

А того ж дня вечером оные оставшие в крепости казаки привели к нему, Емельке, пять человек салдат да каменданта Билова жену³⁵¹ с тем, что они хотели ис Татищевой бежать и дать весть в Оренбурхе, что он, Емелька, овладел крепостью. И по допросе Овчинников (л. 300 об.) лепортовал ево, Емельку, что оные салдаты и каменданша во всех винах винулись, и он, Емелька, велел их всех повесить, кои при Овчинникове и повешены.

Под Татищевую передневав³⁵², пошел он с толпою в Чернореченскую крепость, и пришли под оную без всякого супротивления³⁵³. Жители той крепости встретили, где оне и начевали. Как он был в Татищевой, то казаки взяли тут афицера³⁵⁴, которой и шол в его толпе, но, как он — житель Чернореченской крепости, то из его стана, как он под караулом держан не был, пошед в ту крепость, и людем своим, расхвастаясь, сказал: «Я-де сей ночью от злодея Емельки уйду и скажу в Оренбурхе, что он идет с толпою под Оренбурх». И сказавши о побеге своем тем людем, сам пошел опять в его, Емелькин, стан. И как он пришел, а люде ево, (л. 301) коим он сказывал о побеге, пришли к нему, Емельке, и о говоренных им оным их помещиком речах ему донесли, за что он оного афицера велел повесить, а люде отпустил.

Ис Черноречья пошел он, Емелька, с артелью своею под Каргалинскую татарскую слободу, где татары встретили его с честью³⁵⁵ и, пристав все, сколько их не было, к его шайке, были во все время его злодеяней безотлучны.

Потом пришел он в Сакмарской город, где живут яицкие казаки, которые их без всякого супротивления встретили и так же, как и каргалинцы, к нему пристали³⁵⁶ и были при нем, Емельке, безотлучны. И перешед по мосту чрез Сакмару-реку, остановились начевать, и вечером привели к нему объезжие казаки посланного с указами³⁵⁷, — а откуда имянно, — не помнит, — чтоб его, Емельку, (л. 301 об.) ловить как возможно везде. И он, Емелька, велел того салдата повесить, а указы изодрать.

На другой день бытности его в Сакмаре пришел к нему, Емельке, незнаемой человек³⁵⁸, у коего вырезаны ноздри, которого он спросил, что он за человек и откуда? И на то оной человек сказал: «Я-де оренбурхской ссыльной Хлопу-

ша и прислан к тебе от оренбурхского губернатора с тем, чтоб в толпе вашей людем отдать манифест³⁵⁹, коим повелено, чтоб от тебя народ отстал и пришел к ея величеству с повинною, да и тебя бы изловили». Также-де приказано ему, чтоб «у тебя сжечь порох и снаряды воинские, а пушки заклепать. Но я-де этого ничево делать не хочу, а желаю послужить вам верою и правдою». Причем и отдал ему, Емельке, манифест, а он отдал Почиталину. А потом он и Овчинников спрашивали (л. 302) Хлопушу: «Полно, ты подослан к нам подмечать, и ты, подметя все здесь, отсюда уйдешь». Причем стращали того Хлопушу: «Скажи правду, а то повесить прикажу». Хлопуша сказал, что он сказал уж всю правду. И потом велел отдать ево под караул. И Овчинников говорил ему, Емельке: «Воля твоя, — прикажи ево повесить: он, плут, уйдет и, што здесь увидит, тамо скажет, а притом и наших людей станет подговаривать». Емелька сказал: «Пусть ево бежит и скажит. В этом худова нет, а одним человеком армия пуста не будет». Подержав Хлопушу под караулом одне сутки, велел свободить, но приказал за ним крепко примечать, што он будет делать. И так Хлопуша у него в сволоче и остался, и доносу на него никакого не (л. 302 об.) было³⁶⁰.

Ис-под Сакмары пришел он с толпою под Оренбурх и, прошед оной мимо версты три, остановился в лугах. Как он пришел с своею шайкою под Оренбурх, то у него той шайки, по его тогда исчислению, а имянно: яицких казаков — пять сот, илецких — триста, Разсыпной крепости — сорок, из Озерной — сто, лехкой каманды, коя под Татищевую здалася, — сто, оренбурхских и других казаков и калмыков в каманде полковника Подурова — шесть сот, ис Татищевой салдат же здалося — триста, каргалинских татар — пять сот, сакмарских — человек з дватцать, и пушек дватцать, в том числе два единорога, пороху, — сколько помнитца ему, — было бочек до десяти³⁶¹.

По приходе под Оренбурх, того ж дня, по совету Овчинникова и, одним словом, всех яицких казаков и каргалинских татар, послал он, Емелька, (л. 303) для подговору в его злодейскую толпу с манифестами злодейскими двух человек, а имянно: в русские селения — помянутого Хлопушу³⁶², а в Башкирию — каргалинского татарина, — кто таков, — не знает, — потому што он тот злодейской манифест отдал каргалинскому старшине Мусалею³⁶³, которой и послал от

себя. Те манифесты писаны были по-русски Почиталиным, а по-татарски — Идоркиным сыном Балтаем.

Как же оне еще с злодейскою толпою шли под Оренбурх, то на походе будучи, послал он, Емелька, с казаком Иваном Солодовниковым³⁶⁴ такой же злодейской манифест, чтоб Оренбурх ему здался³⁶⁵, которой, подъехав под самой город, ущемя в колышок ту скверную бумагу, воткнул в землю, а сам ускакал к нему в толпу. Как же оную мерскую бумагу в город ввезли, то, читали ль ее войскам верным, — он не знает, только (л. 303 об.) тот же час стали в его толпу стрелять ис пушек.

Как он пробыл под городом трои сутки, то пришел в его толпу башкирец Емансарай³⁶⁶ и привел с собою башкирцов пять сот человек. Чрез сутки после сего пришел еще старшина башкирской Кинжа³⁶⁷ и привел с собою также пять сот человек.

В сие время с выходящими из города войсками были небольшие сшипки, но только большего убивства с обеих сторон не было. Во все время бытия ево под Оренбурхом было, сколько он припомнит, сшибок с верными войсками с сорок, но так же почти ни с чем разошлись, и сколько побито верных войск, — не знает, но с его стороны злодеев побито человек з двести. Да и поймал он посыльных из Оренбурха для уговаривания его злодейской толпы, чтоб она отстала от него, злодея, казаков двух человек, повесил. Также и из его толпы бежали, было, бывшие у него в толпе (л. 304) салдаты, кои были в каманде взятого под Татищевую афицера, восемь человек в Оренбурх, которых однакож на дороге казаки схватили, и он, Емелька, велел их всех повесить.

В время ж бытности его толпы в сем месте пришло к нему с Яику под камандою казака Серебрецова³⁶⁸ сто человек, и привез к нему старшину Копеечкина³⁶⁹ связанного, которому он, Емелька, за то, что он ездил ево ловить, и что воровской его толпы яицкие ж казаки Овчинников и почти все принесли на него жалобу, что он их разорял, велел он, Емелька, отсечь голову, коему и отсекли. Оной же Серебрецов сказывал ему, что он послан был с помянутыми казаки из Яицкого войска под камандою оного Копеечкина для сыску и поимки его, Емельки.

После сего поделал он, Емелька, ботареи³⁷⁰ и навес пушки, ис коих и стреляли по городу без малаго (л. 304 об.)

двои сутки, а равно и по его толпе стреляли с крепости³⁷¹. Но крепости он одолеть не мог, и в крепость влесть было невозможно, почему он с толпою от крепости отступил и пришел в Бердынскую слободу³⁷². Злодейскою его артиллерию под Оренбургом управлял, под командою Чюмакова, взятой в Татищевой салдат Калмыков³⁷³, которой починивал и пушки, и мартиры.

По отходе ево с толпою хлеб и скот возили к нему из лежащих по Яику крепостей, мимо коих он шел, а от Сакмары и до Оренбурха и несколько времени под Оренбургом давали ево толпе пропитание каргалинские татары и сакмарские жители, а жалованья ни по полушки никому до сего времени не давал.

Как он с толпою стоял под Оренбургом, то от киргисца Аблая³⁷⁴ гнаты были в Оренбурх 300 лошадей, 100 быков, 3000 овец для продажи, кое все он побрал. А как (л. 305) он спросил киргисцов, сколько им за все то надобно денег, то киргисцы сказали, што «нам денег не надобно, а дайте таваров». Он, Емелька, и сказал: «Таваров таперь нет, а подождите». Оные киргисцы, коих было семдесят человек, остались при нем и служили во все время злодейств его при нем.

По приходе в Берду пришел к нему черемишской старшина Мендей³⁷⁵ и привел с собою в его злодейскую толпу с 500 человек. А после ево пришел тут же башкирской старшина Альвей³⁷⁶ и привел башкирцов до шести сот человек. Тут же пришел ставропольских калмыков старшина Федор Иванов сын Дербетев³⁷⁷ и привел с собою калмыков триста человек. Эти все старшины во все время его злодейств при нем были неотлучны и с людьми.

В бытность ево в Берде как с неделю (л. 305 об.) времени приехал к нему, Емельке, ис Чернореченской крепости казак³⁷⁸, — а как зовут, — не помнит, — как лет семнатцати, — и сказал в его злодейской толпе, что-де мимо Чернореченской крепости прошел полковник Чернышов³⁷⁹ с командою, и пробираетца-де в Оренбурх, — оная крепость от Берды, например, верстах в пятнатцати. По словам сего казака, он, Емелька, весьма скоро собрал своей толпы тысяч до двух, да две пушки, поехал навстречю того Чернышова и, не допуская его до Оренбурха не больше как версты четыре, оного Чернышева с камандою перехватил, и стал его атаковать. И не больше как выпалили из его толпы ис дву, а из Чернышовой каманды — из четырех пушек, оного Черны-

шова конница ево, Емельки, задавила, ибо салдаты выпалили не больше как по одному разу. А Чернышов взят был в сером (л. 306) кафтане, сидящей на козлах. Салдаты тот час положили ружье, а афицеры взяты, коих было и с Чернышовым тритцать три человека. И из них как афицеров, так и рядовых ни одного не убито, ни ранено не было³⁸⁰.

Как же афицеров и все оружие и аммуницию привезли в Берду и афицеров посадили под караул. Между тем Давилин-казак шол мимо одной повоски и узнал сидящего на оной вместо извосчика человека, непохожаго на мужика простаго, — а паче по рукам признал, что оне не рабочие, — подошед, спросил того извосчика, что он за человек? На что оной сказал: «Я-де извосчик». И оной Давилин спросил стоящих тогда около телеги салдат: «Скажите, салдаты, правду, что это за человек?» И салдаты, сколько тут их было, сказали: «Это-ста наш полковник Чернышов». Коего тот час и взяли под караул.

(л. 306 об.) И того ж дня, призвав Чернышова и афицеров перед себя, говорил им он, Емелька: «Для чево осмелились вооружаться против меня? Вить вы знаете, што я — ваш государь. Ин на салдат нельзя пенять, что оне простые люди, а вы — афицеры и легуру* знаете. А ты, — Чернышову сказал, — еще не бещива** полковник, да нарядился мужиком. А кабы ты был в порятке, то б можно тебе попасть было в Оренбурх. Вить у тебя была пехота. И за то я тебя и всех вас велю повесить, чтоб вы знали свово государя». И, выговоря оные слова, сказал Овчинникову: «Вели их перевешать». Которой тот же час всех тритцать три человека и велел повесить, кои и повешены³⁸¹ при его, Емелькиных, глазах. Оные афицеры ни один, чтоб их избавить от смерти, не просил.

В тот же день прибежал к нему, Емельке, с поставленной (л. 307) около Берды заставы яицкой казак³⁸², — а как зовут, — не знает, — и сказал ему, што-де «идет от Озерной крепости генерал Корф³⁸³ с камандою, и пробираетца-де к Оренбурху». Он, Емелька, услышав о сем, закричал: «Казак, на кони!» И тот час тысяч до двух толпы его собрались и

* Легура — искаженное слово; правильно: регламент (воинский устав, наставление и т. п.).

** Не бещива — простонародное выражение, означающее: без каких-либо оснований, без заслуг; будучи адресовано Чернышеву, бывшему камер-лакею, получившему высокий офицерский чин по протекции, это выражение подчеркивало его некомпетентность в военном деле.

поскакали, но догнать ево не могли, што он убрался в город, ибо он шол по берегу реки Яика³⁸⁴. И потом возвратилась его толпа в Берду.

А как возвратился, то приехал к нему сын киргис-кайсацкого Дусали-салтана³⁸⁵ сын салтан³⁸⁶ и при нем семь человек киргисцов. И как оне пришли к нему, то он татарину, показанному Идорке, велел спросить, что оне за люди, откуда и зачем к нему пришли? Оной Идорка с ними говорил и потом сказал ему, Емельке, што-де «Дусали-салтан прислал одного своего сына к нему (л. 307 об.) послужить». И он велел ему сказать: «Благодарю салтана. Пусть он при мне будет». И притом дал ему, салтану, пятьдесят рублей, да одному при нем приближонному кафтан красной, и каждому киргисцу по двенатцати рублей.

Как скоро он, Емелька, в Берду пришол, то всякой день почти умножалась его толпа кучами — из разных селеней русские мужики, боярские люди, из заводов заводские работники и приписные крестьяна. Но сколько оных было, — то не только он, но думает, что и Овчинников не знал.

Коль скоро пришол он в Берду, то приказал он Овчинникову, чтоб завести для письменных дел Военную коллегию³⁸⁷ и в оной судьями посадить: Андрея Витошнова, Максима Шигаева, Ивана Творогова, Данилу Скобычкина³⁸⁸ (и сей Скобычкин — яицкой же казак). Из оных только грамотей (л. 308) был Творогов, а те безграмотные. Секретарями посадил Ивана Почиталина и велел писатца дяком, а Максиму Горшкову велел писатца секлетарем; повытчика Супонева³⁸⁹, — имени его не знает, — из яицких же казаков.

По учреждении сего злодейского сонмища пришол к Овчинникову незнаемо откудава приезжей мужик и сказал: «К Сакмаре-де идет енарал Кар³⁹⁰ с камандою»³⁹¹. И Овчинников спросил: «Велика ли каманда?» Мужик сказал: «Не добре-де велика, однако, таки и не мала ж». О сем как лепортовал ево, Емельку, Овчинников, то он приказал ему, Овчинникову, взяв с собою пятсот человек казаков, четыре пушки и два единорога, итти навстречю Кара, чтоб ево до Оренбурха не допустить, куда он и поехал³⁹², а он, Емелька, остался в Берде. Чрез четыре дня возвратился Овчинников, (л. 308 об.) приехал в Берду и, явясь к нему, сказывал: «Генерала-де Кара встретил и прогнал, и в Оренбурх не пропустил таким образом: как он наехал на передовых каровых гранодер³⁹³, кои-де сидели по возам, и ударил, то-де грано-

деры, было, скоча с возов, стали хвататца за ружья», но ево казаки окружили возы, то гранодеры бросили ружье, коих он, Овчинников, також и четырех афицеров взял, и из них гранодеров и дву афицеров³⁹⁴ привез в Берду, а другие-де два афицера истреблены³⁹⁵. Как же-де он сих афицеров и гранодер взял, то пошел навстречю х Кару, которого нашли идущаго с камандою верстах от передовых гранодер в шести, где встретился с ним Овчинников и помянутой ссыльной Хлопуша с камандою, человеках в пяти стах, и на оного Кара кинулись. Кар, отстреливаясь пушками, повел каманду назад³⁹⁶. И он, Емелька, спросил: «Да для чего ж вы ево (л. 309) упустили?» И Овчинников сказал, что-де «не доста-ло у нас картузов»*.

Потом он, Емелька, позвал к себе помянутого афицера³⁹⁷, которой взят под Татищевую, також и приведенных каровой каманды афицеров, ис коих Овчинников сказал, что один — Шванович³⁹⁸, а о другом сказал же, но таперь не помнит; и оному первому афицеру приказал Шваныча и другога афицера взять к себе, також и гранодер причислить к своей каманде, и им, обоим афицерам, велел называться: одному — атаманом³⁹⁹, а Швановичю — есаулом.

После сего, увидя в тот же день Хлопушу, и поблагодарил ево, што он ему верен и што присылал ему в Берду правиант, порох и деньги, и потом спросил Хлопушу, сколько у него каманды? Хлопуша сказал: «Пять сот человек и три пушки». Емелька спросил: «Где взял людей?» Оной сказал: «На Завьяновских заводах⁴⁰⁰, а иные-де пришли из других жительство». Он, (л. 309 об.) Емелька, спросил: «Порох, пушки, и правиант, и деньги, кои ко мне присылал, — где брал?» И Хлопуша сказал: «Это все брано им было на заводах, а правиант возили из разных мест», куда он посылал от себя каманды. И как он все пересказал, то он, Емелька, сказал тому Хлопуше: «Будь же ты полковник!»⁴⁰¹

В то же время пришел к нему бежавший из Оренбурха мужик русской, — но, чей и как зовут, — не знает, — сказал ему, Емельке, што из Оренбурха пошла в Озерную⁴⁰² казацкая исецкая каманда в шести стах человеках и засела в редуте⁴⁰³. И он, Емелька, взяв с собою яицких и оренбурхских казаков пять сот человек и одну пушку, и один единорог⁴⁰⁴, пошел к помянутому редуту. И на другие сутки пришли туда и уговаривали казаков, чтоб здались. Казаки, бежавшие

* Картуз — шерстяной мешок с зарядом пороха для пушки.

из редута, сказывали ему, што-де (л. 310) «мы тебе служить ради, да нас не пускают старшины наши». И он, Емелька, пошед с своими казаками, в редут вломились⁴⁰⁵, потому што казаки не стреляли и, вломясь в редут, взяв атамана Протопопова и еще двух старшин, — а как зовут, — не знает, — за то, што оне ему противились и казаков к нему не пускали, и што один исецкой казак — Балдин⁴⁰⁶ на оных старшин жаловался, что оне брата ево сослали в сылку, повесил при себе⁴⁰⁷. И потом оному Балдину велел быть над оною исецкою камандою полковником.

Из оного ж редута пошел он, Емелька, со всею своею толпою к Озерной крепости затем, что по уведомлению исецких казаков, узнал он, что там довольно правианта и пороху, а к тому ж, (л. 310 об.) как выше он показал, посланной в ту крепость из Берды Хлопуша назад не возвратился⁴⁰⁸. И как он пошел к Озерной, то а дороге сведал, что Хлопуша от Озерной отступил и стоит в одной нагайской деревне⁴⁰⁹, то послал за оным, чтоб он пришел с камандою к нему, которой тот час и пришел, ибо сие было от него не больше, как верстах в семи. И он, Емелька, соединясь с Хлопушей, пошли под крепость, но сколько с своею толпою ни заботился, чтоб оною овладеть, но отойтить принужден ни с чем, где у него ж убили трех да ранили двух казаков⁴¹⁰.

И как отошел и зашел в нагайскую деревню, где живут татары, которые сказали ему, што-де пробираетца в Оренбурх легулярная каманда, и при них есть и исецкие казаки, и эта-де (л. 311) каманда идет в Ильинскую крепость⁴¹¹. Услыша он, Емелька, со всею своею воровскою шайкою пошел в Ильинскую крепость. И по приходе верные войски, хотя и крепко оборонялись, но, по превосходству их толпы, воровался он в крепость⁴¹², где нашол он много афицеров и салдат побито, но сколько, — не знает, только видел он живых дву афицеров, одного раненого⁴¹³ и другаго больнаго⁴¹⁴, коих и оставил в крепости, а оставших после драки здоровых салдат, — сколько числом, — не помнит, — взял к себе и причислил к своей толпе. Из Ильинской пошел он в помянутую нагайскую деревню и, по приезде, оставя в оной Творогова над своею пятисотною камандою, а Хлопуша — при своей каманде, взяв с собою только восемь (л. 311 об.) человек яицких казаков, поехал в Берду, а оным Творогову и Хлопуше приказал, чтоб оне с командою шли, не торопясь, туда ж⁴¹⁵.

По приезде ево чрез несколько дней пришла из Ильин-

ской крепости команда, и он, Емелька, взятых в Ильинской крепости солдат отдал в команду реченному афицеру⁴¹⁶. Потом помянутой афицер Шванович ходил к нему почасту, и он, Емелька, в одно время, и имянно в Рождество Христово*, увидя Шваныча, спросил, откуда он? И оной ему сказал: «Я-де ис Петербурха, и меня-де государыня Елисавет Петровна крестила». Он, Емелька, зжалился по нем и, видя, что на нем кафтан худ, дал ему шубу и шапку, и потом спросил его: «Умеешь ли ты по-немецки?» Шванович сказал: «Умею». И он, Емелька, дав ему бумаги лоскут, велел написать по-немецки, и Шванович, написав, показал ему, Емельке. (л. 312) Он, взяв бумагу⁴¹⁷, хотя и ничево не смыслит, однакож дал знать, что он будто читал, и потом сказал: «Хорошо пишишь. Как будь же ты в Военной моей коллегии. Как там што по-иностранны случитца писать, так пиши». И потом говорил же он: «Ну, Шванович, напиши по-немецки к оренбургскому губернатору, чтоб он принял меня в город с щестию и драться б перестал». Шваныч письмо написал⁴¹⁸. Он, посмотря его, сказал: «Хорошо». И тот час то письмо отдал казаку Ивану Солодовникову⁴¹⁹ и приказал отвести оное в город⁴²⁰. Солодовников, взяв письмо, повез и потом, возвратясь назад, сказал ему, што письмо, подвесши к городу и привязав к палке, воткнув в снег, поехал. А как отъехал, то видел он, что высланной из города казак то письмо взял и поскакал в город. Но он, Емелька, на то письмо из города в ответ ничего не получил.

(л. 312 об.) После сего пришли к нему, Емельке, Овчинников, Лысов, Шигаев, Витошнов и другие⁴²¹, — только, кто имянно, — не помнит, — и говорили ему, Емельке: «Надобно-де послать на нижней Стапалинской фарпост⁴²² Михайлу Толкачева⁴²³ с манифестом, чтоб он, начав от одного фарпоста, до самого городка⁴²⁴ брал везде всех казаков, а к Дусали-салтану⁴²⁵ — яицкого казака татарина Тангайча⁴²⁶ также с манифестом, чтоб он дал вам помощь человек хотя двести. А как Толкачев наберет казаков, а Тангайч приведет киргисцев, ибо Дусали-салтан кочевал тогда от одного фарпоста и Яицкого города неподалеку, то б они и ударили на Яицкий город». По коим показанного Овчинникова с товарищи речам два злодейския манифеста Почиталин по-русски, а Болтай по-татарски и написали, и отдали: русской — Толкачову⁴²⁷, а татарской — Тангайчу⁴²⁸.

* Рождество Христово — 25 декабря.

И с вышесказанным обоим приказом они оба вместе и поехали.

После отъезда Толкачева спустя неделю или больше, не помнит, приехал к нему, Емельке, в Берду яицкой казак Афанасей (л. 313) Перфильев⁴²⁹ (о коем ему в тот же самой день Овчинников репортовал, что оной Перфильев был в Петербурге и приехал в Берду), коего он спросил: «Был ты на Яике?» Оной сказал, что был⁴³⁰. И Емелька спросил: «Зачем жа сюда приехал?» И оной Перфильев сказал, что «я-де приехал служить вашему величеству». И он, Емелька, сказал: «Хорошо, служи»⁴³¹.

А потом, на другой день, оной Перфильев паки к нему пришел. И он, Емелька, увидя ево, спросил: «Што скажешь, Перфильев?» И оной Перфильев, поклонясь ему, при многих казаках говорил: «Виноват я перед вами, что вчерась вам правды не сказал, и от вас утаил»⁴³². И он, Емелька, сказал: «Бог простит, кали винишься; но скажи, што ты от меня утаил?» И Перфильев говорил: «Я вить был в Петербурхе, и меня оттуда послала на Яик государыня и велела все Яицкое войско (л. 313 об.) уговаривать, чтоб оно от тебя отстало и пришло б с повинною к ея величеству, и тебя б, связав, привели в Петербурх»⁴³³. Я-де с тем и на Яик ездил и об оном Симонову⁴³⁴ рассказал, и Симонов-де меня сюда, а товарища моего⁴³⁵, которой со мною ис Питера ж приехал, к Толкачеву⁴³⁶ послал уговаривать казаков. Но я-де этого, так и товарищ мой, творить не хотим, а хочим служить вам верно». И он, Емелька, спросил: «Да што ш народ-ат про меня говорит?» И оной Перфильев сказал: «Народ-де ничево не знает, а только-де бояра меж себя шушукают. А збираютца-де оне, да и государыня-та ехать за море». И он, Емелька, усмехнувшись, зная, что он лжот, говорил: «Ну-де, бояра таковские, пускай едут, а государыне-та зачем за море ехать? Я небось не помню ее грубость. Пусть бы она пошла в монастырь»⁴³⁷. И потом он, Емелька, спросил: «А Павел Петрович⁴³⁸ (л. 314) каков?» И оной Перфильев сказал: «Хорош и велик, да он-де уже и обручон». И он, Емелька, спросил: «На ком?» И Перфильев сказал: «На какой-та из немецкой земли пренцесе, и зовут ее Наталья Алексеевна»⁴³⁹. И потом оного Перфильева за добрыя вести напоил до пьяна, дал ему кармазинной кафтан и своего сераго коня.

После сего на другой день поехал он, Емелька, взяв своей толпы тысячи з две, в том числе и Перфильева, подъ-

ехал под Оренбурх для того только, чтоб его, Перфильева, увидели бывшие в Оренбурхе яицкие казаки, также послушать и тово, што будет говорить, увидевши яицких казаков. И как он с толпою под Оренбурх дале пушечнова выстрела подъехал, то выехали и под пушками стали яицкие казаки, коих увидя лишь Перфильев, то и закричал: «Что, угадаите ль вы, казаки, меня, — кто я?» На что казаки сказали: (л. 314 об.) «Мы видим, што ты — казак, но, кто ты таков, — не знаем». И Перфильев весьма громко при всей его сволочи кричал: «Я — Перфильев, которой был в Петербурге и прислан оттуда к вам от Павла Петровича с тем, чтоб вы шли и служили его величеству Петру Федоровичу». И казаки несколько как усумнились и потом говорили: «Кали ты подлинно прислан с естим от Павла Петровича, так покажи нам руки его хотя одну строчку, так мы тот час все пойдем». И на то Перфильев сказал: «На што вам строчка? Я сам все письмо»⁴⁴⁰. И потом, не имев никакой сшибки, поехал он с своею сволочью в Берду.

После сего вскоре прислан к нему, Емельке, из Яицкаго городка от помянутого Толкачева лепорт, что он городок Яицкой взял с яицкими казаками⁴⁴¹, потому что бывшие в том городке казаки не противились, а противился (л. 315) один старшина⁴⁴², коего он и истребил: «камендант же Симанов ушол в город⁴⁴³, а у меня каманда невелика, а Дусали-салтан киргисцов ни одного человека не дал». И тем лепортом просил, чтоб прислать к нему еще каманду и пушек. По тому репорту послал он в Яицкой город Овчинникова и с ним три пушки и единорог, да казаков пятьдесят человек⁴⁴⁴. А после оног Овчинникова, спустя три дни и он, Емелька, туда ж с восьмью человеками казаков поехал⁴⁴⁵. А в Берде над всею толпою главным оставил Максима Шигаева и Дмитрия Лысова.

По приезде в Яик велел зделать батарею, и потом против яицкой батареи, с которой по его толпе стреляли, хотелось ему оную подорвать, и для того приказал он рыть мину, которую и вырыли⁴⁴⁶. Но как оную взорвало, то увидел он, што та мина ведена была вместо (л. 315 об.) батареи в пустой погреб, почему вся работа и пропала втуне⁴⁴⁷. Яицкие казаки уверили его, што вся пороховая казна в кремле лежит под колокольнею⁴⁴⁸, которая служила и вместо батареи, и што пушки много его толпу с той колокольни шкотили, то и приказал и пот ту колокольню весть мину⁴⁴⁹. И приказавши, сам поехал в Берду, а работу поручил отстав-

ному служивому⁴⁵⁰, которой жил у Толкачова, а Овчинникова послал в город Гурьев для взятия тамо пороху⁴⁵¹.

По приезде ево в Берду послал он, Емелька, Зарубина, Илью Ульянова⁴⁵², Якова Антипова⁴⁵³ на Воскресенской Твердышова железной завод для литья пушек⁴⁵⁴. В то ж время послал он казака Дмитрия Лысова с командою по реке Самаре в лежащая тамо крепости, даже до Бузалака, для взятия в тех крепостях пушек и пороху⁴⁵⁵.

А сам, побыв дня с три в Берде, поехал паки в Яицкой городок⁴⁵⁶. По приезде в Яик Овчинников сказал, (л. 316) что-де «я в Гурьев городок ездил», и старшинской-де стороны казаки (то есть послушной) не пустили, было, ево в город, но войсковой стороны, кои в том же городке были, казаки однако ево впустили⁴⁵⁷, и противных казаков, кои, было, заперлись в кремле, он взял, и из них двух или трех человек, в том числе и атамана⁴⁵⁸, повесил, а достальных взял в свою толпу; пороху ж взял тамо шездесят пуд⁴⁵⁹.

В ту его в Яицком городке бытность бывшие с ним в том городке толпы его главные способники Авчинников, Никита Каргин⁴⁶⁰, Семен Коновалов⁴⁶¹, Денис Пьяной⁴⁶², Михайла Толкачов говорили ему, чтоб он, Емелька, женился⁴⁶³ казака Петра Михайлова сына Кузнецова⁴⁶⁴ на дочери девке Устинье⁴⁶⁵: «она-де девка изрядная и постоянная». И он, Емелька, говорил, что ему женитца еще время не пришло. И оные сваты ему говорили ж: «Ты-де как женишься, так-де войско Яицкое все к тебе прилежно будет». И он, (л. 316 об.) Емелька, без дальнего размышления, што у него уже, как и выше показал, жена Софья Дмитриева⁴⁶⁶ есть, так и дети, женитца и от оной живой жены (которая и взята им в Казане с сыном)⁴⁶⁷, согласился. И сватам, утая однакож о этой жене, сказал, что только б та его невеста пошла за него волею. Сваты сказали, што она такому благополучию рада⁴⁶⁸. И потом, на другой день, он на той девке женился⁴⁶⁹, и венчали его в яицкой церкви⁴⁷⁰ именем не Емелькиным, а государем покойным Петром Федоровичем; да и Устинью в церкви поп⁴⁷¹ поминал императрицай.

Женившись, пожив в Яике с неделю, оставя новую жену, поехал в Берду⁴⁷². Однакож до отъезду его в Берду за день приехал к нему помянутой Перфильев и сказал, что в Берду приходили верные войски, и было с твоею сволочью сражение, «на котором твоя толпа взяла у верных войск тринадцать пушек, два ящика з зарядами, и верное войско (л. 317) прогнано в Оренбурх»⁴⁷³, а сею-де толпою командовали

Шигаев и Лысов. По приезде в Берду оные Шигаев и Лысов сказанные Перфильевым речи подтвердили.

В ту же его в Берде бытность пришел к нему, Емельке, живущей поблизости Берды крестьянин, — а как зовут, — не знает, жаловался ему, что команды Лысова казаки приезжали к помещику его, да и к другим помещикам в деревни, и помещиков, на которых от крестьян и жалоб не было, несмотря на крестьянские прозбы, чтоб оных не убивать, вешали, пожитки помещичьи и их грабили, да и самых крестьян сажали в воду, ис коих один — этот, которой спасся бегом, и ему приносил жалобу. И об оном спрашивал он казаков, которые сказали, что крестьянин говорил правду, а притом и казаки многие на него, Лысова, в побоях безвинно приносили жалобу⁴⁷⁴. За что оного (л. 317 об.) Лысова Шигаеву приказал он, Емелька, повесить, которой того ж дня и повешен⁴⁷⁵.

Быв после сего в Берде один день, поехал он, Емелька, в Яик и по приезде упомянутую колокольню в Яицком городке подведенною миною повалил⁴⁷⁶ и пушки, бывшие на ней, завалил, а пороховая казна, уведав в кремле о той подводимой mine, вынесена ис-под колокольни в другое место⁴⁷⁷. Потом в городке зделал он, Емелька, круг⁴⁷⁸, в коем казаки по своей воле выбрали в атаманы Никиту Каргу, в есаулы — Андрея Легошина⁴⁷⁹, судьей — помянутого Афанасья Перфильева⁴⁸⁰. И потом, взяв с собою сволочи яицкой пять сот человек и, оставя Устинью на Яике, в доме отца ее, поехал в Берду⁴⁸¹.

По приезде в Берду Шигаев и Горшков сказали ему, что-де салдат⁴⁸², — имени его не знает, — на афицеров двух, имянно: на Ивана Иваныча, которой взят ис каровой (л. 318) команды⁴⁸³, и на другога, которой взят под Татищевую⁴⁸⁴, хотели, когда вывезены будут пушки против верных войск, то тогда оне те пушки заклепают; а как оные заклепаны будут, то верные войски всю их толпу разобьют⁴⁸⁵. О чем он, Емелька, и сам тех афицеров спрашивал, и они в том повинились, за что он обоих их велел повесить, кои того ж дня и повешены. В оное ж время повесил он, Емелька, взятую при гранодерах каровой команды девку, которая, живши у него на квартире, волочилась с конюхами и потом украла у него подсвешник серебряной.

Уведомлен он был от обывателей деревни Пронькиной, что идет неподалеку от оной генерал князь Галицын⁴⁸⁶, то Овчинников послал навстречу в ту деревню казака Речки-

на⁴⁸⁷ с камандою, а за ним — крестьянин Арапов⁴⁸⁸ и калмык Дербетев⁴⁸⁹. А за оными и он, (л. 318 об.) взяв с собою десять пушек и пять сот казаков, пошел в Сорочинскую крепость (которая была занята его воровскою шайкою)⁴⁹⁰. И как он стал подъезжать в крепость, и тут нашол он повешенных Речкиным салдат каманды князя Голицына три человека, о коих сказали ему, што они пойманы с правиянтом, за что он Речкина и бранил, што безвинно повесил. И потом, тою ж ночью, ходил, он в Пронькину деревню со всею своею толпою и показанных Арапова и Речкина толпою ж, но верным войскам никакого вреда зделать оне не могли⁴⁹¹, кроме что ранили одного афицера⁴⁹².

После сего, оставя он в Сорочинской крепости пришедшую с ним из Берды толпу, пошол он, Емелька, один в Берду⁴⁹³, а Овчинникову приказал остатся в Сорочинской крепости и смотреть: буде князь Галицын сам с камандою верных войск придет в Пронькину деревню, то б он со всею толпою, (л. 319) коей было с лишком две тысячи, оставя Сорочинскую крепость, убирался в Илецкую крепость, ибо он, Емелька, не знал, куда князь Галицын пойдет, на Яки, или в Оренбурх.

Между тем прислал к нему, Емельке, с Воскресенского Твердышова завода (куда отправлены от него были Зарубин и Ульянов) казак Антипов вылитые на том заводе два единорога и три секретныя пушки⁴⁹⁴. А Зарубин и Ульянов, набрав на тех заводах и около оных з жительство, також и сошедшихся из разных селеней сволочи злодейской, пошли под Уфу⁴⁹⁵. А пошед, прислал к нему, Емельке, репорт, што у нево этой злодейской сволочи набралось до пятнатцати тысяч, под коим репортом и подписался, назвав себя графом Иваном Чернышевым. Он, Емелька, будучи тем (л. 319 об.) ево, што он набрал столько к себе в шайку разбойников, доволен, назвал того Зарубина полковником и велел ему писатца графом Чернышовым⁴⁹⁶.

После сего оной злодей Зарубин прислал к нему, Емельке, помянутого Ульянова для взятъя пороху, которому он и дал одну бочку, приказывая при том, чтоб оне с Зарубиным старались взять Уфу, — а кали возьмут, то «будь ты, Ульянов, — полковник»; куда оной Ульянов и поехал обратно⁴⁹⁷.

В одно время, будучи в Берде в его злодейской избе, яйцкой казак Давилин, которой при нем, Емельке, всегда был безотлучен, и называл его он и вся толпа дежурным, как дожидались князя Голицына, говорил: «А вот, — назвав

Емельку «батюшка», — как мы Оренбурх возьмем и князя Голицына разобьем, то пойдем в Москву. А как придем в Москву, тогда куда-та денутца бояра и государыня?» И он, Емелька, говорил: (л. 320) «Как, куда бояра денутца, кали Москву возьмем? То вестима, што бояры-та разбегутца, а государыня-та в монастырь пойдет»⁴⁹⁸.

После сего Овчинников прислал к нему письмо, што-де князь Голицын идет к Оренбурху⁴⁹⁹, то он ис толпы своей взял яицких, оренбургских казаков и всех бывших в его толпе салдат, коих у него было человек до тысячи, а всей сволочи взял он с собою с небольшим три тысячи, да дватцать пушек, пошел в Татищеву крепость⁵⁰⁰, куда и Овчинникову и Арапову велел из Илека притти, что они и исполнили, и привели с собою в Татищеву з две тысячи человек и десять пушек⁵⁰¹. По приходе к Татищевой оную крепость завалили вместо стен снегом, а на снегу поставили пушки⁵⁰². При пушках же, как разставляли, был он, Емелька, сам. А приставлены были к оным для заряду и пальбы взятые из верных войск кананеры и салдаты. И потом, как разъезжая, казаки (л. 320 об.) увидели идущую верных войск каманду, то все вобрались за показанной из снегу вал, ибо в той крепости никакой огорожи не было. И он, Емелька, дожидал приближения войск х крепости, схороня всех людей от князя Галицына⁵⁰³.

Увидели они едущих трех чюгуевских казаков⁵⁰⁴, кои и подъехали х крепости. Казак Арапов выслал ис крепости бабу, которой приказал, что, как ее казаки спросят, есть ли кто в крепости, то б она сказала, что злодеи были, да уехали; што баба и исполнила. Как чюгуевские ее спросили, нет ли кого в крепости, то она сказала: «Были-де злодеи, да уехали». И оные казаки тот час взбежали в крепость. А как взбежали, то на тот час только у того места, где казаки въехали, никого, кроме ево, Емельки, не случилось, то он с Овчинниковым и кинулись на чюгуевцов, и из оных одного он, Емелька, с лошади спехнул, а те двое ускакали. Оной спехнутой казак был (л. 321 об.) им, Емелькою, ранен, но жив, коего он спросил: сколько войска? Он сказал, што-де «войска: пехоты — тысяч до пяти, и артиллерии — пушек с семьдесят».

Потом подошло войско и стали стрелять ис пушек. А он, Емелька, стрелять не велел для тово, чтоб наждать на себя и не терять напрасно ядер. Но как уже войско приблизилось, то он велел стрелять, также и сам стрелял; и продолжалась

стрельба как часа с четыре⁵⁰⁵. Войско Голицын завел свое в лощину с одной стороны⁵⁰⁶, так што ево злодейские пушки не вредили. У него ж с той стороны не столько было пушек, ибо он, Емелька, думал, что князь Галицын поведет войско прямо по дороге, где въезжают в крепость⁵⁰⁷, но он обманут тем, что Голицын по дороге войско не повел.

(л. 321 об.) Как же верные войски стали верх над его толпою брать, то Овчинников ему говорил: «Уезжай, батюшка, штоб тебя не захватили, а дорога свободна и войсками не занета». И он, Емелька, сказал: «Хорошо, я поеду, но и вы смотрите ж, коли можно будет стоять, так постойте, а коли горечо будут войски приступать, так и вы бегите, чтоб не попасса в руки»⁵⁰⁸. И потом, взяв с собою Почиталина⁵⁰⁹, Григорья Бородина⁵¹⁰, яицкого казака (которой старшине Бородину⁵¹¹ племянник), Егора Кузнецова⁵¹², Василья Коновалова⁵¹³, ис крепости поехал. И как от крепости уже он отделился, то, увидя его, чюгуевские казаки хотя за ним версты с три и гнались. Но как у него и у его товарищей кони были самые хорошие, то чюгуевцы догнать ево не могли и отстали, а он прискакал прямо в Берду⁵¹⁴.

По приезде в Берду созвал он к себе Шигаева (которой (л. 322) по отъезде его в Берду оставлен был над всею оставшею толпою главным), Андрея Витошнова, Федора Чюмакова, Ивана Творогова, Тимофея Подурова⁵¹⁵ и сказал им, што под Татищевую князь Голицын ево толпу разбил — «и куда ж нам таперь деватца?» — ибо он дорог никаких не знал. И оные Шигаев с товарищи сказали: «Пойдем-де в обход, кругом на Яик чрез Сорочинскую крепость»⁵¹⁶. Почему тою же ночью (ибо он ис Татищевой прибежал уже вечером), собрав толпы своей большою частию казаков и кто и из другой сволочи охоту имели с ним ехать, тысяч до пяти человек⁵¹⁷ и десять пушек, и поутру рано поехал из Берды на Сорочинскую крепость⁵¹⁸. Оставшей же толпе сказал, — коей, как он думает, из разных мест сошлося в Берду до пятидесяти тысяч, большою частию мужиков, — чтоб оне убирались, кто куда (л. 322 об.) хочет.

И потом, ехав дорогою, послал вперед несколько казаков проведать: нет ли тамо в Сорочинской верных войск? И оные посланные, возвратясь, сказали, что-де по дорогам разъезжают лыжники, и видно-де, што там есть князя Голицына каманда⁵¹⁹. Почему он к той крепости и не пошел, а останясь на хуторах оренбурхских жителей и бывши на тех хуторах⁵²⁰, помянутым Шигаеву с товарищи говорил:

«Ну, таперь куда пойдём?» И оной Шигаев и все сказали: «Таперь мы пойдём на Каргалу, а с Каргалы — в Сакмару». И он, Емелька, говорил: «Ну, хорошо, а с Сакмары-та куда?» И оные Шигаев с товарищи сказали: «Пойдём на Яик, а с Яику пойдём на Гурьев городок и там возьмём правианту». И он, Емелька, спросил их: «Да можно ли просидеть в Гурьеве-та, как придут войски?» И оне сказали: «Отсидетца долго нельзя». А из оных товарищей ево Яков Антипов говорил: «Из Гурьева-де (л. 323) городка пойдём к Золотой Мечете» (где она, — не знает). И он, Емелька, спросил: «Да хто же нас туда проведет?» И оной Антипов сказал: «У нас есть такой человек, которой тамо бывал. И тамо-де хлеба много, зверя, ягод и рыбы много ж». И он, Емелька, говорил: «Да я бы вас провел и на Кубань, да таперь как пройдешь? Крепости, мимо коих итти надобно, заняты, так не пропустят, а сверх того снега в степи, так никак невозможно итти»⁵²¹.

И потом пошел с толпою на Каргалы, куда пришли в третьей день⁵²². По приходе в Каргалу жители никто не противились, но из них некоторые жители, — кто имяны, — не знает, — сказали ему, Емельке, што-де «здесьние старшины многих татар, которые служили тебе в Берде, посажены в погреб»⁵²³. И он, Емелька, велел тот час всех выпустить. А как оные выпущены, то пришли к нему и жаловались, кто которого (л. 323 об.) сажал в тот погреб. И он, Емелька, не хотя сам разбирать их жалобы, тем пришедшим к нему татарам сказал: «Подите. С теми, кто вас посадил в погреб, и управьтесь сами, как себе хотите». И оные, отойдя от него, как он слышал от своей сволочи, порезали до смерти пять человек и притом сожгли два двора, — кого ж имянно убили и кто ж имяны убийцы, — не знает, — потому што он о том не спрашивал⁵²⁴.

Побыв в Каргале с час, где сказали ему каргалинцы, — но кто имяны, не знает, — что-де «в Сакмаре оренбурхские казаки, сто человек, сидят», — куда он со всею толпою и пошел. Но на дороге, не доходя Сакмары, посланные от него туда передовые казаки, ехавши уже из Сакмары навстречу, сказали ему, что оне в Сакмаре были, но только-де казаков оренбурхских там не застали, а поймали тамо только сакмарского казака, атаманского отца⁵²⁵, на которого тамошня казаки и пожаловались, что оной их раззорял.

(л. 324) Как он с толпою пришел в Сакмару⁵²⁶, то казаки ему не противились, да и противитца им было нельзя,

потому што оне во все время были в его толпе, а пошли в Сакмару тогда, когда он, Емелька, пошел из Берды. И потом оногo атаманского отца да каргалинского татарина⁵²⁷, которой был как переметчиком, то есть, проведав, что в его толпе делаетца, бегал в Оренбурх и тамо сказывал, на которого донесли ему о сем каргалинские татара, он, Емелька, повесил.

В Сакмаре начевал он одну ночь. А на другой день пришел князь Голицын, и он, Емелька, с сволочью своею против верных вышел и стал палить ис пушек⁵²⁸. Но как князя Голицына каманда привалила и стали стрелять изо всех пушек, то он с своею сволочью стоять не мог, очень скоро побежал, кто куда мог, где оставили и бывшие при нем десять пушек. Бежал он (л. 324 об.) с оставшею при нем сволочью, не более как человек с пять сот, в коем числе были яицких и илецких казаков человек сто, завоцких мужиков человек со ста, да башкирцов и татар и разной сволочи человек с триста, не кормя, во всю прыть до Тимашевой слободы⁵²⁹, коя, как думает он, от Сакмары верст со сто. По приезде в ту слободу только што накормили лошадей, то поскакали опять на Красную Мечеть⁵³⁰. Тут начевали, где опомнился он, что кто с ним остался и кто от него отстали. И нашол он, что с ним главные его способники остались: Федор Чюмаков, Григорей Леонтьев⁵³¹, Трофим Горлов⁵³², Василей Коновалов, Иван Творогов, Егор Кузнецов, а в Сакмаре остались Андрей Витошнов⁵³³, Максим Шигаев⁵³⁴, Иван Почиталин⁵³⁵, Максим Горшков⁵³⁶, Андрей Толкачов⁵³⁷. Всей его толпы было в Сакмаре до пяти тысяч; в разные времена после возвратились к нему до тысячи (л. 325) человек, да с ним, как выше он сказал, ушло пять сот, а достальные три тысячи пятьсот человек побиты ль, или разбежались куда, — он не знает⁵³⁸.

С Красной Мечети пошел он с толпою своею на Каргалинской^{**} завод⁵³⁹, которого он не раззорял, однако ж жители того завода, молодые люди, человек с пятьдесят, пошли с ним. С сего завода пошел он с своею воровскою артелью на Завьяно-Петровской^{***} завод⁵⁴⁰, которой нашол совсем-раззоренной, и хотя он был и не уведомлен, но однакож ду-

* Ягунов Григорий Леонтьевич.

** Так в оригинале; правильно: Иргизлинский; официальное название этого предприятия — Вознесенский завод.

*** Так в оригинале; правильно: Авзяно-Петровский завод.

мает он, что раззорил Хлопуша, ибо известно ему в Берде было, что по заводам ездил Хлопуша. Начевав на том заводе, пошел на Белорецкой завод. З Завьянского завода и из ближних около одного селеней пристали к ево злодейской артеле без всякого от него принуждения более четырех сот человек.

По приходе на Белорецкой завод⁵⁴¹ жил он (л. 325 об.) по празнике святых Пасхи* три недели. С того завода пошел он к Магницкой крепости, не разоряя одного завода. Во время ж житья ево на том заводе пристало к нему русских и башкирцов до двух тысяч, с коими он Магницкую крепость, хотя и было из оной супротивление, взял⁵⁴², и каменданта той крепости⁵⁴³ он повесил, где он взял четыре пушки и четыре бочонка пороху. Бывшие ж в той крепости исецкие казаки и салдаты, — сколько числом, — не знает, — пристали к его воровской шайке добровольно.

На другой день взятая крепости пришли к нему Овчинников и Афанасей Перфильев, Иван Федулов⁵⁴⁴ и привели с собою триста яицких казаков да двести заводских мужиков⁵⁴⁵. И он, Емелька, спросил Овчинникова: «Как ты ис Татищевой ушел, и где ты был, и этих людей, кои с тобою пришли, где набрал?» И оной Овчинников говорил: «Я-де против Голицыной каманды стоял до тех пор и стрелял, (л. 326) докудова все заряды выстрелял⁵⁴⁶, а потом, падши на коней, пробился прямо сквозь каманду Голицына. А за мною поспели убежать только казаков человек с триста», с коими он дошел до Илецкого городка⁵⁴⁷. А чтоб-де не нашол на него князь Голицын, то он разставил заставы. А между тем в Яицкой город с казаком послал репорт и писал, что «государь под Татищевую разбит и бежал с малыми людьми в Берду, войско Яицкое разбито, и осталось только со мною триста человек», и просил, чтоб из Яика прислана была к нему помочь. Почему из городка та помочь с Афанасьем Перфильевым и прислана⁵⁴⁸ (но сколько, — не сказал). И Перфильева-де в городке пожаловали полковником. А как скоро пришел Перфильев, то «з заставы уведомен-де я, Овчинников, што князь Голицын⁵⁴⁹ идет к Илеку», то он, Овчинников, из одного (л. 326 об.) Илецкого городка, вышел, и был сам в Яике, и взял тамо пушки, и уже со всеми людьми, то есть и з заводскими, кои пристали на Яике и по дороге, пришел на речку Быковку, где с камандою князя

* Пасха в 1774 г. приходилась на 20 апреля.

Голицына дрался⁵⁵⁰, но однако он его разбил, и он, Овчинников, «оставя пушки, бежал, и явился у тебя», то есть у него, Емельки⁵⁵¹.

Из Магнитской крепости пошел он, Емелька, с толпою к первой подле оной крепости⁵⁵², — как зовет, — не знает. Но, не доходя до оной, сведал он, что в той крепости сидит генерал Деколон⁵⁵³, то, не ходя на оную, пошел в обход к другой подле той состоящей крепости⁵⁵⁴, где был один прапорщик⁵⁵⁵ и четыре престарелых салдата, кои, не противясь, здались; и афицера взял к себе, а салдаты за старостию оставлены тут, а крепость Овчинников зажог.

От оной крепости пошли в третью крепость⁵⁵⁶, где камендант⁵⁵⁷ супротивлялся и стрелял ис пушек, но, однако ж толпа его усилилась, крепость и пушки три, и порох (л. 327) взяли, а камендант и афицеры побиты⁵⁵⁸; салдаты ж взяты в толпу, — но сколько, — не знает, — а крепость выжгли. От оной крепости пошел в четвертую крепость⁵⁵⁹, где также противились его толпе, но, однакож, усилиясь, взял, камендант⁵⁶⁰ и афицеры побиты, пушки взял, також и порох; и оставших салдат, — а сколько, — не знает, взял же в свою толпу, а крепость зажог.

Из оной крепости пошел в Троицкую крепость, которая так же хотя и противилась, но толпа его осилила, оную крепость взял⁵⁶¹ с потерею из своей толпы человек до тритцати. В той же крепости камендант⁵⁶² и еще четыре человека [афицеров] убиты⁵⁶³; салдат, коих было, как помнитца ему, сот до пяти, взяли, было, в свою толпу, но оные просили ево, Емельку, чтоб он их начевать отпустил в крепость, а они-де чем свет поутру к нему явятца, по которой прозьбе он в крепость и отпустил. Но поутру рано (л. 327 об.) пришел к той крепости генерал Деколон и оною овладел, а ево с толпой прогнал⁵⁶⁴, где артель его воровская рассеялась в разныя стороны, более пяти сот человек⁵⁶⁵.

[Когда] по взятии Троицкой крепости стал он с толпою на лугах, то казак Горлов, которой у него был хорунжим, при Овчинникове и Перфильеве, и при других казаках говорил ему: «Вот, батюшка, отсюда станем пробиратца на Иртыш». И он, Емелька, сказал: «Я этих мест не знаю и здесь не бывал, так куда вы хотите, туда меня и ведите».

Да как он был в Магнитской крепости, то туда приехал башкирец⁵⁶⁶, — как зовут, — не знает, — и был оной в киргисах. И как оной к нему пришел, то он, Емелька, спросил ево: «Зачем ты пришел, и откуда и хто тебя сюда прислал?»

И оной башкир сказал, что башкир, и живет в Каргалинской* орде, и сюда пришел посмотреть государя. И он, Емелька, спросил: «А отсюда куда ж хочешь ехать?» Башкир сказал: «Я опять поеду в киргисы». (л. 328) И он, Емелька, спросил: «Отвезешь ли ты к Аблай-хану⁵⁶⁷ от меня письмо?» Башкир сказал: «Отвезу». И он, Емелька, приказал заводскому мастеровому⁵⁶⁸, — как ево зовут, — не знает, — написать по-татарски, а Творогову — по-русски к Аблай-хану письма, в коих он писал, чтоб прислать к нему войска, где писано и о взятом под Оренбурхом безденежно ево скоте, за которой и обещал присланному от него отдать деньги. И с теми письмами оного башкира, да еще из ево толпы два башкирца⁵⁶⁹ же, да казанского татарина⁵⁷⁰, дав им денег двести рублей да всем по красному кафтану, отправил⁵⁷¹. Но на то никакой отповеди не получил, и где оные посланные девались, — не знает. Оным же людем приказывал он, Емелька, чтоб они Аблая от него попросили, чтоб он, ежели блиско где качуют бежавшие из России калмыки⁵⁷², то б он дал им весть, чтоб оне как можно скорее сюда к нему, Емельке, приезжали.

По разбитии Деколоном (л. 328 об.) толпы его осталось человек с пять сот, и пошли с оною по исецким казачьим станицам, где, прошед две станицы, нашло к нему в толпу исецких казаков сот до пяти. И лишь только выступил он к третьей станице, то встретил ево Михельсон⁵⁷³, который ево разбил⁵⁷⁴, и толпа его разбежалась, а осталось только с пять сот человек. И шол с оными сутки с трои, где собралось к нему из разбежавшихся ис-под Михельсона еще сот до двух.

А чрез три дни пришел он в башкирские селении, где нашол стоящих на конях башкирцов до трех тысяч человек⁵⁷⁵. И из оных, увидя идущую его толпу, старшина Салават⁵⁷⁶, подъехав к нему, Емельке, сказал: «Это стоит наше башкирское войско, и мы дожидались ваше величество, а нас-де старшин здесь трое». И он, Емелька, сказал: «Благодарствую. Послужите мне!»

И потом поехали оне паки по исецким станицам. Приехав на одну станицу, казаки сказали ему, что-де «служившей у вас в войске харунжей⁵⁷⁷ наловил ваших казаков и насажал целую тюрьму, и морит (л. 329) их мором». И он,

* Так в оригинале; правильно: Киргизской.

Емелька, призвав илецкого* казака Семена Билдина⁵⁷⁸ (которого он произвел в полковники еще будучи в Берде, и был везде при нем безотлучно) и велел того харунжаго повесить, коего и повесил.

Неподалеку от оной станицы нагнал он, не доезжая до города Осы, нашол с своею с толпою опять на Михельсона и на оного напал, но не мог его сломить⁵⁷⁹. Но и Михельсон также его не разбил, а убил только ис пушки одного казака Андрея Толкачева. А на другой день паки сошелся он с Михельсоном, и также была с ним сшибка, но и на оной ни Михельсон его не разбил, ни он, Емелька, Михельсону вреда не зделал⁵⁸⁰, и разошлись: Михельсон пошел на Уфу, а он пошел к Красногорской** крепости.

Как он с Михельсоном разошелся, то на другой день, как он стал лагерем начевать, то пришол к нему в полатку башкирского старшины Кинжи⁵⁸¹ (которой у него в толпе был полковником) (л. 329 об.) сын⁵⁸², — но, как его зовут, — не знает, — и говорил: «Везут-де наши башкирцы на почте ис Петербурга какова-та к вашему величеству человека⁵⁸³, который-де сказывается, что он к вам послан от Павла Петровича». В то время в той палатке с ним, Емелькою, были Овчинников, Перфильев, Творогов, Давилин. Он, Емелька, сказал Кинжину сыну: «Где этот приезжей? Подай ево сюда». И оной Кинжин сын, вышед ис кибитки, тот час при всех вышесказанных людех привел к нему того приезжаго человека. И оной приезжей человек, только што вошел в кибитку, — а он тогда сидел один, а протчие все стояли, — поклонился ему в ноги, то есть до земли, а поклонясь, говорил слова такие: «Его высочество Павел Петрович приказал вашему величеству кланятца и прислал к вашему величеству подарки». И, вынув ис кисы*** коженой сперва черную шляпу, обшитую золотым (л. 330) позументом, потом сапоги желтые, — а шиты ль золотом, — не помнит, — а потом перчатки, шитые золотом и, вынув это все, отдал ему, Емельке, в руки. И он, Емелька, сказал: «Благодарствую». И потом спросил он, Емелька, того человека: «Здоров ли Павел Петрович? Каков он? Велик ли?» Тот человек говорил ему слова такие: «Слава богу, он здоров и велик молодец, да ево-де уже обручили». И он, Емелька, спро-

* Так в оригинале; правильно: исецкого.

** Так в оригинале; правильно: Красноуфимской.

*** Киса — мешок кожаный, затяжной; так же называлась и мошна.

сил: «На ком обручон?» И оной человек сказал: «Он-де обручон, не знаю, на какой-та немецкой принцесе». И Емелька его спросил же: «Как ее зовут?» И оной человек сказал: «Наталья Алексевна». И Емелька сказал: «Ну, слава богу. Дай бог благополучно!» И оной же человек сказал: «И от Натальи-та Алексевны прислан подарочик к вашему величеству — два камня, да у меня-де далеко в возу завязаны. Я-де ужо принесу»⁵⁸⁴. (л. 330 об.) И он, Емелька, спросил того человека: «Ты што за человек, и как зовут?» И оной сказал ему: «Я де-московской купец, а зовут меня Иваном Ивановым»⁵⁸⁵. И он, Емелька, спросил одного Иванова*: «Што про меня в Питере говорят?» И он, Иванов сказал: «Ничево-де не слышать. Да вить великое-т князь послал меня к вам тайно, и никто этова не знал». И потом, в то ж самое время, оной Иванов говорил: «Я-де к вам и пороху шездесят пуд вес». И он, Емелька, спросил: «Да где ж ты этот порох взял?» И оной Иванов сказал: «Да и порох-де послан к вам от Павла ж Петровича». И Емелька ево, Иванова, спросил: «Где ж этот порох? И как же ты ево провести мог?» И оной Иванов сказал: «Я-де порох оставил в Нижнем, на судне, а чтоб-де протчие ево не видали, то я ево положил в бочку и засыпал сахаром»⁵⁸⁶. И потом он, Емелька, сказал тому Иванову: «Поди, бог с тобой, отдыхай и будь (л. 331) подле моеву обозу». А как оной Иванов от него вышел, то он Творогову, а после и Чюмакову говорил: «Смотрите ж за старичком-та, штоб он не ушол. Мне кажетца, он — обманщик. Статное ль дело, штоб Павел Петрович ко мне прислал подарки?»⁵⁸⁷.

После сего на другой день пошол он х Красногорской** крепости, ис которой верст за пятьдесят встретили его той крепости казаки, которые к нему в толпу пристали, — как помнитца ему, человек до пятидесяти, — почему он в Красногорскую крепость и не заходил, а прошел мимо⁵⁸⁸.

После сего пришел он в Осу, коя ему не здавалась, и производили с оной пальбу⁵⁸⁹. Однакож в двои сутки оную взял⁵⁹⁰, город выжег, трех камандиров — Скрипицына⁵⁹¹, Пяткина⁵⁹², — третьего как звали, — не знает, — повесил⁵⁹³, взял три пушки, а салдат причислили к своей толпе⁵⁹⁴, — но, сколько их было, — не помнит.

Как он, Емелька, стал еще (л. 331 об.) збиратца под Красногорскую крепость, то на другой день поутру оной

* Ржевский купец А. Т. Долгополов.

** Так в оригинале; правильно: Красноуфимскую.

Иван Иванов, пришед к нему в кибитку⁵⁹⁵, говорил: «Отпустишь меня, ваше величество, в Казань, а я оттоль поеду в Нижней и привезу к вам в Казань порох». Он, Емелька, боясь, что — не с подвохом ли он прислан к нему от какой воинской команды, — так «осмотря мою толпу, не подвел бы ту команду нечаянно» на него, то сказал Иванову: «Поживи у меня, старик, ища будишь в Казане». По взятые Осы опять просился в Казань, но он ему сказал: «Што ж ты скучаешь? Я-де тебя сам вспомню, когда отпустить»⁵⁹⁶.

И потом пошел он из Осы прямо на Казань, где на дороге разбились две команды верных войск⁵⁹⁷, и взял две пушки, и харунжей ево, Емельки, Илья Самострелов⁵⁹⁸ заколол одного афицера⁵⁹⁹. Как он от Осы шол под Казань, то к толпе его пристало татар и русских (л. 332) мужиков до семи тысяч человек, да пушек з двенадцать.

Во время ж походу ево к Казане, не доходя до оной как верст за триста, означенной Иван Иванов просил ево, Емельку, чтоб он отпустил его не за порохом, а в Петербурх: «Я-де к вам в Казань привезу Павла Петровича и с великою княгинею»⁶⁰⁰. Но он однакож не отпустил, зная, что он ево обманывает.

Не доходя до Казани верст дватцати встретилась с ним верных войск команда, которая выпалила по толпе его один раз пужом*. А коль скоро выпалили, то толпа ево пушку отнела⁶⁰¹, афицера Шватковского⁶⁰² взяли ж в толпу, а полковника⁶⁰³ казаки скололи бегущаго на дороге. Команда конная и пешая вся, не дравшись, ушла в лес.

Не доходя до фарштата, на Арском поле он с толпою остановился⁶⁰⁴, и Овчинников повес злодейской его манифест, чтоб Казань ему здалась⁶⁰⁵, и, отвезя, возвратился к нему (л. 332 об.) и сказал, что манифеста ево не слушают, а только бранят. И он, Емелька, приказал всей своей сволоче злодейской приступить к фарштату, и сперва велел палить ис пушек, а потом, как и по нем стали стрелять с батареев, то он велел фарштат в разных местах зажечь. А как город весь загорелся, то афицеры, которые на батареях стояли, остались не убитые, те ушли в кремль, а салдат взял он к себе в толпу⁶⁰⁶. По крепости он не палил⁶⁰⁷ для того, что весь

* Пыж (а не пуж, как в оригинале) — клубок пеньки или шерсти, которым прибивали, утрамбовывали пороховой заряд в пушечном или ружейном стволе. В данном случае речь идет о ружейном холостом залпе.

город был в огне и, тово ради, и сволочь свою отвел на Арское поле. Ис тюремного острога всех колодников выпустить он велел⁶⁰⁸.

Как он, Емелька, ехал по Арскому полю, то он наехал на жену свою, показанную Софью, и при ней помянутые ево дети — сын Трофим, дочери малолетные (л. 333) Аграфена и Крестина, коих и велел посадить на вос и отвезть в его кибитку⁶⁰⁹. Тут же увидел он и игумна Филарета⁶¹⁰, коего также велел отвести в кибитку ж.

Как еще в городе пожар продолжался, то в то самое время пришел на Арское поле Михельсон и стал по его толпе ис пушек палить и наступать на его толпу⁶¹¹. Против чего хотя и он ис своих пушек палил же, но, как казаки ево, ворвавшись в город, напились, и много было пьяных, то противу михельсоновых пушек, так же и пехоты не устояли, и бросились кои куда, то Михельсон как пушки у него, так и взятых в толпу его из города, а большую частью с Арского поля людей взял. А он, Емелька, с толпою своею, коя ушла от Михельсона, пошел в свой воровской стан и, снявши оной, на другой день поутру перешол чрез речку Казань⁶¹². И быв (л. 333 об.) тамо два дни, перешед оную, пришел пакки на Арское поле с таким намерением, что [как] Михельсон опять за ним погонитца, а ему уже, как отрежит ево от рек, некуда бежать будет, а естли он ево на Арском поле и разобьет, то он перелезет чрез Волгу. А притом надеялся, что и он Михельсона разобьет. И как скоро он на Арское поле с своею сволочью показался, то Михельсон на него и накрыл, и происходило между ими сражение⁶¹³. И подравшись, его сволочь, не более как часа с полтара, стала бежать. И потом Михельсон отбил у него пушки. А как его пушками завладел, то и он, Емелька, со всею уже толпою побежал, и только успел взять жену и детей, протчей же обоз казаки помогли ему также увести.

Михельсон гнался за ним верст с пятнатцать, но догнать ево не мог.

И, отбежав от Казани верст (л. 334) со ста, перешол Волгу⁶¹⁴, где при переходе чрез реку повесил он, Емелька, сержанта⁶¹⁵, которой был при перевозе, за то, что оной потопил суда, для тово, чтоб ево с толпою не перепустить за реку. Как же он перешол Волгу, то толпы его собралось на первой стан человек до тысячи конных⁶¹⁶. И потом, отойдя от берегу небольшое расстояние, начевали.

На другой день пошел он с толпою мимо одной боль-

шой деревни. И как пришли в оную, то крестьяне все разбежались, и не дали для перевозу толпы его судов, за что он всю деревню велел выжечь, которая и выжжена⁶¹⁷.

От оной деревни ехали они до обеда, а едучи дорогою Караваяев* и Овчинников просили ево: «Что, батюшка, отпусти Ивана-та Иванова». Он уж не смеит вас просить». Как же стал он обедать (л. 334 об.) и кормить лошадей, то увидел он, Емелька, показанного Ивана Иванова и позвал ево к себе, и говорил ему⁶¹⁸: «Што, старик, хочешь ехать?» И он сказал: «Давно уж пора ехать, да я не смел вам, батюшка, докучать». И он, Емелька, сказал: «Ну, бог с тобой, поезжай». И оной Иванов сказал: «Я поеду и привезу к вам Павла Петровича. Да што ж, батюшка, одному ему приезжать или и с Натальей Алексеевной?» И оной же Иванов сказал: «Куда ж прикажешь приезжать?» И он, Емелька, сказал: «В Царицын, а кали в Царицыне не застанешь, так в Астрахань, и ищи-де там меня у Полякова»⁶¹⁹. Оному ж Иванову при отъезде ево дал ему он, Емелька, пятьдесят рублей. Оной же Иванов с самого ево с подарками к нему приезда был при нем, Емельке, неотлучно. И когда он дрался (л. 335) с верными войсками, то оной Иванов ездил за ним верхом, а в обозе не оставался⁶²⁰.

По отпуске Ивана Иванова пошел он с толпою своею прямо на Алатарь⁶²¹, где его встретили жители того города почти все за городом с хлебом и с солью, а попы — с крестами. При входе в город приставлен был от него караул, чтоб городских жителей толпа его не раззоряла, а сам пошел в церковь. И пели попы молебен, поминая государя Петра Федоровича, Павла Петровича и великую княгиню, а всемилостивой государыни не поминали⁶²². Но он, чтоб поминать или не поминать, попам о том ни слова не говорил.

По отпении молебна пошел тамошней роты к порутчику⁶²³, — как зовут, — не знает, — с ближними своими злодеями по зову ево к нему в дом, и пили чарки (л. 335 об.) по три вотки. А потом Чюмакову велел забрать казну и порох, — которой казны сколько взято, також и пороху, — не знает, — вино казенное, как ворвавшийся в город казаки

* Ошибка: Д. К. Караваяев был арестован еще 9 сентября 1773 г. в Яицком городке и с того времени находился в заключении. Ходатаем за А. Т. Долгополова в данном случае мог выступить кто-либо из приближенных к Пугачеву лиц: либо А. П. Перфильев, либо И. А. Творогов, либо Ф. Ф. Чумаков.

** Ржевский купец А. Т. Долгополов.

стали пьянствовать, то он приказал рубить все бочки и вино выпустить; содержащихся колодников, сколько ни было, всех распустил⁶²⁴.

Как же пели молебен и встречали с крестами, то в то время был один поп в шапке с камнями, как быть золотая. Воеводы и судей в городе никого не было, а жители и помянутой порутчик сказали, што-де «вчера бежали»⁶²⁵. В то время, как он был в городе, жители жаловались ему, што-де казаки ево, ходя по их домам, грабят имение и разоряют. И он, услыша оную жалобу, поехал по городу сам и казаков выгнал. Помянутой порутчик и все жители называли ево, (л. 336) Емельку, государем. Того города бургомистру⁶²⁶ приказал он, Емелька, штоб казакам дать соли на каждого по три фунта без денег, а сколько роздали, не знает.

Как он пришел в Алатарь, то было его толпы тысячи, казалось ему, з две⁶²⁷, а подлинно не знает, потому што он списков не имел. Потом, взяв он афицера и салдат, — а сколько, — не знает, только помнитца ему, человек с дватцать, — пошел к своей толпе за город⁶²⁸. А город приказал, чтоб был сохранен, сержанту⁶²⁹, которой был росту небольшого. И приказал оному сержанту, чтоб высылал к нему жителей, годных в службу, которой не больше, как человек с пятьдесят, и выслал. Как жители о воеводе и других судьях сказали, что оне ушли в лес, которой близ города, коих он казакам и велел искать, но оне не сыскали.

В бытность ево еще в городе бургомистра спросил он: «Есть ли-де (л. 336 об.) у вас в городе серебренники, и пойдут ли ко мне служить?» Бургомистр сказал: «Есть-де двое. И как-де им нейтить! У вас-де им лутче будет, чем здесь». Коих два человека тот час и привели, и один з женою, другой без жены. Как оне пришли к нему уже в стан, то он им, показав рублевик Петра Перваго, говорил: могут ли они этакие делать, с ушками? И оные сказали: могут⁶³⁰. И он же, Емелька, спросил их, указав на свою рожу: «А такой портрет, как я, можете ли делать?» И оне сказали: «У нас-де штемпелей нет, так-де зделать такова, как вы, не можем».

Как он стоял под городом одне сутки, то в то время приводили к нему из разных селений крестьяне господ своих, також и ево толпы казаки — дворян, а сколько числом, — не помнит, и кто оне таковы, — не знает, — коих Овчинникову приказал вешать, кои и повешены⁶³¹. (л. 337) Овчинников же лепортовал ему, што повешано двенатцать человек. В

Алатаре приходили к нему в толпу служить крестьяне, но пешие, коих он отсылал назад.

Из Алатаря пошел он с своею сволочью в Саранск⁶³², где так же ево встретили попы и жители⁶³³, ибо, не доходя он до того города, посылал в оной Федора Чюмакова с манифестом⁶³⁴. Воеводы и судей в городе не было, а сказали, што все бежали⁶³⁵. Казну всю, какая была, велел забрать, и забрана⁶³⁶, — но, сколько, — не знает. Тюрьму велел отворить, но, были ль колодники, — не знает. Вино, хотя он запечатать и приказывал, но думает он, што выпили казаки, а не меньше и обыватели сами⁶³⁷. Дома толпа его тех обывателей, кои из города бежали, грабили, но под их след грабили же и обыватели. Побыв в городе несколько часов и взяв тут шесть или восемь (л. 337 об.) пушек⁶³⁸, также ядры и порох, пошел за город в свой воровской стан. А воеводою зделал он того города посацкого⁶³⁹, — как зовут, — не знает. Приходили к нему сперва в городе, а потом и в стан городовые два афицера и человек с пятнатцать салдат, коих он, хотя в службу к себе и взял, но оне его, Емельку, упросили, чтоб он их оставил, сказывая притом, что-де «мы, хотя люди еще и не старья, но все переранены», почему он ни одного в свою толпу и не взял. Под сим городом стоял он двои сутки⁶⁴⁰. В сие время приведено к нему, злодею, крестьянами и его казаками из разных селеней, сколько он припомнить может, дворян пятнатцать человек (а подлинно не помнит), коих он приказал повесить⁶⁴¹. И Овчинников сказывал ему, что оные и повешены, в том числе одну женщину, у которой в городе (л. 338) он, Емелька, обедал, без его приказу казаками ево повешена⁶⁴², но, кем имянно, — не знает. Из города взял он в свою толпу присланных от нареченного им воеводою городских жителей, человек с пятьдесят⁶⁴³.

И потом пошел он к Пензе. И идучи дорогою приведено к нему людьми боярскими и крестьянами дворян, как он таперь припомнит, пять человек, коих он по жалобам их, что они крестьян своих обижали, приказал повесить, коих Овчинников и повесил. После сего крестьяне ж привезли к нему свою госпожу, которая сказала о себе, что муж ее в походе против турок, а она-де ис польских дворян⁶⁴⁴, кою он вешать и не велел. А как она просила ево, чтоб он ее от ругательства сохранил и взял с собою хотя до Царицына, на которую прозьбу он склонился и велел вести ее в обозе. Но Овчинников, узнав о ней, потому что муж ее бывал в Яицком городке (л. 338 об.) и стоял у него в доме, и тогда-де

муж ее и она много делали ему раззорения, и ево и жену ево бивали, то, в отместение оной, Овчинников без ево приказу засек оную афицерскую жену плетьми до смерти, о чем ему после уже сказал Давилин. И как стал он, Емелька, Овчинникову говорить: для чего он ее без ево приказу засек, то оной Овчинников говорил: «Мы-де не хотим на свете жить, чтоб ты наших злодеев, кои нас раззоряли, с собою возил, ин-де мы тебе служить не будем». И он, Емелька, услышав этикие слова, как оной Овчинников — первой человек во всей его толпе, замолчал.

Потом пришел он в Пензу⁶⁴⁵, где встретили тутошние попы с крестом, а народ — с хлебом и солью⁶⁴⁶. По приходе в город казну государеву велел своим ближним способником в злодействах ево, — но, кому, — не упомнит, только из двух — Давилину или Чюмакову, — всю забрать (л. 339) к себе в воровской стан, кои и забрали, а сколько, — не знает, но слышал, что взято было много⁶⁴⁷. Вино и соль толпа его грабила, хотя от него и приказано, как и прежде было, чтоб соли толпе его давать без денег только по три фунта на человека⁶⁴⁸. Дома обывательския, кои из города бежали, толпа его грабила. Воеводы и других судей в городе не было, а сказали ему, што бежали⁶⁴⁹, коих хотя сыскать и привести к себе приказывал, но никого к нему не привели.

Обедал он в городе у бургомистра⁶⁵⁰ или другога какова над купцами начальника⁶⁵¹, — а как ево зовут, — не помнит, — которой подарил ему две лошади. Оного бургомистра⁶⁵² по выходе из города нарек он воеводою и поручил ему город⁶⁵³. Во оном городе называли все ево, Емельку, государем. Взял из оного города четыре пушки⁶⁵⁴, також ядры и порох; да пристали к его толпе бывшие в городе двенадцать человек (л. 339 об.) волских казаков и с одним старшиною⁶⁵⁵, стакже и трое гусар⁶⁵⁶. Под сим городом никого он вешать не приказывал, да и к нему никого тут не приводили. Но как отошел он от города двенадцать верст и остановился начевать, то тут привели к нему крестьяне, — а чьи, — не знает, — помещиков своих двух человек, коих он Давилину приказал повесить, которые и повешены.

С того места пошел в Петровск⁶⁵⁷ и, не доходя до города, послал Чюмакова и несколько казаков в город с своим злодейским манифестом⁶⁵⁸. А как после ево подошел к городу, то встретили ево поп с крестом, а жители — с хлебом и солью. По приходе в город нашол он только четыре человека волских казаков, також воеводу⁶⁵⁹ и порутчика⁶⁶⁰, ис ко-

их воеводу за то, что жители жаловались ему, што он обижал, велел повесить, которой и повешен, а о порутчике сказали, што он — человек доброй, то он и зделал ево воеводою. Порох (л. 340) — взят ли Чумаковым, — он не знает⁶⁶¹. И пушки, хотя и были, но, по неимению в них нужды, не взяты⁶⁶². Казны государевой не взято, что ее не было⁶⁶³. Вина толпе не давали, а велел запереть⁶⁶⁴. Казаки волские, четыре человека, пристали в его толпу, дом разграбили воеводской, о котором сказали ему казаки, что ничево в нем и не было, а только взята одна лошадь. Салдаты в городе хотя и были, но немного, ис которых он ни одного к себе в толпу не взял⁶⁶⁵.

В бытность ево в городе привели к нему объезжие ево казаки четырех человек казаков⁶⁶⁶, коих он спросил: что оне за люди? И оные сказали, што-де «мы — донские казаки, а присланы-де от камандира осмотреть: какие люди в крепость зошли». Он им отвечал, что пришел государь, а потом спросил: «Велика ли ваша команда?» И оные сказали: «Шездесят-де человек нас донских⁶⁶⁷, маеор⁶⁶⁸, есаул⁶⁶⁹ и сержант»⁶⁷⁰. (л. 340 об.) И он, Емелька, трех казаков оставил у себя, а одного послал к ево камандиру⁶⁷¹, коему велел сказать так, как и казакам, чтоб оне, не дравшись, приклонились, а ежели драгца станут, то он их всех казнит, с чем тот казак и поехал⁶⁷². А коль скоро оной поехал, то он, Емелька, увидя сам означенную команду, тот час с своею сволочью поскакал к оной. А как он приехал к ней блиско, то казаки тот час слезли с лошадей и наклонили знамя, сказав, что «мы тебе, государь, служить ради»⁶⁷³. Помянутой же мазор, лишь только завидал ево, Емельку, идущаго с толпою, також есаул и сержант, поскакали во всю прыть от команды прочь, за коими он, Емелька, послал погоню, ис коей сержанта⁶⁷⁴, догнав, казаки убили до смерти, а мазор и есаул ускакали⁶⁷⁵. Означенных же казаков принял по их охоте в свою толпу.

Потом пошел он с толпою к Саратову, (л. 341) но, не доходя оного, встретилась с ним идущая от Саратова казацкая команда⁶⁷⁶ с харунжим, коего звали Александром⁶⁷⁷. И как он, Емелька, сию команду увидел, то послал казака спросить: откуда идет команда и куда? Казак, поехав, спросил и, прискакав назад, сказал ему, что «это-де волские казаки, шездесят человек⁶⁷⁸, с одним харунжим, и были-де в Саратове, и оттуда ушли, и идут служить к вашему величеству». И потом с оными казаками он сошелся и, сошедшись, спросил: много ли в Саратове команды? И харунжей сказал:

«Команды-де там есть розные: артиллериские и армейские, и наши казаки, кои-де с вами дратца не станут. Мы-де бы давно к вам ушли, да не знали, где вас обыскать. А те-де команды, артиллериская и армейская, небольшие». И он, Емелька, как сего харунжева Александр⁶⁷⁹, так (л. 341 об.) и донского есаула, или же и оной был харунжим⁶⁸⁰, назвал он, Емелька, полковниками.

Как же подшол он к Саратову версты за четыре, то выехали к нему навстречю волских же казаков человек с двадцать⁶⁸¹, и с ними саратовской житель, которой, подъехав на лошади к нему, слезши с оной, поклонился ему, Емельке, в ноги. Он ево спросил: «Что ты за человек, и зачем сюда приехал?» И оной ему говорил: «Я-де города Саратова житель Кобяков⁶⁸², прислан к вашему величеству от всего города, чтоб вы пожаловали манифест, а то-де народ желает вам служить, да только-де нет манифеста». И он, Емелька, приказал Творогову написать манифест и отдать тому Кобякову. Почему Творогов манифест воровской написал и Кобякову отдал⁶⁸³, и оной, взяв, поехал.

После сего подшол он под Саратов, где палили по нем сильно ис пушек, (л. 344*) а он напротиву того стрелял ис своих пушек. И напоследок толпа его ворвалась в городок, но воинские команды и тут дрались. Но напоследок афицеры, оставя пушки, с салдатами отстреливаясь, из города вышли вон⁶⁸⁴. А выггить уже ис крепости не успели два афицера, один в красном⁶⁸⁵, а другой, помнитца ему, в зеленом кафтанах⁶⁸⁶, и с ними осталось пехоты в зеленых кафтанах семдесят, а в красных — пятьдесят человек, которые хотя и отстреливались, но, однакож толпа его, усилиясь, их взяла, и они напоследок положили ружье. И отвели всех их в его ставку за город. Саратовские ж казаки, коль скоро в город вломилась его толпа, то оные дратца не стали и пристали к его толпе⁶⁸⁷. Саратовские ж жители, в том числе и бургомистр⁶⁸⁸, так же не дрались, а, увидя ево, Емельку, поклонились все и сказали, (л. 344 об.) что «мы вашему величеству служить готовы»⁶⁸⁹.

По взятии города увидел он знакомого ему саратовского купца, — имени ево не помнит, по прозванию Уфимцов⁶⁹⁰, — которой знаком ему потому, что как он, Емелька,

* При архивной нумерации допущена ошибка: пропущены номера 342 и 343, в то время как сам текст документа сохранился в полной последовательности его листов.

пробирался с Яику в Оренбурх, то под Илецким городком наехал он на того купца, кой гнал на продажу триста лошадей, и он, Емелька, сторговав тех лошадей за три тысячи за пять сот рублей, но денег тогда ему, што у него их не было, не дал, а обещал ему заплатить, когда придет он, Емелька, в Саратов. О приходе ж ево в Саратов тому купцу сказал тогда наудачю, только для того, чтоб он не тужил о взятых у него лошадях, ибо у него тогда, — да думает он, что и у всей его толпы, — и в уме не было, чтоб быть в Саратове. Почему, как пришел он, Емелька, в Саратов, то оной посадкой, как знакомой ему человек, к нему и пришел. А он, узнав ево и счотча, что он показанными лошадьми ево одолжил, того (л. 345) купца благодарил и деньги ему, три тысячи пять сот рублей, заплатил. Детей ево двоих, коих он привел к нему с собою, одново назвал полковником⁶⁹¹, а другова — казак⁶⁹², и определил их в свою толпу, кои у него по самое последнее Михельсоном ево разбитие⁶⁹³ были. У оного ж купца он, Емелька, обедал, где был и бургомистр⁶⁹⁴, но, как зовут, — не знает.

Бывши в Саратове, при саратовских казаках говорил он, Емелька, што у него пеших казаков много, а лошадей нет. И казаки, — а кто имянно, — не знает, — сказали ему: «У нас, батюшка, есть два табуна лошадей. Мы тот час велим пригнать», кои подлинно тово часу в город и пригнали. И он, Емелька, велел толпы своей казакам их брать, у кого не было лошади, а между их и саратовские казаки ис тех лошадей себе брали ж.

В то ж время, как он был в Саратове, пристало к нему с судов бурлаков сто человек и один (л. 345 об.) есаул, с ружьями, и иные с саблями, а иные с шпагами, у коих было на том судне, на коем оне плыли⁶⁹⁵, как сказывал есаул, и сам он, быв на том судне, видел денег медных два бочонка, сундук с серебряною посудю, двести рублей серебряных денег, и шесть дворянских жон⁶⁹⁶. И он, Емелька, деньги серебряные взял к себе, а протчее все оставил на судне. А притом спросил он, Емелька: «А женщины-де какие?» И есаул сказал: «Мужья-де их были дворяне, но мы их всех, коих было шесть человек, покидали в воду». Причем женщины просили ево, Емельку, чтоб он с судна их взял к себе. Но он их не взял, а есаулу накрепко приказал, чтоб он тех женщин сберег и отнюдь бы их никто ничем не обижал, а привез бы сохранно в Царицын к нему.

Казну государеву толпы ево начальники брали, и из

оных показанному Уфимцову за лошадей 3500 рублей (л. 346) заплатили⁶⁹⁷. Сколько ж той казны всей взято, — не знает⁶⁹⁸. Тут же брала толпа ево правиант, — сколько ж, — не знает. Вино на кабаках, нельзя сказать, чтоб толпа его не пила, но он о том не приказывал. Пушек в городе взято, — помнитца ему, пять⁶⁹⁹ да одна бомба, со всем снарядом, то ж ядры и порох, но сколько, — не знает. Ис Саратова по день разбития ево Михельсоном в толпе его были двое показанных афицеров⁷⁰⁰ и салдаты⁷⁰¹, також купец Кобяков и Уфимцова двое детей⁷⁰², також и все казаки.

По выходе из Саратова⁷⁰³ пошел он поселенными колонистами, коих он прошел пять селеней, но оные драки с ево толпою не делали; охотников же набралось в его толпу пять сот человек⁷⁰⁴. Как он пришел к Саратову, толпы его злодейской было три тысячи человек, а пушек было (л. 346 об.) десять.

Как же он Саратов совсем взял, то в то время пришел толпы ево яицкой казак Ходин⁷⁰⁵ и привел к нему семь сот человек заводских работников, людей боярских и крестьян конных и вооружены ружьями, а у коего ружья нет, так с копьем. Он, увидя его, Ходина, спросил: «Где ты был, и где этих людей набрал?» Оной Ходин сказал: «Как-де тебя, батюшка, разбил Михельсон под Казанью⁷⁰⁶, так-де я из этих людей в небольшом числе все шол позать вас, и дошел-де я чрез Алатарь, Саранск, Пензу, Петровск, но везде тебя не заставал, а приходил после вас, а эти-де люди все ко мне приставали сами». А делал ли оной Ходин в селениях какие убивствы и граблении, о том ему не сказал, да и он о том не спросил.

И потом со всею своею сволочью пошел он х Камышенке сухим путем, а упомянутые бурлаки ехали в своем судне⁷⁰⁷ по реке в виду его толпы. По приходе х Камышинке⁷⁰⁸ (л. 347) встретили ево, не доезжая оной, царицынских казаков тритцать человек, кои были на заставе, и добровольно пристали к ево толпе⁷⁰⁹. Как он пришел к городу Камышенке, то все того города жители встретили ево, Емельку, с хлебом и с солью, а поп — с крестом⁷¹⁰. Но камендант⁷¹¹, не стреляя по ним, заперса в крепость. Казаки ж толпы ево, разбив крепость, каменданта скололи до смерти, а салдат десять человек и с ними афицер⁷¹² взяты и причислены к его толпе. Камендантов двор, також и тех жителей, кои в крепость бежали, дома раззорили. Казна государева разграблена, но кем, — не знает, а он грабить не велел.

В бытность в Камышенке пришел к нему Перфильев⁷¹³ и сказал: «Один-де афицер⁷¹⁴, што взят в Саратове, хочет бежать». И он, Емелька, сказал: «Ты смотри, штоб не ушол. Вить ты ево хвалил, (л. 347 об.) так ты за ним и смотри, а дело-то разбери». А на другой день оной Перфильев сказал ему: «Афицер-ат-де тот, которой бежать хотел, ушол». И он, Емелька, сказал: «Да как ему уйтить? Разве ты его уходил?» И оной Перфильев сказал: «Да уш так быть — ушол». А сам разсмехнулся. А потом услышал он, Емелька, от казаков, что тот афицер истреблен⁷¹⁵. Как он быш в Камышенке, то пришло к нему, Емельке, малороссийских казаков шесть сот человек конных⁷¹⁶.

С Камышенки ж пошол он чрез три царицынских казаков станицы⁷¹⁷. Как первая словет, — не знает, а две — Короваевская⁷¹⁸ и Антиповская⁷¹⁹, которые без супротивления все пристали к его толпе. На тех трех станицах казаков было триста человек. А как из оной станицы** вышел⁷²⁰, то встретила ево толпу лехкая полевая каманда⁷²¹, один донской казацкой полк⁷²² и шесть тысяч калмык⁷²³. И, не дравшись еще с ним, донские казаки съехались ево толпы с казаками, и донские просили ево казаков, что-де командиры их велели просить от государя (л. 348) манифеста. Те казаки, приехав, сказали о сем ему, Емельке. И он Творогову приказал написать манифест⁷²⁴ и послать з двумя калмыками (которые в его толпе служили), которые, отвезя, возвратились к нему и сказали, что они манифест отдали калмыкам, а калмыки повезли к своему князю⁷²⁵, а князь хотел вести х казацкому полковнику⁷²⁶ и к мазору⁷²⁷, которой камандовал лехкою камандою. Но оттуда никакого известия он не получил.

И на другой день, осмотря означенные верныя войски, показалось ему, што каманда велика, то, штоб со оною не дратца, боясь, што его толпу разобьют, пошол в обход другою дорогою. Но оные верныя войски его перехватили и стали по нем стрелять, а потом и он. И как у верных войск подбила его толпа ис пушки у единорога лафет, а тем и пороховой ящик взорвало, от чего калмыки, а потом и казаки, и салдаты подались назад, он, воспользуясь сим случаем, со всею своею сволочью на войски ударил⁷²⁸. Калмыки и дон-

* Речь идет о станицах Волжского (Вольского) казачьего войска — Антиповской, Караваевской и Балыклеевской. Первая из них, ближайшая к Камышину, — Антиповская станица.

** Речь идет о Балыклеевской станице.

цы побежали, (л. 348 об.) также и афицеры салдат оставили, сами побежали ж⁷²⁹, то он, взяв салдат и пушки, отвес к себе в толпу, — коих было с восемь сот человек, — и поручил оных в каманду взятому в Камышенке афицеру⁷³⁰.

После сего пошел он с толпою к Дубовке⁷³¹, где дубовские жители ево встретили, а атаман Персицкой⁷³² ушел в Царицын. И оные казаки добровольно придались в его толпу, ибо их тут было не больше, как человек з двести⁷³³, куда пришло к нему в толпу калмык три тысячи⁷³⁴ с калмыцким князем⁷³⁵, — как помнитца, сказывали ему яицкие казаки, — Дербетевым, — а подлинно не знает. Оному князю дал он пятьдесят рублей да двум ево братьям по тритцати рублей да по кафтану красного сукна, а мурзам их ближним — по концу китайки. А калмыкам велел дать бочку медных денег, — а сколько в ней щотом было, — не знает⁷³⁶.

И потом пошел к Царицыну⁷³⁷ и, поровняясь против оного, стали по нем стрелять ис пушек. А он по городу так же пушек ис четырех выпалил (л. 349) да посадил в город четыре бомбы⁷³⁸.

Как же он пошел с толпою от Дубовки, то не доходя еще Царицына, сошлась с ними Донского войска каманда⁷³⁹ под камандою полковника Кутейникова⁷⁴⁰, которая вступила с ево толпою в драку, но [как] толпа его была сильнее, то оную каманду разогнала⁷⁴¹, и его толпы казак Иван Федулев, которой назван от него, Емельки, полковником, полковника Кутейникова ранил и привел к нему. Он, Емелька, увидя Кутейникова, говорил: «Ты Пугачова дом разорял?»⁷⁴² Кутейников сказал: «Не разорял, а исполнял волю камандирскую». И он, Емелька, сказал: «Узнаешь ли Пугачиху?»⁷⁴³ И Кутейников сказал: «Не знаю». И он, Емелька, велел кликнуть жену свою. А как она пришла, то он сказал: «Вот Пугачиха». Кутейников сказал: «Я ее никогда не видывал». И потом, напоя его вином, выслал вон. А как он вышел, то он Федулеву сказал: «Завтре Кутейникова-та (л. 349 об.) повесьте». Но поутру репортовали ему, Емельке: «Кутейников-де ис-под караула ушел». Но он об оном более не спрашивал, как ушел⁷⁴⁴.

Как выше он, Емелька, показал, что в Царицын бросил четыре бомбы, но з задних его толпы разъездов уведомили ево, што находит на него воинская каманда⁷⁴⁵. И думал он, што идет князь Галицын⁷⁴⁶ или Михельсон⁷⁴⁷, коих он оробел, потому што надежных в его толпе людей осталось, то есть яицких казаков, мало. А хотя другой сволочи число

людей и велико, но они, только услыша о Голицыне и Михельсоне, то сробеют и разбегутца, и стоять против их не станут. [Потому] то он, удаляясь от драки, и пошел, оставя Царицын мимо⁷⁴⁸, ибо прямое его намерение было, штоб, дошед до Черного Яру, итти прямо в Яицкой городок и тут остаться зимовать⁷⁴⁹, о коем его намерении знали только Овчинников и Давилин. А в толпе своей он разглашал, што бутто б (л. 350) зимовать он идет в Астрахань, для того што толпа его вся охотнее туда итти хотела, а на Яик бы охотников итти было мало, кроме яицких казаков, а донские б и волские казаки, да и царицынские совсем от него отстали, равно заводские и боярские крестьяне, потому што он уже о склонности их итти в Астрахань чрез яицких казаков ведал. По пришествии ж зимы куда б он иттить был намерен и какое еще зло делать, — о том никакого размышления на скверное его сердце не приходило, ибо он мерской свой живот в руки отдал с самого начала злодеяней его яицким казакам, почему никак он не смел противитца во всем их богу ненавистной воле и, что б оне в Яике на совете положили, то б он делать и стал.

И по вышесказанной притчине от Царицына он пошел. Но как мешали ему разъезжающие около города донские (л. 350 об.) казаки, коих он своею толпою окружил и потом захватил пять сот человек в свою толпу, протчие ж разбежались⁷⁵⁰. Когда ж донские казаки пришли в его толпу, то многие тут были и знакомые ему и, его узнавши, между собою шептали: «Это наш Пугачов». Но, однакож ни один из них в глаза назвать ево не смел. И как их караулить он не приказал, то весьма много из его толпы ушло⁷⁵¹.

Прошед он, Емелька, Царицын три наслег, на котором и нагнал ево Михельсон с верными войсками, где, по малом супротивлении, сволочь ево разбита, пушки и весь ево обоз взяли, люди ево толпы разбежались в разные стороны⁷⁵². И он побежал к Черному Яру, но, не добежав Черного Яру верст з дватцать, перешол за Волгу в степь⁷⁵³. А как перешол, то Творогов счол оставшую толпу, коей насчитал (л. 351) он сто шездесят четыре человека⁷⁵⁴, ис коих сто шездесят яицких казаков, да башкирской старшина Кинжа⁷⁵⁵, да каргалинской татарин Садык⁷⁵⁶ и, помнитца ему, два татарина с ним.

Ехали они степью целые сутки без воды. И как уже люди и лошади без воды, да и хлеба не было, стали томитца, то он, Емелька, Творогову, Чюмакову, Коновалову и Федулеву

говорил: «Куда вы меня ведете? Люди и лошади помрут без воды и без хлеба». Оные ему говорили: «Мы идем на Узени». И он, Емелька, говорил: «Я степью итти не хочю, а пойдем к Волге. Пусть же хотя там меня поймают, да мы достанемся в руки человеческие, а то в степи помрем как собаки»⁷⁵⁷. На что оные Творогов с товарищи согласились, и с ними пошло казаков человек со сто и больше, также Кинжа и татары. А человек до сорока или с тридцать с ними не пошли, (л. 351 об.) а пустились в степь.

Пришел он с оставшими разбойниками к Волге на другой день утра⁷⁵⁸. Шод по Волге двоим сутки, нашли калмык ставропольских двенадцать человек; из них поймали двоих, а десять ушло. Те двое сказали, што оне по Волге гуляли; взяв у тех казаков* с хлебом навьюченных четыре лошади, и оных от себя отпустили.

И потом, чрез несколько дней спустя, наехали они на поставленную ис Камышенки заставу⁷⁵⁹, ис которой двух человек скололи: одного — он, Емелька, а другова — племянник казака Федулева, Василей Федулев⁷⁶⁰.

Во время ж сего их беганья один казак увел у Творогова дву лошадей и с оными бежал, но после того казака харунжей его толпы и помянутой татарин Садык убили. После сего дошел он до малороссийской слободы⁷⁶¹, — а как зовут, — не знает, — где, купя одну лошадь и телегу, посадил в оную жену свою Софью, ибо она с самага разбития под Царицыным по (л. 352) переходе за Волгу до сей слободы таскалась за ним верхом. Потом, оставя Елтонское озеро вправо, пошли на Узени, и пришли на Узень, называемый Марцо. С оного двое казаков⁷⁶² поехали стрелять и ездили всю ночь. Как же по проходе одного Узеня пришли на другой, то оные казаки, приход на тот Узень, сказали: «Мы-де нашли, как ездили стрелять, старцов». И он, Емелька, Творогову и другим ближним при нем говорил: «Поедем к старцам. Не найдем ли тамо кого наших беглых старцов». И Творогов, Чюмаков, Иван Федулев, Горлов, Бурнов и еще человека четыре или пять казаков, — имен их не знает, — сказали: «Поедем».

Почему он, Емелька, и взял лошадь не из лутчих, то, по дошед к нему, Емельке, Творогов, говорил: «Што вы такую худую лошадь себе беретья? Вы б полутче взяли. Неравно-де как што случитца, так бы было на чом побежать». И он,

* Ошибка в оригинале; правильно: калмыков.

Емелька, сказал: «Я берегу хорошую-та (л. 352 об.) лошадь⁷⁶³ вперед для себя и для вас». И потом поехали, а оставшая толпа осталась на Узене.

Как отошли оне от Узеней две версты и старцев не нашли, а пришли к ним человека с три стариков яицких казаков, но без монашеского платья, и принесли к нему дыню. И евши дыню, Чюмаков спросил ево, Емельку: «Што ж, куда мы пойдём?» И он, Емелька, сказал: «Я и сам не знаю, куда пойдём. Куда вы хотите, туда и я пойду». И оной Чюмаков говорил: «Я вам правду скажу: не пойдём мы ни в Сибирь, ни в чюжую землю и никуда, а пойдём в Яицкой городок». И он, Емелька, сказал: «Хорошо, пойдём. И кали нас там примут, так останемся тут, а кали не примут, так пойдём мимо». И Чюмаков сказал: «Как не принять? Примут»⁷⁶⁴.

И потом, переехав речку⁷⁶⁵, хотел он, Емелька, сесть на лошадь, но Чюмаков сказал Бурнову, (л. 353) указав на него, Емельку: «Сыми с него саблю». Бурнов, подошед к нему, снял с него саблю и потом ледунку. А в то ж время поехал оной Чюмаков и Горлов к оставшей на другом Узене⁷⁶⁶ толпе, и тамо Коновалова⁷⁶⁷ также всево обобрали. И как Чюмаков и Горлов от него уехали, то, вознамерясь он, Емелька, от оставших людей, то есть Творогова с товарищи, убежать, поскакал от них в камыши. Но оные ево, — а кто имянно, — не помнит, — догнали⁷⁶⁸. А потом, наехав и другие оставшие, догнавши, поехали вокруг ево, так што уйтить ему более было невозможно.

А потом, доехав до речки, с лошади слес, которую у него и взяли, и, оставя ево под караулом, послали сказать оставшей, как выше сказано, на Узене, толпе. Потом толпа приехала, и собрали круг и послали сказать, что он, Емелька, (л. 353 об.) арестован, в Яик казака Калмыкова⁷⁶⁹. А сами остались все на том месте, где он сшол с лошади, и отдан под караул. А как отдали ево под караул, то главным над толпою остался казак Федулев.

Начевав на том месте, не дождавшись возвращения Калмыкова, пошли до реки Яика и, отошед несколько верст, остановились кормить лошадей. И как остановились, то пришли к нему казаки и говорили: «Куда нас ведете? Нас всех в Яике погубят. А заведомо б вести ево, Емельку, в Москву, и там явитца, или уже станем скитатца на Узенях». И он, Емелька, видя этот шум, вскоча, схватил из лежащих блиско ево в куче казацких сабель, закричал, подшед к Фе-

дулину*: «Куда вы меня везете? Ваши казаки на Яик итти не хотят, так лутче пойдём в Москву. А Федулев такой же изменник и сообщник мой, как и я, (л. 354) и вы, господа казаки, ево свяжите». Сие он говорил для того, чтоб не возили ево в Яик, а повезли в Москву, и там бы за злодеянии свои был бы наказан. А как казаки другие, пришедши с Федулевым, на тех казаков, кои противились итти на Яик, закричали: «Што вы это делаете? Еще мало мы бед-та наделали?» — то оные казаки и разошлись врось. А он, Емелька, видя, што те казаки от него отошли, взятую им саблю бросил⁷⁷⁰. И потом повезли ево в Яик.

Не доезжая ж оного, прислана из Яика навстречю толпы его каманда, с коею пришол казак Харчов⁷⁷¹ и, пришод, посадил его в колоду обеими ногами, и потом привез ево в Яицкой городок⁷⁷². И отдан он бывшему тамо гвардии офицеру Маврину⁷⁷³, которой тот час велел ево заковать (л. 354 об.) в ручные и ножные кандалы и потом ево, Емельку, допрашивали, где он во всех своих злодеяниях винился⁷⁷⁴.

А из Яика послан он под караулом генерала Суворова⁷⁷⁵ в Синбирск⁷⁷⁶, где также ево генерал граф Петр Иванович Панин и генерал-маюр Павел Сергеевич Потемкин о содеянных им злодеяниях допрашивали⁷⁷⁷, где по тому ж во всех чиненных им с толпою своею злодействах винился. А из Синбирска послан он, Емелька, за караулом в Москву, куда он и привезен⁷⁷⁸.

Кананер Белобородов⁷⁷⁹ толпу набирал и злодействы делал даже до приходу ево в Магнитную крепость⁷⁸⁰ сам собою, а он, Емелька, его не знал и его никуда не посылал. По приходе ж ево в Магницкую крепость злодейства и убивсты делал, бывши под ево приказами, по самое разбиение ево, Емельки, под Казанью⁷⁸¹. А с того времени он ево не видал⁷⁸².

(л. 355) Во время бытности ево с толпою в Караваевской станице (которая подле Антиповской станицы) послал он, Емелька, той Караваевской станицы чрез атаманна⁷⁸³, — а как зовут, — не знает, — с двумя той станицы казаками⁷⁸⁴ возмутительной манифест на Дон, в Березовскую станицу⁷⁸⁵. И тем манифестом званы донские казаки в его злодейскую толпу. Но назад те посланные к нему не возвращались и, дошел ли до той Березовской станицы⁷⁸⁶, он не знает и ни от кого не слышал, — и казаки с той станицы к нему в толпу не приходили.

* Ошибка в оригинале; правильно: Федулеву.

В бытность ево в Берде говаривал он с своими главными товарищами, почти всеми, что-де «как я возьму Оренбурх, то пойдем в Москву, а из Москвы в Петербурх, и там-де сяду на престол». Но ис тех его друзей говаривали ему: (л. 355 об.) «Нет-де, тебе надобно на престол сесть в Москве, и тут-де дадут тебе с осударынею суд»⁷⁸⁷. Об оном говаривал он к ободрению воровской своей шайки, а сам он в Москву итти не хотел, потому што, зная он о себе, что — казак, как бы ему возможно в Москву появитца? — ибо в Москве, думал он, что все покойного государя знавали.

(л. 356)⁷⁸⁸ О французе ж Ламаре и Каре⁷⁸⁹ Пугачов сказал: «Первое, я-то во всю жизнь свою в Саратове был с салдатом или гранодером Семеновым⁷⁹⁰ в 772-м году тогда, как ехал из Добрянки, где пробыл одну ночь под караулом, а на другой день за салдатом и выпровожены за город⁷⁹¹. А в другой раз был в Саратове ныне⁷⁹² с толпою, по побеге уже от Михельсона. В Ачакове* сроду не бывал, как и из допроса ево видно⁷⁹³. А в пруской службе и быть неможно, потому што, как война была, так он был осмнатцати лет и служил казаком, как в допросе его значит⁷⁹⁴. Кара⁷⁹⁵, также ис колонистов он не знает и никогда ево не видывал, да и в толпе ево не бывал. И не только ему, но и никому никаких комисей в чюжие государства не давал, да и давать ему неможно, что он ни на каком языке грамоте не умеет. Даже и толпы его, злодея, письменной человек Творогов и Почиталин сказали, што никого в чюжие края не отправляли. По-иностранны писал только (л. 356 об.) Шванович⁷⁹⁶, которой попался уже в 773-м году, когда Кар разбит был. Конфидератов в полон взял, было, злодей в нынешнем году летом⁷⁹⁷, но были только несколько часов, и потом все Михельсоном отбиты. Колонистов пятьдесят человек у него было⁷⁹⁸, да и те в его толпу взяты нынешним же летом, как уже ис Казани злодей бежал, а отстали от него под Царицыным, как Михельсон розбил его толпу⁷⁹⁹.

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 228—341 об., 344—356 об. — Подлинник.
Опубл. (без л. 354 об. — 356 об.): Красный архив. 1935.
№ 69—70. С. 163—224

* Ошибка в оригинале; правильно: Очакове.

№ 4

Протокол показаний Е. И. Пугачева
на допросе в Московском отделении
Тайной экспедиции Сената¹

4 ноября 1774 г.

(л. 32) 1774 года ноября 4 дня пополуночи в 10-м часу в Тайную экспедицию прибыл господин генерал-аншеф, сенатор и кавалер князь Михайла Никитич Волконский², и в судейскую камору привезенной сего числа из Синбирска злодей Пугачев его сиятельству представлен.

Злодей без всякого спроса пал на колени и сказал: «Виноват пред богом и пред государынею».

Потом его сиятельство уличал его, злодея, бесчеловечными зверскими злодеяниями.

Оной злодей сказал: «Мой грех, подбили меня люди. Да уже таперь виноват». Людей же изъяснял точно самых тех, о коих у графа Петра Ивановича Панина³ показывал⁴, не прибавляя никого больше. Наконец сказал, что: «Я уж сам был этому не рад, да яицкие казаки делали што хотели».

(л. 32 об.) Потом его сиятельство с сим извергом исторически говорил с начала: каким он образом, где и когда сие содеянное им злодейство в скверное свое сердце посеял, и кто ему первья были в сем зле пособники, даже и во все время кто его и чем подкреплял.

На что он, злодей, говорил точно так, как и у графа Петра Ивановича Панина в допросе показал⁵, хотя оной ему был здесь и не читан.

После сего он, злодей, спрашиван о знаме⁶.

Злодей говорил, что-де во многих крепостях браны были знамена, а какие они, — он не знает, потому что брали и к нему приносили яицкие казаки, но ис которой крепости имянно взято, — он не знает, только того знамя, кроме казак, из других мест [никто] не привозил.

Потом злодей спрашиван о Долгополове⁷, ржевском купце.

Злодей сказал, что у него такого и не бывало, а привез к (л. 33) нему подарки подлинно купец Иван Иванов⁸.

А Долгополов говорил, что он никогда Иваном Ивановым не назывался⁹.

После сего его сиятельству представлена первая жена его Софья¹⁰. Она о злодее сказала: «Чорт ево знает, што он это наделал. А я о злодействе его прежде никогда от него не слыживала¹¹, и он меня бросил уже три года».

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 32—33. — Подлинник. Оpubл.: Вопросы истории. 1966. № 7. С. 96

№ 5

Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената

8 ноября 1774 г.

(л. 96) 1774 года ноября 8 дня в Тайной экспедиции в присутствии его сиятельства господина генерала-аншефа, сенатора и кавалера князя Михаила Никитича Волконского¹ злодей Пугачов спрашиван о знаме² (которое ему и показывано), где оно полонено.

На что злодей сказал, что это знамя нигде не полонено, а найдены Перфильевым³ в двух сундучках два знамя, одно — с черным гербом, а другое — это, когда его злодейскою шайкою разбита была лехкая полевая команда под Бубовкою⁴.

Показыван же ему, злодею, быш присланной от ея императорскаго величества шелег⁵ с его мерскою рожею. Злодей, смотря его, сказал, что он никогда никаких манет с своею мерскою харею никому нигде делать не приказывал, «а естли б я хотел, то б велел наделать и серебряных».

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 96. — Подлинник.
Оpubл.: Вопросы истории. 1966. № 7. С. 97

* Описка в оригинале; правильно: Дубовкою.

№ 6

Протокол показаний Е. И. Пугачева
на допросе в Московском отделении
Тайной экспедиции Сената

15 ноября 1774 г.

(л. 206) 1774-го года ноября 15-го дня в Тайной экспедиции злодей Емелька в пополнение первого своего допроса показал:

1-е. Отставной гвардии унтер-афицер Голев¹, в Берду ль он пришел в его толпу, и кем он привезен, — не знает². А узнал он его Голева по приходе ево, Емельки, в Белорецкой завод³, потому што он, пришед к нему, просил ево, чтоб дать ему команду. И он, Емелька, сказал ему: «Набери сам команду, так и будь полковник». И он, Голев, сказал: «У меня-де уж набрано здесь сто человек». И он, Емелька, сказал: «Набери-де ещо, так и будет полк». А потом, как пришли под Магнитскую крепость⁴, то оной, (л. 206 об.) пошед с реки по правую сторону крепости, где ево и ранили в ногу. А как крепость взяли⁵, то оной Голев сказал, раненой будучи, что он в крепость влез, даром што ранен. Оной же Голев весьма пивал, и пьяной, прихаживая к нему, прашивал вина, то Голев при всех казаках говаривал: «Вот так, топерь вина не даешь. А это ты забыл, как бывало, уча гвардию-та, да палкой в груди тыкал, коли хотя мало ружьем не так што сделаешь?» И потом оной Голев был в его толпе по самое разбитие ево под Царицыным⁶. Оной же Голев многих толпы ево людей уверял, што он — государь, и он ево знал.

(л. 207) 2-е. Василья Персиянинова, которой прозывается Торновым⁷, он не знал, и посылан ли он был в Нагайбак с злодейским его манифестом⁸ от Горшкова⁹, — он не ведал. А может быть, и был посылан, потому што от него приказывано было посылать в разные места, чтоб с ним никто не дрался. Но как толпою ево, Емелькиною, зажжена была Казань¹⁰, и все люди из оной выбежали, то оной Торнов прибежал к нему раненой и сказал, что ево ранили в Казане афицеры¹¹, а держался-де он в Казане¹² за то, что он служил ему полковником, и просил, чтоб ево причислить к ево толпе и велеть набрать полк. Что он ему и приказал: «А

как-де наберешь (л. 207 об.) полк, так и будь полковник». После ж разбития ево Михельсоном под Казанью¹³, оной Торнов из разных людей полк набрал и был с полком с ним, Емелькою, во всех местах, даже до разбития ево Михельсоном под Царицыным¹⁴, а по разбитии где он девался, — не знает...

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 206—207 об. — Подлинник.
Опубл.: Вопросы истории. 1966. № 7. С. 98

№ 7

Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената

16 ноября 1774 г.

(л. 219) 1774-го года ноября 16-го дня в Тайной экспедиции злодей Емелька в пополнение первого своего допроса¹ показал:

Как был он, злодей, под Царицыным, то приходил к нему салдат², а как ево зовут, — не помнит, и говорил, чтоб он дал ему злодейской свой возмутительной манифест для отвозу к отставному порутчику Гриневу³, а притом уверял, что-де оной Гринева будет к нему преклонен⁴, причем одного Гринева и хвалил. Почему и велел он тот злодейской манифест написать Творогову⁵, но оной написал ли и тому салдату отдал ли, — не знает. Но только от Гринева никакова известия на тот ево манифест (л. 219 об.) не получал, и одного Гринева он, Пугачов, не знает.

Да и сверх сего салдата, множество толпы его людем злых своих манифестов как сам для разсеваия оных раздавал, так и Творогову таковые ж раздавать и в разные места для возмущения народа, — кто только попросит, — приказывал, но сколько оных разсеяно, — он не помнит.

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 219—219 об. — Подлинник.
Опубл.: Вопросы истории. 1966. № 7. С. 99

№ 8

Протокол показаний Е. И. Пугачева
на допросе в Московском отделении
Тайной экспедиции Сената

17 ноября 1774 г.

(л. 222) 1774-го года ноября 17-го дня в Тайной экспедиции злодей Емелька в пополнение ж первого своего допроса¹ показал:

Взятые им в Алаторе² серебряники делали медали с патретом государя Петра Перваго с старинных медалей³. И всех медалей таких больше он не роздал толпы своей злодеям, как с дватцать⁴. Да в Яике сделана ему серебряная печать, чем печатали ево злодейския указы, с государственным гербом⁵, но кто делал оную, — не помнит⁶. Манет никаких с своею мерскою харею никому нигде делать не приказывал, и никому ж оных не давал, а естли б он хотел, то б (л. 222 об.) велел наделать и серебряных, и кто шелег⁷ с его мерскою харею делал, — он не знает.

Под Дубовкою, как уже всей той станицы казаки и старшина без всякого сопротивления добровольно здалися и пошли служить к нему в толпу⁸, то в тож время пришел к нему и астраханской депутат Горской⁹ и говорил, што он желает служить ему¹⁰. Которому он и сказал: «Служи, я тебя не оставлю». Которой и был в его толпе по самое разбитие ево под Царицыным¹¹, а куда он по разбитии девался, — он не знает¹². О пограбленных же у оного Горского толпы его казаками платье и лошадях никакой жалобы от оного Горского (л. 223) он не слышал¹³.

Как сначала под Яиком под команду старшины Вишонова¹⁴ (которой потом и у него, Емельки, был полковником усердным и судьей в его воровской коллегии)¹⁵ яицкие казаки в руки его захвачены¹⁶, и из оной команды и, имянно на выбор тех, кои были так называемы с послушной стороны, повесить злодей велел одиннатцать человек¹⁷. Сие самое показанное тиранство больше толпу его к нему уже и страхом привезало, ибо как он их вешать велел, то из толпы его ни один не противоречил. И коль скоро дошел было до виселицы Федор Чумаков¹⁸, то шайки его злодейской казаки, как и оной Чумаков был непослушной сторо-

ны, тотчас от смерти его избавили, хотя уже он и к виселице приведен был.

И после сего он, Емелька, а под предводительством его и вся собравшаяся толпа делали ужаснейшия злодейства, как то: убивали (л. 223 об.) верных ея императорскаго величества рабов и сынов отечества за то только единое, что кто был верен всемилостивейшей государыне и отечеству, а сим самым и умножалась его толпа в тамошнем краю.

Злодей Пугачов во всех чинимых им злодействах винился и показывал: сколько им самим, також и его злодейскою толпою, людей в разных городах, крепостях и селениях умерщвлено, и какие имянно как он, так и злодейской его шайки товарищи чинили разныя тиранствы, раззорения и грабительствы, а равно и раззорение святым церквам и всем освященным в них сосудам и даже разрушением правилов, святых жертвенников и самых святых икон, с ругательством колонием оных, также и в убивствах в святых церквах священников и других людей, кои думали получить от тиранства злодейской его толпы спасение, были ж умерщвлены, — он, по множеству сего произведеннаго злодеяния, показать и счислить не помнит и не может. В чем он как (л. 224) пред богом, так и пред ея императорским величеством и пред всем родом человеческим, как он всем тем учиненным злодеяниям самую главною виною есть, приносит покаяние с тем, что-де за все погибшие души человеческие должен он, как такой неслыханной враг и злодей рода человеческого, претерпеть жесточайшия мучения и законами божескими и государственными положенную лютейшую казнь.

Все же учиненные злодеянии от него произошли, и судя* он пойман ныне не был, то б и еще более продолжать он (л. 224 об.) оные не отстал, даже остервенела его скаредная душа до того, что какия он злодействы ни делал, то не ощущал в себе человеческого сожаления, а тем меньше — раскаяния, и если б сообщники его от него не отстали, то б он покусился иттить и в Москву. Но во все время злодейств его никакого он разположения в злой своей душе, — чем сие его злодейство кончить, — не имел, но когда разбивали его толпу верные войски, то он только думал о том, как бы ему не быть пойману. Помощи ж и надежды ни

* Так в тексте; правильно: если б.

на кого он, кроме его сволочи, не имел. Что же (л. 225) касается до истребления дворян, то также происходило от него и от его толпы подлинно по остервению скверных их душ, случайно и по жалобам крестьян, с таким только намерением, чтоб дворяне не мешали умножать его толпы, а чрез то б и крестьяне, как их великое множество, не имели в том от господ своих страха. А потому и обольщал крестьян, так как и казаков, описанными в скверных его разсеянных возмутительных бумагах выгодами, думая, что такие (л. 225 об.) для их лестные выгоды больше прилепят их к его скверной и богомерской роже.

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 222—225 об. — Подлинник.
Опубл.: Вопросы истории. 1966. № 7. С. 99—100

№ 9

Протокол показаний Е. И. Пугачева на очной ставке с О. И. Коровкой в Московском отделении Тайной экспедиции Сената

18 ноября 1774 г.

(л. 344) 1774-го года ноября 18-го числа злодей Пугачев спрошен был: «Самая ль истинная в допросе его на малороссиянина Коровку¹ от него показана?» На что оной злодей сказал, что он показал самую суцую правду. Причем сказано ему, злодею, узнает ли он Коровку? Оной сказал: «Как не узнать!»

И потом, после допроса, взведен к нему Коровка, и злодей, взглянув на Коровку, сказал: «А, здравствуй, Коровка!» — где и Коровка его узнал².

Злодею сказано, что «Коровка против показания твоего ни в чем не признаетца». Злодей сказал: «Я уже показал». При чем Коровка его уличал, что он на него лжот³.

Как же Коровка выведен, то злодей был увещеван, чтоб показал истинную, ибо инаково повосщик Алексей⁴ и сын Коровки⁵ сысканы тотчас будут.

И оной злодей Пугачов, став на колени, сказал: «Виню ват богу и всемилостивой государыне. Я на Коровку, на Кожевникова⁶, Долотина⁶ и криворотова купца⁷ и на Филаре-

та⁸, (л. 344 об.) раскольнического старца, о том, что первья давали ему деньги⁹, також и что хотели ему помогать деньгами, и что бутто б он, по признанию салдата Алексея Семенова¹⁰, называл он себя государем Петром Третьим, показывал ложно¹¹. А по побеге ево з Дону¹² и по приезде в раскольническую слободу, называемую Черниговку¹³, и по найме той деревни крестьянина Алексея, от той деревни отъехав несколько верст, того ж дня говорил: «Я-де, Алексеюшка, еду не для догнания Краснощокова¹⁴, а я-де ищу такого места, где б послужить богу». И на то Алексей сказал: «Вот-де, недалеко здесь живет Коровка, он-де — человек набожной, и таких людей принимает». Почему х Коровке и приехали¹⁵.

А по приезде х Коровке говорил он, Емелька: «Я-де еду за обозом Краснощокова, да хочетца-де мне хотя б пожить где бога ради». И Коровка сказал: «Я-де рад тебе, да невозможно, што уж я (л. 345) держал таких людей, да они меня раззорили, так уже боюся». И потом он, Пугачев, говорил: «Так я таперь поеду за Кременчуг, тамо у меня осталось в слободе, как я шол ис-под Бендер¹⁶, много пажити, как то, серебра и платья, затем что тогда за язвою ничего не пропускали. А взяв оное, поеду к Бендерам, слышно-де, што там генерал Каменской¹⁷ поселяет всякого, и там-де будет жить свободно». И оной Коровка сказал: «Здесь-де нашей братье, староверам, жить нельзя. Вот-де я за крест и бороду страдал в Белгороде и с сыном лет с семь. Дай бог здравье милостивой государыне, што указ дала¹⁸, так свободился. И как-де ты поедишь, так наведайся, бога ради, и кали принимают, так, как поедишь назад, то заезжай и скажи мне. Я б-де со всем домом туда поехал». И он, Пугачов, сказал: «Туда-таде ехать мне бес пашпорта невозможно». И оной Коровка сказал: «Я-де велю сыну тебе написать пашпорт». И, позвав (л. 345 об.) сына Антона, пашпорт написать велел. Которой написал его настоящим именем¹⁹, только не казаком, а хорунжим, и подписался под руку полковника Денисьева²⁰.

От Коровки поехал он с помянутым повозчиком Алексеем в село Протопоповку²¹, которая от Изюму в тридцати верстах. По приезде в село, Алексея отпустил, а сам поехал было в помянутое село, а как называют, — не помнит. Но тогда, как были карантины, то и возвратился опять х Коровке.

А как приехал²², то Коровка спросил ево: «Што ж, Емельян Иванович, селятца ли под Бендерами?» На что

Пугачов, обманывая Коровку, сказал: «Ездил, и селятца, но только-де надобно самому туда ехать и выправить указ». И Коровка сказал: «Самому мне ехать нельзя, а возьми сына Антона». Почему оной Антон, написав пашпорт²³ на имя ево, Пугачова, и вписав в оной донского ж казака (л. 346) Небокова (оной Небоков значил Антона Коровку). И Коровка, дав ему, Пугачову, денег пятьдесят рублей и пару лошадей, оного сына своего с ним отправил и просил, чтоб выправить указ о поселении под Бендерами. Емелька обещал указ привести, а притом Коровке ж говорил: «Ты уже ни хлеба не сей, ни сена не коси, конча поедишь».

И потом он, Пугачов, поехал с сыном Коровкиным на Кременчуг. И не доезжая Кременчуга, в селе Царевом показанной пашпорт, писанной Антоном, прописали, не узнав, что он воровской, а с Царева на Водолаг, а с Водолаг под Кременчугом на заставе еще тот пашпорт прописали, потом еще, по проезде Кременчуга, при перевозе афицер тот пашпорт прописали²⁴.

Ис Кременчуга поехали в местечко Крюково и, ехавши ис Крюкова прямою дорогою к Елисаветинской крепости, приехали одним днем в показанное местечко, где была (л. 346 об.) его пажить, к жителю Усачову, где оной Усачов дал ему за всю ево пажить только дватцать рублей, да два шолковых кушака.

Антон Коровка разведаль в том местечке, что в Бендерах никакого поселения нет, то наняли того ж местечка жителей трех человек за шесть рублей, чтоб проводить за границу мимо заставы, кои их в Польшу в один день и проводили²⁵.

В Польше Антон написал другой пашпорт для русских объездов, что будто оне отпущены от Краснощокова на Дон. Но, однакож, попались оне рускому афицеру, которой, обобрав у них лошадей и деньги, кои от Коровки даны и, подержав дvoi сутки, отпустил²⁶.

И потом пришли в Ветку. Побыв в Ветке неделю, Коровку оставил тут²⁷. А сам пошел на Добрянку и, явясь на фарпосте, отослан в карантин, познакомился с беглым, которой, как в первом (л. 347) ево допросе²⁸ значит, сказался гвардии гранодером Алексеем Семеновым²⁹. И как есть им обоим было нечего, то работали тут, в Добрянке, у жителя Косоротова, которой в первом допросе показан Крыловым³⁰, баню. А о имени Кожевникова³¹ сведаль он только потому, што оной нашивал в карантин милостыню, а боль-

ше ево никак не знал, и ни одного слова с ним не говорил. А только как с фарпоста дали им обоим, то есть, ему и Семенову, пашпорты³², то они зашли на двор х Кожевникову попросить милостыню, которой и дал им целой хлеб, а по отдаче спросил их: «Куда вы идете?» То они сказали, что «идем на Иргис». И Кожевников обоим им сказал: «Кланяйтесь отцу Филарету, меня де на Иргисе все знают»³³. Почему он к Филарету по приезде на Иргис и подошел с поклоном.

Из Добрянки пошли он и Семенов в показанную деревню Черниговку к помянутому (л. 347 об.) повощику Алексею. По приходе к Алексею, показали они данные им из Добрянки пашпорты о поселении их на Иргизе. Алексею пашпорты показали, и приказал он бывшему у него, Алексея, в доме неизвестному человеку написать с своим именем такой же пашпорт³⁴. А потом он просил того человека, чтоб написал Коровке с женою и з детьми, да жена тому его ж сыну з женою два пашпорта, которой и написал³⁵. А по написании, с помянутым Алексеем поехал он к Коровке, а гранодер Семенов остался у Алексея в доме с тем, чтоб дожидаться ему Емельки возвратно.

По приезде³⁶, Коровка пенял ему, што долго заехал, а притом спросил и о сыне своем Антоне, где он. На что Емелька, утая, што он оставил его в Ветке, сказал: «Вот он зараз будет, он-де боится ехать прямою дорогою, что тут ловят в гусары». И потом, отдав означенные два пашпорта, писанные в алексеевом (л. 348) доме, начевав одну ночь, взял свою лошадь, и он, Коровка, дал ему, Емельке, денег пять рублей³⁷, поехал к Алексею в дом, где, взяв с собою Алексея Семенова, пошли показанным в допросе ево путем.

В бытность ево у Коровки и у Алексея говорил он, Пугачов: «Естли иногда на Иргизе жить худо будет, то можно оттуда уехать на Кубань, куда ушли некрасовцы»³⁸.

По приходе ж описанною в допросе ево дорогою в Глазуновскую станицу х казаку Андрею Кузнецову³⁹ вместе с Семеновым, то он тому Кузнецову только что показал данной пашпорт ему из Добрянки, тажж сказал ему и о том, что естли ему будет на Иргисе жить худо, то он пойдет на Кубань, куда пошел Некрасов⁴⁰. Он же, обманывая того Кузнецова, говорил: «Пожалуй, не оставь меня, я поеду оттуда назад мимо тебя, у меня-де есть оставлены на границе мои товары»⁴¹. И оной Кузнецов сказал: «Коли-де ты поедешь на границу, (л. 348 об.) так я тебя провожу». Оной же

Кузнецов денег не дал ему ничего, а только обменял ему свою лошадь⁴².

Сперва в Яике, а потом и в Синбирске на помянутых людей ложно показывал⁴³, будучи в страхе, а в Синбирске — боясь наказания, ибо, как стали его стегать⁴⁴, то и не знал, кого б ему оговаривать. А как показанных людей именами он знал, то на них и показывал. А потом и здесь он, в Москве, то свое показание, зная, что оно ложное, не отменил⁴⁵, боясь уже показать разноречие.

Показанному ж Филарету более ничего не говорил, как только то, что он поедит на Кубань и будет яицких казаков уговаривать. На что оной Филарет сказал: «Поезжай в Яик и скажи им, что их проводить туда можешь. Они-де с тобою с радостью пойдут. Да и мы-де все пойдем». Також поклон правил и от Кожевникова, и он сказал, что «я его знаю». Денег же (л. 349) Филарету ни копейки не давал, да и у самого у него оных не было. Филарет же говорил: «Яицким-де казакам великое разорение, и они-де помышляют бежать к Золотой Мечете». И к сим словам он, Емелька, сказал: «Лутче-де бежать туда, куда бежал Некрасов».

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 344—349. — Подлинник.
Опубл.: Вопросы истории. 1966. № 7. С. 100—101

№ 10

Протокол показаний Е. И. Пугачева и И. Н. Зарубина на очной ставке в Московском отделении Тайной экспедиции Сената

18 ноября 1774 г.

(л. 316) Того ж числа* в присутствии его сиятельства князя Михаила Никитича Волконского представлены порознь злодей Емелька и Чика¹, и спрашиваны о Сомадурове²: жил ли он, Чика, с ним на Узенях в землянках; а злодей: знает ли он того Самодурова, и был ли он в его толпе?

На что Чика сказал, что он с оным Самодуровым на Узенях в землянках не жил, да и Емельку ему тамо не показывал, и он на Узенях никогда с Емелькою не бывал³.

* 18 ноября 1774 г.

(л. 316 об.) А Пугачев, смотря того Самодурова, сказал, что он сего человека не знает, и в толпе его не бывал, а был брат ево родной Яков⁴, которой под Оренбурхом убит⁵.

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 316—316 об. — Подлинник.
Опубл.: Вопросы истории. 1966. № 7. С. 102

№ 11

Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената

28 ноября 1774 г.

(л. 391) 1774-го года ноября 28-го дня в Тайной экспедиции злодей Емелька о письме¹, писанном от него к Филарету², спрашиван и показал.

Письмо к Филарету от имени ево писал ему мужик ис Терсы Василей Иванов сын Попов³, которой ево, Пугачова, вес в Синбирск, по такому случаю: как его из Малыковки повезли скованого в Синбирск⁴, то оной Попов и другой его товарищ⁵ (а как зовут, — не знает) сидел у него караульщиком на саях и, едучи дорогою, говорили ему: «Дай-де ты нам по сту рублей, так мы тебя отпустим», — ибо оне считали его купцом⁶. Он, желая, чтоб они его отпустили, и обманывая их, говорил им обоим: «Пожалуйте, отпустите. Я вам по сту рублей дать готов, да таперь со мною ничего денег нету. А были у меня деньги, так я купил рыбы. А есть-де мои деньги (л. 391 об.) четыреста семдесят рублей, да оставлены у отца Филарета⁷. А коли вы меня отпустите, так и приезжайте к отцу Филарету, так я вам там по сту рублей и отдам». Но, однакож, оной Попов с товарищем сим его посулам, видно, не поверили и без денег ево не отпустили.

Как же стали подъезжать к Синбирску, то Попов опять говорил: «Я-де о тебе поговорю подъячему, так он постарается о тебе». И он, Пугачов, говорил тому Попову: «Пожалуй, поговори. И как-де и судьям будет в угоду меня ослабодить, так-де ты напиши от меня к отцу Филарету письмо, да отдай господам, так пусть они ево прочитают. И коли им в угоду будет, и меня отпустят на Иргис, так я сими деньгами с ними и расплачусь. А коли не в угоду будет, так пусть меня отошлют в Казань».

В какой же силе оное письмо писано, и где ево Попов писал⁸, — он не знает, потому што ему ево Попов не читал, и того письма он, Пугачов, (л. 392) не видал.

Как же въехали в Синбирск⁹, то показанной Попов завез его сперва на постоялой двор¹⁰ и, введя его в ызбу, сказал ему, Пугачову: «Ты-де шубу оставь здесь, а я-де после тебя ее принесу, а то-де с тебя в канцелярии ее сымут». И потом, оставя шубу, повели его в канцелярию. А после, подошед к нему, подьячей¹¹ и говорил ему: «О тебе-де просят, так есть ли у тебя деньги?» Он, Пугачов, сказал: «У меня здесь денег нет, а есть деньги у меня у отца Филарета». И оной подьячей тотчас отошел от него прочь. Как же посадили под караул, а Попов шубы к нему не несет, то он, Пугачов, попросил того ж вечера секретаря¹², что-де «Попов снял с меня шубу». Секретарь за Поповым посылал искать, но не сыскали. А секретарь приказал ему шубу другую дать.

И потом, на другую ночь, из Синбирска и отправили его в Казань¹³.

Показанное ж письмо к Филарету о деньгах писать он приказывал для (л. 392 об.) того, что сих караульщиков старался он обмануть, чтоб его ис-под караула показанной Попов отпустил. Самою же вещью денег ево ни одной копейки у Филарета не было, да и взять ему негде, как он и прежде о том в допросе своем показал¹⁴. Також и Филарет его ни одною копейкою не одолжал¹⁵. На Филарета ж он лгал для того, что не знал, на кого б друга ему сослаться.

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 391—392 об. — Подлинник.
Опубл.: Вопросы истории. 1966. № 7. С. 102—103.

№ 12

Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената

1 декабря 1774 г.

(л. 394) По отправлении означенной реляции¹ злодей Емелька показал:
Как-де он, Емелька, сначала с Семеном Филиповым² пое-

хал на Яик³, тогда он, Емелька, едучи с ним, Филиповым, дорогою, открылся ему, Филипову, и сказывал: «Я-де, Семен Филипович, еду на Яик-от не за рыбою, а еду подговаривать их, чтоб они и с семействы их, взяв от него жалованья, по двенатцати рублей, бежали на Кубань и отдались в вечное подданство турецкому султану», — и якобы у него на границе оставлено до двух сот тысяч рублей товару, ис которых он то бежавшее Яицкое войско и коштовать будет, и как-де они за границу пройдут, то встретит их турецкой паша, и ежели-де понадобится войску денег на проход, (л. 394 об.) то он, паша, даст еще до пяти миллионов рублей⁴.

И едучи дорогою, оной Филипов завез ево, Емельку, на умет⁵ к Ереминой Курице⁶. И как скоро он, Емелька, Еремину Курицу увидел, то спросил ево: «Каково жить яицким казакам?» Оной без всякого затруднения сказал, что-де им очень жить худо, и они-де от старшин раззорены. И он, Емелька, спросил: «Поедут ли они с ним на Кубань, то б он их провел». И Еремина Курица сказал: «Как-де, чай, не поехать? Да вот-де здесь живут два казака яицкие Закладновы⁷, так-де поговори, сверх меня, с ними, они больше знают. Вот-де я их позову».

И потом тот час два казака пришли, коих он спросил так же, как и Курицу. (л. 395) Оные ему сказали те ж жалобы, как и Еремина Курица. Емелька сказал им: «Я-де провожу вас на Кубань»⁸.

Как же Филипов повез его в Яик⁹ и привез прямо в дом к казаку Денису Пьянову¹⁰, — которой — сущей раскольник. И как приехал, то он с Пьяновым весьма скоро познакомился и спросил Пьянова: «Каково жить казакам?» Пьянов, во-первых, что он, как выше показал, был раскольник, а во-вторых, держался бунтующей против набора в легион¹¹ и выбора старшин сторопы¹², сказал ему, Емельке, о причиненных ему обидах и раззорениях от старшин, и что у них-де нарушены привилегии¹³.

И тогда Пьянову все те выдуманньш (л. 395 об.) им злодейския слова точно таким образом, как он и Филипову, едучи в Яик, выговаривал. И Пьянов сказал: «Наши-де все казаки ради будут с вами итти на Кубань». А потом Пьянов говорил: «Здесь-де слышно было на Яике, што проявился было какой-та в Царицыне человек¹⁴ и называл себя государем Петром Феодоровичем, да бог-де знает, после о нем и слуху нет, иные-де говорили, что он скрылся, а другие говорили, что ево тут засекли»¹⁵. А после сих разговоров оной

же Пьянов спросил ево, Емельку: «Вот-де, господин купец (ибо он, Емелька, назывался тут купцом ис Царяграда), ну, как казаки-та согласятца, да с чем же им бежать, (л. 396) вить мы все люди бедные?» И на сии слова он, Емелька, сказал: «Лишь бы только согласились. А то я тебе сказывал, што денег есть много, я-де могу дать каждому по двенатцати рублей». И Пьяной сказал: «Статное ль это дело! Вить этаких больших денег не может быть кроме государя». И он, Емелька, тотчас под оныя слова говорил: «Я-де вить не купец, а государь Петр Феодорович! Я-та-де был и в Царицыне-та, да бог меня и добрыя люди сохранили, а вместо меня засеки караульнова салдата».

«А и в Питере-та сохранил меня один афицер»¹⁶. И на тоной Пьянов (л. 396 об.) ему, Емельке, сказал: «Да скажи же, пожалуй, как тебя бог сохранил, и где ж ты так долго странствовал?» И он, Емелька, сказал: «Меня-де пришла гвардия и взяла под караул, а капитан Маслов и отпустил. И я-де ходил в Польше, в Цареграде, в Египте, а оттоль пришел к вам на Яик». И Пьяной сказал: «Хорошо-де, государь, я-де о этом поговорю с стариками, и што оне скажут, так я вам скажу»¹⁷.

После сих разговоров хаживал он, Емелька, по городу Яику между народом, где также наслышался, что казаки нынешним (л. 397) состоянием недовольны, и один другому рассказывали свои обиды, бывшие им от старшин.

А между тем, как он, злодей, в один день пришел с базару, то Пьянов ему сказывал: «Я-де о вашем величестве, што вы за нас, бедных, вступаетца хотите, и што вы хотите нас провесть на Кубань, сказывал казакам Черепанову¹⁸, Коновалову¹⁹ и Антонову²⁰, и они-де ради с вами итти. Да только-де сказали, што это дело великое, так-де надобно со всеми казаками о этом поговорить тогда, когда казаки соберутся вместе на багренье»²¹. И он, Емелька, (л. 397 об.) Пьянову сказал: «Так-де ты до времени об оном не сказывай»²².

Жил он, Емелька, у Пьянова целую неделю²³ и, купя воз рыбы, поехал с показанным же Филиповым в Мечетную. Но Филипов на дороге от него отстал²⁴. А он, Емелька, паки приехал один к Ереминой Курице. И как приехал, то тут застал ис помянутых двух казаков одного Закладнова²⁵. Еремина Курица и Закладнов спросили ево: «Што, Емельян Иваныч, был ли в городе? Што вестей?» И он, Емелька, сказал: «Я-де был в городе, и все обряды ваши осмотрел, и жил

у Пьянова, с коим, также и с другими стариками, што я их хочу (л. 398) провести на Кубань, говорил, и они-де сказали, штоб подождал бы, когда будет багренье». А о том, што он назывался уже и государем, оным, Ереминой Курице и Закладнову, не сказал²⁶.

И потом, покормя лошадь и простясь с Ереминою Курицею, сказав ему: «Дождидайся меня», — поехал в Мечетную х крестьянину Косову²⁷, где и начевал, и хотел ехать в Малыковку. Но пришедшею из Малыковки командою, как он и в первом своем допросе показал, взят под караул²⁸.

А в первом допросе²⁹ о том, якобы он Филипову открылся о намерении казаков подговаривать (л. 398 об.) на Кубань и о прочем вышесказанном, показывал он, не припомня всего происшедшаго от него злодеяния [а потому и не мог], подробно рассказать.

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 394—398 об. — Подлинник.
Опубл.: Вопросы истории. 1966. № 7. С. 103—104

№ 13

Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената

2 декабря 1774 г.

Того ж числа* по показанию раскольника Долгополова¹ злодей Емелька о мальчике, — был ли у него, — спрашиван² и показал: мальчик-де у него лет двенадцати или тринадцати был илецкого казака Лазаря Портнова³ (когого он в Илеке повесил) сын Иван⁴, которой во все время, даже до привозу ево в Яик⁵, и был при нем. А как он, Емелька, из Яика повезен⁶, то оной мальчик остался в Яике.

А царицынского купца Качалова⁷ сына никогда у него не было, и того купца Качалова подлинно не знает и его нигде не видывал.

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 436. — Подлинник.
Опубл.: Вопросы истории. 1966. № 7. С. 104

* 2 декабря 1774 г.

№ 14

Протокол показаний
Е. И. Пугачева на очной ставке
с В. И. Поповым в Московском
отделении Тайной экспедиции Сената

3 декабря 1774 г.

(л. 448) Того ж числа* означенному Попову¹ в споре с злодеем Емелькою дана очная ставка.

А на очной Попов с тем Емелькою ставке говорил то же, что он в Тайной экспедиции в допросе своем показал², и в том он утвердился. К сей очной ставке Василей Попов руку приложил**.

А Пугачов в очной с Поповым ставке говорил тож, что и в пополнительном 28 числа минувшаго ноября допросе своем он показал³, и в том утверждался. Провожатому ж за ним в Синбирск⁴ червонных ни одного не давывал, а только было у него (л. 448 об.) денег мелких один рубль денежек и полушек, то как умышлял он оных провожатых обмануть, чтоб они его отпустили, то, в санях лежа, сунул одному из них, молодому провожатому, завернув в буманшку, дватцать копеек в руки и сказал: «Вот вам червонная, только, пожалуйста, отпустите меня». Сие зделал он с тем вымыслом, дабы они, польстясь оными деньгами, его, как то было ночное время, не рассмотря, что то были медные деньги, из саней выпустили⁵.

Как же по провозе на санях увидели провожатые его, что это мелкие деньги, а не червонные, то его не отпустили, припеняв ему при том: «Что-де ты нас обманываешь?»

(л. 449) Червонца ж на покупку вина товарищу Попова не давал⁶. А в Сызране денег дватцать копеек на вино дал оному Попову, а Попов те деньги отдал мужику, ибо оной Попов говорил ему, что-де: «Я вот их подпою, так они тебя у нас и отобьют». В Сызране нигде его не разували, и за сапогами ни единой копейки, не только червонных, в патронах у него не бывало⁷. Також оному Попову слов таких, что у него в Малыковке ограбили рублей с сорок, кои у него за-

* 3 декабря 1774 г.

** «К сей... приложил» — рукоприкладство В. И. Попова.

шиты были в рубашке и в черезу***, не говаривал, да у него оных и не было⁸. И о куме⁹, что он в сани ему сунул денег, Попову он не сказывал, да и от кума (л. 449 об.) денег ему давано не было, да и кума он в то время не видал, как его из Малыковки отправляли¹⁰.

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 448—449 об. — Подлинник.
Опубл.: Вопросы истории. 1966. № 7. С. 104—105

№ 15

Протокол показаний Е. И. Пугачева на очной ставке с И. Н. Зарубиным, М. Г. Шигаевым и Д. К. Караваевым в Московском отделении Тайной экспедиции Сената

5 декабря 1774 г.

(л. 457) 1774 года декабря 5 дня в Тайной экспедиции в присутствии генерала-майора и кавалера Потемкина¹ злодей Пугачов спрашиван был с довольным увещанием, чтоб он принес богу, всемилостивейшей государыне и пред всем отечеством во всех своих действиях покаяние.

И оной Пугачов, став на колени, говорил, что во всех своих безчисленных злодеяниях богу и ея императорскому величеству и всеми роду христианскому покаяние приносил, и значит в показанном его допросе², и более он при всяких ужаснейших мучениях, чему он достойным себя считает, инова ничего открыть не знает, а все от него злодеяние произошло по поводу яицких казаков, ибо они точно знали, что он не государь, а донской казак, (л. 457 об.) но они желали сим ево злодеянием получить себе помощь, ибо он сам от Шигаева³ настоящего своего имени не таил⁴.

При сем же объявлял он, что, хотя в допросе своем о том, что Пьянов⁵ ему сказывал, что в Царицыне проявился государь⁶, но сего он точно утвердить не может, что сие выходит у него из памяти, и сию историю о царицынском самозванце рассказывал ему Чика⁷.

*** Через — тканый пояс, перепояска.

Да еще пришло ему в память, что, будучи в Берде, Перфильев⁸ и Овчинников⁹ ему говорили: «Как-де мы возьмем Казань, то пойдем в Москву, там-де ныне нету никакова войска»¹⁰.

(л. 458) Чика показал, что он злодею о царицынском самозванце сказывал, слыша об оном в городе от многих.

Шигаев в очной ставке с злодеем говорил, что он о Пугачове, что он — донской казак, не знал и злодею о сем не говорил. Но с Бородиным¹¹ однакож связать злодея и отвести в Оренбург хотел¹². А не доносил-де в Яике в свое время¹³, чтоб человека три — четыре, кои о злодее знали, не претерпели наказания или беды, а притом размышлял и то, что «если я донесу, и за злодеем пошлют, а он куда скроится, так я и пропал».

Караваев¹⁴ показал, что он о злодее в свое время в городе Яике (л. 458 об.) не объявил¹⁵, пожалея Шигаева, штоб ево не погубить, также и других, кто злодея видел.

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 457—458 об. — Подлинник.
Опубли.: Вопросы истории. 1966. № 7. С. 105

№ 16

Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената

11 декабря 1774 г.

(л. 424) 1774 года декабря 11 дня злодей Пугачов по присланной от генерала-прокурора князь Александра Алексеевича Вяземского¹ при письме выписке² в Тайной экспедиции спрашиван и показал:

Села Котловки крестьянин Карась³, а как его зовут, — не знает, знаком ему потому: как он, Пугачов, бежал с Дружининым⁴ ис Казани⁵ и ехал мимо одного села, то Дружинин купил у одного Карася рыбу белую за семь копеек. А как купил, то он, Пугачов, спросил того Дружинина: «Как-де этого старика зовут?» — ибо он был совсем бел от старости. Дружинин ему сказал: «А зовут-де его Карасем». И более он с Карасем ни одного слова не говорил, а поехал в Сарсас⁶.

Как же шол он, злодей, из Осы х Казане⁷, то отправлен

был, незнаемо чей правиант или, лутче сказать, одно судно, но толпа ево присвоила то судно к себе⁸. Почему и приказал он то судно привалить в селу Котловке, а чтоб с него хлеб не пограбили, то велел то судно отдать показанному Карасю для того одного, чтоб оно было цело, а Карась — человек старой, так бы он ево зберег.

Также, как толпа его и он разбил татарскую деревню и в ней взяли девку⁹, то он и оную девку, сохраняя ее (л. 424 об.) от насилия толпы ево, ко оному ж Карасю отослал с тем намерением, что как ему лежал путь с своею шайкою итти в Казань мимо одного села Котловки, то и намерен был зайти в оное село, где б он одного Карася мог увидеть.

Как же он отправлял х Карасю судно и девку, то посланным¹⁰ приказывал о себе Карасю сказать так: «Это-де прислал к тебе тот человек, которой ехал с Дружининым и купил у тебя рыбу».

Как же с толпою шол он х Котловке, то встретили ево поп на дороге с крестами и народ. И он, подъехав к оной стрече, спросил: «Откудова поп?» На что, как сказали ему: «Мы-де, надежа государь, ис Котловки», — и он тотчас вспомнил о Карасе и спросил: «Где здесь мужик знакомой мне — Карась?» И поп и другие ис тех стретивших привели к нему, Пугачову, Карася. Коего он спросил: «Узнал ли ты меня, как мы ехали с Дружининым и купили у тебя рыбу?» На что Карась, поклонясь ему в ноги, сказал: «Нет, государь, не узнал, вить здесь много ездят». И потом спросил же того Карася: «Получил ли ты посланное от меня с правиантом судно и девку?» На что Карась сказал, что он ничево не получал. И он, Пугачов, сказал тому Карасю: «Ну, слушай жа, когда после (л. 425) то судно к тебе придет, так ты ево бес приказу не выгружай, да и девку подержи у себя»¹¹.

В оном же селе Котловке, кроме как выше сего он показал, з Дружининым, никогда ни с кем он не бывал, и в доме Карася не стаивал, и холста, и судна, однем словом, кроме одной рыбы у крестьянина Вавилина и ни у кого ничего не покупывал, и к Царицыну на судне, так как и в Саратов, кроме как он нигде тамо не разбойничал, никогда ни с кем не бывал и не ездил¹².

Как же означенные встречальщики перед ним были, то он разные злодейские обнадеживании, как то и везде от него говаривано было, делал. Как же попы и провожатые от него отстали, то и оной Карась остался с ними ж.

И более сего раза Карася он в толпе своей не видал. И делал ли он какие после ево злодействы, — он не знает, и ни от кого о том не слышал, и полковником тому Карасю быть никогда не приказывал¹³. Вавилова и Ивана Александрова ни почему прежде не знал¹⁴, а разве были в его толпе, коих разве в лицо он признает.

А в допросе об оном Карасе он не показал, запомятовав о нем, и потому больше, што он о злом его намерении никак не знал, да и не одного слова, прежде как уже его встретили, — не говоривал. (л. 425 об.) При чтении сего допроса оной же Пугачов сказал: «Забыл-де я» — Карась на другой день после сего свиданья последняго, как пришел он к реке Вятке¹⁵, то пришедчи к нему, Пугачову, сказал: «Девку-де ту, о которой вы изволили говорить, ко мне привезли». И он, Пугачев, сказал: «Береги ты ее до приказу у себя». И потом с ним и разстался.

А знал ли Карась, что он донской казак, и почему, — того он, Пугачов, не знает. Только сам он про себя Карасю о сем не сказывал.

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 424—425 об. — Подлинник. Опубл.: Вопросы истории. 1966. № 7. С. 107

№ 17

Протокол показаний Е. И. Пугачева, С. Д. Пугачевой, И. А. Творогова и Ф. Ф. Чумакова на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената

13 декабря 1774 г.

(л. 440) Того же числа* злодей Пугачов спрашиван: есть ли у него двоюродной брат донской казак Михайла Федоров сын Потапов¹, также и по матери его племянник донской казак Федор Мартемьянов сын Буланин², и получал ли он от брата своего когда письма, и чрез кого имянно.

На что оной Пугачов сказал, что у него такого имянем, отечеством и прозваньем брата двоюродного нет, и от него никогда ни с кем писем он не получал, и есть ли такой ка-

* 13 декабря 1774 г.

зак именем, — не знает. Равно и донской казак Федор Мартемьянов сын Буланин никогда племянником и роднею ему не бывал, и его не знает же.

После сего злодею показан означенной Зацепин³, которой, смотря его, сказал, что он его не знает и никогда никаких писем ни от кого к нему не привозил и в толпе его он не бывал.

Потом спрашивана и жена злодеева Софья⁴ о показанных уже двоюродном (л. 440 об.) мужа ее брате и племяннике. Она сказала, что у злодея таковых двоюродного брата и племянника нет, и оных казаков Потапова и Буланина она не знает.

После чего спрашиваны злодеевы способники, казаки Иван Творогов⁵ и Федор Чумаков⁶, что злодей под Камышенкою получал ли какие от брата своего двоюродного донского казака Михайлы Потапова или от других кого письма. Они порознь сказали то же, что злодей: никаких ни от кого под Камышенкою писем не получал.

Потом показан им предписанной Зацепин. Они, смотря его сказали, что они его не знают, и в злодейской толпе оной Зацепин никогда не бывал.

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 440 и об. — Подлинник

Приложение I

Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Моздокской комендантской канцелярии

9 февраля 1772 г.

1772 года февраля 9 дня, представленный Моздоцкого казачьего полку от полкового есаула Агафонова при рапорте¹ пойманный того полку казаками беглый человек при допросе ответом показал.

Зовут-де его Емельян Иванов сын Пугачев, родился он Донского войска в Зимовейской станице, где будучи по возрасту и службу продолжал. А прошлаго 771 года в декабре месяце из той Зимовейской станицы, не желая более в

Донском войске продолжать службы, бежав, не захватывая нигде учрежденных застав, приехал прямо с Дону степью к переведенным в здешние места на поселение сказочным казакам² в Ищорскую станицу, где отдохнув у тамо живущаго малороссиянина Харитона³, а чей прозывается, — не знает, поехал оттуда прямо в Дубовскую станицу. Прибыв же в оную, явился тамо войсковому атаману Павлу Татаринцову⁴ с тем, чтобы просить о принятии и о приписании его в Семейное войско казаком. А что он беглый донской казак, того ему, Татаринцову, не объявлял, но утаил; объявил же так, что будто бы он прибыл в прошлом году с прибывшими сказочными казаками⁵, который атаман Татаринцов, по просьбе его, Пугачева в число Терское Семейное войско и приписал в Дубовскую станицу. Откуда, по просьбе же его, отпущен он, Пугачев, был с данным от него, Татаринцова, билетом в упомянутую Ищорскую станицу⁶.

А будучи там с неделю, по собрании от всех прибывших сюда на поселение сказочных казаков, то есть, Галюгаевской, Ищорской и Наурской, атаман и старики согласно просили его, Пугачева, чтобы он взял на себя ходатайство за них о испрошении им в Государственной Военной коллегии к произведению денежнаго жалованья и провианта против Терскаго Семейнаго войска казаков. Почему-де он, Пугачев, взяв от них на проезд двадцать рублей денег, ехать в Москву и согласился. А как-де он, отправившись для того в путь свой из Ищорской станицы, поехал в Моздок для покупки харчу и прочаго, то по выезде из того Моздока, за рогаткою казаками пойман и приведен к выше объявленному есаулу Агафонову, где и отдан под караул.

Печать же свинцовая под видом Донскаго войска⁷ делана помянутой Ищорской станицы казаками, называемыми Ларионом Арбузовым и Петром Никитиным сыном Чумаковым. Кроме их, Арбузова и Чумакова, про ту печать, что она ему отдана, той станицы атаман и никто не знал.

Приложенные же при рапорте означеннаго есаула Агафонова в Государственную Военную коллегию [доношение], также и заручная о бытии ему, Пугачеву, по желанию тех сказочных казаков, войсковым у них атаманом подписка писана с повеления, как выше значится, всех станиц трех атаманов и стариков казаком Ищорской станицы Иваном Поповым⁸. Другой же билет, данный ему от Каргалинской станицы, по повелению той же станицы атамана Максима

Макарова за рукою писаря Григория Осипова⁹, явился у него потому, что он, Пугачев, реченным войсковым атаманом Татаринцевым определен был прежде в ту Каргалинскую, а потом в Дубовскую станицу. А из денег, данных ему от прежде писанных сказочных, двадцати рублей, семь рублей пятьдесят копеек издержал он, Пугачев, на покупку, а двенадцать рублей пятьдесят копеек отобраны упоминаемым есаулом Агафоновым.

И в том де допросе он показал самую сущую правду.

К сему допросу, вместо беглага из Донскаго войска казака Емельяна Пугачева, за неумением им грамоте, по его прошению Моздоцкаго казачьяго полку сотник Иван Сафронов руку приложил.

Печатается по: Акты о пребывании Пугачева в Моздоке // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1848. Кн. 1. С. 119—120

Приложение II

Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в управительской канцелярии Малыковской дворцовой волости

18 декабря 1772 г.

(л. 2) По резолюции дворцовых Малыковских управительских дел, а по репорту определенного в Малыковской волости смотрителя Ивана Расторгуева¹, вышедшей из-за польской границы раскольник сыскан и, по осмотру, оказался подозрителен: видно — бит кнутом, а в допросе сказал.

Емельяном ево зовут Иванов сын Пугачев, от роду имеет сорок лет², природою он войска Донскаго Зимовейской станицы служилой казак. Ис которой станицы сего 772 года в Великой пост³ бежал за границу, в слободу Ветку³, в коей жил недель пятнатцеть⁴. А оттуда сошед, явился на пограничном Добрянском фарпосте⁵, где показался вышедшим

⁹ Великий пост в 1772 г. приходился на время с 26 февраля по 14 апреля.

ис Польши, и был тут в карантине шесть недель. С коего фарпоста с данным в августе месяце пашпортом⁶ вышел в Россию и был в городе Яике⁷.

А в бытность ево в том городе Яицкого войска казаку Денису Степанову сыну Пьянову⁸ (у коего на квартире стоял с неделю) проговаривал, чтоб яицкие казаки с их семействы бежали из России в Турецкую область, на реку Лобу. И естли-де казаки бежать согласятся, то он, Пугачев, даст им на каждого человека денег, по двенатцети рублев. Да у него ж, Пугачева, на границе оставлено денег до дву сот тысяч рублев, да товару на семдесят тысяч рублев, ис которых он, Пугачев, то бежавшее Яицкое войско и коштовать обещался. А в Яик-де из Москвы (л. 2 об.) идут два полка. И около Рожества* или Крещения** с яицкими казаками будет бунт. И как-де Яицкое войско уйдет в Турецкую область, то-де и донские казаки уйдут же в Турецкую область⁹.

А все-де оное проговаривал он, Пугачев, тому казаку, смеючись, пьяной¹⁰. А шпионства он, Пугачев, никакого не имеет, и ни от кого в город Яик подговаривать подсылан не был. А чтоб задаться в вечное подданство турецкому салтану, а по приходе за границую встретит их турецкой паша и, ежели понадобится войску денег на проход, то паша даст еще денег до пяти миллионов, — таковых слов он, Пугачев, нигде никому не проговаривал¹¹.

А из Яика ехал он с бывшим там для продажи хлеба Мечетной слабоды жителем Семеном Филиповым¹² до слободы Мечетной, а оттуда приехал в село Малыковку¹³. И намерение имел явиться — для определения к жительству на реку Иргиз — в Синбирскую провинциальную канцелярию. И в том селе Малыковке от управительских дел присланными взят и объявлен к управительским делам¹⁴.

А будучи в бегах, на татьбах и разбоях нигде не бывал; воров, разбойников и таковых же беглых нигде не знает.

И в сем допросе сказал самую правду.

К сему допросу села Малыковки священник Афанасей Михайлов вместо означеннаго бежавшаго донскаго казака Емельяна Иванова сына Пугачева, по ево прозьбе, руку приложил.

* Рождество — 25 декабря.

** Крещение — 6 января.

При сем допросе при увещании был и свидетелем того ж села Малыковки поп Егор Иванов, и руку приложил.

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 413. Л. 2—2 об. — Подлинник

Приложение III

Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Казанской губернской канцелярии

7 января 1773 г.

(л. 202) 1773-го года генваря 7-го числа по силе вышеявствуемой, учиненной его высокопревосходительством господином генерал-поручником, кавалером и казанским губернатором Яковом Ларионовичем фон Брантом¹ резолюции², присланной из Синбирской провинциальной канцелярии при доношении³ Мечетной слободы раскольник Емельян Пугачев допрашиван и показал, что он кнутом нигде и ни за что сечен не бывал, а состоят-де на спине у него знаки, подобныя сему наказанию, от того, что он, Пугачев, жестоко бит был казацкими плетьюми во время бывшей Прусской войны⁴, под местечком Кривиллы⁵, по приказанию казачьего полковника Ильи Денисова⁶, за потеряние им, Пугачевым, его, Денисова, собственной лошади⁷.

В Польшу же он в прошлом 772-м году из жительства своего, из Зимовейской станицы, побег учинил с тем намерением, чтоб быть там в раскольническом монастыре, состоящем в близости от слободы Ветки⁸. Но как по приходе в сию слободу он нашол, что бывшия в сем монастыре раскольническия чернцы все разошлись по разным местам, и тот монастырь совсем опустел, то сего ради, пожив в той слободе некоторое время, возвратился в Россию чрез Добрянской фарпост⁹. А в Польшу прошол он Стародубовскаго ведомства¹⁰ чрез деревню Климову¹¹, потому что она деревня от польской границы состоит в близости, и как в Польше живущия, так из сей деревни и других окрестных жилиществ обыватели имеют способ ходить в Польшу между фарпостов потаенными местами.

Умыслу ж он, Пугачев, ко вреду России никакова не

имел, и подлинно бежал в Польшу для пребывания в раскольническом монастыре. По выходе ж в Россию з данным ему з Добринского фарпоста апшитом*, он пришел на реку Иргиз и был в Филаретовском (л. 202 об.) раскольническом ските¹² с тем, чтоб явитца в Синбирской правинциальной канцелярии, но, не явясь во оной, послан был от настоятеля сего скита, именем Филарета¹³, для покупки на Яик рыбы, где быв¹⁴ и купя той рыбы потребное число, возвратился во оной скит. А потом вскорости взят к малыковским управительским делам по сему делу¹⁵.

При побеге ж де ево из Зимовейской станицы он никакова воровства и противностей законам не учинил, и бежал из оной ни для чего инова, как для того, чтоб быть в Польше в раскольническом монастыре.

При сем допросе был секретарь Андреян Аврамов¹⁶ и подписал сие для того, что Пугачев показал, что он грамоте и писать не умеет.

При том же допросе он, Пугачев, чрез заплечнаго мастера осматриван, а по осмотру того мастера оказалось, что он, Пугачев, подлинно был наказан плетьюми, а не кнутом.

Секретарь Андреян Аврамов.

ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 202—202 об. — Подлинник

* Апшит, или абшид — документ, в данном случае — паспорт.

К ДОКУМЕНТУ № 1 — Протоколу показаний Е. И. Пугачева на допросе в Яицкой секретной комиссии 16 сентября 1774 г.

¹ Публикуемый подлинник протокола допроса Пугачева переписан с черновика (о нем см. ниже) двумя писарями и скреплен подписью следователя — гвардии капитан-поручика С. И. Маврина, внесшего в текст ряд редакционных правок и дополнений. Сохранились копии протокола, идентичные подлиннику, послывавшиеся начальником секретных следственных комиссий генерал-майором П. С. Потемкиным председателю главной следственной комиссии в Москве генерал-аншефу М. Н. Волконскому и императрице Екатерине II (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 396—446; Д. 512. Ч. 2. Л. 67—99 об.). В бумагах коллекции Маврина хранится черновик, а точнее, черновой оригинал протокола (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 633. Л. 1—58), написанный большей частью рукой Маврина, а отчасти писарем секретной комиссии С. Пенчуковым. В тексте черновика рукой Маврина сделан ряд исправлений и дополнений, а некоторые места вычеркнуты. Вычеркнутые в черновике тексты, содержащие существенно важную по смыслу информацию, воспроизведены в подстрочных примечаниях к публикуемому подлиннику.

Черновик протокола был во второй четверти XIX в. скопирован рукой неустановленного копииста, причем из-за трудности чтения почерка Маврина копиист пропустил ряд строк текста, ошибочно воспроизвел некоторые имена и географические названия, сделал ошибки в цифрах и пр. Копия эта: (ГБЛ — здесь и далее читать: РГБ — ОР. Ф. 222. Папка 9. Ч. 1. Л. 72—118 об.) со всеми ее пропусками, искажениями и ошибками была напечатана в журнале «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских». (1858. Кн. 2, с. 1—36).

Накануне допроса 16 сентября 1774 г., оформленного публикуемым протоколом, Пугачев сразу же по привозе в

Яицкий городок (15 сентября) был словесно допрошен Мавриным. Результаты словесного допроса были изложены Мавриным в рапорте, посланном 15 сентября генералу П. С. Потемкину (см.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 131—132).

² Отделенная секретная комиссия в Яицком городке была учреждена в начале августа 1774 г. на правах выездного филиала Оренбургской секретной комиссии. В состав отделенной комиссии были назначены гвардии капитан-поручик С. И. Маврин и писарь С. Пенчуков, вскоре по их прибытии в Яицкий городок в помощь к Маврину был официально прикомандирован офицер местного гарнизона капитан А. П. Крылов (отец баснописца И. А. Крылова). Отделенная секретная комиссия прекратила свою деятельность в конце октября 1774 г., вскоре после отъезда Маврина с партией «важных колодников» (видных пугачевцев) из Яицкого городка в Казань и далее в Москву.

³ Петр III Федорович (1728—1762), российский император (1761—1762), вступил на престол 25 декабря 1761 г., низложен 28 июня 1762 г. в результате дворцового переворота, возглавленного Екатериной II. 6 июля 1762 г. группа ближайших сторонников императрицы убила Петра III на мызе Ропша под Петербургом.

⁴ Пугачев Иван Михайлович, отец Е. И. Пугачева, донской казак Зимовейской станицы, с 1759 г. в отставке. Судя по показаниям Е. И. Пугачева и его жены С. Д. Пугачевой, И. М. Пугачев умер в 1762 г.

⁵ Пугачев Дементий Иванович, старший брат Е. И. Пугачева. В конце августа 1774 г. взят под стражу, после чего доставлен в Москву, в Тайную экспедицию Сената, по определению которой от 17 июня 1775 г. освобожден и отправлен на Дон для продолжения казачьей службы, но ему предписано впредь «Пугачевым» не называться, а именовать себя Дементием Ивановым.

⁶ Речь идет о Русско-турецкой войне 1768—1774 гг.

⁷ Павлов Симон Никитич, зять Е. И. Пугачева, уроженец Шлезвиг-Гольштинии, откуда в 1762 г. вывезен донским казаком Никитой Павловым и поселился в его доме в Зимовейской станице, позднее вступил в казачью службу.

⁸ При рождении Е. И. Пугачев был крещен в церкви Казанской богородицы Зимовейской станицы священником Тимофеем Авдеевым.

⁹ В казачью службу Е. И. Пугачев вступил в 1759 г.

¹⁰ Пугачева (урожденная Недюжева) Софья Дмитриевна, дочь казака Есауловской станицы, жена Е. И. Пугачева с 1760 г., в феврале 1774 г. вместе с детьми Трофимом, Аграфеной и Христиной была взята под стражу. По определению Сената в январе 1775 г. заключена с детьми и с У. П. Пугачевой (Кузнецовой) в крепость Кексгольм, где и умерла в начале XIX в. (не ранее июля 1803 г.).

¹¹ Прусский поход — речь идет о Семилетней войне 1756—1763 гг. Из текста видно, что Е. И. Пугачев участвовал в составе русских войск в кампаниях 1760—1762 гг.

¹² Денисов Илья Федорович, донской войсковой старшина и казачий полковник, участник Семилетней войны 1756—1763 гг. и Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. В апреле-сентябре 1774 г. участвовал в боевых операциях против повстанческих отрядов Е. И. Пугачева.

¹³ Познань — город в западной части Польши (Речь Посполитая) — центр сосредоточения русских войск в кампаниях 1758—1761 гг.

¹⁴ Чернышев Захар Григорьевич (1722—1784), граф, в 1759—1763 гг. командир корпуса русских войск в Польше и Пруссии, с 22 сентября 1773 г. — генерал-фельдмаршал и президент Военной коллегии. Находясь на этом посту до конца июля 1774 г., он руководил организацией карательных военных операций против Пугачева.

¹⁵ Кравин — речь, видимо, идет о городе Короново, куда корпус З. Г. Чернышева вступил в мае 1760 г.

¹⁶ Кобылин — правильно Кабелин — город в 50 верстах от Бреславля. Корпус З. Г. Чернышева занял этот город в июле 1760 г.

¹⁷ Елизавета Петровна (1709—1761), российская императрица (1741—1761).

¹⁸ Императрица Елизавета Петровна скончалась в Петербурге 25 декабря 1761 г.

¹⁹ Петр III вступил на престол 25 декабря 1761 г.

²⁰ Фридрих II (1712—1786), прусский король (1740—1786), в ходе Семилетней войны 1756—1763 гг. его армия сперва успешно сражалась с австрийскими и русскими войсками, но действия русской армии внесли перелом в ход войны и поставили Пруссию на грань катастрофы, чего Фридриху II удалось избежать благодаря удачно сложившимся для него политическим обстоятельствам (смерть императрицы Елизаветы Петровны и вступление на российский престол Петра III, который, действуя вопреки на-

циональным интересам России, заключил союзный договор с прусским королем).

²¹ «Замирение» с прусским королем — договор Петра III с Фридрихом II о мире и союзе, заключенный 24 апреля (5 мая) 1762 г.

²² Фридрих II, используя то, что в составе его армии временно находился русский корпус генерала З. Г. Чернышева, развернул наступательные действия против Австрии, нанеся ряд поражений ее войскам.

²³ Войска корпуса генерала З. Г. Чернышева возвратились в Россию в начале сентября 1762 г.

²⁴ Екатерина II Алексеевна (1729—1796), российская императрица (1762—1796). В период Крестьянской войны 1773—1775 гг. Екатерина II принимала активнейшее участие в организации карательных операций против восставших.

²⁵ Екатерина II вступила на престол после дворцового переворота 28 июня 1762 г. и низложения Петра III.

²⁶ Пугачев Трофим Емельянович (1764—1819), сын Е. И. Пугачева. В феврале 1774 г. вместе с матерью С. Д. Пугачевой и сестрами Аграфеной и Христиной взят под стражу, в ноябре доставлен в Москву, в Тайную экспедицию Сената. По приговору суда вместе с матерью и сестрами был заключен в январе 1775 г. в крепость Кексгольм, где и умер в начале 1819 г.

²⁷ Пугачева Аграфена Емельяновна (1768—1833), старшая дочь Е. И. Пугачева. В феврале 1774 г. вместе с матерью С. Д. Пугачевой, братом Трофимом и сестрой Христиной была взята под стражу, в ноябре доставлена в Москву, в Тайную экспедицию Сената. По приговору суда Аграфена Пугачева вместе с матерью, братом и сестрой заключена в январе 1775 г. в крепость Кексгольм, где и умерла 7 апреля 1833 г.

²⁸ Кречетников Петр Никитич (1727—1800), в 1767—1769 гг. командир корпуса русских войск в Правобережной Украине, в 1773—1775 гг. губернатор Астраханской губернии; будучи на этом посту, выступал организатором карательных экспедиций против восставших в Заволжье.

²⁹ Комендантом в Чернигове в 1767—1771 гг. был полковник Петр Мухин.

³⁰ Пугачева Христина Емельяновна (1771—1826), младшая дочь Е. И. Пугачева. В феврале 1774 г. вместе с матерью С. Д. Пугачевой, братом Трофимом и сестрой Аг-

рафеной была взята под стражу, в ноябре доставлена в Москву, в Тайную экспедицию Сената. По приговору суда Христина Пугачева вместе с матерью, братом и сестрой заключена в январе 1775 г. в крепость Кексгольм, где и умерла 13 июня 1826 г.

³¹ Речь идет о Русско-турецкой войне 1768—1774 гг., в которой Е. И. Пугачев участвовал в кампаниях 1769—1770 гг.

³² Греков Тимофей Федорович, походный атаман Донского казачьего войска, участник Русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

³³ Кутейников Ефим Дмитриевич, донской казачий старшина, участник Семилетней войны 1756—1763 гг. и Русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

³⁴ Панин Петр Иванович (1721—1789), граф, участник Семилетней войны 1756—1763 гг., генерал-аншеф с 1762 г., в Русско-турецкой войне 1768—1774 гг. в кампании 1768—1770 гг. командовал II армией; с 1771 г. в отставке. В конце июля 1774 г., в момент высшего подъема Крестьянской войны, Екатерина II назначила Панина главнокомандующим карательными войсками и наместником в губерниях Казанской, Нижегородской и Оренбургской. В декабре 1774 г. — январе 1775 г. Панин входил в состав суда по делу Е. И. Пугачева и его сподвижников.

³⁵ Русские войска 16 сентября 1770 г. штурмом овладели крепостью Бендеры, в течение нескольких месяцев обороняемой многотысячным турецким гарнизоном.

³⁶ Ефремов Степан Данилович (1715—1784), атаман войска Донского в 1749—1772 гг.

³⁷ Речь идет о младшей сестре Е. И. Пугачева — Федосье Ивановне, находившейся в то время с мужем С. Н. Павловым в Таганроге.

³⁸ Зять Е. И. Пугачева — С. Н. Павлов (см. о нем прим. 7).

³⁹ Мать Е. И. Пугачева — Анна Михайловна Пугачева (урожденная Белавина). Летом 1771 г. была арестована вместе с зятем С. Н. Павловым и дочерью Федосьей; арестованные были доставлены в Черкасск, в Донскую войсковую канцелярию, где А. М. Пугачева и умерла в 1772 г.

⁴⁰ В 1771—1772 гг. комендантом в Таганроге был генерал-майор Даниил де Жедерас.

⁴¹ Е. И. Пугачев скрыл от следствия историю своих imprisonments в декабре 1771 — феврале 1772 г. В начале декаб-

ря 1771 г. он был арестован за попытку побега с зятем С. Н. Павловым и двумя другими казаками за Кубань, на реку Куму, и содержался под караулом в станичной избе Зимовейской станицы. 21 декабря Пугачев, воспользовавшись беспечностью караула, бежал и направился на Кавказ. В начале января 1772 г. он добрался до Дубовской станицы на Тереке, где, скрыв обстоятельства своего появления на Тереке, упросил записать его казаком в Терское казачье войско. В начале февраля на собрании казаков-новоселов Ищерской, Галюгаевской и Наурской станиц Пугачев был избран ходоком в Петербург для испрошения в Военной коллегии выдачи денежного жалованья и провианта. Снабженный документами на эту миссию, Пугачев отправился в путь, добрался до Моздока, но там был арестован, допрошен в комендантской канцелярии и заключен на гауптвахту. Подговорив караульного солдата Венедикта Лаптева, Пугачев бежал с ним 13 февраля из Моздока. Возвратившись в начале марта 1772 г. в Зимовейскую станицу, Пугачев был задержан, и на станичном сборе рассказал казакам о своих похождениях на Тереке, после чего был взят под стражу и отправлен в Чирскую станицу к командиру розыскной команды старшине М. Ф. Макарову (Федотову), который и повез его в Черкасск, чтобы там представить к дознанию в Донскую войсковую канцелярию.

⁴² Худяков Лукьян Иванович, донской казак Цимлянской станицы, сослуживец Е. И. Пугачева по Семилетней войне. В марте 1772 г., при конвоировании Пугачева в Черкасск через Цимлянскую станицу Худяков, по просьбе Пугачева, взял его на поруки у начальника конвоя старшины М. Ф. Макарова, обязавшись доставить арестованного в Черкасск на подводе в сопровождении своего сына Прокофия. Возвратившись три дня спустя в станицу, П. Л. Худяков сказал отцу, что Пугачев бежал от него.

⁴³ Заявление Е. И. Пугачева (повторенное на допросах в Симбирске и Москве) о том, что Л. И. Худяков «из приязни» к нему велел сыну Прокофию по пути из Цимлянской станицы освободить его, Пугачева, представляло собой, по видимому, вымысел.

⁴⁴ Кабанья — слобода восточнее города Изюма (ныне Кабанье в Луганской обл.).

На допросе в Яицком городке Пугачев не рассказал того, что до поездки в слободу Кабанью он побывал в селениях раскольников-старообрядцев на реке Ковсуге (Койсухе), где

узнал об О. И. Коровке и где познакомился с раскольниковым А. И. Кавериним (жителем слободы Черниговки Валуйского уезда, с которым и поехал в Кабанью слободу к Коровке).

⁴⁵ Коровка (Коровкин) Осип Иванович, житель Кабаньей слободы, раскольник, у которого останавливался Е. И. Пугачев в марте, июне и октябре 1772 г. Осенью 1774 г. О. И. Коровка был арестован, доставлен в Москву, в Тайную экспедицию Сената, где дал показания о встречах с Пугачевым. Сенат приговором от 10 января 1775 г. оправдал О. И. Коровку, как не имевшего соучастия в замыслах Пугачева, и освободил его из заключения.

⁴⁶ В 1762 г. были обнародованы манифесты и именные указы Петра III и Екатерины II, а также указы Сената о разрешении вышедшим из Польши раскольникам-старообрядцам селиться по их желанию при крепости святой Елизаветы (гор. Елизаветград), в Оренбургской губернии (в том числе — на реке Иргизе), в Сибири (при Усть-Каменогорской крепости, в Барабинской степи) и других местах (Полное собрание законов Российской империи. Т. XV. № 11420; Т. XVI. № 11683, 11720, 11725).

⁴⁷ Коровка (Коровкин) Антон Осипович, житель слободы Кабаньей Изюмской провинции, раскольник. Летом 1772 г. ездил с Е. И. Пугачевым за Польский рубеж для торгового промысла и установления возможности поселения раскольников под Бендерами. Осенью 1774 г. узнав об аресте отца и отвозе его в Москву, в Тайную экспедицию Сената, а также и о том, что сам он, А. О. Коровка, разыскивается властями, он до марта 1775 г. скрывался в слободе Степановке на реке Калитве. Весной 1778 г., желая избежать рекрутского набора, А. О. Коровка стал подговаривать крестьян к побегу «за Яик-реку к государю Петру Третьему императору, который там с генералом Емельяном Пугачевым находится», но летом того же года был арестован, находился под следствием в Изюмской провинциальной канцелярии, а потом в Слободской Украинской губернской канцелярии. По ордеру генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева от 10 декабря 1778 г. А. О. Коровка был выслан на поселение в Тобольскую губернию. Освобожден в 1809 г.

⁴⁸ Стародубский монастырь (в Климовой слободе Брянской обл.) — один из центров русского старообрядчества.

⁴⁹ Василий — старец Стародубского монастыря.

⁵⁰ Ветка — слобода на реке Сож (ныне Ветка на территории Гомельской обл. Беларуси) — старинный центр старо-

обрядчества, в 70-х годах XVIII в. находилась в приграничной полосе с Россией.

⁵¹ Добрянка — селение на дороге из Гомеля в Чернигов (ныне на территории Черниговской обл. Украины) — в 1772 г. русский порубежный форпост на границе с Польшей.

⁵² Ирғиз — речь идет о реке Большой Ирғиз, левом притоке Волги, впадающем в нее у Малыковской слободы (ныне гор. Вольск). Берега Б. Ирғиза были отведены по указу Сената от 14 декабря 1762 г. для поселения вышедших из-за польского рубежа раскольников.

⁵³ Среди документов следствия над Е. И. Пугачевым в Казанской губернской канцелярии сохранился подлинный паспорт Пугачева, врученный ему 12 августа 1772 г. комендантом Добрянского форпоста майором Н. Мельниковым; паспорт гласит:

«По указу ея величества, государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы Всероссийской и прочая, и прочая и прочая.

Объявитель сего, вышедшей ис Польши и явившейся собою при Добрянском фарпосте веры раскольнической Емельян Иванов сын Пугачев, по желанию ево для житья определен в Казанскую губернию, в Синбирскую правинцию, к реке Ирғизу, которому по тракту чинить свободной пропуск, обид, налог и притеснения не чинить, и давать квартиры по указам. А по прибытии ему явитца с сим пашпортом в Казанской губернии в Синбирской правинциальной канцелярии, також следуючи и в протчих правинциальных и городских канцеляриях являтца; празно ж оному нигде не жить и никому не держать, кроме законной ево нужды.

Оной же Пугачев при Добрянском фарпосте указанной карантин выдержал, в котором находился здоров и от опасной болезни, по свидетельству лекарскому, явился несумнителен.

А приметамии оной: волосы на голове темнорусые, ус и борода черныя с сединою, от золотухи на левом виску шрам, от золотухи ж ниже правой и левой сиски (от золотухи) две ямки, росту дву аршин четырех вершков с половиною, от роду сорок лет*. При оном, кроме обыкновенного одеяния и обуви, никаких вещей не имеетца.

* В действительности Е. И. Пугачеву было в то время 30 лет; родился он, как известно, в 1742 году.

Во верность чего дан сей от главнаго Добрянского фар-постнаго правления за подписанием руки и с приложением печати моей в благополучном месте 1772 году августа 12 дня.

Майор Мельников.

Пограничный лекарь Андрей Томашевской.

При исправлении письменных дел каптенармус Никифор Баранов» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 198).

Текст паспорта скреплен личной печатью майора Н. Мельникова с вензелями «Н. М.»; печать оттиснута на красном сургуче. На втором листе паспорта отметки о его предъявлении Пугачевым в городских канцеляриях и на заставах по пути его следования из Добрянского форпоста к месту поселения; ниже приводятся тексты этих отметок:

«1772 году августа 24 д[ня] пропущен через караул у городе Новгородку Сиверском на учрежденном караули в благополучном месте. Смотритель караула Евсей Яковенков свидетельствую.

1772 году августа 24 дня сей пашпорт в благополучном городе Глухове на главном карауле явлен. Писарь Николай Мухин.

1772 году августа 25 дня по сему чрез учрежденную границу Севской и з Глуховским уездом заставу пропущен. Карнет Еремей Арсеньев.

1772 года сентября 10 дня сей пашпорт в Валуйской воеводской канцелярии в благополучном месте явлен. Капитан Василей Казмин.

Канцелярист Иван Пивнев сентября 23 дня [в] благополучном месте, на Тароблянской заставе явлен, сентября 23 дня 1772 году» (там же. Л. 199).

Копия паспорта хранится среди документов следствия по делу Пугачева, производившемуся 18 декабря 1772 г. в Малыковской дворцовой управительской канцелярии (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 413. Л. 3 и об.).

⁵⁴ Беглый солдат Алексей — это Логачев (Семенов) Алексей Семенович, по происхождению курский купец; в 1770 г. взят в рекруты; служил в Первом гренадерском полку в Киеве, откуда бежал за польский рубеж в слободу Ветку; летом 1772 г. явился на Добрянский пограничный форпост, где, назвавшись польским выходцем-раскольниковом, получил паспорт для поселения в раскольниковых селениях на р. Иргизе. В Добрянке Логачев познакомился с Е. И. Пугачевым и вместе с ним отправился в Малыковку, куда они

и прибыли в ноябре месяце. Вскоре они расстались. Пугачев уехал в Мечетную слободу на Иргизе, а Логачев, не имея средств к пропитанию, нанялся служить в симбирском гарнизонном батальоне. В декабре 1774 г. он был арестован, доставлен в Москву и допрошен в Тайной экспедиции Сената. По определению Сената от января 1775 г. Логачев освобожден от наказания и отправлен к прежнему месту службы — солдатом гарнизонного батальона в Симбирск.

⁵⁵ Смотритель в Малыковке — Позняков Алексей Степанович, титулярный советник; в 1761—1773 гг. управитель Малыковской дворцовой волости. 18 декабря 1772 г. вел дознание по делу арестованного в Малыковке Е. И. Пугачева. В ноябре 1774 г. Позняков был арестован по «сумнительству» обстоятельств допроса Пугачева в Малыковке и в декабре доставлен в Москву, в Тайную экспедицию Сената, где был допрошен, полностью оправдан и освобожден.

⁵⁶ Филарет Семенов, раскольник, настоятель старообрядческого скита Введения Богородицы на Иргизе вблизи Мечетной слободы (ныне гор. Пугачев Саратовской обл.). В ноябре 1772 г. встречался с Е. И. Пугачевым, приехавшим в Мечетную слободу, который будто бы открыл ему намерение принять имя и титул «Петра III» и поднять яицких казаков на восстание. Филарет участвовал в аресте Пугачева 18 декабря 1772 г. в Малыковке, а после его побега из казанского острога вновь пытался схватить его при появлении 27 августа 1773 г. в Мечетной слободе. Тем не менее Филарет, как человек подозрительный, был в конце января 1774 г. арестован в Сызрани, доставлен в Казанскую секретную комиссию, где был допрошен и заключен в тюрьму. 12 июля 1774 г. при взятии Казани повстанцами Филарет был освобожден из заключения и доставлен в ставку Пугачева, после чего бесследно исчез.

⁵⁷ Косов Степан Васильевич, крестьянин Мечетной слободы, раскольник, в доме которого останавливался Е. И. Пугачев в ноябре 1772 г. При появлении Пугачева 27 августа 1773 г. в Мечетной слободе поднял тревогу и с группой монахов и жителей слободы пытался арестовать его. В ноябре 1774 г. Косов умер в Казани.

⁵⁸ Филиппов (Сытников) Семен, крестьянин Мечетной слободы Малыковской волости, раскольник. В конце ноября — начале декабря 1772 г. Филиппов был спутником Е. И. Пугачева по торговой поездке в Яицкий городок, где

тот вел беседы с казаками о возможности побега на вольные земли за Кубань. По возвращении в Мечетную слободу, Филиппов подал донос на Пугачева, в результате чего он и был арестован 18 декабря 1772 г. в Малыковке. По определению Сената от 10 января 1775 г. Филиппову, как первому доносителю на Пугачева, было выдано в награду 200 рублей.

⁵⁹ Пьянов Денис Степанович (1724—1774), яицкий казак, участник восстания на Яике в 1772 г. В конце ноября того же года в его доме жил Е. И. Пугачев, который и раскрыл Пьянову намерение увести яицких казаков на вольные земли за Кубань, а также признался в том, что он, Пугачев, будто бы не кто иной, как «Петр III». В январе 1773 г. Пьянов бежал из дома, узнав о намерении властей арестовать его, и до глубокой осени укрывался на хуторах в приицкой степи, а возвратился в Яицкий городок накануне взятия его повстанцами. В середине апреля 1774 г., сразу же по вступлении в Яицкий городок карательных войск, Пьянов был арестован, доставлен в Оренбург, был допрошен в секретной комиссии, а потом заключен в тюремный острог, где и умер 12 августа 1774 г.

⁶⁰ Казаки «войсковой руки» — яицкие казаки так называемой «войсковой» стороны (по другим определениям «непослушной», «мятежной», «бунтовщичьей» стороны), оставившие старинные казачьи права на справедливое распределение войсковых доходов, выступавшие за сохранение ведущей роли казачьего круга в управлении войском и боровшиеся против узурпации этих прав старшинской верхушкой войска и примыкавшими к ней казаками так называемой «послушной», или «старшинской», стороны. Острота внутренних противоречий на Яике достигла своего апогея к концу 1771 г. и вылилась в вооруженном восстании казаков «войсковой» стороны, начавшемся 13 января 1772 г. и продолжавшемся до июня того же года.

⁶¹ Траубенберг Михаил Михайлович (1722—1772), генерал-майор, убит в Яицком городке в стычке с восставшими казаками 13 января 1772 г.

⁶² В день восстания 13 января 1772 г. были убиты войсковой атаман П. В. Тамбовцев, старшины Ф. Митрясов, Я. Колпаков, И. Тамбовцев, капитан М. Долгополов, поручик М. Ащеулов, шесть солдат и 40 казаков «послушной» стороны.

⁶³ Фрейман Федор Юрьевич (1725—1796), генерал-майор, в мае-июне 1772 г. командовал карательным корпусом,

нанесшим поражение яицким казакам-повстанцам в битве под Яицким городком у реки Ембулатовки (3.—4.VI.1772). С октября 1773 г. до лета 1775 г. Фрейман командовал соединениями карательных войск в Закамье и на Южном Урале.

⁶⁴ Речь идет о двухдневном сражении 3—4 июня 1772 г. у реки Ембулатовки, где карательный корпус генерала Ф. Ю. Фреймана нанес поражение войску яицких казаков-повстанцев. Разгромив повстанцев, Фрейман 6 июня 1772 г. вступил со своим корпусом в Яицкий городок.

⁶⁵ По легендарным представлениям яицких казаков, на берегу Каспийского моря была область по имени Золотая Мечеть, где будто бы издревле существовала вольная казачья община, свободная от притеснений царской администрации.

⁶⁶ Узени — реки Большой и Малый Узени в заволжской степи, прибежище раскольников, беглых крестьян и казаков, там же укрывались от преследования участники восстания 1772 г.

⁶⁷ Некрасов Игнатий Иванович, донской казачий атаман, видный предводитель Булавинского восстания 1707—1709 гг. После гибели атамана К. А. Булавина (7.VII.1708) Некрасов с двумя тысячами повстанцев переправился через Дон и бежал за Кубань.

⁶⁸ Е. И. Пугачев не сообщил следователю, что беседа с Д. С. Пьяновым, объявил ему себя «императором Петром Третьим»; скрыл это и Пьянов на допросе 10 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.

⁶⁹ Имеется в виду малыковский управитель А. С. Позняков (см. о нем прим. 55).

⁷⁰ Речь идет о допросе Е. И. Пугачева 18 декабря 1772 г. в управительской канцелярии Малыковской дворцовой волости (см. в приложении док. II). При допросе Пугачев заявил, что в беседе с Д. С. Пьяновым слова о побеге яицких казаков на Кубань он, Пугачев, «проговаривал... смеючись, пьяной».

⁷¹ Е. И. Пугачев и четверо других арестованных были отправлены из Малыковки в Симбирск 19 декабря 1772 г.

⁷² Дознание над Е. И. Пугачевым в Симбирске не производилось. Симбирская провинциальная канцелярия, рассмотрев документы, касавшиеся Пугачева, приняла решение: так как Пугачев обвиняется по «немаловажному делу», то его вместе со всеми документами, «не входя в подроб-

ность», следует отослать в Казань к губернатору Я. Л. Бранту.

⁷³ Конвой с арестованным Е. И. Пугачевым, выехав из Симбирска 31 декабря 1772 г., прибыл в Казань 4 января 1773 г.

⁷⁴ Аврамов Андреян Пантелеевич, секретарь Казанской губернской канцелярии, в январе 1773 г. вел следствие по делу Е. И. Пугачева, а после его побега из Казани сам он, Аврамов, был привлечен к ответственности. Он обвинялся в том, что поверхностно вел розыск над Пугачевым, самовольно будто бы приказал снять с него ручные кандалы и промедлил с донесением в Сенат о побеге Пугачева. По некоторым из этих обвинений Аврамов не смог дать оправдывающих его ответов. Это было учтено в определении Тайной экспедиции Сената (от 3.IV.1775), которая, хотя и освободила Аврамова из заключения, но предписала исключить его из службы и впредь «ни к каким делам не определять».

⁷⁵ Показание не соответствует истине. В действительности допрос Е. И. Пугачева, производившийся 7 января в Казанской губернской канцелярии секретарем А. П. Аврамовым, был оформлен протоколом (см. в приложении док. III).

⁷⁶ На вопрос о том, кто именно и когда дал распоряжение о снятии с Е. И. Пугачева ручных кандалов, не было получено четкого ответа при расследовании в Казанской секретной комиссии. Привлеченный к дознанию губернский секретарь А. П. Аврамов не смог до конца отвести подозрений в отношении безупречности его действий в этом деле.

⁷⁷ У Арского поля (восточное предместье Казани) стоял загородный губернаторский дом, а вблизи его, на берегу реки Казанки, находились казенные кирпичные сараи, где работали арестанты казанского острога, они же разгружали там и дровяные баржи.

⁷⁸ Дружинин Парфен Петрович, купец пригорода Алаты под Казанью, в 1771—1772 гг. целовальник соляной продажи в селе Сретенском; в январе 1773 г. осужден Казанским магистратом за недостачу 220 руб. казенной суммы и заключен в тюремный острог, где познакомился с Е. И. Пугачевым и, не зная о его деле, сговорился с ним о совместном побеге. Бежав из казанского острога (29.V.1773) с Пугачевым, Дружинин взял с собой жену Домну Степановну, сыновей Филимона и Максима и дочь Мавру, и все вместе они

поехали к реке Вятке. Расставшись вскоре с Пугачевым, Дружинины более полутора лет скитались по Заволжью. В середине февраля 1775 г. Дружинины были арестованы и доставлены в Казань, а в начале марта Парфен и Филимон Дружинины отправлены в Москву, в Тайную экспедицию, которая, допросив их, определением от 9 марта 1775 г. освободила обоих от наказания, как не участвовавших в замышлах и деяниях Пугачева.

⁷⁹ Мищенко Григорий Алексеевич, солдат, уроженец Украины, солдат III Казанского батальона, был в карауле тюремного острога и 29 мая 1773 г. бежал с Е. И. Пугачевым и П. П. Дружининым из Казани, в конце лета 1773 г. поселился в Черкасской слободе (на реке Кинель). Последующая судьба Мищенкова не известна.

⁸⁰ Беглый солдат И. В. Мамаев, находившийся весной 1773 г. среди заключенных в казанском остроге, рассказывал на одном из допросов, что в соседней тюремной казарме содержался «донской казак Емельян Пугачев с прочими острожными колодниками, в числе около ста человек, которого тогда многия колодники из почтения называли Емельяном Иванычем, потому что он, будучи раскольник, казался всем набожным человеком и маливался, сказывают, много по ночам. И хотя оной Пугачев со мною тут с небольшим месяц или около того содержался, однакож я знал его, потому што он игрывал на острожном дворе с колодниками и со мною в карты» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 460. Л. 131—131 об.).

⁸¹ Сын П. П. Дружинина — Филимон Парфенович Дружинин способствовал побегу отца и Е. И. Пугачева из казанского острога 29 мая 1773 г. Ф. П. Дружинин арестован вместе с отцом в середине февраля 1775 г., доставлен в Москву и допрошен в Тайной экспедиции Сената. Освобожден по определению Сената от 9 марта 1775 г.

⁸² Речь идет об Иване Ефимове, священнике Благовещенского собора в Казани. Ефимов — свойственник алатского купца П. П. Дружинина (их жены были двоюродными сестрами). 29 мая 1773 г. в дом к Ефимову явились из острога Дружинин с Е. И. Пугачевым «для испрошения милостыни», сопровождаемые конвойными солдатами Г. А. Мищенковым и Д. Г. Рыбаковым. Допьяна напоив Рыбакова (непосвященного, как и Ефимов, в замысел побега Дружинина и Пугачева), колодники и солдаты уехали из Казани. Спустя 10 дней после их побега, Ефимов был взят

под стражу и допрошен в Казанской духовной консистории. По приказанию казанского архиепископа Вениамина, священник Ефимов «за поение» колодников и конвойных солдат «вином и прочим пойлом» был заключен в монастырскую тюрьму, где содержался в кандалах, получая в пищу лишь хлеб и воду. По приговору Тайной экспедиции Сената от 31 марта 1775 г. Ефимов, как не принимавший соучастия и согласия в побеге Пугачева и Дружинина, был освобожден из заключения.

⁸³ Е. И. Пугачев и П. П. Дружинин совершили побег из казанского острога 29 мая 1773 г. К тому времени дело о Пугачеве было рассмотрено в Казани, и в Петербурге. 21 марта 1773 г. казанский губернатор Я. Л. Брант отправил в Сенат донесение, в котором, обстоятельно изложив документы дела, высказал мнение о наказании Пугачева: «учиня наказание кнутом», сослать его «на вечное житье в Сибирь» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 170—173). В Петербурге дело Пугачева рассматривал генерал-прокурор Сената А. А. Вяземский, который 6 мая 1773 г. вынес определение по Тайной экспедиции: «Оному Пугачеву за побег его за границу, в Польшу, и за утайку по выходе его оттуда в Россию о своем названии, а тем больше за говоренные им яицкому казаку Пьянову... возмутительных вредных слов, касающихся до побегу всех яицких казаков в Турецкую область..., учинить наказание плетьюми и послать, так, как бродягу и привыкшего к праздной и продерской притом жизни, в город Пелым, где и употреблять его в казенную работу такую, какая случиться может, давая за то ему в пропитание по три копейки на день. Однако ж накрепко за ним смотреть того, чтоб он оттуда утечки учинить не мог». Это определение было санкционировано Екатериной II надписью: «Быть по сему» (Там же. Л. 174 и об.). Приговор этот был получен в Казани 1 июня 1773 г., три дня спустя после бегства Пугачева и Дружинина из тюремного острога. И лишь 3 июня в губернскую канцелярию поступил рапорт начальника караульной команды капитана С. Васильева от 1 июня о побеге Пугачева и Дружинина вместе с конвойным солдатом Г. А. Мищенковым (Там же. Л. 101—102). Только с того времени губернская канцелярия начала розыск беглецов, оказавшийся безуспешным.

⁸⁴ «Караульный офицер» — Зыков Александр Васильевич прапорщик II казанского батальона, дежурный офицер тюремного острога в Казани. Действуя в соответствии с ин-

струкцией Казанской губернской канцелярии, разрешавшей отпускать заключенных, не получивших кормового дозволения, «за пристойным караулом на связках в мир... для прошения на пропитание милостыни», Зыков 29 мая 1773 г. отпустил из острога Е. И. Пугачева и П. П. Дружинина под конвоем солдат Г. А. Мищенкова и Д. Г. Рыбакова за милостыню в дом священника Благовещенского собора И. Ефимова. Вечером того же дня, по возвращении в команду солдата Рыбакова, сообщившего о побеге Пугачева, Дружинина и солдата Мищенкова из Казани, Зыков подал о том рапорт начальнику караульной команды капитану С. Васильеву. Вскоре Зыков был привлечен к дознанию и находился под следствием более полутора лет. По определению Тайной экспедиции Сената (от 31.III.1775) Зыков, как не причастный к побегу Пугачева, был оправдан и освобожден от заключения. Что же касается капитана С. Васильева, то он был признан виновным в том, что промедлил с подачей рапорта о побеге Пугачева, Дружинина и Мищенкова и, хотя и был освобожден из-под ареста и определен на прежнюю службу, но его, «яко нерадивого прямо к своей должности» предписано было «в нужнейшие караулы не посылать и не командировать».

⁸⁵ «Конвойный солдат» — «согласник к побегу» — Мищенков Г. А. (см. о нем прим. 79).

⁸⁶ «Другой конвоир» — Рыбаков Денис Григорьевич (1737—1773), солдат II казанского батальона, 29 мая 1773 г. вместе с солдатом Г. А. Мищенковым конвоировал Е. И. Пугачева и П. П. Дружинина, отпущенных из тюрьмы для испрошения милостыни в дом священника И. Ефимова, где его, Рыбакова, умышленно наугощали допьяна вином, потом скрытно вывезли из Казани, а добравшись до Арского поля, высадили из повозки. Вечером 29 мая Рыбаков возвратился в команду и сообщил караульному офицеру А. В. Зыкову о побеге из Казани Пугачева, Дружинина и Мищенкова. Рыбаков, взятый тогда же под стражу, заболел и умер в военном госпитале 3 августа 1773 г.

⁸⁷ Аналогичное освещение событий 29 мая 1773 г. дано в протоколе показаний П. П. Дружинина (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 274—275). А. В. Зыков, Д. Г. Рыбаков и И. Ефимов скрыли от следствия то, что Пугачев, Дружинин и конвоировавшие их солдаты дважды побывали 29 мая в доме у Ефимова (в первый раз его не было в доме), каждый раз отпрашиваясь у Зыкова.

⁸⁸ Как и Е. И. Пугачев, П. П. Дружинин утверждал на допросе, что они не избивали Д. Г. Рыбакова. Рыбаков же, явившись вечером 29 мая в свою команду, объявил прапорщику А. В. Зыкову будто бы Пугачев, Дружинин и Мищенков «смертельно» избили его, Рыбакова.

⁸⁹ Царицыно (Царицынское) — дворцовое село в 7 верстах восточнее Казани, на Сибирском тракте.

⁹⁰ Речь идет о татарской деревне Кирша под Алатом, где Е. И. Пугачев, П. П. Дружинин, Г. А. Мищенков и Ф. П. Дружинин останавливались 30 мая 1773 г.

⁹¹ Дружинина Домна Степановна (жена П. П. Дружинина) укрывалась с дочерью Маврой (9 лет) и сыном Максимом (6 лет) в деревне Кирша в семье у знакомого татарина.

⁹² Речь идет о пригороде Алат, в 70 верстах к северо-востоку от Казани, через который Е. И. Пугачев и его спутники проехали в ночь с 30 на 31 мая 1773 г.

⁹³ В Алате жили дочери П. П. Дружинина — Екатерина, Акулина, Василиса и Авдотья, находившиеся в услужении в домах у купцов и священнослужителей.

⁹⁴ Из пригорода Алат Е. И. Пугачев и его спутники направились на юго-восток, лесными дорогами к реке Вятке.

⁹⁵ Куровской (точное название — Куршинский) перевоз через реку Вятку у деревни Куршино (в 90 верстах от устья реки).

⁹⁶ Кураковский завод — винокуренный завод в селе Кураково (в 30 верстах к северо-востоку от прикамского села Елабуга).

⁹⁷ Котловка — село на правом берегу Камы, в 15 верстах к востоку от устья реки Вятки.

⁹⁸ Сарсасы (Сарасаз) — село в 15 верстах от Котловки и в 4 верстах восточнее реки Зай.

⁹⁹ Кандалинцев Алексей, крестьянин — раскольник, житель села Сарсасы, познакомился с Е. И. Пугачевым в Казани, встретившись с ним в то время, когда тот находился в заключении в колодничьей палате при губернской канцелярии (январь—март 1773 г.), в январе—апреле 1774 г. участвовал в повстанческом движении, казнен карателями в конце апреля 1774 г.

¹⁰⁰ П. П. Дружинин с семьей добрался до Иргиза к празднику Покрова (1.X.1773) и поселился там на берегу реки Камелик (левый приток Большого Иргиза).

¹⁰¹ Переволошная Лука — урочище вблизи северного предместья Яицкого городка, куда Е. И. Пугачев и А. Кандалинцев приехали в конце июля 1773 г.

¹⁰² Строгановский сад в северном предместье Яицкого городка на левом берегу Чагана.

¹⁰³ Таловый (Таловский) умет — постоянный двор на реке Таловой (левый приток реки Камелика) на большой дороге к Сызрани, в 60 верстах к северо-западу от Яицкого городка.

¹⁰⁴ Оболяев Степан Максимович (Еремина Курица — эти слова он употреблял и в шутку, и бранясь — и они стали его прозвищем у яицких казаков), крестьянин села Незнаева Симбирского уезда, позднее пахотный солдат. В 1762 г. бежал на Яик, где служил наемным работником у казачьих старшин, с 1771 г. получил в оброчное владение Таловый умет. В ноябре—начале декабря 1772 г. Е. И. Пугачев дважды побывал в Таловом умете (во время торговой поездки из Мечетной слободы в Яицкий городок и обратно).

В начале августа 1773 г. Пугачев снова приехал в Таловый умет, где некоторое время спустя при посредничестве Оболяева встречался с казаками Г. М. Закладновым, Д. К. Караваевым и С. Кунишниковым, объявил им о том, что он не кто иной, как «Петр III», явившийся здесь, чтобы защитить яицких казаков, вел с ними первые разговоры о возможности подготовки вооруженного выступления. Пугачев и Оболяев отправились в Мечетную слободу (в 80 верстах от Талового умета), надеясь найти там «письменного человека» для составления указов. По приезде их в Мечетную (27.VIII.1773) Пугачев был опознан, монастырские власти подняли тревогу, монахи и слободские мужики схватили Оболяева, но Пугачев сумел бежать. Следствие по делу Оболяева продолжалось около полутора лет. По определению Сената от 10 января 1775 г. Оболяев был бит кнутом, заклеямен и сослан на пожизненное поселение в Поморье, в Кольский острог. Последнее прижизненное документальное известие об Оболяеве относится к началу XIX в. (ведомость о ссыльных пугачевцах в Кольском остроге от 1801 г. — ЦГАДА. Ф. 7. Д. 3704. Ч. 1. Инв. № 2. Л. 11).

¹⁰⁵ Филиппов (Сытников) Семен Филиппович, крестьянин Мечетной слободы (подробнее о нем см. прим. 58).

¹⁰⁶ Первые «недели две или больше» пребывания Е. И. Пугачева в Таловом умете приходились на первую половину августа 1773 г.

¹⁰⁷ Речь идет о генерал-майоре М. М. Траубенберге (подробнее о нем см. прим. 61), убитом вместе с некоторыми

офицерами и солдатами его команды и казачьими старшинами 13 января 1772 г., в день начала восстания казаков «мятежной» стороны Яицкого войска.

¹⁰⁸ На яицких казаков — участников восстания 1772 г. — Военная коллегия наложила денежный штраф в размере 20 107 руб. 70 коп. Комендант Яицкого городка И. Д. Симонов и старшины произвольно увеличили этот штраф до 36 756 руб.

¹⁰⁹ Речь идет о предводителях восстания 1772 г. на Яике И. В. Кирпишникове, В. С. Трифонове, Т. П. Сенгилевцеве, А. И. Лабзенева, Я. И. Неулыбине, И. А. Пономареве, И. И. Ульянове и других (всего 16 человек), которые по указу Военной коллегии были наказаны кнутом и сосланы в июле 1773 г. на пожизненные каторжные работы в Сибирь, на Нерчинские заводы.

¹¹⁰ Впервые Е. И. Пугачев объявил себя «Петром Третьим», беседуя с казаком Д. С. Пьяновым в Яицком городке в конце ноября 1772 г. (см. выше, прим. 59). Но то было первым примериванием «царской» маски, не предусматривавшим каких-либо последующих реальных целей и действий. Будучи в августе 1773 г. на Таловом умете Пугачев, приняв решение огласить себя «Петром III» в кругу верных яицких казаков, связывал, как видно, это решение с подготовкой вооруженного восстания на Яике.

¹¹¹ «Знаки государевы» — так Пугачев называл шрамы на груди от язвенной болезни, перенесенной им в 1771 г. За «государев знак» — «герб» выдавал Пугачев круглый шрам от золотухи на левом виске.

¹¹² С. М. Оболяев говорил на допросе, что Е. И. Пугачев, впервые открыв Оболяеву свое «царское» происхождение, не велел ему говорить о том кому-либо из посторонних, а тем более оказывать знаки почтения.

¹¹³ Закладнов Григорий Михайлович (1724—1775), яицкий казак. 21 августа 1773 г. по вызову С. М. Оболяева приехал в Таловый умет, где Е. И. Пугачев и объявил ему себя «государем Петром Федоровичем», и велел прислать двух верных людей из Яицкого городка, что он и исполнил, прислав в Таловый умет казаков Д. К. Караваева и С. Кунишникова. В январе—апреле 1774 г. Закладнов служил в повстанческом войске. Схваченный карателями, он содержался под следствием в Оренбурге и Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Закладнов был бит кнутом, заклеямен и сослан на каторгу. По пути к месту каторги, в

Балтийский порт (ныне г. Палдиски в Эстонии), умер 29 января 1775 г. в Ревеле (ныне Таллинн).

¹¹⁴ Караваяев Денис Константинович, яицкий казак, участник восстания на Яике в 1772 г. Дважды в августе 1773 г. Караваяев встретился с Е. И. Пугачевым в Таловом умете, в первый раз (24—25.VIII.) ездил туда с казаком С. Кунишниковым, во второй раз (29.VIII) — с М. Г. Шигаевым, к ним в тот же день присоединились И. Н. Зарубин-Чика и Т. Г. Мясников. На этих встречах речь шла об условиях участия яицких казаков в восстании во главе с Пугачевым, принявшим на себя имя «императора Петра Третьего». Слухи об этих встречах получили широкую огласку, и вскоре, по доносу П. Митрясова, Караваяев был арестован. После того он находился под следствием в Яицком городке, Оренбурге и Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Караваяев был бит кнутом, заклеямен и сослан на каторгу. Каторжные работы он отбывал в Балтийском порту (ныне г. Палдиски в Эстонии).

¹¹⁵ Возвратившись в Яицкий городок, Г. М. Закладнов разыскал там верных казаков Д. К. Караваяева и С. Кунишникова и уговорил их встретиться с Е. И. Пугачевым в Таловом умете, куда они и отправились 24 августа 1773 г.

¹¹⁶ Имеется в виду Сергей Кунишников, сопровождавший Д. К. Караваяева при поездке в Таловый умет к Е. И. Пугачеву 24—25 августа 1773 г. В дни Крестьянской войны Кунишников находился в рядах повстанческого войска.

¹¹⁷ «Царские приметы» или «знаки» — шрамы от болезней у Е. И. Пугачева на груди и на левом виске, которые он до того показывал С. М. Оболяеву (см. выше, прим. 111).

¹¹⁸ Рубашки из вещей Е. И. Пугачева, оставленных им осенью 1772 г. в доме у жителя Мечетной слободы С. В. Косова (см. выше, прим. 57).

¹¹⁹ «Два беглых крестьянина» — двое из трех крестьян (А. С. Чучков, А. Алексеев, Е. Федоров), сосланных на поселение в Сибирь, но по пути туда бежавших из Казани на Иргиз и явившихся 16 августа 1773 г. к С. М. Оболяеву, где они и застали Е. И. Пугачева. В данном случае речь идет о двух крестьянах:

1) Чучков Афанасий Семенович, экономический крестьянин села Запокорье Московского уезда, в январе—мае 1774 г. участвовал в повстанческом движении, позднее был схвачен карателями, находился под следствием в Яицком

городке, Оренбурге и Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Чучков был бит кнутом, заклеямен и сослан на поселение в Поморье, в Кольский острог.

2) Алексеев Антон (1750 г. р.), крестьянин Коломенского уезда, в апреле-мае 1774 г. участвовал в повстанческом движении, схваченный карателями, находился под следствием в Яицком городке. По приговору Оренбургской секретной комиссии Алексеев был наказан плетьюми и сослан на поселение.

¹²⁰ С. М. Оболяев, присутствовавший при беседах Е. И. Пугачева с Д. К. Караваяевым и С. Кунишниковым, вспоминал, что Пугачев, прощаясь с ними, заплакал и сказал им: «Ну, детушки, не покиньте вы меня, соколы ясные. Теперь-де я у вас пешей сизой орел, подправьте-де сизому орлу крылья». Казаки отвечали ему со слезами: «Только-де не оставь нас, надежда-государь, а за то мы все с Яицким войском, — что ни прикажете и ни потребуете, — зделаем» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 4—4 об.).

¹²¹ Верхние монастырские хутора — на правом берегу Большого Иргиза у Мечетной слободы, куда Е. И. Пугачев и С. М. Оболяев приехали во второй половине дня 27 августа 1773 г.

¹²² Пахомий, игумен старообрядческого скита в Мечетной слободе (до монашества Пахомий — Петр Петрович Баусов, крепостной крестьянин помещика А. Н. Мельгунова, житель села Городец Юрьев-Польского уезда). Осенью 1772 г. Пахомий услышал о Е. И. Пугачеве, останавливавшемся в Мечетной слободе во время поездки в Яицкий городок, а потом арестованном в Малыковке. Два года спустя, осенью 1774 г., Пахомий был арестован и доставлен в Москву, в Тайную экспедицию Сената. По определению Сената от 10 января 1775 г. Пахомий был высечен кнутом и отослан к помещику.

¹²³ Сразу же после того, как Е. И. Пугачев, покинув дом С. В. Косова, отправился в Пахомиев скит, Косов побежал к старосте Мечетной слободы И. Никифорову и сообщил ему о появлении в слободе Пугачева. Никифоров тотчас поднял тревогу и с монахами Филаретова скита бросился в погоню за Пугачевым и С. М. Оболяевым, которых и застали в Пахомиевом скиту.

¹²⁴ Вскоре после того, как Е. И. Пугачев и С. М. Оболяев, явились в Пахомиев скит, некий старец, «большого росту, борода большая рыжая, видом около 50-ти лет», сказал

пришедшим, что к скиту приближается погоня. Пугачев тотчас бросился за часовню и мимо келий к берегу реки. Оболяев же замешкался и был схвачен ворвавшейся в скит погоней (15 человек, среди которых был и игумен Филарет).

¹²⁵ Речь идет об А. С. Чучкове (см. о нем выше, прим. 119), который по возвращении Е. И. Пугачева из Мечетной слободы в Таловый умет (29.VIII.1773) известил его о приехавших из Яицкого городка казаках Д. К. Караваеве, М. Г. Шигаеве, И. Н. Зарубине-Чике и Т. Г. Мясникове.

¹²⁶ Шигаев Максим Григорьевич (1726—1775), яицкий казак, один из видных участников восстания 1772 г. на Яике, в 1773—1774 гг. один из первых сподвижников Е. И. Пугачева, член его Военной коллегии, полковник повстанческого войска. После поражения восставших в битве под Сакмарским городком (1.IV.1774) Шигаев бежал в Илецкий городок, где 7 апреля и был схвачен карателями, содержался под следствием в Оренбурге и в Москве. По приговору Сената Шигаев был казнен 10 января 1775 г. на Болотной площади в Москве вместе с Пугачевым и другими вожаками восстания.

¹²⁷ «Чика» — это прозвище носил яицкий казак Иван Никифорович Зарубин (1736—1775), участник восстания 1772 г. на Яике. В 1773—1774 гг. один из первых сподвижников Е. И. Пугачева, полковник повстанческого войска. В начале декабря 1773 г. Зарубин, получив от Пугачева титул «графа Чернышева», был направлен под Уфу, вступил там в командование 10-тысячным войском и стал руководителем повстанческого движения в Башкирии, на Среднем Урале, в Прикамье и Зауралье. В битве 24 марта 1774 г. с подошедшим к Уфе карательным корпусом подполковника И. И. Михельсона отряды Зарубина были разгромлены, сам он бежал в Табынск, где 26 марта схвачен и выдан Михельсону. В течение пяти месяцев Зарубин содержался в заключении в Уфе, позднее был под следствием в Казани и в Москве. По приговору Сената Зарубин был казнен в Уфе 24 января 1775 г.

¹²⁸ Мясников Тимофей Григорьевич, яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике. В 1773—1774 гг. один из первых сподвижников Е. И. Пугачева, командовал «гвардией» — сотней казаков, составляющих личную охрану Пугачева. После поражения повстанческого войска в битве у Сакмарского городка (1.IV.1774) Мясников бежал в Илец-

кий городок, где 7 апреля был схвачен карателями, содержался под следствием в Оренбурге и в Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Мясников был бит кнутом, заклеямен и сослан на поселение в Поморье, в Кольский острог.

¹²⁹ Крестьянин А. С. Чучков, присутствовавший при беседе Е. И. Пугачева с казаками, утверждал при допросе, что на просьбу Д. К. Караваева показать им «царские знаки» Пугачев вознегодовал, заявив: «Раб ты мой, а повелеваешь мной!» — но потом, разрезав рубаху, показал «знаки» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 148 об.).

¹³⁰ Речь идет о дворцовом перевороте 28 июня 1762 г., в результате которого был низложен Петр III, и на престол вступила Екатерина II. Е. И. Пугачев ввел в освещение этого события легенду, касающуюся происхождения «царских знаков» на его груди, как следов ран, нанесенных ему, «Петру III», штыками гвардейцев-заговорщиков.

¹³¹ О том, что Пугачев называл шрам от золотухи на левом виске «царским гербом» и «российским орлом», имеются упоминания в протоколах допросов А. С. Чучкова и Д. К. Караваева (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 149; Ф. 349. Д. 7339. Л. 15).

¹³² «Офицер» — постоянно фигурировавший в рассказах Е. И. Пугачева — некий «капитан Маслов», состоявший будто бы в свите Петра III, который «тайно спас» царя из заключения после дворцового переворота 1762 г. Возможно, впрочем, что Пугачев знал об однофамильце «капитана Маслова», камер-лакее Алексее Маслове, служившем у Петра III, но арестованном гвардейцами-заговорщиками незадолго до убийства царя.

¹³³ Здесь Е. И. Пугачев вводит в свою вымышленную биографию (как «Петра III») некоторые реальные события из истории самозванца Федота Ивановича Богомолова, солдата легионной команды, расквартированной в Дубовской станице под Царицыном. В марте 1772 г. Богомолов, опираясь на группу волжских казаков, объявил себя «Петром Третьим», выступил против злоупотреблений командования, но сразу же был арестован. Военный суд приговорил его к наказанию кнутом и к ссылке на каторжные работы в Сибирь. На пути туда Богомолов умер.

¹³⁴ С 29 августа 1773 г. руководство группой сторонников Е. И. Пугачева, взявших на себя подготовку вооруженного выступления, перешло к И. Н. Зарубину, ближайшими

помощниками которого были Т. Г. Мясников, М. Г. Шигаев, Д. К. Караваев, В. Я. Плотников, Я. Ф. Почиталин и другие.

¹³⁵ Речь идет о Казачьем уме на левом берегу Чагана, в 20 верстах к северу от Яицкого городка, где с 29 на 30 августа 1773 г. останавливались на ночлег Е. И. Пугачев, И. Н. Зарубин и Т. Г. Мясников; что касается М. Г. Шигаева и Д. К. Караваева, то они вечером 29 августа уехали в Яицкий городок.

¹³⁶ Братья Кожевниковы — Андрей, Михаил и Степан Алексеевичи Кожевниковы — владели хутором, находившимся в низовьях речки Малый Чаган (правый приток Яика), в 35 верстах ниже Яицкого городка.

¹³⁷ Кожевников Михаил Алексеевич, яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике. На Чаганском хуторе у братьев Кожевниковых скрывался накануне восстания Е. И. Пугачев (30.VIII.—8.IX.1773), после чего он уехал с И. Н. Зарубиным и другими казаками на речку Усиху. Сам же М. А. Кожевников был 16 сентября арестован, содержался под следствием в Яицком городке, в Оренбурге и в Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Кожевников был бит кнутом, заклеямен и сослан на поселение в Поморье, в Кольский острог.

¹³⁸ Старик, живший на Чаганском хуторе братьев Кожевниковых, — отставной яицкий казак Роман Семенович Шеварновский.

¹³⁹ Кожевников Андрей Алексеевич, яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике, в январе—апреле 1774 г. служил в одном из пугачевских отрядов. В середине апреля 1774 г., узнав о подходе к Яицкому городку карателей, Кожевников с группой казаков бежал и укрывался в приицких степях, а 11 сентября явился с повинной в Яицкую секретную комиссию, был наказан плетьюми и определен в прежнюю казачью службу.

¹⁴⁰ Кожевников Степан Алексеевич (1748—1774), яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике; в сентябре 1773 г. — апреле 1774 г. служил в повстанческом войске Е. И. Пугачева. После поражения восставших в битве у Сакмарского городка (1.IV.1774) Кожевников бежал в Илецкий городок, где 7 апреля был арестован карателями, доставлен в Оренбург, находился там под следствием в секретной комиссии, где и умер в заключении.

¹⁴¹ Содержание бесед Е. И. Пугачева с казаками в лагере

у речки Усихи сводилось к повествованию о странствиях и приключениях «Петра III» после низложения с престола, речь шла также и об условиях участия яицкого казачества в готовившемся вооруженном выступлении, а также о подготовке этого выступления. В то время Зарубин, беседуя с Пугачевым наедине, говорил ему, что он напрасно скрывает от него, что он, Пугачев, — донской казак, а не Петр III: «От людей-де утаишь, а от Бога вить не утаишь, — ты-де донской казак!» На что Пугачев сказал: «Врешь-де, дурак». На то Зарубин говорил: «Я-де в том Караваяву дал клятву, чтоб никому о том не сказывал, так и тебе-де, батюшка, даю, — вить-де мне в том нужды нет: хоша ты и донской казак, только-де мы уже за государя тебя признали, так тому-де и быть». Выслушав сие [Пугачев] отвечивал: «Ну, коли так, то смотри же, держи втайне: я-де подлинно донской казак Емельян Пугачев. Не потаил-де я о себе и сказывал [о том] Караваяву и Шигаеву, также Пьянову» (Пугачевщина. Т. 2. С. 131).

¹⁴² Е. И. Пугачев укрывался на Чаганском хуторе Кожевниковых с 30 августа по 8 сентября 1773 г.

¹⁴³ Для изготовления знамен были приобретены материалы (шелк, шнуры и др.), на что было собрано 10 рублей; позднее на Усиху к Е. И. Пугачеву казаки привезли 12 старых знамен, которые тайно хранились у них со времени восстания 1772 г. на Яике, когда «выходили против генерала Траубенберга».

¹⁴⁴ Комендант Яицкого городка подполковник И. Д. Симонов, узнав о «некоем происходящем здесь скрытно странном слухе» относительно появления в приицкой степи, на Таловом умете, человека, выдающего себя за «Петра III», отправил для захвата самозванца (истинное имя которого тогда еще не было известно) две розыскные команды: сотника Ф. Раннева с 20 яицкими казаками и капитана А. П. Крылова с отрядом драгунов и полусотней оренбургских казаков. Узнав об этом, А. А. Кожевников сразу выехал к Чаганскому хутору братьев Кожевниковых и, явившись туда вечером 8 сентября, предупредил Е. И. Пугачева и его сторонников о грозящей опасности.

¹⁴⁵ Усиха — речка, правый приток Яика, в 65 верстах южнее Яицкого городка.

¹⁴⁶ Коновалов Василий Семенович, яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике, видный сподвижник Е. И. Пугачева, служил в его войске в сентябре 1773 г. — ав-

густе 1774 г. После ареста Пугачева заговорщиками в за-волжской степи, у реки Большой Узень (8.IX.1774), Коновалов в числе других повстанцев явился с повинной в Яицкий городок (15.IX.1774), находился под следствием в Яицком городке и в Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Коновалов сослан на пожизненное поселение в Прибалтику, на остров Эзель. Последние прижизненные документальные известия о Коновалове относятся к 1804 г.

Отец его — Коновалов Семен Афанасьевич, отставной яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике; с января 1774 г. служил в повстанческом отряде в Яицком городке, в середине апреля того года арестован карателями, находился под следствием в Оренбургской секретной комиссии, но вскоре был освобожден без наказания.

¹⁴⁷ «Плавня» — речь идет о так называемой осенней плавне — рыболовном промысле на Яике, начинавшемся с 1 октября в 200 верстах ниже Яицкого городка и вплоть до Каспийского моря.

¹⁴⁸ Симонов (Симанов) Иван Данилович, подполковник, комендант Яицкого городка, в 1772 г. участвовал в подавлении восстания яицких казаков, в январе—апреле 1774 г. руководил обороной крепости (ретраншамент) в Яицком городке, осажденной отрядами пугачевских атаманов; 17 марта 1774 г. получил чин полковника.

¹⁴⁹ В Яицком городке были расквартированы 6-я и 7-я легкие полевые команды (под общим командованием подполковника И. Д. Симонова), насчитывавшие до 1200 солдат, и 22 пушки; помимо того в гарнизон городка входило до 150 оренбургских казаков и до 500 «послушных» яицких казаков (по данным на начало сентября 1773 г.).

¹⁵⁰ Беседа с приехавшим на Усиху казаком В. Я. Плотниковым, Е. И. Пугачев говорил, что в случае неудачи со взятием Яицкого городка он пойдет со своим войском в центр страны и к Петербургу: «Коли-де примут в город [Яик] так хорошо, а не примут, так и нужды нет: я бы мимо прошел, мне-де нужно, чтоб Яицкое войско проводило меня до Санкт-Петербурга» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 168 об.—169).

¹⁵¹ Лысов Дмитрий Сергеевич, яицкий казак, в сентябре 1773 г. примкнул к Е. И. Пугачеву, служил полковником в его войске. Лысов был в числе людей, входивших в ближайшее окружение Пугачева. Однако вскоре между ними начались неприязненные отношения из-за того, что к Пугачеву

стали поступать жалобы на самочинные действия Лысова, избивавшего казаков, и мародерство его команды. Одно из таких столкновений произошло в начале марта 1774 г., когда Пугачев и Лысов, возвращаясь из Каргалы в Берду, затеяли между собой препирательство. Лысов, будучи в крепком подпитии, разгорячился и, вскинув копьё, острием его нанес сильный удар в бок Пугачева, но того спасла надетая под шубу стальная кольчуга. Лысов снова занес копьё для удара, но подскакавший сзади И. Я. Почиталин оттолкнул его и сшиб с лошади. По приезде в Берду Лысов был судим и казнен повстанцами.

¹⁵² «Кузьма Иванов» — имеется в виду Фофанов (Иванов) Кузьма Иванович (1726—1804), яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике. Примкнул к Е. И. Пугачеву в начале сентября 1773 г. С того времени и до начала сентября 1774 г. Фофанов постоянно находился при Пугачеве, исполняя обязанности повара и «дворецкого». Вскоре после ареста Пугачева в заволжской степи (8.IX.1774) Фофанов вместе с другими казаками явился с повинной в Яицкий городок, был под следствием в Яицком городке и в Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Фофанов был сослан на пожизненное поселение в Прибалтику, на остров Эзель, где и умер 29 июня 1804 г.

¹⁵³ «А на другой день» — речь идет о 15 сентября 1773 г., когда в лагерь на речку Усиху к Е. И. Пугачеву приехали из Яицкого городка Т. Г. Мясников, И. Я. Почиталин и В. Я. Плотников.

¹⁵⁴ Каргин Никита Афанасьевич (подробнее о нем см. ниже, прим. 295) упомянут здесь по ошибке памяти: в тот день (15.IX.1773) он в стан к Е. И. Пугачеву не приезжал.

¹⁵⁵ Почиталин Иван Яковлевич, яицкий казак, явился в лагерь Е. И. Пугачева на речку Усиху 15 сентября 1773 г. С того времени письмоводитель у предводителя восстания, с ноября 1773 г. стал думным дьяком пугачевской Военной коллегии, его перу принадлежат манифесты и указы Пугачева и предписания Военной коллегии. Почиталин был взят в плен карателями после поражения повстанческого войска в битве под Сакмарским городком (1.IV.1774), содержался под следствием в Оренбурге и в Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Почиталин был бит кнутом, заклемен и сослан на пожизненную каторгу в Балтийский порт (ныне г. Палдиски в Эстонии). Последнее прижизненное документальное известие о Почиталине относится к 1797 г.

¹⁵⁶ «Идорка» — имеется в виду Идеркей (Идорка, Идыр) Баймеков (Бахмутов), яицкий казак из татар, приемный отец пугачевского секретаря Балтай Идеркеева (см. о нем ниже, прим. 167). Идеркей примкнул к Е. И. Пугачеву в первой половине сентября 1773 г., служил при нем толмачом. После поражения повстанческого войска в битве у Солениковой ватаги (25.VIII.1774) Идеркей с группой повстанцев бежал за Волгу и скрылся в прикаспийской степи.

¹⁵⁷ Кочуров Алексей Тихонович (1739—1775), яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике. В начале сентября 1773 г. приехал на речку Усиху в стан к Е. И. Пугачеву. С того времени служил в его войске. После поражения Пугачева в битве у Сакмарского городка (1.IV.1774) Кочуров бежал и скрывался на степных хуторах, а 14 сентября явился с повинной в Яицкий городок, был там допрошен, затем содержался в Оренбургском остроге, где и умер в начале 1775 г.

¹⁵⁸ В понедельник 16 сентября 1773 г., в самый канун вооруженного выступления, на речке Усихе вместе с Е. И. Пугачевым находились И. Н. Зарубин, В. С. Коновалов, И. Я. Почиталин, С. А. и С. В. Кожевниковы, В. Я. Плотников, А. Т. и К. Т. Кочуровы, Идеркей Баймеков. В разные дни с 9 до 16 сентября в лагере на Усихе появились и другие яицкие казаки: Т. Г. Мясников, М. А. Кожевников, Д. С. Лысов, К. И. Фофанов, Баранга Мустаев, В. А. Кшинин, Сюзюк Малаев, Уразгильды Аманов, Ф. А. Чибикеев, Балтай Идеркеев, М. В. Чернухин. Последний из них был лазутчиком, приехавшим на Усиху для того, чтобы выведать, а потом сообщить властям планы Пугачева.

¹⁵⁹ Т. Г. Мясников приехал 13 сентября 1773 г. от Е. И. Пугачева с Усихи в Яицкий городок и, будучи на базаре, неосторожно открыл не вполне надежным людям данные о месте укрывательства «Петра III». 15 сентября слесарь С. Кононов подал донос о том в комендантскую канцелярию. В тот же день комендант И. Д. Симонов отправил в приайцкую степь розыскные команды старшины М. М. Бородина и поручика В. Иглина. Узнав об этом, С. А. Кожевников бросился к речке Усихе и 16 сентября успел предупредить Пугачева о грозящей опасности. 17 сентября из Яицкого городка были посланы новые розыскные команды: одна из них во главе со старшиной И. К. Акутиным и вахмистром А. Гришечкиным направилась к реке Кушум, дру-

гая во главе с сержантом И. Долгополовым — к речке Уси-хе, где и схватила находившегося там В. Я. Плотникова.

¹⁶⁰ Бударинский хутор братьев Толкачевых находился на правом берегу Яика в 88 верстах ниже Яицкого городка.

¹⁶¹ Толкачев Петр Прокофьевич, яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике, примкнул к Е. И. Пугачеву 17 сентября 1773 г. и с того времени служил в его войске. Был взят в плен карателями в битве под Сакмарским городком (1.IV.1774), содержался под следствием в Оренбургской секретной комиссии. По определению Сената от 10 января 1775 г. Толкачев был бит кнутом, заклеямен и сослан в пожизненную ссылку в Поморье, в Кольский острог. Последнее прижизненное документальное известие о Толкачеве относится к 1801 г.

¹⁶² Давилин Еким Васильевич (1737—1774), яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике, примкнул к Е. И. Пугачеву 17 сентября 1773 г., позднее служил у него в должности адъютанта («дежурного»), погиб в битве у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г.

¹⁶³ Кожехаров форпост на правом берегу Яика в 94 верстах ниже Яицкого городка. В этот форпост и в находившийся в 15 верстах от него выше по Яику Бударинский форпост ездил с указом Е. И. Пугачева казак Петр Владимиров.

¹⁶⁴ Речь идет об именном указе Е. И. Пугачева казакам Яицкого войска от 17 сентября 1773 г. См.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг. М., 1975 (в последующих сносках этот сборник упоминается сокращенно: Документы ставки. Док. № 1).

¹⁶⁵ С Бударинского хутора отряд Е. И. Пугачева выступил в полдень 17 сентября и, следуя правым берегом Яика, прошел Бударинский и Кош-Яицкий форпосты и к вечеру того же дня добрался до Студенского форпоста, где и остановился на ночлег.

¹⁶⁶ Нуралы-хан — правитель Младшего казахского жуза (Северо-Западного Казахстана) в 1748—1786 гг. С первых дней восстания, предводимого Е. И. Пугачевым, Нуралы занял двойственную по отношению к нему позицию. Он, с одной стороны, формально поддерживал контакты с Пугачевым, с другой стороны, уклонялся от предоставления Пугачеву военной помощи, удерживал от этого султана Дусали, а в сношениях с русской администрацией края (орен-

бургским губернатором И. А. Рейнсдорпом, астраханским губернатором П. Н. Кречетниковым, яицким комендантом И. Д. Симоновым) не только заявлял о своей лояльности, но и выражал готовность послать конные отряды казахов для совместных военно-карательных операций против восставших.

¹⁶⁷ Балтай Идеркеев (1750 г. р.), яицкий казак, туркмен, приемный сын Идеркея Баймекова (см. выше, прим. 156), вступил в отряд Е. И. Пугачева вечером 17 сентября 1773 г. С того времени исполнял в его ставке обязанности секретаря, составляя на татарском языке манифесты и именные указы. Захвачен в плен карателями в битве под Сакмарским городком (1.IV.1774), содержался под следствием в Оренбурге и в Казани. По определению Тайной экспедиции Сената Балтай Идеркеев был отправлен на пожизненную службу солдатом в гарнизонной команде города Архангельска.

¹⁶⁸ Речь идет об именном указе Е. И. Пугачева, посланном 18 сентября 1773 г. к хану Нуралы (см.: Документы ставки. Док. № 2).

¹⁶⁹ «Татарин» — Уразгильды Аманов, яицкий казак, туркмен. Утром 18 сентября Пугачев отправил его с указом к хану Нуралы. Уразгильды Аманов отправился в путь, но вскоре был настигнут и схвачен, доставлен в розыскную команду старшины И. К. Акутина, которая и доставила арестованного в Яицкий городок. Уразгильды Аманов содержался под следствием в Яицком городке и в Оренбурге, освобожден из заключения 4 августа 1774 г.

¹⁷⁰ Уразгильды Аманов был доставлен в Яицкий городок утром 18 сентября 1773 г. (см. прим. 169).

¹⁷¹ Отряд Е. И. Пугачева подошел к Яицкому городку в полдень 18 сентября 1773 г.

¹⁷² Скворкин Алексей Петрович, яицкий казак «послушной» стороны, 18 сентября 1773 г. был схвачен казаком-повстанцем Василием Кшининым у Сластиных хуторов. На допросе он признался в том, что был послан старшиной М. М. Бородиным для разведывания сил восставших. По настоянию казаков-повстанцев Скворкин в тот же день был казнен.

¹⁷³ «Палачевскую должность» при казни А. П. Скворкина «исправлял» яицкий казак Иван Семенович Бурнов (1746—1775), участник восстания 1772 г. на Яике, служивший в сентябре 1773 г. — августе 1774 г. в повстанческом

войске. Бурнов был в группе заговорщиков, арестовавших Пугачева 8 сентября 1774 г., позднее находился под следствием в Яицком городке и в Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Бурнов и другие главари заговора были помилованы, но подлежали высылке на поселение в Прибалтику. Еще до отправления к месту поселения Бурнов умер 22 января 1775 г.

¹⁷⁴ «Киргиской мулла» — Забир Карамуллин, казанский татарин, мулла. В 1772—1773 гг. служил секретарем и переводчиком у хана Нуралы, который и послал его к Е. И. Пугачеву с тайной целью установить личность новоявленного «Петра III» и выведать его планы. В ночь на 18 сентября Забир прибыл в ставку Пугачева у Чаганского форпоста, вручил ему ханские подарки и вступил в переговоры относительно оказания военной помощи восставшим. В тот же день Пугачев отправил Забира с именованным указом к хану Нуралы. Забир благополучно добрался до ставки хана Нуралы и, по имеющимся документальным свидетельствам, продолжал служить у него в 1774 г.

¹⁷⁵ Именной указ Е. И. Пугачева, посланный 18 сентября 1773 г. с Забиром Карамуллиным хану Нуралы, имел содержание, аналогичное его же указу, отправленному ранее в тот же день с казаком Уразгильды Амановым (см. выше, прим. 168 и 169).

¹⁷⁶ Имеются и иные данные о численности отряда Е. И. Пугачева, подошедшего 18 сентября 1773 г. к Яицкому городку (от 200 до 300 человек).

¹⁷⁷ Речь идет об указе Е. И. Пугачева от 17 сентября 1773 г., обращенном к казакам Яицкого войска (см. выше, прим. 164).

¹⁷⁸ Подполковник И. Д. Симонов, узнав о подходе к Яицкому городку отряда Е. И. Пугачева, выслал против него под начальством премьер-майора С. Л. Наумова команду в 270 солдат гарнизона и 40 оренбургских казаков; вскоре к Чаганскому мосту подошли со старшинами И. К. Акутиным, Н. И. Назаровым и А. И. Витошновым яицкие казаки (числом до 500 человек).

¹⁷⁹ Акутин Иван Кириллович (1718—1785), яицкий казак, старшина с 1766 г., депутат Уложенной комиссии 1767 г. В октябре 1773 г. — марте 1774 г. находился в команде старшины М. М. Бородина в осажденном Оренбурге, позднее был в карательном корпусе генерала Ф. Ю. Фреймана на Южном Урале. 7 мая 1775 г. Акутин был произведен в

полковники и назначен атаманом Уральского казачьего войска; находился на этом посту по день смерти (1.X.1785).

¹⁸⁰ Быков Петр Алексеевич, яицкий казак, вступил в отряд Е. И. Пугачева 18 сентября 1773 г., позднее служил в повстанческом войске, после поражения от карателей в битве под Татищевой крепостью (22.III.1774) и у реки Выковки (15.IV.1774) скрывался в степных хуторах под Яицким городком, был арестован 12 сентября 1774 г., содержался под следствием в Яицком городке и в Оренбурге. По определению Тайной экспедиции Сената от 14 марта 1775 г. Быков был наказан плетью и отправлен на пожизненную службу солдатом в Прибалтику, в один из «остзейских» гарнизонов.

¹⁸¹ Овчинников (Авчинников) Андрей Афанасьевич (1739—1774), яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике, вступил в отряд Е. И. Пугачева 18 сентября 1773 г. С того времени служил в его войске походным атаманом казаков-повстанцев, руководил рядом крупных боевых операций, погиб в битве у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г.

¹⁸² Речь идет о казачьей команде старшины А. И. Витошнова.

¹⁸³ Отряд Е. И. Пугачева переправился на левый берег Чагана в районе так называемого Семеньчева рынка и остановился на ночлег в пяти верстах от Яицкого городка, на бахче в урочище Крутицкая Лука.

¹⁸⁴ Витошнов Андрей Иванович (1713—1774), старшина Яицкого казачьего войска. 18 сентября 1773 г. был взят в плен Е. И. Пугачевым под Яицким городком, перешел к нему в службу, избран есаулом, потом назначен в полковники, в ноябре 1773 г. — марте 1774 г. был старшим судьей в повстанческой Военной коллегии. Захвачен в плен карателями в битве у Сакмарского городка (1.IV.1774), содержался в оренбургском остроге, где и умер 26 апреля 1774 г.

¹⁸⁵ Одиннадцать казненных 19 сентября 1773 г. под Яицким городком: сотники Петр Черторогов, Иван Коновалов, Федор Раннев, Яков Витошнов; пятидесятники Иван Ружейников, Яков Толстов, Козьма Подьячев, Иван Колпакков; казаки Иван Лабзенев, Василий Сидоровкин, Петр Чукалин.

¹⁸⁶ Карташев Федор Иванович (1740—1774), яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике, вступил в отряд Е. И. Пугачева 18 сентября 1773 г., исполнял обязанности

палача. После поражения повстанцев в боях под Татищевой крепостью (22.III.1774) и у реки Быковки (15.IV.1774) Карташев укрывался на хуторах под Яицким городком. В середине августа 1774 г. явился с повинной, содержался в оренбургском тюремном остроге, где и умер 1 декабря 1774 г.

¹⁸⁷ «Дмитрий Николаев» — это Кальминский (Николаев) Дмитрий Николаевич (1752—1773), сержант 7-й легкой полевой команды. Утром 18 сентября 1773 г. Кальминский был командирован подполковником И. Д. Симоновым в ниже яицкие крепости и форпосты с противопугачевской «Публикацией», предписывающей схватить и выдать властям новоявленного «Петра III», но в 6 верстах от Чаганского форпоста был схвачен казаками-повстанцами и представлен к Пугачеву. Он помиловал Кальминского и назначил секретарем. После взятия Татищевой крепости казаки-повстанцы втайне от Пугачева казнили Кальминского, обвинив его в организации заговора против предводителя восстания.

¹⁸⁸ Речь идет об именном указе Е. И. Пугачева, посланном 19 сентября 1773 г. в Яицкий городок и призывавшем солдат и офицеров гарнизона перейти на сторону «Петра III» (см.: Документы ставки. Док. № 3).

¹⁸⁹ Казак, доставивший 19 сентября именной указ Пугачева в Яицкий городок, — Борянов Алексей Иванович. В январе—апреле 1774 г. он участвовал в обороне крепости в Яицком городке — «ретраншамент» от повстанцев.

¹⁹⁰ Речь идет о втором приступе отряда Е. И. Пугачева к Яицкому городку (19.IX.1773).

¹⁹¹ Гниловский форпост на правом берегу Яика, в 25 верстах выше Яицкого городка.

¹⁹² «Другой форпост» — Рубежанский — на правом берегу Яика, в 45 верстах выше Яицкого городка. Отряд Е. И. Пугачева вступил в этот форпост вечером 19 сентября 1773 г.

¹⁹³ Казачий круг, созванный 19 сентября 1773 г. Е. И. Пугачевым для выбора наиболее авторитетных казаков на командные посты в повстанческой войске. На этом кругу были избраны: войсковым походным атаманом — Андрей Овчинников; полковником — Дмитрий Лысов; есаулами — Андрей Витошнов, Андрей Иголкин, Иван Григоричев, Емельян Судачихин; сотниками — Тимофей Мясников, Василий Меркульев, Михаил Логинов; хорун-

жими — Иван Зарубин, Григорий Бородин, Яков Пономарев, Алексей Кочуров, Степан Кожевников, Алексей Губанов, Осип Морковцев, Андрей Антонов, Иван Солодовников, Барын Мустаев.

¹⁹⁴ Войско Е. И. Пугачева остановилось на ночлег в ночь с 20 на 21 сентября 1773 г. вблизи Кинделинского форпоста.

¹⁹⁵ Речь идет об именном указе Е. И. Пугачева, посланном 20 сентября 1773 г. в Илецкий городок атаману Л. И. Портнову и илецким казакам (см.: Документы ставки. Док. № 4).

¹⁹⁶ Портнов (Лазарев) Лазарь Иванович (1727—1773), атаман казачьей команды Илецкого городка в 1770—1773 гг., в 1772 г. оказывал содействие карателям при подавлении казачьего восстания на Яике. В сентябре 1773 г., узнав о приближении войска Е. И. Пугачева к Илецкому городку, пытался оказать ему сопротивление, но не нашел поддержки у илецких казаков. После взятия Илецкого городка повстанческим войском (21.IX.1773) Портнов был арестован и, по настоянию илецких казаков, казнен повстанцами.

¹⁹⁷ По контексту показания Е. И. Пугачева как будто бы выходит, что с пугачевским указом в Илецкий городок отправился 20 сентября 1773 г. походный атаман яицких казаков-повстанцев Андрей Овчинников. В действительности же это поручение Пугачева выполнил сотник илецких казаков Василий Овчинников. Что же касается атамана Андрея Овчинникова, то он с авангардной группой повстанцев вступил в Илецкий городок утром 21 сентября.

¹⁹⁸ Илецкий городок стоял на левом берегу Яика (в 180 верстах от Яицкого городка) и потому Е. И. Пугачеву, наступавшему со своим войском к Оренбургу по правому берегу Яика, для взятия Илецкого городка необходимо было овладеть мостом через Яик. Слом этого моста, предпринятый илецким атаманом Л. И. Портновым и его сторонниками, остановил приехавший в ночь с 20 на 21 сентября 1773 г. в Илецкий городок от Пугачева местный казак Афанасий Шашников.

¹⁹⁹ В данном случае речь идет об атамане А. А. Овчинникове, который с авангардной группой повстанцев вошел в Илецкий городок утром 21 сентября 1773 г., тотчас арестовал илецкого атамана Л. И. Портнова и сделал распоряжения о торжественной встрече Е. И. Пугачева и его войска.

²⁰⁰ Находясь в Илецком городке с 21 по 24 сентября 1773 г. Пугачев имел свою ставку в доме илецкого казака И. А. Творогова; дом этот был «лутче протчих», и в нем «всегда проезжающия господа имели ночлеги».

²⁰¹ Дубовской Федор Иванович, бывший волжский казак из станицы Дубовской, отбывавший пожизненную ссылку в Илецком городке. В январе 1774 г. Дубовской по указу Е. И. Пугачева был назначен атаманом казаков Сакмарского городка. После поражения повстанческого войска Пугачева в битве у Сакмарского городка (1.IV.1774) Дубовской был арестован карателями, находился под следствием в Оренбургской секретной комиссии, по решению которой он был бит кнутом и сослан на пожизненные каторжные работы.

²⁰² С жалобой на атамана Л. И. Портнова обратились к Е. И. Пугачеву илецкие казаки Егор Ситников, Никита Зубков, Степан Рыбинский и Яков Загребин. По настоянию этих казаков атаман Портнов и был казнен 21 сентября 1773 г.

²⁰³ Сын илецкого атамана — Портнов Иван Лазаревич (1762 — не ранее 1809), был взят в «пажи» к Е. И. Пугачеву и находился при нем в течение почти целого года. После ареста Пугачева заговорщиками (8.IX.1774) И. Л. Портнов возвратился на родину, где через несколько лет был поверстан в казачью службу, в 1800 г. произведен в чин войскового старшины, в 1800—1807 гг. был атаманом Илецкой станицы, в 1809 г. вышел в отставку.

²⁰⁴ Войско Е. И. Пугачева утром 24 сентября 1773 г. выступило в поход из Илецкого городка, взяв с собою до 300 илецких казаков, 5 или 6 пушек и 62 пуда пороха.

²⁰⁵ Творогов Иван Александрович, илецкий казак, вступил в войско Е. И. Пугачева 23 сентября 1773 г., а день спустя на казачьем кругу избран полковником и командиром полка илецких казаков, с ноября 1773 г. член повстанческой Военной коллегии. Летом 1774 г. стал одним из главарей группы заговорщиков, которые 8 сентября арестовали Пугачева и неделю спустя доставили его в Яицкий городок. Творогов находился под следствием в Яицком городке, в Казани и в Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Творогов и другие главари противопугачевского заговора были помилованы, но высланы на поселение в Прибалтику, в город Пернов. Последнее прижизненное документальное свидетельство о Творогове относится к февралю 1819 г.

²⁰⁶ Речь идет об именном указе Е. И. Пугачева к гарнизону и населению Рассыпной крепости от 24 сентября 1773 г. (см.: Документы ставки. Док. № 4). Он был написан Д. Н. Кальминским.

²⁰⁷ Рассыпная крепость была атакована и штурмом взята войском Е. И. Пугачева 25 сентября 1773 г. Комендант крепости майор И. Ф. Веловский, имевший у себя одну роту солдат, пытался оказать сопротивление, но солдаты отказались драться, а местные казаки сделали пролом в стене, через который ворвались пугачевцы. Оставленный своей командой, Веловский заперся с двумя офицерами в комендантском доме, отстреливаясь из окон, пока нападавшие не выломали дверь и не убили последних защитников крепости. Пугачев взял в свое войско всех годных к службе казаков и солдат, три пушки и пять бочек пороха.

²⁰⁸ «Комендант» Рассыпной крепости — секунд-майор Веловский Иван Федорович (1724—1773), ветеран Семилетней войны 1756—1763 гг., с августа 1772 г. комендант Рассыпной крепости, где и погиб при ее штурме повстанцами 25 сентября 1773 г. Вместе с Веловским при обороне крепости погибли капитан Никита Савинич, поручик Алексей Кирпичев, прапорщик Василий Осипов, казачий атаман Астафий Орлов.

²⁰⁹ Войско Е. И. Пугачева овладело Нижне-Озерной крепостью 26 сентября 1773 г., единственными защитниками которой были ее комендант майор З. И. Харлов да несколько офицеров.

²¹⁰ Комендант Нижне-Озерной крепости — премьер-майор Харлов Захар Иванович (1731—1773), ветеран Семилетней войны 1756—1763 гг. В сентябре 1772 г. назначен комендантом Нижне-Озерной крепости, взят в плен при захвате этой крепости восставшими (26.IX.1773) и казнен ими. По взятии крепости погибли также прапорщики Александр Фигнер и Петр Хабалеров, комендантский писарь Антип Скопин и казачий капрал Бикбай Усманов.

²¹¹ Комендантом Татищевой крепости был не бригадир Х. Х. Билов (как говорил о том на допросе Е. И. Пугачев), а полковник Григорий Миронович Елагин (1717—1773), ветеран Русско-турецкой войны 1733—1738 гг., комендант Татищевой крепости с февраля 1773 г., при взятии которой повстанцами (27.IX.1773) захвачен в плен и казнен. По взятии Татищевой крепости погибли также жена коменданта Анисья Семеновна Елагина (1731—1773), Ирина Дани-

ловна Веловская (1731—1773), вдова майора И. Ф. Веловского, поручик Гавриила Соколов, несколько солдат и казаков местного гарнизона.

²¹² Биллов Христиан Христианович (1723—1773), бригадир, один из командиров оренбургского гарнизона. При получении в Оренбурге первых известий о выступлении Е. И. Пугачева Биллов назначен был командиром карательного корпуса (200 армейских и гарнизонных солдат, 150 оренбургских казаков, 60 калмыков, 5-ти орудийная батарея с прислугой), с которым и укрывался за стенами Татищевой крепости. При штурме крепости войском Пугачева (27.IX.1773) Биллов был тяжело ранен и добит повстанцами.

²¹³ В полдень 25 сентября 1773 г. бригадир Х. Х. Биллов выступил со своим корпусом к Рассыпной крепости, но, узнав, что она уже взята восставшими, отдал приказ об отступлении к Татищевой крепости, куда его корпус и возвратился в ночь с 25 на 26 сентября.

²¹⁴ Именной указ Е. И. Пугачева, посланный 27 сентября 1773 г. в Татищеву крепость, не сохранился.

²¹⁵ Войско Е. И. Пугачева, насчитывающее до 800 человек и имевшее 12 пушек, атаковало Татищеву крепость утром 27 сентября 1773 г. и овладело ею после восьмичасового сражения.

²¹⁶ Подуров (Падуров) Тимофей Иванович (1723—1775), оренбургский казачий сотник, депутат Уложенной комиссии 1767 г. В сентябре 1773 г. начальствовал над 150 оренбургскими казаками, включенными в состав карательного корпуса бригадира Х. Х. Билова. При штурме войском Е. И. Пугачева Татищевой крепости (27.IX.1773) Подуров с казаками своего отряда перешел на сторону восставших. Позднее он командовал полком оренбургских казаков-повстанцев, участвовал в осаде Оренбурга. При поражении войска восставших в битве под Сакмарским городком (1.IV.1774) Подуров был захвачен в плен карателями, содержался под следствием в Оренбурге и в Москве. Решением Екатерины II Подуров был лишен звания депутата и предан суду Сената, по приговору которого казнен в Москве 10 января 1775 г. вместе с Е. И. Пугачевым, А. П. Перфильевым, М. Г. Шигаевым и В. И. Торновым.

²¹⁷ О Д. Н. Кальминском (Николаеве) см. выше, прим. 187.

²¹⁸ Речь идет о Татьяне Григорьевне Харловой (урожденной Елагиной), 17-летней вдове коменданта крепости

Нижне-Озерной (а не Рассыпной, как ошибочно показал на допросе Е. И. Пугачев), и ее 11-летнем брате Николае Елагине. После гибели их родителей в Татищевой крепости Е. И. Пугачев взял осиротевших сестру и брата к себе, и, пленившись красотой Харловой, полюбил ее. Позднее, при переводе повстанческого лагеря в Бердскую слободу (3.XI.1773) казаки, воспользовавшись отлучкой Пугачева, расстреляли Харлову и ее брата, узнав о чем, Пугачев искренне горевал.

²¹⁹ Войско Е. И. Пугачева после трехдневного отдыха в Татищевой крепости (27—29.IX.1773), выступив в поход, 30 сентября заняло Чернореченскую крепость без какого-либо сопротивления, так как находившийся там гарнизон во главе с майором Х. Краузе двумя днями раньше был выведен в Оренбург.

²²⁰ «Офицер» — Павел Артемьевич Нечаев (1746—1773), капитан драгунской роты, расквартированной в Чернореченской крепости, был казнен повстанцами по обвинению в намерении бежать в Оренбург и сообщить там данные о состоянии сил Е. И. Пугачева, а также и за жестокое обращение с дворовыми людьми.

²²¹ В Каргалу (Каргалинскую или Сеитову) слободу, населенную татарами, Е. И. Пугачев со своим войском вступил 1 октября 1773 г., торжественно встреченный населением во главе со старшиной Абдрафиком Абдулиным. Пугачев поставил во главе слободы нового старшину Мусу Улеева и в тот же день, взяв с собою годных к службе татар, направился к Сакмарскому городку.

²²² В Сакмарский городок (Сакмару) войско Е. И. Пугачева вступило 2 октября 1773 г. Пробыв здесь два дня и назначив сакмарским атаманом священника Ивана Михайлова, Пугачев выступил с двухтысячным войском к Оренбургу.

²²³ «Оренбургский губернатор» — Иван Андреевич Рейнсдорп (1730—1781), генерал-поручик, с октября 1773 г. по март 1774 г. руководил обороной Оренбурга, осажденного отрядами Е. И. Пугачева.

²²⁴ «Каторжный Хлопуша» — Афанасий Тимофеевич Соколов (1714—1774), по прозвищу Хлопуша, крепостной крестьянин тверской архиерейской вотчины. В 1772—1773 гг. он содержался в оренбургском остроге, отбывая пожизненную каторгу за неоднократные разбои и грабежи. В начале октября 1773 г. взялся выполнить пору-

чение губернатора И. А. Рейнсдорпа — отправиться в лагерь Е. И. Пугачева, провести там разведку и вручить повстанцам противопугачевские указы-увещевания, за что ему, Соколову, было обещано помилование и денежное вознаграждение. 2 октября Соколов, приехав в Сакмарский городок, явился к Пугачеву, вручил ему привезенные из Оренбурга указы, рассказал о своей миссии и, принеся в том раскаяние, выразил готовность служить в рядах повстанческого войска, где позднее командовал полком заводских крестьян. После поражения повстанцев в битве у Татищевой крепости (22.III.1774) Соколов бежал в Каргалу, где был схвачен верными властям татарами и 23 марта доставлен ими в Оренбург, содержался под следствием в Оренбургской секретной комиссии, определением которой приговорен к смертной казни, которая и была совершена 10 июля 1774 г.

²²⁵ Из показания А. Т. Соколова известно, что он повез в лагерь Е. И. Пугачева четыре указа; первый из них предназначался «яицким казакам, другой — илецким, третий — оренбургским, а четвертый — самому Пугачеву» (Красный архив. 1935. № 68. С. 164).

²²⁶ Войско Е. И. Пугачева подошло к Бердской слободе вечером 3 октября 1773 г. В Бердской слободе с 4 ноября 1773 г. по 23 марта 1774 г. находилась ставка Пугачева, в самой слободе и в ее окрестностях располагался главный лагерь повстанческого войска, осаждавшего Оренбург.

²²⁷ В данном случае память изменила Е. И. Пугачеву: упомянутый здесь указ, адресованный губернатору И. А. Рейнсдорпу, был послан в Оренбург тремя днями ранее, а именно 1 октября 1773 г., и к тому же он написан был не М. Д. Горшковым (как утверждал Пугачев), а И. Я. Почиталиным (см.: Документы ставки. Док. № 9).

²²⁸ Горшков Максим Данилович (1729 — не ранее 1775), илецкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике, примкнул к Е. И. Пугачеву 21 сентября 1773 г., несколько дней спустя определен в секретари к Пугачеву, а в ноябре того года назначен секретарем повстанческой Военной коллегии. Горшков был взят в плен карателями при поражении повстанческого войска в битве под Сакмарским городком (1.IV.1774), содержался под следствием в Оренбурге и в Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Горшков был бит кнутом, заклеямен и сослан на пожизненную каторгу в Балтийский порт (ныне г. Палдиски в Эстонии), где вскоре и умер.

²²⁹ «Значки» — небольшие знамена; каждый полк или отряд повстанческого войска Е. И. Пугачева имел у себя особый отличительный значок.

²³⁰ «Пошел к городу» — речь идет о первом приступе повстанческого войска Е. И. Пугачева к Оренбургу 5 октября 1773 г.

²³¹ Имеется в виду гора Маяк (или Маячная) в пяти верстах к северо-востоку от Оренбурга.

²³² Солодовников Иван Осипович, яицкий казак, вступил в войско Е. И. Пугачева 18 сентября 1773 г., захвачен в плен карателями весной 1774 г., но вскоре был освобожден и продолжал прежнюю казачью службу в Яицком войске.

Пугачев в данном допросе и в показаниях на допросе в Москве (Красный архив. 1935. № 69—70. С. 198) и И. Я. Почиталин на допросе 8 мая 1774 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 192 об.—193) относили эпизод с посылкой указа к событиям 5 октября 1773 г. Однако ни в журнале Оренбургской губернской канцелярии, ни в мемуарах очевидцев оренбургской осады П. И. Рычкова, И. С. Полянского, И. И. Осипова и М. Н. Пекарского — в их записях о событиях 5 октября 1773 г. (ЦГАДА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 185; Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9. Кн. 1. С. 222, 224—225; Т. 9. Кн. 2. С. 555—556, 590, 602) нет никаких упоминаний о присылке в Оренбург в тот день пугачевского указа.

²³³ Форштадт — восточное предместье Оренбурга, населенное оренбургскими казаками. Чтобы войско Е. И. Пугачева не могло использовать строения форштадта в качестве укрытия при атаке города, губернатор И. А. Рейнсдорп 4 октября 1773 г. приказал вывести жителей в город, а сам форштадт сжечь. К рассвету 5 октября пожар истребил форштадт.

²³⁴ Речь идет о неудачной вылазке команды оренбургского гарнизона 6 октября 1773 г. под предводительством премьер-майора С. Л. Наумова.

²³⁵ «В то время» — Е. И. Пугачев — явно по ошибке памяти — отнес излагаемые ниже события, связанные с прорывом корпуса бригадира А. А. Корфа в осажденный Оренбург, к октябрю 1773 г., тогда как события эти происходили в середине ноября.

²³⁶ Корф Алексей Алексеевич (1712—1786), бригадир и командир Верхне-Озерной дистанции крепостей, 13 ноября 1773 г. прорвался с корпусом гарнизонных войск (2495 че-

ловек при 22 пушках) в Оренбург, осажденный войском Е. И. Пугачева.

²³⁷ Чумаков Федор Федотович (1729 — не ранее 1786), яицкий казак, вступил в отряд Е. И. Пугачева 18 сентября 1773 г., участвовал в осаде Оренбурга, где был назначен командиром повстанческой артиллерии. В конце августа 1774 г. Чумаков вместе с И. А. Твороговым и И. П. Федулевым возглавил заговор против Пугачева, участвовал в его аресте (8.IX.1774) и в доставлении в Яицкий городок. Чумаков находился под следствием в Яицком городке и в Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Чумаков вместе с другими главарями противопугачевского заговора был помилован, но выслан на поселение в Прибалтику, в город Пернов. Последнее прижизненное документальное свидетельство о Чумакове относится к августу 1786 г.

²³⁸ Вылазка войск оренбургского гарнизона 14 ноября 1773 г. под предводительством генерал-майора К. И. Валленштерна и бригадира А. А. Корфа (в их корпусе находилось до 2400 человек и при 26 пушках). После двухчасовой перестрелки корпус Валленштерна и Корфа начал отход к Оренбургу, преследуемый конницей повстанцев, потеряв в этом отступлении 32 человека убитыми и 93 ранеными.

²³⁹ Речь идет о Татьяне Григорьевне Харловой и родном ее брате Николае Елагине (см. выше, прим. 218). Они были расстреляны яицкими казаками 3 ноября 1773 г. под Бердской слободой.

²⁴⁰ Имеется в виду бердский казак-повстанец Константин Егорович Ситников (1750—1815), в доме у которого квартировал Е. И. Пугачев с 4 ноября 1773 г. по 23 марта 1774 г.

²⁴¹ «Идоркин сын» — пугачевский секретарь Балтай Идеркеев (см. выше, прим. 167).

²⁴² «Яман-Сарай» — имеется в виду Емансары (Ямансары) Епаров (Япаров), башкирский старшина Суун-Кипчакской волости Ногайской дороги, примкнувший к Е. И. Пугачеву 2 октября 1773 г. Позднее вел двойственную политическую игру, то служил в повстанческом войске, то сражался в рядах карателей.

²⁴³ Речь идет об именных указах Е. И. Пугачева, посланных 1 октября 1773 г. башкирским старшинам Ногайской дороги (см.: Документы ставки. Док. № 6, 7, 8).

²⁴⁴ «Кинжай» — имеется в виду Кинзя Арсланов, башкирский старшина Бушмас-Кипчакской волости Ногай-

ской дороги, примкнувший к Е. И. Пугачеву 2 октября 1773 г., позднее был назначен главным полковником, являлся советником предводителя восстания и его посредником в сношениях с башкирами, татарами и другими нерусскими народностями Урала, Прикамья и Поволжья. В середине сентября 1774 г. пропал без вести в заволжской степи.

²⁴⁵ Указ Е. И. Пугачева привез в Красногорскую крепость в начале октября 1773 г. казачий атаман этой крепости А. К. Талин. Помимо этого, не дошедшего до нас указа, сохранился другой указ, посланный в Красногорскую крепость 4 октября 1773 г. и адресованный коменданту крепости Б. С. Уланову и сакмарским казакам (см.: Документы ставки. Док. № 10 и прим. к нему).

²⁴⁶ Указ Е. И. Пугачева привезли в Воскресенский завод 12 октября 1773 г. заводские крестьяне П. Ф. Лебедев и П. Козьмин, три дня спустя они уехали в лагерь Пугачева под Оренбург, взяв с собою 400 крестьян и мастеровых и 14 пушек.

²⁴⁷ В октябре-ноябре 1773 г., о которых идет речь в данном показании Е. И. Пугачева, из его ставки вышло 32 именных указа, адресованных заводским крестьянам и мастеровым ряда заводов, оренбургским казакам, яицким казакам, башкирам, казахам, ставропольским калмыкам, посадскому населению Оренбурга, жителям приицких крепостей и селений, помещичьим крестьянам Ставропольского уезда (см.: Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. Источниковедческое исследование. М., 1980. С. 165—181).

²⁴⁸ Е. И. Пугачев намного завышает данные о численности войска восставших под Оренбургом. Побывавшие в лагере Пугачева казачий капрал Т. Соколов и бердский казак А. Трифонов свидетельствовали, что в ноябре 1773 г. (а именно к этому времени относится комментируемое показание Пугачева) в повстанческой войске было 20—25 тыс. человек (ЦГВИА - здесь и далее читать: РГВИА. Ф. 20. Д. 1230. Л. 292; ЦГАДА. Ф. 349. Д. 7208. Л. 11 об.).

²⁴⁹ Первый лагерь войска Е. И. Пугачева располагался в 4—5 верстах к востоку от Оренбурга, в казачьих лугах на правом берегу Яика, вблизи озера Коровье Стойло; другой лагерь, о котором идет речь, находился на левом берегу реки Сакмары в 5—6 верстах от Оренбурга, между восточным склоном Маячной горы и Бердской слободой.

²⁵⁰ «Приказал делать под городом три батареи» — речь

идет о строительстве артиллерийских позиций для трех батарей и установке на них пушек к генеральному штурму Оренбурга, назначенному Е. И. Пугачевым на 2 ноября 1773 г. На всех этих батареях повстанцы установили до 70 пушек, из которых 2—3 ноября было сделано около 2500 выстрелов.

²⁵¹ «Генеральный приступ» — речь идет о штурме Оренбурга повстанческим войском Е. И. Пугачева 2 ноября 1773 г. Отряды повстанцев, предводительствуемые Пугачевым, атаковали город с юго-востока, ворвались в предместье и стали теснить неприятеля в глубь городских кварталов. В этот момент засадный отряд гарнизона, укрывавшийся на левом берегу Яика, в Заяицкой роще и на одном из островов, нанес удар во фланг и тыл повстанцев, вынудил их к отступлению, а затем и к прекращению общего штурма города.

²⁵² «Каменная церковь» — Георгиевская (Егорьевская) церковь, находилась в форштадте (восточном предместье Оренбурга), в 200 саженьях от городской стены; в октябре — начале ноября 1773 г. у церкви была установлена повстанческая артиллерийская батарея, наносившая наиболее ощутимый урон строениям города и его защитникам и, в частности, при штурме Оренбурга 2 ноября 1773 г.

²⁵³ Е. И. Пугачев умолчал о том, что при отступлении от стен Оренбурга часть повстанцев стала отходить по неокрепшему льду вверх по Яику, вскоре лед проломился и многие из отступавших потонули, и сам он, Пугачев, едва не погиб, провалившись под лед, но подоспевшие казаки «подхватили» его и «на лошадях своих умчали».

²⁵⁴ Речь идет об обнародованной губернатором И. А. Рейнсдорпом 30 сентября 1773 г. в Оренбурге, а потом посланной в лагерь восставших публикации, в которой лживо сообщалось, что Е. И. Пугачев был будто бы ранее «наказан кнутом, с постановлением на лице его знаков». Осуждая измышления Рейнсдорпа, Пугачев использовал публикации губернатора в своих интересах.

²⁵⁵ Повстанческое войско обосновалось на зимние квартиры в Бердской слободе 4 ноября 1773 г., где до 23 марта 1774 г. находилась ставка Е. И. Пугачева.

²⁵⁶ Кар Василий Алексеевич (1730—1806), ветеран Семилетней войны 1756—1763 гг., с 1770 г. генерал-майор. 14 октября 1773 г. Кар был назначен командиром карательном экспедиции, с частью войск которой (до 1500 человек

армейских и гарнизонных солдат и ополчением конных крестьян, татар и башкир, с пятиорудийной батареей) направился к Оренбургу, и, подойдя к деревне Юзеевой (в 100 верстах к северо-западу от Оренбурга), вступил в бой с отрядами пугачевских атаманов А. А. Овчинникова, И. Н. Зарубина-Чики и А. Т. Соколова-Хлопуши (7—9 XI.1773), но, понеся крупные потери, поспешно отступил в Бутульму, а 21 ноября, самовольно оставя свое войско, отправился в Петербург под предлогом болезни и для доклада Военной коллегии о принятии новых и более действенных военных мер в борьбе с восставшими. По распоряжению Екатерины II Военная коллегия 1 декабря 1773 г. издала указ об изгнании Кара с военной службы. Он уехал в свою вотчину, потом жил в Москве, где и умер 25 февраля 1806 г.

²⁵⁷ Речь идет о входившей в корпус генерала В. А. Кара авангардной команде поручика Александра Карташева (четыре штаб-офицера, пять унтер-офицеров, десять капралов и 170 солдат Второго гренадерского полка). Команда эта во время марша в ночь с 6 на 7 ноября 1773 г. была атакована под деревней Юзеевой отрядом пугачевского атамана И. Н. Зарубина-Чики и после недолгого сопротивления взята в плен, обезоружена и приведена в Бердский лагерь Е. И. Пугачева.

²⁵⁸ «Иванов Иван» — речь идет об Астреневе (Остреневе) Иване Ивановиче (1749—1774), подпоручике Алексеевского пехотного полка, исполнявшем с конца сентября 1773 г. обязанности коменданта в Пречистенской крепости. После вступления в эту крепость повстанцев (3 X.1773) Астренев поступил на службу к Е. И. Пугачеву, который назначил его атаманом отряда пленных солдат. В январе 1774 г. Астренев был казнен повстанцами по обвинению в измене.

²⁵⁹ Шванвич (Шванович) Михаил Александрович (1749—1802), подпоручик, осенью 1773 г. находился в команде поручика А. Карташева (см. выше, прим. 257), был захвачен в плен повстанцами и доставлен в Бердский лагерь к Е. И. Пугачеву, который по просьбе солдат его помиловал. Позднее Шванвич служил в повстанческом войске, сперва есаулом, а потом и атаманом полка пленных солдат, а кроме того, исполнял обязанности переводчика и секретаря в повстанческой Военной коллегии. 23 марта 1774 г. Шванвич бежал из Бердской слободы в Оренбург, был заключен в тюрьму, находился под следствием в Оренбурге и в Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г.

Шванвич был лишен дворянского звания, офицерского чина и сослан на пожизненное поселение в Сибирь, в популярный город Туруханск, где и умер в ноябре 1802 г.

²⁶⁰ «Одного произвел тут же атаманом» — речь идет о подпоручике Второго гренадерского полка Семене Волженском (1751—1774), захваченном в плен повстанцами 6 ноября 1773 г. и доставленном в Бердскую слободу к Е. И. Пугачеву вместе с другими офицерами и солдатами команды А. Каргашева (см. выше, прим. 257). По просьбе своих гренадеров он был помилован и назначен атаманом полка пленных солдат. В январе 1774 г. Волженский казнен повстанцами по обвинению в измене.

²⁶¹ Государственная Военная коллегия восставших была учреждена Е. И. Пугачевым в ноябре 1773 г. (подробнее см. ниже, прим. 283).

²⁶² Составленный М. А. Шванвичем на немецком языке именной указ Е. И. Пугачева оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу (см.: Документы ставки. Док. № 27) был подброшен к стенам Оренбурга 20 декабря 1773 г. хорунжим И. О. Солодовниковым.

²⁶³ Неизвестно имя чернореченского казака, известившего Е. И. Пугачева о вступлении карательной команды полковника П. М. Чернышева в Чернореченскую крепость (в ночь с 12 на 13 ноября 1773 г.), но зато удалось установить, что проводником команды Чернышева был безногий инвалид, чернореченский ссыльнопоселенец Иван Наумов.

²⁶⁴ Чернышев Петр Матвеевич (1730—1773), полковник и комендант гарнизона в Симбирске. В октябре-ноябре 1773 г. возглавил карательную команду (600 гарнизонных солдат, 500 ставропольских калмыков, 100 казаков из крепостей при 15 орудиях), с которой направился по Самарской линии крепостей к Оренбургу. 13 ноября эта команда в пяти верстах от Оренбурга, у Маячной горы, была окружена и атакована отрядами Е. И. Пугачева и после недолгого сопротивления взята в плен, а сам Чернышев казнен повстанцами.

²⁶⁵ Общий Сырт — один из отрогов Уральского горного массива, примыкающий к реке Яик.

²⁶⁶ Касаясь событий, связанных с разгромом команды полковника П. М. Чернышева в бою 13 ноября 1773 г. под Оренбургом, офицер этой команды, подпрапорщик С. Назаров рассказывал на следствии: «На развете того 13-го числа напал на них помянутой самозванец с разбойниками.

И как скоро начали оные разбойники с горы по корпусу их ис пушек стрелять, так от них ис корпуса ящик от единорога с снарядами, сбесясь, лошади увезли в толпу ко оным разбойникам, а казаки и калмыки, захватя весь ис корпуса их обоз, передались все к разбойникам. А потом, хотя и еще со обеих сторон небольшая пушечная и оружейная пальба производилась, однакож реченные разбойники, весь оный корпус окружа, к себе захватили и пригнали всех в Бердинскую слободу» (ЦГАДА. Ф. 349. Д. 7208. Л. 54).

²⁶⁷ Вместе с полковником П. М. Чернышевым были казнены 13 ноября 1773 г. в Бердской слободе свыше 30 офицеров его команды (неполный список казненных приведен в кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9. Кн. 1. С. 128—129).

²⁶⁸ Здесь Е. И. Пугачев возвращается к хронологически последовательному изложению событий, для чего ему потребовалось повторить ранее сообщенные им сведения о прорыве корпуса бригадира А. А. Корфа 13 ноября 1773 г. в осажденный Оренбург (см. выше, прим. 235, 236).

²⁶⁹ Пономарев Яков Иванович (1750—1773), яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике, вступил в войско Е. И. Пугачева 18 сентября 1773 г., был избран хорунжим. Убит в бою с корпусом бригадира А. А. Корфа 13 ноября 1773 г.

²⁷⁰ Е. И. Пугачев назначил атамана И. Н. Зарубина командиром второго разведывательного отряда, посланного следить за действиями корпуса бригадира А. А. Корфа, но Зарубин отнесся к делу безответственно и дал возможность неприятелю прорваться в Оренбург, за что Пугачев хотел было Зарубина повесить, но старшины заступились за него.

²⁷¹ Здесь Е. И. Пугачев повторяет ранее высказанные им данные о происходящей 14 ноября 1773 г. вылазке войск оренбургского гарнизона под командованием генерала К. И. Валленштерна и бригадира А. А. Корфа (подробнее об этом см. выше, прим. 238).

²⁷² Ильинская крепость впервые была взята 24 ноября 1773 г. отрядами пугачевских атаманов Афанасия Соколова-Хлопуши и Андрея Бородина-Шары. После того, как они ушли к Верхне-Озерной крепости, в оставленную повстанцами Ильинскую крепость 27 ноября вступила следующая из Тобольска к Оренбургу команда секунд-майора Ефрема Заева (до 430 гарнизонных солдат и до 90 казаков при трех пушках). Узнав об этом, Е. И. Пугачев выступил с полуторатысячным войском к Ильинской крепости и ут-

ром 29 ноября взял ее штурмом. В развернувшемся бою погибли майор Заев, большинство офицеров его команды и до двухсот солдат.

²⁷³ Решение о посылке М. П. Толкачева и Аптыша Тангаева к казакам Нижне-Яицкой дистанции и казахскому хану Нуралы было принято в самом начале декабря 1773 года.

²⁷⁴ Толкачев Михаил Прокофьевич (1729—1774), яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике, примкнул к Е. И. Пугачеву в ноябре 1773 г., в декабре, исполняя поручение Пугачева, овладел на Нижне-Яицкой дистанции укреплениями крепостями Кулагиной, Калмыковой и Сахарной, а 30 декабря вступил в Яицкий городок, но не смог взять находившуюся там внутреннюю крепость — ретраншанмент, где засел в осаду гарнизон во главе с подполковником И. Д. Симоновым. В январе — первой половине апреля 1774 г. Толкачев руководил осадой ретраншамента, 15 апреля был схвачен, выдан властям, потом содержался под следствием в Оренбургской секретной комиссии, по приговору которой казнен в Оренбурге 27 мая 1774 г.

²⁷⁵ Аптыш Тангаев (Тангаич) (1732—1774), яицкий казак, татарин, участник восстания 1772 г. на Яике, примкнул к Е. И. Пугачеву в октябре 1773 г., неоднократно ездил с его указами к правителям Младшего казахского жуза, хану Нуралы и султану Дусали, позднее участвовал в осаде крепости в Яицком городке, а накануне вступления туда карателей, опасаясь ареста, бежал в ставку хана Нуралы, но хан выдал его. Яицкая секретная комиссия приговорила Аптыша Тангаева к смертной казни.

²⁷⁶ Бухарская сторона — левобережная полоса реки Яика; правобережная полоса реки именовалась Самарской стороной.

²⁷⁷ Калмыковский форпост, а точнее — Калмыкова крепость — на правом берегу Яика, в 230 верстах южнее Яицкого городка.

²⁷⁸ Указы Е. И. Пугачева, посланные с Аптышем Тангаевым к хану Нуралы и султану Дусали, не сохранились.

²⁷⁹ Аптыш Тангаев прибыл в ставку хана Нуралы (находившуюся у Кулагиной крепости) около 10 декабря 1773 г. и, вручив хану указ Е. И. Пугачева, вступил с ним в переговоры, но хан отказался от предоставления военной помощи Пугачеву. После этого Аптыш Тангаев поехал к султану Дусали, который оказывал видимую поддержку

Пугачеву (в Бердской слободе находился султанский сын Саидали).

²⁸⁰ Отряд атамана М. П. Толкачева вступил в Яицкий городок 30 декабря 1773 г.

²⁸¹ Ретраншамент (ретранжемент) — земляное укрепление («кремль») в Яицком городке, выстроено осенью 1773 г. для укрытия гарнизона (738 солдат и офицеров 6-й и 7-й легких полевых команд, 164 яицких и оренбургских казаков при 18 пушках, помимо того там же находилось 188 горожан). Ретраншамент был выстроен на высоком берегу старого русла (старицы) реки Яика и представлял собой ограждение из рвов и земляных валов с деревянным тыном. Внутри ретраншамента стояли каменный собор Архангела Михаила с колокольной, каменная войсковая канцелярия, пороховой погреб, тюрьма, кладовой амбар, несколько деревянных казачьих домов и др.

²⁸² Вступив 30 декабря 1773 г. в Яицкий городок, атаман М. П. Толкачев не располагал достаточными силами для штурма и взятия ретраншамента, а потому и обратился с рапортом к Е. И. Пугачеву, в коем «просил, чтоб прислать к нему еще команду и пушек».

²⁸³ Е. И. Пугачев ошибочно относит создание повстанческой Государственной Военной коллегии к началу января 1774 г. В действительности, Военная коллегия была учреждена в середине ноября 1773 г. В последующей части показания Пугачев неполно перечисляет личный состав Военной коллегии. Помимо названных им лиц (судьи М. Г. Шигаев, А. И. Витошнов и И. А. Творогов, думный дьяк И. Я. Почиталин, секретарь М. Д. Горшков) в состав коллегии при ее учреждении входили также: судья Д. Г. Скобычкин, повытчики И. Я. Пустоханов, С. Супонин, И. Григорьев. В Военной коллегии служили с момента ее образования в качестве секретарей-переводчиков Балтай Идеркеев и М. А. Шванвич.

²⁸⁴ Накануне отъезда Е. И. Пугачева в Яицкий городок туда был послан атаман А. А. Овчинников с отрядом яицких казаков и конных башкир, с четырьмя орудиями; этот отряд прибыл в Яицкий городок 6 января 1774 г., а день спустя туда приехал Пугачев с И. Я. Почиталиным и небольшой свитой казаков.

²⁸⁵ Двухэтажный каменный дом М. П. Толкачева стоял на Кабанкиной улице в Куренной части Яицкого городка.

²⁸⁶ Каменная колокольня соборной церкви Архангела

Михаила. Огромной высоты шестиярусная колокольня являлась цитаделью обороны гарнизона. В подвале колокольни хранился пороховой запас (до 50 пудов), а на верхних ярусах были установлены две 3 фунтовые пушки и располагались стрелки-наблюдатели, державшие под обстрелом окружающую местность.

²⁸⁷ «Притин» — укрепление из бревен, служившее укрытием для повстанческих отрядов, осаждавших крепость. По приказу Е. И. Пугачева в Яицком городке были сооружены притины, окружавшие с трех сторон три фаса ретраншаментов (с четвертой стороны он примыкал к обрывистому береговому откосу старицы).

²⁸⁸ По распоряжениям коменданта И. Д. Симонова при сооружении ретраншаментов и в дни его обороны было выжжено вокруг него 255 казачьих домов со всеми их дворовыми строениями. Эта операция имела оборонительное назначение, была направлена на то, чтобы лишить повстанцев возможности использовать близстоящие дома и строения в качестве укрытий при штурмах ретраншаментов и при его обстреле с близкого расстояния.

²⁸⁹ Упоминание об этом указе имеется в журнале Яицкой комендантской канцелярии (ЦГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 171).

²⁹⁰ Подкоп быш направлен против батареи на южном фаса ретраншаментов. Рытье подкопа началось из погреба дома казака Ивана Губина. Руководил работой не Матвей Ситников, как утверждал Е. И. Пугачев, а Яков Яковлевич Кубарь, мордвин-новокрещен Пензенского уезда; работу вели 150 землекопов и 11 плогников. За устройством подкопа постоянно наблюдал Пугачев и давал советы, руководствуясь при этом своими познаниями в минно-подрывном деле.

²⁹¹ Ситников (он же и Толкачев) Матвей Иванович, беглый крестьянин села Булдырь Казанского уезда, работал по найму в хозяйствах яицких казаков, в конце декабря 1773 г. вступил в отряд пугачевского атамана М. П. Толкачева, в феврале-марте 1774 г. руководил устройством второго и третьего минных подкопов под укрепления ретраншаментов. В апреле-мае 1774 г. командовал отрядом в районе Иргиза и Волги, в конце мая захвачен в плен, содержался под следствием в Яицком городке и в Оренбурге. Определением от 11 июня 1774 г. Оренбургская секретная комиссия приговорила Ситникова к наказанию кнутом и ссылке на пожизненные каторжные работы.

²⁹² Взрыв минного подкопа был произведен 20 января 1774 г.

²⁹³ При взрыве минного подкопа обрушилась часть контрэскарпа и был засыпан ров перед южной батареей ретраншамент. Воспользовавшись этим, отряд повстанцев во главе с Е. И. Пугачевым ворвался в ров и под прикрытием пушечного и ружейного огня пытался овладеть батареей и ворваться в ретраншамент, но встретил упорное сопротивление осажденных. В ходе штурма, продолжавшегося более девяти часов, повстанцы потеряли от 400 до 500 человек убитыми и ранеными, потери же яицкого гарнизона составляли 15 человек убитыми и 22 ранеными.

²⁹⁴ События, связанные со сватовством Е. И. Пугачева к Устинье Кузнецовой, происходили в Яицком городке в конце января 1774 г.

²⁹⁵ Каргин Никита Афанасьевич (1719—1774), яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике. В январе 1774 г. вступил в войско Е. И. Пугачева, в феврале избран войсковым атаманом яицких казаков-повстанцев. На этом посту он руководил осадой ретраншамент до середины апреля 1774 г. При подходе к Яицкому городку карателей Каргин был схвачен (15.IV.1774), потом содержался под следствием в Оренбургской секретной комиссии, по приговору которой казнен в Яицком городке 21 июня 1774 г.

²⁹⁶ Ерофеев Иван, отставной яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике. Вступил в войско Е. И. Пугачева в январе 1774 г., участвовал в осаде ретраншамент, весной и в начале лета 1774 г. был в отряде пугачевского атамана С. Л. Речкина, после захвата этого отряда в плен карателями, доставлен в Яицкий городок, где и казнен в середине июня 1774 г.

²⁹⁷ Имеются в виду трое братьев Толкачевых — Петр Прокофьевич (см. о нем прим. 161), Михаил Прокофьевич (см. о нем прим. 274) и Степан Прокофьевич (1732—1774), находившихся в то время в Яицком городке; два других родных их брата также были повстанцами: Андрей Прокофьевич (1745—1774) нес тогда службу в войске под Оренбургом, а Семен Прокофьевич (1745—1803) находился в ставке атамана И. Н. Зарубина-Чижи под Уфой.

²⁹⁸ Вместе с М. П. Толкачевым ездили «присматривать» невесту для Е. И. Пугачева его думный дьяк И. Я. Почиталин и казачка А. П. Толкачева (жена атамана М. П. Толкачева).

²⁹⁹ Кузнецов Петр Михайлович (1714—1774), отставной яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике, тесть Е. И. Пугачева по дочери Устинье, которая 1 февраля 1774 г. вступила в брак с «Петром III». По взятии Яицкого городка карательным корпусом генерала П. Д. Мансурова (16.IV.1774) П. М. Кузнецов, его дочери «императрица» Устинья и Мария, муж последней Семен Михайлович Шелудяков были взяты под стражу и вскоре доставлены в Оренбург, где находились под следствием в секретной комиссии; Кузнецов умер в оренбургском тюремном остроге 9 июля 1774 г.

³⁰⁰ Кузнецова (Пугачева) Устинья Петровна (1757 — не ранее 1803), дочь отставного яицкого казака П. М. Кузнецова, в конце января 1774 г. была высватана за Е. И. Пугачева и 1 февраля венчалась с ним в Петропавловской церкви Яицкого городка и была посвящена в сан «императрицы». Кузнецова была арестована 16 апреля 1774 г. и отправлена со своими родными в Оренбург, где содержалась под следствием в секретной комиссии, в ноябре была доставлена в Москву, в Тайную экспедицию Сената. Определением Сената от 10 января 1775 г. Кузнецова была сослана в крепость Кексгольм (ныне г. Приозерск в Ленинградской области), где содержалась в заключении вместе с первой семьей Пугачева (жена Софья, сын Трофим, дочери Аграфена и Христина). Последнее прижизненное документальное известие об Устинье относится к июлю 1803 г.

³⁰¹ Лица, посланные от Е. И. Пугачева «присматривать» и сватать невесту, высоко отзывались об Устинье Кузнецовой: она, по их мнению, была «девица прекрасная» (И. Я. Почиталин), «невеста очень хороша, добра и постоянна» (М. П. Толкачев), «девушка смиренная» (А. П. Толкачев).

³⁰² В ином свете представлено это событие в протоколе следственных показаний П. М. Кузнецова. Он говорил, что не был рад замужеству своей дочери и, дав вынужденное согласие на этот брак, «плакал горько о том, что она еще молодехонька и принуждена итти замуж неволею, хотя и за государя» (Пугачевщина. Т. 2. С. 118). Сама Устинья рассказывала на следствии, что она противилась сватовству, пыталась прятаться от посланцев Пугачева. Но дело решилось, когда в дом Кузнецовых явился сам Пугачев. Устинью вывели к нему и он, сказав: «Очень хороша!», возгласил: «Поздравляю тебя царицею!» — и одарил ее серебряными

деньгами. Отец дал вынужденное согласие на бракосочетание, но Устинья была в отчаянии и «в великих слезах». Она и во время сватовства и после свадьбы сомневалась в том, что ее муж — истинный «царь» (Пугачевщина. Т. 2. С. 198—199).

³⁰³ Церковное венчание и свадьба Е. И. Пугачева с У. П. Кузнецовой происходили 1 февраля 1774 г. В тот день, как свидетельствовал подполковник И. Д. Симонов, в Яицком городке слышался «вседневно колокольный звон и производилась пушечная пальба».

³⁰⁴ Торжественную церковную службу венчания Е. И. Пугачева с У. П. Кузнецовой в Петропавловской церкви вел священник Сергей Михайлов, помогал ему в этой церемонии второй священник церкви Иван Яковлев. Оба они осенью 1774 г. были отстранены за этот проступок от должностей.

³⁰⁵ Аксинья Петровна Толкачева, сваха и стряпуха Е. И. Пугачева, вспоминала на следствии, что по окончании венчания участвовавшие в церемонии приехали в дом М. П. Толкачева, «где подносили всем бывшим вино, и тут поздравляют самозванца с супругою, называя ее своею государынею». На другой день Пугачев пригласил на обед подных Устиньи, ее отца, сестру Марью с мужем С. М. Шелудяковым, шурина Е. П. Кузнецова, которых «за обедом дарил: тестя — шубою, покрытую зеленым сукном, свояка Шелудякова — канаватом же да красною голью, ее ж, Аксинью, мужа ее и деверя — канаватом же. А после обеда сидели все гости до ночи и пили шибко, и потом разъехались по домам». Неделю спустя после свадьбы Пугачев переехал с Устиньей в дом бывшего атамана А. Н. Бородина (ЦГАДА. Ф. 349. Д. 7329. Л. 159 об. — 160).

³⁰⁶ «Другой подкоп» — направленный против колокольни церкви Архангела Михаила (см. выше, прим. 286). Рытье подкопа производилось в течение месяца, с 20 января по 19 февраля 1774 г. Работой руководил Матвей Ситников (см. выше, прим. 291), помогал ему яицкий казак Степан Бесштанов; они имели в своем отряде до 150 землекопов. Подкоп начали рыть вблизи берега реки Чеган, из погреба казачьего дома, стоявшего примерно в 100 сажнях от колокольни. Подкоп был доведен до каменного фундамента колокольни, где вырыли большую яму и вкатили в нее несколько бочек с порохом.

³⁰⁷ Голицын Петр Михайлович (1738—1775), князь, ве-

теран Семилетней войны 1756—1763 гг. и Русско-турецкой войны 1768—1774 гг., генерал-майор. В январе 1774 г. Голицын назначен командующим авангардными войсками карательной армии генерал-аншефа А. И. Бибикова. Наступая от Казани к Оренбургу, он нанес поражения войску Е. И. Пугачева в бою под деревней Пронкиной (6.III.1774) и в битвах у Татищевой крепости и под Сакмарским городком (22.III и 1.IV.1774), позднее подавлял повстанческое движение в Башкирии, Закамье и Поволжье, некоторое время исполнял обязанности главнокомандующего карательными войсками (8—29.VII.1774).

³⁰⁸ Из Яицкого городка Е. И. Пугачев приехал в Бердскую слободу 6 февраля 1774 г.

³⁰⁹ В начале февраля 1774 г. (время, которое освещается комментируемым показанием Е. И. Пугачева) генерал П. М. Голицын находился с главными своими силами в Бугульме.

³¹⁰ Арапов Илья Федорович (1740—1774), оренбургский крестьянин, примкнул к Е. И. Пугачеву в октябре 1773 г., командовал повстанческим отрядом, захватил ряд крепостей Самарской линии и 25 декабря занял Самару. В январе—марте 1774 г. Арапов вел арьергардные бои, погиб в битве у Татищевой крепости 22 марта 1774 г.

³¹¹ Е. И. Пугачев приехал в Яицкий городок в середине февраля 1774 г.

³¹² Здесь в показании Е. И. Пугачева хронологическая неточность: атаман А. А. Овчинников был послан за порохом в Гурьев городок не в феврале, как утверждает Пугачев, а 20 января 1774 г. Пять дней спустя, 25 января, Овчинников вступил со своим отрядом в Гурьев и штурмом овладел городской крепостью—«кремлем».

³¹³ «Сражение с оренбургскою вылазкою» — речь идет о сражении войск оренбургского гарнизона с повстанческими отрядами у Бердской слободы под Оренбургом 13 января 1774 г. В пятом часу утра 13 января три колонны войск оренбургского гарнизона во главе с генералом К. И. Валленштерном, бригадиром А. А. Корфом, майором С. Л. Наумовым (1700 солдат, до 400 оренбургских и яицких казаков, 29 пушек) выступили из города и направились к Бердской слободе. Вскоре они были обнаружены караулами повстанцев, которые успели поднять тревогу. Пугачевские полковники М. Г. Шигаев, Т. И. Подуров и А. Т. Соколов-Хлопуша вывели свои отряды и встретили неприятеля на подступах к

Бердской слободе. В завязавшейся битве вскоре выявилось превосходство сил повстанцев и выгоды их позиции. Оренбургские колонны, находясь с фронта под губительным обстрелом повстанческих батарей (до 60 орудий) и отбивая с флангов атаки конницы, дрогнули, пришли в замешательство и, неся большие потери, бросились в беспорядочное отступление к Оренбургу. Потери оренбургского гарнизона в сражении 13 января составляли до 280 человек убитыми, свыше 120 ранеными; повстанцами были отбиты 13 пушек со снарядами, много ручного оружия, боеприпасов и амуниции.

³¹⁴ Атаман А. А. Овчинников выступил со своим отрядом из Гурьева городка 29 января и прибыл в Яицкий городок в первых числах февраля 1774 г., доставив около 40 пудов пороха (по другим данным, Овчинников привез от 60 до 70 пудов пороха).

³¹⁵ Сооружение подкопа было завершено 18 февраля 1774 г., когда минеры Пугачева подвели минную галерею к каменному фундаменту колокольни Михайло-Архангельского собора.

³¹⁶ Антипов Григорий Антипович (1742—1774), яицкий казак, вступил в ряды повстанцев в январе 1774 г., погиб при осаде ретраншаментов в Яицком городке.

³¹⁷ «Переметчик», бежавший в ночь с 18 на 19 февраля 1774 г. в ретраншамент Яицкого городка и сообщивший там о готовящемся взрыве минного подкопа под соборной колокольней, — Неулыбин Иван Иванович (1756—1829).

³¹⁸ В подвале соборной колокольни хранилась пороховая казна, до 40 пудов пороха, который осажденные успели перенести в безопасное место, узнав о предстоящем взрыве минного подкопа.

³¹⁹ Руководители обороны яицкого ретраншаментов называли иное количество пороха, заложенного пугачевскими минерами в головную камеру минного подкопа, — от 12 до 20 пудов.

³²⁰ Взрыв минного подкопа у соборной колокольни был произведен на рассвете 19 февраля 1774 г. Взрыв разрушил «нижнюю палату» колокольни и повалил шесть верхних ее этажей. При этом погибло 42 защитника ретраншаментов и ранено 13, в числе последних был и подполковник И. Д. Сионов.

³²¹ Сразу же по взрыве колокольни осажденные установили на ее развалинах пушечные батареи, огнем которых был остановлен начавшийся было штурм ретраншаментов.

³²² Атаман И. Ф. Арапов, находившийся в Тоцкой крепости, узнал, что войска генерал-майора П. М. Голицына вступили 16 февраля 1774 г. в Бугуруслан и готовятся к походу на Сорочинскую крепость. Голицын, выступив из Бугуруслана 28 февраля, занял Сорочинскую крепость 11 марта 1774 г.

³²³ Е. И. Пугачев вышел из Яицкого городка 20 февраля 1774 г. и два дня спустя прибыл в Бердскую слободу.

³²⁴ В данном показании Е. И. Пугачев допустил неточность: в действительности он пробыл в Бердской слободе около недели и вышел в поход к Сорочинской крепости не ранее 3 марта 1774 г.

³²⁵ Е. И. Пугачев вступил в Сорочинскую крепость 5 марта 1774 г. и там узнал, что в деревню Пронкину (в 35 верстах к северо-западу от Сорочинской) вошла авангардная команда войска генерала П. М. Голицына, возглавляемая премьер-майором Василием Елагиным (1741—1774), у которого было до 900 человек пехоты и конницы с четырьмя пушками.

³²⁶ В ночь с 5 на 6 марта 1774 г. Е. И. Пугачев внезапно атаковал остановившуюся на ночлег в деревне Пронкиной команду майора В. Елагина. В самом начале боя был убит Елагин, и его команда начала было отход, но вскоре, получив подкрепление, перешла в контратаку, в трехчасовом бою нанесла повстанцам значительный урон и вынудила Пугачева к отступлению к Сорочинской крепости.

³²⁷ Возвратившись 7 марта 1774 г. от Пронкиной деревни в Сорочинскую крепость, Е. И. Пугачев приказал забрать и вывезти находившийся там провиант и фураж, а саму крепость сжечь.

³²⁸ Е. И. Пугачев приехал в Яицкий городок 8 марта 1774 г. и пробыл здесь до 14 или 15 марта.

³²⁹ В период между взрывом соборной колокольни 19 февраля 1774 г. и приездом Е. И. Пугачева в Яицкий городок 8 марта активных боевых действий между повстанцами и осажденными в яицком ретраншаменте не происходило. Дело ограничивалось пушечной и оружейной перестрелкой сторон. На рассвете 10 марта осажденные предприняли вылазку из ретраншаamenta двумя отрядами, но повстанцы, предводительствуемые Пугачевым, встретили вышедших сильным пушечным и ружейным огнем, а потом, перейдя в контратаку, обратили неприятеля к беспорядочному отступлению и бегству. Потери осажденных в этой вылазке

составили 32 человека убитыми и 74 ранеными. Осажденный гарнизон сумел отстоять ретраншамент до прибытия корпуса войск генерал-майора П. Д. Мансурова, вступившего в Яицкой городок 16 апреля 1774 г.

³³⁰ Войско генерал-майора П. М. Голицына, соединившееся 10 марта 1774 г. с корпусом генерал-майора П. Д. Мансурова, вступило в Сорочинскую крепость 11 марта.

³³¹ Е. И. Пугачев возвратился из Яицкого городка в Бердскую слободу 18 марта 1774 г. и, сделав необходимые распоряжения, выступил в поход к Татищевой крепости, где намеревался дать генеральное сражение войску генерал-майора П. М. Голицына.

³³² Кроме войска, приведенного Е. И. Пугачевым из Бердской слободы, в Татищеву крепость были стянуты отряды атаманов А. А. Овчинникова (из Илецкого городка), И. Ф. Арапова, С. Л. Речкина, Н. Л. Чулошникова, Ф. И. Дербетева, А. И. Сомова и другие.

³³³ В действительности, судя по данным генерала П. М. Голицына, пугачевская артиллерия в Татищевой крепости имела 36 орудий. (ЦГВИА. Ф. 20. Д. 1236. Л. 404 и об.).

³³⁴ Войско Е. И. Пугачева насчитывало в своих рядах до девяти тысяч бойцов из казаков, заводских крестьян, башкир, татар, калмыков, бывших солдат и др.

³³⁵ Войско генерал-майора П. М. Голицына с утра 22 марта 1774 г. вело наступление на Татищеву крепость с севера, от Переволоцкой крепости, нацеливая главный удар на северный фас Татищевой крепости, а вспомогательный, фланговый, — на восточный фас, чтобы перехватить там путь отхода повстанцев на восток, к Оренбургу.

³³⁶ Казаки-разведчики из Чугуевского казачьего полка (командир подполковник А. Ф. Бедряга), который в сражении 22 марта 1774 г. находился в авангарде войска генерала П. М. Голицына.

³³⁷ В сражении 22 марта 1774 г. у Татищевой крепости в рядах войска генерал-майора П. М. Голицына находилось, в действительности, до 6500 человек пехоты и кавалерии, а в артиллерии 25 пушек.

³³⁸ Генерал-майор П. М. Голицын, отмечая мужество и отчаянную решимость повстанцев в сражении у Татищевой крепости, писал: «Дело столь важное было, что я не ожидал такой дерзости и распоряжения в таковых непросвещенных

людях в военном ремесле, как есть сии побежденные бунтовщики».

³³⁹ В шестичасовой битве у Татищевой крепости Е. И. Пугачев потерпел тяжелое поражение, потеряв до 2500 человек убитыми и около 4000 пленными. Значительны были и потери в войске генерала П. М. Голицына: до 140 человек убитыми и около 500 человек ранеными.

³⁴⁰ После бегства Е. И. Пугачева с небольшой группой казаков в Бердскую слободу атаман А. А. Овчинников продолжал бой в Татищевой крепости, а потом, когда вышли все боеприпасы, с тремя сотнями казаков прорвался через наступающие цепи неприятеля и отошел к Нижне-Озерной крепости.

³⁴¹ Бородин Григорий Семенович, яицкий казак, был взят в плен повстанцами 18 сентября 1773 г. под Яицким городком, после того служил в пугачевском войске хорунжим. Бородин, изменив Е. И. Пугачеву, 23 марта 1774 г. бежал в Оренбург, некоторое время содержался под следствием, а потом служил в казачьем войске; умер осенью 1774 г.

³⁴² Кузнецов Егор Петрович (1750 — не ранее 1795), яицкий казак, родной брат второй жены Е. И. Пугачева — «императрицы» Устиньи. В декабре 1773 г. вступил в ряды повстанцев, арестован карателями 16 сентября 1774 г., содержался под следствием в Яицкой секретной комиссии, а потом в тюремном заключении в Оренбурге, откуда освобожден по определению Тайной экспедиции Сената от 14 марта 1775 г. После того Кузнецов более двадцати лет служил рядовым казаком на одном из форпостов под Уральском.

³⁴³ Е. И. Пугачев и его спутники возвратились из Татищевой крепости в Бердскую слободу поздним вечером 22 марта 1774 г.

³⁴⁴ На совете, происходившем утром 23 марта 1774 г., кроме названных Е. И. Пугачевым лиц (М. Г. Шигаев, А. И. Витошнов, И. А. Творогов, М. Д. Горшков) присутствовали также И. Я. Почиталин, Т. И. Подуров, Кинзя Арсланов, В. С. Коновалов, П. З. Билдин и Ф. Ф. Чумаков.

³⁴⁵ Речь на совете шла в основном о походе к Яицкому городку и к Гурьеву, но, правда, И. А. Творогов высказался в пользу иного плана: идти под Уфу на соединение с войском атамана И. Н. Зарубина. В конце концов совет принял решение следовать с боеспособной частью войска через Переволоцкую и Сорочинскую крепости к Яицкому городку.

³⁴⁶ Хорунжий Г. С. Бородин бежал из Бердской слободы в Оренбург утром 23 марта 1774 г. Он действовал, видимо, в сговоре с сотником М. И. Логиновым, который в то же утро, опередив Бородина, бежал в Оренбург и, явившись туда, объявил властям, что в Бердской слободе сложился-де противопугачевский заговор, в котором главенствующую будто бы роль играет М. Г. Шигаев, и заговорщики имеют намерение схватить и выдать Пугачева.

³⁴⁷ Судя по свидетельству Е. И. Пугачева на допросе в Москве, он вывел с собою 23 марта 1774 г. отборную часть своего войска, до 5000 конных казаков и башкир, при десяти пушках, позволив оставшимся в слободе, чтобы они «убирались, кто куда хочет».

³⁴⁸ В Бердской слободе, покинутой Е. И. Пугачевым, прибывшие из Оренбурга команды застали до 800 пеших повстанцев, а в числе трофеев захватили 47 артиллерийских орудий (пушки, мортиры, единороги), большое число боеприпасов к ним, много ручного оружия, несколько сот кулей с провиантом (мука, сухари, крупа), 27 бочек с вином, 17 бочек с деньгами (1695 руб.).

³⁴⁹ В данном случае Е. И. Пугачев допустил неточность: в действительности описываемые здесь и далее события происходили не у Сорочинской крепости, а у Переволоцкой.

³⁵⁰ Высланная Е. И. Пугачевым ранним утром 26 марта 1774 г. в сторону Переволоцкой крепости разведка во главе с М. Г. Шигаевым наткнулась в 20 верстах от крепости, вблизи Епанешникова хутора, на неприятельский аванпост, команду из 30 егерей-лыжников. Узнав об этом, Пугачев тотчас же отменил дальнейшее продвижение к Переволоцкой крепости и повернул свое войско в обратный путь, направившись к Каргале. Невдалеке от нее Пугачев созвал войсковой круг, на котором одни из атаманов советовали предпринять новую попытку прорваться к Яицкому городку и далее идти к Гурьеву городку, другие же настаивали на походе в Башкирию.

³⁵¹ Войско Е. И. Пугачева вступило в Каргалу (Сеитову слободу) 27 марта 1774 г.

³⁵² Старшина Каргалинской слободы Абдрафик Абдуллин и верные властям старшины, начиная с 23 марта 1774 г., арестовали 38 слободских татар-повстанцев (в том числе и пугачевского полковника Мусу Улеева); все они, находясь под арестом, ожидали отправления в Оренбург.

³⁵³ Гнев татар-повстанцев, освобожденных после вступления войска Е. И. Пугачева в Каргалинскую слободу, был направлен против старшины Абдурахима Абдрафикова и его сообщников. Пять или семь из них были казнены повстанцами.

³⁵⁴ Войско Е. И. Пугачева вступило в Сакмарский городок вечером 27 марта 1774 г.

³⁵⁵ Донсков (Донской) Данила Дмитриевич, казачий атаман Сакмарского городка в 1766—1780 гг. При осаде Оренбурга отрядами Е. И. Пугачева Донсков с командой сакмарских казаков оборонял блокированный город, с весны по осень 1774 г. участвовал в карательных операциях против восставших в Башкирии и Заволжье.

³⁵⁶ Донсков (Донской) Дмитрий Карпович, отставной атаман казачьей команды Сакмарского городка в 1755—1766 гг., отец сакмарского атамана Д. Д. Донскова (см. прим. 355). 27 марта 1774 г., узнав о приближении к Сакмарскому городку войска Е. И. Пугачева (из Каргалы), Донсков бежал к Оренбургу, но был схвачен повстанцами и казнен.

³⁵⁷ Указ, посланный Е. И. Пугачевым генерал-майору П. М. Голицыну, не сохранился. Надо полагать, что поводом к составлению этого указа послужили письма Голицына к губернатору И. А. Рейнсдорпу, захваченные повстанцами при набеге на Бердскую слободу 28 марта 1774 г. среди вещей голицынского курьера — капитана 2-го гренадерского полка И. Ахшарумова.

³⁵⁸ Отец П. М. Голицына — Михаил Михайлович Голицын (1681—1764), князь, генерал-адмирал.

³⁵⁹ Дед П. М. Голицына — Михаил Андреевич Голицын (1655—1715), князь, стольник.

³⁶⁰ Крупный отряд повстанцев внезапно ворвался в Бердскую слободу 28 марта 1774 г.

³⁶¹ Войско генерал-майора П. М. Голицына 28 марта 1774 г. находилось в Татищевой крепости.

³⁶² Высылаемые из Оренбурга гарнизонные команды, начиная с 23 марта 1774 г., вывозили в город из Бердской слободы оставленные там повстанцами пушки, боеприпасы, провиант, фураж, деньги и другие трофеи (см. выше, прим. 348). 28 марта повстанцы застали в Бердской слободе небольшую гарнизонную команду капитана И. М. Сурина, команда его частью была захвачена в плен, частью перебита, но сам Сурин, вместе с двумя офицерами и девятью гусарами, успел бежать в Оренбург.

³⁶³ Приводимые Е. И. Пугачевым данные о численности его войска в Сакмарском городке (около 2000 человек), неточны, занижают истинные данные примерно в два раза.

³⁶⁴ Войско генерал-майора П. М. Голицына выступило в поход из Бердской слободы 1 апреля 1774 г. в два часа пополудни и, пройдя ночным маршем путь в 20 верст, на рассвете вышло на левый берег реки Сакмары напротив Каргалинской слободы, где располагался полутысячный отряд повстанцев во главе с сотником Т. Г. Мясниковым.

³⁶⁵ Битва 1 апреля 1774 г., начавшаяся у Каргалинской слободы, продолжалась в течение нескольких часов и на протяжении 9 верст от Каргалы до Сакмарского городка. В начале битвы семиорудийная батарея повстанцев отбила первую атаку неприятельских команд, но, после того как к ним подошли подкрепления, атака возобновилась, и повстанцы начали отход к Сакмарскому городку. Е. И. Пугачев пытался удержать отступающих у Сакмарского городка, но неприятельская кавалерия стремительной атакой рассеяла их и ворвалась в городок, вынудив Пугачева с остатками его отрядов к бегству на восток, по дороге к Пречистенской крепости.

³⁶⁶ В сражении 1 апреля 1774 г. на поле боя пали 400 повстанцев, каратели захватили в плен 2813 человек (в их числе были пугачевские полковники Т. И. Подуров, А. И. Витошнов, секретари Военной коллегии И. Я. Почиталин и М. Д. Горшков, артиллерийские сотники А. Темнов и Г. Тутаев и др.), взяли в числе трофеев 9 пушек.

³⁶⁷ Из Сакмарского городка Е. И. Пугачев бежал со своим отрядом к Пречистенской крепости (в 30 верстах к востоку от Сакмарского городка), но в 15 верстах от нее повернул на северо-восток к селу Ташла и далее к Вознесенскому заводу, куда и добрался к 4 апреля 1774 г.

³⁶⁸ Иргизлинский завод — точное его название: Вознесенский завод, на речке Иргизли, в одной версте от впадения в реку Белую.

³⁶⁹ В Вознесенском заводе Е. И. Пугачев стоял не «одне сутки» (как утверждал он), а три дня, с 4 по 6 апреля 1774 г., где взял в свой отряд 9 мастеровых, 60 приписных крестьян, берг-гешворена А. Соколова, унтер-шихтмейстера И. Рихтера, копииста А. Седачева (который в апреле-мае служил повытчиком в повстанческой Военной коллегии).

³⁷⁰ Авзяно-Петровский завод (под этим названием объединены были три завода, принадлежавших заводладель-

цу Е. Н. Демидову: Верхний Авзяно-Петровский, Нижне-Авзяно-Петровский, Кухтурский). Е. И. Пугачев вступил в Верхний Авзяно-Петровский 8 апреля 1774 г. и находился тут не одни сутки (как утверждал он), а пять суток, до 12 апреля, где мобилизовал в свой отряд около 400 заводских крестьян.

³⁷¹ Е. И. Пугачев вступил в Белорецкий завод 14 апреля и пробыл здесь 19 дней, до 2 мая. На этом заводе в его войско было набрано до 300 крестьян.

³⁷² Е. И. Пугачев подошел к Магнитной крепости 5 мая 1774 г. с войском, которое насчитывало до 2000 человек. Комендант Магнитной крепости капитан С. К. Тихановский в рапорте полковнику Е. А. Ступишину утверждал, будто Пугачев осадил эту крепость шеститысячным войском (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 627. Ч. 9. Л. 134).

³⁷³ Указ, посланный Е. И. Пугачевым в Магнитную крепость, не сохранился.

³⁷⁴ Тихановский Сергей Кузьмич (1742—1774), капитан, комендант Магнитной крепости; при атаке этой крепости войском Е. И. Пугачева (5—6.V.1774) оказал упорное сопротивление, а после ее падения пытался бежать, но был схвачен и казнен повстанцами.

³⁷⁵ Первый приступ повстанцев к Магнитной крепости начался утром 5 мая 1774 г.

³⁷⁶ Факт ранения Е. И. Пугачева в правую руку картечью от пушечного выстрела при первом приступе к Магнитной крепости подтверждается свидетельствами как пугачевцев, так и военачальниками неприятеля. В то же время циркулировал явно недостоверный слух — будто бы Пугачев, проезжая по улице взятой им Магнитной крепости, был ранен ружейной пулей («в правую руку повыше кисти»), причем выстрел был произведен из окна избы, а стреляла некая женщина, которую тотчас схватили и казнили.

³⁷⁷ После того, как неприятель отбил первый приступ повстанцев к Магнитной крепости, Е. И. Пугачев отошел в степь, где дал своему войску несколько часов отдыха, а в ночь с 5 на 6 мая 1774 г. повел его на второй штурм крепости и 6 мая в три часа пополуночи овладел ею.

³⁷⁸ Отряд атамана А. А. Овчинникова, следуя от Яицкого городка на восток через оренбургские степи и отроги Южного Урала, подошел к Магнитной крепости 7 мая 1774 г., где и соединился с войском Е. И. Пугачева. Следует дополнить, что в тот день, когда отряд Овчинникова соединился с

войском Пугачева у Магнитной крепости, туда же пришли отряды пугачевских атаманов И. Н. Белобородова и С. Максимова.

³⁷⁹ Речь идет о поражении отряда атамана А. А. Овчинникова в бою с корпусом генерал-майора П. Д. Мансурова у реки Быковки 15 апреля 1774 г.

³⁸⁰ Мансуров Павел Дмитриевич (1726—1801), генерал-майор, ветеран Русско-шведской войны 1741—1743 гг. и Семилетней войны 1756—1763 гг. С декабря 1773 г. командир корпуса карательных войск, с которым вел наступление к Оренбургу по Самарской линии, нанес поражение повстанцам в бою под Бузулуцкой крепостью (14.II.1774), участвовал в битве под Татищевой крепостью (22.III.1774), разбил отряд атамана А. А. Овчинникова в бою у реки Быковки (15.IV.1774) и занял Яицкий городок (16.IV.1774). Впоследствии командовал карательными операциями в Приицкой степи, в Среднем и Нижнем Поволжье.

³⁸¹ Войско Е. И. Пугачева выступило из Магнитной крепости 9 мая 1774 г., направившись на север, вверх по правому берегу Яика к Верхояицкой крепости.

³⁸² Речь идет о Верхояицкой крепости. Приблизившись к ней, Е. И. Пугачев узнал, что в крепости находится недавно вступивший туда корпус генерал-поручика И. А. Деколлонга (до 3000 человек и около 20 артиллерийских орудий). В гарнизоне самой крепости под командованием ее коменданта полковника Е. А. Ступишина находились две роты драгун, одна пехотная рота и артиллерийская команда с 15 пушками. Кроме того в начале мая в Верхояицкую крепость из Карагайской была переведена гарнизонная команда (две роты драгун и полурота пехоты с пушками) во главе с комендантом полковником И. М. Фоком. Поэтому Пугачев вполне резонно отказался от намерения атаковать Верхояицкую крепость и, не доходя до нее, круто повернул в горы, скрытно обошел крепость с запада и направился далее на север к Карагайской крепости.

³⁸³ Деколлонг (Ксавье де Колонг) Иван Александрович (1720—1780), генерал-поручик, ветеран Русско-турецкой войны 1736—1739 гг. и Семилетней войны 1756—1763 гг., в 1771—1777 гг. командующий войсками Сибирской пограничной линии. С октября 1773 г. руководил карательными операциями против повстанцев в Исецкой провинции и в западных уездах Тобольской губернии, нанес поражение

главному войску Е. И. Пугачева в битве у Троицкой крепости (21.V.1774).

³⁸⁴ Речь идет о Карагайской крепости, гарнизон которой в начале мая 1774 г. был выведен в Верхояицкую крепость; в первой из них осталось несколько отставных престарелых солдат и прапорщик Г. А. Вавилов (см. о нем прим. 386). Войско Е. И. Пугачева вступило в Карагайскую крепость 13 мая 1774 г.

³⁸⁵ «Длинное озеро» у Карагайской крепости — озеро Уклы-Карагай.

³⁸⁶ Прапорщик в Карагайской крепости — Вавилов Гаврила Аникеевич. Служба Вавилова у Е. И. Пугачева продолжалась всего лишь четыре дня. 17 мая, когда повстанцы взяли Степную крепость, он бежал от них и, укрываясь, дождался прибытия правительственных войск.

³⁸⁷ Речь идет о Петропавловской крепости. Войско Е. И. Пугачева овладело крепостью штурмом, ворвавшись в нее утром 15 мая 1774 г.

³⁸⁸ Имеется в виду Степная крепость. Е. И. Пугачев подошел к ней утром 17 мая 1774 г. и сразу же повел свое войско на штурм. Защитники крепости отбили три атаки повстанцев. Пугачев отвел свое войско в степь, дал ему отдохнуть, а потом снова повел на штурм. К вечеру повстанцы ворвались в крепость.

³⁸⁹ Е. И. Пугачев с десятитысячным войском подошел к Троицкой крепости утром 20 мая 1774 г. и, завязав сражение сильным артиллерийским огнем, повел свои полки на штурм. Преодолев упорное сопротивление неприятеля, повстанцы ворвались в крепость. При обороне крепости были убиты ее комендант — бригадир А. А. де Фейервар, капитаны П. Д. Серебряков, В. Г. Ураков, Н. К. Черуфеев, поручик И. П. Дынков и несколько солдат. Повстанцы захватили в числе трофеев в крепости 15 пушек, много боеприпасов, около 2200 четвертей провианта и более 10 тыс. рублей казны.

³⁹⁰ Речь идет о сражении, происходившем у Троицкой крепости 21 мая 1774 г. Генерал И. А. Деколонг, отправившийся 15 мая из Верхояицкой крепости в погоню за Е. И. Пугачевым, пошел по его следам и на рассвете 21 мая внезапно вышел к лагерю пугачевского войска, находившемуся в полутора верстах от Троицкой крепости. Повстанцы, хотя и были застигнуты врасплох, но тем не менее оказали неприятелю упорнейшее сопротивление. Но команды Деко-

лонга час от часу наращивали удары. Повстанцы дрогнули и стали отступать. На поле битвы пало до 4000 пугачевцев, несколько сотен попало в плен. В числе трофеев Деколонт захватил 28 пушек, более 150 пудов боеприпасов, большой обоз с провиантом и фуражом.

³⁹¹ После поражения под Троицкой крепостью Е. И. Пугачев бросился с остатками своего войска (1500 конных с 1 пушкой) на северо-запад, по дороге к Челябинску, следуя через селения исецких казаков и государственных крестьян.

³⁹² В данном показании Е. И. Пугачев ошибся: событие, о котором идет речь — бой с корпусом подполковника И. И. Михельсона у деревни Лягушиной — происходил после сражения у Троицкой крепости не на третий день, а на второй, то есть 22 мая 1774 г. (см. ниже, прим. 394).

³⁹³ Михельсон Иван Иванович (1740—1807), подполковник, ветеран Семилетней войны 1756—1763 гг. В марте 1774 г. возглавил крупную команду карательных войск, нанес поражение войску пугачевского атамана И. Н. Зарубина (24.III.1774), вел бой против отрядов Салавата Юлаева (8 и 31.V.1774), шесть раз вступал в сражение с войском Е. И. Пугачева: у деревни Лягушиной (22.V.1774), у реки Ай (3 и 5.VI.1774), под Казанью (12 и 15.VII.1774) и под Черным Яром (25.VIII.1774). Чин полковника Михельсон получил 23 июля 1774 г. Впоследствии занимал крупные командные посты в армии, с 1797 г. генерал от кавалерии.

³⁹⁴ Речь идет о сражении, происходившем у деревни Лягушиной (в 20 верстах к северо-западу от Варламовой слободы) во второй половине дня 22 мая 1774 г. В начале боя войско Е. И. Пугачева имело некоторые успехи, овладело было пушками неприятеля, ворвалось во фланг и смяло его. Но И. И. Михельсон сумел перестроить свои силы и нанести сокрушительный удар, обратил повстанцев в бегство и преследовал их на протяжении 15 верст.

³⁹⁵ После поражений в бою под деревней Лягушиной Е. И. Пугачев, умело маневрируя в полукружении неприятельских войск, воспользовавшись их переутомлением от бесплодных маршей, сумел оторваться на некоторое время от преследования и, следуя через Кундравинскую слободу, Чебаркульскую крепость, Златоустовский и Саткинский заводы, в начале июня 1774 г. вышел к берегам реки Ай. Там Михельсон настиг Пугачева и дважды вступал с ним в бой: 3 июня — у деревни Нижние Киги и 5 июня — у деревни Мясогутово, но не смог нанести ощутимого поражения по-

встанцам, дав возможность Пугачеву с основной частью его войска уйти от преследования.

³⁹⁶ Имеется в виду присоединение башкирской конницы к войску Е. И. Пугачева у реки Ай 2 и 5 июня 1774 г. В первый день к Пугачеву с тремя тысячами башкир пришел Салават Юлаев, а 5 июня явились еще семь старшин с несколькими тысячами всадников. Указами от 5 июня 1774 г. Пугачев пожаловал явившихся к нему Салавата Юлаева и Канзафара Усаева чинами главных полковников (бригадиров), а других башкирских старшин — чинами полковников.

³⁹⁷ Следуя вдоль рек Ай и Уфа на северо-запад, войско Е. И. Пугачева вступило в Красноуфимск 10 июня 1774 г.

³⁹⁸ Речь идет о сражении войска Е. И. Пугачева (до 3000 человек с несколькими пушками) с кунгурской гарнизонной командой подполковника А. В. Папава (810 солдат и рекрут с 4 пушками). Сражение происходило 11 июня 1774 г. Началось оно на кунгурском тракте, в 8 верстах к северу от Красноуфимска. Повстанцы, окружив команду Папава с флангов, открыли сильный пушечный и ружейный огонь и вынудили ее к отступлению.

³⁹⁹ После сражения под Красноуфимском (11.VI.1774) Е. И. Пугачев направился со своим войском на запад, к пригороду Оса (на левом берегу Камы), а команда подполковника А. В. Папава возвратилась в Кунгур.

⁴⁰⁰ Войско Е. И. Пугачева подошло к Осе 18 июня 1774 г.; несколькими днями раньше, примерно, 14 июня, под Осой появились авангардные отряды повстанцев во главе с И. Н. Белобородовым и Салаватом Юлаевым.

⁴⁰¹ Речь идет о бое, происходившем у предместья Осы между войском Е. И. Пугачева (до 8000 человек) и командой секунд-майора Ф. В. Скрипицына (до 1100 солдат и ратников, с 14 пушками). В этом бою Пугачев нанес наиболее сильный удар по левому флангу команды Скрипицына, где повстанцам удалось захватить три пушки и где на их сторону перешел отряд из 96 ратников. Скрипицын, опасаясь полного окружения, отошел с командой в деревянный городской острог.

⁴⁰² Указ Е. И. Пугачева, посланный 20 июня 1774 г. в осажденную Осу, не сохранился.

⁴⁰³ Речь идет о бое, происходившем 20 июня 1774 г. в предместье Осы и о первом приступе повстанцев к стенам городского острога. В самом начале боя пугачевцы отбили

пушку у неприятеля, вынудили его отойти в крепость, но больших успехов не добились и возвратились в свой лагерь.

⁴⁰⁴ 20 июня 1774 г. пугачевцы пошли на второй приступ к осинскому городовому острогу под прикрытием нескольких десятков возов, навитых сухим сеном, соломой, берестой и сосновой драницей, намереваясь придвинуть эти возы вплотную к деревянной стене крепости, а затем поджечь их, вызвав пожар. Совет об использовании возов при штурме крепости подал Е. И. Пугачеву атаман И. Н. Белобородов.

⁴⁰⁵ Ф. В. Скрипицын, обращаясь к Е. И. Пугачеву с просьбой отсрочить на сутки капитуляцию гарнизона Осы, надеялся выиграть время и дожидаться подхода на помощь карательных команд. Убедившись, что надежда на прибытие помощи не оправдалась, Скрипицын, собрав начальствующих лиц, объявил им, что боеприпасы подошли к концу, а потому следует пойти на капитуляцию.

⁴⁰⁶ 20 июня 1774 г., в лагерь повстанцев для опознания личности новоявленного «Петра III» дважды приходил из Осы отставной гвардеец Петр Треногин, служивший некогда в Петербурге и не раз выдававший реального Петра III. Наиболее подробно обстоятельства идентификации самозванца с истинным Петром III освещены в следственных показаниях пугачевского полковника И. А. Творогова. Когда старик-гвардеец явился в ставку «Петра III», там находилось до 20 человек, в том числе и сам Пугачев, специально для этого случая одевшийся в простую казачью одежду. Внимательно оглядев выстроившихся в одну шеренгу людей, старик «установил глаза прямо» на Пугачева и на вопрос того: «Што, старик, узнал ли ты меня?» ответил: «Бог знает, как теперь признаешь! В то время был ты помоложе и без бороды, а теперь в бороде и постарее». Пугачев сказал ему: «Смотри, дедушка, хорошенько! Узнавай, коли помнишь!» Старик, глядя на него еще долго, сказал ему: «Мне-де кажется, што вы ходите на государя». С тем старик и ушел в крепость, а некоторое время спустя снова явился к Пугачеву и, смотря на него, закричал громогласно: «Теперь я узнаю, што ты подлинно наш надежда-государь!» и потом поклонился. Пугачев сказал ему: «Ну, старичок, когда ты меня узнал, так поди жа, уговори своих офицеров, штоб не проливали напрасно крови и встретили бы меня с честью». Старик, возвращаясь в крепость и подходя близко, кричал: «Господа офицеры! Полно, не противтесь, подлинно госу-

дарь наш Петр Федорович!» (Пугачевщина. Т. 2. С. 148). Рассказ Творогова свидетельствует о том, что Пугачев был неточен в своем показании, утверждая, что при встрече с гвардейцем он не вступал с ним в разговор.

⁴⁰⁷ Речь идет о секунд-майоре Федоре Васильевиче Скрипицыне (1732—1774), который в действительности не был комендантом в Осе, а являлся командиром первого батальона казанского гарнизона. В конце мая 1774 г. Скрипицын был послан с карательной командой в села Терси и Сарапул для проведения экзекуции и казни пленных повстанцев, 19 июня вступил в Осу, где взял на себя руководство находившимися там военными силами. 21 июня, исчерпав все возможности сопротивления, капитулировал, сдав Осу Е. И. Пугачеву, за что был произведен в чин полковника, но день спустя, будучи изобличен в измене, казнен повстанцами.

⁴⁰⁸ Е. И. Пугачев овладел Осой 21 июня 1774 г., приняв капитуляцию от командира защищавших ее войск секунд-майора Ф. В. Скрипицына.

⁴⁰⁹ Войско Е. И. Пугачева, выступив из Осы 21 июня 1774 г., направилось на запад и, отойдя 40 верст от Осы, стало переправляться с левого на правый берег Камы на Ножевском перевозе. При переправе, проходившей 22 и 23 июня, повстанцы по приказу Пугачева затопили в Каме семь больших пушек.

⁴¹⁰ Секунд-майора Ф. В. Скрипицына и капитана С. М. Смирнова изобличил в измене находившийся в сговоре с ними подпоручик казанского гарнизонного батальона Федор Дмитриевич Минеев (1747—1774). Он был 23 июня 1774 г. пожалован Е. И. Пугачевым в полковники и назначен командиром Казанского полка, с которым участвовал в походе к Казани и в ее штурме. 12 июля 1774 г. Минеев, раскаявшись, явился с повинной к властям, находился под следствием в Казанской секретной комиссии, по определению которой был приговорен к лишению дворянства и чина и наказанию шпицрутенами (12 тысяч ударов). Во время этой экзекуции он умер.

⁴¹¹ Судя по свидетельству Е. И. Пугачева, Ф. В. Скрипицын адресовал свой рапорт находившемуся в Кунгуре подполковнику А. В. Папаву. Имеются, однако, свидетельства о том, что Скрипицын послал рапорт казанскому губернатору Я. Л. Бранту.

⁴¹² Секунд-майор Ф. В. Скрипицын и находившиеся в

сговоре с ним капитан С. М. Смирнов, управитель камских заводов князей Голицыных М. Ключников и несколько чиновников из Осы.

⁴¹³ После переправы на правый берег Камы войско Е. И. Пугачева направилось на запад и 23 июня 1774 г. вступило в Рождественский завод, а 24 июня — в Воткинский завод.

⁴¹⁴ Речь идет о столкновении войска Е. И. Пугачева с командой управителей Ижевского и Воткинского заводов И. П. Алымова и А. С. Клепикова. Дело происходило 24 июня 1774 г. у прикамской деревни Перевозной (в 20 верстах к югу от Воткинского завода).

⁴¹⁵ Имеется в виду бой авангарда войска Е. И. Пугачева с командой майора Н. Алфимова. Бой развернулся 27-июня 1774 г. у села Завьялова (в 12 верстах юго-восточнее Ижевского завода). В завязавшемся бою повстанцы сломили сопротивление неприятеля, большая часть команды Алфимова сдалась в плен, сам он был ранен, пытался бежать, но был убит.

⁴¹⁶ Речь идет о бое авангарда войска Е. И. Пугачева с командой полковника Н. В. Толстого. Бой этот происходил 10 июля 1774 г. у села Высокие Горы (в 30 верстах от Казани). В короткой схватке повстанцы разбили неприятеля, взяли в плен более 50 солдат, остальные разбежались, полковник Толстой (1737—1774) был убит.

⁴¹⁷ 11 июля 1774 г. 20 тысячное войско Е. И. Пугачева стало лагерем у села Царицына, в семи верстах восточнее Казани, на левом берегу реки Казанки; ставка самого Пугачева расположилась у Троицкой мельницы.

⁴¹⁸ «Х казанскому губернатору указ» был отправлен Е. И. Пугачевым 11 июля 1774 г., точнее говоря, это был не указ, а манифест. В тот день в Казань было послано Пугачевым три манифеста, первый из них был адресован губернатору Я. Л. Бранту, второй — русскому населению Казани, третий — татарам Новой и Старой татарских слобод.

⁴¹⁹ Штурм Казани 20-тысячным войском Е. И. Пугачева начался рано утром 12 июля 1774 г. Казанский губернатор Я. Л. Брант и генерал-майор П. С. Потемкин, взявшие на себя руководство обороной города, имели под своей командой четыре гарнизонных батальона (до 1500 солдат), ратное ополчение из служителей адмиралтейства, мастеровых суконной мануфактуры, гимназистов и др. (до 500 человек) и до 6000 горожан, привлеченных к сооружению в

предместьях города укреплений (бастионов, батарей, рогаток и т. п.) и к их обороне. Повстанцы, двинувшись к городу несколькими крупными сводными отрядами, во главе которых стояли сам Пугачев, А. А. Овчинников, И. Н. Белобородов, Г. Л. Ягунов, Ф. Д. Минеев, А. А. Тюмин, А. Е. Суходольский, сломили сопротивление неприятеля у северо-восточного и восточного предместий Казани, обратили его в бегство, ворвались на улицы города и вскоре подошли с трех сторон к Кремлю, где укрылись деморализованные защитники города, администрация, чиновники и состоятельные горожане. Повстанцы подвезли несколько пушек и в течение часа вели интенсивный обстрел Кремля, но начавшийся вскоре после полудня пожар в городе вынудил Пугачева вывести отряды в лагерь к селу Царицыну, не дав возможности увенчать взятие Казани захватом Кремля.

⁴²⁰ В тюремных камерах Казанской секретной комиссии содержалось 415 пленных повстанцев. Все эти пленники были освобождены 12 июля 1774 г. ворвавшимися в Казань пугачевцами, и в одной из ближайших кузниц с них были сбиты оковы.

⁴²¹ Софья Дмитриевна Пугачева с детьми, Трофимом, Аграфеной и Христиной, были доставлены в Казань 17 марта 1774 г., где жили под надзором Казанской секретной комиссии, а накануне вступления Пугачева в Казань были переведены в тюрьму.

⁴²² Е. И. Пугачев, выдававший себя за «Петра III» неоднократно — до взятия Казани и после того — говорил о том, что в его стане находится сам Пугачев, занимающий крупный командный пост.

⁴²³ Данное показание Е. И. Пугачева подтверждается свидетельством И. А. Творогова, который рассказал на следствии, что в числе людей, освобожденных повстанцами при взятии Казани, была и жена Пугачева с детьми, для которых он приказал в лагере «поставить полатку неподалеку от своей; а как он обходился с нею», С. Д. Пугачевой, «отменно против протчих, то некоторые из ближних к нему спрашивали его: «Што бы эта была за женщина?» И Пугачев отвечал: «Ето-де друга моего Емельяна Иваньча, донскова казака, жена, он-де за мое имя засечен кнутом» (Пугачевщина. Т. 2. С. 149).

⁴²⁴ Жена и дети Е. И. Пугачева следовали в обозе повстанческого войска в походе к Черному Яру, позднее, после ареста Е. И. Пугачева, были доставлены в Тайную экс-

педицию Сената, в январе 1775 г. сосланы на тюремное заключение в Кексгольм (см. выше, прим. 10, 26, 27, 30).

⁴²⁵ Речь идет о сражении войска Е. И. Пугачева с корпусом полковника И. И. Михельсона у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г.

⁴²⁶ Перфильев Афанасий Петрович (1731—1775), яицкий казак, активный участник восстания 1772 г. на Яике. В ноябре 1773 г., будучи в Петербурге, взялся вместе с казаком П. А. Герасимовым исполнить поручение правительства — проникнуть в стан Е. И. Пугачева, войти в число ближайших его сторонников и организовать среди них заговор против самозванного «Петра III». Явившись в декабре 1773 г. в лагерь восставших, Перфильев открыл этот замысел атаману А. А. Овчинникову и, по его настоянию, принес раскаяние Пугачеву, который простил его и определил в свое войско, где он с мая 1774 г. был полковником, командиром Яицкого полка; одновременно на него было возложено производство следствия над захваченными в плен офицерами и чиновниками. Перфильев был захвачен в плен карателями 12 сентября 1774 г., находился под следствием в Яицком городке и в Москве, по определению Сената от 10 января 1775 г. в тот же день казнен в Москве.

⁴²⁷ После полудня 12 июля 1774 г. Е. И. Пугачев, выведя войско из охваченной пожаром Казани, перенес свой лагерь к селу Савинову (на реке Казанке, в 10 верстах к востоку от Казани).

⁴²⁸ Корпус подполковника И. И. Михельсона (до 1200 солдат) подошел к Казани к вечеру 12 июля 1774 г.

⁴²⁹ Битва 12 июля 1774 г. между главными силами войска Е. И. Пугачева (до 12 000 человек) и корпусом подполковника И. И. Михельсона проходила в прибрежной долине реки Казанки (на протяжении трех верст, от села Царицына до Арского поля у предместья Казани) и продолжалась более пяти часов, с шестого часа пополудни до полуночи. Главный удар Михельсон нанес по центру позиции повстанцев, а два вспомогательных удара были направлены на фланги. Повстанцы дрались с редким упорством. Михельсон отметил в своем рапорте, что пугачевцы «меня с великим криком и с такою пушечною и ружейною стрельбою картечами встретили, какой я, будучи против разных неприятелей, редко видывал, и от них [пугачевцев] не ожидал». Ценой больших усилий удалось Михельсону сломить отчаянное сопротивление повстанцев и вынудить их к от-

ступлению. На поле битвы пало до 800 повстанцев, 737 попали в плен, каратели захватили шесть орудий и часть пугачевского обоза. Хотя войско Пугачева и понесло ощутимый урон, но вряд ли следует оценивать исход битвы как крупную победу Михельсона. Да и Пугачев, не считая себя побежденным, не отходил далеко от Казани, и на другой день, 13 июля, снова вступил в бой с Михельсоном на Арском поле.

⁴³⁰ Войско Е. И. Пугачева 13—15 июля 1774 г. располагалось лагерем у села Сухая Река, где пополнилось русскими помещичьими крестьянами, татарами и башкирами.

⁴³¹ Сражение войска Е. И. Пугачева (до 25 000 человек) с корпусом подполковника И. И. Михельсона (1300 солдат вместе с командой казанского гарнизона) проходило на Арском поле у восточного предместья Казани 15 июля 1774 г. Битва продолжалась около четырех часов. Михельсон вынужден был отметить в своем рапорте отчаянную решимость и стойкость пугачевцев: они «наступали с такою пушечную и ружейною стрельбою и с таким отчаянием, коего только в лутчих войсках найти надеялся». Дело, по признанию Михельсона, приняло опасный вид, и в этой критической ситуации он, рискуя всем, бросил в бой последний свой резерв, отряд из 40 гренадер, направив его на наиболее уязвимое в тот момент место позиции Пугачева. Там ряды повстанцев дрогнули и начали поспешный отход, а потом и бегство, увлекая за собой другие части войска. Пугачев пытался остановить отступавших вблизи своих лагерей у сел Савинова и Сухой Реки, но каждый раз кавалерийские атаки неприятеля подавляли слабые очаги сопротивления. Конница Михельсона преследовала остатки войска Пугачева на протяжении 30 верст, пока те, оторвавшись от погони, не скрылись в большом приволжском лесу. Пугачев потерял в битве до 2000 человек убитыми, всю артиллерию (9 пушек), 17 знамен, каратели взяли в плен до пяти тысяч повстанцев.

⁴³² После поражения в битве 15 июля 1774 г. под Казанью Пугачев с остатками своего войска бежал на север, к городу Кокшайску.

⁴³³ Речь идет о старшине и полковнике Кинзе Арсланове (см. о нем выше, прим. 244).

⁴³⁴ Отряд Е. И. Пугачева к вечеру 16 июля 1774 г. добрался до города Кокшайска (в 85 верстах к северу от Казани), где передовые группы повстанцев сразу же начали пе-

реправу на правый берег Волги к деревне Нерядовой. Переправа продолжалась и на другой день, 17 июля.

⁴³⁵ К вечеру 17 июля 1774 г. к Кокшайску подошли и переправились через Волгу еще несколько групп повстанцев, присоединившихся к ранее переправившемуся отряду Е. И. Пугачева, насчитывавшему до 500 человек.

⁴³⁶ Село Сундырь (ныне город Мариинский посад Чувашии) было сожжено 17 июля 1774 г. в отместку за отказ поставить в казаки Е. И. Пугачеву 500 крестьян, которые, узнав о том, убежали из села. Но главной причиной сожжения Сундыря послужило то, что сундырцы, исполняя приказ Сияжской провинциальной канцелярии, затопили лодки, чтобы пугачевцы не смогли переправиться через Волгу.

⁴³⁷ Речь идет о городе Цивильске.

⁴³⁸ Отряд Ф. Ф. Чумакова вступил в Цивильск 17 июня 1774 г., вскоре после полудня. Повстанцы захватили денежную казну, казнили воеводу П. Д. Копьева, служителей воеводской канцелярии О. Чаадаева и Н. Попова, прапорщика А. Абаринова и купца И. Полстовалова.

⁴³⁹ «Пришел к Суре, остановился» — имеется в виду нахождение войска Е. И. Пугачева у города Курмыш.

⁴⁴⁰ Е. И. Пугачев не упоминает о событиях, связанных с взятием его войском в июле — начале августа 1774 г. городов: Алатыря (23.VII), Саранска (27.VII), Пензы (1.VIII) и Петровска (4.VIII), о чем он подробно рассказал на допросе в Москве.

⁴⁴¹ Речь идет о событии, происходившем 4 августа 1774 г. под городом Петровском. В тот день к Петровску, занятому уже войском Е. И. Пугачева, приблизился выступивший накануне из Саратова отряд гвардии поручика Г. Р. Державина с 60 донскими казаками во главе с есаулом П. А. Фоминым. Державин, намереваясь точнее разведать положение в городе, отправился к нему с поручиком Ф. Ф. Гогелем и двумя казаками. Навстречу им кинулось до полутора ста повстанцев во главе с Пугачевым. Державин, Гогель и Фомин успели бежать, бросив свою команду, которая перешла на сторону Пугачева.

⁴⁴² Команда из 80 волжских (дубовских) казаков во главе с есаулом С. Тарариным утром 6 августа 1774 г. была выслана из Саратова против войска Е. И. Пугачева. Однако, эта команда, когда в трех верстах от Московских ворот Саратова встретила с авангардным отрядом повстанцев,

сразу же перешла на их сторону, вопреки уговорам Тарарина, который вынужден был спасаться бегством в город.

⁴⁴³ Речь идет о Степане Калабродове, донском казаке, хорунжем Усть-Медведицкой станицы, который с 60 казаками перешел 4 августа 1774 г. на сторону повстанцев под Петровском (см. выше, прим. 441), за что Пугачев произвел его в чин есаула, а потом и полковника, и наградил серебряной медалью. Калабродов погиб в битве у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г.

⁴⁴⁴ Имеется в виду волжский казак Александр Денисович Толмачев, хорунжий Дубовской станицы, который перешел 6 августа 1774 г. на сторону повстанцев под Саратовом (см. выше, прим. 442), за что Пугачев наградил его чином полковника. Толмачев был захвачен в плен карателями в битве у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г. и две недели спустя казнен в Царицыне.

⁴⁴⁵ Ошибочное показание. В действительности Е. И. Пугачев, подойдя утром 6 августа 1774 г. к Саратову, послал туда свой указ. Его отвез в город местный купец Ф. Ф. Кобяков и вручил коменданту И. К. Бошняку, который, прочитав указ, тотчас изорвал его.

⁴⁴⁶ Утром 6 августа 1774 г. к предместьям Саратова подошло войско Е. И. Пугачева (до 10 000 человек с 13 пушками); одна часть повстанческих отрядов направилась к Московской заставе, другая часть — на Соколову гору, господствующую над городом, где и были установлены батареи. В саратовском гарнизоне под командой коменданта полковника И. К. Бошняка находилось до 800 человек (до 500 солдат и до 300 казаков) и набранное из горожан ополчение (до 250 человек). Бой начался во втором часу пополудни артиллерийской дуэлью сторон, вскоре после чего разбежались саратовские казаки и ополченцы. Затем Пугачев бросил в атаку конницу, которая преодолела Глебучев овраг и ворвалась на городские улицы. И тут на сторону повстанцев перешла артиллерийская команда (300 человек во главе с капитаном А. Баратаевым), а вслед за тем и солдаты гарнизонного батальона с секунд-майором А. М. Салмановым. Комендант Бошняк с оставшимися у него 59 солдатами и офицерами сумел пробиться к берегу Волги и бежал, преследуемый на протяжении шести верст повстанцами.

⁴⁴⁷ Лагерь повстанческого войска располагался в четырех верстах ниже Саратова, в слободе Улеши, на берегу речки Увек, где Пугачев находился с 7 по 9 августа 1774 г.

⁴⁴⁸ Камышенка — город Камышин (второе его название в то время — Дмитриевск) на правом берегу Волги в 220 верстах южнее Саратова.

⁴⁴⁹ Утром 12 августа 1774 г., когда повстанческое войско приближалось к Камышину, к Е. И. Пугачеву явился хорунжий Иван Попов, командир отряда волжских казаков (50 человек) и объявил о готовности служить «Петру III», за что и был награжден чином полковника и медалью; позднее он участвовал в походе повстанцев к Царицыну.

⁴⁵⁰ В полдень 12 августа 1774 г. к Камышину подошло войско Е. И. Пугачева. В городской деревянной крепости Камышина находился немногочисленный его гарнизон во главе с комендантом К. З. Меллиным (106 солдат, 50 казаков и ополчение из горожан с несколькими пушками). Вопреки показанию Пугачева, никакого сопротивления его войску не было, и причиной тому были действия сержанта местной команды Ивана Сергеевича Абызова, который уговорил гарнизон сложить оружие и вместе со всеми горожанами торжественно встретить «Петра III» и его войско. Пугачев наградил Абызова чином полковника, он участвовал с 87 камышинскими солдатами в походе повстанческого войска к Царицыну.

⁴⁵¹ Комендант в Камышине — полковник Каспар Захарович Меллин (1716—1774). Накануне вступления войска Е. И. Пугачева в Камышин Меллин в рапортах к астраханскому губернатору П. Н. Кречетникову писал: «Я остаюсь во обороне вовсе безнадёжен», а городская «чернь вся колеблется и, уповательно, не иное что от них произойти может, кроме измены». Мрачные предчувствия Меллина сбылись: Е. И. Пугачев 12 августа овладел Камышиным без сопротивления со стороны гарнизона и горожан, а сам Меллин в тот же день был казнен повстанцами.

⁴⁵² В Камышине повстанцами были казнены полковник К. З. Меллин, капитан С. Агишев, поручики И. Башилов и С. Богатырев и шесть канцелярских служителей.

⁴⁵³ Антиповская станица Волжского казачьего войска, в 28 верстах к югу от Камышина. 13 августа 1774 г. Е. И. Пугачев отправил указ казакам и атаману Антиповской станицы И. Платонову с предписанием устроить торжественную встречу «армии» «Петра III» и приготовиться «с войском» к службе. 14 августа население станицы встретило Пугачева «с пригнутием своих знамен...», с образами и колокольным звоном.

⁴⁵⁴ Речь идет о волжских казаках Караваевской станицы (в 20 верстах южнее Антиповской станицы). Войско Е. И. Пугачева вступило в Караваевскую станицу утром 15 августа 1774 г., но еще на подходе к этой станице к Пугачеву присоединились казаки как Караваевской, так и соседней с ней Балыклеевской станицы.

⁴⁵⁵ Имеются в виду волжские казаки Балыклеевской станицы (в 30 верстах к югу от Караваевской станицы). Войско Е. И. Пугачева вошло в Балыклеевскую станицу вечером 15 августа 1774 г.

⁴⁵⁶ Речь идет о командированном 12 августа 1774 г. из Царицына сводном военном корпусе под общим командованием полковника А. И. Дундукова. В состав корпуса входили: конный отряд из 3000 калмыков во главе с Дундуковым, 1-я легкая полевая команда царицынского гарнизона (до 800 человек с 10 пушками) во главе с секунд-майором А. Т. фон Дицем, донской казачий полк (до 500 казаков) полковника Ф. Кутейникова. 15 августа корпус Дундукова подошел к реке Пролейке (вблизи Балыклеевской станицы), где и изготовился к бою с войском Е. И. Пугачева.

⁴⁵⁷ Сражение войска Е. И. Пугачева (до 15 000 человек) с корпусом полковника А. И. Дундукова (см. о нем выше, прим. 456) происходило утром 16 августа 1774 г. у реки Пролейки (в 12 верстах юго-западнее Балыклеевской станицы). В начале боя донской казачий полк Ф. Кутейникова и царицынские солдаты секунд-майора И. Куткина сбили и смяли правый фланг Пугачева и приблизились уже к пугачевской батарее, но та открыла губительный огонь по неприятелю. При первых же пушечных выстрелах калмыцкая конница, стоявшая на правом фланге, бросилась в бегство. Воспользовавшись этим, Пугачев обошел неприятеля с фланга и с тыла, окружил команду майора А. Т. фон Дица, захватил ее в плен, взял 10 пушек. После того бросился в бегство казачий полк Кутейникова и, пробежав за сутки около 100 верст, явился 17 августа в станицу Качалинскую на Дону, а два дня спустя возвратился в Царицын. Такую же резвость показал и полковник Дундуков, который, бежав с места сражения с 25 оставшимися у него калмыками, утром 17 августа явился в Царицын.

⁴⁵⁸ В сражении у реки Пролейки убиты офицеры 1-й легкой полевой команды: секунд-майор А. Т. фон Диц, капитаны Д. Шеншин и И. Шилов, поручики Д. Денисьев и С. Романов, прапорщики А. Пальчевский, И. Будашев и

И. Буткевич, лекарь Д. Амброзиус; офицеры царицынских батальонов: поручик И. Климов и подпоручик А. Книгин.

⁴⁵⁹ Дубовка — главная станица Волжского казачьего войска (в 50 верстах к северу от Царицына). Войско Е. И. Пугачева вступило в Дубовку 17 августа 1774 г., торжественно встреченное при въезде в станицу казаками, старшинами и духовенством. Пугачев велел дубовским казакам выбрать новое войсковое правление, что и было сделано на казачьем кругу, проходившем 18 августа. В войсковые атаманы был выбран старшина и депутат Уложенной комиссии 1767 г. Василий Иванович Венеровский, а в есаулы казак Федор Сленистов.

⁴⁶⁰ В сотне верст южнее Саратова, в заволжской степи, начинались кочевья калмыков Дербетева улуса. Е. И. Пугачев дважды, 9 и 14 августа 1774 г., обращался к правителю дербетовых калмыков Цендену-Дарже с именными указами о присоединении калмыцкой конницы к «Главной армии» «Петра III» (Документы ставки. Док. № 44). 19 августа Ценден-Даржа приехал со своими тайшами и трехтысячным конным отрядом в лагерь Пугачева, находившийся в 9 верстах к югу от Дубовки, вблизи речки Верхняя Пичуга, объявил о подданстве калмыков Дербетева улуса «Петру III» и о их готовности служить в его войске. Пугачев щедро одарил калмыков деньгами, богатыми одеждами, тканями и другими «знатными» товарами.

В составе войска Пугачева калмыцкая конница участвовала в походе к Царицыну и в боях под этим городом, а 22 августа, получив разрешение Пугачева, Ценден-Даржа с большей частью калмыков возвратился на свои кочевья.

⁴⁶¹ Речь идет о бое авангарда войска Е. И. Пугачева с донскими казачьими полками, оборонявшими Царицын. Бой проходил 20 августа 1774 г. во второй половине дня. Первым ввязался в бой полковник К. Денисов, посланный в разведку с двумя сотнями казаков. Он приблизился было к лагерю Пугачева, но был отбит повстанцами. В погоню за ним Пугачев отправил несколько конных отрядов, которые преследовали донцов на протяжении 15 верст, до реки Мечетной (в 5 верстах севернее Царицына). Туда на выручку К. Денисова подоспели казачьи полки полковников Ф. Кутейникова, В. Манкова, В. Грекова, Г. Поздеева, М. Денисова, В. Денисова и походного атамана В. Перфилова (до 2000 казаков), которые трижды бросались в атаку, но каждый раз были отбиваемы Пугачевым и, наконец, уже ночью отступили в Царицын.

⁴⁶² В бою у реки Мечетной был ранен полковник Федор Кутейников. Он был захвачен в плен, допрошен самим Пугачевым, который приказал его расстрелять. При расстреле (21.VIII) Кутейников был легко ранен, упал в глубокий буерак и, прикинувшись мертвым, выждал время до ночи, а потом ушел в Качалинскую станицу.

⁴⁶³ Войско Е. И. Пугачева (20 000 человек с 30 пушками) подошло к Царицыну в первом часу пополудни 21 августа 1774 г. Военные силы, оборонявшие Царицын, состояли из 1522 пехотных солдат и артиллеристов, 485 городских казаков, 2000 донских казаков, 100 малороссийских казаков, на стенах крепости было установлено 63 пушки. Существенное значение для обороны Царицына имело ожидаемое вскоре прибытие корпуса полковника И. И. Михельсона, который 20 августа вступил в Дубовку и на следующий день двинулся к Царицыну.

⁴⁶⁴ Донские казачьи полки были выведены из городской крепости и заняли позиции западнее города, у Царицынской укрепленной линии, имея задачу воспрепятствовать прорыву войска Е. И. Пугачева к дороге на Астрахань.

⁴⁶⁵ Бой 21 августа 1774 г. у Царицына, продолжавшийся с часа дня до седьмого часа вечера, проходил преимущественно в артиллерийской дуэли сторон. Царицынская городская артиллерия сделала 907 выстрелов ядрами.

⁴⁶⁶ Повстанцы вели пушечную стрельбу по городской крепости Царицына с шести батарей (одна из них была 12-орудийной), подожгли во многих местах строения, взорвали заряды на одной из батарей, подорвали пороховой погреб. Однако подавляющий перевес неприятельской артиллерии в числе стволов и в интенсивности огня не позволил повстанцам взять верх в пушечном бою. Пугачев, узнав о подходе к Царицыну корпуса полковника И. И. Михельсона, повернул свое войско к западу и у села Городище прорвался через Царицынскую линию, направившись на юг, к Черному Яру. В бою у Царицына войско Пугачева потеряло до 2000 человек убитыми и пленными.

⁴⁶⁷ Вечером 21 августа 1774 г. Е. И. Пугачев со своим войском, отходя от Царицына, встретил у западного предместья города донские казачьи полки, которые укрывались в буераках у реки Царицы. Пугачев пошел на донцов и стал окружать их. Большая часть казаков с их полковниками сумела пробиться в Царицын, а остальные перешли на сторону Пугачева (примерно, от 400 до 500 казаков).

⁴⁶⁸ Полковники донских казачьих полков в Царицыне М. Денисов, В. Манков, К. Денисов, Г. Поздеев, В. Денисов, В. Греков, походный атаман полковник В. Перфилов; в полку раненого полковника Ф. Кутейникова обязанности полкового командира исполнял есаул П. Гордеев.

⁴⁶⁹ В действительности в Царицыне было не шесть, а восемь донских казачьих полков. Правда, то были полки неполного состава.

⁴⁷⁰ Ночь с 21 по 22 августа 1774 г. войско Е. И. Пугачева провело в степном лагере, в 25 верстах южнее Царицына, и в трех-пяти верстах от слободы Сарепта — поселения иностранных колонистов.

⁴⁷¹ С ночлега под Сарептой из повстанческого войска ушло от 100 до 150 донских казаков, а к 25 августа 1774 г. у Пугачева оставалось до 200 донцов.

⁴⁷² Здесь Е. И. Пугачев говорит о том месте, где проходила битва 25 августа 1774 г. Место это в действительности находилось не в 60, а в 83 верстах южнее Царицына, на правом берегу Волги у Насоновского Яра, вблизи Солениковой ватаги (рыбопромыслового заведения царицынского купца В. Соленикова), ныне в трех километрах южнее села Солодники Астраханской области. Войско Пугачева стало лагерем у Солениковой ватаги вечером 23 августа 1774 г.

⁴⁷³ Е. И. Пугачев совершенно точно знал, что его настиг полковник И. И. Михельсон, но по каким-то причинам не стал называть его фамилии.

⁴⁷⁴ Накануне вступления полковника И. И. Михельсона в Царицын (22.VIII.1774) его корпус насчитывал 4067 человек (пехота, конница из гусар, казаков и «иностранческая» кавалерия, артиллерийские команды и др.) и 25 пушек. Вступив в Царицын, Михельсон пополнил свой корпус сводным полком донских казаков (452 человека), отрядом малороссийских казаков (96 человек), командой волжских казаков (100 человек), 52 солдатами, отбитыми у Пугачева. Таким образом, Михельсон привел к месту сражения 25 августа корпус, насчитывающий 4767 человек с 25 пушками. В то время в войске у Пугачева было до 10 000 человек с 25 пушками.

⁴⁷⁵ В ночь накануне сражения войско Е. И. Пугачева заняло позицию фронтом на север, в тылу находился огромный буерак, простиравшийся из степи к крутому береговому откосу Волги; в восьми верстах южнее, у Булгаковского затона, располагался пугачевский обоз. Корпус полковника

И. И. Михельсона на рассвете 25 августа 1774 г. изготовился к битве и на заре повел атаку на повстанцев. Сразу же началась артиллерийская стрельба с обеих сторон, продолжавшаяся около получаса и смолкнувшая в тот момент, когда в ближний бой вступили конница и пехота. Вскоре Михельсон стал одолевать Пугачева, захватил его пушки, после чего начался массовый отход повстанцев, хотя отдельные их группы продолжали сопротивление. Пугачев пытался остановить начавшееся бегство, ему даже удалось остановить несколько разрозненных отрядов и вступить в бой, но конница Михельсона снова опрокинула их и преследовала несколько десятков верст по дороге к Черному Яру. Пугачев потерял до 2000 человек убитыми. Михельсон взял в плен до 4000 повстанцев, захватил 25 пугачевских пушек и огромный обоз. Потери Михельсона в этом сражении составляли 16 человек убитыми и 74 ранеными. Пугачев считал одной из важнейших причин поражения его войска в битве у Солениковой ватаги предательские действия начальника повстанческой артиллерии Ф. Ф. Чумакова, который установил пушечные батареи таким образом, что они в самом начале сражения стали легкой добычей Михельсона.

⁴⁷⁶ После поражения в битве у Солениковой ватаги Е. И. Пугачев с остатками своего войска бежал вдоль Волги на юго-восток и к вечеру 25 августа, проскакав около 50 верст, переправился с двумя сотнями повстанцев с правого берега Волги (в 20 верстах выше Черного Яра, примерно в районе нынешнего села Старицы) сперва на один из находившихся тут волжских островов, а с него — на левый луговой берег Волги.

⁴⁷⁷ А. П. Перфильев объяснял промедление с переправой его отряда (40 казаков) с острова на левый берег Волги тем, что решил дать отдых уставшим лошадям, опасаясь того, что они могли бы перетонуть. Переночевав на острове, отряд Перфильева на другой день (26.VIII.1774) вплавь переправился через Волгу. Перфильев с группой из 37 казаков был схвачен карательной командой вблизи Яицкого городка 12 сентября 1774 г.

⁴⁷⁸ Переправившись на левый берег Волги, Е. И. Пугачев повел свой отряд на восток и, пройдя 15 верст, форсировал реку Ахтубу, на левом берегу которой остановился вечером 26 августа 1774 г. на ночлег.

⁴⁷⁹ Пустобаев Петр Алексеевич (1724—1786), яицкий

казак, с ноября 1773 г. служил в войске Е. И. Пугачева, в августе 1774 г. произведен им в полковники. После разгрома повстанцев в битве у Солениковой ватаги Пустобаев разыскал в заволжской степи отряд А. П. Перфильева и пытался склонить его к капитуляции; находился под следствием в Яицком городке и в Москве. По приговору Сената от 10 января 1775 г. Пустобаев отправлен на поселение в Прибалтику, в город Пернов, где и умер в августе 1786 г.

⁴⁸⁰ Почти все из 164 человек, находившихся в последнем отряде Е. И. Пугачева, за время с 14 сентября по 14 октября 1774 г. явились несколькими группами в Яицкий городок, где и были взяты под стражу вместе с находившимися там с 12 сентября 37 казаками отряда А. П. Перфильева. Восемь из этих казаков (В. С. Коновалов, К. И. Фофанов, И. С. Бурнов, И. А. Творогов, Ф. Ф. Чумаков, А. П. Перфильев, П. А. Пустобаев, И. П. Федулев) были отправлены в Москву на следственный и судебный процессы по делу Пугачева, а остальные отконвоированы в Оренбург, где в течение полугода находились в тюремном заключении; большинство из них по определению Тайной экспедиции Сената от 14 марта 1775 г. было освобождено, а в отношении 17 человек предписано: определить их солдатами в «остзейские» гарнизоны, тех же из них, кто не пригоден к солдатской службе, сослать на поселение в Сибирь.

⁴⁸¹ Узени — реки Малый и Большой Узени в нижнем Заволжье.

⁴⁸² На совете с казаками, происходившем 26 августа 1774 г. в стане у реки Ахтубы, Е. И. Пугачев предлагал и иные планы действий: пойти вниз по Волге к Каспийскому морю, а оттуда пробираться скрытными дорогами на Украину, к запорожским казакам; уйти в Башкирию или в Сибирь; укрыться в калмыцких улусах у Цендена-Даржи («князя Бамбура») и др. Но верховодившие в отряде полковники И. А. Творогов, Ф. Ф. Чумаков, И. П. Федулев и их сообщники, тайно вынашивавшие замысел — арестовать «Петра III» и явиться с повинной в Яицкий городок, обеспечив себе помилование от Екатерины II, — наотрез отказались участвовать в предложенных Пугачевым предприятиях. В конце концов приняли решение пойти к Узеням (которые лежали на пути к Яицкому городку), что вполне устраивало заговорщиков, намеревавшихся арестовать Пугачева, а потом, смотря по обстоятельствам, либо укрываться

у Узеней, либо пойти к нижним яицким форпостам и далее к Гурьеву.

⁴⁸³ Отряд Е. И. Пугачева к Узеням шел кружным путем: сперва направился вверх по течению реки Ахтубы, далее левым берегом Волги до Николаевской слободы (напротив города Камышина), оттуда на юго-восток к озеру Эльтон, а с Эльтона на северо-восток к Узеням. Форсировав Малый Узень, отряд остановился 8 сентября 1774 г. у Большого Узеня.

⁴⁸⁴ Главари заговора — И. А. Творогов, Ф. Ф. Чумаков, И. П. Федулев с небольшой группой своих сообщников арестовали Е. И. Пугачева 8 сентября 1774 г. на берегу реки Большой Узень на месте, находящемся на территории современного города Александров Гай (Саратовская область). По протоколам допросов Творогова, Чумакова, Федулева и др. в Тайной экспедиции Сената был составлен в ноябре 1774 г. список заговорщиков, арестовавших Пугачева. В списке названы (в порядке их роли в заговоре) следующие лица: Чумаков Ф. Ф., Творогов И. А., Федулев И. П., Бурнов И. С., Железнов Т. Д., Быченин П., Астраханкин И., Жигалин В., Бакалкин И., Тимонин И., Лепехин Я., Калмыков И., Хохлов И., Арыков Д., Марковцев Ф. — всего 15 яицких казаков (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 370—371).

⁴⁸⁵ По свидетельству И. А. Творогова в аресте Пугачева непосредственно участвовали он, Творогов, Ф. Ф. Чумаков, И. П. Федулев, И. С. Бурнов, Т. Д. Железнов, П. Быченин, И. Астраханкин, В. Жигалин, И. Бакалкин, И. Тимонин, Я. Лепехин и некоторые другие заговорщики; все же остальные казаки отряда находились в отдаленном лагере и не знали о состоявшемся аресте (Пугачевщина. Т. 2. С. 156—158).

⁴⁸⁶ При аресте Е. И. Пугачев не был связан, ехал, как и другие, на верховой лошади. Воспользовавшись слабым присмотром, он бежал, намереваясь скрыться в степи. Бросившимся в погоню И. А. Творогову, И. П. Федулеву, Т. Д. Железнову и И. Ф. Астраханкину удалось схватить Пугачева. Они связали его, но потом освободили от пут, поверив его словам, что он не предпримет новой попытки к побегу. Отправившись в путь от Большого Узеня к Яицкому городку, заговорщики везли Пугачева не связанного, но крепко присматривали за ним.

⁴⁸⁷ 10 или 11 сентября 1774 г., когда отряд остановился

на привал у степной речки Балыкты, Е. И. Пугачев, действуя в сговоре с казаком Михаилом Маденовым, предпринял новую попытку к освобождению. Заметив лежащие без присмотра на земле саблю и пистолет, Пугачев схватил их и бросился на главарей заговора, призывая казаков на поддержку. Но заговорщики обезоружили Пугачева и связали его. Потом, правда, они развязали Пугачева, но усилили надзор за ним и при последующем конвоировании везли его, усадив на изнуренную лошадь, чтобы исключить возможность побега.

⁴⁸⁸ Федулев (Федульев) Иван Петрович (1737—1803), яицкий казак, примкнул к Е. И. Пугачеву в январе 1774 г., служил в его войске сотником, в июле произведен в полковники. Позднее Федулев вместе с И. А. Твороговым и Ф. Ф. Чумаковым встал во главе заговорщиков, арестовавших Пугачева и выдавших его властям. Федулев находился под следствием в Яицком городке и в Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Федулев был помилован, но выслан на поселение в Прибалтику, в город Пернов, где и умер 11 декабря 1803 г.

⁴⁸⁹ Речь идет о Петре Осиповиче Харчеве, яицком казачьем сотнике. С октября 1773 г. по март 1774 г. он находился в команде старшины М. М. Бородина в Оренбурге, осажденном отрядами Е. И. Пугачева, где и был ранен; позднее участвовал в карательных операциях против повстанцев в Прияицкой степи и в Заволжье. Командированный из Яицкого городка с казачьей сотней, Харчев утром 14 сентября встретил у Бударинского форпоста группу бывших повстанцев, сопровождавших арестованного ими Пугачева. Некоторое время Харчев следовал за этой группой, а у Коловертной лощины взял Пугачева под конвой своей команды и вечером того же дня доставил его в Яицкий городок. За этот «подвиг» Харчев взял себе в качестве «трофеев» снятые с Пугачева одеяния, кроме того получил от властей денежное вознаграждение (150 рублей) и серебряную медаль с портретом императрицы, а вице-президент Военной коллегии генерал-аншеф Г. А. Потемкин произвел его в чин казачьего полковника (7.X.1774). Но все это Харчев счел недостаточным вознаграждением за его заслуги и в феврале 1776 г. обратился с прошением к Екатерине II, ходатайствуя о награждении, подобно прочим казачьим старшинам, золотой медалью и армейским чином майора.

⁴⁹⁰ Хотя главари противопугачевского заговора и сомневались в истинности «царского происхождения Петра III», но все еще почитали его как государя-императора. Утром 14 сентября 1774 г. сотник П. О. Харчев встретил у Бударинского форпоста И. А. Творогова и Ф. Ф. Чумакова, которые совершенно всерьез заявили сотнику, что они едут от «своего государя» в Яицкий городок с раскаянием и, хотя он, «государь», ими «пойман и ведетца», но они едут с известием, «чтоб ево в городе встретили с честью и отвели б квартиру», подобающую его сану (Пугачевщина. Т. 2. С. 203).

⁴⁹¹ Сотник П. О. Харчев у Кош-Яицкого городка днем 14 сентября 1774 г. взял Е. И. Пугачева под конвой своей команды и тогда же заклепал его в колодку, а вечером привез в Яицкий городок и передал в секретную комиссию капитан-поручику С. И. Маврину. В тот же вечер Маврин рапортовал генерал-майору П. М. Голицыну, что к нему только что доставлен Пугачев «в величайшей колодке... можно сказать, на головах принесен» (ЦГАДА, Ф. 6. Д. 480. Д. 2. Л. 125—126 об.).

⁴⁹² Маврин Савва Иванович (1744—1809), капитан-поручик лейб-гвардии Семеновского полка. В 1773—1774 гг. служил следователем в секретных комиссиях в Казани, Оренбурге и в Яицком городке, вел дознание над видными пугачевцами Т. И. Подуровым, М. Г. Шигаевым, И. Я. Почиталиным, М. Г. Горшковым, А. Т. Соколовым-Хлопушей и другими, 15 и 16 сентября 1774 г. допрашивал Е. И. Пугачева в Яицком городке.

К ДОКУМЕНТУ № 2
— Протоколу допроса Е. И. Пугачева
в следственной комиссии
в Симбирске 2—6 октября 1774 г.

¹ Следует привести данные о происхождении пяти сохранившихся в архивных фондах текстах протокола показаний Е. И. Пугачева на допросе в следственной комиссии в Симбирске.

В конце сентября 1774 г. находившийся в Казани начальник секретных следственных комиссий генерал-майор П. С. Потемкин получил из Яицкого городка от гвардии капитан-поручика С. И. Маврина протокол яицкого допроса

Пугачева (док. № 1). Опираясь на этот документ, а также на материалы дознания над Пугачевым в Малыковской управительской канцелярии (см. приложение II), в Казанской губернской канцелярии (см. приложение III), на следственное дело о побеге Пугачева из Казанского острога (1773 г.), на допросы его сподвижников и причастных к его делу лиц, Потемкин составил план предстоящего допроса Пугачева в Симбирске, написав «Вступление к распросу» и шесть вопросовных пунктов (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 447—450). Показания Пугачева на допросе, производившемся в Симбирске 2—6 октября 1774 г. главнокомандующим карательными войсками генерал-аншефом П. И. Паниным и Потемкиным, собственноручно протоколировал Потемкин. «Потемкинский» экземпляр протокола (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 451—466) был переписан набело, с включением в текст «Вступления к распросу» 6 основных и 12 дополнительных вопросовных пунктов следователей. Составленный таким образом беловик — подлинник протокола (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 46—66) — был послан с полковником Ю. Б. Бибиковым в Петербург при донесении Панина от 10 октября 1774 г. Подлинник протокола впервые был опубликован Р. В. Овчинниковым в подборке документов «Следствие и суд над Е. И. Пугачевым» (Вопросы истории. 1966. № 5. С. 109—118).

Перед отправлением в Петербург подлинника протокола с него была снята полная копия (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 15—25). Эту копию Потемкин отправил 13 октября 1774 г. в Москву генерал-аншефу князю М. Н. Волконскому, поскольку на Волконского рескриптом Екатерины II от 27 сентября 1774 г. было возложено руководство следствием в Москве над Пугачевым и ближайшими его сподвижниками.

Капитан-поручик Маврин, сопровождавший партию арестованных пугачевцев из Яицкого городка в Москву, в конце октября 1774 г. прибыл в Казань, где собственноручно снял для себя копию с «потемкинского» экземпляра протокола симбирского допроса Пугачева. «Мавринская» копия протокола (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 59—75 об.) сохранилась в собрании бумаг Маврина, освещающих его деятельность на посту чиновника секретных следственных комиссий в Казани, Оренбурге и Яицком городке (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 661—663).

В середине XIX в. неким неустановленным лицом, полу-

чившим доступ к бумагам Маврина, сняты были копии с ряда документов, в том числе и с «мавринской» копии протокола симбирского допроса Пугачева. Из-за трудности прочтения почерка Маврина копиист допустил при переписке ряд погрешностей: пропустил отдельные строки и слова, неточно воспроизвел некоторые имена, географические названия, цифры и др. Ныне эта копия середины XIX в., необоснованно присоединенная к коллекции дел походной канцелярии генерала П. И. Панина по «Пугачевской экспедиции», хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ. Ф. 222. Д. 9. Ч. 1. Л. 55—69). Именно по этой неисправной копии была осуществлена первая публикация протокола симбирского допроса Пугачева в журнале «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских». 1858. Кн. 2. С. 37—50.

² Панин Петр Иванович, граф, генерал-аншеф, командующий карательными войсками с августа 1774 г. по август 1775 г. (см. о нем прим. 34 к док. № 1).

³ Потемкин Павел Сергеевич (1743—1796), генерал-майор, ветеран Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. 11 июня 1774 г. назначен начальником Казанской и Оренбургской секретных следственных комиссий, участвовал в боях под Казанью (12—15 июля) против войска Е. И. Пугачева. При следствии над Пугачевым в Симбирске Потемкин пристрастным допросом и истязанием вынудил подследственного на дачу вымышленных показаний и на ложный оговор ряда лиц, причастных будто бы к принятию им на себя имени Петра III и к подготовке восстания. При последующем дознании в Москве все эти измышления, инспирированные Потемкиным, были опровергнуты показаниями привлеченных к следствию лиц, дезавуированы признаниями Пугачева на очных ставках с ними, а также на допросе 18 ноября 1774 г. (см. док. № 9). В конце декабря 1774 г. Потемкин участвовал в судебном процессе над Пугачевым и ближайшими его сподвижниками.

⁴ Речь идет о церемонии представления Е. И. Пугачева генералам П. И. Панину и П. С. Потемкину 1 октября 1774 г. в Симбирске в штаб-квартире Панина (в доме симбирского купца-заводовладельца И. С. Мясникова-Пустынникова), где Пугачев принес «покаяние» перед чиновниками, офицерами, дворянством и «лучшими» гражданами.

⁵ Имеется в виду церемония публичного представления Е. И. Пугачева народу в Симбирске 1 октября 1774 г.

⁶ Петр III Федорович (1728—1762), российский император (1761—1762), под именем которого выступал Е. И. Пугачев в дни Крестьянской войны 1773—1775 гг.

⁷ Кузнецов Андрей Федорович, донской казак Глазуновской станицы, раскольник. В октябре 1772 г. на его хуторе ночевали Е. И. Пугачев и А. С. Логачев, ехавшие с Добрянского форпоста в Симбирск. На допросе в Тайной экспедиции Сената 2 декабря 1774 г. Кузнецов категорически отверг выдвинутые против него Пугачевым обвинения (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 418—421) и был полностью оправдан.

⁸ На «Большом» допросе в Москве (4—14.XI.1774) Е. И. Пугачев повторил свое симбирское показание об А. Ф. Кузнецове, заявив, что он всецело поддержал идею об уходе казаков Яицкого войска на Кубань. Следствие признало показания Пугачева неосновательными и полностью оправдало Кузнецова.

⁹ Павлов Симон Никитич, зять Е. И. Пугачева, муж его сестры Федосьи (см. прим. 7 к док. № 1).

¹⁰ Речь идет о протоколе показаний Е. И. Пугачева на допросе 16 сентября 1774 г. в Яицкой секретной комиссии (см. док. № 1).

¹¹ О неудавшейся попытке побега С. Н. Павлова, В. Кусачкина и двух других казаков на Терек см. протоколы показаний Е. И. Пугачева на допросах в Яицком городке и в Москве (док. № 1 и № 3).

¹² Худяков Лукьян Иванович, донской казак Цимлянской станицы (подробнее о нем см. прим. 42 к док. № 1).

¹³ Речь идет о протоколе показаний Е. И. Пугачева на допросе в Яицкой секретной комиссии 16 сентября 1774 г. (док. № 1).

¹⁴ Сын Л. И. Худякова — Прокофий Лукьянович Худяков. Об его отъезде в марте 1772 г. с Е. И. Пугачевым из Цимлянской станицы в Черкасск и о бегстве Пугачева с пути туда рассказал Л. И. Худяков на допросе 2 декабря 1774 г. в Москве (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 425—428).

¹⁵ Показания Е. И. Пугачева на допросе в Симбирске, а также на допросе в Яицком городке о том, что Л. И. Худяков велел своему сыну отпустить его, Пугачева, с дороги в Черкасск, — недостоверны (см. об этом прим. 42 и 43 к док. № 1).

¹⁶ Речь идет о Кабаньей слободе (см. прим. 44 к док. № 1).

¹⁷ Коровка Осип Иванович, житель Кабаньей слободы, раскольник (см. прим. 45 к док. № 1).

¹⁸ Ветка — слобода на реке Сож (см. прим. 50 к док. № 1).

¹⁹ Коровка Антон Осипович (подробнее см. прим. 47 к док. № 1).

²⁰ О. И. Коровка на допросе 18 ноября 1774 г. в Москве утверждал, что он дал Пугачеву свой собственный паспорт, выданный ему осенью 1771 г. Изюмской провинциальной канцелярией для торговых поездок, и что его сын Антон никакого фальшивого паспорта Пугачеву не писал и не вручал (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 338—341 об.).

²¹ Бендеры — крепость на реке Днестр, отбитая русскими войсками у турок штурмом 16 сентября 1770 г. (в осаде и штурме Бендер принимал участие Е. И. Пугачев). В июне 1772 г. Пугачев, будучи в Кабаньей слободе, уговорил О. И. Коровку отпустить сына Антона в поездку под Бендеры, где, судя по слухам, власти разрешили селиться старообрядцам.

²² Е. И. Пугачев и А. О. Коровка, отправившись в июне 1772 г. из Кабаньей слободы под Бендеры, добрались до Кременчуга, где узнали, что никаких селений раскольников под Бендерами не существует. Из Кременчуга Пугачев и Коровка направились за рубеж, куда и прибыли в конце июня 1772 г.

²³ Речь идет о протоколе допроса Е. И. Пугачева 16 сентября 1774 г. (док. № 1).

²⁴ Добрянск (Добрянка) — порубежное селение восточнее Гомеля, где находилась русская пограничная застава — Добрянский форпост. Е. И. Пугачев явился туда в конце июня 1772 г.

²⁵ Речь идет о протоколе допроса Е. И. Пугачева 16 сентября 1774 г. (док. № 1).

²⁶ «Иргис» — речь идет о реке Большой Иргиз (левый приток Волги), берега которой были отведены для поселения старообрядцев (см. прим. 52 к док. № 1).

²⁷ Е. И. Пугачев выдержал шестинедельный противочумной карантин в Добрянском форпосте со 2 июля по 12 августа 1772 г., что было удостоверено паспортом, выданным Пугачеву 12 августа (см. прим. 53 к док. № 1).

²⁸ «Великия выгоды» старообрядцам, вышедшим из-за рубежа и поселившимся в России, на Иргизе и в других специально отведенных для того районах, — это суждение

Е. И. Пугачева основывалось, видимо, на слухах о содержании указов Сената от 16 октября и 14 декабря 1762 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI. № 11683, 11720, 11725).

²⁹ Е. И. Пугачев приехал в Кабанью слободу к О. И. Коровке в конце сентября 1772 г. и, пробыв тут два или три дня, отправился в дальнейший путь к Иргизу.

³⁰ Беглый солдат — Логачев (Семенов) Алексей Семенович, спутник Е. И. Пугачева в поездке из Добрянского форпоста к Иргизу в августе—ноябре 1772 г. (см. прим. 54 к док. № 1).

³¹ Речь идет о протоколе допроса Е. И. Пугачева 16 сентября 1774 г.

³² Речь идет о волнениях в Яицком казачьем войске в третьей четверти XVIII в., а в особенности о восстании, происходившем в январе—июне 1772 г.

³³ Мечетная слобода — селение на реке Большой Иргиз (ныне город Пугачев Саратовской области).

³⁴ Филарет — игумен старообрядческого Введенского, или Филаретова, скита вблизи Мечетной слободы (см. прим. 56 к док. № 1).

³⁵ А. Ф. Кузнецов на допросе 2 декабря 1774 г. категорически отвергал показание Е. И. Пугачева о том, будто он, Кузнецов, подал Пугачеву идею об уходе яицких казаков на Кубань и советовал обратиться за содействием в этом деле к Филарету (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 418—420 об.). О том же говорил Кузнецов на очной ставке с Пугачевым, уличая его в вымысле (там же. Л. 421).

³⁶ А. Ф. Кузнецов на допросе 2 декабря 1774 г. утверждал, что никаких денег Е. И. Пугачеву он не давал (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 412. Ч. 1. Л. 420 об.).

³⁷ Е. И. Пугачев и А. С. Логачев приехали в Мечетную слободу в начале ноября 1772 г.

³⁸ Игумен Филарет на допросе в Казанской секретной комиссии 8 февраля 1774 г. показал, что при встрече с Е. И. Пугачевым в ноябре 1772 г. речь у них шла о возможности поселения Пугачева либо во Введенском ските в Мечетной слободе, либо в каком-то другом селении старообрядцев на Иргизе (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 26).

³⁹ Е. И. Пугачев и С. Ф. Филиппов отправились в Яицкий городок в середине ноября 1772 г.

⁴⁰ Филиппов (Сытников) Семен Филиппович, крестьянин Мечетной слободы, старообрядец (см. прим. 58 к док. № 1).

⁴¹ С. Ф. Филиппов на допросе 3 декабря 1774 г. подтвердил, что Е. И. Пугачев в ноябре 1772 г. открыл ему свое намерение подговорить яицких казаков к побегу на Кубань (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 450—451 об.).

⁴² Е. И. Пугачев и С. Филиппов приехали в Яицкий городок 22 ноября 1772 г., где в течение недели квартировали в доме казака Д. С. Пьянова.

⁴³ Пьянов Денис Степанович, отставной яицкий казак (см. прим. 59 к док. № 1).

⁴⁴ На допросе в Оренбургской секретной комиссии 10 мая 1774 г. Д. С. Пьянов показал, что Е. И. Пугачев, встретившись с ним в ноябре 1772 г., открыл ему свое намерение увести яицких казаков на Кубань (Пугачевщина. Т. 2. С. 116).

⁴⁵ Речь идет о доношении Малыковской управительской канцелярии в Симбирскую провинциальную канцелярию от 19 декабря 1772 г. о препровождении под конвоем в Симбирск Е. И. Пугачева, арестованного по доносу С. Ф. Филиппова, который сообщил, что во время поездки в Яицкий городок Пугачев подговаривал казаков бежать на Кубань (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 197—197 об.).

⁴⁶ При дознании в Симбирске Е. И. Пугачева били плетьюми, и он, стремясь избегнуть дальнейшего истязания, вынужден был дать вымышленные показания. Полтора месяца спустя, в показаниях, данных на допросе в Москве 18 ноября 1774 г. М. Н. Волконскому и С. И. Шешковскому, Пугачев сообщил, что при допросе в Симбирске «как стали его стегать», то он, «боясь» дальнейшего нещадного «наказания», не зная сперва «кого б ему оговаривать», а потом «ложно показывал» на встречавшихся с ним в его странствиях людей, которые в действительности не были причастны ни к его самозванству, ни к подготовке восстания (см. док. № 9). Опираясь на вымышленные показания Пугачева, навязанные ему Потемкиным, следственная комиссия составила список на 20 человек, которых следовало разыскать, арестовать и доставить под конвоем в Москву, в Тайную экспедицию Сената, где должно было идти основное следствие над Пугачевым и ближайшими его соратниками (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 490. Ч. 2. Л. 138—139).

⁴⁷ Речь идет о допросе Е. И. Пугачева 16 сентября 1774 г. (док. № 1).

⁴⁸ На допросе в Яицком городке Е. И. Пугачев говорил, что решение о присвоении себе имени и титула Петра III он

принял в августе 1773 г., находясь на Таловом умете, и впервые назвал себя царем в беседе с уметчиком С. М. Оболяевым, а потом и в разговорах с яицкими казаками (см. док. № 1). На самом же деле Пугачев впервые назвал себя «Петром III» в беседе с казаком Д. С. Пьяновым в конце ноября 1773 г. в Яицком городке.

⁴⁹ В действительности ни протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе 18 декабря 1772 г. в Малыковской управительской канцелярии, ни донос С. Филиппова, ни другие документы, связанные с тем делом, не обличают Пугачева в том, что он будто бы уже в 1772 г. выступал или пытался выступать под именем Петра Третьего. При дознании в Малыковке и в Казани Пугачеву инкриминировалось лишь то, что он сделал попытку подговорить яицких казаков к уходу на Кубань (см. приложения II и III).

⁵⁰ Кожевников Петр, купец из Добрянки, раскольник. При дознании в Москве Кожевников категорически отрицал свою причастность к самозванству Е. И. Пугачева (см. ниже, прим. 53). На допросе 18 ноября 1774 г. Пугачев отказался от прежних показаний относительно Кожевникова. (см. док. № 9). 11 января 1775 г. Кожевников был освобожден из Тайной экспедиции Сената с оправдательным паспортом.

⁵¹ «Беглый солдат» — речь идет об Алексее Семеновиче Логачеве (см. о нем прим. 54 к док. № 1).

⁵² На допросе в Тайной экспедиции Сената 13 декабря 1774 г. А. С. Логачев показал, что летом 1772 г. он бывал вместе с Е. И. Пугачевым в Добрянке у купца П. Кожевникова, но он, Логачев, не говорил тому купцу, что находит в облике Пугачева «подобие покойного государя Петра Третьего». Это показание было вымышленным, что и признал сам Пугачев на очной ставке с Логачевым (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 3. Л. 70, 72).

⁵³ Показание о том, что П. Кожевников будто бы советовал Пугачеву принять на себя титул и имя «Петра III» и подговорить яицких казаков к побегу на Кубань, обещая поддержку со стороны раскольников, было вымышленным. П. Кожевников на допросе 27 ноября 1774 г. решительно отвел от себя такое несправедливое обвинение (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 371—371 об.).

⁵⁴ В ноябре 1774 г. в Добрянке вместе с Кожевниковым были арестованы купцы-раскольники Григорий и Федор Крыловы и в конце того месяца доставлены в Москву. Оба

Крылова при допросе 27 ноября в Тайной экспедиции Сената не только решительно отводили выдвинутое против одного из них обвинение, но и утверждали, что они вообще не знакомы с Е. И. Пугачевым (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 372). 8 декабря 1774 г. Г. и Ф. Крыловы были освобождены из заключения с выдачей им оправдательных паспортов.

⁵⁵ См. выше, прим. 19.

⁵⁶ См. выше, прим. 7 и 8.

⁵⁷ См. прим. 54 к док. № 1.

⁵⁸ См. выше, прим. 44.

⁵⁹ Е. И. Пугачев, находясь 22—28 ноября 1772 г. в Яицком городке, как великую тайну открыл Д. С. Пьянову то, что он, Пугачев, в действительности не кто иной, как «император Петр III».

⁶⁰ Имеется в виду протокол показаний Д. С. Пьянова на допросе 10 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии, где речь шла об обещании Е. И. Пугачева выдать по 12 рублей каждой казачьей семье, согласившейся уйти за ним с Яика на Кубань, и о крупных денежных суммах, которыми он будет «коштовать» Яицкое войско, если оно согласится бежать с ним (Пугачевщина. Т. 2. С. 116).

⁶¹ Д. С. Пьянов скончался в оренбургском остроге 12 августа 1774 г.

⁶² Речь идет о письме, написанном по просьбе Е. И. Пугачева крестьянином села Терса Василием Ивановичем Поповым, который в декабре 1772 г. вместе с другими малыковскими крестьянами конвоировал арестованного Пугачева из Малыковки в Симбирск. В материалах следственного дела Пугачева сохранился подлинник письма (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 15—16; опубликован в кн.: Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. 1. С. 160). В письме содержалась просьба к Филарету возвратить якобы находящиеся у него на сохранении собственные его, Пугачева, деньги — 470 рублей, которые спешно необходимы для подкупа чиновников Симбирской провинциальной канцелярии, будто бы обещавших за то освободить его, Пугачева. Поверив в истинность всего этого, Попов взялся доставить письмо Филарету, рассчитывая получить от Пугачева за эту услугу 100 рублей. Попов отправился к Филарету, которого встретил в Березовом поселке. Ознакомившись с письмом, Филарет заявил, что Пугачев не оставлял ему никаких денег на сохранение и, более того, сам он, Пугачев, задолжал ему,

Филарету, 100 рублей. В мае 1774 г. Попов был задержан, содержался в заключении в тюремном остроге в Саратове, позднее находился под следствием в Казанской секретной комиссии, в конце ноября того года доставлен в Москву в Тайную экспедицию Сената (протоколы показаний Попова на допросах в Казани и Москве — ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 5—14; Д. 512. Ч. 1. Л. 440—447). 12 января 1775 г. Попов был освобожден из заключения с выдачей оправдательного паспорта.

⁶³ Речь идет об аресте Е. И. Пугачева в Малыковке 18 декабря 1772 г.

⁶⁴ Малыковский управитель — Позняков Алексей Степанович (см. о нем прим. 55 к док. № 1).

⁶⁵ Имеется в виду паспорт, выданный Е. И. Пугачеву 12 августа 1772 г. комендантом пограничного Добрянского форпоста (см. прим. 53 к док. № 1).

⁶⁶ Конвой с арестованным Е. И. Пугачевым и еще тремя колодниками отправился из Малыковки 19 декабря 1772 г. и прибыл в Симбирск 28 декабря.

⁶⁷ По дороге из Малыковки в Симбирск Е. И. Пугачев вступил в переговоры с двумя конвоировавшими его крестьянами В. И. Поповым и В. Шмоткиным, чтобы они за денежное вознаграждение освободили его. Сошлись на ста рублях каждому из двух этих конвойных, но так как таких денег у Пугачева не было, сделка не состоялась. Подробности этих переговоров изложены в протоколе показаний Пугачева на допросе 28 ноября 1774 г. (см. док. № 11) и в протоколах показаний Попова на допросах в Казани и в Москве в ноябре-декабре 1774 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 6 об.—10; Д. 512. Ч. 1. Л. 440—447).

⁶⁸ На допросе в Москве 3 декабря 1774 г. Е. И. Пугачев показал, что в то время, когда его конвоировали из Малыковки в Симбирск, у него было «денег мелких один рубль денежек и полушек» (см. док. № 14).

⁶⁹ Речь идет о письме Е. И. Пугачева к Филарету от декабря 1772 г. (см. выше, прим. 62).

⁷⁰ В январе 1773 г. Филарет заявил явившемуся к нему с письмом Е. И. Пугачева крестьянину В. И. Попову, что Пугачев у него, Филарета, 470 рублей не оставлял.

⁷¹ Показание вымышленное. При допросе в Тайной экспедиции Сената 18 ноября 1774 г. О. И. Коровка показал, что в начале октября 1772 г., при отъезде Е. И. Пугачева из Кабаньей слободы в Малыковку, он, Коровка, дал Пугачеву

всего лишь пять рублей (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 340). Это подтвердил и Пугачев на очной ставке с Коровкой 18 ноября 1774 г. (см. док. № 9).

⁷² Показание вымышленное. Казак Луганской станицы Иван Астафьевич Долотин на допросе 2 декабря в Тайной экспедиции Сената заявил, что он, Долотин, Пугачева никогда не знал, замыслов его не ведал и никаких денег ему не давал (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 429). Это признал и Пугачев, заявив на допросе 18 ноября 1774 г., что он на Долотина «ложно показывал» (см. док. № 9). 8 декабря 1774 г. Долотин был освобожден из заключения с выдачей оправдательного паспорта.

⁷³ Показание вымышленное. Казак Глазуновской станицы А. Ф. Кузнецов на допросе 2 декабря 1774 г. в Тайной экспедиции Сената заявил, что в октябре 1772 г., при отъезде Е. И. Пугачева и А. С. Логачева в Малыковку, он, Кузнецов, отдал Пугачеву в обмен на его «худую кобыленку» свою лошадь, дал им на дорогу «мяса, а может быть, и пирогов», но никаких денег не давал (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 420—420 об.).

⁷⁴ Вершинин Степан Никитич, донской казак Островской станицы. К нему на хутор в октябре 1772 г. заезжали Е. И. Пугачев и А. С. Логачев, направлявшиеся в Малыковку. На допросе в Тайной экспедиции Сената 2 декабря 1774 г. Вершинин решительно отверг выдвинутые против него обвинения в пособничестве Пугачеву (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 422—423 об.). Ордером Тайной экспедиции Сената Донской войсковой канцелярии от 5 февраля 1775 г. Вершинин был освобожден из заключения вместе с племянником Пугачева — Федотом Мартиновичем Пугачевым, ибо, «по исследованию, никакой вины их не оказалось» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 3. Л. 185).

⁷⁵ Подьячий — речь идет, видимо, о канцеляристе Симбирской провинциальной канцелярии Евграфе Баженове. Попов ничего не говорил на допросах об обращении к Баженову с просьбой об освобождении Е. И. Пугачева за взятку ему, Баженову, и старшим чиновникам провинциальной канцелярии. В пользу этого показания Пугачева как будто бы свидетельствует его письмо к Филарету, где говорится о Федоре Григорьевиче [Кудрине] — воеводском товарище в Симбирске и других симбирских чиновниках, в том числе о воеводе и секретаре, коим он, Пугачев, «через людей... по-

сулил для своего освобождения... триста рублей» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 15 об.).

⁷⁶ Симбирский воевода коллежский советник Николай Васильевич Панов.

⁷⁷ Ассессор — речь идет о товарище симбирского воеводы Федоре Григорьевиче Кудрине, который в действительности был не ассессором, а надворным советником.

⁷⁸ Секретарь Симбирской провинциальной канцелярии Петр Зайцев, который составил и подписал бумаги, касающиеся отправления Е. И. Пугачева из Симбирска в Казань.

⁷⁹ См. выше, прим. 75.

⁸⁰ В действительности письмо к Филарету начерно написал В. И. Попов, а набело переписал земский подьячий Малыковской слободы П. И. Удалов.

⁸¹ «Первое твое показание» — имеется в виду протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе 16 сентября 1774 г. (см. док. № 1).

⁸² Речь идет о побеге Е. И. Пугачева и П. П. Дружинина из казанского острога 29 мая 1773 г.

⁸³ Дружинин Парфен Петрович (см. о нем прим. 78 к док. № 1).

⁸⁴ Дружинин Филимон Парфенович (см. о нем прим. 81 к док. № 1).

⁸⁵ Щолоков (Щелоков, Щолохов) Василий Федорович*, казанский купец, знавший игумена Филарета. В феврале 1773 г. Щолоков получил письмо от Филарета, который просил предпринять шаги к освобождению Е. И. Пугачева. С этой целью Щолоков обратился к секретарю канцелярии А. П. Аврамову, но, встретив отказ, более по этому делу не ходатайствовал. Позднее Щолоков был арестован, доставлен в Москву, где 15 ноября дал показание на допросе Тайной экспедиции Сената (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 213—218 об.). 12 января 1775 г. Щолоков был освобожден из заключения с оправдательным паспортом.

⁸⁶ В таком именно свете, но в более подробном изложении, описал В. Ф. Щолоков первую встречу и беседу с Е. И. Пугачевым в казанском остроге в начале марта 1773 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 216—216 об.). Подробно рассказал об этом и Пугачев в показаниях на допросе 4—14 ноября 1774 г. (см. док. № 3).

⁸⁷ В. Ф. Щолоков посылал в казанский острог съестные

* А не Григорьевич, как ошибочно сказано в протоколе.

передачи Е. И. Пугачеву, а дважды вручал ему в милостыню деньги, в первый раз дал 1 рубль, а во второй раз — 5 рублей.

⁸⁸ Брант Яков (Иаков) Ларионович (1716—1774), генерал-аншеф, губернатор Казанской губернии. В январе 1773 г. вел следствие над Е. И. Пугачевым, содержавшимся в казанском остроге (январь—май 1773 г.); при взятии Казани Пугачевым (12 июля 1774 г.) Брант с войсками сумел отстоять Казанский кремль; умер 3 августа 1774 г.

⁸⁹ Секретарь Казанской губернской канцелярии Андреян Пантелеевич Аврамов (см. о нем прим. 74 к док. № 1).

⁹⁰ В. Ф. Щолоков обманывал Е. И. Пугачева, когда говорил ему, что он, Щолоков, будто бы обращался к казанскому губернатору Я. Л. Бранту с просьбой об освобождении Пугачева.

⁹¹ Вскоре после первой встречи с Е. И. Пугачевым в казанском остроге В. Ф. Щолоков, обратившись к секретарю Казанской губернской канцелярии А. П. Аврамову, обещал ему денежную взятку за освобождение Пугачева, но тот отказался пойти на это.

⁹² «Хлебников» — в действительности это был Седухин Иван Иванович, московский купец, раскольник. В середине марта 1773 г. Седухин, явившись в казанский острог для раздачи колодникам милостыни (100 рублей), встретился с Е. И. Пугачевым и, разговорившись с ним, выведал, что он донской казак и содержится в заключении будто бы «за раскол». После того Седухин дважды встречал Пугачева на улицах Казани, где он в сопровождении конвойного солдата ходил для «испрошения милостыни». Во вторую из этих встреч Пугачев, зайдя на квартиру к Седухину, передал ему свое письмо к Филарету, которое было вручено Седухиным игумену в Малыковке осенью 1773 г. В ноябре 1774 г. Седухин был арестован и взят под следствие в Тайную экспедицию Сената, где дал показания на допросах 4 и 15 ноября (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 33 об.; 208—212). 12 января 1775 г. он был освобожден из заключения с оправдательным паспортом.

⁹³ Замшев (Шамшев) Федор, крепостной крестьянин княгини Голицыной, мастер-кожевник и обойщик, содержался некоторое время в казанском остроге, где познакомился с Е. И. Пугачевым, а потом свел его с купцом И. И. Седухиным.

⁹⁴ Бичегов (Бичагов, Бичюгов) Иван Никитич,

симбирский купец, в январе—начале апреля 1773 г. находился в заключении в казанском остроге, где познакомился с Е. И. Пугачевым и, по его просьбе, написал письмо к игумену Филарету. В январе 1774 г. Бичегов явился в ставку Пугачева под Оренбургом, служил в повстанческом войске, погиб в сражении у Татищевой крепости 22 марта 1774 г.

⁹⁵ Сходное показание о содержании письма Е. И. Пугачева к Филарету привел на допросе и И. И. Седухин (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 211—212).

⁹⁶ В материалах казанского следственного дела (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414) документально зафиксирована лишь одна встреча Е. И. Пугачева с секретарем Казанской губернской канцелярии А. П. Аврамовым — 7 января 1773 г., когда производился допрос Пугачева.

⁹⁷ См. выше, прим. 91.

⁹⁸ О причастности А. П. Аврамова к смягчению режима тюремного содержания Е. И. Пугачева (снятие ручных кандалов, замена тяжелых ножных кандалов на легкие, позволение выхода в город за милостыней) см. прим. 76 к док. № 1.

⁹⁹ В марте 1773 г. шли работы по сносу обветшавшего каменного здания Казанской губернской канцелярии и находящейся при ней «черной» тюрьмы. В связи с этим Казанская губернская канцелярия вынесла 12 марта определение о переводе колодников из «черной» тюрьмы на общий тюремный двор, находившийся вблизи Кремля. 27 марта туда была переведена последняя партия из 15 колодников, в числе которых были П. П. Дружинин и Е. И. Пугачев, причем последний значился в именном реестре как «казак безызвестной Емельян Иванов» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 124—124 об.).

¹⁰⁰ Речь идет о сговоре Е. И. Пугачева с П. П. Дружининым о побеге из казанского острога.

¹⁰¹ Имеется в виду Иван Ефимов, священник Благовещенского собора в Казани (см. о нем прим. 82 к док. № 1).

¹⁰² Речь идет о протоколе допроса Е. И. Пугачева 16 сентября 1774 г. (док. № 1).

¹⁰³ «Несогласный солдат» — Денис Григорьевич Рыбаков, солдат-конвоир, который не знал о намерении Е. И. Пугачева и П. П. Дружинина в сговоре с другим солдатом Г. А. Мищенковым бежать из Казани (см. прим. 86 к док. № 1).

¹⁰⁴ В действительности Д. Г. Рыбаков умер 3 августа 1773 г.

¹⁰⁵ «Яицкой казак Астафей Трифонов» — в действительности то был не Астафий Трифонов и не яицкий казак, а Долгополов Астафий Трифонович (1725 — не ранее 1797), ржевский купец, раскольник, в 1758—1762 гг. поставщик фуража ко двору Петра III. В 1774 г. Долгополов, человек по складу характера весьма предприимчивый и авантюрный, стремясь поправить пошатнувшееся материальное состояние, отважился на опасную политическую игру, надеясь извлечь выгоды из общения с Е. И. Пугачевым, а затем и с Екатериной II, обманывая при этом как ту, так и другую стороны. 21 июня 1774 г. явился в повстанческий лагерь под пригородом Осой, где и представился Пугачеву московским купцом Иваном Ивановым и «посланцем» от цесаревича Павла Петровича, который-де послал своему «отцу» подарки (сапоги, шляпу, перчатки, два полудрагоценных камня), а впредь намерен оказать ему военную и иную помощь. Долгополов не забыл напомнить о давнем денежном долге (1500 рублей) за поставленный им Петру III овес. Пугачев сразу разгадал авантюру «цесаревичева посланца» и, предупредив Долгополова, чтобы он не болтал лишнего, оставил его в своей ставке. Оба они, Пугачев и Долгополов, исполняли свои роли по «сценарию»: Долгополов — признавая Пугачева за «Петра III» и публично убеждая в том повстанцев, а Пугачев — принимая «Ивана Иванова» (Долгополова) за «посланца» цесаревича Павла. В середине июля 1774 г. Пугачев, уступая настоятельной просьбе Долгополова, отпустил его будто бы к цесаревичу Павлу, чтобы потом возвратиться вместе с ним к «Петру III», и дал купцу 50 рублей на дорогу. Не сумев поправить свое состояние службой у Пугачева, Долгополов решил поживиться за счет правительства. Еще находясь в повстанческом лагере, он задумал новую аферу: добравшись до Петербурга, сообщить Екатерине II о имевшейся будто бы среди восставших группы «заговорщиков» (во главе с А. А. Овчинниковым, А. П. Перфильевым и др.), которые, опираясь на своих сторонников из числа яицких казаков, выражают готовность арестовать Пугачева и выдать его, получив в вознаграждение за это по сто рублей каждый. Покинув ставку Пугачева и остановившись где-то неподалеку от Чебоксар, Долгополов сочинил «из своей головы» и написал письмо якобы от имени 324 яицких казаков — «заговорщиков», адресованное

генерал-адъютанту князю Г. Г. Орлову, с предложением выдать Пугачева. В начале августа 1774 г. Долгополов явился в Петербург к Орлову и, назвавшись «яицким казаком Астафьем Трифоновым», представился посланцем «заговорщиков». Орлов тотчас же отвез его в Царское Село к Екатерине II. Не разгадав обманного замысла Долгополова, императрица согласилась с предложенным им и «заговорщиками» планом захвата Пугачева, распорядилась выдать Астафию 2000 рублей за «усердие», на его дорожные издержки и на оплату долгов. Вскоре для приема Пугачева от «заговорщиков» была снаряжена во главе с гвардии капитаном А. П. Галаховым секретная экспедиция (в нее вошел и Долгополов), которая отправилась в путь к низовьям Волги, взяв с собой 32 тысячи рублей золотыми имперIALами для вручения «заговорщикам». 1 сентября 1774 г. экспедиция добралась до Царицына, где получила известие, что Пугачев бежал в заволжскую степь. Несколько дней спустя Долгополов упросил Галахова выдать ему из казенной суммы 3100 рублей и отпустить с несколькими надежными людьми на поиски Пугачева. Вскоре стало известно, что Пугачев арестован и доставлен в Яицкий городок. Долгополов, узнав о том и предчувствуя скорое разоблачение своей авантюры, скрылся от своих спутников и бежал на родину, в Ржев. Там он появился 1 октября 1774 г., день спустя был арестован и 12 октября доставлен в Петербург. Следствие над Долгополовым производилось в Тайной экспедиции Сената, сперва в Петербурге, а затем в Москве. Проводивший дознание в Москве генерал-аншеф князь М. Н. Волконский в одном из донесений Екатерине II писал, что Долгополов — «человек не только коварный, но и весьма дерзкий и не робкий» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 36 об.). По определению Сената от 10 января 1775 г. Долгополов был бит кнутом, заклемен и сослан на пожизненные каторжные работы в Балтийский порт (ныне г. Палдиски в Эстонии). Последнее прижизненное документальное известие о Долгополове относится к июлю 1797 г.

¹⁰⁶ Пугов Василий Александрович (а не Кондратьевич!) — он же и Качалов — имя не существовавшего в действительности царицынского купца. О нем впервые упомянул Долгополов при встрече с Екатериной II и Г. Г. Орловым в Царском селе в начале августа 1774 г. При этом Долгополов сообщил, что Е. И. Пугачев, расставаясь с ним, велел ему искать его, «Петра III», в Царицыне у купца Пугова.

¹⁰⁷ Ходин Василий (1724 г. р.), яицкий казак, примкнул к Е. И. Пугачеву в октябре 1773 г., служил в его войске. В середине июля 1774 г., после переправы Пугачева на правый берег Волги, Ходин, отделившись от него, собрал в поволжских уездах крупный отряд из 700 крестьян, дворовых людей и заводских работников. Следуя с этим отрядом по пути главного повстанческого войска, он 8 августа 1774 г. соединился с Пугачевым в Саратове. 16 сентября 1774 г. Ходин явился с повинной в Яицкий городок, находился под следствием в секретной комиссии, а потом содержался в тюремном заключении в Оренбурге. Определением Тайной экспедиции Сената от 14 марта 1775 г. Ходин вместе с группой других пугачевцев освобожден из заключения.

¹⁰⁸ На допросе в Москве 4 ноября 1774 г. Е. И. Пугачев заявил, что человека по фамилии Долгополов («Астафий Трифонов») он не знает, а знает другого купца, который привез ему подарки (якобы от цесаревича Павла Петровича), и звали его «Иван Иванов».

¹⁰⁹ «Иван Иванов» — имя, под которым был известен в ставке Е. И. Пугачева ржевский купец А. Т. Долгополов (см. о нем выше, прим. 105).

¹¹⁰ Е. И. Пугачев ошибался утверждая, что «Иван Иванов» (А. Т. Долгополов) приехал в ставку к нему в то время, когда он, Пугачев, «был в Уралах» (т. е. в мае — начале июня 1774 г.). В действительности, как о том свидетельствуют показания самого Долгополова, а также пугачевцев А. П. Перфильева, Канзафара Усаева, И. А. Творогова и Ф. Ф. Чумакова, Долгополов явился к Пугачеву в день взятия пригорода Осы — 21 июня 1774 г.

¹¹¹ Канзафар Усаев (1738—1804), сотник татар-мишарей деревни Бузовьязовой Ногайской дороги Уфимского уезда. Примкнул к восстанию в октябре 1773 г., позднее в чине полковника был направлен для организации повстанческого движения в северную Башкирию, захвачен в плен карателями 4 августа 1774 г., содержался под следствием в Бугульме, в Казанской секретной комиссии, а в ноябре доставлен для дознания в Москву, в Тайную экспедицию Сената. По определению Сената от 10 января 1775 г. Канзафар Усаев был бит кнутом, заклеямен и сослан на пожизненные каторжные работы в Прибалтику, в Балтийский порт (ныне г. Палдиски в Эстонии), где и умер 10 июля 1804 г.

¹¹² К началу дознания над Е. И. Пугачевым в Симбирске

следственная комиссия помимо показания Канзафара Усаева об А. Т. Долгополове располагала свидетельствами других пугачевцев, в частности, И. Н. Белобородова, Ф. Д. Минеева, А. П. Перфильева, И. А. Творогова и Ф. Ф. Чумакова о пребывании Долгополова в ставке Пугачева. Все они говорили, что Долгополов не раз убеждал их в том, что предводитель восставших не кто иной, как сам Петр Третий.

¹¹³ Речь идет о поражении войска Е. И. Пугачева в битве против корпуса генерала И. А. Деколонга под Троицкой крепостью 21 мая 1774 г. (см. прим. 390 к док. № 1).

¹¹⁴ «Иван Иванов» — А. Т. Долгополов — появился в ставке Е. И. Пугачева 21 июня 1774 г., месяц спустя после битвы у Троицкой крепости.

¹¹⁵ Вряд ли соответствует действительности показание Е. И. Пугачева о том, что «Иван Иванов» — А. Т. Долгополов — «первый подал ему мысль» и «совет» идти к Казани и далее к Москве. Идея похода к Казани возникла у Пугачева и его ближайших сподвижников задолго до появления Долгополова в стане восставших. Об этом свидетельствует, в частности, маршрут движения войска Пугачева в мае-июне 1774 г. от Троицкой крепости на северо-запад — через Исетскую и Уфимскую провинции — к Каме, а далее, вдоль ее берегов к Осе и к Казани.

¹¹⁶ Два дня спустя после переправы повстанческого войска на правый берег Волги, Е. И. Пугачев отпустил «Ивана Иванова» — А. Т. Долгополова — из своей ставки. Событие это происходило, видимо, 18 июля 1774 г. в лагере под Цивильском.

¹¹⁷ «... ожидает подкрепления себе» — речь, видимо, идет о военной помощи, которую, по словам А. Т. Долгополова, будто бы обещал цесаревич Павел Петрович предоставить «Петру III».

¹¹⁸ Генералу П. С. Потемкину, игравшему ведущую роль в производстве симбирского дознания по делу Е. И. Пугачева, удалось решить не столь уж хитрую загадку, идентифицировав «Астафия Трифонова» с «Иваном Ивановым», по сходству свидетельств о их появлении и пребывании в ставке Пугачева и отъезде оттуда. Удивляет то, что Потемкин остановился на полпути к истине, не подумав даже о возможности установления личности того человека, который действовал под псевдонимами «Астафий Трифонов» и «Иван Иванов». А это и не требовало трудоемких разысканий; недель за шесть до симбирского дознания не кто иной,

как сам Потемкин, допрашивая 22 августа 1774 г. в Казанской секретной комиссии Канзафара Усаева, услышал от него о приехавшем в ставку Пугачева «цесаревичевом посланце» — ржевском купце Астафии Долгополове. Зная об этом, не столь уж трудно было путем сопоставления известных Потемкину фактов установить, что Долгополов как раз и был тем человеком, который действовал у Пугачева под личиной «московского купца Ивана Иванова», а при Екатерине II и ее сотрудниках играл роль «яицкого казака Астафия Трифонова».

¹¹⁹ Поляков Василий, царицынский купец, с которым Е. И. Пугачев будто бы встречался в 1772 г. на Дону. Сразу же по завершении симбирского допроса Пугачева генерал П. С. Потемкин отдал распоряжение о розыске В. Полякова и о доставлении его в Москву, в Тайную экспедицию Сената. С такой фамилией купцов в Царицыне не оказалось, но, по подозрению, был арестован купец Василий Калинович Качалов (который, видимо, имел уличное прозвище — Поляков) и отправлен в Москву. На допросе 18 ноября 1774 г. Сената Качалов заявил, что он никогда на Дону не бывал и Пугачева не знает. На состоявшейся в тот день очной ставке Пугачев, глядя на Качалова, сказал, что этого человека он никогда прежде не встречал и видит его впервые. 11 января 1775 г. Качалов был освобожден из заключения с выдачей оправдательного паспорта.

¹²⁰ Пугов Василий Александрович (см. о нем выше, прим. 106).

¹²¹ Примерно так же свой прощальный разговор с А. Т. Долгополовым изложил Е. И. Пугачев на допросе 4—14 ноября 1774 г. (док. № 3).

¹²² Речь идет о поражении карательного корпуса генерал-майора В. А. Кара в боях с войском Е. И. Пугачева под Оренбургом 7—9 ноября 1773 г. (см. прим. 256 к док. № 1).

¹²³ Шванвич (Шванович) Михаил Александрович (подробнее о нем см. прим. 259 к док. № 1).

¹²⁴ Речь идет о протоколе показаний М. А. Шванвича на допросе в Оренбургской секретной комиссии 17 мая 1774 г. (Пугачевщина. М.—Л., 1931. Т. 3. С. 207—215).

¹²⁵ Шигаев Максим Григорьевич (см. о нем прим. 126 к док. № 1).

¹²⁶ Речь идет о Государственной Военной коллегии Е. И. Пугачева (см. прим. 283 к док. № 1).

¹²⁷ Имеется в виду составленный М. А. Шванвичем на

немецком языке именной указ Е. И. Пугачева оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу от 19 декабря 1773 г. (см. прим. 262 к док. № 1, а также: Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. Источниковедческое исследование. М., 1980. С. 88—91).

¹²⁸ М. А. Шванвич отрицал то, что он скреплял манифесты и указы Е. И. Пугачева латинской подписью имени «Петра III». Сопоставление графики немецких рукописей Шванвича с латинскими подписями указов и манифестов Пугачева показало, что подписи эти сделаны не Шванвичем.

¹²⁹ Горшков Максим Данилович, секретарь Е. И. Пугачева и повстанческой Военной коллегии (см. о нем прим. 228 к док. № 1).

¹³⁰ Думным дьяком Военной коллегии был не М. Д. Горшков, а Иван Яковлевич Почиталин (см. о нем прим. 155 к док. № 1).

¹³¹ М. А. Шванвич показал на допросе, что кроме упомянутого выше указа от 19 декабря 1773 г., он «более у Пугачева писем никаких не писал» (Пугачевщина. Т. 3. С. 213). Нет упоминаний об этом и в протоколах показаний пугачевских секретарей М. Д. Горшкова и И. Я. Почиталина.

¹³² Очные ставки М. Д. Горшкова с Е. И. Пугачевым и с М. А. Шванвичем не проводились.

¹³³ «... Разбит вторично... под Сакмарою» — здесь Е. И. Пугачев говорит о поражении своего войска в битве против карательного корпуса генерал-майора П. М. Голицына под Сакмарским городком 1 апреля 1774 г. (см. прим. 363—366 к док. № 1).

¹³⁴ Речь идет о прапорщике гарнизона Карагайской крепости Гавриле Аникеевиче Вавилове, который 13 мая 1774 г. сдал крепость войску Е. И. Пугачева (см. прим. 386 к док. № 1).

¹³⁵ Имеется в виду поражение войска Е. И. Пугачева в битве против карательного корпуса генерал-поручика И. А. Деколонга под Троицкой крепостью 21 мая 1774 г. (см. прим. 390 к док. № 1).

¹³⁶ Речь идет о взятии пригорода Осы войском Е. И. Пугачева 21 июня 1774 г. (см. прим. 408 к док. № 1).

¹³⁷ Секунд-майор Федор Васильевич Скрипицын (см. о нем прим. 407 к док. № 1).

¹³⁸ Капитан Сергей Максимович Смирнов (1740—1774), офицер казанского гарнизона, был в составе

отряда майора Ф. В. Скрипицына, сдавшего 21 мая 1774 г. пригород Осу войску Е. И. Пугачева; будучи изобличен в измене, Смирнов вместе со Скрипицыным казнен 21 июня под Осой (см. прим. 412 к док. № 1).

¹³⁹ Подпоручик Федор Дмитриевич Минеев (см. о нем прим. 410 к док. № 1).

¹⁴⁰ В Бугульме располагался Томский пехотный полк во главе с полковником Н. Н. Кожиним. Имеются различные свидетельства о документах, захваченных при аресте Ф. В. Скрипицына, С. М. Смирнова и их сообщников (см. прим. 411 к док. № 1).

¹⁴¹ Имеется в виду протокол показаний Ф. Д. Минеева на допросе в Казанской секретной комиссии в июле 1774 г. (опубл.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1940. Т. 9. Кн. 2. С. 701—704).

¹⁴² Речь идет о Федоре Агафоновиче Неустроеве, крестьянине Ливенского уезда, отставном солдате, служившем в июле-августе 1774 г. в войске Е. И. Пугачева. После поражения Пугачева в битве под Черным Яром (25.VIII.1774) Неустроев бежал на Украину, но вскоре был схвачен, содержался под следствием в Краснокутске и в Харькове, где, замученный при допросах истязаниями и пытками, вынужден был пойти на вымышленные показания о том, будто он, Неустроев, и шестеро других повстанцев были посланы Пугачевым в селения Воронежской губернии и Украины с указами к проживавшим там отставным офицерам (в том числе и к поручику А. М. Гриневу) с тем, чтобы они уговаривали крестьян к поддержке Пугачева и отправляли добровольцев в указанные им пункты Нижнего Поволжья. Неустроев умер в харьковском остроге 24 сентября 1774 г. Когда при допросе в Симбирске П. С. Потемкин ознакомил Е. И. Пугачева с показаниями Неустроева, то он, Пугачев, зная, что эти показания (в том числе и в отношении послышки указа к Гриневу) вымышлены, тем не менее счел возможным признать их за достоверные, чтобы этим признанием оградить себя от дальнейших расспросов и истязаний.

¹⁴³ Гринев Алексей Матвеевич, отставной поручик, помещик Старооскольского уезда. 27 сентября 1774 г. Гринев был арестован по оговору Ф. А. Неустроева, доставлен в Харьков, где на допросе в губернской канцелярии решительно отвергал выдвинутое против него обвинение в получении указа от Е. И. Пугачева (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1.

Л. 381—381 об.). Аналогичные показания Гринев дал и на допросе в Москве, в Тайной экспедиции Сената 28 ноября 1774 г. (там же. Л. 437—439 об.). 12 января 1775 г. Гринев был освобожден с выдачей оправдательного паспорта.

¹⁴⁴ Речь идет о протоколе показаний Ф. А. Неустроева на допросе в Украинской Слободской губернской канцелярии 18 сентября 1774 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 378—380).

¹⁴⁵ Имеется в виду протокол показаний Ф. А. Неустроева на допросе в канцелярии Краснокутского комиссариатства 17 сентября 1774 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 375—377 об.).

¹⁴⁶ Утром 21 августа 1774 г. войско Е. И. Пугачева пыталось атаковать Царицын, но, будучи остановлено огнем неприятельской артиллерии, отошло от города и направилось на юг, к Черному Яру (см. прим. 463—466 к док. № 1).

¹⁴⁷ Речь идет о сражении войска Е. И. Пугачева против корпуса полковника И. И. Михельсона у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г., где повстанцы потерпели полное поражение (см. прим. 475 к док. № 1).

¹⁴⁸ Вечером 25 августа 1774 г. Е. И. Пугачев с остатками своего войска переправился на левый берег Волги в 20 верстах выше Черного Яра (см. прим. 476 к док. № 1).

¹⁴⁹ Здесь речь идет не о рядовых яицких казаках-повстанцах, находившихся в конце августа — начале сентября 1774 г. в заволжской степи с Е. И. Пугачевым, а о главарях противопугачевского заговора И. А. Творогове, Ф. Ф. Чумакове, И. П. Федулеве и других (см. прим. 484 к док. № 1).

¹⁵⁰ К настоящему времени известны данные о 165 указах и манифестах Е. И. Пугачева (см.: Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. Источниковедческое исследование. М., 1980).

¹⁵¹ Филиппов Семен, крестьянин Мечетной слободы, подавший 17 декабря 1772 г. донос на Е. И. Пугачева (см. прим. 58 к док. № 1).

¹⁵² Речь идет о доношении Малыковской управительской канцелярии в Симбирскую провинциальную канцелярию от 19 декабря 1772 г. об аресте и допросе Е. И. Пугачева (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 197 и об.).

¹⁵³ Пьянов Денис Степанович, отставной казак, в доме у которого в Яицком городке останавливался Е. И. Пугачев в ноябре 1772 г. (см. прим. 59 к док. № 1).

¹⁵⁴ См. протоколы показаний Е. И. Пугачева на допросе 18 декабря 1772 г. в Малыковской управительской канцеля-

рии и 6 января 1773 г. в Казанской губернской канцелярии (приложения II и III).

¹⁵⁵ Эта часть вопроса сформулирована генералом П. С. Потемкиным на основе показания И. Н. Зарубина на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г., где Зарубин говорил, что яицкие казаки, узнав о гостившем у Д. С. Пьянова в ноябре 1772 г. «Петре III», который обещал возвратиться в Яицкий городок весной 1773 г., ждали его приезда, «все уже о том думали и дожидались весны; где не сойдемся, говорили войсковые все: «Вот будет государь!» И, как приедет, готовились ево принять» (Пугачевщина. Т. 2. С. 128—129).

¹⁵⁶ Вторая часть вопроса генерала П. С. Потемкина, начинающаяся словами: «И когда открыл ты прямое звание свое, Емельки Пугачева», — построена на использовании показания И. Н. Зарубина на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г. Зарубин говорил, что будучи с «Петром III» в начале сентября 1773 г. в лагере у реки Усихи, он заявил новоявленному «императору», что тот в действительности донской казак Емельян Пугачев, и Зарубин знает об этом со слов Д. К. Караваева. После этого «Петр III» признался в том, что он и действительно донской казак Пугачев (Пугачевщина. Т. 2. С. 131).

¹⁵⁷ «Чика» — Зарубин Иван Никифорович (см. о нем прим. 127 к док. № 1).

¹⁵⁸ Караваев Денис Константинович (см. о нем прим. 114 к док. № 1).

¹⁵⁹ Внося этот вопрос в протокол дознания, генерал П. С. Потемкин опирался на свидетельство яицкого казака Еремея Косицына, который в сентябре 1774 г. рассказывал в Яицком городке гвардии капитан-поручику С. И. Маврину, а потом и в Казани Потемкину, что он, Косицын, слышал от некоего донского казачьего сотника Федорова, будто Пугачев, «находясь в последнюю войну с Турцией в Крыму*, называл себя крестным сыном императора Петра Первого» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 662. Л. 61—62 об.).

¹⁶⁰ В 1770 г. Е. И. Пугачев участвовал в осаде крепости Бендеры, которая была взята русскими войсками 16 сентября 1770 г.

¹⁶¹ Показание несутрадное, хотя бы уже потому, что Петр I умер в 1725 г., а Пугачев родился в 1742 г.

* Пугачев в действительности никогда в Крыму не бывал.

¹⁶² Косицын Еремей, яицкий казак, в январе—апреле 1774 г. оборонял в Яицком городке крепость, блокированную повстанцами, в одном из боев получил тяжелую рану; в сентябре 1774 г. послан с донесениями гвардии капитан-поручика С. И. Маврина в Казань к генералу П. С. Потемкину.

¹⁶³ Софья — речь идет о первой жене Е. И. Пугачева — Софье Дмитриевне Пугачевой (см. о ней прим. 10 к док. № 1).

¹⁶⁴ Сопоставление показаний Е. Косицына с протоколом допроса С. Д. Пугачевой и материалами Донской войсковой канцелярии не проводилось. Такого рода дознание советовал провести гвардии капитан-поручик С. И. Маврин в письме к генералу П. С. Потемкину от 11 сентября 1774 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 662. Л. 61—62 об.).

¹⁶⁵ Кутейников Ефим Дмитриевич (см. о нем прим. 33 к док. № 1).

¹⁶⁶ В черновике протокола допроса Е. И. Пугачева 16 сентября 1774 г. в Яицком городке сохранилось его показание: «Когда я, чтоб, будучи в армии, назывался государя Петра Первого крестным сыном, — о том мне никогда и в разум не приходило, и сие на него выдуманно» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 3 об.).

¹⁶⁷ Худяков Лукьян Иванович (см. о нем прим. 42 к док. № 1).

¹⁶⁸ Худяков Прокофий Лукьянович.

¹⁶⁹ Коровка Осип Иванович (см. о нем прим. 45 к док. № 1).

¹⁷⁰ Алексеев Петр, копиист Малыковской управительской канцелярии, который вел протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе 18 декабря 1772 г. в Малыковке (см. приложение II).

¹⁷¹ «... не писал настоящего допроса» — в данном случае генерал П. С. Потемкин имел в виду то, что копиист П. Алексеев при допросе Е. И. Пугачева 18 декабря 1772 г. будто бы не внес в протокол наиболее важного показания последственного о том, что он называл себя «Петром III». Это и дало Потемкину основание заподозрить Алексеева в сокрытии части показаний Пугачева при оформлении протокола.

¹⁷² Речь идет о рыбе, закупленной Е. И. Пугачевым в Яицком городке и Мечетной слободе и привезенной на продажу в Малыковку. В беседе с В. И. Поповым (см. о нем вы-

ше, прим. 62) Пугачев говорил, что малыковский копиист П. Алексеев поживился не только четырьмя возами рыбы, но и отобрал у него при обыске большую сумму денег.

¹⁷³ Здесь имеется в виду показание Е. И. Пугачева на допросе в Симбирске относительно того, что он, Пугачев, будучи в ноябре 1772 г. в Яицком городке, назвался Д. С. Пьянову «Петром III» (см. прим. 59 к данному документу).

¹⁷⁴ Пояснение генерала П. С. Потемкина относительно того, что управитель Малыковской дворцовой волости А. С. Позняков «убит», — ошибочно. В действительности Позняков здравствовал в то время и, находясь в отставке, жил в Малыковке; в ноябре 1774 г. он был отправлен в Москву, где на допросе в Тайной экспедиции Сената дал показания о следствии над Пугачевым в 1772 г.

¹⁷⁵ Копиист П. Алексеев умер 13 декабря 1773 г. (рапорт Малыковской управительской канцелярии Г. Р. Державину от 27 июля 1774 г.) (ЦГАДА. Ф. 349. Д. 7252. Л. 30).

¹⁷⁶ Кандалинцев Алексей, крестьянин села Сарсасы, в доме у которого скрывался Е. И. Пугачев летом 1773 г. и с которым в конце июля приехал к Яицкому городку (см. прим. 99 к док. № 1).

¹⁷⁷ Речь идет о побеге Е. И. Пугачева с П. П. Дружининым из Казани 29 мая 1773 г.

¹⁷⁸ Е. И. Пугачев жил в доме у А. Кандалинцева со второй недели июня по середину июля 1773 г.

¹⁷⁹ Имеется в виду поражение отряда пугачевского атамана А. А. Овчинникова в бою против карательного корпуса генерала П. Д. Мансурова 15 апреля 1774 г. (см. прим. 379 к док. № 1).

¹⁸⁰ Мансуров Павел Дмитриевич (см. о нем прим. 380 к док. № 1).

¹⁸¹ Мамаев Иван Васильевич, уроженец Москвы, канцелярист, служил писарем в армейских полках. В ноябре 1772 г. совершил побег, был схвачен и заключен в саратовский острог; в апреле 1773 г. был переведен в Казань, где содержался в тюремном остроге вместе с Е. И. Пугачевым (см. прим. 80 к док. № 1). В августе 1773 г. Мамаева отправили этапным порядком в Москву, но с дороги он бежал, в ноябре месяце явился в Яицкий городок к подполковнику И. Д. Симонову, назвавшись беглым солдатом Петром Богомоловым, был определен в гарнизонную команду. С января по март 1774 г. находился во внутренней крепости

Яицкого городка, осажденной повстанцами; 23 марта бежал из крепости, служил писарем в войсковой канцелярии пугачевского атамана Н. А. Каргина, но накануне вступления в Яицкий городок карательного корпуса генерала П. Д. Мансурова бежал в заволжскую степь. В конце апреля 1774 г. Мамаев был схвачен и доставлен в Саратов, где на одном из допросов, когда его стали «сечь батоги», он, «не стерпя побой», дал показания самого фантастического свойства как о себе самом, так и о Пугачеве. Он сообщил, в частности, что будто бы с первых дней восстания он служил тайным кабинет-секретарем у Пугачева, составлял все его манифесты, указы и воззвания, через него же, Мамаева, будто бы шла переписка Пугачева с раскольниками в Москве и других местах (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 460. Л. 41—49 об.). В конце мая — начале июня 1774 г. следствие по делу Мамаева вели секретные комиссии в Казани и в Оренбурге (там же. Л. 123—129, 131—146), где он отказался от ряда прежних своих измышлений и сообщил достоверные автобиографические данные. 7 июля 1774 г. Тайная экспедиция Сената определила: сослать Мамаева на каторгу в Таганрог «в тяжкую работу вечно, где содержать его во всю жизнь в оковах».

¹⁸² Речь идет о показании И. В. Мамаева на допросе в Саратове 3 мая 1774 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 460. Л. 41—49 об.).

¹⁸³ Кожевников Петр, добрянский купец, раскольник (см. о нем выше, прим. 50).

¹⁸⁴ Показание недостоверное. Никаких обещаний Е. И. Пугачеву относительно приглашения «всякого рода староверов» к «вспоможению» ему П. Кожевников не давал (см. выше, прим. 50 и 53).

¹⁸⁵ Е. И. Пугачев, видимо, запомнил, что И. В. Мамаев в апреле-мае 1773 г. находился вместе с ним в заключении в тюремном остроге в Казани.

¹⁸⁶ Огородников Александр Иванович, казанский купец. 12 июля 1774 г., при взятии Казани войском Е. И. Пугачева, Огородников с сотнями других казанцев был выведен в повстанческий лагерь к селу Царицыну, а оттуда ушел с пугачевцами в село Сухая Река, после поражения Пугачева в битве 15 июля возвратился в Казань. В сентябре 1774 г. Огородников был привлечен к следствию по делу И. С. Аристова (см. о нем ниже, прим. 187), который вымышленно обвинил архиепископа казанского и свияжского Вениамина и его служителей в поднесении денежного подарка Пуга-

чеву. На допросе в Казанской секретной комиссии, где Огородникова «секли жестоко в кольцах плетью», он показал, что подарок Пугачеву передал будто бы дьякон С. Ф. Львов, библиотекарь Вениамина (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 468. Л. 89—90). На допросе в Тайной экспедиции Сената 3 января 1775 г. Огородников отказался от прежних своих показаний на Вениамина и Львова (там же. Л. 110—115). Определением Тайной экспедиции Сената от 27 января 1775 г. Огородников был приговорен к пожизненной солдатской службе в Лифляндской дивизии.

¹⁸⁷ Аристов Илья Степанович, костромской дворянин, с 1746 г. служил в армии, сержант. В ноябре 1773 г. Аристов бежал из полка, в начале марта 1774 г. задержан на Дону, где разглашал слухи о появлении войска Е. И. Пугачева под Казанью, находился под следствием в Донской войсковой канцелярии, а затем и в Казанской секретной комиссии. 12 июля 1774 г., при взятии Казани повстанческим войском, Аристов был освобожден из тюрьмы, доставлен в ставку Пугачева и определен в один из его полков. После переправы повстанцев на правый берег Волги Аристов, отделившись от Пугачева, поехал с семьей повстанцами к Нижнему Новгороду, по пути туда, назвавшись полковником «Петра III», поднял восстание крестьян сел Семьяны и Воротынец, а оттуда направился в приволжское село Фокино, где и был схвачен карательной командой. На допросах в Нижегородской губернской канцелярии Аристов, не выдержав жестоких истязаний, вынужден был пойти на измышления, заявив, что в ставку Пугачева под Казанью явился будто бы некий семинарист, посланный от архиепископа Вениамина, и вручил Пугачеву «вязаной кошелек з золотыми деньгами, по примечанию тысяч до трех» (Пугачевщина. Т. 2. С. 356—360). Следствие по делу Аристова, острием своим направленное против архиепископа Вениамина, пристрастно нагнетаемое неумеренным рвением генерала П. С. Потемкина, породило серию вымышленных показаний других привлеченных к дознанию лиц — купца А. Огородникова, дьякона А. Ионина, библиотекаря С. Ф. Львова. Пока шло следствие, архиепископ Вениамин был подвергнут домашнему аресту. Но в декабре 1774 г. выяснилось, что показания Аристова и других подследственных были вымышлены. Архиепископ Вениамин был полностью оправдан, и Синод, отмечая его заслуги в противопугачевской агитации, произвел его в сан митрополита. Доставленные в

Москву Аристов, Огородников, Львов и Ионин на допросах в Тайной экспедиции Сената отказались от прежних своих показаний. По определению Тайной экспедиции Сената от 27 января 1775 г. Львов и Ионин были освобождены из заключения, Огородников приговорен к пожизненной солдатской службе в Прибалтике, а Аристов наказан кнутом и сослан на пожизненные каторжные работы в Балтийский порт (ныне г. Палдиски в Эстонии), где его и предписывалось «вечно содержать скованного» кандалами.

¹⁸⁸ Речь идет о ставке Е. И. Пугачева у села Царицына под Казанью 12 июля 1774 г.

¹⁸⁹ Игумен Филарет (см. о нем прим. 56 к док. № 1) с 8 января 1774 г. содержался в тюрьме при Казанской секретной комиссии, откуда был освобожден повстанцами при взятии Казани 12 июля 1774 г., доставлен в ставку Пугачева, беседовал с ним, а несколько дней спустя скрылся.

¹⁹⁰ Щолоков (Щолохов) Василий Федорович (см. о нем выше, прим. 85).

¹⁹¹ Речь идет о показании И. С. Аристова, данном им на допросе в Нижегородской губернской канцелярии 25 июля 1774 г. (Пугачевщина. Т. 2. С. 359—360).

¹⁹² Ульянов Илья Иванович (1744 — не ранее 1775), яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике, примкнул к Е. И. Пугачеву в ноябре 1774 г. В конце этого месяца отправлен с И. Н. Зарубиным на Воскресенский завод для налаживания производства артиллерийских орудий и снарядов; некоторое время спустя Зарубин и Ульянов, получив новое задание от Пугачева, обосновались под Уфой, где взяли на себя руководство повстанческими отрядами. Ульянов был захвачен карателями 28 марта 1774 г., содержался под следствием в Казани и в Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Ульянов был бит плетью, заклеямен и сослан на пожизненные каторжные работы в Балтийский порт (ныне г. Палдиски в Эстонии).

¹⁹³ Имеется в виду Ульянов Иван Иванович, яицкий казак, один из предводителей восстания 1772 г. на Яике, походный атаман восставших; после подавления восстания содержался в следственной комиссии в Оренбурге. По приговору Военной коллегии от марта 1773 г. Ульянов был бит кнутом, заклеямен и сослан на пожизненные каторжные работы в Сибирь, на Нерчинские заводы.

¹⁹⁴ Генерал П. С. Потемкин сформулировал 12-й вопрос, опираясь на показания И. Н. Зарубина и И. И. Ульянова,

данные ими на очной ставке в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г. Зарубин показал, что «Пугачев называл Ульянова племянником, и о том Ульянов сам ему, Зарубину, сказывал». Ульянов подтвердил это и добавил, что «Пугачев действительно племянником его называл, но он [Ульянов], не смел у него спросить — с чего он его называет племянником, — а спросил у Почиталина, который ему ответствовал, что за двенадцать лет уже был некто, называющейся купцом, на Яике в бытность свою побратался с отцом Ульянова, дав ему золотой крест, и что еще тогда слух пронесся, якобы с Ульяновым побратался государь, но сей слух исчез» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 422. Л. 33, 34).

¹⁹⁵ «Чика» — уличное прозвище И. Н. Зарубина, о котором здесь и идет речь.

¹⁹⁶ «... Станичное и войсковое правительство» — имелись в виду Зимовейское станичное правление и Донская войсковая канцелярия.

¹⁹⁷ Речь идет о донских казачьих полках, перешедших на сторону Е. И. Пугачева под Царицыном 21 августа 1774 г. (см. прим. 464, 467 и 468 к док. № 1).

¹⁹⁸ Здесь говорится о сражении, происходившем 25 августа 1774 г. у Солениковой ватаги под Черным Яром, где карательный корпус полковника И. И. Михельсона разгромил войско Е. И. Пугачева (см. прим. 475 к док. № 1).

¹⁹⁹ Речь идет об именном указе Е. И. Пугачева атаману и казакам Березовской станицы и всему Донскому войску от 15 августа 1774 г., посланном на Дон с волжскими казаками Антиповской станицы Иваном Черниковым и Кирсаном Тарасовым (Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 142—144).

²⁰⁰ В день взятия войском Е. И. Пугачева города Петровска (4 августа 1774 г.) на сторону повстанцев перешла команда из 60 донских казаков (см. прим. 441 к док. № 1).

²⁰¹ Утром 6 августа 1774 г. в предместье Саратова на сторону Е. И. Пугачева перешла команда из 80 волжских казаков (см. прим. 442 к док. № 1).

²⁰² В Саратове, взятом войском Е. И. Пугачева 6 августа 1774 г., на сторону повстанцев перешло до 300 саратовских казаков, из которых был сформирован полк, участвовавший в походе с Пугачевым в низовья Волги.

²⁰³ Речь идет о частях саратовского гарнизона (артиллерийская команда, гарнизонный батальон), перешедших на сторону Е. И. Пугачева при штурме его войсками Саратова 6 августа 1774 г. (см. прим. 446 к док. № 1).

²⁰⁴ Салманов Андрей Михайлович, саратовский дворянин, ветеран Русско-шведской войны 1741—1743 гг., Семилетней войны 1756—1762 гг. В 1774 г. командир гарнизонного батальона в Саратове, 6 августа 1774 г. при штурме Саратова повстанческим войском Салманов вместе со своим батальоном перешел на сторону Е. И. Пугачева. Салманов дал присягу на верную службу «Петру III», был назначен командиром полка саратовских гарнизонных солдат, в составе войска Пугачева проделал поход в низовья Волги, захвачен в плен карателями в битве у Солениковой ватаги 25 августа 1774 г., содержался под следствием в Царицыне. По определению Тайной экспедиции Сената от февраля 1775 г. Салманов был лишен дворянского достоинства и офицерского чина и сослан на поселение в Сибирь.

²⁰⁵ Перфильев Афанасий Петрович, пугачевский полковник (см. о нем прим. 426 к док. № 1).

²⁰⁶ Речь идет о поражении войска Е. И. Пугачева в битве с карательным корпусом полковника И. И. Михельсона у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г. (см. прим. 475 к док. № 1).

²⁰⁷ Баратаев Андрей Михайлович, князь, капитан, командир артиллерийской команды в Саратове, перешел со своими солдатами к Е. И. Пугачеву при взятии его войском Саратова 6 августа 1774 г.

²⁰⁸ Капитан А. Баратаев был убит под Камышином в ночь с 13 на 14 августа 1774 г.

²⁰⁹ Утром 12 августа 1774 г., когда повстанческое войско подошло к Камышину, к Е. И. Пугачеву явился хорунжий И. Попов с 50 волжскими казаками, а также сержант И. С. Абызов с депутацией горожан, в полдень Пугачев вступил в Камышин (см. прим. 449—451 к док. № 1).

²¹⁰ Выступив 13 августа 1774 г. в поход к Царицыну, Е. И. Пугачев оставил казачью команду хорунжего И. Попова в Камышине, а 16 августа послал указ Попову с предписанием выступить с его командой из Камышина в станицу Дубовку. Два дня спустя, к Пугачеву в Дубовку прибыл Попов, но без своей команды, оставшейся в Камышине.

²¹¹ Войско Е. И. Пугачева вступило в Дубовку 17 августа 1774 г. (см. прим. 459 к док. № 1).

²¹² Персидский Иван Макарович, отставной волжский казак Дубовской станицы, старший брат войскового атамана В. М. Персидского.

²¹³ Персидский Василий Макарович, атаман Волжского

казацкого войска. Узнав о разгроме войском Е. И. Пугачева царицынского карательного корпуса в битве у реки Пролейки 16 августа 1774 г., В. М. Персидский вместе с некоторыми старшинами бежал в Царицын, поручив управление Дубовкой и казацкой командой старшине Григорию Полякову.

²¹⁴ Выступив 19 августа 1774 г. из Дубовки к Царицыну, Е. И. Пугачев взял с собой до 250 волжских казаков, составивших Дубовский полк во главе с хорунжим А. Д. Толмачевым, произведенным тогда же в полковники. Дубовский казацкий полк участвовал в боях 20—21 августа 1774 г. под Царицыном и в битве у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г.

²¹⁵ Речь идет об уходе в январе 1771 г. из России в Джунгарию 170 тысяч калмыков во главе с ханом Убаши. Свидетельство Е. И. Пугачева о посылке указа этим калмыкам не находит подтверждения в документальных источниках.

²¹⁶ Нуралы-хан, правитель Младшего казахского жуза (см. о нем прим. 166 к док. № 1). Е. И. Пугачев трижды обращался с указами к хану Нуралы, в сентябре и декабре 1773 г. и в марте 1774 г. (Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 32—35, 184—187, 204).

²¹⁷ Дусали, султан Младшего казахского жуза. Е. И. Пугачев дважды посылал свои указы султану Дусали, в октябре и декабре 1773 г. (Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 55—56, 184—186).

²¹⁸ Имеется в виду султан Саидали, находившийся в ставке Е. И. Пугачева с октября 1773 г. по март 1774 г.

²¹⁹ «... до разбития его» — речь идет о поражении войска Е. И. Пугачева в битве 22 марта 1774 г. у Татищевой крепости.

²²⁰ По свидетельствам ряда источников, султан Саидали после поражения Е. И. Пугачева в битве 22 марта 1774 г. бежал в ставку своего отца султана Дусали.

²²¹ Овчинников Андрей Афанасьевич, походный атаман яицких казаков-повстанцев (см. о нем прим. 181 к док. № 1). Овчинников был послан Е. И. Пугачевым из Яицкого городка в Гурьев 20 января 1774 г. и пять дней спустя вступил в него, взял штурмом городской кремль и, забрав здесь порох, направился в обратный путь к Яицкому городку, куда и возвратился в первых числах февраля 1774 г. (см. прим. 312 и 314 к док. № 1).

²²² Имеется в виду пугачевский атаман Гурьева городка

Евдоким Струняшев, назначенный на этот пост А. А. Овчинниковым 27 января 1774 г. Струняшев управлял Гурьевым до конца апреля 1774 г., 1 мая он капитулировал со своей командой, сдав Гурьев карательному отряду подполковника Д. И. Кандаурова. 1 ноября 1774 г. Струняшев был допрошен в Яицкой комендантской канцелярии и отправлен в Казанскую секретную комиссию, откуда вскоре освобожден без наказания. В показаниях Струняшева не имеется упоминаний об указах Е. И. Пугачева, которые надлежало отправить в Астрахань, нет никаких сведений об этих указах и в других источниках.

²²³ Об указах Е. И. Пугачева в Астрахань см. выше, прим. 222.

²²⁴ Упоминаемое здесь письмо было ответным посланием на указ, посланный Е. И. Пугачевым 9 августа 1774 г. правителю волжских калмыков Цендену-Дарже с призывом присоединиться с калмыцкой конницей к «главной армии» «Петра III» (Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 252—253).

²²⁵ «Старший князь оных калмык» — правитель волжских калмыков Ценден-Даржа.

²²⁶ Посланцы Цендена-Даржи прибыли к Е. И. Пугачеву 14 августа 1774 г. в Антиповскую станицу.

²²⁷ Пустобаев Петр Алексеевич, пугачевский сотник (см. о нем прим. 479 к док. № 1).

²²⁸ П. А. Пустобаев вместе с переводчиком Идеркеем Баймековым были отправлены Е. И. Пугачевым 14 августа 1774 г. из Антиповской станицы на левый берег Волги, в ставку Цендена-Даржи с указом, предписывавшим правителю калмыков следовать на соединение с войском «Петра III», для чего ему надлежало переправиться с луговой на нагорную сторону Волги у Камышина, где были заготовлены переправочные средства и провиант. Одновременно повстанческая Военная коллегия отправила указ М. Молчанову, атаману Николаевской слободы (на левом берегу Волги против Камышина), об ограждении жителей слободы от притеснений со стороны калмыков, идущих на соединение с войском «Петра III» (Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 140—142).

²²⁹ Ценден-Даржа с трехтысячным отрядом калмыцкой конницы пришел в ставку Е. И. Пугачева к Дубовке 19 августа 1774 г. (см. прим. 460 к док. № 1).

²³⁰ О приеме и награждении Е. И. Пугачевым Цендена-

Даржи, его старшин и рядовых калмыков см. прим. 460 к док. № 1.

²³¹ В составе войска Е. И. Пугачева калмыцкая конница участвовала в походе к Царицыну и в боях под этим городом, а 22 августа 1774 г., получив позволение Пугачева, Ценден-Даржа с большей частью калмыков возвратился в свои улусы (см. прим. 460 к док. № 1).

²³² Речь идет о поражении войска Е. И. Пугачева в битве с карательным корпусом полковника И. И. Михельсона у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г. (см. прим. 475 к док. № 1).

²³³ О переправе Е. И. Пугачева с двумя сотнями повстанцев с правого на левый берег Волги вечером 25 августа 1774 г. (подробнее см. прим. 476 и 480 к док. № 1).

²³⁴ Горлов Трофим Иванович, яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике, примкнул к Е. И. Пугачеву в сентябре 1773 г., служил в его войске хорунжим. В сентябре 1774 г. Горлов явился с повинной в Яицкий городок, находился под следствием в секретной комиссии. По определению Тайной экспедиции Сената от 14 марта 1775 г. приговорен к ссылке, отбывал это наказание на поселении в Тобольске.

²³⁵ Предложение об уходе к Каспийскому морю было подано Е. И. Пугачевым (см. прим. 482 к док. № 1).

²³⁶ «... Поворотиться к Волге» — этот совет был также подан Е. И. Пугачевым. Следуя этому плану, Пугачев повел отряд вверх по левобережью Волги и 1 сентября 1774 г. достиг Николаевской слободы, но там главари заговора, взяв командование над отрядом в свои руки, избрали путь на восток, в глубь заволжской степи, к рекам Узеньям, где 8 сентября и арестовали Пугачева, а неделю спустя доставили его в Яицкий городок и выдали властям (см. прим. 484—486 к док. № 1).

²³⁷ «... некрасовским путем» — то есть следуя примеру атамана И. И. Некрасова, который в 1708 г. увел за собой донских казаков-булавиццев за Кубань (см. прим. 67 к док. № 1).

²³⁸ Вечером 14 сентября 1774 г. только что доставленный в Яицкий городок Пугачев, беседуя с гвардии капитан-поручиком С. И. Мавриным, сказал: «Что ж до намерений... итти в Москву и далее, — тут других видов не имел, как то, естли пройдет в Петербург, — там умереть славно, имея всегда в мыслях, что царем быть не мог, а когда не

удастся того сделать, — то умереть на сражении: «Вить все-де я смерть заслужил, так похвальней быть со славою убиту!» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 489. Л. 68—70). Прошло три недели, и на заседании следственной комиссии в Симбирске 6 октября Пугачев, сломленный пристрастными допросами, психологическим нажимом следователей, истязаниями, произносит иные слова, кается в содеянном, говорит, что «утрызение сердце его никогда не покидало», что он будто бы имел «намерение пасть с чистым раскаянием пред милосердою государынею и самодержицею», и для того якобы он и звал яицких казаков в Москву, «говоря им, что естли его не примут на Москве за государя, то уже сам в руки отдастся». Далекое от истины, явно вымученные слова, как раз те, которые нужны были Потемкину и которые, несомненно, им подсказаны Пугачеву.

²³⁹ Веревкин Михаил Иванович (1732—1795), драматург, переводчик. В 1774—1775 гг. Веревкин служил в военно-походной канцелярии генерала П. И. Панина.

К ДОКУМЕНТУ № 3

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева
на допросе в Московском отделении Тайной
экспедиции Сената 4—14 ноября 1774 г.

¹ В следственном деле Е. И. Пугачева протокол его показаний на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 4—14 ноября 1774 г. сохранился в двух экземплярах: 1) Протокол, написанный рукой обер-секретаря Тайной экспедиции Сената С. И. Шешковского непосредственно в ходе допроса Пугачева (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 228—341 об., 344—356 об.), который опубликован в данном сборнике. В последующих отсылках архивный текст этого документа обозначается нами как «шешковский» экземпляр протокола. Впервые он был напечатан М. В. Жижкой и А. А. Сергеевым в журнале «Красный архив». 1935. № 69—70. С. 163—224; по неизвестным нам причинам публикаторы опустили заключительную часть текста протокола (л. 354 об. — 356 об., начиная со слов «Кананер Белобородов...»); 2) Переписанный копиистами с «шешковского» экземпляра текст протокола (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 38—91, 100—165), двумя частями отправленный из Москвы в Петербург Екатерине II при донесениях пред-

седателя следственной комиссии генерал-аншефа М. Н. Волконского от 8 и 13 ноября 1774 г. В последующих отсылках архивный текст этого документа обозначается нами как «екатерининский» экземпляр протокола. В донесении от 13 ноября Волконский сообщал, что протокол допроса был зачитан Пугачеву, который заявил, что он показал о себе и своих действиях всю «истинную, но разве что или кого забыл, а что он только вспомнит сам, или кто из сообщников его о чем покажет, то он, — как уже должен за его злодейство умирать, — все скажет и не утаит» (там же. Л. 226—227).

² Е. И. Пугачев был доставлен в Москву 4 ноября 1774 г. и заключен в тюремную камеру в здании Монетного двора у Воскресенских (Иверских) ворот Китай-города (здание сохранилось, находится во дворе дома № 1 по Историческому проезду).

³ Панин Петр Иванович, граф, генерал-аншеф, командующий карательными войсками, возглавлявший следствие над Е. И. Пугачевым в Симбирске (см. прим. 34 к док. № 1).

⁴ Галахов Александр Павлович (1739—1798), гвардии капитан. В начале августа 1774 г. Екатерина II назначила Галахова главой секретной экспедиции, посланной с А. Т. Долгополовым в Поволжье для захвата Е. И. Пугачева, которого будто бы собирались выдать его сподвижники (см. прим. 105 к док. № 2). 1 октября 1774 г. П. И. Панин назначил Галахова начальником конвоя при Пугачеве, доставленном в тот день в Симбирск. Галахов конвоировал Пугачева из Симбирска в Москву и находился при нем до 10 января 1775 г. — дня казни Емельяна Ивановича и ближайших его сподвижников.

⁵ Волконский Михаил Никитич (1716—1786), князь, сенатор, генерал-аншеф, с конца 1772 по 1786 год главнокомандующий (генерал-губернатор) в Москве. В ноябре—начале декабря 1774 г. Волконский вместе с С. И. Шешковским вел дознание над Е. И. Пугачевым и его ближайшими сподвижниками, играл ведущую роль в судебном процессе над ними.

⁶ Шешковский Степан Иванович (1727—1794), обер-секретарь Тайной экспедиции Сената, в ноябре—декабре 1774 г. вел допросы Пугачева и его сподвижников; дознания над другими пугачевцами (Салаватом Юлаевым, С. П. Толкачевым и др.) проводил и в 1775 г.

- ⁷ Подробнее об Иване Михайловиче Пугачеве см. прим. 4 к док. № 1.
- ⁸ Подробнее об Анне Михайловне Пугачевой см. прим. 39 к док. № 1.
- ⁹ Подробнее о Дементии Ивановиче Пугачеве см. прим. 5 к док. № 1.
- ¹⁰ Подробнее о Софье Дмитриевне Пугачевой см. прим. 10 к док. № 1.
- ¹¹ Денисов Илья Федорович (см. о нем прим. 12 к док. № 1).
- ¹² Пименов Роман, донской казачий есаул, земляк-станичник Е. И. Пугачева; 5 января 1775 г. вместе с атаманом и стариками Зимовейской станицы подписал приговор о переносе станицы на новое место и переименовании ее в Потемкинскую, чтобы навсегда истребить память о Пугачеве (ЦГВИА. Ф. 52. Д. 98. Ч. 1. Л. 59).
- ¹³ Е. И. Пугачев участвовал в Семилетней войне в кампаниях 1760—1762 гг.
- ¹⁴ Чернышев Захар Григорьевич, в 1760—1762 гг. командир корпуса русских войск в Пруссии (см. о нем прим. 14 к док. № 1).
- ¹⁵ Речь идет об императрице Елизавете Петровне, скончавшейся 25 декабря 1761 г.
- ¹⁶ Речь идет о договоре императора Петра III с прусским королем Фридрихом II о мире и союзе, заключенном 24 апреля (5 мая нов. ст.) 1762 г.
- ¹⁷ Петр III Федорович (1728—1762), российский император в 1761—1762 гг. (см. о нем прим. 3 к док. № 1).
- ¹⁸ См. прим. 22 к док. № 1.
- ¹⁹ Речь идет об императрице Екатерине II.
- ²⁰ Екатерина II вступила на престол после дворцового переворота 28 июня 1762 г. и низложения Петра III.
- ²¹ Петр III был убит 6 июля 1762 г. Манифестом Екатерины II было объявлено, что Петр III скончался «от преждестоких колик».
- ²² Пугачев Трофим Емельянович (см. о нем прим. 26 к док. № 1).
- ²³ Донская казачья команда есаула Е. Яковлева (где служил и Е. И. Пугачев) входила в состав корпуса генерала П. Н. Кречетникова, действовавшего в 1767—1768 гг. на Украине и в Польше.
- ²⁴ Речь идет о Русско-турецкой войне 1768—1774 гг., в которой Е. И. Пугачев участвовал в кампаниях 1769 и 1770 годов.

²⁵ Кутейников Ефим Дмитриевич (см. о нем прим. 33 к док. № 1).

²⁶ Греков Тимофей Федорович, полковник, походный атаман Донского казачьего войска.

²⁷ Речь идет о кампании 1769 г.

²⁸ Генерал-аншеф П. И. Панин (см. о нем прим. 34 к док. № 1) был назначен командующим Второй русской армией в сентябре 1769 г.

²⁹ Русские войска штурмом овладели крепостью Бендеры 16(27) сентября 1770 г.

³⁰ Речь идет о зимней квартирковке 1770/71 годов.

³¹ Фомин Трофим Федорович, атаман Зимовейской станицы в 1771—1772 гг.; он отправил Е. И. Пугачева со станичным билетом в Черкасск в июне 1771 г.

³² Пугачева Аграфена Емельяновна (см. о ней прим. 27 к док. № 1).

³³ Пугачева Христина Емельяновна (см. о ней прим. 30 к док. № 1).

³⁴ Колпаков Карп Ерофеевич, старшина и полковник, дьяк Донской войсковой канцелярии.

³⁵ Павлов Симон Никитич (см. о нем прим. 7 к док. № 1).

³⁶ Имеется в виду Павел Михайлович Татаринцев, атаман Терского семейного войска на Кавказе в 1766—1775 гг.

³⁷ Одним из этих беглецов был зимовейский казак Василий Кусачкин.

³⁸ Обстоятельства, связанные с попыткой побега его товарищей на Терек, изложены в протоколе показаний Е. И. Пугачева на допросе 16 сентября 1774 г. (см. док. № 1).

³⁹ Е. И. Пугачев бежал из колодничьей избы Зимовейского станичного правления 21 декабря 1771 г.

⁴⁰ Е. И. Пугачев действительно поехал на Терек и был там. Но в последующей части своих показаний (л. 240 об. — 242) он привел явно фантастические сведения о своих приключениях у реки Кумы и в прикумской степи. Как и в показаниях на допросе в Яицком городке, так и на допросе в Москве Пугачев обошел молчанием историю своих приключений на Терек.

⁴¹ Е. И. Пугачев бежал с гауптвахты моздокского гарнизона 13 февраля 1772 г. и, видимо, в начале марта явился в Зимовейскую станицу.

⁴² Жена Д. И. Пугачева — Настасья Никифоровна Пугачева.

⁴³ Атаман Терского семейного войска П. М. Татаринцев 12 января 1772 г. подал кизлярскому коменданту полковнику Ф. И. Паркеру именной реестр пришлых казаков, которые выразили желание записаться в Терское войско. В реестре назван проживающий в Каргалинской станице Емельян Иванов, казак Донского войска, который «желает в войске семейном быть казаком» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 624. Л. 1, 2). О том, что упоминаемый в этом реестре не кто иной, как Пугачев, удостоверяется его показаниями на допросе в Моздокской комендантской канцелярии 9 февраля 1772 г. (см. приложение I).

⁴⁴ В начале февраля 1772 г. казаки Ищерской, Наурской и Галюгаевской станиц, выходцы с Дона, избрали Е. И. Пугачева своим войсковым атаманом, поручив ему отправиться в Петербург для ходатайства в Военной коллегии о назначении новопоселенным казакам жалованья (см. приложение I).

⁴⁵ Имеется в виду старшина Макаров (Федотов) Михаил Федотович, который в марте 1772 г. конвоировал Е. И. Пугачева до Цимлянской станицы.

⁴⁶ То, что Е. И. Пугачев посулил старшине М. Ф. Макарову деньги, казалось, видимо, на режиме содержания Емельяна Ивановича, с него снята была ножная колодка.

⁴⁷ Денисов Карп Петрович (1731 г. р.), донской казачий старшина, полковник, в августе 1774 г. участвовал в боях против войска Е. И. Пугачева под Царицыном.

⁴⁸ Невозможно установить, насколько достоверно показание Е. И. Пугачева о том, что старшина К. П. Денисов дал будто бы ему 50 рублей на подкуп старшины М. Ф. Макарова.

⁴⁹ Конвой доставил Е. И. Пугачева в Цимлянскую станицу в середине марта 1772 г.

⁵⁰ Худяков Лукьян Иванович (см. о нем прим. 42 к док. № 1).

⁵¹ Л. И. Худяков утверждал, что он не вызывался брать на поруки Е. И. Пугачева и отвозить его в Черкасск (см.: Пугачевщина. Т. 2. С. 184—185).

⁵² Худяков Прокофий Лукьянович.

⁵³ Л. И. Худяков категорически отрицал показание Е. И. Пугачева о том, что будто бы он, Л. И. Худяков, велел своему сыну Прокофию отпустить Пугачева (Пугачевщина. Т. 2. С. 185).

⁵⁴ Три дня спустя, возвратившись в Цимлянскую станицу

цу, П. Л. Худяков сказал отцу, что «Пугачев от него бежал, да и лошадь, на которой он ехал, увел» (Пугачевщина. Т. 2, С. 185).

⁵⁵ Краснощеков Алексей, донской казачий старшина и полковник, в марте 1772 г. направлялся со своим полком с Дона на правобережную Украину, в состав Второй армии, для участия в летней кампании против турок в Приазовье и Крыму.

⁵⁶ Речь идет о крестьянине слободы Черниговки, раскольнике Алексее Каверине, спутнике Е. И. Пугачева по поездке в Кабанью слободу к О. И. Коровке в марте 1772 г.

⁵⁷ Царево, село на дороге от Изюма к Кременчугу.

⁵⁸ Коровка Осип Иванович (см. о нем прим. 45 к док. № 1).

⁵⁹ Хутор О. И. Коровки находился под Кабаньей слободой у местечка Сватова Лучка.

⁶⁰ Показание Е. И. Пугачева не вполне точно. В действительности, прожив у О. А. Коровки пару дней, Пугачев и А. Каверин отправились к Кременчугу, но по пути туда, добравшись до села Протопоповки, Каверин, оставив Пугачева, поехал к себе домой, в село Черниговку, а Пугачев направился далее к Кременчугу.

⁶¹ Данное показание Е. И. Пугачева подтверждается свидетельством О. И. Коровки: беседуя в 1772 г. с Пугачевым, он жаловался, что «здесь нашей братье, староверам, жить нельзя. Вот-де я за крест и бороду страдал» и около семи лет находился с сыном Антоном под следствием в Белгороде за неуплату двойной «раскольничьей» подушной подати (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 337 об.).

⁶² Речь, видимо, идет о манифесте Екатерины II от 4 декабря 1762 г. (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 16. № 11720).

⁶³ Коровка Антон Осипович (см. о нем прим. 47 к док. № 1).

⁶⁴ Показания источников о паспорте противоречивы. Пугачев на допросе 18 ноября 1774 г. показал, что паспорт написал Антон Коровка (см. док. № 9). Допрошенный в тот день О. И. Коровка утверждал, что он дал Пугачеву свой паспорт, выданный ему осенью 1771 г. в Изюмской провинциальной канцелярии (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1, Л. 339). Но разноречивым показаниям Е. И. Пугачева и О. И. Коровки противостоит свидетельство третьего источника: в рапорте Валуйской воеводской канцелярии от 10 де-

кабря 1774 г. сообщается, что О. И. Коровке и А. О. Коровке 13 мая 1772 г. был выдан паспорт сроком до 30 декабря для их поездки по торговым делам (там же. Д. 512. Ч. 3. Л. 89).

⁶⁵ Е. И. Пугачев и А. О. Коровка, отправившись из Кабаньей слободы, ехали через села Царево и Водолаги, добрались до Кременчуга, переправились там на правый берег Днепра и, следуя прямой дорогой к Елизаветградской крепости, приехали в местечко Крюково.

⁶⁶ Законодательством 1760-х годов разрешалось поселение раскольников в Елизаветградской крепости и других слободах ее округа, причем новопоселенцам представлялся ряд льгот в торговле и промысловой деятельности.

⁶⁷ А. О. Коровка, вспоминая свою поездку 1772 г. с Е. И. Пугачевым, рассказывал на следствии, что они за два или три месяца побывали в местечках Городище, Бабиче и Ветке. Коровка задержался в Ветке, а Пугачев возвратился в Россию.

⁶⁸ Климова слобода — один из центров стародубского старообрядчества.

⁶⁹ «Поп Михайла» — речь идет, видимо, об известном в Климовой слободе и других стародубских слободах «расколоучителе» Михаиле, по прозвищу Калмык (он же и Яков Климовский; мирское имя — Матвей Васильев).

⁷⁰ Старец Василий — речь идет, видимо, об одном из видных «расколоучителей» на Ветке и в стародубских слободах Василии Федорове, который пользовался большим авторитетом среди раскольников.

⁷¹ Ветка (см. прим. 50 к док. № 1).

⁷² Добрянский форпост (см. прим. 51 к док. № 1).

⁷³ Биографических данных о Семене Крылове выявить не удалось; к следствию по делу Е. И. Пугачева он не привлекался.

⁷⁴ В начале осени 1772 г. А. О. Коровка, оставив Ветку, перешел через границу и обосновался на Добрянском форпосте, где его в октябре месяце и разыскал отец О. И. Коровка.

⁷⁵ Комендантом Добрянского форпоста в 1772 г. был майор Н. Мельников.

⁷⁶ Алексей Семенов — имеется в виду беглый солдат Алексей Семенович Логачев (см. о нем прим. 54 к док. № 1).

⁷⁷ Здесь Е. И. Пугачев говорит о добрянском купце Петре Кожевникове (см. о нем прим. 50 к док. № 2). В

данном показании, как и при допросе в Симбирске (см. док. № 2), Пугачев вымышленно утверждал, будто бы они с А. С. Логачевым работали по найму у П. Кожевникова.

⁷⁸ Выходцы — беглые русские люди, в большинстве своем раскольники, вышедшие из-за польского рубежа в Россию.

⁷⁹ На допросах в Москве как А. С. Логачев, так и П. Кожевников говорили о недостоверности показания Е. И. Пугачева о том, что Логачев нашел будто бы в Пугачеве сходство с внешним обликом Петра III (см. прим. 52 к док. № 2).

⁸⁰ П. Кожевников на допросе в Москве 27 ноября 1774 г. решительно опровергал высказанные Е. И. Пугачевым на следствии в Симбирске и Москве показания о том, что Кожевников будто бы советовал ему, Пугачеву, принять титул и имя «Петра» и повести за собой яицких казаков (см. прим. 53 к док. № 1). А. С. Логачев также не подтвердил показаний Пугачева о том, что идея самозванства была подсказана Пугачеву купцом Кожевниковым (см. прим. 52 к док. № 2).

⁸¹ Показание вымышленное: А. С. Логачев ничего подобного не говорил, что признал и сам Е. И. Пугачев на допросе 18 ноября 1774 г. (см. док. № 9).

⁸² Показания Е. И. Пугачева насчет того, что П. Кожевников будто бы обещал ему денежную поддержку от себя и от своих «протчих приятелей» — недостоверны (см. прим. 53 к док. № 2).

⁸³ См. прим. 52 к док. № 2 и прим. 79 и 81 к док. № 3.

⁸⁴ Имеется в виду восстание казаков на Яике в 1772 г.

⁸⁵ Впервые Е. И. Пугачев назвал себя «Петром III» в беседе с казаком Д. С. Пьяновым в ноябре 1772 г. в Яицком городке (см. прим. 59 к док. № 2).

⁸⁶ Показание Е. И. Пугачева о том, что П. Кожевников будто бы советовал ему принять на себя титул и имя «Петра III», увести яицких казаков на Кубань — вымышленно (см. прим. 53 к док. № 2).

⁸⁷ На допросе 18 ноября 1774 г. Е. И. Пугачев уточнил, что «косоротова» купца звали Крыловым, у которого они с А. С. Логачевым строили баню (см. док. № 9). Добрянские купцы Григорий и Федор Крыловы на допросе 27 ноября 1774 г. показали, что ни одни из них не только не присутствовал на «беседе» П. Кожевникова с Пугачевым, но они

вообще не были знакомы с Пугачевым (см. прим. 54 к док. № 2).

⁸⁸ Е. И. Пугачев и А. С. Логачев выдержали в Добрянском форпосте шестинедельный карантин, продолжавшийся с 3 июля по 12 августа 1772 г.

⁸⁹ Иргиз (см. прим. 52 к док. № 1).

⁹⁰ «Два билета» — паспорта, выданные Е. И. Пугачеву и А. С. Логачеву 12 августа 1772 г. (см. прим. 53 к док. № 1).

⁹¹ Вымышленное показание: П. Кожевников никакого письма к О. И. Коровке не писал и приветов ему с Е. И. Пугачевым не передавал.

⁹² П. Кожевников на допросе 2 декабря 1774 г. признался лишь в том, что велел Е. И. Пугачеву передать поклон Филарету, живущему на Иргизе, где сам он, Кожевников, никогда не бывал (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 430—430 об.).

⁹³ Судя по пометкам, проставленным на паспорте Е. И. Пугачева, они с А. С. Логачевым, выехав из Добрянского форпоста 12 августа 1772 г., следовали в пути через следующие пункты: Новгород-Северский (24.VIII), Глухов (24.VIII), Валуйки (10.IX), Тараблянская застава (23.IX), оставляя Чернигов не в «левой стороне», а в правой.

⁹⁴ В своих показаниях Е. И. Пугачев не упомянул о том, что до приезда в Кабанью слободу он побывал с А. С. Логачевым в слободе Черниговке у А. И. Каверина (см. док. № 9).

⁹⁵ Показания Е. И. Пугачева о «письме» П. Кожевникова к О. И. Коровке и о реакции последнего на это «письмо» — недостоверны (см. выше, прим. 91).

⁹⁶ Показание Е. И. Пугачева о содействии ему А. С. Логачева в самозванстве — недостоверно (см. прим. 52 к док. № 2 и прим. 79 и 81 к док. № 3).

⁹⁷ Долотин Иван Астафьевич (см. о нем прим. 72 к док. № 2).

⁹⁸ Все показание Е. И. Пугачева относительно разговоров, происходивших в Кабаньей слободе между ним, И. А. Долотиным, А. С. Логачевым и О. И. Коровкой, является вымыслом: Долотин и Логачев не знали друг друга, не были знакомы с Коровкой и никогда не бывали в Кабаньей слободе.

⁹⁹ Показание вымышленное. На допросе 18 ноября 1774 г. О. И. Коровка показал, что при отъезде Е. И. Пугачева из Кабаньей слободы в Малыковку он, Коровка, дал всего

лишь пять рублей (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 340). Это подтвердил и Пугачев на очной ставке с Коровкой и на допросе 18 ноября 1774 г. (см. док. № 9).

¹⁰⁰ Е. И. Пугачев и А. Каверин уехали из Кабаньей слободы в начале октября 1772 г.

¹⁰¹ Переправившись на левый берег Дона, Е. И. Пугачев и А. С. Логачев направились вдоль реки Медведицы на северо-восток, к Волге, первой станицей на их пути была Глазуновская, а последней — Островская.

¹⁰² Кузнецов Андрей Федорович (см. о нем прим. 7 к док. № 2).

¹⁰³ Е. И. Пугачев и А. С. Логачев приехали в хутор А. Ф. Кузнецова в октябре 1772 г.

¹⁰⁴ А. Ф. Кузнецов на допросе 2 декабря 1774 г. показал, что Е. И. Пугачев ничего не говорил о намерении назваться «Петром III» и увести яицких казаков на Кубань, а также и о том, что ему оказали денежную поддержку О. И. Коровка и И. А. Долотин (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 418—420 об.; см. также прим. 8 к док. № 2).

¹⁰⁵ На допросе 2 декабря 1774 г. А. Ф. Кузнецов показал, что никаких денег он Е. И. Пугачеву не давал, а дал ему харчей на дорогу да обменял уставшую лошадь на свежую (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 420—420 об.). Аналогичное показание дал и Пугачев да допросе 18 ноября 1774 г. (см. док. № 9).

¹⁰⁶ Вершинин Степан Никитич (см. о нем прим. 74 к док. № 2).

¹⁰⁷ Показание вымышленное: ни А. Ф. Кузнецов не говорил о готовности уйти на Кубань, ни С. Н. Вершинин ничего не знал о таких планах (см. прим. 7, 8 и 74 к док. № 2).

¹⁰⁸ Малыковка — слобода (с 1780 г. — город Вольск). Е. И. Пугачев и А. С. Логачев приехали в Малыковку в конце октября 1772 г.

¹⁰⁹ Управитель Малыковской дворцовой волости Алексей Степанович Позняков (см. о нем прим. 55 к док. № 1).

¹¹⁰ Речь идет о паспортах, выданных Е. И. Пугачеву и А. С. Логачеву 12 августа 1772 г. (см. прим. 53 к док. № 1).

¹¹¹ Все раскольники-новопоселенцы должны были — по установленному порядку — записать свои паспорта в особой регистрационной книге Симбирской провинциальной канцелярии.

¹¹² Мечетная слобода (ныне город Пугачев в Саратовской области).

¹¹³ В действительности Е. И. Пугачев поехал в Мечетную слободу вместе с А. С. Логачевым, где они пробыли трое суток.

¹¹⁴ Филарет Семенов, игумен Введенского (Филаретова) скита под Мечетной слободой (см. о нем прим. 56 к док. № 1).

¹¹⁵ Речь идет об А. С. Логачеве, который в действительности никогда в гвардии не служил.

¹¹⁶ Показание вымышленное: А. С. Логачев никогда и никому не говорил, что Е. И. Пугачев похож на Петра III (см. прим. 52 к док. № 2).

¹¹⁷ Показание вымышленное: ни П. Кожевников, ни О. И. Коровка не давали Е. И. Пугачеву советов назвать себя «Петром III» и увести яицких казаков на Кубань, не обещали они ему и денежной поддержки (см. прим. 53 к док. № 2, а также прим. 80 и 95 к док. № 3).

¹¹⁸ Филарет, давая показания на допросе в Казанской секретной комиссии 8 февраля 1774 г., не распространялся на эту тему, сообщив лишь, что Пугачев сказал ему о себе, что он вышел из-за польского рубежа и, будучи раскольниковом, хотел бы поселиться в здешнем ските. На том же допросе Филарет, подчеркивая свою лояльность, рассказал, что он участвовал в аресте Пугачева в Малыковке 18 декабря 1772 г., пытался с монахами своего скита снова арестовать Пугачева при появлении его в Мечетной слободе 27 августа 1773 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 26—28 об.; Пугачевщина. Т. 3. С. 21).

¹¹⁹ Неточность. В действительности А. С. Логачев был в то время с Е. И. Пугачевым в Мечетной слободе, откуда они три дня спустя возвратились в Малыковку, взяв с собою Филарета.

¹²⁰ Терса — село на правом берегу Волги вблизи Малыковки.

¹²¹ Щолоков (Щелоков) Василий Федорович (см. о нем прим. 85 к док. № 2).

¹²² При отъезде из Малыковки в Мечетную слободу Е. И. Пугачев расстался с А. С. Логачевым.

¹²³ Косов Степан Васильевич (см. о нем прим. 57 к док. № 1).

¹²⁴ Показание Е. И. Пугачева о деньгах, оставленных им на сохранение у Филарета, — явный вымысел (см. прим. 36, 62, 70, 71, 72 и 73 к док. № 2).

¹²⁵ Филиппов (Сытников) Семен Филиппович (см. о нем прим. 58 к док. № 1).

¹²⁶ Е. И. Пугачев и С. Филиппов выехали из Мечетной слободы на другой день после Филиппова заговенья, т. е. 15 ноября 1772 г.

¹²⁷ В основном так же передал С. Филиппов содержание разговоров, происходивших у него с Е. И. Пугачевым во время поездки в Яицкий городок (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 450—451).

¹²⁸ Е. И. Пугачев и С. Филиппов приехали в Яицкий городок 22 ноября 1772 г. На допросах в Яицком городке, в Симбирске, а также и на первом допросе в Москве Е. И. Пугачев умолчал о том, что по пути из Мечетной слободы в Яицкий городок он останавливался в Таловом умете, где с содержателем этого умета С. М. Оболяевым и яицкими казаками Г. М. и Е. М. Закладновыми вел разговоры о положении яицкого казачества, притесняемого властями и старшинами, и о возможности увода казаков на Кубань. Такого же содержания разговоры с теми же людьми вел Пугачев в Таловом умете и по возвращении из Яицкого городка в начале декабря 1772 г., но на этот раз речь шла уже о практическом осуществлении предприятия.

¹²⁹ Пьянов Денис Степанович (подробнее см. прим. 59 к док. № 1).

¹³⁰ Сходные свидетельства о содержании разговоров Е. И. Пугачева с Д. С. Пьяновым приведены в показаниях Пьянова и С. Филиппова (Пугачевщина. Т. 2. С. 116; ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 453).

¹³¹ Д. С. Пьянов был первым из яицких казаков, которому Е. И. Пугачев объявил себя «Петром III» еще в ноябре 1772 г. «Официально» же признали его «Петром III» лидеры яицкого казачества в конце августа 1773 г. в Таловом умете под Яицким городком.

¹³² Речь идет о дворцовом перевороте 28 июня 1762 г., в результате которого был низложен Петр III.

¹³³ «... капитан Маслов» (см. прим. 132 к док. № 1).

¹³⁴ Многократно рассказываемая Е. И. Пугачевым в 1773—1774 гг. фантастическая легенда о чудесном спасении и последующих странствованиях «Петра III» за рубежом и в России.

¹³⁵ Черепанов, отставной яицкий казак.

¹³⁶ Коновалов Семен Афанасьевич (см. о нем прим. 146 к док. № 1).

¹³⁷ Антипов Антип, отставной яицкий казак.

¹³⁸ Д. С. Пьянов говорил на следствии, что он ни с кем из казаков о поручении Е. И. Пугачева не говорил (Пугачевщина. Т. 2. С. 116).

¹³⁹ Примерно то же о деньгах, обещанных Е. И. Пугачевым яицким казакам за переход с Яика на Кубань, говорил на следствии и Д. С. Пьянов (Пугачевщина. Т. 2. С. 116).

¹⁴⁰ См. выше, прим. 138.

¹⁴¹ О намерении Е. И. Пугачева снова приехать в Яицкий городок после праздника Рождества (25 декабря) 1772 г. для советов с казаками и подготовки к уходу их на Кубань говорили в следственных показаниях Г. М. Закладнов и С. М. Оболяев (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 64—66, 227—229 об., 234—236).

¹⁴² Речь идет об А. С. Логачеве (Семенове).

¹⁴³ А. С. Логачев на допросе 13 декабря 1774 г. показал, что в путешествии из Добрянского форпоста Е. И. Пугачев рассказывал в слободе Черниговке А. И. Каверину, а в донских станицах казакам А. Ф. Кузнецову и С. Н. Вершинину, будто бы он — богатый купец, проводивший крупные торговые операции в Турции, Египте и Польше и оставивший там множество денег и товаров (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 3. Л. 70—71).

¹⁴⁴ Речь идет о добрянском купце П. Кожевникове (см. о нем прим. 50 к док. № 2).

¹⁴⁵ Е. И. Пугачев и С. Филиппов пробыли в Яицком городке с 22 по 28 ноября 1772 г.

¹⁴⁶ Е. И. Пугачев умолчал при допросе о том, что на пути из Яицкого городка в Мечетную слободу он останавливался в Таловом умете, где говорил с С. М. Оболяевым и братьями Г. М. и Е. М. Закладновыми о предстоящем своем возвращении туда, чтобы решить дело с уводом казаков на Кубань (см. выше, прим. 128 к данному документу).

¹⁴⁷ Следовательно, Пугачев приехал в Мечетную слободу в начале декабря 1772 г., опередив на несколько дней С. Филиппова.

¹⁴⁸ Речь идет об А. С. Логачеве (Семенове).

¹⁴⁹ Малыковский крестьянин Ф. Бердников нанял за 170 рублей А. С. Логачева в рекруты за крестьян Мечетной слободы; с декабря 1772 г. Логачев служил солдатом в гарнизонном батальоне в Симбирске.

¹⁵⁰ Е. И. Пугачев приехал в Малыковку 15 декабря 1772 г.

¹⁵¹ Е. И. Пугачев был арестован 18 декабря 1772 г. и в тот же день был допрошен в Малыковской управительской канцелярии. В аресте Пугачева участвовали выборный М. Федоров, земский Т. Герасимов, сотник С. Протопопов, игумен Филарет и группа крестьян-рассыльщиков, дежуривших в тот день в управительской канцелярии.

¹⁵² «Управитель» — Алексей Степанович Позняков (см. о нем прим. 55 к док. № 1).

¹⁵³ Речь идет о доносе С. Филиппова, включенном в рапорт смотрителя И. В. Расторгуева в Малыковскую управительскую канцелярию от 17 декабря 1772 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 413. Л. 1—1 об.).

¹⁵⁴ Речь идет об атамане И. И. Некрасове, который в 1708 г. увел донских казаков-булавиинцев на Кубань.

¹⁵⁵ См. протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Малыковской управительской канцелярии 18 декабря 1774 г. (Приложение II).

¹⁵⁶ На самом деле Е. И. Пугачев был отправлен из Малыковки в Симбирск 19 декабря 1772 г. (на другие сутки после его допроса, а не на четвертый день, как утверждал Пугачев).

¹⁵⁷ Попов Василий Иванович (см. о нем прим. 62 к док. № 2).

¹⁵⁸ Второй «розсыльщик» — Василий Шмоткин, малыковский крестьянин.

¹⁵⁹ Показание вымышленное: никаких денег Е. И. Пугачев на сохранение игумену Филарету не давал (см. прим. 62 и 70 к док. № 2).

¹⁶⁰ Конвой с Е. И. Пугачевым следовал из Малыковки в Симбирск правым берегом Волги через села Терса, Широкий Буерак, Алексеевка, Сосница (ныне г. Хвалынский), село Паншино, город Сызрань, села Новодевичье, Елаур и Сенгилей, затратив на 300 верст пути 9 дней.

¹⁶¹ Конвой доставил Е. И. Пугачева в Симбирск 28 декабря 1772 г.

¹⁶² О разговорах, которые вел Е. И. Пугачев с В. И. Поповым в пути из Малыковки в Симбирск и в самом этом городе, см. протокол показаний Пугачева на допросе 28 ноября 1774 г. (док. № 11).

¹⁶³ «Подьячий» — речь идет, видимо, о канцеляристе Симбирской провинциальной канцелярии Евграфе Баженове (см. прим. 75 к док. № 2).

¹⁶⁴ Воевода Симбирской провинции коллежский советник Николай Васильевич Панов.

¹⁶⁵ Секретарь Симбирской провинциальной канцелярии Петр Зайцев (см. прим. 78 к док. № 2).

¹⁶⁶ Дознание над Е. И. Пугачевым в Симбирской провинциальной канцелярии не проводилось (см. прим. 72 к док. № 1).

¹⁶⁷ Е. И. Пугачев ошибается в указании даты его отправления из Симбирска в Казань («на другой день после Крещения 773 году» — т. е. 7 января 1773 г.). В действительности он был отправлен из Симбирска 31 декабря 1772 г.

¹⁶⁸ Е. И. Пугачев был доставлен в Казань 4 января 1773 г.

¹⁶⁹ Е. И. Пугачев содержался в колодничьей палате, так называемой «черной» тюрьме, при Казанской губернской канцелярии с 4 января по 27 марта 1773 г. (см. прим. 99 к док. № 1).

¹⁷⁰ Здесь Е. И. Пугачев ошибся в датировке события — он был представлен губернатору Я. Л. Бранту не «через четыре» дня после привоза в Казань, а на другой день, т. е. 5 января 1773 г.

¹⁷¹ Губернатор Казанской губернии генерал-поручик Яков Ларионович Брант (см. о нем прим. 88 к док. № 2).

¹⁷² 5 января 1773 г. губернатор Я. Л. Брант и секретарь губернской канцелярии А. П. Аврамов, рассмотрев присланные в Казань документы по делу Е. И. Пугачева, вынесли резолюцию: допросить Пугачева, и «что покажет — доложить». Сам же допрос был проведен 7 января 1773 г.

¹⁷³ В данном случае Е. И. Пугачев ошибается в датировке события. В действительности он был допрошен в Казанской губернской канцелярии 7 января 1773 г. (см. приложение III), т. е. два дня спустя после его представления губернатору (см. выше, прим. 172), а не «черес четыре дни», как утверждал Пугачев.

¹⁷⁴ Секретарь Казанской губернской канцелярии Андрей Пантелеевич Аврамов (см. о нем прим. 74 к док. № 1).

¹⁷⁵ Речь идет о рапорте Малыковской управительской канцелярии в Симбирскую провинциальную канцелярию от 19 декабря 1772 г., где было изложено содержание доноса С. Филиппова на Е. И. Пугачева (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 197—197 об.).

¹⁷⁶ Допрос Е. И. Пугачева, производившийся 7 января 1773 г. в Казанской губернской канцелярии секретарем

А. П. Аврамовым, был оформлен протоколом (см. приложение III).

¹⁷⁷ Щолоков Василий Федорович (см. о нем прим. 85 к док. № 2).

¹⁷⁸ См. данный документ. Л. 256—256 об.

¹⁷⁹ В основном так же изложил В. Ф. Щолоков содержание своей первой беседы с Е. И. Пугачевым, происходившей в тюрьме при Казанской губернской канцелярии в марте 1773 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 216—216 об.)

¹⁸⁰ Упоминаемая здесь встреча Е. И. Пугачева с секретарем Казанской губернской канцелярии А. П. Аврамовым происходила в середине марта 1773 г. (см. прим. 96 к док. № 2).

¹⁸¹ В. Ф. Щолоков в марте 1773 г. обращался к А. П. Аврамову с просьбой об освобождении Е. И. Пугачева, но при этом не давал и не обещал денежной взятки (см. прим. 91 к док. № 2).

¹⁸² Об обстоятельствах, связанных со смягчением режима тюремного содержания Е. И. Пугачева (снятие ручных кандалов, замена тяжелых ножных кандалов на «легиньки»), см. прим. 76 к док. № 1.

¹⁸³ Е. И. Пугачев был переведен из «черной» тюрьмы при Казанской губернской канцелярии на общий тюремный двор 27 марта 1773 г. (см. прим. 99 к док. № 2).

¹⁸⁴ Замшев Федор (см. о нем прим. 93 к док. № 2).

¹⁸⁵ «Хлебников» — в действительности это был Седухин Иван Иванович (см. о нем прим. 92 к док. № 2).

¹⁸⁶ В основном так же изложил И. И. Седухин содержание своей беседы с Е. И. Пугачевым (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 210 об.).

¹⁸⁷ Так же изложил И. И. Седухин содержание своей беседы с Е. И. Пугачевым, происходившей на одной из улиц Казани в начале апреля 1773 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 211).

¹⁸⁸ Бичегов Иван Никитич (см. о нем прим. 94 к док. № 2).

¹⁸⁹ О содержании письма Е. И. Пугачева к Филарету от апреля 1773 г. см. протокол симбирского допроса Пугачева (док. № 2). Письмо это И. И. Седухин передал Филарету осенью 1773 г. (см. прим. 92 к док. № 2).

¹⁹⁰ В основном так же изложил И. И. Седухин содержание своей беседы с Е. И. Пугачевым, происходившей в доме

у него в Казани в начале апреля 1773 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 211—212).

¹⁹¹ В. Ф. Щолоков обманывал Е. И. Пугачева, когда говорил ему, что он, Щолоков, будто бы обращался к губернатору Я. Л. Бранту с просьбой об освобождении Пугачева.

¹⁹² В. Ф. Щолоков показал на следствии, что денежной взятки (20 рублей) он секретарю А. П. Аврамову не давал и не обещал (см. прим. 91 к док. № 2).

¹⁹³ В основном так же изложил В. Ф. Щолоков содержание своих бесед с Е. И. Пугачевым, происходивших в казанском тюремном дворе в апреле 1773 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 216 об.—217).

¹⁹⁴ Дружинин Парфен Петрович (см. о нем прим. 78 к док. № 1).

¹⁹⁵ О работе колодников казанского острога на Арском поле см. прим. 77 к док. № 1.

¹⁹⁶ Аналогично изложил П. П. Дружинин содержание своих разговоров с Е. И. Пугачевым, происходивших в апреле—начале мая 1773 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 270 об.—271).

¹⁹⁷ Так же изложил П. П. Дружинин разговор с Е. И. Пугачевым о возможности побега из Казани на заранее купленной лошади (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 271 об.—272).

¹⁹⁸ Солдат «из малороссиан» — Мищенко Григорий Алексеевич (см. о нем прим. 79 к док. № 1).

¹⁹⁹ То же рассказал на допросе П. П. Дружинин о разговоре Е. И. Пугачева с солдатом Г. А. Мищенковым относительно совместного побега из Казани (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 273—273 об.).

²⁰⁰ «Знакомый поп» — Иван Ефимов (см. о нем прим. 82 к док. № 1).

²⁰¹ Дружинин Филимон Парфенович (см. о нем прим. 81 к док. № 1).

²⁰² Речь идет о Пятницкой церкви.

²⁰³ Е. И. Пугачев, П. П. Дружинин и Г. А. Мищенко бежали из Казани 29 мая 1773 г.

²⁰⁴ «Караульный офицер» — Александр Васильевич Зыков (см. о нем прим. 84 к док. № 1).

²⁰⁵ «...Другой им не знакомой» солдат — Денис Григорьевич Рыбаков (см. о нем прим. 86 к док. № 1).

²⁰⁶ Аналогично осветил события первой половины дня 29 мая 1773 г. и П. П. Дружинин (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 273 об.—274).

²⁰⁷ П. П. Дружинин и И. Ефимов были не только знакомы, но и находились в свойстве (были женаты на двоюродных сестрах).

²⁰⁸ Так же рассказал об этих событиях и П. П. Дружинин (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 275—275 об.).

²⁰⁹ Солдат Д. Г. Рыбаков был оставлен Е. И. Пугачевым и его спутниками у Арского поля под Казанью.

²¹⁰ Солдат Д. Г. Рыбаков, явившись вечером 29 мая 1773 г. из Царицына в Казань, утверждал, что бежавший с Е. И. Пугачевым и П. П. Дружининым солдат Г. А. Мищенко не только сорвал с него, Рыбакова, шляпу и шпагу, но будто бы и «бил его смертельно».

²¹¹ Речь идет о татарской деревне Кирша под пригородом Алатом.

²¹² В деревне Кирша жила жена П. П. Дружинина — Домна Степановна с малолетними детьми: дочерью Маврой и сыном Максимом.

²¹³ Речь идет о пригороде Алат, через который Е. И. Пугачев и его спутники проехали в ночь с 30 на 31 мая 1773 г.

²¹⁴ В пригороде Алат жили не две, а четыре дочери П. П. Дружинина: Екатерина, Акулина, Василиса и Авдотья.

²¹⁵ Из пригорода Алат Е. И. Пугачев и его спутники направились на юго-восток к Куровскому перевозу через Вятку.

²¹⁶ Так же описан маршрут путешествия и в показаниях П. П. Дружинина (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 276—277).

²¹⁷ Кандалинцев Алексей, спутник Е. И. Пугачева в поездке к Яицкому городку (см. прим. 99 к док. № 1).

²¹⁸ В селе Сарсасы Е. И. Пугачев прожил у А. Кандалинцева примерно со второй половины июня до середины июля 1773 г.

²¹⁹ О последующих скитаниях П. П. Дружинина с семьей см. прим. 78 и 100 к док. № 1.

²²⁰ О последующих скитаниях беглого солдата Г. А. Мищенко см. прим. 79 к док. № 1.

²²¹ Из села Сарсасы Е. И. Пугачев и А. Кандалинцев направились на юг и, следуя через Заинск, Бугульму, Бугуруслан и Бузулук, приехали к Яицкому городку в конце июля 1773 г.

²²² Более подробно осветил Е. И. Пугачев этот эпизод в показаниях на допросе в Яицком городке (см. док. № 1).

²²³ Речь идет о Таловом уме под Яицким городком

(см. прим. 103 к док. № 1), куда Е. И. Пугачев приехал в начале августа 1773 г.

²²⁴ «Еремина Курица» — прозвище Степана Максимовича Оболяева (см. о нем прим. 104 к док. № 1).

²²⁵ Пьянов Денис Степанович (см. о нем прим. 59 к док. № 1).

²²⁶ В январе 1773 г., когда до Яицкого городка дошла весть об аресте Е. И. Пугачева в Малыковке и о розыске в связи с этим делом Д. С. Пьянова, он, Пьянов, бежал из дома и до декабря 1773 г. скрывался в казачьих хуторах и в скитах у раскольников в приицкой степи.

²²⁷ Е. И. Пугачев объявил себя «Петром Третьим» в ноябре 1772 г., сказав об этом одному лишь Д. С. Пьянову (см. прим. 48 к док. № 2).

²²⁸ В основном так же изложил С. М. Оболяев в своих показаниях разговор с Е. И. Пугачевым о «государских знаках» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 42—43 об.).

²²⁹ Закладнов Григорий Михайлович (см. о нем прим. 113 к док. № 1).

²³⁰ Г. М. Закладнов приехал к Е. И. Пугачеву 21 августа 1773 г.

²³¹ Караваяев Денис Константинович (см. о нем прим. 114 к док. № 1).

²³² Примерно так же осветил эту сцену Г. М. Закладнов (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 67—68; Д. 512. Ч. 1. Л. 236 об.—237 об.).

²³³ Д. К. Караваяев вместе с С. Кунишниковым приехал в Таловый умет к Е. И. Пугачеву 24 августа 1773 г.

²³⁴ В данном показании Е. И. Пугачев сжато резюмировал содержание своего разговора с Д. К. Караваяевым. Более обстоятельны в этом отношении показания Караваяева, в которых красочно и живо воспроизведена колоритная речь Пугачева, передана с мельчайшими подробностями сама обстановка встречи (ЦГАДА. Ф. 349. Д. 7330. Л. 7—10).

²³⁵ Верхний монастырь — речь идет об Исаакиевском ските, находившемся в четырех верстах от Мечетной слободы.

²³⁶ Кум Е. И. Пугачева — Степан Васильевич Косов (см. о нем прим. 57 к док. № 1).

²³⁷ Е. И. Пугачев и С. М. Оболяев выехали из Талового умета 26 августа 1773 г., заночевали в пути у реки Камелик, а к вечеру 27 августа добрались до монастырей у Мечетной слободы.

²³⁸ С. М. Оболяев на допросе показал, что, заехав в Исаакиев скит, он не нашел там писарей и, не сдержавшись, «открылся» некоему незнакомому старцу, что писари эти нужны для «государя Петра Федоровича» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 53 об.—54).

²³⁹ Речь идет об аресте Е. И. Пугачева в Малыковке 18 декабря 1772 г.

²⁴⁰ Об участии С. В. Косова в аресте С. М. Оболяева и в попытке задержания Е. И. Пугачева см. прим. 123 к док. № 1.

²⁴¹ Речь идет о старообрядческом Пахомиевом ските, находившемся в двух верстах от Мечетной слободы.

²⁴² Пахомий, игумен Пахомиева скита (см. о нем прим. 122 к док. № 1).

²⁴³ События, связанные с поездкой Е. И. Пугачева и С. М. Оболяева в Мечетную слободу и с их пребыванием в Исаакиевом и Пахомиевом скитах, обстоятельно освещены в протоколах показаний Оболяева (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 52—57 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 232—233).

²⁴⁴ Д. К. Караваяев и М. Г. Шигаев приехали в Таловый умет к Е. И. Пугачеву 29 августа 1773 г.

²⁴⁵ Шигаев Максим Григорьевич (см. о нем прим. 126 к док. № 1).

²⁴⁶ Зарубин Иван Никифорович (см. о нем прим. 127 к док. № 1).

²⁴⁷ Мясников Тимофей Григорьевич (см. о нем прим. 128 к док. № 1).

²⁴⁸ О «царских знаках» Е. И. Пугачева см. прим. 129, 130 и 131 к док. № 1.

²⁴⁹ О разговорах, происходивших у Е. И. Пугачева с яицкими казаками при встрече у Талового умета 29 августа 1773 г., сходно, но более обстоятельно рассказали на следствии участники этой встречи И. Н. Зарубин, Д. К. Караваяев, Т. Г. Мясников и М. Г. Шигаев.

²⁵⁰ Речь идет о Казачьем умете под Яицким городком.

²⁵¹ И. Н. Зарубин и Т. Г. Мясников повезли Е. И. Пугачева в хутор братьев Кожевниковых, куда они и приехали вечером 31 августа 1773 г.

²⁵² Кожевников Андрей Алексеевич (см. о нем прим. 139 к док. № 1).

²⁵³ Т. Г. Мясников говорил на допросе, что он был послан в Яицкий городок с поручением склонить казаков на сторону «Петра III» (Вопросы истории. 1980. № 4. С. 99).

²⁵⁴ Приехав в Яицкий городок, И. Н. Зарубин в беседе с Д. К. Караваяевым завел речь об истинном происхождении человека, выдававшего себя за «Петра III». Караваяев взял клятву с Зарубина о неразглашении того, что «Петр III» не кто иной, как донской казак Е. И. Пугачев (Пугачевщина. Т. 2. С. 130).

²⁵⁵ «... Это знамя было в походе» — речь идет о походе яицких казаков-повстанцев против корпуса генерала Ф. Ю. Фреймана в конце мая — начале июня 1772 г. (см. прим. 63 и 64 к док. № 1).

²⁵⁶ Е. И. Пугачев жил на хуторе братьев Кожевниковых с 31 августа по 8 сентября 1773 г.

²⁵⁷ Аналогичные данные содержатся в протоколе следственных показаний А. А. Кожевникова (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 375 об.).

²⁵⁸ Коновалов Василий Семенович (см. о нем прим. 146 к док. № 1). Е. И. Пугачев и И. Н. Зарубин приехали в хутор к Коновалову вечером 9 сентября 1773 г. Пугачев поехал на Усиху, взяв с собой Коновалова, Зарубина, братьев Кожевниковых и еще двух казаков.

²⁵⁹ «Михайла» — речь идет о Михаиле Алексеевиче Кожевникове (см. о нем прим. 137 к док. № 1).

²⁶⁰ Кожевников Сидор Васильевич, яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике, примкнул к Е. И. Пугачеву в начале сентября 1773 г., служил в его войске. В середине сентября 1774 г. в числе других повстанцев Кожевников явился с повинной в Яицкий городок, где был допрошен в секретной комиссии (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 304—304 об., 345—346). Находился в заключении в Яицком городке, а затем в Оренбурге, освобожден по определению Тайной экспедиции Сената от 14 марта 1775 г.

²⁶¹ О посылке из Яицкого городка в начале сентября 1773 г. розыскных команд для ареста Е. И. Пугачева и его сторонников см. прим. 144 к док. № 1.

²⁶² Речь, видимо, идет о Я. Ф. Почиталине и В. Я. Плотникове, принимавших деятельное участие в подготовке восстания.

²⁶³ Об осенней плавне 1773 г. см. прим. 147 к док. № 1.

²⁶⁴ Лысов Дмитрий Сергеевич (см. о нем прим. 151 к док. № 1).

²⁶⁵ «Козьма Иванов» — Кузьма Иванович Фофанов (см. о нем прим. 152 к док. № 1).

²⁶⁶ Эти «семь старых знамен казацких» были из числа

тех, с которыми казаки выходили против неприятеля в дни восстания на Яике в 1772 г. (см. прим. 143 к док. № 1).

²⁶⁷ Почиталин Иван Яковлевич (см. о нем прим. 155 к док. № 1).

²⁶⁸ «Василей Якимов» — имеется в виду Плотников (Якимов) Василий Якимович (1734—1775), отставной казак, участник восстания 1772 г. на Яике. В конце августа — начале сентября 1773 г. Плотников вместе с Я. Ф. Почиталиным, Т. Г. Мясниковым, Д. К. Караваевым активно участвовал в подготовке Пугачевского восстания; 16 сентября он вместе с И. Я. Почиталиным приехал на стан Е. И. Пугачева у речки Усиха. На другой день Пугачев, узнав о посланной за ним розыскной команде, уехал с находившимися у него казаками к Бударинскому форпосту, а Плотников, не имевший лошади, остался на Усихе, где и был арестован командой сержанта И. Долгополова, доставлен в Яицкий городок, содържался под следствием в Яицком городке, в Оренбурге и в Москве. Сенат определением от 10 января 1775 г. приговорил: высечь Плотникова кнутом, заклеить и, вырвав ноздри, сослать на каторгу. По пути к месту каторги, в Балтийский порт (ныне г. Палдиски в Эстонии), Плотников умер в Ревеле 28 января 1775 г.

²⁶⁹ И. Я. Почиталин отказывался от должности секретаря, ссылаясь на свою неопытность, но Е. И. Пугачев уговорил его.

²⁷⁰ «Идарка» — Идеркей Баймеков (см. о нем прим. 156 к док. № 1).

²⁷¹ «Баранга» — имеется в виду Барын Мустаев (1725—1773), татарин, десятник яицких казаков, участник восстания 1772 г. на Яике, примкнул к Е. И. Пугачеву в середине сентября 1773 г., позднее участвовал во взятии яицких крепостей и в осаде Оренбурга, где в одном из боев был тяжело ранен и вскоре умер.

²⁷² «... меньшей Кожевников» — речь идет о Степане Алексеевиче Кожевникове (см. о нем прим. 140 к док. № 1). Кожевников приехал на стан к Е. И. Пугачеву на Усиху 16 сентября 1773 г.

²⁷³ Речь идет о казаке Петре Кочурове, который, будучи арестован, на допросе в Яицкой комендантской канцелярии показал, что «на Усихе находится теперь какой-то самозванец, называющийся государем».

²⁷⁴ Розыскная команда во главе с поручиком И. Иглиным и старшиной М. М. Бородиным прибыла на речку

Усиху 17 сентября 1773 г. Е. И. Пугачев и до 20 верных ему казаков, заранее предупрежденных С. А. Кожевниковым, уехали с Усихи к Бударинскому форпосту 16 сентября.

²⁷⁵ М. А. Кожевников был арестован 16 сентября 1773 г. прибывшей в его хутор из Яицкого городка командой сотника Якова Витошнова.

²⁷⁶ Хутор братьев Толкачевых находился вблизи Бударинского форпоста, в 88 верстах от Яицкого городка.

²⁷⁷ Об аресте В. Я. Плотникова см. выше, прим. 268 и 274.

²⁷⁸ Толкачев Андрей Прокофьевич (1745—1774), яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике. Примкнул к Е. И. Пугачеву во второй половине сентября 1773 г., служил в его войске хорунжим, погиб в 1774 г.

²⁷⁹ Е. И. Пугачев приехал со своим отрядом в хутор Толкачевых в ночь с 16 на 17 сентября 1773 г.

²⁸⁰ Речь идет об именном указе Е. И. Пугачева к яицким казакам, составленном И. Я. Почиталиным 16 сентября 1773 и обнародованном 17 сентября на Бударинском хуторе братьев Толкачевых (Документы ставки. Док. № 1).

²⁸¹ По словам И. Я. Почиталина, он неоднократно просил Е. И. Пугачева, чтобы тот «подписывал указы сам», но Пугачев, не знавший грамоты, отказывался от этого.

²⁸² Аналогичные сведения привел в своих показаниях и П. П. Толкачев, сообщив, что на хутор к Е. И. Пугачеву к полудню 17 сентября 1773 г. собралось около 40 яицких казаков и калмыков (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 269 об.).

²⁸³ Давилин Еким Васильевич (см. о нем прим. 162 к док. № 1).

²⁸⁴ Биографических данных о Степане Шолохове установить не удалось.

²⁸⁵ Свидетельства, подтверждающие и дополняющие рассказ Е. И. Пугачева, привел в своих показаниях П. П. Толкачев (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 269 об.—270).

²⁸⁶ Речь идет о 17 сентября 1773 г., когда Е. И. Пугачев выступил со своим отрядом в поход к Яицкому городку.

²⁸⁷ «Марали-хан» — речь идет о правителе Младшего казахского жуза хане Нуралы (см. о нем прим. 166 к док. № 1).

²⁸⁸ «Болтай» — Балтай Идеркеев (см. о нем прим. 167 к док. № 1).

²⁸⁹ Речь идет об именном указе Е. И. Пугачева к хану Нуралы, который был составлен 18 сентября 1773 г., а не

днем раньше, как по ошибке утверждал Пугачев (Документы ставки. Док. № 2).

²⁹⁰ С именным указом Е. И. Пугачева к хану Нуралы утром 18 сентября 1773 г. был послан яицкий казак Уразгильды Аманов (см. о нем прим. 169 к док. № 1).

²⁹¹ Отряд Е. И. Пугачева остановился на ночлег (с 17 на 18 сентября 1773 г.) у Студенского форпоста, в 30 верстах южнее Яицкого городка.

²⁹² Е. И. Пугачев подошел со своим отрядом к Яицкому городку в полдень 18 сентября 1773 г. и остановился в трех верстах от города за рекой Чаган.

²⁹³ Акутин Иван Кириллович (см. о нем прим. 179 к док. № 1).

²⁹⁴ Быков Петр Алексеевич (см. о нем прим. 180 к док. № 1).

²⁹⁵ Крылов Андрей Прохорович (1737—1778), капитан 6-й легкой полевой команды, служивший в 1772—1775 гг. в Яицком городке. С 30 декабря 1773 г. по 16 апреля 1774 г. Крылов вместе с полковником И. Д. Симоновым руководил обороной ретраншаментов (внутренней крепости) в Яицком городке, осажденном пугачевскими отрядами. В августе—октябре 1774 г. был помощником у следователя Яицкой секретной комиссии гвардии капитан-поручика С. И. Маврина, присутствовал при допросах Е. И. Пугачева, его ближайших сподвижников, рядовых повстанцев, а также главарей противопугачевского заговора. 15 мая 1774 г. Крылов отправил в Оренбург (видимо, члену-корреспонденту Академии наук П. И. Рычкову) пространное письмо, по сути, мемуарную записку, с обстоятельным описанием обороны Яицкой крепости от повстанцев (опубл. в кн.: Архив князя Воронцова. Т. 16. Бумаги графа С. Р. Воронцова. М., 1880. С. 470—512). А. П. Крылов — отец поэта-баснописца И. А. Крылова.

²⁹⁶ «Авчинников» — Андрей Афанасьевич Овчинников (см. о нем прим. 181 к док. № 1).

²⁹⁷ Витошнов Андрей Иванович (см. о нем прим. 184 к док. № 1).

²⁹⁸ Об одиннадцати сотниках, пятидесятниках и казаках, казненных пугачевцами 19 сентября 1773 г., см. прим. 185 к док. № 1.

²⁹⁹ Отряд Е. И. Пугачева остановился на ночлег (с 18 на 19 сентября 1773 г.) в урочище Крутицкая Лука, в пяти верстах от Яицкого городка.

³⁰⁰ Бурнов Иван Семенович (см. о нем прим. 173 к док. № 1).

³⁰¹ «Шкворкин» — Скворкин Алексей Петрович (см. о нем прим. 172 к док. № 1).

³⁰² А. П. Скворкин был схвачен казаком-пугачевцем Василием Кшининым у Сластных хуторов 18 сентября 1773 г.

³⁰³ Бородин Мартемьян Михайлович (1737—1775), яицкий казачий старшина с 1767 г.; в дни восстания в 1772 г. на Яике находился в тюремном заключении у казаков-повстанцев. В первой половине сентября 1773 г. Бородин участвовал в операциях по розыску Е. И. Пугачева и его сторонников, укрывавшихся в приицкой степи, в октябре 1773 — марте 1774 г. находился со своей командой в Оренбурге, осажденном войском Пугачева, позднее участвовал в карательных операциях против повстанцев. С середины сентября 1774 г. по 10 января 1775 г. Бородин находился со своей командой в составе конвоя, охранявшего арестованного Пугачева. 15 января 1775 г. Бородин был произведен в полковники и назначен наказным атаманом Уральского казачьего войска; умер в Петербурге в начале мая 1775 г.

³⁰⁴ Биографических данных о Дмитрие Дубовове установить не удалось.

³⁰⁵ «Татарский мулла» — Забир Карамуллин (см. о нем прим. 174 к док. № 1).

³⁰⁶ Именной указ Е. И. Пугачева, посланный 18 сентября 1773 г. с Забиром Карамуллиным, имел сходное содержание с указом, отправленным ранее в тот же день с казаком Уразгильды Амановым (см. прим. 168 и 169 к док. № 1).

³⁰⁷ «... Привели к нему сержанта» — речь идет о Дмитрие Николаевиче Кальминском (см. о нем прим. 187 к док. № 1).

³⁰⁸ У Д. Н. Кальминского находились в действительности не указы, а экземпляры «Публикации» коменданта Яицкого городка И. Д. Симонова от 17 сентября 1773 г. В «Публикации» излагалась история походов Е. И. Пугачева, сообщались его приметы. «Публикация» призывала к поимке и аресту Пугачева и его сторонников (ЦГАДА. Ф. 1100. Д. 2. Л. 30—31 об.).

³⁰⁹ Речь идет о втором приступе отряда Е. И. Пугачева к Яицкому городку 19 сентября 1773 г.

³¹⁰ О казачьем круге, созданном Е. И. Пугачевым

19 сентября 1773 г., под Рубежным форпостом см. прим. 193 к док. № 1.

³¹¹ Имеется в виду присяга, составленная 19 сентября 1773 г. Д. Н. Кальминским (см.: Документы ставки. Док. № 93).

³¹² Следуя от Яицкого городка вверх по правому берегу Яика, войско Е. И. Пугачева в течение двух дней прошло форпосты Гниловский, Рубежный, Генварцев, Иртецкий и Кинделинский.

³¹³ Войско Е. И. Пугачева остановилось на ночлег с 20 на 21 сентября 1773 г. вблизи Кинделинского форпоста.

³¹⁴ Речь идет об именном указе Е. И. Пугачева, посланном 20 сентября 1773 г. в Илецкий городок атаману Л. И. Портнову и илецким казакам (см.: Документы ставки. Док. № 4). В действительности, вопреки ошибочному утверждению Пугачева, в Илецкий городок было послано не два указа, а один.

³¹⁵ С указом Е. И. Пугачева в Илецкий городок вечером 20 сентября 1773 г. поехал не атаман А. А. Овчинников, как следует из контекста показания Пугачева, а илецкий казачий сотник Василий Овчинников.

³¹⁶ «Лазарев» — Лазарь Иванович Портнов (см. о нем прим. 196 к док. № 1).

³¹⁷ Речь идет об илецком казачьем сотнике Василии Овчинникове (см. выше, прим. 315).

³¹⁸ В данном случае речь идет об атамане Андрее Афанасьевиче Овчинникове, приехавшем в Илецкий городок утром 21 сентября 1773 г.

³¹⁹ О вступлении войска Е. И. Пугачева в Илецкий городок см. прим. 198 к док. № 1.

³²⁰ «... Два попа» — священники церкви Николая Чудотворца в Илецком городке Андрей Иванов и Степан Иванов. Они в 1775 г. были отрешены от священства в наказание за торжественную встречу Е. И. Пугачева и за молебен ему.

³²¹ Илецкие священники А. и С. Ивановы в 1774 г. подали доношение в Оренбургское духовное правление, где писали, что Е. И. Пугачев и его казаки, находясь в церкви, «святым иконам поругания и во оной грабительства никакого не причинили» (Гос. архив Оренбургской области. Ф. 172. Он. 1. Д. 4166. Л. 375—375 об.).

³²² Творогов Иван Александрович (см. о нем прим. 205 к док. № 1).

³²³ Горшков Максим Данилович (см. о нем прим. 228 к док. № 1).

³²⁴ О жалобах казаков на атамана Л. И. Портнова см. прим. 202 к док. № 1.

³²⁵ Атаман Л. И. Портнов был казнен 21 сентября 1773 г.

³²⁶ Чумаков Федор Федотович (см. о нем прим. 237 к док. № 1).

³²⁷ Войско Е. И. Пугачева выступило из Илецкого городка в поход к Рассыпной крепости утром 24 сентября 1773 г.

³²⁸ Уходя 24 сентября 1773 г. из Илецкого городка, Е. И. Пугачев назначил там атаманом илецкого есаула Ивана Леонтьевича Жеребятникова (1705—1773). Два дня спустя он был доставлен в стан Е. И. Пугачева у Рассыпной крепости, где был изобличен в измене и казнен.

³²⁹ Рассыпная крепость была взята войском Е. И. Пугачева 25 сентября 1773 г. (см. прим. 207 к док. № 1).

³³⁰ «Комендант» — Иван Федорович Веловский (см. о нем прим. 208 к док. № 1).

³³¹ «Два офицера» — при обороне Рассыпной крепости погибли три офицера: капитан Никита Савинич, поручик Алексей Кирпичев и прапорщик Василий Осипов (см. прим. 208 к док. № 1).

³³² Е. И. Пугачев назначил атаманом Рассыпной крепости отставного солдата Семена Андреевича Смалкова.

³³³ Речь идет об илецком есауле Иване Леонтьевиче Жеребятникове (см. о нем выше, прим. 328).

³³⁴ Речь идет об илецком казаке Алексее Ивановиче Жеребятникове, посланном утром 21 сентября 1773 г. своим отцом в Оренбург с донесением о переходе илецких казаков на сторону Е. И. Пугачева.

³³⁵ Оренбургский губернатор генерал-поручик Иван Андреевич Рейнсдорп (см. о нем прим. 223 к док. № 1).

³³⁶ О казни И. Л. Жеребятникова см. выше, прим. 328.

³³⁷ Войско Е. И. Пугачева овладело Нижне-Озерной крепостью 26 сентября 1773 г. (см. прим. 209 к док. № 1).

³³⁸ Комендант Нижне-Озерной крепости премьер-майор Захар Иванович Харлов (см. о нем прим. 210 к док. № 1).

³³⁹ Показание неверное. В действительности З. И. Харлов был тяжело ранен в бою и после того казнен.

³⁴⁰ Об офицерах Нижне-Озерной крепости см. прим. 210 к док. № 1.

³⁴¹ Биллов Христиан Христианович (см. о нем прим. 212 к док. № 1).

³⁴² Бригадир Х. Х. Биллов не решился вступить в полевое сражение с войском Е. И. Пугачева, в ночь на 26 сентября 1773 г. отошел со своим корпусом в Татищеву крепость (см. прим. 213 к док. № 1).

³⁴³ Речь идет о команде, посланной премьер-майором З. И. Харловым 25 сентября 1773 г. в помощь гарнизону Рассыпной крепости. Вблизи урочища Бикет эта команда была окружена войском Е. И. Пугачева и почти без сопротивления сложила оружие. При этом был убит поручик Борис Федорович Толбаев, а захваченный в плен капитан Петр Иванович Суринов казнен повстанцами.

³⁴⁴ На самом деле этот офицер — Иван Иванович Астренев — в команде капитана П. И. Сурина не был. Астренев попал в плен к повстанцам позднее, в начале октября 1773 г. в Пречистенской крепости (см. прим. 258 к док. № 1).

³⁴⁵ Именной указ Е. И. Пугачева, посланный 27 сентября 1773 г. гарнизону Татищевой крепости, не сохранился (о нем см.: Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 165—166).

³⁴⁶ Войско Е. И. Пугачева штурмом овладело Татищевой крепостью 27 сентября 1773 г. (см. прим. 215 и 216 к док. № 1).

³⁴⁷ Подуров Тимофей Иванович (см. о нем прим. 216 к док. № 1). В то время он был сотником оренбургских казаков (а не полковником, как ошибочно показал Е. И. Пугачев). Чин полковника Подуров получил от Пугачева в лагере под Оренбургом.

³⁴⁸ При взятии Татищевой крепости были убиты из офицеров полковник Григорий Миронович Елагин (см. о нем прим. 211 к док. № 1), а также поручик Гаврила Соколов.

³⁴⁹ Речь идет о Дмитрие Николаевиче Кальминском (см. о нем прим. 187 к док. № 1).

³⁵⁰ В действительности Е. И. Пугачев назначил атаманом (комендантом) Татищевой крепости не казака, а священника местной церкви Степана Семенова, который исполнял обязанности атамана до середины октября 1773 г. При взятии Татищевой крепости корпусом генерала П. М. Голицына (22.III.1774) Семенов был арестован, отправлен под конвоем в Оренбург. Определением секретной

комиссии от 16 июля 1774 г. Семенов был лишен священства и определен в дьячки одной из церквей Оренбургской епархии.

³⁵¹ В действительности, вопреки показанию Е. И. Пугачева, то была не жена бригадира Х. Х. Билова (которая жила в то время в Оренбурге), а вдова коменданта Рассыпной крепости И. Ф. Веловского — Ирина Даниловна Веловская.

³⁵² Неточность. В действительности войско Е. И. Пугачева находилось у Татищевой крепости три дня, с 27 по 29 сентября 1773 г.

³⁵³ Войско Е. И. Пугачева вступило в Чернореченскую крепость 30 сентября 1773 г.

³⁵⁴ Речь идет о капитане Павле Артемьевиче Нечаеве (см. о нем прим. 220 к док. № 1).

³⁵⁵ Войско Е. И. Пугачева вступило в Каргалу 1 октября 1773 г.

³⁵⁶ Войско Е. И. Пугачева вступило в Сакмарский городок 2 октября 1773 г.

³⁵⁷ Речь, видимо, идет о «Публикации» Оренбургской губернской канцелярии от 30 сентября 1773 г. (см. прим. 225 к док. № 1).

³⁵⁸ «...Незнаемой человек» — речь идет об Афанасии Тимофеевиче Соколове-Хлопуше (см. о нем прим. 224 к док. № 1).

³⁵⁹ Речь идет об указах Оренбургской губернской канцелярии от 2 октября 1773 г. (см. прим. 225 к док. № 1).

³⁶⁰ Интересные данные о первых днях пребывания в ставке Е. И. Пугачева привел в своих показаниях А. Т. Соколов-Хлопуша (Красный архив. 1935. № 68. С. 164—165).

³⁶¹ А. Т. Соколов-Хлопуша, специально выяснявший состояние сил Пугачева, утверждал на допросе, что в то время у него было «яицких казаков и всякого сорту, — с лишком две тысячи, и большею частью пехота», а также 46 пушек (Красный архив. 1935. № 68. С. 165).

³⁶² А. Т. Соколов-Хлопуша был послан на Авзяно-Петровский завод с именованным указом Е. И. Пугачева от 17 октября 1773 г.

³⁶³ «Мусалей» — речь идет о каргалинском татарине Мусе Улееве (Алееве), примкнувшем к Е. И. Пугачеву в начале октября 1773 г. и вскоре назначенном командиром полка в повстанческом войске. Муса Алеев был взят в плен карателями после вступления в Каргалу корпуса генерала

П. М. Голицына (1.IV.1774), содержался под следствием в Оренбурге, освобожден из заключения в сентябре 1774 г.

³⁶⁴ Солодовников Иван Осипович (см. о нем прим. 232 к док. № 1).

³⁶⁵ Это событие имело место 17 ноября 1773 года (см. прим. 232 к док. № 1).

³⁶⁶ «Емансарай» — Емансары Епаров (см. о нем прим. 242 к док. № 1).

³⁶⁷ «Кинжа» — Кинзя Арсланов (см. прим. 244 к док. № 1).

³⁶⁸ Серебрецов Яков Дмитриевич, яицкий казак, в конце октября 1773 г. перешел на сторону Е. И. Пугачева и привел в его лагерь казаков из карательной команды сотника П. Л. Копеечкина. Позднее Серебрецов служил в повстанческом войске, в июне 1774 г. схвачен карателями и казнен в Яицком городке.

³⁶⁹ Копеечкин Петр Ларионович (1720—1773), сотник яицких казаков, в середине октября 1773 г. возглавил карательную команду. Вскоре казаки этого отряда, предводительствуемые Я. Д. Серебрецовым, подняли мятеж, схватили Копеечкина и немногих его сторонников и отправились в Бердскую слободу к Е. И. Пугачеву, где Копеечкин и был казнен в начале ноября 1773 г.

³⁷⁰ Речь идет об установке Е. И. Пугачевым четырех пушечных батарей для намеченного на 2 ноября 1773 г. приступа к Оренбургу (см. прим. 250 к док. № 1).

³⁷¹ Здесь Е. И. Пугачев говорит о приступе его войска к Оренбургу 2 ноября 1773 г. и происходившей в тот день и 3 ноября артиллерийской дуэли сторон (см. прим. 250—253 к док. № 1).

³⁷² Повстанческое войско обосновалось на зимние квартиры в Бердской слободе и ее окрестностях 4 ноября 1773 г.

³⁷³ «... Салдат Калмыков» — речь идет о бомбардире Оренбургской артиллерийской команды Степане Игнатьевиче Калмыцком (1746—1774). Он перешел на сторону Е. И. Пугачева 27 сентября 1773 г., служил канонером в его войске, участвовал в боях под Оренбургом и Яицким городком. В конце марта 1774 г. Калмыцкий явился с повинной к властям, содержался под следствием в Оренбурге. По определению секретной комиссии приговорен к наказанию шпицрутенами (7000 ударов), сразу же после исполнения приговора 1 июня 1774 г. умер.

³⁷⁴ Аблай, султан Среднего казахского жуза.

³⁷⁵ Мендей Тюнеев, старшина башкирских марийцев.

³⁷⁶ «Альвей» — Алибай Мурзагулов, башкирский старшина Кыркули-Минской волости Ногайской дороги Уфимского уезда. В октябре 1773 г. — марте 1774 г. находился в рядах повстанцев, в апреле 1774 г. перешел на сторону карателей, а в мае-июне снова действовал в рядах восставших, 17 июля 1774 г. капитулировал вместе с некоторыми старшинами.

³⁷⁷ Дербетев Федор Иванович (1740—1774), квартирмейстер Ставропольского калмыцкого казачьего корпуса, ветеран Семилетней войны. Примкнул к Е. И. Пугачеву в октябре 1773 г., командовал крупным отрядом, в апреле-мае 1774 г. предпринял попытки прорваться на соединение к Пугачеву, но потерпел поражение в бою 22 мая с отрядом поручика В. Байкова, был тяжело ранен, захвачен в плен, а два дня спустя умер.

³⁷⁸ Проводником корпуса полковника П. М. Чернышева к Оренбургу в ночь с 12 на 13 ноября 1773 г. был чернореченский ссыльнопоселенец Иван Наумов (см. прим. 263 к док. № 1).

³⁷⁹ Чернышев Петр Матвеевич (см. о нем прим. 264 к док. № 1).

³⁸⁰ Речь идет о захвате в плен войском Е. И. Пугачева корпуса полковника П. М. Чернышева под Оренбургом 13 ноября 1773 г. (см. прим. 266 к док. № 1).

³⁸¹ Неполный список офицеров, казненных вместе с полковником П. М. Чернышевым в Бердской слободе 13 ноября 1773 г. см. в кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1938. Т. 9. Кн. 1. С. 128—129.

³⁸² «Казак» — Пономарев Яков Иванович (см. прим. 269 к док. № 1).

³⁸³ Корф Алексей Алексеевич, бригадир (см. о нем прим. 236 к док. № 1).

³⁸⁴ Речь идет о прорыве корпуса бригадира А. А. Корфа в Оренбург 13 ноября 1773 г. (см. прим. 235, 236, 269 и 270 к док. № 1).

³⁸⁵ Дусали, султан (см. о нем прим. 217 к док. № 2).

³⁸⁶ Сын султана Дусали — султан Саидали (см. прим. 218 к док. № 2).

³⁸⁷ Государственная Военная коллегия была учреждена Е. И. Пугачевым в середине ноября 1773 г. (см. прим. 283 к док. № 1).

³⁸⁸ Скобычкин Данила Гаврилович (1712—1774), яиц-

кий казак, участник восстания 1772 г. на Яике. Примкнул к Е. И. Пугачеву в середине сентября 1773 г., участвовал во взятии приицких крепостей, в боях под осажденным Оренбургом, погиб в сражении под Татищевой крепостью 22 марта 1774 г.

³⁸⁹ «Супонев» — Супонин Семен, яицкий казак, примкнул к Е. И. Пугачеву в сентябре 1773 г., участвовал во взятии приицких крепостей, в боях под осажденным Оренбургом, в середине ноября назначен повытчиком (столоначальником) в повстанческую Военную коллегия. В апреле 1774 г. Супонин бежал в Яицкий городок, где несколько месяцев жил «в укрывательстве», 18 августа явился с повинной в секретную комиссию и был освобожден на поруки.

³⁹⁰ Кар Василий Алексеевич (см. о нем прим. 256 к док. № 1).

³⁹¹ В начале ноября 1773 г. корпус генерала В. А. Кара находился в сотне верст от Оренбурга.

³⁹² Вместе с атаманом А. А. Овчинниковым повстанческим войском в боях 6—9 ноября 1773 г. предводительствовал также и атаман И. Н. Зарубин.

³⁹³ Речь идет об авангардной команде поручика Александра Карташева (см. прим. 257 к док. № 1).

³⁹⁴ «Два офицера» — поручик Семен Волженский (см. о нем прим. 260 к док. № 1) и подпоручик Михаил Шванвич (см. о нем прим. 259 к док. № 1).

³⁹⁵ Два казенных офицера — подпоручик Александр Карташев и поручик Михаил Карташев.

³⁹⁶ Речь идет о поражении корпуса войск генерала В. А. Кара в боях 7—9 ноября 1773 г. у деревни Юзеевой (см. прим. 256 к док. № 1).

³⁹⁷ Речь идет о подпоручике И. И. Астренева (см. о нем прим. 258 к док. № 1).

³⁹⁸ Шванвич Михаил Александрович (см. о нем прим. 259 к док. № 1).

³⁹⁹ Атаманом был назначен поручик Семен Волженский (см. о нем прим. 260 к док. № 1).

⁴⁰⁰ Речь идет об Авзяно-Петровских заводах, откуда А. Т. Соколов-Хлопуша привел в Бердскую слободу отряд из 500 крестьян.

⁴⁰¹ О походе А. Т. Соколова-Хлопуши к Авзяно-Петровским заводам и об участии его отряда в боях с корпусом войск генерала В. А. Кара смотри протокол его показаний

на допросе 10 мая 1774 г. (Красный архив. 1935. № 68. С. 165—166).

⁴⁰² Речь идет о Верхне-Озерной крепости.

⁴⁰³ Речь идет об исецкой казачьей команде (593 казака), посланной из Оренбурга 22 ноября 1773 г. и три дня спустя вступившей в Гирьяльский редут.

⁴⁰⁴ Приводимые Е. И. Пугачевым данные о состоянии его отряда подтверждаются показаниями исецких казачьих сотников И. Ф. Белоносова и Я. С. Сутормина (ЦГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 376—376 об., 379—379 об.).

⁴⁰⁵ Е. И. Пугачев, выступив из Бердской слободы 24 ноября 1773 г., вечером следующего дня занял Гирьяльский редут.

⁴⁰⁶ «Балдин» — речь идет об исецком казачьем капрале Петре Захаровиче Билдине, который был произведен Е. И. Пугачевым в полковники, участвовал со своим полком в боях под Оренбургом, был захвачен в плен карателями в битве у Сакмарского городка 1 апреля 1774 г., содержался под следствием в Оренбурге. По приговору секретной комиссии Билдин был «нещадно» бит плетьюми и, по принесении присяги, определен в службу рядовым казачком.

⁴⁰⁷ В Гирьяльском редуте 26 ноября 1773 г. были казнены трое исецких казачьих старшин: Михаил Дьяконов, Василий Севастьянов и Василий Черкашенинов.

⁴⁰⁸ 20 ноября 1773 г. Е. И. Пугачев отправил к Верхне-Озерной крепости А. Т. Соколова-Хлопушу с полком заводских крестьян и атамана Андрея Бородина-Шару с конным полком. Этот сводный отряд (до 1000 чел.) атаковал 23 ноября Верхне-Озерную крепость, но штурм был отбит гарнизоном крепости во главе с комендантом полковником О. Х. Демарином.

⁴⁰⁹ Речь идет о Кундровской слободе, находившейся в 11 верстах от Верхне-Озерной крепости.

⁴¹⁰ Е. И. Пугачев, присоединив к себе отряд А. Т. Соколова-Хлопуши и А. Бородина-Шары, 26 ноября 1773 г. атаковал Верхне-Озерную крепость. Штурм продолжался более 12 часов, с 9 часов утра до десятого часу вечера. Гарнизон с большим трудом удалось отбить натиск повстанцев и отстоять крепость. Пугачев потерял в этом бою атамана А. Бородина-Шару, который был тяжело ранен, схвачен неприятелем и вскоре после допроса умер.

⁴¹¹ Речь идет о команде секунд-майора Ефрема Заева

(430 солдат и 90 казаков при трех пушках). Команда эта вступила в Ильинскую крепость 27 ноября 1773 г.

⁴¹² Отряды Е. И. Пугачева и А. Т. Соколова-Хлопуши атаковали Ильинскую крепость 28 ноября 1773 г., но были отбиты командой майора Е. Заева. Утром 29 ноября Пугачев повел свои отряды на новый приступ и, сломив сопротивление неприятеля, овладел крепостью (см. прим. 272 к док. № 1).

⁴¹³ «Раненый офицер» — капитан тобольского гарнизона Иван Башарин (1735—1774). При взятии отрядами Е. И. Пугачева Ильинской крепости Башарин попал в плен, по просьбе солдат его роты помилован Пугачевым, служил в повстанческом войске под Оренбургом, погиб в одном из боев весной 1774 г., видимо, в битве 21 мая под Троицкой крепостью.

⁴¹⁴ «Больной офицер» — прапорщик гарнизона Ильинской крепости Иван Бочкарев. Атаман А. Т. Соколов-Хлопуша, овладев Ильинской крепостью (24.XI.1773), оставил в ней комендантом Бочкарева. Позднее Бочкарев служил у повстанцев, скончался от ран весной 1774 г.

⁴¹⁵ Е. И. Пугачев возвратился в Бердскую слободу в начале декабря 1773 г.

⁴¹⁶ Речь идет о подпоручике Иване Ивановиче Астрене-ве.

⁴¹⁷ Упомянутая Е. И. Пугачевым «бумага» сохранилась в архиве (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 508. Ч. 2. Л. 155).

⁴¹⁸ Речь идет об именном указе Е. И. Пугачева оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу на немецком языке, подброшенном к стенам Оренбурга 20 декабря 1773 г. (Документы ставки. Док. № 27).

⁴¹⁹ Солодовников Иван Осипович (см. о нем прим. 232 к док. № 1).

⁴²⁰ Показание Е. И. Пугачева о составлении «немецкого» указа подтверждается свидетельством М. А. Шванвича (Пугачевщина. Т. 3. С. 212).

⁴²¹ Речь идет об указе к правителям Младшего казахского жуза, хану Нуралы и султану Дусали, отправленном им в начале декабря 1773 г.

⁴²² «Стапалинской форпост» — речь идет о Тополинском или Тополевом форпосте, находившемся в низовьях Яика.

⁴²³ Толкачев Михаил Прокофьевич (см. о нем прим. 274 к док. № 1).

⁴²⁴ Речь идет об Яицком городке.

⁴²⁵ Именной указ («манифест») Е. И. Пугачева был адресован не только султану Дусали, но и хану Нуралы.

⁴²⁶ «Тангаич» — Аптыш Тангаев (см. о нем прим. 275 к док. № 1).

⁴²⁷ Об именном указе Е. И. Пугачева казакам Нижне-Яицкой линии, посланном с М. П. Толкачевым в декабре 1773 г. см.: Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 183—185.

⁴²⁸ Об именном указе Е. И. Пугачева правителям Младшего казахского жуза, хану Нуралы и султану Дусали, посланном в декабре 1773 г. с казаком Аптышем Тангаевым см.: Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 185—187.

⁴²⁹ Перфильев Афанасий Петрович (см. о нем прим. 426 к док. № 1), он приехал в Бердскую слободу в конце декабря 1773 г.

⁴³⁰ А. П. Перфильев и его товарищ по поездке в Петербург Петр Андреевич Герасимов возвратились в Яицкий городок 14 декабря 1773 г.

⁴³¹ А. П. Перфильев показал на следствии, что Е. И. Пугачев в первой беседе с ним заявил, что он не боится ни лазутчиков, ни тайно посылаемых убийц (Вопросы истории. 1973. № 8. С. 103—104).

⁴³² Как показал на следствии А. П. Перфильев, он, по настоянию атамана А. А. Овчинникова, покаялся Е. И. Пугачеву о том, что при первой беседе с ним утаил от него истинную причину своего приезда в Бердскую слободу, не сказал того, с каким заданием он был послан из Петербурга (Вопросы истории. 1973. № 8. С. 104).

⁴³³ А. П. Перфильев говорил на следствии, что при встрече в ноябре 1773 г. в Петербурге с графом А. Г. Орловым получил задание — «постараться, как можно, уговорить яицких казаков, дабы они от сего разбойника [Пугачева] отстали и ево поймали» (Вопросы истории. 1973. № 8. С. 102).

⁴³⁴ Симонов Иван Данилович (см. о нем прим. 148 к док. № 1).

⁴³⁵ Речь идет об яицком казаке Петре Андреевиче Герасимове, который в ноябре 1773 г. вместе с А. П. Перфильевым вел переговоры в Петербурге с графом А. Г. Орловым. Подполковник И. Д. Симонов послал Герасимова на Нижне-Яицкую линию, поручив ему уговаривать яицких казаков от присоединения к появившимся там пугачевским

эmissарам Михаилу Толкачеву и Аптышу Тангаеву. Однако, прибыв на Нижний Яик, Герасимов перешел на сторону повстанцев, позднее участвовал в боях в Яицком городке и под Оренбургом, погиб в сражении у Татищевой крепости 22 марта 1774 г.

⁴³⁶ Толкачев Михаил Прокофьевич (см. о нем прим. 274 к док. № 1).

⁴³⁷ Е. И. Пугачев, выслушав рассказы А. П. Перфильева о петербургских «боярах», заявил: «Ты сам видишь, сколько теперь взято крепостей, а народу у меня как песку. А дай сроку, будет время, и к ним в Петербург заберемся, моих рук не минуют. Я-де знаю, что вся чернь меня везде с радостью примет, лишь только услышит» (Вопросы истории. 1973. № 8. С. 104).

⁴³⁸ Речь идет о цесаревиче, великом князе Павле Петровиче.

⁴³⁹ Имеется в виду первая жена цесаревича Павла Петровича, великая княжна Наталья Алексеевна (1755—1776).

⁴⁴⁰ Рассказ Е. И. Пугачева о встрече и разговорах А. П. Перфильева с яицкими казаками, служившими в осажденном Оренбурге, не имеет параллелей ни в документах оренбургской администрации, ни в мемуарных свидетельствах очевидцев оренбургской осады.

⁴⁴¹ Атаман М. П. Толкачев вступил в Яицкий городок 30 декабря 1773 г.

⁴⁴² «... один старшина» — Нефед Андреевич Мостовщиков (1734—1774), команда которого потерпела поражение в бою с отрядом М. П. Толкачева под Яицким городком 30 декабря 1773 г., причем сам Мостовщиков был взят в плен и казнен в начале января 1774 г.

⁴⁴³ «... Симанов ушел в город» — речь идет о внутренней городской крепости, выстроенной в центральной части Яицкого городка, где с 30 декабря 1773 г. по 16 апреля 1774 г. оборонялся гарнизон во главе с подполковником И. Д. Симоновым (см. прим. 281 к док. № 1).

⁴⁴⁴ Отряд атамана А. А. Овчинникова вступил в Яицкий городок 6 января 1774 г.

⁴⁴⁵ Е. И. Пугачев с небольшой свитой казаков выехал из Бердской слободы 5 января 1774 г. и прибыл в Яицкий городок 7 января.

⁴⁴⁶ Минный подкоп был направлен против южного фаса городской крепости (см. прим. 290 к док. № 1).

⁴⁴⁷ Взрыв минного подкопа был произведен 20 января 1774 г. (см. прим. 292 и 293 к док. № 1).

⁴⁴⁸ Речь идет о колокольне собора Архангела Михаила, служившей цитаделью крепости в Яицком городке (см. прим. 286 к док. № 1).

⁴⁴⁹ Рытье минного подкопа под колокольню производилось в течение месяца, с 20 января по 19 февраля 1774 г. (см. прим. 306 к док. № 1).

⁴⁵⁰ «Служивой» — Матвей Иванович Ситников (см. о нем прим. 291 к док. № 1).

⁴⁵¹ Атаман А. А. Овчинников отправился в Гурьев городок 20 января 1774 г.

⁴⁵² Ульянов Илья Иванович (см. о нем прим. 192 к док. № 2).

⁴⁵³ Антипов Яков Степанович, яицкий казак, в конце ноября 1773 г. вместе с И. Н. Зарубиным-Чикой и И. И. Ульяновым был направлен Е. И. Пугачевым на Воскресенский завод для руководства работами по изготовлению артиллерийских орудий и снарядов к ним. В начале марта 1774 г. Антипов был вызван Пугачевым в Бердскую слободу, принял участие в арьергардных боях против корпуса генерала П. М. Голицына.

⁴⁵⁴ Здесь Е. И. Пугачев, прерывая хронологическую последовательность показаний, возвращается к событиям осени 1773 г.

⁴⁵⁵ Д. С. Лысов был послан на Самарскую линию в начале октября 1773 г.

⁴⁵⁶ Е. И. Пугачев приехал в Яицкий городок в конце января 1774 г.

⁴⁵⁷ Атаман А. А. Овчинников вступил в Гурьев городок 25 января 1774 г.

⁴⁵⁸ Атаманом в Гурьеве городке был яицкий казачий старшина Кирилл Степанович Филимонов, который был казнен повстанцами 26 января 1774 г., вместе с ним были казнены сотник И. Пономарев, городничий А. Казанцев, священник Дмитрий, писарь И. Жерехов и пятеро солдат и унтер-офицеров гарнизонной команды.

⁴⁵⁹ О порохе, доставленном А. А. Овчинниковым из Гурьева в Яицкий городок в начале февраля 1774 г., см. прим. 314 к док. № 1.

⁴⁶⁰ Каргин Никита Афанасьевич (см. о нем прим. 295 к док. № 1).

⁴⁶¹ Коновалов Семен Афанасьевич (см. о нем выше, прим. 146 к док. № 1).

⁴⁶² Пьянов Денис Степанович (см. о нем прим. 59 к док. № 1).

⁴⁶³ События, связанные со сватовством Е. И. Пугачева к Устинье Кузнецовой, происходили в Яицком городке в конце января 1774 г.

⁴⁶⁴ Кузнецов Петр Михайлович (см. о нем прим. 299 к док. № 1).

⁴⁶⁵ Кузнецова Устинья Петровна (см. о ней прим. 300 к док. № 1).

⁴⁶⁶ Пугачева Софья Дмитриевна (см. о ней прим. 10 к док. № 1).

⁴⁶⁷ Имеется в виду освобождение из казанского тюремного острога С. Д. Пугачевой, ее сына Трофима, дочерей Аграфены и Христины при взятии войском Е. И. Пугачева Казани 12 июля 1774 г.

⁴⁶⁸ Об отношении Устиньи Кузнецовой и ее отца П. М. Кузнецова к ее замужеству см. прим. 302 к док. № 1.

⁴⁶⁹ Е. И. Пугачев женился на У. П. Кузнецовой 1 февраля 1774 г.

⁴⁷⁰ Церковное бракосочетание Е. И. Пугачева с У. П. Кузнецовой происходило в Петропавловской церкви Яицкого городка.

⁴⁷¹ Торжественную церковную службу венчания Е. И. Пугачева с У. П. Кузнецовой вел священник Петропавловской церкви Сергей Михайлов.

⁴⁷² Е. И. Пугачев возвратился в Бердскую слободу 6 февраля 1774 г.

⁴⁷³ Речь идет о сражении у Бердской слободы 13 января 1774 г. (см. прим. 313 к док. № 1).

⁴⁷⁴ В результате инцидента, происшедшего между Е. И. Пугачевым и Д. С. Лысовым в начале марта 1774 г., Лысов был казнен повстанцами в Бердской слободе (см. прим. 151 к док. № 1).

⁴⁷⁵ М. Г. Шигаев вспоминал при допросе, что он просил Е. И. Пугачева, «становясь пред ним на колени», о помиловании Лысова. Но Пугачев сказал: «Как-де можно его простить? Он мне великой злодей!» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 88 об.).

⁴⁷⁶ Речь идет о взрыве минного подкопа под колокольней собора Михаила Архангела 19 февраля 1774 г.

⁴⁷⁷ В подвале соборной колокольни хранилось до 40 пудов пороха (см. прим. 317 и 318 к док. № 1).

⁴⁷⁸ Казачий круг проходил в Яицком городке в начале февраля 1774 г.

⁴⁷⁹ Легошин Андрей, яицкий казак, примкнул к Е. И. Пугачеву в январе 1774 г., погиб в бою 10 марта 1774 г.

⁴⁸⁰ На казачьем круте в Яицком городке в феврале 1774 г. в войсковые судьи и старшины вместе с А. П. Перфильевым был выбран и Иван Андреевич Фофанов, который до августа того года командовал повстанческим отрядом в приицкой степи.

⁴⁸¹ Е. И. Пугачев выехал из Яицкого городка 20 февраля 1774 г. и два дня спустя прибыл в Бердскую слободу.

⁴⁸² Речь идет о пленном солдате Второго гренадерского полка Фаддее Киселеве, который в январе 1774 г. сообщил повстанческой Военной коллегии об изменнических замыслах служивших в войске Е. И. Пугачева офицеров И. И. Астренева и С. Волженского. Киселев попал в плен к карателям в битве 22 марта 1774 г. у Татищевой крепости и вскоре был казнен по приказу генерал-майора П. М. Голицына.

⁴⁸³ Речь идет о подпоручике Семене Волженском (см. о нем прим. 260 к док. № 1). В данном случае Пугачев ошибочно назвал Волженского «Иваном Ивановичем» (так он обычно называл подпоручика И. И. Астренева).

⁴⁸⁴ Имеется в виду подпоручик Астренев Иван Иванович (см. о нем прим. 258 к док. № 1). В действительности Астренев был взят в Пречистенской крепости.

⁴⁸⁵ Примерно так же осветил замысел И. И. Астренева и С. Волженского и поручик Л. Черкасов (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 234 об.).

⁴⁸⁶ Голицын Петр Михайлович (см. о нем прим. 307 к док. № 1).

⁴⁸⁷ Речкин Степан Леонтьевич (1725—1774), яицкий казак, участник восстания 1772 г. на Яике, примкнул к Е. И. Пугачеву осенью 1773 г., командовал крупным отрядом, при разгроме которого в июне 1774 г. был захвачен в плен и вскоре казнен в Яицком городке.

⁴⁸⁸ Арапов Илья Федорович (см. о нем прим. 310 к док. № 1).

⁴⁸⁹ Дербетев Федор Иванович (см. о нем выше, прим. 377).

⁴⁹⁰ Е. И. Пугачев отправился в поход к Сорочинской крепости 3 марта 1774 г. и два дня спустя вступил в эту крепость.

⁴⁹¹ Речь идет о ночном бое отрядов Е. И. Пугачева с

авангардной командой премьер-майора В. Елагина у деревни Пронкиной 6 марта 1774 г. (см. прим. 326 к док. № 1).

⁴⁹² Офицер, о котором идет речь — премьер-майор Василий Елагин (1741—1774), с января 1774 г. служил в авангарде корпуса генерала П. М. Голицына; в самом начале боя у Пронкиной деревни 6 марта 1774 г. был убит (а не ранен, как говорил о нем Е. И. Пугачев).

⁴⁹³ Неточное показание. В действительности, отойдя после боя у Пронкиной деревни в Сорочинскую крепость, Е. И. Пугачев отправился не в Бердскую слободу, а в Яицкий городок, где и находился с 8 по 14 или 15 марта 1774 г. (см. прим. 326 и 327 к док. № 1).

⁴⁹⁴ Здесь Е. И. Пугачев возвращается к событиям, происходившим в декабре 1773 г. В первых числах того месяца в Бердскую слободу были доставлены изготовленные на Воскресенском заводе артиллерийские орудия и снаряды к ним.

⁴⁹⁵ Атаман И. Н. Зарубин и И. И. Ульянов приехали под Уфу в начале декабря 1773 г.

⁴⁹⁶ Несомненно, что инициатива в титуловании И. Н. Зарубина «графом Чернышевым» принадлежала самому Е. И. Пугачеву, который послал о том указ Зарубину в декабре 1773 г. (Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева С. 181—183).

⁴⁹⁷ Поездка И. И. Ульянова в Бердскую слободу к Е. И. Пугачеву за порохом имела место в феврале 1774 г.

⁴⁹⁸ Сподвижники Е. И. Пугачева М. Д. Горшков, И. Н. Зарубин, А. П. Перфильев, Т. И. Подуров, И. Я. Почиталин, Я. Ф. Почиталии, М. Г. Шигаев в своих следственных показаниях говорили, что Пугачев неоднократно высказывался относительно намерения по взятии Оренбурга пойти в Москву и Петербург, завладеть престолом, постричь в монахини Екатерину II и сослать ее в дальний монастырь (см.: Пугачевщина. Т. 2. С. 135, 188, 194, 196; Вопросы истории. 1973. № 8. С. 104; ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 93 об., 207 об., 214 об.).

⁴⁹⁹ Речь, видимо, идет о вступлении корпуса войск генерала П. М. Голицына в Сорочинскую крепость 11 марта 1774 г.

⁵⁰⁰ Выступив из Бердской слободы 20 марта 1774 г., Е. И. Пугачев в тот же день прибыл в Татищеву крепость (см. прим. 331 к док. № 1).

⁵⁰¹ Кроме отрядов, приведенных атаманами А. А. Ов-

чинниковым и И. Ф. Араповым, в Татищеву крепость подошли отряды С. Л. Речкина, Н. Л. Чулошникова, Ф. И. Дербетева и других атаманов.

⁵⁰² Пугачевская артиллерия насчитывала до 36 орудий.

⁵⁰³ В корпусе генерал-майора П. М. Голицына было до 6500 человек пехоты и кавалерии и до 25 пушек.

⁵⁰⁴ Речь идет о казаках-разведчиках Чугуевского полка.

⁵⁰⁵ Сражение у Татищевой крепости 22 марта 1774 г. продолжалось в течение шести часов (см. прим. 336, 338 и 339 к док. № 1).

⁵⁰⁶ Речь идет о лощине у восточного фаса Татищевой крепости.

⁵⁰⁷ Имеется в виду северный фас Татищевой крепости, к которому шла дорога от Переволоцкой крепости.

⁵⁰⁸ Атаман А. А. Овчинников продолжал бой до полного исхода боеприпасов, а потом прорвался с тремя сотнями казаков на запад, к Нижне-Озерной крепости.

⁵⁰⁹ Речь идет об Иване Яковлевиче Почиталине.

⁵¹⁰ Бородин Григорий Семенович (см. о нем прим. 341 к док. № 1).

⁵¹¹ Бородин Мартемьян Михайлович (см. о нем выше, прим. 303).

⁵¹² Кузнецов Егор Петрович (см. о нем прим. 342 к док. № 1).

⁵¹³ Коновалов Василий Семенович (см. о нем прим. 146 к док. № 1).

⁵¹⁴ Е. И. Пугачев и его спутники примчались в Бердскую слободу поздним вечером 22 марта 1774 г.

⁵¹⁵ Об этом совете, происходившем рано утром 23 марта 1774 г., см. прим. 344 к док. № 1.

⁵¹⁶ На совете высказывались предложения об уходе повстанческого войска под Уфу, а также в Гурьев городок.

⁵¹⁷ По другим данным Е. И. Пугачев вывел с собой из Бердской слободы до двух тысяч конных повстанцев (см. прим. 347 к док. № 1).

⁵¹⁸ Неточность. В действительности Е. И. Пугачев повел свое войско к Переволоцкой крепости (см. прим. 349 к док. № 1).

⁵¹⁹ Не доходя 20 верст до Переволоцкой крепости, повстанцы обнаружили неприятельский аванпост, что и заставило Е. И. Пугачева повернуть свое войско к Оренбургу (см. прим. 350 к док. № 1).

⁵²⁰ Речь идет о Репинском казачьем хуторе.

⁵²¹ О разговорах, происходивших на казачьем круге 26 марта 1774 г., см. прим. 350 к док. № 1.

⁵²² Войско Е. И. Пугачева вступило в Каргалу 27 марта 1774 г.

⁵²³ О повстанцах, арестованных в Каргале, см. прим. 352 к док. № 1.

⁵²⁴ О расправе над старшинами в Каргале, см. прим. 353 к док. № 1.

⁵²⁵ Речь идет о Дмитрие Карповиче Донскове (1686—1774), отце атамана Сакмарского городка Данилы Дмитриевича Донскова.

⁵²⁶ Войско Е. И. Пугачева вступило в Сакмару вечером 27 марта 1774 г.

⁵²⁷ Речь, видимо, идет о татарине Токтагуле Ермакове. Он сообщил в Оренбурге, явившись туда 22 февраля 1774 г. из Бердской слободы, сведения о состоянии боевых сил Е. И. Пугачева (ЦГАДА. Ф. 349. Д. 7208. Л. 71—72).

⁵²⁸ Речь идет о сражении, происходившем 1 апреля 1774 г. у Сакмарского городка (см. прим. 363—366 к док. № 1).

⁵²⁹ Тимашева слобода — речь идет о селе Ташла (в 90 верстах к востоку от Сакмарского городка). В этом селе останавливался Е. И. Пугачев со своим отрядом 1 апреля 1774 г.

⁵³⁰ Красная Мечеть — башкирская деревня, в которой Е. И. Пугачев останавливался со своим отрядом 2 апреля 1774 г.

⁵³¹ Григорий Леонтьев — яицкий казак Григорий Леонтьевич Ягунов, примкнул к Е. И. Пугачеву в середине сентября 1773 г., летом 1774 г. получил чин полковника, погиб в бою 15 июля 1774 г. под Казанью.

⁵³² Горлов Трофим Иванович (см. о нем прим. 234 к док. № 2).

⁵³³ Витошнов Андрей Иванович (см. о нем прим. 184 к док. № 1).

⁵³⁴ М. Г. Шигаев взят в плен карателями 7 апреля 1774 г.

⁵³⁵ И. Я. Почиталин был взят в плен карателями 1 апреля 1774 г.

⁵³⁶ М. Д. Горшков был взят в плен карателями 1 апреля 1774 г.

⁵³⁷ Толкачев Андрей Прокофьевич (см. о нем выше, прим. 278).

538 О численности войска Е. И. Пугачева и о его потерях в сражении у Сакмарского городка 1 апреля 1774 г. см. прим. 363 к док. № 1.

539 Каргазлинский завод — речь идет о Иргизлинском заводе (он же, по официальному названию, Вознесенский завод). На этом заводе отряд Е. И. Пугачева провел три дня, с 4 по 6 апреля 1774 г.

540 На Авзяно-Петровских заводах отряд Е. И. Пугачева находился пять дней, с 8 по 12 апреля 1774 г.

541 На Белорецком заводе Е. И. Пугачев находился 19 дней, с 14 апреля по 2 мая 1774 г.

542 Войско Е. И. Пугачева овладело Магнитной крепостью 6 мая 1774 г.

543 Комендант Магнитной крепости — капитан Сергей Кузьмич Тихановский (см. о нем прим. 374 к док. № 1).

544 Федулев (Федулов) Иван Петрович (см. о нем прим. 488 к док. № 1).

545 Отряд атамана А. А. Овчинникова подошел к Магнитной крепости 8 мая 1774 г., где и соединился с войском Е. И. Пугачева.

546 Речь идет о сражении у Татищевой крепости 22 марта 1774 г.

547 Отряд атамана А. А. Овчинникова находился в Илецком городке с 29 марта по 2 апреля 1774 г. (см. прим. 378 к док. № 1).

548 Из Яицкого городка в помощь атаману А. А. Овчинникову (находившемуся в Иртецком форпосте) был прислан отряд из 500 казаков, с тремя пушками, во главе со старшинами А. П. Перфильевым и К. И. Дехтеревым (см. прим. 378 к док. № 1).

549 В действительности туда был направлен корпус генерала П. Д. Мансурова, который и вступил в Илецкий городок 7 апреля 1774 г.

550 Речь идет о сражении отрядов А. А. Овчинникова и К. И. Дехтерева с корпусом генерала П. Д. Мансурова у реки Быковки 15 апреля 1774 г. (см. прим. 379 к док. № 1).

551 О рейде отряда атамана А. А. Овчинникова в апрелемае 1774 г. от Яицкого городка через оренбургские степи в горы Южного Урала к Магнитной крепости см. прим. 378 к док. № 1.

552 Речь идет о Верхояицкой крепости, которую Е. И. Пугачев скрытно обошел с запада (см. прим. 381 и 382 к док. № 1).

⁵⁵³ Деколонг Иван Александрович (см. о нем прим. 383 к док. № 1).

⁵⁵⁴ Имеется в виду Карагайская крепость, в которую войско Е. И. Пугачева вступило 13 мая 1774 г.

⁵⁵⁵ «Прапорщик» — Вавилов Гаврила Аникиевич (см. о нем прим. 386 к док. № 1).

⁵⁵⁶ Имеется в виду Петропавловская крепость, взятая войском Е. И. Пугачева 15 мая 1774 г. (см. прим. 387 к док. № 1).

⁵⁵⁷ Комендант Петропавловской крепости — секунд-майор Алексей Игнатьевич Бородавкин (1723—1774).

⁵⁵⁸ При обороне Петропавловской крепости погибли капитан М. Н. Франц, поручик М. С. Малковский, прапорщик М. Н. Сарвилов, а также несколько солдат.

⁵⁵⁹ Речь идет о Степной крепости, которая была взята войском Е. И. Пугачева 17 мая 1774 г. (см. прим. 388 к док. № 1).

⁵⁶⁰ Комендант Степной крепости — подполковник Август фон Витте (1726—1774).

⁵⁶¹ Войско Е. И. Пугачева овладело Троицкой крепостью 20 мая 1774 г.

⁵⁶² Комендант Троицкой крепости — бригадир Антон Антонович де Фейервар (1723—1774).

⁵⁶³ В Троицкой крепости 20 мая 1774 г. погибли капитаны П. Д. Серебряков, В. Г. Ураков и Н. К. Черуфеев, поручик И. П. Дынков.

⁵⁶⁴ Речь идет о сражении войска Е. И. Пугачева с корпусом генерала И. А. Деколонга под Троицкой крепостью 21 мая 1774 г.

⁵⁶⁵ После поражения под Троицкой крепостью Е. И. Пугачев пошел с остатками своего войска на северо-запад, по дороге к Челябинску.

⁵⁶⁶ Это был, видимо, Иткул Ураев, который приехал к Е. И. Пугачеву с письмом от казахского феодала, тархана Даутбая.

⁵⁶⁷ Аблай был султаном (а не ханом) Среднего казахского жуза.

⁵⁶⁸ «Заводской мастеровой» — бывший работник и переводчик Воскресенского завода Григорий Туманов, примкнул к Е. И. Пугачеву в ноябре 1773 г., в марте-апреле 1774 г. командовал повстанческими отрядами в Челябинске и его округе. В конце апреля Туманов прибыл по вызову Пугачева в Белорецкий завод, где был определен повытчи-

ком в Военную коллегию, вел корреспонденцию на восточных языках. В битве 21 мая 1774 г. под Троицкой крепостью попал в плен к карателям и отправлен в Верхнеяицкую крепость, но вблизи Губерлинской крепости захвачен казаками, которые и увезли его с собой.

⁵⁶⁹ «... Два башкирца» — братья Шукур и Упак Абзямовы.

⁵⁷⁰ Казанский татарин Раим.

⁵⁷¹ Посольство в Средний казахский жуз с указами к султану Аблаю, Даутбаю-тархану, Ембекею-батырю и Урамбетю-батырю было отправлено Е. И. Пугачевым 8 мая 1774 г.

⁵⁷² Речь идет о калмыках, откочевавших в 1771 г. в Джунгарию.

⁵⁷³ Михельсон Иван Иванович (см. о нем прим. 393 к док. № 1).

⁵⁷⁴ Речь идет о сражении отряда Е. И. Пугачева с корпусом подполковника И. И. Михельсона у деревни Лягушиной 22 мая 1774 г.

⁵⁷⁵ Башкирские конные повстанческие отряды присоединились к войску Е. И. Пугачева у деревни Нижние Киги 2 июня 1774 г.

⁵⁷⁶ Салават Юлаев (1752—1800), сын старшины Шайтан-Кудейской волости Сибирской дороги Юлая Азналиина, примкнул к восстанию в ноябре 1773 г., видный предводитель повстанческого движения в Прикамье и Башкирии до конца ноября 1774 г., когда он был схвачен карателями. Дознание над ним велось в Казани, Москве и Уфе. По определению Тайной экспедиции Сената Салават был подвергнут тяжкому телесному наказанию и сослан на пожизненную каторжную работу в Балтийский порт (ныне г. Палдиски в Эстонии), где и умер 26 сентября 1800 г.

⁵⁷⁷ Сведений об этом хорунжем установить не удалось.

⁵⁷⁸ Билдин Семен, исецкий казак из Коельской крепости, примкнул к Е. И. Пугачеву в конце ноября 1773 г., служил в его войске рядовым. 16 сентября 1774 г. Билдин вместе с группой казаков явился с повинной в Яицкий городок, где был допрошен, после чего содержался в тюремном заключении в Оренбурге, был освобожден в марте 1775 г. Вопреки показанию Пугачева, Семен Билдин не был полковником повстанческого войска; надо полагать, что Пугачев спутал этого казака с его однофамильцем, капралом исецких казаков Петром Захаровичем Билдиным, который

и был произведен им, Пугачевым, в полковники в конце ноября 1773 г. и попал в плен к карателям в Сакмарском городке 1 апреля 1774 г. (см. о нем выше, прим. 406).

⁵⁷⁹ Речь идет о сражении повстанческого войска с корпусом подполковника И. И. Михельсона, происходившем под деревней Нижние Киги у реки Ай 3 июня 1774 г.

⁵⁸⁰ Имеется в виду сражение войска Е. И. Пугачева с корпусом подполковника И. И. Михельсона, происходившее под деревней Мясогутово у реки Ай.

⁵⁸¹ Речь идет о Кинзе Арсланове (см. о нем прим. 244 к док. № 1).

⁵⁸² Имеется в виду Сляусин Кинзин (сын пугачевского полковника Кинзи Арсланова, старшины Бушмас-Кипчакской волости Ногайской дороги), который примкнул к повстанческому движению в октябре 1773 г., сдался карателям осенью 1774 г., находился под следствием в Тайной экспедиции Сената, освобожден из заключения летом 1775 г.

На допросе, происходившем в Москве, в Тайной экспедиции Сената 12 ноября 1774 г., А. Т. Долгополов показал, что его доставили в ставку Е. И. Пугачева под Осой Сляусин Кинзин и Канзафар Усаев (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 89 об.—90).

⁵⁸³ Речь идет о ржевском купце-авантюристе Астафии Трифоновиче Долгополове (см. о нем прим. 105 к док. № 2). Вопреки показанию Е. И. Пугачева, Долгополов был доставлен в его ставку не на другой день после сражения с корпусом подполковника И. И. Михельсона (5.VI.1774), а в день взятия повстанцами пригорода Оса, то есть 21 июня 1774 г. (см. прим. 105 и 114 к док. № 2).

⁵⁸⁴ В основном так же эту часть беседы с Е. И. Пугачевым изложил в своих показаниях и А. Т. Долгополов на допросе в Тайной экспедиции Сената 12 ноября 1774 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 90—90 об.).

⁵⁸⁵ А. Т. Долгополов на допросах в Тайной экспедиции Сената 4 и 12 ноября 1774 г. показал, что будучи в ставке Е. И. Пугачева, он, Долгополов, никогда московским купцом Иваном Ивановым будто бы не назывался, а звался купцом «города Ржевы-Володимеровой» Астафием Трифоновичем Долгополовым (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 90—91 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 33).

⁵⁸⁶ Аналогично передал А. Т. Долгополов содержание своего разговора с Е. И. Пугачевым о порохе, будто бы по-

сланном цесаревичем Павлом Петровичем «Петру III» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 91 об.—92).

⁵⁸⁷ В протоколах следственных показаний И. А. Творогова и Ф. Ф. Чумакова не имеется упоминаний о том, чтобы Е. И. Пугачев велел им присматривать за А. Т. Долгополовым.

⁵⁸⁸ Неточное показание. В действительности Е. И. Пугачев не только вошел 10 июня 1774 г. со своим войском в Красноуфимск, но и, по свидетельству священника В. И. Размахина, посетил Благовещенскую церковь, где велел служить молебен и приложился к кресту, а потом приказал изъять из церкви противопугаческие манифесты и увещевания (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 465. Ч. 2. Л. 120 об.—121).

⁵⁸⁹ Главные силы войска Е. И. Пугачева подошли к Осе 18 июня 1774 г. и в течение двух дней вели осадные бои с гарнизонной командой секунд-майора Ф. В. Скрипицына (см. прим. 400—405 к док. № 1).

⁵⁹⁰ Войско Е. И. Пугачева овладело Осой 21 июня 1774 г.

⁵⁹¹ Скрипицын Федор Васильевич (см. о нем прим. 407 к док. № 1).

⁵⁹² Командир Пяткин — так, видимо, по ошибке памяти, назвал Е. И. Пугачев капитана Сергея Максимовича Смирнова (см. о нем прим. 138 к док. № 2).

⁵⁹³ Возможно, речь идет о Михаиле Ключникове, управителе камских заводов князей Голицыных. Ф. В. Скрипицын, С. М. Смирнов (Пяткин) и М. Ключников были казнены повстанцами 22 июня 1774 г.

⁵⁹⁴ Во главе солдат, взятых в плен в Осе, был поставлен подпоручик Федор Дмитриевич Минеев (см. о нем прим. 410 к док. № 1):

⁵⁹⁵ В действительности А. Т. Долгополов (он же «Иван Иванов») появился в ставке Е. И. Пугачева не накануне взятия Красноуфимской крепости (10.VI.1774), а в тот день, когда повстанческое войско овладело Осой, то есть 21 июня 1774 г. (см. прим. 105 и 114 к док. № 2).

⁵⁹⁶ В основном так же передал А. Т. Долгополов в следственных показаниях содержание своего разговора с Е. И. Пугачевым (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 92—92 об.).

⁵⁹⁷ Речь идет о боях войска Е. И. Пугачева с неприятельскими командами 24 июня 1774 г. у деревни Перевозной под Воткинским заводом и 27 июня 1774 г. у села Завьялова под Ижевским заводом (см. прим. 414 и 415 к док. № 1).

⁵⁹⁸ Биографических данных об Илье Самострелове установить не удалось.

⁵⁹⁹ Имеется в виду отставной майор Николай Алфимов, командовавший отрядом, вступившим 27 июня 1774 г. в бой против авангарда повстанческого войска (см. прим. 415 к док. № 1).

⁶⁰⁰ Это свидетельство Е. И. Пугачева подтверждается показанием А. Т. Долгополова (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 92 об.).

⁶⁰¹ Речь идет о бое авангарда войска Е. И. Пугачева с командой полковника И. В. Толстого у села Высокие Горы под Казанью 10 июля 1774 г. (см. прим. 416 к док. № 1).

⁶⁰² «Офицер Шватковский» — речь идет о секунд-майоре Повало-Швыйковском (Швейковском) Николае Захарьевиче, он был с командой полковника Н. В. Толстого в бою 10 июля 1773 г. против авангарда войска Е. И. Пугачева, попал в плен, но день спустя бежал и явился к подполковнику И. И. Михельсону. Позднее Повало-Швыйковский участвовал в карательных операциях в Поволжье, в октябре 1774 г. был включен в состав конвойной команды, охранявшей Пугачева в Симбирске, сопровождавшей его в Москву и находившейся при нем по день его казни. В 1834 г. по просьбе А. С. Пушкина со слов Повало-Швыйковского были записаны его воспоминания о Пугачевском времени (опубл. в кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9. Кн. 2. С. 498—500).

⁶⁰³ Имеется в виду Толстой (Толстов) Николай Васильевич (1737—1774), полковник, казанский помещик. В начале июня 1774 г. он возглавил отряд из солдат казанского гарнизона и гусар (150 чел. с одной пушкой), который был направлен для разведки о повстанцах к Арску, но в столкновении с авангардом войска Е. И. Пугачева у села Высокие Горы (10 июля) Толстой был убит, а отряд его частью разбежался по окрестным лесам, а частью попал в плен к повстанцам.

⁶⁰⁴ 20-тысячное войско Е. И. Пугачева 11 июля 1774 г. вышло к Казани и в 7 верстах восточнее нее, у села Царицыно, стало лагерем.

⁶⁰⁵ 11 июля 1774 г. Е. И. Пугачев отправил в Казань не один манифест, а три (см. прим. 418 к док. № 1).

⁶⁰⁶ Речь идет о штурме Казани войском Е. И. Пугачева 12 июля 1774 г.

⁶⁰⁷ Неточное показание. В действительности сам Е. И. Пугачев вел обстрел Кремля из двух пушек, установ-

ленных у трактира на Гостином дворе, а пугачевский полковник Ф. Д. Минеев вел огонь по Кремлю из двух пушек, установленных на паперти церкви Казанского девичьего монастыря.

⁶⁰⁸ Из тюремных камер Казанской секретной комиссии было освобождено Е. И. Пугачевым 415 пленных повстанцев (см. прим. 420 к док. № 1).

⁶⁰⁹ Семья Е. И. Пугачева была доставлена в Казань 17 марта 1774 г., где находилась под надзором секретной комиссии, а с конца июня содержалась в тюремном помещении комиссии.

⁶¹⁰ Филарет Семенов, игумен (см. о нем прим. 56 к док. № 1).

⁶¹¹ Речь идет о битве войска Е. И. Пугачева с корпусом подполковника И. И. Михельсона на Арском поле у Казани вечером 12 июля 1774 г. (см. прим. 428 и 429 к док. № 1).

⁶¹² 12 июля 1774 г., во второй половине дня, Е. И. Пугачев перешел со своим войском в новый лагерь, к селу Савинову, а утром 13 июля переправился на правый берег Казанки и стал лагерем у села Сухая Река (см. прим. 427 к док. № 1).

⁶¹³ Здесь Е. И. Пугачев говорит о сражении своего войска с корпусом подполковника И. И. Михельсона на Арском поле под Казанью 15 июля 1774 г. (см. прим. 431 к док. № 1).

⁶¹⁴ Отряд Е. И. Пугачева начал переправу на правый берег Волги у города Кокшайска вечером 16 июля 1774 г., переправа продолжалась и в следующий день (см. прим. 434 и 435 к док. № 1).

⁶¹⁵ Речь идет о сержанте С. Чижеве, вместе с ним были казнены еще шесть офицеров и солдат, затопивших у Кокшайска и Сундыря лодки и завозни, чтобы воспрепятствовать переправе отряда Е. И. Пугачева на правый берег Волги (см. прим. 436 к док. № 1).

⁶¹⁶ См. прим. 435 к док. № 1.

⁶¹⁷ Речь идет о селе Сундырь, которое было сожжено 17 июля 1774 г.

⁶¹⁸ Беседа Е. И. Пугачева с А. Т. Долгополовым («Иваном Ивановым») происходила, видимо, 18 июля 1774 г. в лагере под Цивильском (см. прим. 116 и 121 к док. № 2).

⁶¹⁹ Подробнее о некоем царицынском купце по имени Василий Поляков см. прим. 119 к док. № 2. А. Т. Долгополов утверждал, что Е. И. Пугачев велел ему обратиться к ца-

рицынскому купцу Василию Александровичу Пугову, он же и Качалов (см. прим. 106 к док. № 2).

⁶²⁰ А. Т. Долгополов, вопреки данному показанию Е. И. Пугачева, утверждал на следствии, что, находясь в повстанческом войске, он, Долгополов, в боях не участвовал (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 93 об.).

⁶²¹ Войско Е. И. Пугачева вступило в Алатырь 23 июля 1774 г.

⁶²² Данное свидетельство Е. И. Пугачева подтверждается следственными показаниями прапорщика Е. З. Сулдешева (Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Чувашии. Чебоксары, 1972. С. 317).

⁶²³ Речь, видимо, идет о поручике Никите Лихутине.

⁶²⁴ По следственным показаниям прапорщика Сулдешева, повстанцы захватили в Алатыре 10 или 11 пудов пороха, а найденную денежную казну, в том числе 50 бочек с медной монетой, бросали «собравшемуся около церкви народу». Е. И. Пугачев велел освободить «содержащихся в тюрьме колодников, казенное вино выпустить [на землю], а соль брать всякому безденежно» (Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Чувашии. С. 317).

⁶²⁵ Алатырский воевода подполковник Матвей Белокопытов и чиновники провинциальной канцелярии бежали из Алатыря 22 июля 1774 г.

⁶²⁶ Бургомистром в Алатыре в 1774 г. был купец Федор Волков.

⁶²⁷ Это свидетельство Е. И. Пугачева подтверждается следственным показанием прапорщика Е. З. Сулдешева: по его словам, повстанческое войско при выступлении из Саранска насчитывало до 2000 людей «всякого чину», с ним ушло до 20 солдат алатырской гарнизонной роты (Пугачевщина. Т. 3. С. 216).

⁶²⁸ Лагерь войска Е. И. Пугачева был в селе Стемас.

⁶²⁹ «А город приказал... сержанту» — не вполне точное показание. В действительности Е. И. Пугачев назначил градоначальником в Алатыре прапорщика Елизара Захаровича Сулдешева, присвоив ему чин полковника. Сулдешев исполнял обязанности пугачевского градоначальника в Алатыре в течение недели. 31 июля 1774 г. он был арестован командиром вступившего в город карательного отряда майором К. Меллиным, содержался под следствием в Казанской секретной комиссии. Тайная экспедиция Сената

6 июня 1775 г. определила освободить его из заключения и исключить из службы.

⁶³⁰ Эти мастера, ушедшие из Алатыря в поход с Е. И. Пугачевым, приделывали к серебряным рублям («рублевикам») петровского времени ушки для продевания шелковой ленты, создавая таким образом наградные знаки — своеобразные пугачевские ордена. Как выяснилось, в большинстве своем пугачевцами использовались под ордена серебряные медали, выбитые на Монетном дворе в 1725 г. в память кончины Петра I.

⁶³¹ Ведомости о дворянах, чиновниках, приказных и воинских служителях, казненных повстанцами в городе Алатыре и Алатырской провинции, см. в сб.: Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Чувашии. С. 255—256, 397—404.

⁶³² Войско Е. И. Пугачева вступило в Саранск 27 июля 1774 г.

⁶³³ При вступлении в Саранск войско Е. И. Пугачева было торжественно встречено депутацией горожан у моста через реку Инсар. В числе встречавших были священнослужители и монахи во главе с архимандритом Петровского монастыря Александром, купцы во главе с бургомистром И. Степановым, солдаты и офицеры инвалидной команды во главе с прапорщиком М. М. Шахмаметевым.

⁶³⁴ В действительности пугачевский полковник Ф. Ф. Чумаков был послан в Саранск 26 июля 1774 г. не с манифестом «Петра III», а с указом повстанческой Военной коллегии (Документы ставки. Док. № 82). Что касается пугачевского манифеста жителям Саранска и Саранского уезда, то он был обнародован 28 июля 1774 г. (Документы ставки. Док. № 39).

⁶³⁵ Саранский воевода В. Г. Протасьев, воеводский товарищ М. Д. Башмаков и секретарь воеводской канцелярии А. Метальников бежали из Саранска в ночь с 25 на 26 июля 1774 г.

⁶³⁶ Судя по рапорту саранского подпоручика С. Иванова от 4 августа 1774 г., повстанцы захватили в воеводской канцелярии денежную казну и, сложив ее на 20 подвод, увезли в ставку Е. И. Пугачева, оставшуюся часть этих денег роздали горожанам и окрестным крестьянам (Пугачевщина. Т. 2. С. 190).

⁶³⁷ Подпоручик С. Иванов рапортом от 4 августа сообщал, что повстанцы, будучи в Саранске, находившиеся в

питейных домах и в винном амбаре «как горячее вино, так и прочие напитки все выпустили» (Пугачевщина. Т. 2. С. 190).

⁶³⁸ Повстанцы взяли в Саранске 7 пушек.

⁶³⁹ Ошибка. В действительности то был не посадский человек, а прапорщик саранской инвалидной команды Михаил Михайлович Шахмаметев (Шихмаметев), которого Е. И. Пугачев указом от 28 июля 1774 г. назначил градоправителем Саранска и воеводой Саранского уезда. 2 августа 1774 г. Шахмаметев был арестован вступившей в Саранск карательной командой секунд-майора К. Меллина. Несколько дней спустя Шахмаметев был освобожден нападшими на конвой повстанцами, но он вскоре бежал от них и в конце августа явился с повинной в Царицын. В ноябре 1774 г. его доставили в Москву, где он содержался в Тайной экспедиции Сената, по определению которой от 27 января 1775 г. освобожден из заключения.

⁶⁴⁰ Неточность. В действительности Е. И. Пугачев находился со своим войском в Саранске не двое, а трое суток, с 7 часов утра 27 июля до 8 часов утра 30 июля 1774 г.

⁶⁴¹ Судя по рапорту подпоручика С. Иванова от 4 августа 1774 г., повстанцы казнили в Саранске 63 дворян, чиновников, офицеров и приказных служителей; в числе казненных был предводитель саранского дворянства отставной генерал-майор В. О. Сипягин (Пугачевщина. Т. 2. С. 189—190).

⁶⁴² Речь идет об Авдотье Семеновне Каменецкой, вдове саранского офицера, которая была казнена повстанцами 27 июля 1774 г.

⁶⁴³ Е. И. Пугачев взял в свое войско из Саранска 70 купцов и 12 ремесленников.

⁶⁴⁴ Имен и биографических сведений об офицере и его жене, упоминаемых в данном показании Е. И. Пугачева, установить не удалось.

⁶⁴⁵ Войско Е. И. Пугачева вступило в Пензу вечером 1 августа 1774 г.

⁶⁴⁶ Повстанческая Военная коллегия 1 августа 1774 г. направила в Пензу указ, которым предписала горожанам торжественно встретить «Петра III» с его войском, приготовить провиант и фураж и поставить 24 подводы для артиллерии (Документы ставки. Док. № 87). В соответствии с этим указом Пугачев и был встречен в предместье Пензы духовенством, купцами во главе с бургомистром Б. Елиза-

ровым и гарнизонной командой во главе с секунд-майором Г. Г. Герасимовым.

⁶⁴⁷ Повстанцы захватили в Пензенской провинциальной канцелярии свыше 13 тысяч рублей медной монетой и увезли ее на 40 подводах в ставку Е. И. Пугачева. Часть этих денег была роздана горожанам.

⁶⁴⁸ Будучи в Пензе, повстанцы, «питейные и соляные анбары отворя, велели народу вино пить и соль брать безденежно» (протокол показаний купца А. Я. Кознова на допросе 6 октября 1774 г. — ЦГАДА. Ф. 6. Д. 453. Л. 25—25 об.).

⁶⁴⁹ Пензенский воевода А. А. Всеволожский, чиновники П. В. Гуляев, С. Дудкин и С. Григорьев бежали из Пензы 26 июля 1774 г.

⁶⁵⁰ Бургомистром в Пензе в 1774 г. был купец Борис Елизаров, но Е. И. Пугачев был на обеде не у него, а в доме у другого пензенского купца — А. Я. Кознова.

⁶⁵¹ Речь идет о пензенском купце Андрее Яковлевиче Кознове, в доме у которого 2 августа 1774 г. был устроен торжественный обед Е. И. Пугачеву. День спустя Пугачев назначил Кознова воеводским товарищем в Пензе. Позднее он служил казаком в повстанческой войске, 28 августа арестован карателями. По определению Тайной экспедиции Сената от 27 марта 1775 г. Кознов «как недостойный гражданин» отправлен на пожизненное поселение в Сибирь.

⁶⁵² Речь идет об А. Я. Кознове, которого Е. И. Пугачев ошибочно принимал за пензенского бургомистра.

⁶⁵³ Неточность. В действительности А. Я. Кознов по указу Е. И. Пугачева от 3 августа 1774 г. был назначен воеводским товарищем, воеводой же или, точнее, градоправителем в Пензе был определен секунд-майор местной инвалидной команды Гаврила Герасимович Герасимов с одновременным производством его в чин полковника (Документы ставки. Док. № 42). В должности пугачевского градоначальника Герасимов пробыл всего лишь одни сутки, 4 августа 1774 г. он был арестован вступившей в Пензу карательной командой секунд-майора К. Меллина, потом содержался в заключении и под следствием в Казани. По определению Тайной экспедиции Сената от 18 февраля 1775 г. Герасимов был лишен офицерского чина и отправлен на пожизненное поселение в Сибирь.

⁶⁵⁴ По другим данным Е. И. Пугачев взял из Пензы шесть пушек.

⁶⁵⁵ В действительности это был не старшина, а есаул

волжских казаков Иван Алексеевич Старицкий (Старицков), который в июле 1774 г. был командирован с 14 казаками в город Пензу. При вступлении войска Е. И. Пугачева в Пензу Старицкий со своими казаками перешел на сторону восставших, участвовал с ними в походе по правобережью Волги. Старицкий был взят в плен карателями 25 августа 1774 г. под Черным Яром, содержался под следствием в Царицыне. По определению генерала П. И. Панина, Старицкий отнесен был к числу шести пугачевцев, одного из которых — по жребию — надлежало повесить, а пятерых «прогнать шпицрутенами сквозь тысячу человек по двенадцать раз».

⁶⁵⁶ Имена и биографические данные этих гусар не установлены.

⁶⁵⁷ Войско Е. И. Пугачева вступило в Петровск 4 августа 1774 г.

⁶⁵⁸ Содержание манифеста Е. И. Пугачева, посланного им 4 августа 1774 г. в Петровск, во многом, видимо, сходствовало с его же манифестами, обнаруженными в Саранске и в Пензе.

⁶⁵⁹ В действительности это был не воевода, а воеводский товарищ секунд-майор Иван Никифорович Буткевич, который и был казнен повстанцами 4 августа 1774 г. Что же касается воеводы подполковника Петра Даниловича Зиминского, то он бежал из Петровска в начале августа 1774 г. в Астрахань.

⁶⁶⁰ В действительности это был не поручик, а прапорщик петровской инвалидной команды Иван Гаврилович Юматов. При вступлении в Петровск повстанческого войска он явился в ставку Е. И. Пугачева и в тот же день был произведен в полковники и назначен воеводой в Петровске. Юматов пробыл в должности пугачевского воеводы всего лишь три дня. 7 августа он был арестован вступившей в Петровск карательной командой секунд-майора К. Меллина, в ноябре доставлен в Москву и привлечен к следствию. По определению Сената от 10 января 1775 г. Юматов был разжалован и изгнан со службы.

⁶⁶¹ По свидетельству прапорщика И. Г. Юматова, Е. И. Пугачев взял из Петровска четыре пуда пороха, пушечные ядра и солдатские ружья (Пугачевщина. Т. 3. С. 88).

⁶⁶² Показание ошибочное. Судя по свидетельству прапорщика И. Г. Юматова, Е. И. Пугачев взял из Петровска 9 пушек (Пугачевщина. Т. 3. С. 88).

⁶⁶³ В действительности, по свидетельству прапорщика И. Г. Юматова, в городской казне Петровска имелся в то время 41 рубль, но эти деньги не были взяты повстанцами (Пугачевщина. Т. 3. С. 88).

⁶⁶⁴ По свидетельству прапорщика И. Г. Юматова, Е. И. Пугачев приказал ему имевшуюся в Петровске казенную соль жителям раздавать безденежно, на каждого человека по три фунта; вино продавать по полтора рубля, чего, однако, он, Юматов, не исполнил (Пугачевщина. Т. 3. С. 88).

⁶⁶⁵ Как показал на следствии прапорщик И. Г. Юматов, к моменту вступления войска Е. И. Пугачева в Петровск в местной инвалидной команде насчитывалось всего лишь 13 человек. 5 августа 1774 г. Юматов, исполняя повеление Пугачева, собрал отряд из 339 пехотных солдат, который и был отправлен им на пополнение повстанческого войска (Пугачевщина. Т. 3. С. 86, 88).

⁶⁶⁶ Речь идет о четырех донских казаках (из команды есаула П. А. Фомина), посланных 4 августа 1774 г. для разведки в Петровск, куда только что вступило войско Е. И. Пугачева.

⁶⁶⁷ Донская казачья команда есаула П. А. Фомина (около 60 казаков) 3 августа 1774 г. была послана из Саратова бригадиром М. М. Ладыженским в Петровск, чтобы воспрепятствовать захвату этого города войском Е. И. Пугачева. 4 августа в команду Фомина, приблизившуюся к Петровску, приехали из Саратова гвардии поручик Г. Р. Державин, майор Ф. Ф. Гогель и прапорщик П. Скуратов (Шкуратов). Гогель, Скуратов и Фомин с десятью казаками поехали ближе к Петровску, отрядив туда четырех казаков, которые и были захвачены повстанцами, после чего Е. И. Пугачев со 150 повстанцами бросились преследовать офицеров и есаула Фомина.

⁶⁶⁸ Имеется в виду майор Федор Федорович Гогель, крейс-комиссар колоний иностранных колонистов в Нижнем Поволжье.

⁶⁶⁹ Речь идет о Петре Афанасьевиче Фомине, есауле донской казачьей команды в Саратове; весной и летом 1774 г. он участвовал в карательных операциях против повстанцев в Поволжье и приицкой степи.

⁶⁷⁰ В действительности это был не сержант, а прапорщик Петр Скуратов (Шкуратов), офицер саратовского гарнизонного батальона, он был убит повстанцами под Петровском 4 августа 1774 г.

⁶⁷¹ Речь идет об есауле П. А. Фомине (см. о нем выше, прим. 669).

⁶⁷² Е. И. Пугачев послал к есаулу П. А. Фомину не одного, а двух казаков с приказанием, чтобы Фомин с его командой приехал к лагерю повстанцев, но Фомин тотчас бежал по дороге к Саратову.

⁶⁷³ О переходе донской казачьей команды на сторону Е. И. Пугачева под Петровском 4 августа 1774 г. см. протоколы показаний казаков В. И. Малахова, И. Г. Мелехова и П. А. Бекренева (Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны. Р. н. Д. 1961. С. 81—83, 148—149).

⁶⁷⁴ Речь идет о прапорщике П. Скуратове (см. выше, прим. 670).

⁶⁷⁵ Майор Ф. Ф. Гогель, гвардии поручик Г. Р. Державин и есаул П. А. Фомин бежали из-под Петровска в Саратов, где и явились в ночь с 4 на 5 августа 1774 г.

⁶⁷⁶ Речь идет о команде волжских казаков, высланной утром 6 августа 1774 г. из Саратова против войска Е. И. Пугачева и перешедшей на его сторону (см. прим. 442 к док. № 1).

⁶⁷⁷ Речь идет об Александре Денисовиче Толмачеве (см. о нем прим. 444 к док. № 1).

⁶⁷⁸ В действительности в этой команде было 80 человек и командовал ею не хорунжий, а есаул С. Тарарин (см. прим. 442 к док. № 1).

⁶⁷⁹ Толмачев А. Д. (см. выше, прим. 677).

⁶⁸⁰ Речь идет о Степане Калабродове (см. о нем прим. 443 к док. № 1).

⁶⁸¹ Эта команда, в которой находилось от 15 до 20 казаков, была послана саратовским комендантом полковником И. К. Бошняком для поимки «языка» из авангарда войска Е. И. Пугачева, но команда в полном составе перешла к повстанцам.

⁶⁸² Кобяков Федор Федорович, саратовский купец, из «первостатейных». С 6 августа 1774 г. служил в войске Е. И. Пугачева и после поражения его в битве под Черным Яром бежал, но вскоре был схвачен карателями, содержался в саратовском тюремном остроге, а затем был под следствием в Москве, в Тайной экспедиции Сената. По определению Сената от 10 января 1775 г. Кобяков был отправлен в Саратов, где публично бит кнутом, а потом освобожден.

⁶⁸³ Доставленный Ф. Ф. Кобяковым в Саратов манифест Е. И. Пугачева был уничтожен саратовским комендантом полковником И. К. Бошняком.

⁶⁸⁴ Войско Е. И. Пугачева вступило в бой за Саратов во втором часу пополудни 6 августа 1774 г. и в шесть часов вечера того дня овладело городом (см. прим. 446 к док. № 1).

⁶⁸⁵ Перешедший на сторону повстанцев офицер в красном кафтане — капитан Андрей Михайлович Баратаев (см. о нем прим. 207 к док. № 2).

⁶⁸⁶ Перешедший на сторону повстанцев офицер в зеленом кафтане — секунд-майор Андрей Михайлович Салманов (см. о нем прим. 204 к док. № 2).

⁶⁸⁷ При взятии Саратова войском Е. И. Пугачева на его сторону перешли до 200 саратовских казаков.

⁶⁸⁸ «Бургомистр» — саратовский купец Матвей Дмитриевич Протопопов. 6 августа 1774 г., когда повстанческое войско подошло к предместью Саратова, призывал горожан и воинские команды гарнизона к сдаче города «Петру III», несколько дней спустя, раскаявшись, бежал из города и жил в укрытии. При вступлении корпуса полковника И. И. Михельсона в Саратов Протопопов явился к нему и был назначен им в бургомистры, но потом арестован, а в ноябре 1774 г. доставлен в Москву, где был допрошен в Тайной экспедиции Сената. По определению Сената от 10 января 1775 г. Протопопов был отправлен в Саратов, где публично наказан плетью, а потом освобожден.

⁶⁸⁹ Посадское население Саратова доказало готовность служить «Петру III», сформировав отряд из 150 купцов и ремесленников, которые во главе с купцом Степаном Грачевым (произведенным в полковники) вступили в повстанческое войско и участвовали в походе к Царицыну.

⁶⁹⁰ Уфимцев Яков Алексеевич, отставной пятидесятник саратовских казаков, занимавшийся крупными торговыми операциями. Е. И. Пугачев расплатился с Уфимцевым за взятый у него в сентябре 1773 г. табун из 300 лошадей, выдав ему 2700 рублей из захваченной казны Саратовской конторы опекунства иностранных колонистов. 8 августа 1774 г. Пугачев произвел Уфимцева в чин полковника и назначил атаманом Саратовской станицы (т. е. Саратова). После ухода повстанческого войска из Саратова Уфимцев на некоторое время задержался в городе, а потом бежал и скрывался в казачьих хуторах. Несколько дней спустя, не находя иного выхода, Уфимцев явился в город, сдался военным властям и был заключен в острог. Генерал П. И. Панин при вынесении приговора Уфимцеву определил: «наказать его под виселицею кнутом, дать 25 ударов, и — в память злодейских дел — урезать ухо».

⁶⁹¹ Речь идет о пятидесятнике саратовских казаков Иване Яковлевиче Уфимцеве, которого Е. И. Пугачев произвел в полковники и наградил медалью.

⁶⁹² Имеется в виду хорунжий саратовских казаков Афанасий Яковлевич Уфимцев, которого Е. И. Пугачев произвел в есаулы.

⁶⁹³ Имеется в виду поражение войска Е. И. Пугачева в битве под Черным Яром 25 августа 1774 г.

⁶⁹⁴ Речь идет о М. Д. Протопопове (см. о нем выше, прим. 688).

⁶⁹⁵ Речь идет о речном судне, захваченном повстанцами 7 августа 1774 г. ниже Саратова. На этом судне находилась денежная казна Саратовской соляной конторы (свыше 2 тыс. рублей). День спустя повстанцы захватили и другое судно, с казной Саратовской конторы опекунства иностранных колонистов (до 15 тыс. рублей). Эти два судна составляли речную флотилию Пугачева, на них находилось до тысячи повстанцев с несколькими пушками, запасы провианта, денежная казна, боеприпасы. Флотилия следовала вниз по Волге, параллельно движению войска Пугачева. Оба судна достигли Царицына и приняли участие в бою 21 августа 1774 г., поддерживая сухопутные силы Пугачева. Посланные из Царицына суда-брандвахты с артиллерией атаковали и блокировали пугачевские суда, отрезав им путь отхода на юг и север, но захватили их лишь 25 августа.

⁶⁹⁶ «... шесть дворянских жен» — на судне Соляной конторы в числе шести дворянок были дочери и племянницы бывшего саратовского коменданта полковника Томаса Юнгера, все они были освобождены из плена и привезены в Царицын 25 августа 1774 г.

⁶⁹⁷ Я. А. Уфимцев утверждал на следствии, что Е. И. Пугачев заплатил ему 27 000 рублей (ЦГАДА. Ф. 1274. Д. 181. Л. 26 об.—27).

⁶⁹⁸ Кроме денежной казны, находившейся на двух судах, отправленных из Саратова (см. выше, прим. 695), повстанцы захватили в самом городе 25 789 рублей медной монетой.

⁶⁹⁹ Показание Е. И. Пугачева подтверждается свидетельством яицкого казака А. Савинова, который сообщил на допросе, что Пугачев, выступив из Саратова, взял с собой пять пушек из городской артиллерии (ЦГАДА. Ф. 1100. Д. 10. Л. 72 об.).

⁷⁰⁰ Речь идет о секунд-майоре А. М. Салманове и А. М. Баратаеве.

⁷⁰¹ В битве под Черным Яром 25 августа 1774 г. карателями взято в плен 352 рядовых и унтер-офицеров саратовского гарнизонного батальона и артиллерийской команды, служивших в войске Е. И. Пугачева.

⁷⁰² О Ф. Ф. Кобякове, И. Я. и А. Я. Уфимцевых см. выше, прим. 682, 691 и 692.

⁷⁰³ Войско Е. И. Пугачева выступило из Саратова 9 августа 1774 г.

⁷⁰⁴ Речь идет об иностранных колонистах Поволжья, поселения которых (Ровное, Нижняя Добрянка, Сарепта и др.) находились на берегах Волги от Саратова до Черного Яра. Близкие к данному показанию Е. И. Пугачева о числе колонистов (500 человек), вступивших в августе 1774 г. в его войско, сведения приводятся в рапорте Канцелярии опекунства иностранных колонистов в Сенат от 20 октября 1774 г. (Пугачевщина. Т. 3. С. 204).

⁷⁰⁵ Ходин Василий (см. о нем прим. 107 к док. № 2).

⁷⁰⁶ Речь идет о битве под Казанью 15 июня 1774 г.

⁷⁰⁷ Здесь речь идет о речном судне Саратовской соляной конторы (см. выше, прим. 695).

⁷⁰⁸ Повстанческое войско подошло к Камышину (Дмитриевску) вечером 12 августа 1774 г.

⁷⁰⁹ В данном показании речь идет о команде волжских (а не царицынских) казаков походного атамана Ивана Попова.

⁷¹⁰ Войско Е. И. Пугачева вступило в Камышин в полдень 13 августа 1774 г. (см. прим. 450 к док. № 1).

⁷¹¹ «Комендант» — полковник Каспар Захарович Меллин (см. о нем прим. 451 к док. № 1).

⁷¹² Речь идет об Иване Степановиче Абызове, сержанте гарнизонной команды в Камышине. При вступлении повстанческого войска в Камышин Абызов с солдатами своей команды перешел на сторону Е. И. Пугачева, за что был произведен в полковники и назначен комендантом города. Позднее Абызов участвовал в походе к Черному Яру, захвачен в плен карателями в сражении 25 августа, предстал перед военным судом, по приговору которого подвергнут тяжкому телесному наказанию (4 тысячи ударов шпицрутенами) и разжалован в рядовые.

⁷¹³ Перфильев Афанасий Петрович (см. о нем прим. 426 к док. № 1).

⁷¹⁴ Речь идет о капитане А. М. Баратаеве (см. о нем прим. 207 к док. № 2).

⁷¹⁵ Капитан А. М. Баратаев был убит яицкими казаками-повстанцами под Камышином в ночь с 13 на 14 августа 1774 г.

⁷¹⁶ В других источниках не имеется упоминаний о том, что в Камышине к Е. И. Пугачеву присоединился отряд из 600 малороссийских казаков. Возможно, что Пугачев принял за малороссийских казаков украинцев из заволжских селений, присоединившихся в августе 1774 г. к повстанческому войску.

⁷¹⁷ Три станицы Волжского казачьего войска: Антиповская, Караваевская и Балыклеевская — были заняты войском Е. И. Пугачева 14—15 августа 1774 г.

⁷¹⁸ Войско Е. И. Пугачева вступило в Караваевскую станицу утром 15 августа 1774 г. (см. прим. 454 к док. № 1).

⁷¹⁹ Войско Е. И. Пугачева вступило в Антиповскую станицу 14 августа 1774 г. (см. прим. 453 к док. № 1).

⁷²⁰ В данном показании речь идет о Балыклеевской станице, в которую войско Е. И. Пугачева вступило 15 августа 1774 г. (см. прим. 455 к док. № 1).

⁷²¹ Речь идет о 1-й легкой полевой команде царицынского гарнизона (до 800 человек с 10 пушками) во главе с секунд-майором А. Т. фон Дицем (см. прим. 456 и 457 к док. № 1).

⁷²² Здесь речь идет о донском казачьем полку (до 500 казаков) полковника Ф. Кутейникова (см. прим. 456 и 457 к док. № 1).

⁷²³ В действительности это был конный отряд из 3 тысяч калмыков (а не 6 тысяч, как показал Е. И. Пугачев), возглавляемый полковником А. И. Дундуковым (см. прим. 456 и 457 к док. № 1).

⁷²⁴ О манифесте, посланном 15 августа 1774 г. донским казакам полка Ф. Кутейникова, см.: Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 253—254.

⁷²⁵ Речь идет о полковнике князе Алексее Ивановиче Дундукове (см. прим. 456 и 457 к док. № 1).

⁷²⁶ «Кзацкий полковник» — Федор Кутейников (см. о нем прим. 462 к док. № 1).

⁷²⁷ Речь идет о секунд-майоре Августе Томасовиче фон Дице (1736—1774), командире 1-й легкой полевой команды, расквартированной в Царицыне. Диц погиб в сражении с войском Е. И. Пугачева у реки Пролейки 16 августа 1774 г.

⁷²⁸ О сражении войска Е. И. Пугачева с царицынским карательным корпусом, происходившем 16 августа 1774 г. у реки Пролейки под Балыклеевской станицей, см. прим. 457 к док. № 1.

⁷²⁹ После поражения карательного корпуса в битве 16 августа 1774 г. у реки Пролейки полковник Ф. Кутейников бежал с казаками своего полка в Качалинскую станицу, полковник А. И. Дундуков и секунд-майор И. Куткин с небольшой группой калмыков бежали в Царицын.

⁷³⁰ Речь идет о И. С. Абызове (см. о нем выше, прим. 712).

⁷³¹ Войско Е. И. Пугачева вступило в Дубовку 17 августа 1774 г.

⁷³² Атаман Волжского казачьего войска В. М. Персидский бежал из Дубовки в Царицын 16 августа 1774 г., узнав, что в тот день войско Е. И. Пугачева, разгромив карательный корпус в битве у реки Пролейки, направилось к Дубовке.

⁷³³ Во время пребывания Е. И. Пугачева в Дубовке (17—19 августа 1774 г.) там из местных волжских казаков был сформирован Дубовский полк во главе с полковником А. Д. Толмачевым.

⁷³⁴ Отряд из 3 тысяч конных калмыков присоединился к войску Е. И. Пугачева 19 августа 1774 г. (см. прим. 460 к док. № 1).

⁷³⁵ Речь идет о правителе волжских калмыков Цендене-Дарже.

⁷³⁶ О встрече Е. И. Пугачева с калмыцкой конницей Цендена-Даржи и о награждении калмыков см. прим. 460 к док. № 1.

⁷³⁷ Войско Е. И. Пугачева, выступив из-под Дубовки 19 августа 1774 г., два дня спустя подошло к Царицыну.

⁷³⁸ Речь идет о штурме Царицына войском Е. И. Пугачева 21 августа 1774 г. (см. прим. 463—466 к док. № 1).

⁷³⁹ Имеется в виду бой авангарда войска Е. И. Пугачева с донскими казачьими полками под Царицыном 20 августа 1774 г. (см. прим. 461 к док. № 1).

⁷⁴⁰ Донскими казачьими полками в бою под Царицыном 20 августа 1774 г. наряду с полковником Ф. Кутейниковым командовали казачьи полковники К. Денисов, В. Манков, В. Греков, Г. Поздеев, М. Денисов, В. Денисов и походный атаман В. Перфилов (см. прим. 461 к док. № 1).

⁷⁴¹ Донские казачьи полки, вступив 20 августа 1774 г. в

бой с войском Е. И. Пугачева у реки Нижняя Пичуга, имели поначалу некоторый тактический успех, но были опрокинуты, и к ночи отошли к Царицыну (см. прим. 461 к док. № 1).

⁷⁴² Речь идет об уничтожении дома Е. И. Пугачева в Зимовейской станице. 10 января 1774 г. Екатерина II отправила указ атаману Донского казачьего войска С. Н. Сулину с предписанием о публичном сожжении дома Пугачева. Дом этот был публично сожжен палачом в присутствии жителей Зимовейской, Есауловской и Верхней Курмоярской станиц 6 февраля 1774 г.

⁷⁴³ Речь идет о жене Е. И. Пугачева Софье, которая с 12 июля 1774 г. находилась с детьми при муже.

⁷⁴⁴ Утром 21 августа 1774 г. Ф. Кутейников был выведен на расстрел. Получив при расстреле легкую рану в бок, он упал в глубокий буерак, прикинулся убитым и, выждав время до ночи, ушел в Качалинскую станицу.

⁷⁴⁵ Е. И. Пугачев уже 19 августа 1774 г. получил известие о подходе к Дубовке преследующего неприятеля (то был корпус полковника И. И. Михельсона). Пугачев тотчас снял лагерь и пошел с войском к Царицыну. 21 августа Пугачев, находясь у Царицына, получил известие о том, что неприятель утром того дня вступил в Дубовку и находится в одном дневном переходе и потому он, Пугачев, не продолжая более штурма Царицына, повел свое войско на юг, к Черному Яру.

⁷⁴⁶ Генерал-майор П. М. Голицын 21 августа 1774 г., в день штурма Царицына войском Е. И. Пугачева, находился в деревне Лапасейки под Саратовом, т. е. в значительном отдалении от Царицына, и не мог угрожать Пугачеву.

⁷⁴⁷ Корпус полковника И. И. Михельсона утром 21 августа вошел в Дубовку, а на другой день вышел на дальние подступы к Царицыну, где и вступил в бой с арьергардными отрядами войска Е. И. Пугачева и с его флотилией на Волге.

⁷⁴⁸ Вечером 21 августа 1774 г. Е. И. Пугачев повел свое войско от Царицына к Черному Яру.

⁷⁴⁹ Трудно сказать, насколько достоверно утверждение Е. И. Пугачева о имевшемся у него намерении повести свое войско от Черного Яра к Яицкому городку. Позднее, переправившись на левый берег Волги, Пугачев решительно противился предложению следовать к рекам Узеням и далее к Яицкому городку, предлагая взамен того идти либо к

Каспийскому морю, либо на Украину к запорожским казакам, либо в Башкирию, либо в Сибирь, либо, наконец, в калмыцкие улусы к Цендену-Дарже (см. прим. 482 к док. № 1).

⁷⁵⁰ Речь идет о донских казаках, перешедших на сторону Е. И. Пугачева вечером 21 августа 1774 г. (см. прим. 467 к док. № 1).

⁷⁵¹ В ночь с 21 на 22 августа 1774 г. из повстанческого лагеря под Сарептой бежало от 100 до 150 донских казаков, уходили они и в последующие дни.

⁷⁵² Речь идет о битве войска Е. И. Пугачева с корпусом полковника И. И. Михельсона у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г.

⁷⁵³ Е. И. Пугачев с двумя сотнями повстанцев вечером 25 августа 1774 г. переправился на левый берег Волги в 20 верстах выше Черного Яра.

⁷⁵⁴ О судьбе 164 повстанцев, переправившихся с Е. И. Пугачевым за Волгу см. прим. 480 к док. № 1.

⁷⁵⁵ «Башкирской старшина Кинжа» — Кинзя Арсланов (см. о нем прим. 244 к док. № 1).

⁷⁵⁶ «Каргалинской татарин Садык» — татарин слободы Каргалы под Оренбургом Садык Сеитов, повстанческий полковник, он пропал без вести в заволжских степях в сентябре 1774 г.

⁷⁵⁷ Вопрос о выборе пути следования повстанческого отряда обсуждался на совете в лагере Е. И. Пугачева у реки Ахтубы 26 августа 1774 г. (см. прим. 482 к док. № 1).

⁷⁵⁸ 27 августа 1774 г. отряд Е. И. Пугачева вышел к левому берегу Волги, против Царицына, после чего направился на север.

⁷⁵⁹ В Камышине находились эскадрон улан поручика Мельгунова, рота 22-й легкой полевой команды и конный отряд из 150 казаков. Эти силы не только охраняли Камышин, но и посылали разъезды за Волгу. Возможно, о столкновении с одним из этих разъездов и идет речь в показании Пугачева.

⁷⁶⁰ Федулев Василий Максимович (1754—ок. 1815), яицкий казак, примкнул к восстанию в октябре 1773 г., служил в «гвардии» — личной охране Е. И. Пугачева. 17 октября 1774 г. Федулев явился с повинной в Яицкий городок, где был допрошен. Позднее, до марта 1775 г. он содержался в оренбургском остроге, после чего был освобожден и по-прежнему служил казаком в Уральском войске.

⁷⁶¹ «... Дошел он до малороссийской слободы» — речь идет о населенной украинцами Николаевской слободе (на левом берегу Волги против Камышина), где Е. И. Пугачев был со своими казаками 31 августа 1774 г. От Николаевской слободы отряд Пугачева направился по старой чумацкой дороге на юго-восток, к озеру Эльтон.

⁷⁶² То были яицкие казаки Яков Бакалкин и Яков Лепехин, которые разыскали на левом берегу Большого Узенья раскольничий скит.

⁷⁶³ У Е. И. Пугачева была любимая лошадь соловой масти, которая, по отзыву генерала П. С. Потемкина, славилась тем, что была «столь быстра, сколь собою некрасива».

⁷⁶⁴ Этот разговор Ф. Ф. Чумакова с Е. И. Пугачевым состоялся 8 сентября 1774 г. в стане на левом берегу Большого Узенья.

⁷⁶⁵ Речь идет о реке Большой Узень, на берегу которой 8 сентября 1774 г. заговорщики во главе с Ф. Ф. Чумаковым, И. А. Твороговым и И. П. Федулевым арестовали Е. И. Пугачева (см. прим. 484 и 485 к док. № 1).

⁷⁶⁶ Большая часть казаков находилась в лагере у реки Малый Узень и не знала о состоявшемся аресте Е. И. Пугачева заговорщиками.

⁷⁶⁷ Коновалов Василий Семенович (см. о нем прим. 146 к док. № 1).

⁷⁶⁸ Речь идет о предпринятой Е. И. Пугачевым 8 сентября 1774 г. попытке побега от арестовавших его заговорщиков (см. прим. 486 к док. № 1).

⁷⁶⁹ Главари заговора отправили 8 сентября 1774 г. в Яицкий городок трех посланцев — казаков Ивана Калмыкова, Василия Жигалина и Ивана Левочкина, поручив им сообщить властям об аресте Е. И. Пугачева и о готовности казаков к капитуляции. Они приехали в Яицкий городок 14 сентября.

⁷⁷⁰ Речь идет о предпринятой Е. И. Пугачевым 10 или 11 сентября 1774 г. в стане у речки Балыкты попытке поднять казаков на выступление (см. прим. 486 к док. № 1).

⁷⁷¹ Харчев Петр Осипович (см. о нем прим. 489 к док. № 1).

⁷⁷² Е. И. Пугачев был доставлен в Яицкий городок в ночь с 14 на 15 сентября 1774 г.

⁷⁷³ Маврин Савва Иванович (см. о нем прим. 492 к док. № 1).

⁷⁷⁴ Речь идет о допросе Е. И. Пугачева в Яицкой секретной комиссии 16 сентября 1774 г. (см. док. № 1).

⁷⁷⁵ Суворов Александр Васильевич (1729—1800), в 1774 г. генерал-поручик, в сентябре того года преследовал отряд Е. И. Пугачева в завожской степи, а потом конвоировал Пугачева, его жену Софью и сына Трофима из Яицкого городка в Симбирск.

⁷⁷⁶ 16—18 сентября 1774 г. А. В. Суворов сформировал в Яицком городке отряд для конвоирования Е. И. Пугачева. В отряд вошли: команда премьер-майора К. Меллина (350 человек пехоты и кавалерии с 5 пушками), две сотни донских казаков во главе с полковниками К. Денисовым, Г. Поздеевым, М. Денисовым, сотня яицких казаков во главе со старшиной М. Бородиным, сотня гренадер во главе с поручиком Н. Москотиньевым. 18 сентября в 10 часов утра конвойный отряд Суворова вывез Пугачева, его жену Софью и сына Трофима из Яицкого городка. 1 октября 1774 г. он прибыл в город Симбирск, где, по распоряжению генерал-аншефа П. И. Панина, сдал Е. И. Пугачева под охрану команды гвардии капитана А. П. Галахова.

⁷⁷⁷ Речь идет о допросе Е. И. Пугачева в Симбирске 2—6 октября 1774 г. (см. док. № 2).

⁷⁷⁸ Конвойный отряд во главе с гвардии капитаном А. П. Галаховым вывез Е. И. Пугачева из Симбирска 26 октября 1774 г. и доставил в Москву 4 ноября того же года.

⁷⁷⁹ Белобородов Иван Наумович (1741—1774), крестьянин села Медянки Кунгурского уезда, отставной канонир, примкнул к Пугачевскому движению в январе 1774 г. и вскоре стал одним из крупнейших военных предводителей восстания на Среднем и Южном Урале. В мае он 1774 г. привел свой отряд к Е. И. Пугачеву в Магнитную крепость, в составе повстанческого войска участвовал в походе к Казани, в боях под этим городом 12 и 15 июля, после чего бежал, но 19 июля был схвачен карателями. По приговору Казанской секретной комиссии, санкционированному Екатериной II, казнен в Москве 5 сентября 1774 г.

⁷⁸⁰ Отряд И. Н. Белобородова присоединился к войску Е. И. Пугачева у Магнитной крепости 7 мая 1774 г.

⁷⁸¹ Речь идет о поражении войска Е. И. Пугачева в битве под Казанью 15 июля 1774 г.

⁷⁸² После поражения повстанцев под Казанью И. Н. Белобородов несколько дней скрывался в селе Сухая Река под именем Иван Шеклеин, но был опознан служи-

телем Сергинского завода Г. Володимеровым, который и выдал его.

⁷⁸³ Речь идет о посылке Е. И. Пугачевым своего именно-го указа (от 15 августа 1774 г.) казакам Донского войска (Документы ставки. Док. № 45). В действительности указ этот был отправлен через посредство атамана Антиповской станицы И. Платонова.

⁷⁸⁴ С именным указом Е. И. Пугачева на Дон были посланы казаки Антиповской (а не Караваевской) станицы Иван Черников и Кирсан Тарасов.

⁷⁸⁵ Хотя именной указ Е. И. Пугачева от 15 августа 1774 г., судя по его адресату, предназначался атаману и казакам Березовской станицы, но при отправлении его Пугачев, передумав, приказал отвезти его в Иловлинскую станицу.

⁷⁸⁶ Казаки И. Черников и К. Тарасов, явившиеся 16 августа 1774 г. с именным указом Е. И. Пугачева в Иловлинскую станицу, были арестованы там старшиной В. Манковым. Черников был отправлен в Черкасск, где и казнен 27 октября; Тарасов послан через Царицын в Астрахань (последующая его судьба неизвестна).

⁷⁸⁷ Разговоры относительно судьбы Екатерины II и ее приспешников — «бояр» в том случае, если новоявленный «Петр III» овладеет Москвой и Петербургом и снова примет престол, действительно, велись Пугачевым и его ближайшими сподвижниками в Бердской слободе. Речь там шла, однако, не о предполагаемом в Москве судебном разбирательстве прав на престол между «Петром III» и Екатериной II, а о намерении Пугачева сослать императрицу в монастырь и об истреблении «больших бояр». Такого рода данные содержатся в протоколах следственных показаний И. Н. Зарубина, Я. Ф. Почиталина, Т. И. Подурова, М. Д. Горшкова (Пугачевщина. Т. 2. С. 135, 194, 288; ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 214 об.).

⁷⁸⁸ Последний абзац протокола допроса (л. 356—356 об.) включает в себе запись показаний Е. И. Пугачева по существу тех данных, которые содержатся в выписке из реляции посланника в Париже князя И. С. Бярятинского, полученной Екатериной II осенью 1774 г. Выписка эта была послана Екатериной II в Москву с надписью: «Отдать Шешковскому» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 325—326). Бярятинский писал, что священник русской миссии в Париже познакомился с неким Ламером, французом, жившим до того

в России среди иностранных колонистов Поволжья. В беседе со священником Ламер сказал, что он будто бы знает Пугачева по встрече в Саратове задолго до его выступления под именем «Петра III», что тот якобы не донской казак, а уроженец города Очакова, и во время Семилетней войны служил поручиком в русской армии. Ламер сообщил также, что Пугачев, действуя будто бы в сговоре со ссыльными польскими конфедератами и используя их деньги, намерен был уже в начале 1700-х годов поднять конфедератов и иностранных колонистов на восстание, рассчитывая в этом деле на поддержку во Франции, куда и направил в 1772 г. своего эмиссара, француза из поволжских колонистов, некоего Каро (Кар, Кара) с мемориалом к герцогу («дюку») д'Эгильону, но тот, не получив от герцога помощи, сам действовал по поручениям Пугачева в Голландии и Италии. Хотя вздорность этих измышлений не вызывала каких-либо сомнений, тем не менее С. И. Шешковский еще до начала следствия над Пугачевым обратился в Канцелярию опекунов иностранных колонистов с запросом о Ламере и Каро, откуда и получил ответ, что Пьер Ламер действительно жил среди колонистов в России, и последние сведения о нем относились к 16 февраля 1771 г., но предпринятые розыски не увенчались успехом и его местонахождение неизвестно; что же касается Каро, то о нем каких-либо сведений в бумагах Канцелярии не имеется (там же. Л. 327).

⁷⁸⁹ Каро (Кар, Кара), некий француз из иностранных колонистов Поволжья, которого, судя по измышлениям Ламера (см. выше, прим. 788), Е. И. Пугачев будто бы отправил в 1772 г. во Францию с мемориалом к герцогу д'Эгильону для переговоров о помощи задуманному восстанию в Поволжье иностранных колонистов и ссыльных польских конфедератов. Пугачев на допросах в Москве, как и на предшествующих допросах в Яицком городке и Симбирске, решительно и вполне обоснованно опровергал подозрения Екатерины II и следствия относительно причастности зарубежных стран к поднятому им восстанию.

⁷⁹⁰ «Семенов» — Алексей Семенович Логачев (см. о нем прим. 54 к док. № 1).

⁷⁹¹ Показание Е. И. Пугачева относительно пребывания с А. С. Логачевым в Саратове осенью 1772 г. подтверждается свидетельством Логачева, который говорил на допросе, что по приезде в Саратов они были задержаны, содержались

в течение суток под караулом, а потом их выпроводили из города (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 3. Л. 71).

⁷⁹² Речь идет о пребывании Е. И. Пугачева со своим войском в Саратове 6—9 августа 1774 г.

⁷⁹³ В данном показании речь идет о вымышленном свидетельстве Ламера, утверждавшего, что Е. И. Пугачев был якобы уроженцем города Очакова (см. выше, прим. 788). Опровергая свидетельство Ламера, Пугачев ссылается на показание о своем участии в Русско-турецкой войне 1768—1774 гг.

⁷⁹⁴ Речь идет о вымышленном свидетельстве Ламера, утверждавшего, что Е. И. Пугачев во время Семилетней войны служил поручиком в русской армии (см. выше, прим. 788). Опровергая свидетельство Ламера, Пугачев ссылается на показание о своем участии в Семилетней войне в чине рядового казака в донском казачьем полку полковника И. Ф. Денисова (Док. № 3. Л. 230—231 об.).

⁷⁹⁵ Каро (Кар, Кара), — речь идет о французско-колонисте, который, по вымышленному свидетельству Ламера, был будто бы эмиссаром Е. И. Пугачева, посланным им в 1772 г. во Францию (см. выше, прим. 788 и 789).

⁷⁹⁶ Имеется в виду подпоручик Михаил Александрович Шванвич (см. о нем прим. 259 к док. № 1). На следствии Шванвич показал, что во время пребывания в ставке Е. И. Пугачева он никаких писем от имени «Петра III» в зарубежные страны не писал и вообще «ни о каком ево [Пугачева] намерении» на этот счет «не слышал» (Пугачевщина. Т. 3. С. 213—214). Об этом же говорили на следствии и члены повстанческой Военной коллегии И. Я. Почиталин и И. А. Творогов, на которых в данной связи ссылается Пугачев (Пугачевщина. Т. 2. С. 111, 162).

⁷⁹⁷ Речь идет, видимо, о той группе польских конфедератов, которые отбывали ссылку в Казани и 12 июля 1774 г., при взятии этого города Е. И. Пугачевым, были взяты им в свой лагерь, но вечером того же дня во время сражения на Арском поле в числе прочих пленных освобождены корпусом подполковника И. И. Михельсона. Следует заметить, что несколькими месяцами раньше, при осаде Оренбурга, в рядах войска Пугачева находилось до двухсот бывших польских конфедератов, служивших до того в гарнизонах линейных крепостей Южного Урала. Один из них, Фредерик Кравин, заявил на следствии, что у Пугачева «никаких чужестранцев., кроме их, поляков, человек до двухсот, не

видал», да к тому же и все поляки были «в рядовой службе, некоторые канонерами, иныя в казаках, а прочия в пехоте» (ЦГАДА. Ф. 349. Д. 7297. Л. 168—169).

⁷⁹⁸ В данном случае, видимо, описка; на самом деле в войске Е. И. Пугачева служило до 500 иностранных колонистов Поволжья (см. выше, прим. 704).

⁷⁹⁹ Речь идет о поражении войска Е. И. Пугачева в битве у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г.

К ДОКУМЕНТУ № 4

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 4 ноября 1774 г.

¹ Допрос Е. И. Пугачева, производившийся 4 ноября 1774 г. в Московском отделении Тайной экспедиции Сената, изложен в реляции, посланной генерал-аншефом М. Н. Волконским в тот же день Екатерине II (Осмнадцатый век. М., 1869. Т. 1. С. 155—157).

² Волконский Михаил Никитич (см. о нем прим. 5 к док. № 3).

³ Панин Петр Иванович (см. о нем прим. 34 к док. № 1).

⁴ Речь идет о показаниях Е. И. Пугачева на допросе, который производили 2—6 октября 1774 г. в Симбирске генералы П. И. Панин и П. С. Потемкин (см. док. № 2).

⁵ См. выше, прим. 4.

⁶ Речь идет о так называемом голштинском знамени, захваченном карателями в числе других трофеев при поражении пугачевского войска в битве у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г. Это знамя принадлежало одному из голштинских полков Петра III, расформированных после его смерти в 1762 г.

⁷ Долгополов Астафий Трифонович (см. о нем прим. 105 к док. № 2).

⁸ «Иван Иванов» — под этим псевдонимом действовал А. Т. Долгополов в стане Е. И. Пугачева в июне-июле 1774 г. (см. прим. 105 к док. № 2).

⁹ На допросах в Петербурге и в Москве А. Т. Долгополов утверждал, что как в общении с администрацией Екатерины II (август-сентябрь 1774 г.), так и во время пребывания в стане Е. И. Пугачева (июнь-июль 1774 г.) он называл себя Астафием Трифоновым (см. прим. 105 и 109 к док. № 2).

¹⁰ Пугачева Софья Дмитриевна (см. о ней прим. 10 к док. № 1).

¹¹ В данном случае С. Д. Пугачева отвечала на вопрос следователей: знала ли она накануне событий 1773—1774 гг. о намерении Е. И. Пугачева принять имя и титул «императора Петра III» и поднять на вооруженное выступление яицких казаков?

К ДОКУМЕНТУ № 5

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 8 ноября 1774 г.

¹ Волконский Михаил Никитич (см. о нем прим. 5 к док. № 3).

² Речь идет о голштинском знамени (см. прим. 6 к док. № 4).

³ Перфильев Афанасий Петрович (см. о нем прим. 426 к док. № 1).

⁴ Речь идет о разгроме войском Е. И. Пугачева посланного из Царицына карательного корпуса в битве 16 августа 1774 г. у реки Пролейки (см. прим. 457 к док. № 1). В состав царицынского корпуса входила 1-я легкая полевая команда секунд-майора А. Т. Дица.

⁵ Шелег — не находившаяся в денежном обращении монета; в данном случае медная монета с портретом Е. И. Пугачева. В свое время эта монета находилась среди материалов следственного дела Пугачева, где остался конверт с надписью: «В сей бумаге вложена злодейская монета» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 329). Неизвестно кем именно и когда имевшиеся на клапане конверта две красные печати были сломаны и сама монета изъята.

К ДОКУМЕНТУ № 6

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 15 ноября 1774 г.

¹ Голев Михаил Титович, из однодворцев Курского уезда, ветеран Семилетней войны 1756—1763 гг., в

1762—1764 гг. служил в гвардии Семеновском полку, уволен в отставку в чине фурьера и поселен в Александровой слободе под городом Заинском. В феврале 1774 г. Голев примкнул к Е. И. Пугачеву, служил в его войске, после разгрома которого в битве под Черным Яром содержался под следствием в Симбирске и в Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Голев был наказан кнутом, а после отправлен на прежнее местожительство.

² М. Т. Голев показал при допросе, что он был привезен в Бердский лагерь Е. И. Пугачева башкирами в конце февраля 1774 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 93 об.).

³ Войско Е. И. Пугачева находилось в Белорецком заводе с 14 апреля по 2 мая 1774 г.

⁴ Е. И. Пугачев подошел к Магнитной крепости 5 мая 1774 г.

⁵ Войско Е. И. Пугачева овладело Магнитной крепостью 6 мая 1774 г.

⁶ Речь идет о поражении войска Е. И. Пугачева в битве у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г.

⁷ Торнов (Персианинов) Василий Иванович (1737—1775), перс (иранец) по имени Валит, уроженец города Мешхеда в Персии, откуда перебрался в Россию в 1750 г., поселился в Ставропольском уезде Оренбургской губернии. В ноябре 1773 г. Торнов примкнул к Е. И. Пугачеву, служил в его войске, в полку Т. И. Подурова, а в середине декабря направлен атаманом в Нагайбацкую крепость. В начале апреля 1774 г. группа башкирских старшин предательски схватила Торнова и выдала его карателям, которыми он был передан в Казанскую секретную комиссию. После вступления войска Пугачева в Казань (12.VII.1774) Торнов был освобожден из тюрьмы, участвовал в походе повстанческого войска по Поволжью, командуя полком. При поражении Пугачева в битве у Солениковой ватаги Торнов бежал к Черному Яру, где и сдался в плен, содержался под следствием в Симбирске и в Москве. По определению Сената казнен в Москве 10 января 1775 г. вместе с Е. И. Пугачевым, А. П. Перфильевым, Т. И. Подуровым и М. Г. Шигаевым.

⁸ В. И. Торнов был отправлен в Нагайбак с манифестом Е. И. Пугачева 2 декабря 1773 г.

⁹ Горшков Максим Данилович (см. о нем прим. 228 к док. № 1).

¹⁰ Речь идет о пожаре в Казани 12 июля 1774 г., начавшемся вскоре по вступлении в этот город войска Е. И. Пугачева.

¹¹ При штурме Казани повстанческим войском генерал-майор П. С. Потемкин приказал караульным офицерам при Казанской секретной комиссии убить наиболее важных из содержащихся там колодников-пугачевцев. В. И. Торнову посчастливилось в тот день избежать смерти, отделавшись легким ранением.

¹² В. И. Торнов содержался в Казанской секретной комиссии с 17 апреля по 12 июля 1774 г.

¹³ Речь идет о поражении войска Е. И. Пугачева в битве под Казанью 15 июля 1774 г.

¹⁴ Имеется в виду разгром повстанческого войска в сражении у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г.

К ДОКУМЕНТУ № 7

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 16 ноября 1774 г.

¹ Речь идет о протоколе показаний Е. И. Пугачева на допросе 4—14 ноября 1774 г. (док. № 3).

² В данном случае Е. И. Пугачев (как и на допросе в Симбирске) вопреки истине подтвердил вымышленное показание беглого солдата Федора Агафоновича Неустроева (см. о нем прим. 142 к док. № 2), который на допросах в Краснокутском комиссариатстве и Слободской губернской канцелярии утверждал, что Пугачев послал будто бы указы отставному поручику А. М. Гриневу.

³ Гринеv Алексей Матвеевич (см. о нем прим. 143 к док. № 2).

⁴ На очной ставке с А. М. Гриневым, происходившей позднее, Е. И. Пугачев снял выдвинутые против Гринева обвинения.

⁵ Творогов Иван Александрович (см. о нем прим. 205 к док. № 1).

К ДОКУМЕНТУ № 8

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева
на допросе в Московском отделении
Тайной экспедиции Сената 17 ноября 1774 г.

¹ Речь идет о допросе Е. И. Пугачева 4—14 ноября 1774 г. (док. № 3).

² Войско Е. И. Пугачева находилось в Алатыре 23—24 июля 1774 г.

³ О пугачевских медалях, изготовленных алатырскими мастерами-серебряниками из рублевиков Петра I см. прим. 630 к док. № 3.

⁴ Данные о происхождении пугачевских медалей приведены в протоколах показаний И. А. Творогова и А. П. Перфильева (Пугачевщина. Т. 2. С. 152; Вопросы истории. 1973. № 8. С. 107).

⁵ В действительности в Яицком городке в феврале 1774 г. были изготовлены две печати. Первая из них — именная печать Е. И. Пугачева (с портретным изображением будто бы «Петра III»); этой печатью и скреплялись манифесты и указы Пугачева вплоть до начала июля 1774 г. Вторая печать — с изображением государственного герба России — двуглавого орла, держащего в лапах скипетр и державу; печать эта принадлежала повстанческой Военной коллегии и ею скреплялись ее указы.

⁶ Именную печать Е. И. Пугачева и печать повстанческой Военной коллегии изготовили находившиеся в Яицком городке серебряники из Рыбной слободы: мастер И. С. Токранов, подмастерья А. Иванов, И. Рыжей, П. Владимиров, а также армянин Григорий.

⁷ Шелег — медная монета с портретом Е. И. Пугачева (см. прим. 5 к док. № 5).

⁸ Во время нахождения повстанческого войска в Дубовке (17—19 августа 1774 г.) в него вступило до 200 волжских казаков, составивших Дубовский полк (см. прим. 733 к док. № 3).

⁹ Горский Василий Васильевич, сотник Астраханского казачьего полка, депутат Уложенной комиссии 1767 г. При вступлении войска Е. И. Пугачева в станицу Дубовку (17.VIII.1774) Горский вместе с другими жителями станицы участвовал в его торжественной встрече, находился в ставке Пугачева во время его похода к Царицыну. После поражения повстанческого войска в битве у Солениковой ватаги (25.VIII.1774) Горский бежал к Черному Яру, где

был схвачен карателями, потом содержался под следствием в Астрахани и в Москве. По определению Сената от 10 января 1775 г. Горский был лишен звания депутата, разжалован в рядовые казаки и отослан на прежнее местожительство.

¹⁰ При допросе в Казани В. В. Горский утверждал, что он вступил в повстанческое войско по принуждению сподвижников Е. И. Пугачева из числа дубовских казаков.

¹¹ Речь идет о поражении повстанческого войска в битве у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г.

¹² Бежав вместе с остатками повстанческого войска вниз по Волге, В. В. Горский вблизи реки Старицы скрылся от Е. И. Пугачева и направился к Черному Яру, где и был арестован.

¹³ Как показал при допросе В. В. Горский, казаки-повстанцы захватили у него «лошадей и все имение без остатку». Горский обращался в повстанческую Военную коллегию и к самому Пугачеву с просьбами о возвращении имущества (Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны. С. 201—206).

¹⁴ Витошнов Андрей Иванович (см. о нем прим. 184 к док. № 1).

¹⁵ Речь идет о повстанческой Военной коллегии (см. прим. 283 к док. № 1).

¹⁶ Имеется в виду команда старшины А. И. Витошнова (до 500 яицких казаков), которая 18 сентября 1733 г. была окружена под Яицким городком отрядом Е. И. Пугачева и перешла на его сторону.

¹⁷ Речь идет о группе яицких казаков «послушной» стороны, казненных повстанцами под Яицким городком 19 сентября 1773 г. (см. прим. 185 к док. № 1).

¹⁸ Чумаков Федор Федотович (см. о нем прим. 237 к док. № 1).

К ДОКУМЕНТУ № 9

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева
на очной ставке с О. И. Коровкой
в Московском отделении Тайной экспедиции
Сената 18 ноября 1774 г.

¹ Коровка Осип Иванович (см. о нем прим. 45 к док. № 1).

² В 1772 г. Е. И. Пугачев трижды заезжал в Кабанью слободу к О. И. Коровке и по несколько дней жил в его доме.

³ О. И. Коровка при допросе, происходившем 18 ноября 1774 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 336—343), перед очной ставкой с Е. И. Пугачевым решительно отвергал вымышленные показания Пугачева, данные им на допросах в Симбирске и в Москве относительно того, что будто бы он, Коровка, знал о намерении Пугачева объявить себя «Петром III» и увести яицких казаков на Кубань, обещая ему поддержку со стороны раскольников и на первый случай снабдил его 370 рублями.

⁴ Каверин Алексей (см. о нем прим. 56 к док. № 3).

⁵ Коровка Антон Осипович (см. о нем прим. 47 к док. № 1).

^{5-а} Кожевников Петр (см. о нем прим. 50 и 53 к док. № 2).

⁶ Долотин Иван Астафьевич (см. о нем прим. 72 к док. № 2).

⁷ «Криворотый купец» — один из двух добрянских купцов Крыловых (см. о них прим. 54 к док. № 2).

⁸ Филарет (см. о нем прим. 56 к док. № 1).

⁹ При допросах в Симбирске и в Москве Е. И. Пугачев дал вымышленные показания о том, что О. И. Коровка, И. А. Долотин и А. Ф. Кузнецов дали ему будто бы около 500 рублей.

¹⁰ «Алексей Семенов» — Логачев Алексей Семенович (см. о нем прим. 54 к док. № 1).

¹¹ При допросах в Симбирске и в Москве Е. И. Пугачев дал вымышленные показания о том, что Логачев при встрече в Добрянске с купцами Кожевниковыми и Крыловыми будто бы признал в нем, Пугачеве, сходство с Петром III.

¹² Речь идет о побеге Е. И. Пугачева с Дона в марте 1772 г.

¹³ Слобода Черниговка Валуйского уезда Белгородской губернии; Е. И. Пугачев явился туда во второй половине марта 1772 г.

¹⁴ Краснощекоев Алексей (см. о нем прим. 55 к док. № 3).

¹⁵ Е. И. Пугачев и А. Каверин приехали в Кабанью слободу к О. И. Коровке в конце марта 1772 г.

¹⁶ При возвращении весной 1771 г. из действующей армии Е. И. Пугачев по пути из-под Бендер на Дон оставил в слободе Крюковой под Кременчугом у крестьянина Усачева свои пожитки.

¹⁷ Каменский Михаил Федотович, генерал, в 1772 г. командир одного из корпусов русской армии на Правобережной Украине.

¹⁸ Речь идет о манифесте Екатерины II от 4 декабря 1762 г.

¹⁹ О паспортах, с которыми Е. И. Пугачев и А. О. Коровка отправились в июне 1772 г. за границу см. прим. 20 к док. № 2.

²⁰ Денисьев — в данном случае речь идет о донском казачьем полковнике Илье Федоровиче Денисове (см. о нем прим. 12 к док. № 1).

²¹ Е. И. Пугачев и А. Каверин отправились в село Протопоповку в конце марта 1772 г.

²² Е. И. Пугачев возвратился в Кабанью слободу около 20 июня 1772 г.

²³ См. выше, прим. 19.

²⁴ Е. И. Пугачев и А. О. Коровка переправились на правый берег Днепра у Кременчуга в 20-х числах июня 1772 г.

²⁵ О поездке Е. И. Пугачева с А. О. Коровкой в июне 1772 г. см. прим. 65 и 67 к док. № 3.

²⁶ Об этом же говорил при допросе в Тайной экспедиции Сената и О. И. Коровка (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 340 об.).

²⁷ Е. И. Пугачев и А. О. Коровка приехали в Ветку в самом конце июня 1772 г. Коровка возвратился домой в конце октября 1772 г.

²⁸ Речь идет о допросе Е. И. Пугачева 4—14 ноября 1774 г. (док. № 3).

²⁹ «Алексей Семенов» — Алексей Семенович Логачев.

³⁰ О добрянских купцах Крыловых см. прим. 54 к док. № 2.

³¹ Речь идет о Петре Кожевникове (см. о нем прим. 50 к док. № 2).

³² Паспорт, выданный Е. И. Пугачеву на Добрянском форпосте 12 августа 1772 г. (см. прим. 53 к док. № 1).

³³ Это свидетельство Е. И. Пугачева подтвердил на следствии в Москве и П. Кожевников (см. прим. 92 к док. № 3).

³⁴ Показание Е. И. Пугачева о паспортах, изготовленных в Черниговке, подтвердил и А. Каверин (см. прим. 94 к док. № 3).

³⁵ О. И. Коровка при допросе в Москве не упоминал о том, что получил от Е. И. Пугачева паспорта для себя и для членов своей семьи.

³⁶ Е. И. Пугачев и А. Каверин приехали в Кабанью слободу к О. И. Коровке 28 сентября 1772 г. (см. прим. 94 к док. № 3).

³⁷ Это показание Е. И. Пугачева подтверждается свидетельством О. И. Коровки на допросе 18 ноября 1774 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 340).

³⁸ О. И. Коровка и А. С. Логачев на допросах в Москве говорили, что Е. И. Пугачев призывал их уйти для поселения на Кубань (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 340; Ч. 3. Л. 72).

³⁹ Кузнецов Андрей Федорович (см. о нем прим. 7 к док. № 2), донской казак Глазуновской станицы, к которому Е. И. Пугачев и А. С. Логачев заезжали в октябре 1772 г.

⁴⁰ Некрасов Игнатий Иванович, донской казачий атаман, видный предводитель Булавинского восстания 1707—1709 гг., ушедший с двумя тысячами повстанцев на Кубань.

⁴¹ Это показание Е. И. Пугачева подтвердил на допросе в Москве А. Ф. Кузнецов (см. прим. 8 к док. № 2).

⁴² На допросах в Симбирске и в Москве Е. И. Пугачев утверждал, что А. Ф. Кузнецов будто бы вручил ему 74 рубля.

⁴³ Речь идет об О. И. Коровке, А. О. Коровке, П. Кожевникове, А. Ф. Кузнецове, И. А. Долотине, С. Н. Вершинине, Л. И. Худякове и др., о которых Е. И. Пугачев дал вымышленные показания на допросе в Симбирске (см. прим. 46 к док. № 2).

⁴⁴ Об истязании Е. И. Пугачева при допросе в Симбирске см. прим. 46 к док. № 2.

⁴⁵ Имеются в виду показания, которые Е. И. Пугачев дал на допросе 4—14 ноября 1774 г. (док. № 3).

К ДОКУМЕНТУ № 10

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева
и И. Н. Зарубина на очной ставке
в Московском отделении Тайной экспедиции
Сената 18 ноября 1774 г.

¹ «Чика» — прозвище Ивана Никифоровича Зарубина (см. о нем прим. 127 к док. № 1).

² «Самодуров» — прозвище яицкого казака Ивана Ивановича Пономарева. После подавления восстания 1772 г. на Яике Пономарев бежал и скрывался в скитах у старообряд-

цев у рек Большой Иргиз и Большой Узень. Осенью 1773 г. он был арестован, доставлен в Оренбург, где при допросах, стремясь избегнуть истязаний, пошел на дачу вымышленных показаний, заявив, что будто бы в конце июня 1773 г. он встретил на Узенях И. Н. Зарубина с группой казаков, однако потом признался, что предшествующие его показания были лживыми. В ноябре 1774 г. Пономарев находился под следствием. По определению Сената от 10 января 1774 г. Пономарев был освобожден без наказания с выдачей ему оправдательного паспорта.

³ Показание справедливое: Е. И. Пугачев с И. Н. Зарубиным-Чикой на Узенях в июне 1773 г. не бывали, а встретились они впервые в конце августа 1773 г. в Таловом умете под Яицким городком.

⁴ Пономарев (Самодуров) Яков Иванович (см. о нем прим. 269 к док. № 1).

⁵ Я. И. Пономарев убит в сражении 13 ноября 1773 г.

К ДОКУМЕНТУ № 11

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 28 ноября 1774 г.

¹ Речь идет о письме, написанном по просьбе Е. И. Пугачева крестьянином В. И. Поповым в конце декабря 1772 г. в Симбирске и адресованном игумену Филарету (см. прим. 62 к док. № 2).

² Филарет (см. о нем прим. 56 к док. № 1).

³ Попов Василий Иванович (см. о нем прим. 62 к док. № 2).

⁴ Конвой с арестованным Е. И. Пугачевым отправился из Малыковки 19 декабря 1772 г. и прибыл в Симбирск 28 декабря.

⁵ Речь идет о Василии Шмоткине (см. о нем прим. 66 и 67 к док. № 2).

⁶ О переговорах Е. И. Пугачева с конвоировавшими его В. И. Поповым и В. Шмоткиным см. прим. 67 к док. № 2.

⁷ В действительности Е. И. Пугачев не отдавал своих денег на сохранение игумену Филарету (см. прим. 70 к док. № 2).

⁸ В. И. Попов писал письмо в Симбирске в конце декабря 1772 г. (см. прим. 62 к док. № 2).

⁹ Е. И. Пугачев был доставлен в Симбирск 28 декабря 1772 г.

¹⁰ Так как конвой с Е. И. Пугачевым прибыл в Симбирск поздно вечером, когда уже закончились присутственные часы в провинциальной канцелярии, конвоиры с Пугачевым вынуждены были остановиться на ночлег на постоялом дворе.

¹¹ Речь идет о Евграфе Баженове (см. о нем прим. 75 к док. № 2).

¹² Имеется в виду секретарь Симбирской провинциальной канцелярии Петр Зайцев (см. о нем прим. 78 к док. № 2).

¹³ Конвой с арестованным Е. И. Пугачевым отправился из Симбирска 31 декабря 1772 г. и прибыл в Казань 4 января 1773 г.

¹⁴ Здесь Е. И. Пугачев ссылается на свое показание, данное на допросе 18 ноября 1774 г. (см. док. № 9).

¹⁵ Беседуя в январе 1773 г. с В. И. Поповым, Филарет заявил, что Е. И. Пугачев будто бы задолжал ему 100 рублей (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 10 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 445).

К ДОКУМЕНТУ № 12

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева
на допросе в Московском отделении
Тайной экспедиции Сената 1 декабря 1774 г.

¹ Речь идет о реляции М. Н. Волконского Екатерине II от 1 декабря 1774 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 393—393 об.), к которой были приложены протоколы показаний Е. И. Пугачева на допросах 15, 16, 17, 18 и 28 ноября 1774 г. (док. №№ 6—11).

² Филиппов Семен — Филиппов (Сытников) Семен Филиппович (см. о нем прим. 58 к док. № 1).

³ Е. И. Пугачев и С. Филиппов поехали из Мечетной слободы в Яицкий городок в середине ноября 1772 г.

⁴ Показание Е. И. Пугачева о разговорах с С. Филипповым относительно намерения увести яицких казаков на Кубань почти дословно подтвердил Филиппов при его допросе

3 декабря 1774 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 450 об.—451).

⁵ Речь идет о Таловом уме под Яицким городком, куда Е. И. Пугачев и С. Филиппов приехали в середине ноября 1772 г.

⁶ «Еремина Курица» — прозвище Степана Максимовича Оболяева (см. о нем прим. 104 к док. № 1).

⁷ Яицкие казаки Григорий Михайлович Закладнов и его брат Ефрем (см. прим. 113 к док. № 1).

⁸ Аналогичные данные о содержании своего разговора с Е. И. Пугачевым привел Г. М. Закладнов в показании на допросе 17 ноября 1774 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 234 об.—235 об.).

⁹ Е. И. Пугачев и С. Филиппов приехали в Яицкий городок к Д. С. Пьянову 22 ноября 1772 г.

¹⁰ Пьянов Денис Степанович (см. о нем прим. 59 к док. № 1).

¹¹ Речь идет о сформированном Военной коллегией в 1770 г. легионе, в котором должны были нести службу на Северном Кавказе 500 яицких казаков.

¹² Имеется в виду т. н. «непослушная» (иначе называемая «мятежная» и «войсковая») сторона яицкого казачьего войска, насчитывавшая в своем составе до 3000 казаков, которые выступали против попыток правительства ликвидировать старинные формы войскового самоуправления, против засилья старшин и их сторонников.

¹³ После подавления восстания 1772 г. на Яике был упразднен войсковой круг, отменена выборность атамана, изменены справедливые в своей основе формы распределения войсковых доходов и распорядки рыболовства, нарушены и другие старинные казачьи вольности и привилегии.

¹⁴ Речь идет о солдате Федоте Ивановиче Богомолове, который в марте 1772 г., будучи в станице Дубовке под Царицыном, самозванно объявил себя «императором Петром III» (см. о нем прим. 133 к док. № 1).

¹⁵ Ф. И. Богомоллов умер в сентябре 1772 г. в пути из Царицына в Астрахань, при конвоировании его на каторжные работы в Сибирь.

¹⁶ «Капитан Маслов» — см. прим. 132 к док. № 1.

¹⁷ Показания Е. И. Пугачева о разговорах, происходивших у него с Д. С. Пьяновым в Яицком городке в ноябре

1772 г., подтверждаются свидетельствами Пьянова на допросе в Оренбурге 10 мая 1774 г. (Пугачевщина. Т. 2. С. 116). Но Пьянов утаил от следствия то, что Пугачев тогда назвал себя «Петром III».

¹⁸ Черепанов (см. о нем прим. 135 к док. № 3).

¹⁹ Коновалов Семен Афанасьевич (см. о нем прим. 146 к док. № 1).

²⁰ Антипов Антип (см. о нем прим. 137 к док. № 3).

²¹ Багренье — зимний лов рыбы на Яике, производившийся с 18 по 25 декабря и с 6 по 31 января.

²² Тем не менее слух о побывавшем в доме у Д. С. Пьянова новоявленном «Петре III» широко распространился среди казаков.

²³ Е. И. Пугачев гостил у Д. С. Пьянова с 22 по 29 ноября 1772 г.

²⁴ Е. И. Пугачев возвратился в Таловый умет в начале декабря 1772 г.

²⁵ Речь идет о Г. М. Закладнове.

²⁶ Это утверждение Е. И. Пугачева подтверждается показаниями С. М. Оболяева и Г. М. Закладнова (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 229—229 об., 235 об.—236).

²⁷ Косов Степан Васильевич (см. о нем прим. 57 к док. № 1).

²⁸ В данном показании явная ошибка. В действительности арест Е. И. Пугачева 18 декабря 1772 г. произошел не в Мечетной слободе, а в Малыковке (см. док. № 1 и док. № 3; прил. П. Л. 2 об.).

²⁹ Речь идет, видимо, о протоколе показаний Е. И. Пугачева на допросе в Яицком городке 16 сентября 1774 г. (док. № 1).

К ДОКУМЕНТУ № 13

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 2 декабря 1774 г.

¹ Долгополов Астафий Трифонович (см. о нем прим. 105 к док. № 2).

² При встрече с Екатериной II и Г. Г. Орловым в Царском Селе 8 августа 1774 г. А. Т. Долгополов сообщил о некоем мальчике, постоянно находившемся при Е. И. Пу-

гачеве в его ставке, и не зная точно о его происхождении, полагал, что он либо из унтер-офицерских детей, либо же — и скорее всего — он сын царицынского купца Качалова. Екатерина II, получив известие об аресте Пугачева, отправила 3 октября 1774 г. рескрипт М. Н. Волконскому, которым предлагала установить «кто тот мальчик был, которого он прочил на место великого князя, и где тот мальчик, — сказывают: сержантский сын» (Оснадцатый век. М., 1869. Т. 1. С. 150). В связи с этим запросом и был допрошен Пугачев 2 декабря 1774 г.

³ Портнов Лазарь Иванович (см. о нем прим. 196 к док. № 1).

⁴ Портнов Иван Лазаревич (см. о нем прим. 203 к док. № 1).

⁵ Речь идет о привозе Е. И. Пугачева, арестованного заговорщиками, в Яицкий городок вечером 14 сентября 1774 г.

⁶ Имеется в виду отправление Е. И. Пугачева из Яицкого городка в Симбирск 18 сентября 1774 г.

⁷ Качалов Василий Александрович (см. прим. 106 к док. № 2).

К ДОКУМЕНТУ № 14

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева
на очной ставке с В. И. Поповым в Московском
отделении Тайной экспедиции Сената
3 декабря 1774 г.

¹ Попов Василий Иванович (см. о нем прим. 62 к док. № 2).

² Речь идет о протоколе показаний В. И. Попова на допросе 3 декабря 1774 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 440—444).

³ См. док. № 11.

⁴ Имеется в виду Василий Шмоткин (см. прим. 66 и 67 к док. № 2).

⁵ В. И. Попов утверждал при допросах, что при конвоировании Е. И. Пугачева из Малыковки в Симбирск он видел у того значительную сумму денег и будто бы восемь или девять «червонных» Пугачев вручил конвоиру

В. Шмоткину в качестве аванса за обещанное освобождение (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 440—447).

⁶ Речь идет о конвоире В. Шмоткине, которому Е. И. Пугачев дал в Сызрани 25 копеек на покупку вина.

⁷ Этим свидетельством Е. И. Пугачев отводит показания В. И. Попова о нахождении у Пугачева «червонных» денег (см. выше, прим. 4).

⁸ В. И. Попов утверждал при допросе, что Е. И. Пугачев будто бы говорил ему, что в день его ареста в Малыковке у него была значительная сумма денег, но они найдены при обыске и отобраны малыковским секретарем Петром Алексеевым (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 6—6 об.).

⁹ «Кум» — Степан Васильевич Косов (см. о нем прим. 57 к док. № 1).

¹⁰ На допросе в Казани В. И. Попов показал, что, разговаривая с Е. И. Пугачевым в Сызрани, он осведомился об имевшихся у того «червонных» деньгах, на что тот будто бы сказал: «Ето-де уже мне сунул кум [С. В. Косов] в Малыковке в то время, когда меня в сани посадили» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 6 об.). В аресте Пугачева в Малыковке С. В. Косов не участвовал, ибо находился в тот день у себя дома в Мечетной слободе.

К ДОКУМЕНТУ № 15

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева на очной ставке с И. Н. Зарубиным, М. Г. Шигаевым и Д. К. Караваевым в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 5 декабря 1774 г.

¹ Потемкин Павел Сергеевич (см. о нем прим. 3 к док. № 2).

² Яицкие казаки точно знали, что Е. И. Пугачев не «Петр III», а донской казак, — это свидетельство Пугачева подтверждается показаниями И. Н. Зарубина на допросе в сентябре 1774 г. в Казанской секретной комиссии (Пугачевщина. Т. 2. С. 131, 136). Знал об истинном происхождении новоявленного «Петра III» и яицкий казачий сотник Т. Г. Мясников, который, беседуя с илецким казаком М. Д. Горшковым, говорил, что казаки приметив

«проворство и способность» Пугачева, «вздумали взять его под свое защищение и его зделать над собою властелином и восстановителем своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев... И для сих-то самых причин вздумали мы назвать его, Пугачева, покойным государем Петром Федоровичем» (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 421. Л. 2—2 об.).

³ Шигаев Максим Григорьевич (см. о нем прим. 126 к док. № 1).

⁴ М. Г. Шигаев на допросе в Оренбургской секретной комиссии 8 мая 1774 г. признался, что он с первых дней знакомства с новоявленным «Петром III» — Е. И. Пугачевым — почитал его за самозванца (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 94 об.). На очной же ставке с Пугачевым в Москве 5 декабря 1774 г. Шигаев вопреки истине стал утверждать, что он будто бы не знал прежде о том, что новоявленный «Петр III» был не кто иной, как Пугачев.

⁵ Пьянов Денис Степанович (см. о нем прим. 59 к док. № 1).

⁶ Речь идет о солдате Федоте Ивановиче Богомолове, который в марте 1772 г., будучи в станице Дубовке под Царицыном, самозванно объявил себя «императором Петром III» (подробнее о Богомолове см. прим. 133 к док. № 1).

⁷ О «царицынском» самозванце Ф. И. Богомолове рассказывал Е. И. Пугачеву Д. С. Пьянов, а не Чика — И. Н. Зарубин.

⁸ Перфильев Афанасий Петрович (см. о нем прим. 426 к док. № 1).

⁹ Овчинников Андрей Афанасьевич (см. о нем прим. 181 к док. № 1).

¹⁰ О том, что Е. И. Пугачев, беседуя с ближайшими своими сподвижниками, говорил им о намерении, взяв Оренбург, идти со своим войском на Казань, а далее к Москве и Петербургу, имеются соответствующие свидетельства в протоколах показаний М. Д. Горшкова, И. Н. Зарубина, А. П. Перфильева, Т. И. Подурова, И. Я. и Я. Ф. Почиталиных (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 207 об., 214 об., 253, 335 об.—336, 372—372 об., 478 об.).

¹¹ Бородин Григорий Семенович (см. о нем прим. 341 к док. № 1).

¹² Под впечатлением от поражения повстанческого вой-

ска в битве 22 марта 1774 г. у Татищевой крепости М. Г. Шигаев на другой день согласился было с предложением Г. С. Бородина изменить Е. И. Пугачеву и бежать к неприятелю в Оренбург, но после не решился на это и возвратился к Пугачеву в Бердскую слободу (Пугачевщина. Т. 2. С. 104—106).

¹³ В данном показании М. Г. Шигаев говорит о том, что, возвратившись 29 августа 1773 г. в Яицкий городок после состоявшейся накануне встречи в Таловом умете с Е. И. Пугачевым, он не сделал доноса властям о Пугачеве и встречавшихся с ним казаках Д. К. Караваеве, И. Н. Зарубине, Т. Г. Мясникове.

¹⁴ Караваев Денис Константинович (см. о нем прим. 114 к док. № 1).

¹⁵ В данном случае Д. К. Караваев говорил о том, что он скрыл от властей факт своей поездки 27—28 августа 1773 г. в Таловый умет к Е. И. Пугачеву и не назвал ездивших туда казаков М. Г. Шигаева, И. Н. Зарубина и Т. Г. Мясникова.

К ДОКУМЕНТУ № 16

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева

на допросе в Московском отделении

Тайной экспедиции Сената 11 декабря 1774 г.

¹ Вяземский Александр Алексеевич (1727—1793), князь, генерал-прокурор Сената, играл ведущую роль в проведении судебного процесса в Москве над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками в декабре 1774 г. — январе 1775 г.

² Выписка из протокола показаний крестьянина К. С. Карасева на допросе, производившемся 18 августа 1774 г. в Казанской секретной комиссии (Пугачевщина. Т. 2. С. 185—186).

³ Карасев (Карась) Карп Степанович (1704—1774), крестьянин прикамского села Котловки. В первый раз он встретился с Е. И. Пугачевым в июне 1773 г., когда тот, бежав с алатским купцом П. П. Дружининым из казанского острога, побывал в селе Котловке. Когда год спустя, в самом начале июля 1774 г., Пугачев снова появился в этих местах,

проходя со своим войском от Осы к Казани и, встретившись с Карасевым, вручил ему именной указ, назначив его управителем Котловской волости. В середине августа Карасев был схвачен карателями и доставлен в Казанскую секретную комиссию, по приговору которой казнен в Котловке 6 ноября 1774 г.

⁴ Дружинин Парфен Петрович (см. о нем прим. 78 к док. № 1).

⁵ Е. И. Пугачев и П. П. Дружинин бежали из Казани 29 мая 1773 г.

⁶ В закамское село Сарсас Е. И. Пугачев приехал в середине июня 1773 г.

⁷ Речь идет о походе войска Е. И. Пугачева от Осы к Казани (конец июня — начало июля 1774 г.).

⁸ Речь идет о флагманском корабле каравана речных судов с хлебом, который захватили повстанцы на Каме под пригородом Осой 23 июня 1774 г.

⁹ Дворовая девушка помещика О. А. Тевкелева из села Терсы, захваченного войском Е. И. Пугачева в конце июня 1774 г.

¹⁰ Дворовую девушку привез в село Котловку к К. С. Карасеву пугачевский полковник Д. М. Загуменнов.

¹¹ Аналогично изложен этот эпизод в протоколе показаний К. С. Карасева (Восстание Емельяна Пугачева. Л., 1935. С. 58). Правда, Карасев ничего не говорил о том, что Е. И. Пугачев напомнил ему о своем приезде с П. П. Дружининым в Котловку летом 1773 г.

¹² В данном показании Е. И. Пугачев совершенно справедливо опровергает заявление К. С. Карасева, сделанное им на допросе 18 августа 1774 г. в Казанской секретной комиссии, что будто бы он, Пугачев, вместе с другим донским казаком приезжал в мае 1768 г. в Котловку к Карасеву, прожил у него два дня и, купив у крестьянина Степана Вавилова малое судно с дегтем, а у других крестьян большую партию холста, отправился на том судне Камой и Волгой для торговли к Царицыну. Сообщая все это, Карасев сослался на котловского крестьянина Ивана Александрова, который при встрече с Пугачевым в июле 1774 г. опознал в нем якобы того самого казака-купца, который приезжал в Котловку в мае 1768 г. (Восстание Емельяна Пугачева. Л., 1935. С. 58—59; Пугачевщина. Т. 2. С. 186). В действительности, как известно, в 1767—1768 гг. Пугачев с донской

казачьей командой есаула Е. Яковлева служил в корпусе генерал-майора П. Н. Кречетникова на Правобережной Украине.

¹³ К. С. Карасев утверждал на следствии, что Е. И. Пугачев будто бы пожаловал его «полковником над Котловской волостью» (Восстание Емельяна Пугачева. Л., 1935. С. 59, 60). В действительности же Карасев был назначен, видимо, не полковником, а атаманом, ибо он определялся не на командную должность в войске, а в гражданские администраторы.

¹⁴ Вавилов Степан и Александров Иван, котловские крестьяне, которые, судя по ошибочному показанию К. С. Карасева, были якобы очевидцами пребывания Е. И. Пугачева в Котловке в мае 1768 г. (Восстание Емельяна Пугачева. Л., 1935. С. 59). В действительности Пугачев в то время в Котловке не бывал, а впервые приехал в это село лишь летом 1773 г.

¹⁵ Войско Е. И. Пугачева подошло к реке Вятке 4 июля 1774 г.

К ДОКУМЕНТУ № 17

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева, С. Д. Пугачевой, И. А. Творогова и Ф. Ф. Чумакова на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 13 декабря 1774 г.

¹ Потапов Михаил Федорович — вымышленное лицо, в действительности не существовавшее. Оно было названо беглым рекрутом Я. С. Зацепиным на допросах в селе Сосновице и в Симбирске, причем Зацепин утверждал, что он будто бы был направлен к Е. И. Пугачеву с письмом от двоюродного брата его казака Пятиизбянской станицы М. Ф. Потапова.

² Буланин Федор Мартемьянович — лицо вымышленное, в действительности не существовавшее. Оно было названо Я. С. Зацепиным на допросе в Симбирске, причем Зацепин утверждал, что он был знаком с Буланиным, родным племянником Е. И. Пугачева по его матери.

³ Зацепин Яков Семенович, крестьянин села Переволоки Симбирского уезда, беглый рекрут, будучи

арестован, он состоял под следствием в селе Сосновице и в Симбирске, откуда отправлен в Москву. На допросе в Тайной экспедиции Сената 13 декабря 1774 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 437—439 об.) Зацепин признался в том, что на следствиях в Сосновице и Симбирске он, уstraшенный истязаниями, дал ложные показания относительно «родственников» Е. И. Пугачева, казаков М. Ф. Потапова и Ф. М. Буланина, в действительности не существовавших.

⁴ Пугачева Софья Дмитриевна (см. о ней прим. 10 к док. № 1).

⁵ Творогов Иван Александрович (см. о нем прим. 205 к док. № 1).

⁶ Чумаков Федор Федотович (см. о нем прим. 237 к док. № 1).

К ПРИЛОЖЕНИЮ I

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева
на допросе в Моздокской комендантской
канцелярии 9 февраля 1772 г.

¹ Речь идет о рапорте есаула У. Агафонова коменданту Моздокской крепости полковнику А. Ф. Иванову от 9 февраля 1772 г., в котором сообщалось об аресте Е. И. Пугачева казаками Моздокского полка (Акты о пребывании Пугачева в Моздоке // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1848. Кн. 1. С. 118—120).

² «Сказочные» казаки — те из донских казаков, а также лица из других сословий, которые «сказывались» (т. е. вызывались) пойти добровольцами в казачью службу на Кавказе (в Терском, Гребенском и др. казачьих войсках).

³ На допросе в Кизлярской комендантской канцелярии 16 января 1772 г. Е. И. Пугачев показал, что по приезде на Терек он поселился в доме у Харитона Малахаева, будто бы у своего двоюродного племянника (см.: Юдин П. Л. Пугачев — терец // Военно-исторический сборник. 1913. № 1. С. 23).

⁴ Татаринцев Павел Михайлович (см. о нем прим. 36 к док. № 3).

⁵ Данное свидетельство подтверждается показанием Е. И. Пугачева на допросе в Кизляре 16 января 1772 г., где

он сообщал, что в 1771 г. он будто бы в соответствии с указом Военной коллегии со «сказочными» казаками-донцами прибыл на поселение «в Моздокский край» (Юдин П. Л. Указ. соч. С. 23).

⁶ Билет, выданный 25 января 1772 г. атаманом Терского казачьего войска П. М. Татаринцевым казаку Дубовской станицы Е. Иванову (Пугачеву) на поездку в Ищорскую станицу на три недели (см. Акты о пребывании Пугачева в Моздоке. С. 120).

⁷ Печать не сохранилась.

⁸ «Заручная подписка» новопоселенцев — «сказочных» казаков Ищорской, Галагаевской и Наурской станиц — удостоверяла полномочия Е. И. Пугачева, избранного ими для ходатайства в Военной коллегии.

⁹ Билет, выданный 18 января 1772 г. атаманом Каргалинской станицы М. Макаровым казаку той же станицы Е. Иванову (Пугачеву) на поездку в Ищорскую станицу (см.: Акты о пребывании Пугачева в Моздоке. С. 121).

К ПРИЛОЖЕНИЮ II

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева на допросе в управительской канцелярии Малыковской дворцовой волости 18 декабря 1772 г.

¹ Речь идет о рапорте смотрителя Малыковской дворцовой волости И. В. Расторгуева в Малыковскую управительскую канцелярию от 17 декабря 1772 г. (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 413. Л. 1—1 об.).

² В действительности Е. И. Пугачеву в 1772 г. было 30 лет от роду (родился он в 1742 г.).

³ Ветка — слобода на реке Сож (см. прим. 50 к док. № 1).

⁴ Е. И. Пугачев вышел из-за рубежа в Россию в июне 1772 г.

⁵ Добрянский форпост (см. прим. 51 к док. № 1).

⁶ Паспорт, выданный Е. И. Пугачеву в Добрянском форпосте 12 августа 1774 г. (см. прим. 53 к док. № 1).

⁷ Е. И. Пугачев был в Яицком городке с 22 по 29 ноября 1772 г.

⁸ Пьянов Денис Степанович (см. о нем прим. 59 к док. № 1).

⁹ Наиболее полные и достоверные показания о своих разговорах с Д. С. Пьяновым дал Е. И. Пугачев на допросе 1 декабря 1774 г. (см. док. № 12).

¹⁰ То, что он, Е. И. Пугачев, вел разговоры с Д. С. Пьяновым, «смеючись, пьяной», — явная увертка, рассчитанная на то, чтобы вызвать снисхождение у следователей и избежать более тяжкого взыскания.

¹¹ См. выше, прим. 9.

¹² Филиппов (Сытников) Семен (см. о нем прим. 58 к док. № 1).

¹³ Е. И. Пугачев возвратился в Малыковку 15 декабря 1772 г.

¹⁴ Е. И. Пугачев был арестован в Малыковке 18 декабря 1772 г.

К ПРИЛОЖЕНИЮ III

— Протоколу показаний Е. И. Пугачева
на допросе в Казанской губернской канцелярии
7 января 1773 г.

¹ Брант Яков Ларионович (см. о нем прим. 88 к док. № 2).

² Речь идет о резолюции, проставленной 4 января 1773 г. на доношении Симбирской провинциальной канцелярии от 31 декабря 1772 г. (см. прим. 72 и 76 к док. № 1).

³ Имеется в виду доношение Симбирской провинциальной канцелярии казанскому губернатору Я. Л. Бранту от 31 декабря 1772 г. о препровождении арестованного Е. И. Пугачева из Симбирска в Казань (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 196—196 об.).

⁴ Прусская война — Семилетняя война 1756—1763 гг., в которой Е. И. Пугачев участвовал в кампаниях 1760—1762 гг.

⁵ Кривиллы — искаженное название польского города Короново, где в мае 1760 г. располагался корпус генерала З. Г. Чернышева и входящий в него донской казачий полк И. Ф. Денисова, в котором служил Е. И. Пугачев.

⁶ Денисов Илья Федорович (см. о нем прим. 12 к док. № 1).

⁷ Эпизод с наказанием Е. И. Пугачева за утерю лошади полковника И. Ф. Денисова подробнее изложен в показаниях Пугачева на допросе 16 сентября 1774 г. (док. № 1).

⁸ Ветка — слобода на реке Сож (см. прим. 50 к док. № 1).

⁹ Добрянский форпост (см. прим. 51 к док. № 1).

¹⁰ Стародубское ведомство — территория, на которой располагались селения слободского Стародубского казачьего полка.

¹¹ Климова слобода, один из центров старообрядчества.

¹² Филаретовский скит под Мечетной слободой (см. прим. 56 к док. № 1).

¹³ Филарет (Семенов) игумен (см. о нем прим. 56 к док. № 1).

¹⁴ Е. И. Пугачев был в Яицком городке с 22 по 29 ноября 1774 г.

¹⁵ Е. И. Пугачев был арестован в Малыковке 18 декабря 1772 г.

¹⁶ Аврамов Андрейян Пантелеевич (см. о нем прим. 74 к док. № 1).

Указатель имен

- Абаринов А. 314
Абдрафик Абдуллин (Абду-
лов) 28, 300
Абдурахим Абдрафиков 301
Аблай, султан 179, 196, 387,
401, 402
Абрамов А. П. — см. Авра-
мов А. П.
Абызов И. С. 208, 210, 316,
354, 416, 418
Авдеев Т. 128, 244
Аврамов (Абрамов) А. П. 65,
114, 150—152, 154, 242,
255, 336, 372—374, 448
Авчинников А. А. — см. Овчин-
ников А. А.
Агафонов У. 237, 238, 445
Агишев С. 101, 316
Акутин И. К. 79, 80, 167, 270,
272—274, 381
Александр, архимандрит 408
Александров И. 236, 443, 444
Алексеев А. 72, 262, 263
Алексеев П., канцелярист 120,
121
Алексеев П., священник 47
Алексей 129
Алибай (Альвей) Мурзагу-
лов 179, 388
Алфимов Н. 199, 310, 405
Альвей — см. Алибай Мурза-
гулов
Альмов И. П. 99, 310
Амброзиус Д. 110, 318
Андрущенко А. И. 11, 12, 14,
17, 18
Антипов А. 147, 230, 438
Антипов Г. А. 94, 296
Антипов Я. С. 187, 189, 192, 394
Антонов А. 81, 275, 370
Аптыш Тангаев (Тангаич) 91,
184, 289, 392, 393
Арапов И. Ф. 12, 15, 93, 94,
189, 190, 295, 297, 298, 396,
398
Арбузов Л. 238
Аристов И. С. 122, 350—352
Арсеньев Е. 251
Архаров Н. П. 38, 43, 45—48
Арыков Д. 323
Астраханкин И. 323
Астренев (Остренев) И. И. (он
же Иванов Иван) 89, 182,
184, 188, 286, 385, 389,
391
Ахшарумов И. 391
Ащеулов М. 253
Баженев Е. 112, 150, 228, 335,
371, 436
Байков В. 338
Бакалкин Я. 212, 323, 421
Балдин — см. Билдин П. З.
Балтай Идеркеев 78, 79, 86,
166, 169, 178, 184, 270, 272,
283, 290, 380
Баранга — см. Барын Мустаев
Баранов Н. 251
Баратаев А. М. 123, 206, 208,
209, 315, 354, 414, 416, 417
Барын (Баранга) Мустаев 81,
164, 270, 276, 379
Барятинский И. С. 423
Баусов П. П. — см. Пахомий
Башарин И. 183, 391
Башилов И. 101, 316
Башмаков М. Д. 203, 408
Бедряга А. Ф. 298
Бекренев П. А. 413
Белобородов (он же Шеклеин)
И. Н. 13—15, 17, 18, 51,
214, 303, 308, 311, 342, 358,
422, 423

- Белокопытов М. 202, 407
 Белоносов И. Ф. 390
 Бердников Ф. 370
 Бесштанов С. 294
 Бибииков А. И. 13—15
 Бибииков Ю. Б. 326
 Бикбай Усманов 83, 174, 278
 Билдин (Балдин) П. З. 183, 197, 299, 390, 402, 403
 Билдин С. 197, 402, 403
 Билов Х. Х. 83, 84, 175, 278, 279, 385, 386
 Билова А. И. 386
 Бирюков М. 59, 130
 Бичагов (Бичигов, Бичугов) И. Н. 113, 153, 337, 338, 373
 Богатырев С. 101, 316
 Богомоллов П. — см. Мамаев И. В.
 Богомоллов Ф. И. 229, 233, 234, 265, 437, 441
 Болотов А. Т. 46, 47
 Бородавкин А. И. 195, 401
 Бородин А. Н. 294
 Бородин Г. С. 16, 81, 96, 191, 234, 276, 299, 300, 398, 441, 442
 Бородин М. М. 21, 168, 191, 270, 272, 379, 382, 398, 422
 Бородин-Шара А. 288, 390
 Борянов А. И. 81, 275
 Бочкарев И. 183, 391
 Бошняк И. К. 315, 413
 Брант Я. Л. 100, 118, 150, 152, 154, 241, 255, 257, 310, 337, 373, 374, 447
 Брикнер А. Г. 34
 Брыкалин Ф. Г. 56, 134
 Брыкалина (урожд. Пугачева) У. И. 56, 134
 Буганов В. И. 8, 52
 Будащев И. 101, 317
 Буланин Ф. М. 236, 237, 444, 445
 Бурнов И. С. 49, 81, 168, 173, 212, 213, 272, 273, 322, 323, 382
 Буткевич И. 101, 318
 Буткевич И. Н. 204, 411
 Бьелке 43
 Быков П. А. 79, 80, 167, 168, 274, 381
 Быченин П. 323
 Вавилов Г. А. 98, 117, 195, 305, 344, 401
 Вавилов С. 235, 236, 443, 444
 Валленштерн К. И. 283, 288, 295
 Василий Федоров 61, 140, 249, 364
 Васильев М. — см. Михаила-Калмык
 Васильев С. 257, 258
 Веловская И. Д. 84, 176, 278, 279, 386
 Веловский И. Ф. 83, 174, 278, 279, 384
 Венеровский В. И. 318
 Вениамин (Пуцек-Григорович В. Г.) 257, 350, 351
 Вережкин М. И. 126, 358
 Вершинин С. Н. 111, 144, 335, 367, 370, 443
 Витошнов А. И. 12, 16, 80, 81, 83, 91, 96, 167, 170, 171, 181, 184, 191, 193, 220, 273—275, 290, 299, 302, 381, 399, 431
 Витошнов Я. А. 80, 167, 274, 380
 Витте, фон, А. 195, 401
 Владимиров П., казак 271
 Владимиров П., подмастерье 430
 Волженский С. 89, 182, 188, 287, 389, 396
 Волков Д. В. 37, 38
 Волков Ф. 202, 407
 Волконский М. Н. 25, 29—31, 33, 35—37, 44, 127, 216, 217, 226, 243, 326, 331, 340, 359, 426, 427, 436, 439
 Володимиров С. 423
 Вольтер Ф. М. 28, 34
 Воронцов С. Р. 381
 Всеволожский А. А. 204

- Вяземский А. А. 22, 31, 33,
35—45, 47, 48, 50, 113, 234,
257, 442
- Гагрин Д. О. 15, 17
- Галахов А. П. 29, 45, 127, 340,
359, 422, 204, 211, 271, 380
- Галицын П. М.— см. Голи-
цын П. М.
- Герасимов Г. Г. 204, 410
- Герасимов П. А. 185, 392, 393
- Герасимов Т. 371
- Гогель Ф. Ф. 205, 314, 412, 413
- Голев М. Т. 218, 427, 428
- Голицын М. А. 301
- Голицын М. М. 301
- Голицын (Галицын) П. М. 15,
16, 93—97, 117, 188—191,
193—195, 210, 211, 294,
295, 297—299, 301, 302,
325, 344, 385, 396—398,
419
- Гордеев П. 320
- Горлов Т. И. 125, 193, 195, 212,
213, 357, 399
- Горский В. В. 36, 220, 430, 431
- Горшенин И. П. 49
- Горшков М. Д. 12, 16, 29, 49,
85, 91, 96, 117, 173, 174,
181, 188, 193, 194, 218, 281,
290, 299, 302, 325, 344, 384,
397, 399, 429, 440, 441
- Грачев С. 414
- Греков В. 318, 320, 418
- Греков Т. Ф. 58, 129, 247, 361
- Григорий 430
- Григоричев И. 81, 275
- Григорьев И. 290
- Григорьев С. 204
- Гримм М. 34
- Гринев А. М. 118, 219, 345,
346, 429
- Гришечкин А. 270
- Грот Я. К. 40, 51
- Грязнов И. Н. 12, 13, 14
- Губанов А. 81, 276
- Губин И. 291
- Гуляев П. В. 204
- Гунниг Р. 33, 34
- Давилин Я. В. 78, 82, 100, 165,
167—170, 174, 180, 189,
197, 204, 211, 271, 380
- Даутбай, тархан 402
- Деколонг (Жсавье де Колонг) И.
А. 15, 17, 18, 98, 195, 196,
304—306, 342, 344, 401
- Демарин О. Х. 390
- Денисов В. 318, 320, 418
- Денисов И. Ф. 57, 65, 128, 129,
241, 245, 360, 425, 433, 447,
448
- Денисов К. П. 137, 318, 320,
362, 418, 422
- Денисов М. 318, 320, 418, 422
- Денисьев Д. 101, 223, 317
- Дербетев Ф. И. 179, 189, 298,
388, 396, 398
- Державин Г. Р. 51, 205, 314,
349, 412, 413
- Дехтерев К. И. 400
- Диц фон А. Т. 209, 317, 417,
427
- Дмитриев И. И. 46
- Дмитрий 394
- Долгополов (он же Иванов И.,
он же Трифонов А.) А.
Т. 49, 114—116, 197—199,
201, 216, 217, 231,
339—343, 359, 403—407,
426, 438
- Долгополов И. 271, 279
- Долгополов М. 253
- Долотин И. А. 111, 143, 144,
146, 222, 335, 366, 367, 432,
434
- Донсков (Донской) Д. Д. 96,
301, 399
- Донсков (Донской) Д. К. 96,
192, 193, 301, 399
- Дружинин М. П. 68, 156, 157,
255, 259, 375
- Дружинин П. П. 66—69, 112,
154—158, 234, 235,
255—259, 336, 338, 349,
374, 375, 442, 443

- Дружинин Ф. П. 67, 68, 112, 154, 156, 157, 255, 256, 259, 336, 374
- Дружинина Авдотья П. 156, 259, 375
- Дружинина Акулина П. 156, 259, 375
- Дружинина В. П. 156, 259, 375
- Дружинина Д. С. 68, 156, 157, 255, 259, 375
- Дружинина Е. П. 156, 259, 375
- Дружинина М. П. 68, 156, 157, 255, 259, 375
- Дубовов Д. 168, 382
- Дубовской Ф. И. 83, 277
- Дубровин Н. Ф. 31, 51, 333
- Дубровский (он же Трофимов И. С.) А. И. 51
- Дудкин С. 204
- Дундуков А. И. 21, 209, 317, 417, 418
- Дусали 124, 184, 186, 289, 355, 388
- Дьяконов М. 390
- Дынков И. П. 195, 305, 401
- Екатерина II Алексеевна 56, 10, 11, 13, 17, 19, 20, 22, 24, 25, 28, 84, 47—49, 52, 82, 108, 109, 129, 185, 190, 215, 223, 249, 244, 246, 247, 249, 250, 257, 265, 279, 286, 322, 324, 326, 339, 340, 342, 358—360, 363, 397, 419, 423, 424, 426, 433, 436, 438, 439
- Елагин В. 297, 397
- Елагин Г. М. 83, 175, 278, 279, 385
- Елагин Н. Г. 84, 86, 280, 283
- Елагина А. С. 176, 278
- Елагина Т. Г. — см. Харлова Т. Г.
- Елизавета Петровна, императрица 57, 117, 128, 184, 245, 360
- Елизаров Б. 204, 409, 410
- Емансары (Ямансарай, Ямансарай) Епаров 86, 178, 283, 387
- Ембекей, батырь 402
- Еремина (Еремкина) Курица — см. Оболяев С. М.
- Ермолова 128
- Ерофеев И. Е. 92, 292
- Ерусланов А. Д. 14, 18
- Ефимов И. 67, 114, 156, 256—258, 338, 374, 375
- Ефремов С. Д. 59, 247
- Жедерас де Л. 60, 247
- Железнов Т. Д. 323
- Жеребятников А. И. 174, 384
- Жеребятников И. Л. 174, 384
- Жерехов И. 187, 394
- Жигалин В. 323, 421
- Жижка М. В. 52, 358
- Жолобов Ф. Т. 18
- Забир Карамуллин 79, 169, 373, 382
- Загребин Я. 277
- Загуменнов Д. М. 443
- Заев Е. 11, 288, 289, 390, 391
- Зайцев П. 112, 150, 228, 336, 372, 436
- Закладнов Г. М. 26, 40, 41, 49, 71, 72, 159, 229, 230, 231, 260—262, 369, 370, 376, 437, 438
- Закладнов Е. М. 229, 369, 370, 437
- Заметаев И. П. 21
- Замшев (Шамшев) Ф. 113, 153, 337, 373
- Зарубин (Чика) И. Н. 8, 11, 12, 16, 29, 40, 41, 45, 47, 51, 73—78, 81, 119, 122, 161—167, 187, 189, 226, 233, 262, 264—267, 270, 276, 285, 288, 292, 299, 306, 347, 352, 353, 377—389, 397, 423, 434, 435, 440—442
- Зацепин Я. С. 237, 444, 445
- Зиминский П. Д. 411
- Зубков Н. 277
- Зыков А. В. 67, 155, 156, 257—259, 374
- Иван (Иоанн) IV Васильевич Грозный 34

- Иванов А., подмастерье 440
 Иванов А., священник 383
 Иванов А. Ф. 445
 Иванов Е. 341
 Иванов И., купец — см. Долгополов А. Т.
 Иванов И., офицер — см. Астренев И. И.
 Иванов К. — см. Фофанов К. И.
 Иванов С., подпоручик 408, 409
 Иванов С., священник 383
 Иглин В. 270, 379
 Иголкин А. 81, 275
 Идеркей (Идорка) Баймекон 77—79, 86, 91, 164, 166, 169, 178, 181, 270, 356, 379
 Идорка — см. Идеркай Баймекон
 Иловайский А. И. 21
 Иоанн Антонович, император-узник 36
 Иоанн (Черепанов), архимандрит 38
 Ионин А. 351, 352
 Иткул Ураев 195, 401
- Каверин А. И. 138, 139, 222, 223, 225, 249, 363, 366, 367, 370, 432, 433
 Казанцев А. 187, 394
 Казмин В. 251
 Калабродов С. 101, 216, 315, 413
 Калмыков И. 213, 323, 421
 Калмыков С. И. — см. Калмыцкой С. И.
 Калмыцкой (Калмыков) С. И. 179, 387
 Кальминский (Николаев Д.) Д. Н. 81, 82, 84, 169, 170, 171, 175, 275, 278, 279, 382, 383, 385
 Каменецкая А. С. 203, 409
 Каменский М. Ф. 223, 432
 Кандалинцев А. 69, 70, 121, 157, 158, 259, 349, 375
 Кандауров Д. И. 356
 Канзафар Усаев 40, 41, 49, 115, 307, 341—343
 Кар В. А. 11, 88, 117, 181, 182, 215, 285, 286, 343, 389, 403
 Караваяев Д. К. 8, 40, 41, 49, 72—75, 119, 159—162, 201, 234, 260—267, 347, 377—379, 440—442
 Карасев (Карась) К. С. 234—236
 Карась — см. Карасев К. С.
 Карга — см. Каргин Н. А.
 Каргин (Карга) Н. А. 77, 92, 187, 188, 292, 350, 394
 Каро (Кар, Каро) 215, 424, 425
 Карташев А. 182, 286, 287, 389
 Карташев М. 182, 389
 Карташев Ф. И. 81, 274, 275
 Касицын — см. Косицын Е.
 Качалов В. А. 231, 340, 343, 407, 439
 Кинджа, Кинжа — см. Кинзя Арсланов
 Кинзя (Кинджа, Кинжа) Арсланов 13, 87, 100, 178, 197, 211, 283, 284
 Кирпичев А. 174, 278, 384
 Кирпишников И. В. 261
 Киселев Ф. 188, 396
 Клепиков А. С. 99, 310
 Климов И. 101, 318
 Ключников М. 99, 198, 310, 404
 Книгин А. 101, 318
 Князев А. Т. 38
 Кобяков Ф. Ф. 200, 208, 315, 413
 Кожевников А. А. 75, 76, 162, 166, 167, 266, 267, 377, 378
 Кожевников М. А. 49, 75, 76, 78, 162—165, 266, 267, 270, 378, 379
 Кожевников П. 109, 110, 112, 121, 141—143, 145, 148, 222, 224—226, 332, 350, 364—366, 370, 432—434
 Кожевников С. А. 75, 77, 81, 164—167, 266, 270, 276, 378—380
 Кожевников С. В. 163, 166, 167, 270, 378
 Кожин Н. Н. 345

- Козлов И. И. 38
 Кознов А. Я. 204, 410
 Козьмин П. 284
 Колошин А. М. 38
 Колпаков И. 80, 167, 274
 Колпаков К. Е. 131, 134, 361
 Колпаков Я. 253
 Коновалов В. С. 16, 49, 76, 77, 96, 163, 165, 167, 191, 193, 211, 213, 267, 268, 270, 299, 322, 378, 398, 421
 Коновалов И. 80, 167, 274
 Коновалов С. А. 147, 187, 230, 268, 369, 394, 438
 Кононов С. 270
 Копеечкин П. Л. 178, 387
 Копьев П. Д. 101, 314
 Коровка (Коровкин) А. О. 61, 62, 106, 107, 139, 140, 144, 222—225, 249, 329, 362—364, 432, 433
 Коровка (Коровкин) О. И. 61, 62, 106, 107, 110, 111, 120, 138, 139, 143, 145, 146, 222—225, 249, 329, 330, 334, 335, 348, 363, 364, 366—368, 431—434
 Королев 128
 Короленько В. Г. 28, 29
 Корф А. А. 86, 90, 180, 282, 283, 288, 295, 388
 Косицын (Касицын) Е. 120, 347, 348
 Косов С. В. 62, 64, 72, 73, 146, 149, 160, 231, 252, 262, 263, 368, 376, 377, 438, 440
 Кочуров А. Т. 77, 78, 81, 270, 276
 Кочуров К. Т. 49, 270
 Кочуров П. Т. 49, 164, 379
 Кравин Ф. 425
 Краснощеков А. 138, 223, 224, 363, 432
 Краузе Х. 280
 Кречетников П. Н. 58, 246, 272, 316, 360, 444
 Крылов А. П. 167, 244, 267, 381
 Крылов Г. 109, 222, 224, 332, 333, 365, 432
 Крылов И. А. 244
 Крылов С. 140, 222, 224, 364
 Крылов Ф. 109, 332, 333, 365, 432
 Ксавье де Колонг — см. Деколлонг И. А.
 Кубарь Я. Я. 291
 Кудрин Ф. Г. 112, 335, 336
 Кузнецов А. Ф. 106—108, 110, 111, 144, 146, 225, 226, 328, 330, 335, 367, 370, 432, 434
 Кузнецов Е. П. 46, 96, 191, 193, 294, 299, 398
 Кузнецов П. М. 92, 93, 187, 188, 293, 294, 395
 Кузнецова У. П. — см. Пугачева У. П.
 Кузнецова М. П. — см. Шелудякова М. П.
 Кунишников С. 72, 260—263, 376
 Кусачкин В. 132, 328, 361
 Кутейников Е. Д. 120, 129, 130, 247, 320, 348, 361
 Кутейников Ф. 58, 102, 209, 210, 317—319, 417—419
 Куткин И. 317, 418
 Кшинин В. А. 270, 272, 382
 Лабзенов А. И. 261
 Лабзенов И. И. 80, 167, 274
 Ладъженский М. М. 412
 Лазарев — см. Портнов Л. И.
 Ламар П. 215, 423, 425
 Лаптев В. 248
 Лебедков П. Ф. 284
 Левочкин И. 421
 Легошин А. 188, 396
 Ленин В. И. 31, 327
 Леонтьев Г. — см. Ягунов Г. Л.
 Лепехин Я. 212, 323, 420
 Лихутин Н. 201, 407
 Логачев (Семенов) А. С. 62, 107, 109, 110, 141—145, 149, 215, 223—225, 251, 252, 328, 332, 335, 364—368, 370, 424, 432—434

- Логинов М. И. 81, 275, 300
 Львов С. Ф. 351, 352
 Лысов Д. С. 76, 77, 82, 83, 163, 167, 170, 171, 184, 186—188, 268—275, 378, 394, 395
 Маврин С. И. 25—27, 50, 104, 107, 214, 243, 244, 325—327, 347, 348, 357, 381, 421
 Мавродин В. В. 52
 Маденов М. П. 324
 Макаров Максим 238, 239
 Макаров Михаил 446
 Макаров (Федотов) Михаил Ф. 136, 137, 248, 362
 Максимов С. 304
 Малахаев Х. 238, 445
 Малахов В. И. 413
 Малковский М. С. 195, 401
 Мамаев (Богомоллов П.) И. В. 121, 256, 349, 350
 Манков В. 318, 418, 423
 Мансуров П. Д. 14, 15, 17, 98, 121, 297, 303, 349, 350, 400
 Марали, хан — см. Нурали, хан
 Марк 42
 Марковцев Ф. 323
 Мартынов М. Г. 38
 Маслов, капитан 74, 147, 148, 230, 265, 369, 437
 Маслов М. Я. 38
 Матвей 42
 Мелехов И. Г. 413
 Меллин К. Г. 21, 407, 410, 411, 422
 Меллин К. З. 101, 208, 316
 Мельгунов 420
 Мельгунов А. Н. 263
 Мельников (Мыльников) Н. 62, 140—143, 250, 251, 364
 Мендей Тюнеев 179, 388
 Меркульев В. 81, 275
 Метальников А. 203, 408
 Минеев Ф. Д. 117, 309, 311, 342, 345, 404, 406
 Миревич В. Я. 36
 Митрясов П. 262
 Митрясов Ф. 253
 Михайла-Калмык (в миру Матвей Васильев), старец-расколоучитель 140, 364
 Михайлов А. 240
 Махайлов И. 280
 Михайлов С. 187, 294, 295
 Михельсон И. И. 16—21, 54, 98, 100, 102, 196, 197, 200, 208, 210, 211, 215, 219, 264, 306, 311, 312, 319, 320, 321, 345, 353, 357, 402, 403, 405, 406, 414, 419, 420, 425
 Мищенко Г. А. 66, 67, 155—158, 256, 258, 259, 338, 374, 375
 Моисей 42
 Молчанов М. 356
 Морковцев О. 81, 276
 Москотиньев Н. 422
 Мостовщиков Н. А. 186, 393
 Муса Улеев (Мусалей) 177, 280, 300, 386
 Мусалей — см. Муса Улеев
 Мухин Н. 251
 Мухин П. 58
 Мыльников — см. Мельников Н.
 Мясников Т. Т. 8, 16, 26, 29, 73—77, 81, 96, 97, 161—163, 262, 264—266, 269, 275, 302, 377, 379, 440, 441
 Мясников-Пустыников И. С. 327
 Назаров Н. И. 273
 Назаров С. 287
 Наталья Алексеевна, цесаревна 115, 185, 198, 201, 393
 Наумов И. 179, 287, 388
 Наумов С. Л. 17, 273, 282, 295
 Небоков 224
 Недюжев Д. 128
 Недюжев Ф. 57
 Недюжева А. К. 128
 Недюжева С. Д. — см. Пугачева С. Д.

- Некрасов И. И. 63, 64, 149, 151, 225, 226, 254, 357, 371, 434
- Неулыбин И. И. 94, 296
- Неулыбин Я. И. 261
- Неустроев Ф. А. 118, 219, 345, 346, 429
- Нечаев П. А. 84, 176, 280, 386
- Никифоров И. 263
- Николаев Д. — см. Кальминский Д. Н.
- Новгородов С. 14
- Нурали, хан (Марали, хан) 78, 91, 124, 166, 169, 184, 271—273, 283, 355, 380, 381, 391, 392
- Оболяев (Еремина Курица, Еремкина Курица) С. М. 8, 49, 70—75, 158—161, 229—231, 260—264, 332, 346, 347, 369, 370, 377, 437
- Овчинников (Авчинников) А. А. 11, 13, 14, 17, 18, 80, 82, 88, 90, 93—95, 97, 98, 100, 101, 124, 167, 184, 186—191, 194, 195, 197, 199, 201—204, 211, 234, 274—276, 286, 290, 295—299, 303, 304, 321, 339, 349, 355, 356, 381, 383, 389, 391, 393, 394, 397, 398, 400, 441
- Овчинников В. 82, 172, 276, 383
- Овчинников Р. В. 10, 16, 52, 56, 284, 326, 344, 346, 355, 356, 385, 392, 397, 417
- Огородников А. И. 121, 122, 350—352
- Орлов А. 278
- Орлов А. Г. 392
- Орлов Г. Г. 340, 438
- Осипов В. 174, 278, 384
- Осипов Г. 239
- Осипов И. И. 54, 282
- Остренев — см. Астренев И. И.
- Павел Петрович, цесаревич 82, 89, 115, 116, 185, 186, 197—199, 201, 339, 341, 342, 393, 404
- Павлов Н. 60, 133, 244
- Павлов С. Н. 56, 59—61, 106, 107, 131—135, 244, 247, 248, 328, 361
- Павлова П. С. 132
- Павлова (урожд. Пугачева) Ф. И. 56, 59, 60, 131—133, 247, 328
- Падуров — см. Подуров Т. И.
- Пальчевский А. 101, 328
- Панин П. И. 20, 27, 31, 32, 37, 49, 58, 105, 120, 126, 127, 130, 214, 216, 247, 326, 327, 336, 359, 361, 414, 422, 426
- Панов Н. В. 112, 150, 372
- Папав А. В. 19, 99, 307, 309
- Паркер Ф. И. 362
- Пахомий (в миру Баусов П. П.), старообрядец, игумен 73, 160, 263, 377
- Пекарский М. Н. 282
- Пенчуков С. 104, 243, 244
- Персианинов — см. Торнов В. И.
- Персидский В. М. 123, 210, 354, 355, 418
- Персидский И. М. 123, 124, 354
- Перфилов В. 318, 320, 418
- Перфильев А. П. 13, 40, 41, 45—48, 100, 102, 123, 185—188, 194, 195, 197, 209, 217, 234, 279, 312, 321, 322, 339, 341, 342, 392, 393, 395, 397, 400, 427, 428, 430, 441
- Петр I Алексеевич 58, 119, 120, 220, 347, 348, 408
- Петр III Федорович 7—10, 23, 24, 28, 32, 34, 39, 57, 71, 72, 74, 79, 81—83, 86, 105, 108—111, 115, 119, 121, 128, 129, 141—143, 145, 147—149, 152, 154, 159, 169, 171, 172, 186, 187, 201, 223, 229, 230, 244—246, 249, 265, 267, 318, 325, 327, 328, 331, 342, 347, 349, 360, 367, 369, 377, 423, 424, 420, 432, 440, 441, 442
- Пивнев И. 251
- Пименов Р. 128, 360
- Платонов И. 214, 216, 423

- Плотников (Якимов В.) В. Я. 40, 41, 49, 163, 164, 266, 268, 269, 271, 378—380
- Плохов Д. 136
- Повало-Швейковский (Шватковский) Н. З. 31, 199, 405
- Подуров (Падуров) Т. И. 16, 36, 40, 45, 47, 51, 83, 175, 191, 279, 295, 299, 302, 325, 385, 397, 423, 428, 441
- Подьячев К. 80, 167, 247
- Поздеев Г. 318, 320, 418, 422
- Позняков А. С. 62, 64, 65, 111, 121, 144, 145, 149, 252, 254, 334, 349, 367, 371
- Полстовалов И. 101, 314
- Поляков В. К. 116, 201, 343, 406
- Поляков Г. 355
- Полянский И. С. 54, 282
- Пометайла — см. Заметаев И. П.
- Пономарев И. А. 186, 261
- Пономарев (Самодуров) И. И. 226, 227, 434, 435
- Пономарев (Самодуров) Я. И. 81, 90, 180, 227, 276, 288, 388, 435
- Попов В. И. 111, 112, 149, 150, 227, 231, 232, 333, 334, 348, 371, 435, 436, 439, 440
- Попов И. (из Камышина) 316, 354, 416
- Попов И. (с Терека) 238
- Попов Н. 101, 314
- Портнов И. Л. 83, 231, 277, 439
- Портнов (Лазарев) Л. И. 82, 83, 172, 173, 231, 276, 277, 383, 384, 439
- Потапов М. Ф. 236, 237, 444
- Потемкин Г. А. 28, 48, 234
- Потемкин П. С. 26—33, 35—38, 40, 41, 43, 47, 105, 109, 126, 214, 233, 243, 244, 325—327, 331, 342, 343, 345, 347, 351, 352, 358, 421, 426, 429
- Почиталин И. Я. 12, 16, 24, 26, 29, 49, 51, 77, 78, 81, 85, 89, 91, 95, 163—167, 170, 171, 175, 177, 178, 181, 184, 191, 193, 215, 269, 270, 281, 282, 292, 293, 299, 302, 325, 344, 353, 379, 380, 397—399, 423, 425, 441, 442
- Почиталин Я. Ф. 49, 266, 378, 379, 397, 441
- Протасьев В. Г. 203, 408
- Протопопов 183
- Протопопов М. Д. 206, 207, 414, 415
- Протопопов С. 371
- Пугачев Д. И. 56, 127, 136, 244, 360
- Пугачев Е. И. — повсюду
- Пугачев И. М. 56, 127, 244, 360
- Пугачев М. 127
- Пугачев Н. Д. 127
- Пугачев С. Е. 58
- Пугачев Т. Е. 49, 58, 100, 129, 136, 187, 200, 246, 247, 293, 311, 360, 395, 406, 419, 422
- Пугачев Ф. М. 335
- Пугачева А. Е. 49, 58, 59, 100, 130, 136, 187, 200, 246, 247, 293, 311, 361, 395, 406, 419
- Пугачева А. М. 60, 61, 127, 132—134, 247, 360
- Пугачева (урожд. Хомутихина) Н. Н. 127, 156, 361
- Пугачева (Пугачиха, урожд. Недюжева) С. Д. 49, 57, 60, 100, 120, 128, 133—136, 187, 200, 210, 212, 217, 236, 237, 245—247, 293, 311, 347, 360, 395, 406, 419, 422, 427, 444, 445
- Пугачева (урожд. Кузнецова) У. П. 49, 92, 93, 187, 188, 245, 292—294, 299, 395
- Пугачева Ф. И. — см. Павлова Ф. И.
- Пугачева Х. Е. 49, 58, 100, 130, 136, 187, 200, 246, 247, 293, 311, 361, 395, 406, 419
- Пугачиха — см. Пугачева С. Д.
- Пугов В. А. 114, 340, 343, 407

- Пустобаев П. А. 49, 102, 124, 321, 322, 356
 Пустоханов И. Я. 290
 Пушкин А. С. 6, 24, 31, 36, 50, 100, 282, 288, 345, 388, 405
 Пьянов Д. С. 7, 24, 26, 63, 64, 108, 110, 119, 121, 147—149, 159, 187, 229, 230, 233, 240, 253, 254, 261, 267, 331—333, 346, 347, 349, 369, 370, 395, 437, 438, 441, 447
 Пяткин 198, 404
 Радищев А. Н. 23
 Ражев М. В. 14
 Размахи В. И. 404
 Раим 196, 402
 Раннев Ф. 80, 167, 267, 274
 Расторгуев И. В. 239, 371, 446
 Рейнсдорп И. А. 81, 89, 117, 174, 177, 184, 272, 280—282, 285, 287, 301, 344, 384, 389
 Речкии С. Л. 188, 189, 292, 298, 396, 398
 Рихтер И. 302
 Родионов И. А. 100
 Романов С. 101, 317
 Ружейников И. 80, 167
 Румянцев П. А. 249
 Рунич П. С. 28
 Рыбаков Д. Г. 67, 68, 114, 156, 256, 258, 259, 338, 374, 375
 Рыбинский И. 277
 Рыжей И. 430
 Рычков П. И. 54, 282, 381
 Савинов А. 415
 Савинич Н. 174, 278, 384
 Садык Сеитов 211, 212, 420
 Саидали, султан 124, 181, 290, 355, 388
 Салават Юлаев 11, 15, 21, 196, 306, 307, 359, 402
 Салманов А. М. 123, 206, 208, 315, 354, 404, 416
 Салтыков-Щедрин М. Е. 26
 Самодуров И. И.— см. Пономарев И. И.
 Самодуров Я. И.— см. Пономарев Я. И.
 Самострелов И. 199, 405
 Самуил (Мисловский), епископ 44
 Сарвилов М. Н. 195, 401
 Сафронов И. 239
 Светенко А. С. 55
 Севастьянов В. 390
 Седачев А. 302
 Седухин (Хлебников) И. И. 113, 153, 154, 337, 338, 373
 Семенов А.— см. Логачев А. С.
 Семенов С. 176, 385, 386
 Семенов Ф.— см. Филарет
 Сенгилевцев Т. П. 261
 Сергеев А. А. 52, 358
 Серебряцов Я. Д. 178, 387
 Серебряков П. Д. 195, 305, 401
 Сиверс Я. Е. 34
 Сидоровкин В. 80, 167, 274
 Симонов И. Д. 76, 91, 185, 186, 261, 267, 268, 270, 272, 273, 289, 291, 294, 296, 349, 381, 382, 392, 393
 Сипягин В. О. 409
 Ситников Е. 277
 Ситников К. Е. 86, 283
 Ситников (Толкачев М.) М. И. 92, 187, 291, 294, 394
 Скачков Т. И. 49
 Скворкин (Шкворкин А.) А. П. 79, 168, 169, 272, 382
 Скворкин (Шкворкин П.) П. 168
 Скопин А. 83, 278
 Скобычкин Д. Г. 12, 181, 290, 388, 389
 Скоробогатов Н. 130
 Скоробогатова (Скоробогатая) 130, 131
 Скрипицын Ф. Д. 19, 99, 117, 198, 307—310, 344, 345, 404
 Скуратов (Шкуратов) П. 205, 412, 413
 Сленистов Ф. 318
 Сляусин Кинзин 197, 403
 Смалков С. А. 174, 384

- Смирнов С. М. 99, 117, 198, 309, 310, 344, 345, 404
- Соколов А. 302
- Соколов (Хлопуша) А. Т. 14, 26, 84, 85, 88, 176, 177, 182, 183, 194, 280, 281, 288, 295, 325, 386, 389, 390, 391
- Соколов Г. 175, 279, 385
- Соколов Т. 284
- Солеников В. 320
- Солодовников И. О. 81, 85, 184, 276, 282, 287, 387, 391
- Соломон 43
- Сомов А. И. 298
- Станиславский С. К. 17
- Старицкий И. А. 204, 411
- Степанов И. 408
- Струняшев Е. 356
- Ступишин Е. А. 303, 304
- Суворов А. В. 21, 27, 214, 422
- Судачихин Е. 81, 275
- Сулдешов Е. З. 202, 407, 408
- Сулин С. Н. 419
- Супонин (Супонев) С. 181, 290, 389
- Сурин И. М. 301
- Сурин П. И. 175, 389
- Сутормин Я. С. 390
- Суффольк 34
- Суходольский А. Е. 311
- Сытников С. Ф.— см. Филиппов С. Ф.
- Сюзюк Малаев 270
- Талин А. К. 284
- Тамбовцев И.
- Тамбовцев П. В. 253
- Тангаев, Тангаич — см. Аптыш Тангаев
- Тарарин С. 314, 315, 413
- Тарасов К. 123, 214, 352, 423
- Татаринцев П. М. 132, 136, 238, 239, 361, 362, 445, 446
- Творогов И. А. 12, 21, 49, 83, 91, 96, 103, 172, 173, 181, 183, 191, 193, 197, 198, 206, 209, 211—213, 215, 219, 236, 237, 277, 283, 290, 299, 308, 309, 322—325, 346, 383, 404, 421, 425, 429, 430, 444, 445
- Тевкелев О. А. 443
- Темнов А. 302
- Тимашев И. Л. 17
- Тимонин И. 323
- Тимофеев И. 21
- Тихановский С. К. 97, 98, 194, 303, 400
- Тихонов Ф. 128, 129
- Токранов И. С. 430
- Токтагул Ермаков 192, 399
- Толбаев Б. Ф. 175, 385
- Толкачев А. П. 164, 165, 193, 197, 292, 380, 399
- Толкачев М. И.— см. Ситников М. И.
- Толкачев М. П. 12, 91—93, 184—187, 298, 290, 292, 294, 391—393
- Толкачев П. П. 49, 77, 92, 164, 165, 271, 292, 293, 380
- Толкачев Семен П. 16, 92, 292, 359
- Толкачев Степан П. 292
- Толкачева А. П. 292—294
- Толмачев А. Д. 101, 205, 206, 315, 355, 413, 418
- Толстов Я. 80, 167
- Толстой Н. В. 100, 199, 310, 405
- Томашевский А. 251
- Торнов (Персианинов) В. И. 29, 40, 41, 45, 47, 218, 219, 279, 428, 429
- Траубенберг М. М. 63, 71, 253, 260, 267
- Треногин П. 99, 308
- Трифонов А. 284
- Трифонов А. — см. Долгополов А. Т.
- Трифонов В. С. 261
- Трофимов И. С.— см. Дубровский А. И.
- Туманов Г. 12, 14, 17, 196, 401, 402
- Тугаев Г. 302
- Тюмин А. А. 311

- Убаши, хан 355
 Удалов П. И. 336
 Уланов Б. С. 284
 Ульянов Иван И. 261, 352
 Ульянов Илья И. 16, 49, 122, 187, 189, 352, 353, 394, 397
 Упак Абзямов 196, 402
 Уразгильды Аманов 78, 166, 270, 272, 273, 381, 383
 Ураков В. Г. 195, 305, 401
 Урамбай, батырь 402
 Усачев 224, 432
- Федоров Е. 262
 Федоров М. 370
 Федулев В. М. 212, 420
 Федулев И. П. 21, 49, 103, 194, 210—214, 283, 322, 324, 346, 400, 421
 Фигнер А. 83, 174, 278
 Филарет (Семенов), игумен-старообрядец 62, 63, 108—114, 122, 143, 145, 146, 150, 151, 153, 154, 157, 200, 222, 223, 225—227, 242, 253, 264, 330, 333—338, 352, 366, 368, 371, 372, 435, 436, 448
 Филимонов К. С. 187
 Филипов С. — см. Филипов С. Ф.
 Филиппов (Филипов, он же Сытников С. Ф.) С. Ф. 7, 63—65, 70, 108, 119, 146, 147, 149, 151, 228—231, 240, 252, 253, 260, 330—332, 346, 369—372, 436, 437, 447
 Фок И. М. 304
 Фомин П. А. 205, 314, 412, 413
 Фомин Т. Ф. 130, 136, 361
 Фофанов И. А. 396
 Фофанов (Иванов К.) К. И. 76, 163, 269, 322
- Франц М. Н. 195, 401
 Фрейман Ф. Ю. 13, 15, 17, 63, 253, 254, 273, 378
 Фридрих II 57, 128, 246, 360
- Хабалеров П. 83, 174, 278
 Харитон — см. Малахаев Х.
 Харлов З. И. 83, 174, 278, 384, 385
 Харлова (урожд. Елагина) Т. Г. 84, 86, 279, 280, 283
 Харчев И. С. 49
 Харчев (Харчов) П. О. 103, 214, 324, 325, 421
 Хлебников И. И. — см. Седухин И. И.
 Хлопуша А. Т. — см. Соколов А. Т.
 Ходин В. 114, 208, 341, 416
 Хомутихин Н. 127
 Хомутихина Н. Н. — см. Пугачева Н. Н.
 Хохлов И. 323
 Худяков Л. И. 61, 106, 137, 248, 328, 348, 362, 363, 434
 Худяков П. Л. 61, 106, 120, 137, 138, 248, 328, 348, 362, 363, 434
- Ценден-Даржа 120, 210, 318, 356, 357, 418, 420
- Чаадаев О. 101, 314
 Черепанов 147, 230, 369
 Черкасов Л. 396
 Черкашенинов В. 390
 Черников И. Б. 123, 214, 353, 423
 Чернухин М. В. 270
 Чернышев З. Г. 57, 245, 246, 360, 447
 Чернышев П. М. 11, 89, 90, 128, 179, 180, 287, 288, 388

- Черторогов П. 80, 167, 274
 Черуфеев Н. К. 195, 305, 401
 Чибикеев Ф. А. 270
 Чижев С. 200, 406
 Чика — см. Зарубин И. Н.
 Чукалин П. 80, 167, 274
 Чулошников А. П. 44
 Чулошников Н. Л. 298, 398
 Чумаков П. Н. 238
 Чумаков (Чюмаков) Ф. Ф. 21, 49, 86, 101, 103, 114, 173, 179, 193, 198, 201, 203—205, 211—213, 220, 236, 237, 283, 299, 314, 321—325, 341, 342, 346, 384, 404, 408, 421, 431, 444, 445
 Чучков А. С. 49, 72, 73, 262—265
 Чюмаков Ф. — см. Чумаков Ф. Ф.
- Шаешников А. 276
 Шамшев — см. Замшев Ф.
 Шахматев (Шихматев) М. М. 203, 408, 409
 Шванвич (Шванович) М. А. 49, 89, 117, 182, 184, 215, 286, 287, 290, 343, 344, 389, 391, 425
 Шванович — см. Шванвич М. А.
 Шватковский — см. Повало-Швейковский Н. З.
 Шеварновский Р. С. 75, 266
 Шеклеин И. см. Белобородов И. Н.
 Шелудяков С. М. 293, 294
 Шелудякова (урожд. Кузнецова) М. П. 293, 294
 Шеншин Д. 101, 317
 Шешковский С. И. 29, 30, 32, 44, 127, 331, 358, 359, 423, 424
 Шигаев М. Г. 8, 12, 16, 24, 29, 40, 45, 47, 48, 51, 73—75, 91, 93, 96, 117, 161, 162, 167, 170, 181, 184, 186, 187, 191—193, 234, 262, 264, 266, 267, 279, 290, 295, 325, 343, 347, 395, 397, 428, 440—442
- Шилов И. 101, 317
 Шихматев — см. Шахматев М. М.
 Шкворкин А. П. — см. Скворкин А. П.
 Шкворкин П. — см. Скворкин П.
 Шкуратов — см. Скуратов П.
 Шмоткин В. 111, 149, 150, 227, 334, 371, 435, 439, 440
 Шолохов С. 165, 380
 Шукур Абзямов 196, 402
- Щелоков (Щолоков) В. Ф. 112—114, 122, 146, 151, 152, 154, 336, 337, 352, 368, 372, 374
 Щолоков — см. Щелоков
- Эгильон де герцог 424
- Юлай Азналин 402
 Юматов И. Г. 204, 205, 412, 413
 Юнгер Т. 415
- Ягунов (Леонтьев) Г. Л. 193, 311, 399
 Ягунов П. Л. 49
 Якимов В. — см. Плотников В. Я.
 Яковенков Е. 251
 Яковлев Е. 58, 129, 360, 444
 Яковлев И. 294
 Яман-Сарай — см. Емансары Епаров

Содержание

Введение	5
----------------	---

Документы

№ 1. — Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Яицкой секретной комиссии 16 сентября 1774 г.	56
№ 2. — Протокол допроса Е. И. Пугачева в следственной комиссии в Симбирске, — записи вопросных пунктов следователей и ответов подследственного 2—6 октября 1774 г.	105
№ 3. — Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 4—14 ноября 1774 г.	127
№ 4. — Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 4 ноября 1774 г.	216
№ 5. — Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 8 ноября 1774 г.	217
№ 6. — Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 15 ноября 1774 г.	218
№ 7. — Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 16 ноября 1774 г.	219
№ 8. — Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 17 ноября 1774 г.	220
№ 9. — Протокол показаний Е. И. Пугачева на очной ставке с О. И. Коровкой в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 18 ноября 1774 г.	222
№ 10. — Протокол показаний Е. И. Пугачева и И. Н. Зарубина на очной ставке в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 18 ноября 1774 г.	226
№ 11. — Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 28 ноября 1774 г.	227
№ 12. — Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 1 декабря 1774 г.	228
№ 13. — Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 2 декабря 1774 г.	
№ 14. — Протокол показаний Е. И. Пугачева на очной ставке с В. И. Поповым в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 3 декабря 1774 г.	

№ 15. — Протокол показаний Е. И. Пугачева на очной ставке с И. Н. Зарубиным, М. Г. Шигаевым и Д. К. Каравасевым в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 5 декабря 1774 г.	
№ 16. — Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 11 декабря 1774 г.	234
№ 17. — Протокол показаний Е. И. Пугачева, С. Д. Пугачевой, И. А. Творогова и Ф. Ф. Чумакова на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 13 декабря 1774 г.	236
Приложение I — Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Моздокской комендантской канцелярии 9 февраля 1772 г.	237
Приложение II — Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в управительской канцелярии Малыковской дворцовой волости 18 декабря 1772 г.	239
Приложение III — Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Казанской губернской канцелярии 7 февраля 1773 г.	241

Примечания

К документу № 1	243
К документу № 2	325
К документу № 3	358
К документу № 4	426
К документу № 5	427
К документу № 6	427
К документу № 7	429
К документу № 8	430
К документу № 9	431
К документу № 10	434
К документу № 11	435
К документу № 12	436
К документу № 13	438
К документу № 14	439
К документу № 15	440
К документу № 16	442
К документу № 17	444
К Приложению I	445
К Приложению II	446
К Приложению III	447
Указатель имен	449

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ НА СЛЕДСТВИИ

Сборник документов и материалов

Сост. Р. В. Овчинников и А. С. Светенко

Издатель А. Кошелев

Подписано в печать 05.05.97. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура «Школьная».

Усл. печ. л. 24,36. Заказ № 1837 Тираж 2000.

Издательство «Языки русской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.

Тел. 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: sch-Lrc.msk.ru

Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН.

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

Оптовая реализация — тел.: (095) 247-17-57.

Костюшин Павел Юрьевич.

Проезд: Метро «Парк Культуры», здание изд-ва «Прогресс».

Foreign customers may order the above titles

by E-mail: Lrc@koshelev.msk.ru

or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

Реджинальд Васильевич Овчинников — русский историк (родился в 1926 г. в Сибири), доктор исторических наук. Окончил Московский государственный историко-архивный институт. В центре его научных интересов две темы — история Пугачевского восстания 1773—1775 гг. и отображение событий этого восстания в произведениях А. С. Пушкина и в его рукописном наследии. По этим сюжетам Р. В. Овчинников опубликовал сотни работ, в том числе монографии «Пушкин в ра-

боте над архивными документами» (Л., 1969), «Манифесты и указы Е. И. Пугачева» (М., 1980), «Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками» (М., 1995), выпустил в свет документальные сборники «Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» (М., 1975), «Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии» (Уфа, 1975) и др. научные публикации источников, издал ряд научно-популярных книг и очерков о «пугачевской» теме в творчестве А. С. Пушкина.

ЕМЕЛЯН ПУГАЧЕВ НА СЛЕДСТВИИ

